

ГРЕКИ РОССИИ И УКРАИНЫ

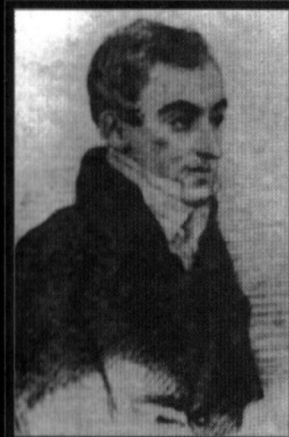
Краснодар, ул. Красная
Бывший дом греческого купца

Крымск. Здание краеведческого музея
Бывшая греческая гимназия

Надгробия на греческих могилах
Резьба по камню.
Собрание Краснодарского краеведческого музея

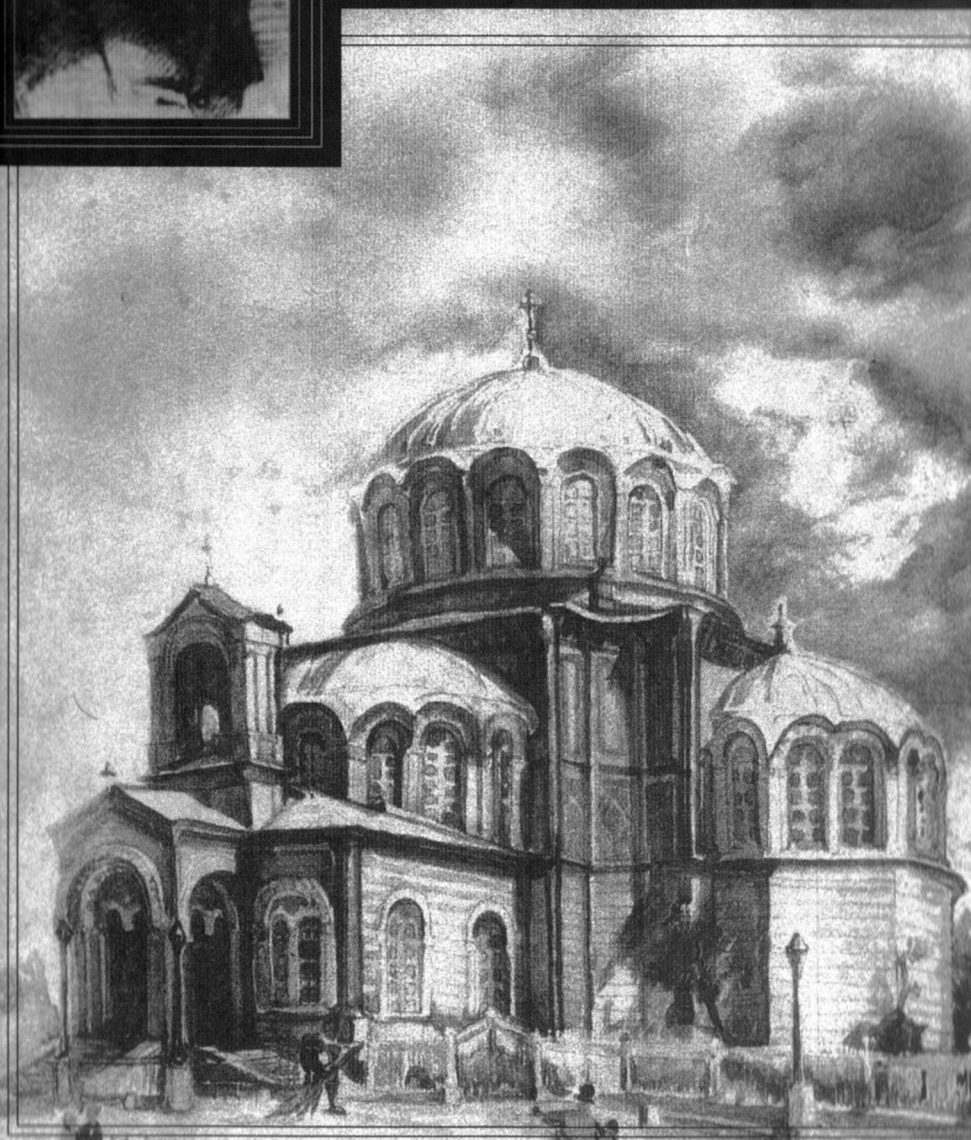
Первая страница обложки:
И. А. Каподистрия
Портретный рисунок работы О. А. Кипренского

Греческая посольская церковь
во имя святого Дмитрия Солунского
в Санкт-Петербурге
Построена в 1861 — 1866 гг. Разрушена в 1964 г.

ГРЕКИ

РОССИИ И УКРАИНЫ

Серия

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основана в 2003 году
при участии

ФОНДА ГРЕЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«КУЛЬТУРА РОССИИ»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
АССОЦИАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
РОССИИ

ГРЕКИ

РОССИИ И УКРАИНЫ

Составитель и ответственный редактор
Ю. В. Иванова

АЛЕТЕЙЯ
Санкт-Петербург
2004

УДК 39(470+477)(=774)
ББК 63.5(2Рос+4Укр)
Г80

*Издательство благодарит Чеховский завод «Гидросталь»
и лично генерального директора
Александра Дмитриевича Кесова
за содействие в издании этой книги*

Г80 **Греки России и Украины** / Сост., отв. ред. Ю. В. Иванова. — СПб.: Алетейя, 2004. — 624 с.; илл. — (Серия «Новогреческие исследования»).
ISBN 5-89329-643-5

Греки — потомки одного из древнейших народов Европы — не случайные гости в России. Более 1000 лет назад возле Херсонеса свершилось крещение Руси, для чего туда прибыли греческие священники из Константинополя. С XIV века в Московии жили греки — ученые-богословы, знатоки богослужебной грамоты, купцы, ремесленники, воины, служители церкви. С конца XVII до начала XIX века греки, земли которых были завоеваны Османской империей, массами эмигрировали в Россию и активно помогали русским войскам во время многочисленных русско-турецких войн. Они расселялись в столице и других городах, особенно в причерноморской полосе. В XIX — начале XX века греки мигрируют из Малой Азии в пределы Северного и Южного Кавказа. Греки — аристократы и горожане, купцы и воины, моряки и виноделы — активно участвовали в жизни российского общества. Об их своеобразной культуре, о судьбах выдающихся лиц, о крестьянском труде и народном искусстве повествует эта книга. К работе над коллективной монографией привлечены известные в нашей стране этнографы, а также краеведы и фольклористы. Значительная часть опубликованных материалов собрана специалистами-этнологами непосредственно в селах и городах среди греческого населения.

Книга богато иллюстрирована, привлечены музейные коллекции.

УДК 39(470+477)(=774)
ББК 63.5(2Рос+4Укр)

ISBN 5-89329-643-5

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004
© «Алетейя. Историческая книга», 2004
© Ю. В. Иванова, составление, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Греки — потомки одного из древнейших народов Европы — расселились по обширным просторам Российской империи в Новое время. Разными путями пришли они на российские земли и различные обстоятельства побудили их к этому.

Их далекие предки — древние греки осваивали земли, позднее ставшие российскими, уже в глубокой древности. В период Великой греческой колонизации, главным образом в VI–V вв. до н. э., в Северном Причерноморье возникали многочисленные колонии, основанные переселенцами из Малой Азии и с островов Эгейского моря: Тира, Ольвия, Керкинитида, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Мирмикий, Тиритака, Нимфей, Кепы, Фенагория, Гермонасса, Танаис, на кавказском побережье Горгиппия, Диоскуриада, Фасис и другие. Некоторые из них, как, например, Херсонес и Феодосия, существовали и во времена Византийской империи. Этноним *ромеюс* (м. р., ед. ч. *ο ρομεϊος*), который носят наши современные соотечественники, восходит к византийской эпохе и означает «житель Восточной Римской империи», то есть Византии. Можно предположить, что наследниками древнего греческого населения являются ныне греки, живущие на Северном побережье Азовского моря. Их предки переселились на Крымский полуостров, возможно, из Трапезундской империи (южное побережье Черного моря) и до конца XVIII в. обитали преимущественно на южном берегу и в окрестностях г. Бахчисарая. В 1779 г. они были выведены вместе с остальным христианским населением Крыма и поселены в Приазовье, где составляют ныне компактную группу.

Русская и греческая культуры тесно переплетены между собой. Через Русь проходил знаменитый «путь из варяг в греки». Византия, ее столица Константинополь (среди славян — Царьград) были великим центром притяжения. Тысячу лет назад возле города Херсонеса произошло так называемое «малое крещение Руси»: именно туда прибыли греческие священники из Константинополя, чтобы окрестить киевского князя Василия. Приняв имя Владимир, он провозгласил православие официальной религией Киевского княжества (989 г.), и священники отправились в Киев и произвели на Днепре Великое крещение Руси. Прошло много веков, а запись в летописи XII в. — «Повести временных лет» — с рассказом об этом событии повторяется до сих пор в научных изысканиях, в художественной литературе. Византийская культура оказала мощное влияние на Древнюю Русь, как и на всю Юго-Восточную Европу. В Москве жили ученые, знатоки богослужебной грамоты, специально приглашенные для исправления церковных книг, среди них — знаменитый Максим Грек (XIV в.).

В Новое время большое число греков прибывало в европейскую часть России и с Балканского полуострова, и с островов Эгейского моря, и из Малой Азии. Особенно усилилась миграция после падения Византии под натиском турок-османов. В 1453 г. ими был завоеван Константинополь. Этот год стал последней датой в жизни Византийской империи. Взоры греков, как и всех христианских подданных Османской империи, обратились к России.

Наиболее массовая греческая иммиграция явилась следствием русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в., в которых греки активно участвовали на стороне России. В результате возникли многие греческие поселения в Крыму (где таким образом было восстановлено греческое население), на всем протяжении черноморского и азовского побережий от Измаила и других мест в Бессарабии на западе до Таганрога и Ростова-на-Дону на востоке. Немало греков поселилось в столице империи Санкт-Петербурге и других городах. Многие греки поступали на военную и гражданскую службу, пополняли со временем российское дворянство. Другие же оставались земледельцами, виноградарями, рыбаками и моряками. Среди греков европейской части России в силу дисперсного расселения и активного межэтнического смешения преобладали ассимиляционные языковые и культурные процессы. Значительная часть греческого населения постепенно слилась с русским и отчасти с украинским этносом. Исключение составляют жители Причерноморья и Приазовья, которым в настоящей книге посвящены специальные разделы.

Другое состояние отличает греков, живущих в Закавказье и на Северном Кавказе. Их самоидентификация значительно более выражена, так как культура окружающих их народов достаточно резко отличается от их собственной. В Закавказье греческая миграция началась в основном во II—I вв. до н. э. и продолжалась до XIII в. (до сельджукского завоевания). Главный же поток греческих мигрантов на Кавказ и в Закавказье направился со 2-й половины XV в., когда в Армению для горных работ были приглашены греческие горнопромышленные рабочие из Эрзерумского пашалыка Османской империи. Они работали на Ахтальских и Алавердских свинцово-серебряных рудниках, поселившись в обособленных селах вокруг них. В 1829 г. часть из них в связи с упадком горного дела переселилась на Цалку (Грузия). В 1828 г. по Туркманчайскому миру России с Персией к России перешли ханства Эриванское (Ереванское) и Нахичеванское (Восточная Армения). На эти земли стали активно переселяться из Персии христиане, в числе которых были и греки. К началу XIX в. усилилась переселенческая волна из Турции.

В 1860-х гг. после окончания Кавказской войны греков-мигрантов стали направлять на Северный Кавказ, началось заселение Прикубанья, Ставрополя и прилегающих областей. Среди беженцев из пределов Османской

империи большинство говорило на одном из новогреческих языков (или диалектов), называло себя «ромеями», другая часть перешла на турецкий язык (их называли «урумы»). Те и другие исповедовали православие, имели общие черты культуры, впоследствии — уже в конце XX в. — сгладились даже небольшие культурные различия между этими двумя группами.

Первые десятилетия XX в. были наполнены трагическими событиями — не просто переселением, а бегством значительных людских контингентов из османских земель, гонимых военными действиями, политическими преследованиями, административной неразберихой. В 1915 г. турецкие власти развернули преследование христиан, которое осталось в памяти народов под названием «армянской резни». Беженцы — армяне по преимуществу, а с ними айсоры, греки и другие христиане — хлынули в пределы России, главным образом в Эриванскую и Тифлисскую губернии. В годы Первой мировой войны греки из Трабзона (в прошлом — территории Трапезундской империи — последнего островка греческой государственности на полуострове Малая Азия, завоеванного османами в XV в.) переселились в Закавказье (в частности в Аджарию), на Северный Кавказ, в Крым. Все жители южного Причерноморья (Понта) носили областническое название *пóнти* (язык *понтиака́*), в русской транскрипции — «понтийцы», язык понтийский.

В 1917 г. был создан Центральный союз понтийских греков со штаб-квартирой в Екатеринодаре, ставивший своей задачей создание независимой Понтийской республики. Руководство Демократической республики Грузия поддерживало эту идею, но после ее падения (в 1921 г.) и образования СССР (1922 г.) планам греков не суждено было сбыться.

Последняя переселенческая волна греков из Турции в Россию поднялась после решения Лозаннской конференции 1922–1923 гг. о взаимном обмене греческим и турецким населением между Грецией и Турцией. Тогда многие греки из Трабзона и других мест намеревались отплыть через Батуми в Грецию, но события Гражданской войны помешали части из них осуществить это путешествие. Случилось так, что многие семьи оказались разлученными: кто-то успел уехать, а кто-то остался в России. Десятилетиями они ничего не знали друг о друге и только с конца 1980 — начала 1990-х гг. дети и внуки тогдашних мигрантов отыскивают друг друга на берегах Черного и Средиземного морей.

Такова краткая история появления греков на российских землях. Разные по происхождению группы говорят в домашнем обиходе на разных языках, имеют различия в культурных особенностях и до некоторой степени — во внешнем облике.

Греки, жившие в Советском Союзе, создали свою профессиональную культуру. Основными центрами ее в России и на Украине были Мариуполь и Ростов-на-Дону: издавались газеты, журналы, художественная литерату-

ра; работали театры, в школе обучение было на греческом и крымско-татарском языках. Развивалось народное творчество.

В 1937–1938 гг. национальная культура подверглась разгрому, были закрыты печатные органы и все культурные учреждения, школы переведены на русский язык, деятели культуры репрессированы.

В 1944 г. греки Крыма вместе с другими жителями полуострова — татарами, армянами, болгарам — были выселены. В 1940-х гг. принудительной высылке подверглись греки Кубани, Абхазии, Баку и других мест Кавказа. Все эти политические катаклизмы прервали поступательный ход развития этнической культуры, стали причиной активной дезэтнизации: несколько поколений выросло, не зная родного языка. Некоторые из потомков «спецпереселенцев» остались и после реабилитации жить в краях принудительной высылки, воспринимая в известной степени культуру местных народов. Многие греки расселились по городам страны. Почти полвека греческая культура если и сохранялась в какой-то мере, то только на бытовом и фольклорном уровне. Возрождение началось лишь в конце 1980-х гг.

Обладая общим устойчивым этническим самосознанием, греки России и сопредельных государств образуют несколько этнических общностей:

1. Потомки греков, поселившихся в XVII–XIX вв. в городах и селах России и по побережьям Черного и Азовского морей. Ныне живут преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах России, Украины и других стран — бывших республик СССР. Самоназвание — *эллинос*. Родной язык — новогреческий, в форме димитика́. Очень сильно смешаны с русскими и в культурном отношении, и путем высокого процента смешанных браков.
2. Потомки старожильческого населения Крыма, выведенного с полуострова в 1779 г. и расселенного по северному побережью Азовского моря. Ныне живут в Донецкой области Украины, в городах Донецке, Мариуполе и других. Самоназвание — *румеюс*. Говорят на диалектах *мариупольской группы* новогреческого языка¹ и на крымско-татарском.
3. Потомки мигрантов из пределов Османской империи, переселявшихся с полуострова Малая Азия преимущественно в течение XIX и до первых десятилетий XX в. по многим областям Закавказья и Северного Кавказа. Говорят на черноморском («понтийском») наречии, называют себя *пбнти* (в русском варианте — *понтийцы*).
4. Потомки переселенцев из внутренних районов Турции в XIX в., сильно смешавшихся с другими православными жителями Турции. До недавнего

¹ Четкой, принятой специалистами классификации языков (или наречий, или говоров, или диалектов), какими пользуются в быту греки российской диаспоры, нет. В данном случае автор пользуется классификацией, предложенной проф. О. С. Широковым.

времени жили компактно на Цалкинском нагорье в Центральной Грузии (ныне в подавляющем большинстве выселяются на Северный Кавказ). Самоназвание *урум*. Язык — анатолийский диалект турецкого языка.

5. Потомки греков-понтийцев, подвергшихся насильственному выселению из Крыма, с Северного Кавказа и Закавказья в Казахстан, Киргизию, Узбекистан. Населяют села и города этих стран.
6. Потомки греческих политэмигрантов — бойцов народно-освободительной армии Греции, эмигрировавших в 1949 г. (после поражения от правительственных войск) в СССР. Живут в Ташкенте и других городах. Говорят на литературном новогреческом языке. Самоназвание *эллинос*. Эта группа (несколько тысяч человек) генетически не связана с греками российской диаспоры. Они — носители современной греческой культуры — остаток от сравнительно многочисленной (около 60 тыс. чел.) политической эмиграции, в значительной своей части — потомки смешанных браков. Перепись населения СССР (1989 г.) не выделяет эту группу из общего числа греков. Психологически они примыкают к грекам диаспоры, участвуя в их общественных движениях и принимая близко к сердцу их проблемы.

Согласно переписи населения 1989 г. в СССР насчитывалось 357 975 чел. греков. Распределение их по республикам было таково.

	Численность греков	
	человек	% к общему числу населения
Всего в РСФСР	91 699	0,06
В том числе:		
Краснодарский край (без Адыгеи)	28 337	0,61
Ставропольский край (без Карачаево-Черкесии)	26 828	1,11
Северная Осетия	2986	0,47
Ростовская область	2746	0,06
Тюменская область	2086	0,07
Карачаево-Черкесская респ.	1630	0,39
Республика Адыгея	1561	0,36
Московская обл.	1429	0,02
Свердловская обл.	1352	0,03

Окончание таблицы

	Численность греков	
	человек	% к общему числу населения
Республика Татарстан	1312	0,04
Челябинская область	1256	
Ханты-Мансийский авт. округ	1128	
Республика Башкирия	608	
Якутия (Республика Саха)	608	
Чечено-Ингушская респ.	509	
Республика Коми	463	
Ямало-Ненецкий авт. округ	187	
Республика Удмуртия	186	
Чукотский авт. округ	187	
Республика Хакасия	184	
Республика Карелия	98	
Республика Марий Эл	87	
Республика Тува	95	
Республика Мордовия	73	

Расселение греков в Российской Федерации в 1989 г. показало их наибольшую концентрацию на Северном Кавказе. Жившие в то время в небольшом числе в областях Севера, Поволжья и Сибири — перемещенные лица и их потомки, оставшиеся жить в местах прежней высылки.

На время переписи в городах жили 60 950 чел. (66,5% всех греков России), в селах — 30 749 чел. (33,5%). Наибольшее число горожан жили в Москве — 3586 чел. (0,04% всего населения города), во Владикавказе — 2746 (0,9%), в Краснодаре — 1859 (0,3%), в Ставрополе — 1750 (0,6%).

При таком разбросанном расселении и при столь большой доле горожан естественным оказался процесс этнической дезинтеграции. Все греки России владеют русским языком, а большинство признает его своим родным: во время переписи 1989 г. об этом заявили 47 937 чел. (52,3% всех российских греков), в то время на греческий как на родной указали 40 814 чел. (44,5%). Остальные 2928 чел. (3,2%) назвали родными другие языки.

На Украине в 1989 г. насчитывалось 98 578 чел. Из них подавляющее большинство — в Донецкой области. В Одесской области находились 1740 чел., в том числе в Одессе 1060. Свыше 1300 чел. признавали родным языком русский, и только 300 чел. — греческий.

В Грузии в 1989 г. насчитывалось 100 304 чел. греков. Из них в Абхазии — 14 663 чел., в Аджарии 7379 чел. Большая концентрация греков существовала в центральных районах — Тетрицкарройском и на Цалке. Городское население концентрировалось в Тбилиси, Сухуми, Батуми, Кутаиси, Боржоме. В Грузии в то время сосредоточилось 27,9% всех греков СССР, что составляло 1,9% населения республики.

В Армении насчитывалось 44 700 чел. (0,1% населения).

В Азербайджане проживало около 1 тыс. чел., почти все в г. Баку. Подавляющее большинство считало своим родным языком греческий (хотя все горожане знали русский).

В Казахстане высланные греки составляли большую группу: в 1959 г. 55 тыс. чел., к моменту переписи 1989 г. их осталось 46 700 чел., что составляло 0,1% населения республики. В Узбекистан попало меньшее число ссыльных: перепись зафиксировала 10 500 чел. (0,1% населения) вместе с греками-политэмигрантами. В Киргизской ССР жили единичные семьи.

Все приведенные здесь цифры могут дать лишь приблизительную картину расселения греков Советского Союза. Ныне она в значительной степени изменилась. Во-первых, в годы репрессий и высылки многие лица греческого происхождения, особенно потомки смешанных браков, скрывали свою национальность и при удобном случае записывали иную принадлежность, главным образом русскую (ныне некоторые из них пытаются вернуть себе в официальных документах греческую национальность). Во-вторых, с начала 1990-х гг. после отмены законодательных актов, на основании которых производилась массовая высылка, значительные контингенты из Казахстана и республик Средней Азии выезжали на Северный Кавказ, в Крым и в разные российские города. В-третьих, с конца 1980-х и особенно с начала 1990-х гг. происходил интенсивный отток греков из Закавказья в Россию — на Северный Кавказ, особенно в район Кавказских Минеральных Вод, и в различные регионы страны, преимущественно в города. В Москве и Московской области по приблизительным подсчетам сосредоточилось от 5 до 7 тыс. чел.

Наконец, имела место эмиграция в Грецию, где возникали целые анклав-ы, населенные русскоязычными и понтийскоязычными греками со своими общественными и культурными организациями, печатными изданиями, радиовещательными каналами и т. п. Происходит встреча русско-понтийской культуры с собственно греческой, которая идет отнюдь не ровным поступательным движением. Интеграция мигрантов первого поколения в культуру аборигенов довольно затруднительна.

* * *

Греки бывшего СССР, оказавшиеся ныне гражданами разных государств, принадлежат к тем этническим общностям, которые не имеют своих национально-государственных образований, расселены в иноэтнической среде. В этой ситуации проблемы сохранения этнической культуры, а следовательно — этнического самосознания, самоопределения особенно сложны. Одновременно с нивелированием быта индустриального общества набирают силу ассимиляционные и интеграционные этнические процессы — явление само по себе естественное и исторически оправданное. Однако в контексте этих сдвигов получают специфическую окраску национальные отношения — зачастую неблагоприятную. В целях сохранения разумного равновесия между интернациональными установками больших интегрированных общностей и особыми интересами отдельных этносов очень важно не дать исчезнуть памяти людей о своих корнях, об унаследованных из глубины веков традициях: ведь без традиций у людей нет ощущения причастности к своему этносу.

Предлагаемая читателям книга «Греки России и Украины» призвана помочь по мере возможности членам греческой диаспоры сохранить историческую память, сознательно и бережно относиться к этническим традициям.

Хотя республики и области Северного Кавказа входят в состав Российской Федерации, но реальные условия жизни, их культура и историческое прошлое связаны воедино с судьбами греков Закавказья. Все это должно служить предметом отдельного исследования. В данной книге собраны сведения об истории и культуре греков европейской части России и Украины. Однако в некоторых сюжетах невозможно расчленить судьбы всей греческой диаспоры, таковы разделы «Общественное и культурное положение греков в первой четверти XX века», «Национальная политика правительства. Культура и просвещение в среде греческой диаспоры», «Политическая ситуация в середине XX века», «Этнокультурные процессы в среде греческой диаспоры».

В качестве источников использованы архивные документы, сборники опубликованных документов, научные публикации, материалы художественной литературы, периодические издания.

Разделы, повествующие о жизни мариупольских греков, почти целиком основаны на оригинальных полевых исследованиях: в течение трех десятилетий (начиная с 1969 г.) на Мариупольщину выезжали участники Приазовского полевого отряда Института этнологии и антропологии Российской академии наук, их материалы дополняются сведениями, собранными краеведами Донецкой области Украины. По отношению к этим материалам необходимо сделать два важных предупреждения: 1) в бытовой культуре греческих сел имеется много вариантов, возможно — не все они нашли от-

ражение в текстах (особенно это касается местных названий предметов, терминов родства и т. п.), но авторы стремились создать обобщенную картину сельской и городской жизни; 2) при написании местных названий принята система современных публикаций на румейском языке: русская графика с включением условных обозначений — греческое δ передается через «дь», греческое θ — через «ть».

Авторы настоящего труда

К составлению первой части книги «Формирование греческой диаспоры в России» привлечены специалисты, изучающие различные исторические эпохи. Первый раздел «Греки в Московии» написали А. В. Жиликова и А. Д. Шахова. Автор разделов «Переселение греков в Россию в конце XVIII — начале XIX веков» и «Греческие ученые и купцы — покровители национального просвещения — в России» — Г. Л. Арш. Раздел «Греки в российском обществе» написал в основном М. А. Родионов, сведения о греках Санкт-Петербурга предоставлены А. Б. Семеновой, о судостроителе и общественном деятеле М. И. Кази сообщил В. Ф. Помарнацкий. Автор раздела «Общественное и культурное положение греков в первой четверти века» — Ар. Ак. Улуян.

Вторая часть книги — «Мариупольские греки» — написана Ю. В. Ивановой. Включены материалы, предоставленные Л. А. Лыгановой, С. К. Темиром, Н. А. Хорош, Ф. Н. Церахто. Архивные документы, хранящиеся в Мариупольском краеведческом музее («Ревизские сказки» и другие), обработаны Р. И. Саенко, ею же написаны соответствующие разделы текста. Разделы о жилище мариупольских греков составлены по публикациям О. Р. Будины.

Авторы третьей части «Греческая диаспора в первой половине и в середине XX века» — Ю. В. Иванова («Мариупольские греки: общественная и хозяйственная жизнь» и «Политическая ситуация в середине XX века») и Ар. Ак. Улуян («Национальная политика правительства. Культура и просвещение в среде греческой диаспоры»).

Последняя часть книги «Этническая культура российских и украинских греков» написана Ю. В. Ивановой.

Рисунки выполнены О. В. Орловой (некоторые по эскизам Н. Н. Сурина и Т. П. Лойферман). Фото В. В. Лебедева, А. В. Смагина, Ю. В. Ивановой, С. Н. Иванова. Используются материалы фотоархивов Мариупольского краеведческого музея и Российского этнографического музея (в Санкт-Петербурге).

Авторы приложений

Очерк «Стефан Мавромихали и его потомство в России» с приложением родословной росписи по всем мужским и женским линиям представил

С. А. Сапожников — один из отмеченных в росписи потомков знаменитого грека. Румейский фольклор записывала в 1960-х гг. Р. С. Харабадат. Сводную таблицу румейских терминов родства составила Ю. В. Иванова.

Авторы раздела «Антропологические исследования греков Приазовья»: А. М. Маурер — «Обобщенные портреты двух греческих групп Приазовья», С. П. Сегеда — «Одонтология греков Приазовья», Г. Л. Хить — «Дерматоглифика греков Украины и Абхазии», Н. Х. Спицына — «Антропогенетическое исследование греков Приазовья». Общее редактирование этого раздела выполнено Г. Л. Хить.

Предлагаемая читателям книга не могла бы состояться без доброжелательного отношения населения — горожан и сельчан, бескорыстной помощи местных краеведов, музейных работников, преподавателей вузов, активистов греческих обществ в Санкт-Петербурге, Москве, Донецке, Мариуполе, Симферополе, Ялте, Одессе, Краснодарском и Ставропольском краях. Всем им — наша горячая признательность. Особая благодарность организатору и долголетнему директору Народного музея в селе Старомлиновка Степану Константиновичу Темиру и научному сотруднику Мариупольского краеведческого музея Рэне Ильиничне Саенко. Оба эти наши друга поддерживали московских этнографов от первого их пребывания на донецкой земле и до сего дня.

Коллективный труд «Греки России и Украины» — дань глубокого уважения греческому народу.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ XV–XIX ВЕКОВ

1

«ГРЕЧАНЕ» В МОСКОВИИ

Для жителей Руси греки («гречаны») — это прежде всего люди из Царьграда (Византии, Константинополя) и со Святой Горы (Афона), это носители и учителя христианской веры и православного обряда, знатоки богослужебной грамоты. Таковой осталась Византия в представлении русских людей и после завоевания ее турками-османами в середине XV в. Монастыри и церкви Византии, византийский быт — это источники канонов, грамоты и знаний, моды в одежде и поведении.

По мнению большинства российских историков (хотя и не доказанному с абсолютной точностью), при великом князе московском Иване III в середине XV в. Московское княжество получило в качестве государственного герба византийский символ — двуглавого орла. Жена Ивана III — Софья (Зоя) Палеолог, племянница последнего византийского императора, прибыла на Русь в сопровождении большой группы греков. Один из них положил начало знатному роду Ласкиревых, российских дворян.

Великий князь Василий III (1479–1533), сын Софьи Палеолог, пригласил в Москву из Афона для перевода и исправления церковных книг Михаила Триволиса, известного в России как Максим Грек (ок. 1475–1556). Муж обширной учености, слышавший в Италии пылкие речи Савонаролы, он не только переводил чужие труды и писал свои, но деятельно выступал против монастырского землевладения, защищая аскетические принципы российских нестяжателей, за что был осужден и сослан. Скончался в Троице-Сергиевом монастыре под Москвой. После смерти он был причислен к лику преподобных. Д. С. Лихачев назвал Максима Грека первым интеллигентом на Руси и отметил, что своею жизнью ученый грек «прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов»¹.

В Московии утвердилось предание о том, что русский князь Владимир Всеволодович (сын князя Всеволода Ярославича и дочери византийского императора Константина Мономаха) был венчан императорской шапкой и стал именоваться Мономахом. Чтобы подчеркнуть эту преемственность, Иван Грозный, принимая царский титул, запросил соборное благословение греческого духовенства во главе с Патриархом Константинопольским. Еще ранее псковский инок Филофей утверждал, что Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать.

При царе Борисе Годунове в армии, посланной против самозванца, были кроме поляков и немцев также и греки. Служили они и при дворе. Известно, что еще в 1572 г. Ивана Грозного сопровождал в Новгород Микифор-гречанин, а гречане Иван Константинов (Константинов) и Юрий Ласкирев получали фиксированные годовые оклады.

В 1719 г. патриарх из Иерусалима Феофан венчал патриарха Москвы Филарета — отца первого царя из династии Романовых Михаила.

Для выходцев из бывших византийских владений, с Подунавья и других мест Балканского полуострова, островов Эгейского моря и с Ближнего Востока Русь — это прежде всего была Москва. Сюда они прибывали с официальными посольствами, для служения при монастырях, для торговых дел. Часть из них оседала на постоянное жительство, сливалась с местными людьми, включалась в общую массу москвичей.

Невозможно установить этническую принадлежность людей, которых на Руси называли греками, а тем более — «гречанами». Это могли быть люди православной — «греческой», как тогда выражались, — веры. В XVII в. так называли выходцев из Царьграда (Константинополя), Солуни (Салоник), Афона, Сербии, Валахии. Поэтому понятие «греки» имело широкий смысл, но так или иначе в понятиях тогдашних русских представление о «греках» было тесно связано с православием. Это сочетание понятий отражалось и в сложных отношениях с Константинопольским патриархатом. Во второй половине XVI в., во времена правления царя Федора, русская церковь полностью вышла из-под опеки патриарха и стала самостоятельной. В 1586 г. в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким. Из столицы он увозил не только дары, которые были ему вручены по случаю крайней бедности его епархии, но и поручение вступить в переговоры с другими восточными иерархами об учреждении патриаршего престола в Москве. В 1587 г. в Смоленске остановился константинопольский патриарх Иеремия, которому было предложено стать русским патриархом с резиденцией во Владимире. Иеремия ответил отказом. После некоторых дипломатических ходов Иеремия возвел на престол первого русского патриарха Иова — митрополита Московского. Сам же константинопольский иерарх, влача жалкое существование и находясь в полной зависимости от османского султана, надеясь на поддержку русского двора, называл Федора святым².

Помимо политических мотивов взаимные связи русских и греков касались сферы просветительской.

При первом царе из дома Романовых — Михаиле приехал в 1632 г. от константинопольского патриарха Кирилла Лукариса монах Иосиф с целью обучать греческому языку русских детей и переводить на славянский греческие книги. В дальнейшем греческое духовенство предпринимало шаги

для создания греческого училища в Москве. Но этот план, возникший по инициативе русской стороны, не был осуществлен.

Российский государственный деятель Федор Михайлович Ртищев в 1670-х гг. создал при Андреевском монастыре школу, где обучали греческому и латинскому языкам, русской грамматике, риторике, философии, переводили на русский язык иностранные книги.

В 1687 г. в Москве было основано первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинское училище (или Эллино-греческая академия), которое позже под наименованием Славяно-греко-латинской академии вошло в историю российской культуры. Руководителями и преподавателями Академии стали приглашенные из Константинополя ученые греки — братья Иоанникий и Софроний Лихуды. После их отъезда в 1694 г. просветительское дело было продолжено их учениками³. (В 1814 г. Академия была преобразована в Московскую Духовную Академию и переведена в Троице-Сергиеву Лавру.)

Русско-греческие культурные контакты в XVII в. характеризуются появлением в греческих письменных произведениях сюжетов, посвященных русской жизни⁴. Среди причин, породивших такой интерес православных авторов к российским делам, не последнее место занимал факт пребывания в России деятелей греческой культуры.

В 1665 г. в Москву приехал архимандрит Иверского Афонского монастыря Дионисий, с тем чтобы занять место настоятеля греческого Никольского монастыря. Он прожил в России 15 лет, знал русский язык, был правщиком московского печатного двора. Главный его труд «История России» повествует о событиях, начиная от избрания на царство Михаила Романава и до воцарения Алексея Михайловича. Труд этот получил широкое распространение и оказался во многих собраниях знаменитых библиотек, что подчеркивает особый интерес, который возник в это время к российской действительности. В Москве жили и работали многие выдающиеся греки — книжники, дипломаты, церковные иерархи, но было немало и других людей — торговцев, военных, «простецов» греческой национальности и греческой веры. Наиболее документированные сведения о них относятся к XVII в.

Вторая половина XVII в. — период напряженных контактов России с православным Востоком. Церковная реформа, «дело патриарха Никона», создание высшей школы привлекли в Москву большое количество греков. Для их удобства, престижа, успеха в делах первостепенное значение (как для них самих, так и для московских властей, занимавшихся их размещением) имела категория жилища и его месторасположение.

Жилища балканских выходцев были разбросаны по всему городу. Наиболее подробные сведения о географии и застройке Москвы XVII в. содержатся в записках иностранных путешественников Адама Олеария (1630–

1640 гг.) и Бенгарда Таннера (1670-е гг.)⁵. Судя по их описаниям, москвичи четко делили столицу на пять частей: Кремль и Китай-город (у Олеария объединены), Белый город (по Олеарию — Царь-Город), Скородом, или Земляной город и Стрелецкая слобода (Замоскворечье). В первых четырех греки имели конкретные адреса. Прежде всего это Греческая слобода на границе Земляного города. Она располагалась на дороге во Владимир, в приходе церкви Николы на Ямах, т. е. за Яузой в районе Николо-Ямской (позже — Ульяновской) улицы.

Москва XVII в. — столица обширного государства, город, разросшийся до границ Земляного вала, со своей характерной, складывавшейся на протяжении предыдущих столетий структурой. Население Москвы имело сложный социальный состав, особенности каждой из его категорий в системе социальных отношений наложили свой отпечаток на формирование городской структуры.

Следствием развития торговых и культурных связей России с различными государствами являлся естественный приток в ее столицу иностранцев. В XVII в. в Москве было несколько слобод, где селились выходцы из стран Западной Европы и Азии: татарские слободки в Замоскворечье, Старопанская в Китай-городе, Немецкая, Мещанская и Греческая за стенами Белого города. Каждая из них, имея свои национальные черты, тем самым обогащала формы городской жизни Москвы.

К XVII в. слобода была принципом административно-территориальной организации посадского тяглого населения Москвы. Цель организации — централизованная система сбора налогов в виде денежного тягла или в виде специальных отработок по различным категориям ремесел. Но в иноземных слободах жили так называемые «беломесцы» — люди, не несшие тягла. Они состояли на государственной службе, за которую получали денежный и кормовой оклад, а многие из них — также и поместный, следовательно, они по своему положению приближались к русскому служилому дворянству и чиновничеству.

В. И. Даль дает несколько оттенков значения слова «слобода», в частности он приводит первоначальный более древний смысл этого слова — «свобода», т. е. поселение свободных людей за городом с обязательным наличием одной или нескольких церквей⁶. Именно такие черты характерны для иноземных слобод в Москве XVII в. — поселений иностранцев, в то время как применительно к русскому посадскому (тягловому) населению к этому времени слово «слобода» было в значительной степени трансформировано вследствие развития и усложнения социально-экономических условий жизни.

История Греческой слободы расширяет и обогащает наши знания о русско-греческих связях в XVII в. В отличие от других иностранцев греки вос-

принимались как носители единой с Россией православной веры (что влияло на развитие более тесных культурных и торговых отношений), и в то же время в греках, особенно приехавших из Константинополя, находившегося с середины XV в. под властью турок-османов, видели все-таки иноземцев, подходили к ним с некоторой долей настороженности. Поэтому сам факт существования отдельной Греческой слободы как места более или менее компактного проживания греков свидетельствует о неоднозначном отношении в России к грекам.

В дореволюционной и советской историографии исследователи истории Москвы в своих работах отмечают только факт наличия Греческой слободы в Москве до 1671 г. и место ее расположения за р. Яузой, на Ямах⁷.

Достоверно о Греческой слободе в Москве можно говорить во временных границах 1641–1671 гг. Последняя дата известна как время упразднения слободы по указу царя Алексея Михайловича⁸. Время образования слободы неизвестно, и мы ведем отсчет от наиболее раннего обнаруженного архивного дела 1641 г. по челобитной «нововыезжего гречанина» Ивана Юрьева о выдаче ему средств на застройку дворового места, пожалованного ему в Греческой слободе за Яузой, за Земляным городом, на Ямах. Следовательно, местоположение слободы указано достаточно точно. Она располагалась на левом берегу р. Яузы между стенами Земляного города (являвшегося в то время границей Москвы) и Спас-Андрониковым монастырем. Грек Иван Юрьев в 1640 г. по указу Патриарха Московского и всея Руси Иоасафа находился «под началом» в Спас-Андрониковом монастыре «для исправления православных христианских веры»⁹. М. Н. Тихомиров называет этот монастырь одним из центров переписки церковных книг¹⁰.

В Греческой слободе селили греков, приезжавших в Россию на постоянное жительство и на государеву службу,

Факты приезда греков в Россию для поступления на службу можно проследить по документам конца XVI — начала XVII в.; причины их зафиксированы в челобитных, где указано о притеснениях веры в Османской империи и о принуждении принять мусульманство со стороны турецких властей как одним из условий государственной службы¹¹. Выявленные архивные документы позволяют установить, что для греков в России были возможны два вида службы: во-первых, в Посольском приказе; во-вторых, на военной службе в полках «нового строя», которыми ведал Иноземский приказ. Военная служба для греков в зависимости от их социального происхождения разграничивалась. Одни могли служить по так называемому «московскому списку» с дворянами московскими. Так в 1665 г. в списке иноземцев, служащих с «московскими дворяны», из 16 названных человек было пятеро греков¹². В период царствования царя Алексея Михайловича были созданы по образцу Западной Европы полки «нового строя», набравшиеся исклю-

чительно из иноземцев, перешедших на русскую службу. Полки из «немцев» формировались отдельно, и они имели право сохранять вероисповедание, а греки, поляки, литовцы составляли единые полки, причем для поляков и литовцев переход в православие был обязателен. За военную службу иноземцам выплачивалось денежное жалованье, кормовые деньги, а также за заслуги они получали поместный оклад¹³.

В Посольском приказе греки служили толмачами и переводчиками (толмач занимался устным переводом, а переводчик — также еще и письменным). Условия поступления на службу в Посольский приказ наглядно видны на примере документов грека Дмитрия Михайлова, имевшего свой двор в Греческой слободе в 1642 г. В выписке из дела по его челобитной сказано: «...выехал де он ис Царя города с турским послом Салей агою во 142 г. (1634) и остался на Государево имя служить на вечную службу и был на Государевых службах на Епифани и на Ливнах и на Туле и Государю служил. А отец де иво был во Царе-граде служилой человек»¹⁴. Для получения должности толмача он представил двух «знатцов» (так назывались поручители): «выезжих иноземцев» — волошанина Петра Иванова да ротмистра Юрия Трапезонского, которые «сказали про него, что он человек доброй и к безделью ни к какому не пристаает, да к той своей сказке руки приложили»¹⁵. Кроме того, необходимо было пройти экзамен на знание греческого языка. В данном случае было дано заключение переводчика Ивана Боярчикова, что Дмитрий Михайлов «по гречески говорить умеет достаточно»¹⁶. При зачислении на службу ему был назначен оклад тот же, что был у него во время службы в Иноземском приказе, и состоящий из денежного жалованья в 11 рублей в год, «поденного корма», исчислявшегося на каждый день по 2 алтына и 2 деньги, и поместного оклада в 200 частей¹⁷. Из того же дела видно, что грек Дмитрий Михайлов жил своим двором вместе с женой, которая была племянницей толмача Посольского приказа грека Дементия Чернцова¹⁸.

В Греческой слободе помимо греков дворовые места получали иноземцы иного происхождения. В частности, из найденных документов известны: крещеный крымский татарин Куземка (в 1641 г.), торговый иноземец «индеец» Прокофий Федоров (в 1666 г.), толмач «еврейского роду» Иван Аврамов сын Солунский (в 1671 г.)¹⁹. Жителей слободы объединяло православие и единый слободской храм. Церковь во имя Живоначальной Св. Троицы в книгах Патриарших приказов впервые упоминается в 1642 г. как вновь открытая (в XVIII в. ее называли церковью Николы на Ямах — по приделу во имя Св. Николы)²⁰. Наличие храма свидетельствует об оформлении к этому времени слободы как самостоятельного территориального образования.

Представление о застройке двора грека — переводчика Посольского приказа можно составить на основании следующего документа: «хоромного

строения горница на жилом потклете, сени о трех житьях, крыльцо дощатое, на крыльце чулан дощатой, погреб дубовой с напогребницею, на напогребнице сушило, на том же дворе конюшенка, ворота створчetyя с калиткою крыты тесом, кругом двора и огорода заборы»²¹. Приведенный пример взят из описания 1691 г. домовладения на белой земле размером 12 саж. в поперечнике и 15 саж. в длиннике, расположенного в Семеновской слободе за Яузой, в которую наряду с соседней Алексеевской слободой переселились владельцы дворов Греческой слободы после ее упразднения в 1671 г.

Архивные материалы челобитных жителей слободы говорят об указе Алексея Михайловича, по которому их дворы были «взяты под стрельцов»²², то есть отданы под стрелецкие дворы.

Греки расселились в разных районах города, но преимущественно по-прежнему за Земляным городом — в Семеновской, Алексеевской и Мещанской слободах. Однако еще в начале XVII в. они проживали и в черте города, о чем свидетельствует перепись московских дворов 1638 г.²³

Сохранились сведения и о «гречанах», проживавших в Печатниках. Имеется в виду слобода мастеров Печатного двора, находившаяся в XVII в. за Сретенскими воротами Белого города. Ныне воспоминания о ней хранит Печатников переулочек, пролегающий между Трубной площадью и Сретенкой²⁴.

Следующий адрес звучит так: «артемонов двор Матвеев что на Покровке»²⁵. Здесь в 1680 г. была предпринята попытка создания Греческого подворья.

По данным «Греческих дел» Посольского приказа, вне границ Китай-города имелись и другие места, куда московское правительство имело обыкновение определять выходцев из турецких областей²⁶.

Наиболее широко селились представители Православного Востока в Китай-городе. Три знаменитых монастыря, группировавшихся вокруг «Никольского крестца», имеют непосредственное отношение к грекам в Москве. Это монастыри — Заиконоспасский (ныне — ул. Никольская, д. 9), Богоявленский (Богоявленский пер., д. 2/6) и Никольский между Заиконоспасским монастырем и Печатным двором (ул. Никольская, д. 11, 13). Само наименование последнего — «греческий», «Афонский» — напоминает о его исключительном месте в истории связей России и Греции. Он основан в конце XIV в. под названием «Никола старый Большие главы». В середине XVI в. передан для временного пребывания греческим монахам. В 1654 г. царь Алексей Михайлович пожаловал его монахам навечно в награду и в знак благодарности за привезенную ими икону (копию) Иверской Богоматери, которая была позднее установлена в часовне у Вознесенских ворот Китай-города. В 1669 г. передача была подтверждена документально жалованной грамотой²⁷ (в начале XVII в. монастырь был перестроен на средства

князей Кантемиров, в нем находилась их усыпальница; в ней похоронен поэт А. Д. Кантемир).

В китайгородской топонимии XVII в. нашли свое отражение и тесные контакты России с Грузией. Вот, например, как один грек описывал расположение своего жилища: «на дворе Алексея Прокофьевича Соковнина подле грузинского царевича»²⁸. Десятилетний наследник грузинского престола, будущий Ираклий I был прислан в Москву в 1658 г. своим дедом Теймуразом I. Здесь он пробыл с перерывом около 15 лет. Это событие положило начало грузинской колонии в Китай-городе близ Никольской обители. Подтверждение тому — погребения в монастырской усыпальнице грузинских светских и духовных лиц²⁹.

Если роль китайгородских монастырей в греческо-русских связях достаточно изучена, а их расположение можно определить с точностью до номера дома, то следующий объект малоизвестен, а выяснение его адреса — большая проблема. Это подворье Хиландарского монастыря, пожалованное святогорской обители в 1571 г. Просуществовав более 100 лет, подворье в 1660 г. отошло в ведение Московского патриарха³⁰. По поводу местонахождения объекта есть два высказывания: одно принадлежало Хиландарскому митрополиту Гавриилу от 1683 г. («по правую руку от Богоявленского монастыря за Устюжным рядом»), другое — служащим Патриаршего приказа («у Ильинского Крестца на месте, взятом под Новый Гостинный двор»)³¹. Наверняка о том же подворье идет речь в «Росписи Москвы 1638 г.»³², извещающей, что на Ильинке стоит «двор греческий, а на дворе дворник», и в свидетельствах, что позади Устюжного Гостиного двора было «место, где ставились гречня и арменя»³³. Таким образом, для уточнения адреса Хиландарского подворья имеется четыре ориентира: Ильинский крестец (стык Ильинки с Ветошным и Жемчужным переулками), Богоявленский монастырь, Устюжный ряд и некий строящийся Гостинный двор.

Обобщив данные, которые можно извлечь из дел Посольского приказа, и сведения историков Москвы³⁴, можно заключить, что подворье афонского Хиландарского монастыря располагалось в Китай-городе в юго-западной части квартала, лежавшего между Никольской и Ильинской улицами с одной стороны и Богоявленским и Ветошным переулками — с другой. В пользу этой версии говорят, во-первых, соседство этого участка с Ильинским крестцом, во-вторых — расположение его рядом с Богоявленским монастырем, по правую руку от старых ворот, в-третьих — принадлежность его к району Китай-города, где преобладают подворья и гостиные дворы.

Здесь же на Ильинке громоздились постройки Посольского двора, которые время от времени использовались для постоя лиц, не обладавших дипломатическими полномочиями, в том числе греков³⁵ (его современный адрес — ул. Ильинка, д. 10).

Китай-город того времени — средоточие торговых интересов. Никольская улица — это по сути дорога в Кремль, пролегшая с востока: из Ростова Великого, Суздаля и Владимира на Клязьме³⁶.

Греческие торговцы были заметны среди разнородной, пестрой, гомонящей толпы китайгородских торговых рядов. Здесь располагался Гостиный двор для иноземных и иногородних русских купцов (в екатерининское время иностранные купцы, торговавшие оптом, носили еще наименование «иностранных гостей», если они не были записаны в гильдии и должны были платить соответствующие пошлины). Первый каменный Гостиный двор датируется XVI–XVII вв.

Греческие «гости» вместе со слободчанами и стрельцами толпились на Никольском крестце, где стояли бочки, кади и скамьи, варилось и жарилось кушанье, продавались сусло и квас, тут же пили чистую воду из колодцев³⁷.

«Гречане», как и другие иноземные купцы, приезжали со своими товарами ко двору царя, подносили ему дары, за которые получали соболя и рухлядь. «Гречан» и персиян в год приходило в Москву по 50–100 чел., получали еду и питье от царя и жили годами, продавая свои товары. Вот что привозили гречане: «...сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные с камнем, с алмазы, и сяхонты, и с изумрудами, и ларцы, и золотые портища, и конские наряды, седла и мундштуки, и узды, и чепраки со всякими камнем, и царице и царевнам венцы и зарукавники, и серьги, и перстни с разными же камнями...»³⁸

Возможно, что греческие торговцы были в какой-то степени причастны и к возникновению бунта в Москве (1662 г.). Иностранные купцы на медные деньги, которые в России подверглись глубокой инфляции, скупали серебряные монеты, меха и вывозили их за пределы государства. Вконец обнищавшие горожане подняли бунт, который запечатлелся в истории под названием «медного»³⁹.

«Гречане» были одними из немногих иноземцев, удостоившихся чести жить в цитадели православной России, т. е. в Кремле. Единственный мужской монастырь (Чудов) использовался для постоя греков издавна. Например, в 1506 г. здесь был помещен Максим Грек, а в середине XVII в. была заведена школа, где учительствовал некий Арсений. Для второй половины столетия такие данные отсутствуют.

В Кремле два места связаны с пребыванием греков. Первое определялось как «Спасское подворье» или «хоромы Спасского монастыря, что на Симонове подворье»⁴⁰. Имеется в виду Симонова Успенская обитель на Новом месте. Несмотря на то что ее главный храм был посвящен Успению Божией Матери, с XVII в. ее также стали именовать Спасской — по церкви Всемиловитого Спаса, сооруженной в 1598 г. над западными воротами⁴¹. Существование в Кремле Симонова подворья подтверждается и работами

по истории обители, и переписями московских дворов начала XVIII в.⁴² Однако уточнить его расположение пока не удастся. К счастью, адрес следующего объекта определить легче. Это резиденция знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря или, как его называли греки, «кирилловского подворья». Благодаря В. Г. Рубану и его первому Московскому путеводителю, информирующему о строительстве на монастырской земле дома московского архиерея, становится ясно, что место объекта — напротив Вознесенского монастыря⁴³.

Из представленного обзора можно сделать вывод, что география греческих жилищ имеет ряд особенностей. Прежде всего — не было длительного компактного поселения типа Немецкой слободы. Попытки создания таких колоний предпринимались, однако без особого успеха, в том числе и из-за недостаточной настойчивости местных властей. Причина очевидна: православные «гречане» не нуждались в столь жесткой изоляции, как выходцы из Западной Европы. Это особенно верно для периода после церковных реформ патриарха Никона. Не случайно именно во второй половине XVII в. была упразднена Греческая слобода.

Еще одна особенность — игнорирование греками Замоскворечья. Эта ситуация требует объяснения. Ее причину нельзя видеть только в удаленности заречных земель от центра. Иные объекты в Белом и Земляном городах территориально находятся в еще менее выгодном положении. Маловероятно, что главную роль сыграло неудобство сообщения района с противоположной стороной реки. Ведь во второй половине XVII в. был сооружен самый широкий в городе Большой Каменный мост. Сомнительно, что малопrestижность этой части Москвы оказалась решающим фактором: именно тогда пространство между р. Москвой и Водоотводным каналом заселялось дворянами и преуспевающими купцами, застраивалось богатыми хоромами типа сохранившихся на Берсеневской набережной палат Аверкия Кириллова. А бурное экономическое развитие Замоскворечья, слободы, пролегавшие через его территорию торговые дороги не позволяют говорить об экономической невыгодности этих земель⁴⁴. Видимо, отношение греков к Замоскворечью связано с традицией, истоки которой восходят к XV–XVI вв. Вторая причина носит межконфессиональный характер. Ввиду своего географического положения заречные земли стали приютом иноземцев-мусульман. Здесь находились Татарские слободки, а на Крымском валу стоял огороженный стенами Крымский двор, где останавливались ханские послы⁴⁵. Понятно желание греков, вырвавшихся из иноверного окружения, держаться подальше от последователей ислама, а значит, и от всей заречной части Москвы.

Таким образом, по территориально-географическому принципу греческие обиталища можно разделить на кремлевские, китайгородские, поселения в Белом и Земляном городах.

В основу понятийного аппарата, в документах, касающихся «греческих дел», были положены две категории: монастыри и «дворы». К первой отнесены три китагородские обители: Спасская, Богоявленская, Никольская. Под вторую категорию попали все остальные греческие жилища, в том числе и локальные монастырские поселения. Главное их отличие заключалось в характере эксплуатации строений. «Двор» — участок земли с домом и подсобными помещениями⁴⁶ (жилые и хозяйственные функции здесь преобладали). Обители же предназначены были прежде всего для богослужебных целей. Все остальные функции — вторичны. Предоставлявшиеся для «постоя» иноземцев монастырские помещения использовались не по своему прямому назначению. Это заставляло русских особо внимательно подходить к отбору лиц, достойных селиться в очагах русской религиозности и, уж конечно, направлять туда только монашествующих⁴⁷.

Одной из разновидностей категории «двор» было «подворье». Подворья представляли собой московские резиденции удаленных от Москвы государственных и церковных единиц. Таким образом, функциональное предназначение подворий — быть пристанищем для лиц, приезжих из определенного населенного пункта, и местом для размещения их поклажи. Отличительным признаком поселения этого типа обычно считается присутствие на его территории церкви⁴⁸. Однако судя по «греческим делам», наличие храма не было обязательным⁴⁹.

В этой связи уместно остановиться на проблеме статуса Никольской обители, именовавшейся одновременно Иверским подворьем. Сам по себе факт передачи монастырских строений в подворье не уникален. «Греческие дела» хранят челобитную архиепископа Анании о предоставлении инокам Горы Синайской из вотчинных монастырей подворья для приезда и житья⁵⁰. Но оставались ли они при этом монастырями? Вопрос состоит в точности употребления терминов «подворье» и «монастырь», возможность сочетания которых проблематична. Ведь если помещения использовались преимущественно с хозяйственными, жилыми, коммерческими целями, а богослужебная деятельность играла вспомогательную роль, то это уже не обитель в полном смысле этого слова: произошла подмена понятий «подворье» и «приписной монастырь».

Под приписными монастырями понимались небольшие обители, получавшие на свое содержание средства от больших и богатых монастырей, к которым были приписаны⁵¹. Попытаемся, насколько это возможно, проверить соответствие Никольского монастыря второй половины XVII в. этому определению. На подворье действовала церковь (ее называли «Никола Старый»). Этот московский монастырь был передан в управление монастырю Иверскому, находившемуся на Афоне — Святой Горе. Оттуда присылали церковный штат. Как правило, он включал шесть священнослужителей (чер-

ных попов и дьяконов) и причт (в том числе двух певчих). Служили в церкви черные попы⁵². Храм был рассчитан не столько на потребности иверских старцев, сколько на духовные нужды всех московских греков. Известно о присутствии на одной из литургий Вселенских патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского. Посещали здешние службы приезжие архиереи и другие священнослужители, а также миряне, которых «иные русские попы... не пушали» в русские церкви⁵³. Этот храм стал религиозным центром для всех балканских выходцев, оказавшихся в Москве. Видимо, вся духовная жизнь иноков была сосредоточена на храме. Это подтверждается и «рописью» иверской братии, где помимо священнослужителей и причетников, обслуживавших церковь, числились только хозяйственные должности: казначей, келарь, поварные служки и портарий⁵⁴. Однако приведенные сведения не доказывают наличие здесь монашеской обители; подворье с церковью было очень распространенным явлением. Информация о иных формах богослужебной деятельности в «греческих делах» отсутствует.

Зато помещения Никольской обители активно использовались в коммерческих целях. Стали нормой постой всевозможных архиереев, а также греческих купцов. Плата, взимавшаяся с приезжих, составляла основную статью доходов иверской братии. Эта практика достигла такого размаха, что постояльцы занимали не только кельи, но и церковную паперть⁵⁵. Регулярное пребывание на территории Никольского монастыря мирян привело к активному обмирщению облика Иверского подворья. Недаром иностранцы сравнивали его с Греческим кварталом в Риме⁵⁶.

Финансовые отношения, сложившиеся у Николы Старого с Иверской обителью, не соответствовали статусу приписного монастыря, отношения которого с главным монастырем строились на получении денежного содержания. Проживавшие в Москве святогорские иноки не только его не получали, но обязаны были собирать пожертвования на Иверский монастырь и отправлять их на Афон⁵⁷.

Пожалуй, два самых серьезных довода в пользу подворья-монастыря связаны с его постоянными обитателями: это наличие здесь архимандритов и присылаемой с Афона братии. Если есть настоятель, то должна быть и обитель. Однако для ситуации второй половины XVII в. это утверждение не бесспорно. В Москве одновременно могли проживать по два иверских архимандрита и еще один, судя по присылаемым с Афона «листам», оставался на Святой Горе. Иногда при оглашении своего монашеского чина греки делали оговорки типа «архимандрит господин Исаакий иеромонах»⁵⁸. Таким образом, именование «архимандрит», применявшееся к грекам в Москве, было в большинстве случаев не монашеским чином, а почетным титулом, использовавшимся в расчете на повышение их престижа в глазах русских. И самое главное: лица, возглавлявшие подворье, никогда себя не называли

никольскими архимандритами, а рекомендовались «иверскими», «афонскими», «Иверского монастыря» архимандритами, подчеркивая таким образом свою принадлежность к святогорскому монашеству⁵⁹. Итак, присутствие на Иверском подворье лиц, носивших архимандритский титул, не может служить доказательством существования монастыря на его территории.

Передача Никольского монастыря Иверу сопровождалась болезненной процедурой, когда «русских старцев выслали вон»⁶⁰. На смену им была прислана братия со Святой Горы. Контингент обитателей Иверского подворья не был стабилен, что означало бы его обособленность от афонской обители, а напротив — был крайне подвижен. В соответствии с жалованной грамотой архимандрит с братией должны были обновляться каждые 4 года. Но даже в рамках этого срока состав иноков не отличался постоянством. С новым архимандритом обычно приезжало несколько монахов, остальные перемены производились в течение нового архимандричьего срока⁶¹. Данных о самооценке братии Иверского подворья немного. Греки всегда старались подчеркнуть свои афонские корни. Ивер они продолжали считать своим, определяя его как «тот наш большой монастырь»⁶².

Итак, владения Ивера в Москве во второй половине XVII в. представляли собой комплекс, состоявший из греческой церкви и жилых помещений, которые сдавались за плату посетившим российскую столицу грекам. Для эксплуатации построек, обслуживания храма и сбора средств для Иверской обители с Афона присылались иноки, не составлявшие новой монашеской общины и не имевшие своего настоятеля, поставленного по канонам церкви. На основании вышеизложенного приходится заключить, что с передачей территории Никольской обители Иверу монастырь перестал функционировать и был сменен подворьем с церковью.

По форме землевладения греческие жилища могли находиться в собственности церкви, государства и частных лиц. К церковным имениям относились монастыри и часть дворов, именуемых «поповскими». Не вполне удачное понятие «поповский двор» представляет собой собирательное название для всех разновидностей городских владений церкви, за исключением не являющихся «дворами» монастырей⁶³. «Домовые подворья» — это представительства российских епархий в Москве. В Китай-городе находилось два таких объекта: подворья Новгородского и Ростовского архиерейских домов⁶⁴. Для светских имений специальный термин отсутствует. Просто указывается имя хозяина «двора». Известно, что в 1675 г. на дворе А. П. Соковнина проживали греки, а в 1683 г. здесь же, близ Иконного ряда, проживал «Хиландарский митрополит Гавриил» (так он назван в документе)⁶⁵.

Использовались в качестве жилищ для «гречан» и «дворы», находившиеся в ведении государственных структур. В 1673 г. на Посольском дворе жил грек «из волоской земли» Илья Алексеев. Вскоре, однако, он был высе-

лен оттуда по случаю приезда шведского посольства⁶⁶. Упомянутый выше дом на Покровке также должен быть отнесен к разряду казенных «дворов». Со вступлением на престол Федора Алексеевича и усилением Милославских его владелец Артамон Матвеев был подвергнут опале и отправлен в ссылку. При этом вельможа лишился поместий, вотчин, дворов, людей и всего имущества. В связи с этими событиями и «двор» на Покровке отошел к Приказу сыскных дел. Именно в это время у русского правительства возникает идея поселить всех московских греков в одном месте — здесь, на «Матвеевом дворе». Покровка XVII–XVIII вв. была протяженнее нынешней. Она начиналась от Ильинских ворот китайгородской стены и заканчивалась у Земляного вала, пересекая, таким образом, и Белый город и Скородом. Маросейка была ее частью. Хоромы главы Малороссийского приказа Артамона Матвеева нужно искать именно там, на улице, где концентрировались учреждения этого ведомства. Они находились через три двора от Малороссийского подворья, на углу Покровки и современного Армянского переулочка, который, очевидно по этой причине, прозывался тогда Артемоновым⁶⁷. Дальнейшая история дома демонстрирует всю значимость статуса владельца, который учитывался правительством при расселении греков. В апреле 1681 г. какая-либо деятельность по переселению на Покровку «гречан» остановлена. В документах в качестве причины называются «нестроевание» и «разорение» двора. Однако политические мотивы здесь играли ведущую роль. С начала 1680-х гг. намечается улучшение положения А. Матвеева. Под влиянием Нарышкиных царь собирается вернуть опального савонника из ссылки. Он переведен из Пустозерска в Мезень и освобожден из-под стражи. В 1682 г. получен царский указ об освобождении осужденного и возвращении ему имущества, в том числе и московского двора. Переход двора в разряд частных сделал невозможным поселение здесь греков тем способом, которым предполагало его осуществить правительство. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как позволяет предположить, что специфика «поповских», казенных и частновладельческих дворов непосредственно отражалась на механизме расселения греков в домах этих категорий.

Наиболее масштабно представлены греки на церковных дворах. Контингент квартирантов был крайне разношерстен. Здесь останавливались и монашествующие, присланные из своих обителей за милостыней, и влиятельнейшие персоны Православного Востока, и торговый люд. Было два пути к обретению пристанища на «поповских дворах». В первом случае новоприбывшие действовали через посредство московских властей. Для этого они должны были «бить челом государю» о предоставлении пристанища⁶⁸. Прошение поступало в Посольский приказ. При положительном ответе царь давал указ о поселении, в котором, как правило, назывался тип жилища, а иногда — район города. Например, в 1673 г. Алексей Михайлович

указал грека Илью Иванова «поставить в Китае-городе на монастырском подворье где пригоже»⁶⁹. Выбор места проживания в этом случае полностью был в руках русских. Часто греки пытались повлиять на решение, называя в челобитных конкретные адреса⁷⁰. Однако примеров того, что они достигли своих целей, в источниках не замечено. Далее царское распоряжение поступало в Монастырский приказ⁷¹, который впоследствии курировал этих греков по всем бытовым вопросам.

Имели «гречане» возможность обустраиваться и самостоятельно, договариваясь непосредственно с владельцами домов, в которых они желали остановиться. Большинство из них устремлялось к своим соотечественникам на Хиландарское, а затем на Иверское подворье⁷². Однако этот путь был чреват всевозможными неприятными неожиданностями. Случалось, что, не находя пристанища, чужеземцы «скитались меж двор». А иногда, уже устроившись, были вынуждены покинуть обжитые помещения⁷³.

Отношение владельцев «поповских дворов» к своим постояльцам было различным. В 1672 г. Алексей Михайлович «пожаловал» архиереев, имевших в Москве «домовые» подворья, разрешив им «никаких людей и ни с какого приказа не ставить» у себя⁷⁴. Очевидно, что речь шла о лицах, поставленных по царскому распоряжению, и что указ был принят в интересах самих архиереев. Однако в 1683 г. на подворье Ростовского митрополита нашла приют группа греков: архиепископ Азания со своими спутниками и иеромонах с о. Хиоса Герасим — племянник знаменитого иеродиакона Мелетия; без какого-либо испрошения на то государевой воли Герасим перебрался позже к своему дяде⁷⁵. Следовательно, греки, о которых идет речь, устроились на подворье вторым способом. Видимо, такие возможности имел в виду иверский архимандрит Феодосий, когда просил «свести» с их двора поставленного по царскому указу архиепископа Манассию⁷⁶ (как уже говорилось, иверские иноки активно сдавали свои помещения соотечественникам, а значит, пребывание на подворье Манассии не сулило им денежной выгоды).

Иначе говоря, держатели «поповских дворов» испытывали скрытое неудовольствие, когда им приказывали оказать приют грекам. Создается впечатление, что «постои» этих лиц навязывались государством и были своего рода повинностью. Коммерческое использование большинства помещений заставляет предположить, что ущемлялись финансовые интересы домовладельцев. Видимо, московские власти размещали постояльцев с оплатой, не соответствующей запросам хозяев. Не исключено, что часть суммы выплачивалась самим государством.

Итак, специфика «поповских дворов» состояла в наличии у «гречан» двух путей для обретения здесь жилища. Можно было добиться у правительства разрешения на «постой». В таком случае выбор условий и места

проживания находился целиком в руках властей и в частности курирующего этот тип жилищ Монастырского приказа. Однако такой путь имел ряд преимуществ, выразившихся в гарантированности жилища и его уровня, а также льготах при его оплате. Если же греки желали иметь полную свободу в выборе типа жилища и его месторасположения, они имели возможность обустраиваться самочинно, в обход московских властей. Финансовые и бытовые условия их проживания в таком случае непосредственно зависели от договоренности с владельцем двора.

Данных о пребывании «гречан» на частновладельческих дворах немного, однако это не может служить доказательством, что «постои» греков у частных лиц были редкостью. Скорее всего, способ обретения этих жилищ не фиксировался в делопроизводстве, то есть здесь стояли неофициальные квартиранты, правительство не чувствовало себя ответственным за обустройство этих лиц. Следовательно, частновладельческие дворы были разновидностью греческих жилищ, где останавливались «гречане», не прибегавшие к услугам московских властей.

Напротив, на казенных «дворах» постой неофициальных лиц были практически исключены. Помещения отводились «гречанам» только по царскому распоряжению. «Свести» со двора без государева указа также было невозможно. Надзор над постояльцами возлагался на учреждение, за которым объект бывал закреплен; например, для проживавшего на Посольском дворе Ильи Алексеева таковым являлось русское дипломатическое ведомство и персонально думный дворянин С. Н. Заборовский; «Артемонов двор» был приписан к Сыскному приказу, и обязанности по приему греков лежали лично на его главе — боярине Ю. А. Долгорукове⁷⁷.

Итак, механизм расселения греков непосредственно зависел от статуса двора. Выбор конкретных дворов определяло наличие каменных построек, пригодных для хранения ценной поклажи.

На казенных дворах «ставились» исключительно по государеву указу. На частновладельческих дворах можно было получить жилье только по личной договоренности с хозяином в обход государственных структур. На монастырских подворьях использовались оба способа расселения. Та же ситуация была на «домовых» подворьях до 1672 г., когда по милости царя епархиальные архиереи были освобождены от принудительных постоев.

Подведем итоги. Обиталища «гречан» в Москве можно классифицировать или же по территориальному признаку: расположенные в Кремле, Китай-городе, в Белом городе или за валом (то есть в Земляном городе), либо по функциональному назначению строений (монастыри и дворы с подворьями как их разновидностью). По статусу владельца различаются церковные имения, большую часть которых составляли «поповские» дворы (монастырские и «домовые» подворья), казенные и частные дворы. Соответственно,

степень удаленности от центра, богослужбное или жилое использование помещений и применяемая форма «постоев» (по договоренности или как повинность) — важнейшие характеристики, обуславливавшие механизм расселения греков в городе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 5–6.
- 2 Морозова Л. Е. Федор Иванович // ВИ. 1997. № 2. С. 65. Весьма полную сводку библиографии вопроса о греческой эмиграции в Россию, об ее различных мотивах и результатах см.: Араджиони М. А. Эмиграция греков в Украину в XVI — первой трети XIX в. // Греки и славяне: 1000 лет. Донецк, 1997. № 1. С. 77–86.
- 3 Флоря В. Н. Вопросы о создании греческого училища и греческой типографии в Москве в 30–40-х годах XVII в. // Греческая культура в России. М., 1999. С. 12–20; Яламас Д. Столкновение представлений греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII в. Некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов // Научные доклады Филологического факультета МГУ. Вып. 2. 1998. С. 119–123; Он же. Два неопубликованных панегирика братьев Лихудов // Византийский временник. Т. 55 (80). М., 1994. С. 210–214.
- 4 Александропулос О. «История России» Дионисия Иверита. Ее источники и место среди греческих произведений о России XVII века // Славяноведение. 1994. № 3. С. 101–107.
- 5 Оларий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 149–151; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву // Чтения Общества истории древнерусской литературы при Московском университете. 1891. Кн. 3. С. 57–67.
- 6 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1995. С. 221.
- 7 «В актах XVII в. обозначена за Яузою Греческая слобода в приходе ц. Св. Николы на Ямах» (Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М., 1865. С. 113). Снегирев ссылается на Расходную книгу Приказа Большой Казны 1662 г.; см. также: Снегирев В. Л. Московские слободы. М., 1956. С. 35, 120, 129, 203. С. К. Богоявленский в исследовании о московских слободах и сотнях упоминает в числе иноземных слобод и Греческую слободу по факту ее упразднения в 1671 г. (Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930. С. 124); обобщив свои материалы, этот автор составил историческую карту Москвы XVII в.; за Земляным городом в районе ц. Св. Николы на Ямах им показана Греческая слобода (План Москвы около

- середины XVII в. Составил С. К. Богоявленский // История Москвы. Т. I. М., 1952. С. 447. Приложения. Планы. Л. 7). М. Н. Тихомиров, П. В. Сытин и авторы шеститомной «Истории Москвы» опираются на материалы С. К. Богоявленского как наиболее авторитетного исследователя московских слобод. См.: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950. С. 104, 108; История Москвы. Т. I. М., 1952. С. 489; Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992. С. 113–114, 135.
- 8 РГАДА. Ф. 210. Стб. 667. Л. 112.
 - 9 Там же. Стб. 131. Л. 50. Л. 417.
 - 10 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 115.
 - 11 РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1604 г. № 3; 1620 г. № 2; 1626 г. № 17; 1630 г. № 26. См. также: Флоря В. Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.) // Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978. С. 57–63; Заборовский Л. В. Торговцы-греки в коммерческих связях между Османской империей и Россией // История. Культура. Этнология. М., 1994. С. 52–68.
 - 12 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 368. Л. 31.
 - 13 Там же. Стб. 325.
 - 14 Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. № 5. Л. 2.
 - 15 Там же.
 - 16 Там же. Л. 3.
 - 17 Там же.
 - 18 Там же.
 - 19 Там же. Ф. 210. Стб. 131. Л. 418; Ф. 159. Оп. 2. № 1028. Л. 10; Ф. 141. 1672 г. № 177.
 - 20 Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел Патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми. М., 1884. С. 755.
 - 21 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 1992. Л. 39.
 - 22 Там же. Ф. 141, 1672 г. № 177; Ф. 210. Приказной стол. Стб. 667. Л. 112–114.
 - 23 Росписной список города Москвы 1638 г. // Труды Московского Отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. I. М., 1911.
 - 24 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1669 г. Д. 6. Л. 25; Имена московских улиц. М., 1975. С. 324.
 - 25 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1680 г. Д. 7. Л. 2.
 - 26 Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1683 г. Д. 9. Л. 74.
 - 27 Там же. 1669 г. Д. 13. Л. 6, 9–12.
 - 28 Там же. 1675 г. Л. 9. Л. 1.
 - 29 Пайчадзе Г. Г. К истории грузинской колонии в Москве в XVII–XVIII вв. Тбилиси, 1892. С. 18; Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 214; Снегирев И. М. Никольская улица в Китай-городе. М., 1853. С. 27.
 - 30 Палаузов С. Грамота старцев Хиландарского монастыря царю Ивану Васильевичу Грозному. СПб., 1861. С. 13–15; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1683 г. Д. 9. Л. 58.

- 31 Там же. Л. 30, 58.
- 32 Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. I. М., 1911. С. 15.
- 33 *Латышева Г. П., Рабинович М. Г.* Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 147–148.
- 34 *Сытин П. В.* Указ. соч. С. 100, 263; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1683 г. Д. 9. Л. 13, 30; 1673 г. Д. 9. Л. 1; *Богоявленский С. К.* Научное наследие. М., 1980. С. 174–180; *Бураков Ю. Н.* Указ. соч. С. 157.
- 35 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1673 г. Д. 9. Л. 1; Там же; 1683 г. Д. 1. Л. 115. Там же. 1673 г. Л. 9. Л. 1.
- 36 *Сытин П. В.* По старой и новой Москве. М.; Л., 1947. С. 40.
- 37 *Пыляев М. П.* Старая Москва. Рассказы о былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990. С. 352–358.
- 38 Цит. по: *Пыляев М. П.* Указ. соч. С. 355.
- 39 *Снегирев В. Л.* Московские слободы. С. 188–189.
- 40 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1669 г. Д. 6. Л. 25; 1676 г. Д. 8. Л. 3–4.
- 41 *Бураков Ю. Н.* Указ. соч. С. 180, 183.
- 42 Там же. С. 186; Переписи московских дворов XVIII в. М., 1898. С. 176–178.
- 43 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 1; *Рубан В. Г.* Описание Императорского столичного города Москвы. СПб., 1775. С. 56.
- 44 *Сытин П. В.* По старой и новой Москве. М.; Л., 1947. С. 127–130.
- 45 Там же. С. 129–130.
- 46 *Даль В.* Толковый словарь... Т. I. М., 1955. С. 422–423.
- 47 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1672 г. Д. 15. Л. 4.
- 48 *Барсегян Т. В.* Типология монастырских поселений России // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997. С. 15; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 15. 1989. С. 242; Словарь современного русского языка. Т. 3. 1951. С. 249.
- 49 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1669 г. Д. 9. Л. 25; Д. 13. Л. 6.
- 50 Там же. 1683 г. Д. 1. Л. 99.
- 51 *Барсегян Т. В.* Указ. соч. С. 9.
- 52 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1668 г. Д. 3. Л. 1, 8; 1669 г. Д. 13. Л. 1; 1681 г. Д. 3. Л. 30.
- 53 Там же. 1668 г. Д. 3. Л. 6; 1669 г. Д. 13. Л. 1, 6.
- 54 Там же. 1668 г. Д. 3. Л. 8.
- 55 Там же. 1666 г. Д. 21. Л. 15; 1669 г. Д. 13. Л. 6; 1671 г. Д. 16. Л. 39; 1676 г. Д. 4. Л. 17; 1678 г. Д. 5. Л. 4; 1681 г. Д. 3. Л. 2; 1666 г. Д. 21. Л. 15; 1676 г. Д. 4. Л. 17; *Каптеров Н. Ф.* Русская благотворительность монастырям Святой Горы Афонской. СПб., 1882. С. 467.
- 56 Иверский монастырь на Святой горе Афонской и Московский Николаевский монастырь. М., 1894. С. 42.
- 57 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 6; 1681 г. Д. 3. Л. 2, 10; *Каптеров Н. Ф.* Указ. соч. С. 467.
- 58 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1668 г. Д. 3. Л. 6; 1670 г. Д. 42. Л. 6; 1676 г. Д. 2. Л. 17.

- 59 Там же. 1666 г. Д. 56. Л. 1; 1668 г. Д. 3. Л. 1; Д. 26. Л. 3; 1669 г. Д. 13. Л. 3, 5; 1676 г. Д. 2. Л. 11, 15; 1670 г. Д. 54. Л. 2; 1671 г. Д. 16. Л. 39; 1681 г. Д. 3. Л. 30.
- 60 Там же. 1669 г. Д. 13. Л. 6.
- 61 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. С. 248; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1669 г. Д. 2. Л. 13.
- 62 Там же. 1681 г. Д. 3. Л. 2.
- 63 Там же.
- 64 Там же. 1672 г. Д. 31. Л. 1; 1680 г. Д. 7. Л. 2; Переписи московских дворов XVIII в. М., 1898. С. 176–178; *Сытин В. П.* Указ. соч. С. 263, 277.
- 65 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1675 г. Д. 9. Л. 1; 1683 г. Д. 9. Л. 13.
- 66 Там же. 1673 г. Д. 9. Л. 1.
- 67 «Око всей великой России». Из истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. М., 1989. С. 177; *Рубан В. Г.* Указ. соч. С. 59, 67; *Сытин В. П.* Указ. соч. С. 150–151.
- 68 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1666 г. Д. 21. Л. 15.
- 69 Там же. 1673 г. Д. 9. Л. 2.
- 70 Там же. 1669 г. Д. 6. Л. 25; 1673 г. Д. 9. Л. 1.
- 71 Там же. 1671 г. Д. 16. Л. 5; 1672 г. Д. 31. Л. 1; 1676 г. Д. 8. Л. 3.
- 72 Там же. 1666 г. Д. 21. Л. 15; 1678 г. Д. 5. Л. 4; 1683 г. Д. 9. Л. 74.
- 73 Там же. 1666 г. Д. 21. Л. 15; 1669 г. Д. 18. Л. 5.
- 74 Там же. 1672 г. Д. 31. Л. 1.
- 75 Там же. 1673 г. Л. 9. Л. 1; 1683 г. Д. 1. Л. 115, 116.
- 76 Там же. 1671 г. Д. 16. Л. 5, 39.
- 77 Там же. 1673 г. Д. 9. Л. 2; 1975 г. Д. 9. Л. 1, 2; 1676 г. Д. 8. Л. 3, 4, 6; 1680 г. Д. 7. Л. 3; 1683 г. Д. 9. Л. 13.

2 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГРЕКОВ В РОССИЮ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Греки относятся к числу древнейших народов, живущих на российских территориях. История их восходит к VII—VI вв. до н. э., когда началась греческая колонизация Северного Причерноморья. С тех далеких времен греческое население нашей страны рассеивалось, в известной степени ассимилировалось и постоянно пополнялось новыми переселенцами. Особенно греческая эмиграция в Россию усилилась после падения Византии и установления в Греции османского господства.

Греческие переселенцы оседали во многих городах российского государства. В XVII в. наиболее крупная греческая община, состоявшая главным образом из выходцев из Эпира и Македонии, сложилась в украинском городе Нежине. Она пополнялась не только за счет греков, но и за счет других православных жителей Балкан, спасавшихся от произвола османских завоевателей в единой России. Поселившиеся в Нежине балканские эмигранты вели обширную торговлю по всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Ими была создана своя торговая корпорация — «Нежинское греческое купеческое братство». Члены братства пользовались большими привилегиями, предоставленными им Петром I, Екатериной II и другими царями: они были освобождены от налогов, подворной повинности, солдатских постоев. Орган самоуправления — Нежинский магистрат имел обширные административные полномочия. Например, ему было предоставлено право выдачи заграничных паспортов нежинским грекам и паспортов на въезд во внутренние губернии России грекам — подданным иностранных государств. Однако в конце XVIII в. торговое значение Нежина упало в связи с выходом России на побережье Черного моря, перемещением торговых путей и возрастанием удельного веса морской торговли. Нежин постепенно терял свое значение. Многие греческие купцы переселились в другие города, продолжая при этом пользоваться привилегиями, предоставленными им царским правительством. Некоторые из греческих жителей Нежина обосновались в основанных на побережье Черного моря портовых городах, где переселенцы из Османской империи создали новые греческие общины¹.

Земли Северного Причерноморья отошли к России в результате трех русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. Каждая из этих войн,

в которых греки активно участвовали на стороне России, служила толчком к массовой греческой эмиграции в Россию. Самую большую ее волну вызвала русско-турецкая война 1768—1774 гг. Эмиграция эта носила ярко выраженную политическую окраску. Основную массу мигрантов составляли солдаты и офицеры восьми добровольческих батальонов, сформированных из греков командованием русской эскадры в Архипелаге. После окончания войны греческие добровольцы с семьями отправились на кораблях русской эскадры в Россию. Вместе с ними уехали и многие жители Архипелага. Общее число покидавших родину составило несколько тысяч человек.

Юридической основой этой эмиграции служила статья 17 Кючук-Кайнарджийского договора, предоставлявшая жителям Архипелага право переселяться в Россию в течение года после подписания договора. Но и после истечения срока греки продолжали уезжать на постоянное жительство в Россию. Среди переселенцев были выходцы из различных областей Греции, хотя указанная статья мирного трактата относилась только к Архипелагу.

Общий хаос и неразбериха, царившие тогда в Османской империи, отсутствие эффективной системы пограничного контроля создавали благоприятные условия для этой нелегальной эмиграции. Греки-островитяне панимались матросами на корабли под русским флагом, плававшие в Средиземном море, и очень часто уже не возвращались в османские владения. К эмигрантам, ранее обосновавшимся в России, перебирались при содействии русских дипломатов их родственники из Греции.

Об одной из таких операций — тайном вызове семьи известного участника Пелопоннесского восстания 1770 г. Стефаноса Мавромихалиса — русский посол в Стамбуле В. П. Кочубей сообщал 15 (26) октября 1796 г. таврическому губернатору Жегулину: «Прапорщик Ксанто Мавромихали, присланный ко мне с рекомендательным письмом от вашего превосходительства для вывозения из Мореи семьи и родственников албанских войск* подполковника и кавалера Стефана Мавромихали, поручение, на него возложенное, удачно исполнил и родственников помянутого подполковника, состоящих обоюбого пола в 11 душах, скрытым образом сюда вывез»².

Непрерывно прибывавшие из Османской империи переселенцы пополняли греческие колонии, возникшие в России после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Как уже говорилось, несколько тысяч новоселов прибыло в Россию в 1775 г. на кораблях средиземноморской эскадры. Из среды эми-

* «Албанскими войсками» назывались добровольческие подразделения, составленные из жителей балканских стран, участвовавшие в экспедициях российского флота в Архипелаг в 1770—1774 гг. Их название связано не столько с национальным составом, сколько с распространенным в те времена среди албанцев наймом на иностранную военную службу.

грантов, выразивших желание нести регулярную военную службу, был сформирован в 1779 г. Греческий батальон (иногда его называли «албанским корпусом»); до 1783 г. он квартировал в Керчи и Еникале, а в 1784 г. переведен в Балаклаву. С 1797 г. это воинское соединение стало именоваться Балаклавским греческим батальоном, ему было поручено нести кордонную службу на участке крымского побережья от Севастополя до Феодосии³.

Численность греческой общины Керчи и Еникале в 1801 г. составляла 605 чел.⁴ Балаклавский греческий батальон насчитывал в 1818 г. 1194 чел. В это число помимо военнослужащих действительной службы входили вышедшие в отставку, а также и те, кому еще предстояло служить⁵.

Не все приехавшие в Россию греки поступали на военную службу. Многие из них избрали мирные занятия. Указом Екатерины II от 28 марта (8 апреля) 1775 г. переселенцам были предоставлены значительные привилегии. Они на 30 лет освобождались от всех податей и рекрутского набора и получили разрешение иметь собственный магистрат⁶. Он был создан в 1795 г. под названием Воспорского.

Из-за недостатка земли невозможно было поселить всех греков, прибывших с Архипелага, в районе Керчи. Поэтому генерал-губернатор Новороссийского края Г. А. Потемкин в воззвании от 2 (13) августа 1776 г. призвал их селиться при Таганрогском порте, обещая в таком случае распространить на них привилегии, дарованные керченским грекам. Призыв Г. А. Пртемкина нашел большой отклик у переселенцев. Сушей и морем они двинулись в Таганрог. Здесь греки построили жилые дома, пакгауз, морские суда, водочные, свечные и макаронные фабрики, развели сады и виноградники⁷.

Значительное греческое поселение возникло в 1779 г. в районе города Мариуполя. По побуждению русского правительства греки — старожилы Крыма переселились на побережье Азовского моря и построили город Мариуполь и два десятка селений в его окрестностях. Это была самая большая группа: всего на Мариупольщине в 1816 г. насчитывалось 11,5 тыс. греков мужского пола⁸ (ей посвящены специальные главы настоящей книги). В отличие от других, по преимуществу торговых общин Южной России, мариупольцы, как и их крымские предки, продолжали заниматься главным образом земледелием, скотоводством, отчасти рыболовством. Так как крымские греки оказали российскому правительству важные политические услуги и при переселении вынуждены были оставить все свое недвижимое имущество, Екатерина II предоставила им весьма значительные привилегии: освобождение на 10 лет от всех налогов и повинностей. Они навечно освобождались от рекрутского набора, получили право местного самоуправления⁹.

После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сформировалась и греческая община Херсона. Наряду с эмигрантами из Греции в ее состав во-

шло более 100 греков с острова Менорки, перебравшихся в Россию около 1784 г.

Содействуя греческой эмиграции, Екатерина II преследовала определенные цели: для освоения богатых, но в то время еще совершенно пустынных земель, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому миру, требовалось много рабочих рук. Греки, среди которых были и земледельцы, и ремесленники, и опытные моряки, представляли в этом отношении весьма ценный человеческий материал. Но, пожалуй, еще большее значение в деле покровительства греческим переселенцам играли политические планы Екатерины II, нашедшие воплощение в так называемом «греческом проекте», который предусматривал изгнание османов из Европы, создание греческой империи во главе с внуком Екатерины — Константином. Поэтому императрица всячески стремилась упрочить свое влияние среди греков: привилегии, предоставленные греческим общинам в России, должны были создавать впечатление, что императрица искренне заботится об их благе.

Следствием русско-турецкой войны 1787–1791 гг. была новая волна греческой иммиграции в Россию, хотя и не столь значительная, как после войны 1768–1774 гг. Очередное военное выступление России против Османской империи встретило в Греции поддержку. Майор российской службы (позднее полковник), греческий патриот Ламброс Качонис (в русских документах он значится как Ламбро Качони) сформировал на Средиземном море добровольческую флотилию, которая в течение трех лет, с 1788 по 1791 г., вела успешные военные операции и отвлекала крупные силы турецкого флота с черноморского театра войны. После заключения в 1791 г. Ясского мира, завершившего войну, Качонис предпринял самостоятельную акцию с целью освобождения от турок всех греческих территорий. Она завершилась неудачей. Сотни греков и албанцев, сражавшихся на кораблях Качониса, нашли убежище в южных губерниях России.

Многие из этих эмигрантов оказались без средств к существованию. Своей преданностью России они заслужили внимание и помощь со стороны русского правительства. Руководствуясь этим, тогдашний генерал-губернатор Новороссийского края и главнокомандующий Черноморским флотом П. А. Зубов предложил Екатерине II сформировать из эмигрантов греко-албанский дивизион численностью в 300 человек. Императрица согласилась с этим предложением и 19 (30) апреля 1795 г. утвердила Положение о новом дивизионе. Было решено для поселения чинов дивизиона и их родственников (которые придут к ним из-за границы) отвести 15 тыс. десятин «земли удобной» в окрестностях Одессы. Одновременно П. А. Зубов принимал меры и для привлечения в Одессу греков-колонистов. В первую очередь он стремился поселить в новом морском порту жителей Архипелага, славившихся своей коммерческой предприимчивостью и мореходными навыками.

Одесса была основана в 1794 г. на землях Северного Причерноморья, отошедших к России в результате ее победы в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Греки-добровольцы, участвовавшие в этой и других русско-турецких войнах в царствование Екатерины II и переселившиеся потом в Россию, были в числе первых жителей нового города. В последующие годы греки, спасаясь от произвола и насилия османских властей, в поисках лучшей доли продолжали селиться в Одессе. В отличие от Нежина, греческое население которого состояло в основном из уроженцев Эпира, греческая община Одессы формировалась из жителей разных районов Греции: Мореи, Фессалии, Румелии, Македонии. Особенно значительна была прослойка переселенцев из Архипелага, Ионических островов, а также из Константинополя (Стамбула).

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. привела к дальнейшему росту греческого населения в России, в первую очередь за счет присоединения Бессарабии. В городах и местечках Бессарабии, особенно в Измаиле, Килии, Аккермане, еще при турецком господстве селились греки, привлеченные сюда покровительством, которое оказывали своим соотечественникам правившие в Молдавии господари-фанариоты. В результате присоединения Бессарабии к России усилилось значение придунайских населенных пунктов во внешней торговле. Это обстоятельство вызвало приток сюда мигрантов-христиан, бежавших из Османской империи. Это были люди различной этнической принадлежности, среди них — греки.

Греческая колония образовалась, в частности, в местечке Рени (Томарова). После заключения Бухарестского мира адмирал П. В. Чичагов, командовавший тогда Дунайской армией, разрешил вести через Рени заграничную торговлю. Это решение русского командующего, как позднее писали сами ренийские жители-греки, «вызвало нас с разных сторон поселиться и устраивать дома и магазинны»¹⁰. Некоторые греки, жившие ранее в Болгарии, перебрались в Бессарабию в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. вместе с тысячами болгар, так называемых «задунайских переселенцев». Новое пополнение в период этой войны получили и греческие общины Северного Причерноморья и Крыма.

Несмотря на военное время, торговые корабли греков с разрешения русского правительства беспрепятственно курсировали между русскими и турецкими портами. Они привозили в Россию на постоянное и временное жительство греков — жителей Синопа, Трапезунда, Стамбула, Архипелага и других областей Османской империи. Приезжавшие в Россию греки, не имевшие, как правило, никаких документов, по их желанию, без каких-либо задержек и формальностей, могли получить российское подданство. 28 февраля (12 марта) 1812 г. Комитет министров России принял специальное постановление по этому вопросу, в котором говорилось, что «...греков,

приезжающих в Россию для вступления в подданство, можно принимать и без видов, в том уважении, что им оные получить трудно и что им Россия всегда оказывает покровительство»¹¹.

После завершения русско-турецкой войны 1806–1812 гг. греческая эмиграция в Россию продолжалась. Многие греки, приезжавшие в Россию на купеческих кораблях, надолго оседали в русских черноморских и дунайских портах. И все же масштабы греческой эмиграции в Россию после 1812 г. явно сократились. Определенно уменьшился также и процент натурализовавшихся в России эмигрантов.

Целый ряд причин вел к уменьшению эмигрантского движения. Прежде всего изменилась сама колонизационная политика российского правительства; согласно введенным в 1817 г. новым правилам поселения колонистов в России, льготы иностранцам-колонистам были сокращены: им уже не предоставлялась денежная ссуда, а лишь отводились от казны участки земли.

Что же касается конкретно греческой эмиграции, то ее уменьшение вызывали свои особые причины. После завершения наполеоновских войн в Европе Александр I взял курс на улучшение отношений с Османской империей и на урегулирование спорных вопросов, существовавших между обеими странами. Частые споры и конфликты вызывало русское «покровительство» грекам, рамки и формы которого были весьма широкими и неопределенными. Поэтому царское правительство приняло меры для более точного определения правовых оснований для предоставления грекам «покровительства» со стороны русских дипломатов.

Главным критерием для получения этих преимуществ стало наличие российского подданства. Поэтому эмигранты уже не могли, как прежде, пользоваться благами фактического двойного подданства и должны были натурализоваться. Но на вступление в российское подданство многие греки-эмигранты шли неохотно. Помимо того, что после 1812 г. связанные с этим формальности усложнились, принятие российского подданства означало отказ от надежды на возвращение в Грецию.

Между тем это были годы, когда греческое общество было охвачено национальным подъемом. Многие греки-эмигранты по мере своих сил и возможностей участвовали в национально-патриотической деятельности. И когда прозвучал призыв Александра Ипсиланти к восстанию, то на него откликнулись не только недавние эмигранты, но и некоторые из греков, для которых Россия уже стала второй родиной. Греческая война за независимость, давшая грекам свой национальный очаг, положила конец эмиграции из Греции в Россию как массовому движению.

Итак, 1812 г. можно считать важной вехой в истории греческой эмиграции в Россию. Он завершил 37-летний период (1775–1812 гг.), когда в усло-

виях следовавших одна за другой русско-турецких войн, в которых активно участвовали и греки, при поддержке и поощрении со стороны царского правительства в массовых масштабах шло переселение греков в Россию.

Эти мигранты вместе с коренным греческим населением, уже жившим в пределах России, создали в краю, бывшем в древности зоной греческой колонизации, цепь греческих общин, тянувшихся от устья Дуная до Азовского моря.

Из греческих общин Бессарабии наиболее многочисленной и преуспевающей была община Измаила. По данным на 1820 г., из 8439 жителей крепости Измаил и города Тучков греков — российских, английских и турецких подданных — насчитывалось 369 душ¹². Среди них были крупные и мелкие купцы, приказчики, матросы, булочники, сапожники, слуги. Греки жили в Бессарабии и в других районах как в городах, так и в селах. Из 24 360 «задунайских переселенцев» (1816 г.) 330 человек составляли греки, обосновавшиеся главным образом в Томаровском цынуте¹³. К ним следует добавить еще греков-купцов, поселившихся в местечке Рени (Томарова)¹⁴, о которых речь уже шла выше. В 20-х гг. XIX в. в Бессарабии небольшие греческие общины существовали также в Кишиневе, Аккермане, Хотине.

В Новороссии наиболее преуспевающей была греческая община Одессы. В 1795 г. Екатерина II утвердила «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев». Им выделялись денежные пособия и дома, выстроенные за казенный счет. Кроме того, они на 10 лет освобождались от всех податей и повинностей. Была учреждена также специальная должность попечителя над переселенцами, который обязан был заботиться «о доставлении им при переселении и водворении всякого пособия, об охранении их от притеснений и соблюдении в обществе их мира, тишины и доброго согласия». Попечителем этим был назначен подполковник А. Кесоглу, тоже грек из эмигрантов, «по уважению его и доверенности в нации греческой»¹⁵.

Текст «Положения» был переведен на новогреческий язык и послан в Стамбул русскому посланнику В. П. Кочубею для распространения среди греков.

К концу 1795 г. решения правительства о поселении греков в Одессе в значительной мере были претворены в жизнь: в Одессу с Архипелага и других мест прибыло 62 семейства и, кроме того, 27 купцов и 14 человек разного звания. Всем желающим были выделены участки для строительства домов. Кроме того, за счет казны было выстроено 32 дома, в которых по «азиатскому образцу» были устроены и лавки. Они были отданы малоимущим переселенцам. К этому же времени был сформирован и полностью укомплектован греческий дивизион в составе трех рот¹⁶.

Первым командиром дивизиона стал майор Константин Бицилли, принадлежавший к известной в Химаре (Южная Албания) семье, многие члены которой переселились в Россию после войны 1768–1774 гг. В 1796 г. командиром дивизиона был назначен майор Николаос Пангалос, соратник Ламброса Кациониса¹⁷.

К этому времени дивизион не успел вступить во владение землей, отведенной ему на речке Барабой, в 20 верстах от Одессы. В 1797 г. рескриптом Павла I дивизион был ликвидирован, однако в 1803 г. Александр I восстановил его под названием «Одесского греческого пехотного батальона». Со временем район его расселения получил название «греческое местечко Александровка». В 1816 г. здесь жило 516 человек (291 мужчина и 225 женщин)¹⁸. Большинство служащих батальона не обрабатывали землю сами, а сдавали ее в аренду, предпочитая заниматься торговлей¹⁹.

В 1795 г. греки составляли около 10% населения города (224 из 2349 жителей)²⁰. В последующие годы население Одессы росло значительными темпами. Большой спрос на рабочие руки, легкость приобретения земли, постоянный рост морской и сухопутной торговли, создавший возможности для быстрого обогащения, привлекали в город переселенцев: немцев, французов, итальянцев, греков, болгар, молдаван. В 1803 г. население Одессы составляло 9 тыс., в 1808 г. увеличилось до 12,5 тыс.²¹, а в 1817 г. достигло уже 32 740 человек. Среди них было примерно полторы тысячи греков.

В первые годы XIX в. русское правительство по-прежнему всячески поощряло заселение Одессы — крупнейшего строящегося порта на Черном море — выходцами из Османской империи. Практическое содействие переселению оказывали российские дипломаты. Так, сотрудники российского посольства в Константинополе (Стамбуле) поручали всем шкиперам, отправлявшимся в российские черноморские порты, «заходить в турецкие порты... и забирать там изготовленные к переселению в Россию фамилии болгар и греков столько, сколько каждый на судно свое поместить может, и отвозить оных в Одессу; за что по возвращении своем в Константинополь, когда представят в доставлении тех переселенцев от Одесского магистрата или карантинного начальства свидетельства, то будет им платиться здесь по 12 пиастров за каждую мужеска и женска пола душу». На этих условиях в 1802 г. в Одессу было перевезено около 600 человек²².

Греки в Одессе занимались торговлей и различными ремеслами, в частности, их много было среди одесских булочников, каменщиков, плотников, портных. Из греческих ремесленников — незаменимых мастеров корабельного дела — был организован в 1806 г. специальный цех корабелов. Интересно, что члены этого цеха создали свою систему социального страхования. Здесь был заведен так называемый «сиротский ящик», в который они «повинны были все без изъятия опускать по 10 копеек каждое воскресенье

для того, что если кто заболает, то оного кормить и пользоваться из сказанного сиротского ящика»²³.

Удельный вес греков, бывших среди первых жителей Одессы, в городском населении постоянно уменьшался: в 1795 г. он составлял 10%, в 1817 г. — 5%, а в 1910 г. — менее 2%²⁴. Поэтому, как замечает известный греческий исследователь истории греков в России К. Папулидис, мнение о том, что Одесса была «греческим городом», является мифом. Появлению такого представления об Одессе способствовало, по мнению исследователя, могущество местного греческого купечества²⁵. Так, в 1800 г. из 39 наиболее богатых одесских купцов, принадлежавших к I и II гильдиям, 24 были греками. Через Одессу на внешний рынок шел огромный поток новороссийской пшеницы, и в этой прибыльной торговле греческим купцам города принадлежало важнейшее место. В 1817 г. (год наивысшего подъема хлебного экспорта) в Одессе было зарегистрировано 65 купеческих фирм. Наиболее крупными из них были греческие²⁶.

Во втором десятилетии XIX в. Одесса стала крупнейшим портом Черного моря. Более 800 кораблей ежегодно швартовалось в ее бухте. Через Одессу шла также основная масса иностранных товаров, ввозившихся через черноморские порты в Россию.

Коммерческая предприимчивость греческих купцов, их энергия и деловая хватка в немалой степени способствовали расцвету Одессы и в целом российской торговли и судоходства на Черном море. Но и сами греческие купцы не остались внакладе. Некоторые греки, прибывшие в Одессу без гроша в кармане, стали обладателями крупных капиталов. Своим богатством и размахом торговых операций выделялись десять греческих купцов Одессы: Теодорос Серафинос, Александрос Маврос, Димитриос Инглезис, Александрос Кумбарис, Василиос Яннопулос, Григориос Маразлис, Кирьякос Папахаджис, Ильяс Манесис, Иоаннис Амвросиу, Димитриос Палеологос. Совокупное состояние этой десятки богатейших купцов оценивалось в 1817 г. в 10 млн рублей ассигнациями²⁷. Они не только вели обширную торговлю, но и осуществляли банковские операции, им принадлежали корабли, заводы, земельные поместья. Очень приметной была деятельность торгового дома семьи Родоканаки. Они занимались обширной торговлей, грузовыми перевозками, куплей-продажей недвижимости, вкладывали деньги в различные производства, финансовые операции. Купец I гильдии, основатель торгового дома Ф. П. Родоканаки (выходец с о. Хиос) неоднократно избирался депутатом Одесской городской думы, занимал должность генерального консула Тосканы в Одессе, исполнял и другие общественные и государственные обязанности. Такие же звания, должности и обязанности унаследовал и его сын Перикл. Семейство Родоканаки основало на свои средства Греческое девичье училище (просуществовало с 1871

по 1914 г.), они жертвовали крупные суммы на организацию просвещения за пределами Одессы на греческой земле, очень энергично поддержали участников Критского восстания (1866–1869 гг.), которому сочувствовали и помогали самые широкие круги в России²⁸.

Быстрому обогащению греческих купцов Одессы содействовала и их ориентация на созданную к тому времени греческой буржуазией обширную торговую сеть, которая охватывала всю Европу и некоторые районы Азии и Африки. Отделения греческих торговых домов Одессы и их корреспонденты имелись в Константинополе, Ливорно, Венеции и других городах. Неотъемлемым элементом этой межконтинентальной торговой сети были купеческие фирмы в разных странах, собственниками которых являлись члены одной и той же семьи. В этом отношении показательна история богатых купцов, пяти братьев Раллисов. Иоаннис Раллис торговал в Одессе, Понтиос — в Лондоне, Евстратиос — в Манчестере, Август — в Марселе, Фома — в Константинополе²⁹. Впрочем, такие семейные фирмы были характерны и для других греческих купцов России.

Греческая торговая община Одессы поддерживала тесные связи с судовладельцами Архипелага — в то время наиболее сильной экономической частью буржуазного класса Греции. В условиях, господствовавших в Османской империи в начале XIX в., когда не существовало каких-либо гарантий для собственности и самой жизни, греческие купцы и вообще богатые люди стремились заручиться покровительством какой-либо иностранной державы. Этого удалось добиться судовладельцам Архипелага: накануне революции 1821 г. почти все принадлежавшие им корабли плавали под русским флагом. Каким образом греческим судовладельцам — подданным Османской империи удалось получить флаг иностранного государства для своих кораблей? Такое право они приобрели в результате фиктивной продажи своих кораблей российским гражданам. Осуществить эти сделки греческим судовладельцам Архипелага помогли греческие купеческие фирмы Одессы. Эти взаимовыгодные операции упрочили деловые и личные узы между богатыми купцами Одессы и крупными судовладельцами Архипелага.

Одесская община приобрела особое значение среди греческих общин России как центр национально-патриотической и национально-просветительной деятельности. Именно в Одессе летом 1814 г. была создана тайная греческая освободительная организация «Филики Этерия». Основателями ее были прибывшие в Одессу из-за границы греки Николаос Скуфас, Эммануил Ксантос и сын нежинского купца Афанасиос Цакалов. В 1817 г. на средства местных купцов-греков в Одессе было основано Греческое коммерческое училище, ставшее важным очагом национального образования и патриотического воспитания греческой молодежи³⁰.

Руководящий центр «Филики Этерии» в начале 1818 г. был перенесен в Константинополь. Тайное патриотическое общество, имевшее целью освобождение Греции от османского ига вооруженным путем, развернуло вербовку новых членов как в Греции, так и в зарубежных греческих колониях. Вербовка эта активно велась и в Одессе, где более ста местных греков, главным образом купцов, стали членами этеристской организации. Национально-патриотическая деятельность греков Одессы значительно оживилась в августе–сентябре 1820 г., когда город посетил генерал российской службы и пламенный греческий патриот Александр Ипсиланти, возглавивший «Филики Этерию». Начатое им в феврале 1821 г. национально-освободительное восстание в Молдавии нашло живой отклик у греков Одессы, многие из которых влились в ряды повстанцев. Но греческое население Одессы в этот период не только не уменьшилось, но и значительно возросло за счет новых эмигрантов. Спасаясь от массовых репрессий, которые Порты обрушила на греческое население Османской империи после начала греческой национально-освободительной революции, около четырех тысяч беженцев, в основном из Константинополя, собрались к июню 1821 г. в Одессе. К ним к концу года присоединилось около двух тысяч бывших солдат армии Ипсиланти, разбитой в ходе кампании в Дунайских княжествах. Но почти все из этих эмигрантов, оказавшихся в Одессе в результате перипетий греческой революции, покинули город после ее успешного завершения в 1829 г.

На восток от Одессы на Черноморском побережье греческие общины существовали в Херсоне, Таганроге, Николаеве и других городах³¹. Численность мужского греческого населения Таганрога (по данным на 1802 г.) составляла 850 человек³². Благополучие таганрогских купцов-греков в начале XIX в. существенно возрастало, среди них появились и судовладельцы. В 1813 г. в Таганроге обосновался богатейший греческий купец и меценат Иоаннис Варвакис. Перед смертью (1825 г.) он все свое огромное состояние завещал правительству революционной Греции.

После переселения крымских греков в Приазовье в самом Крыму вновь образовалось значительное греческое население, насчитывавшее в начале XIX в. (по некоторым данным) 16,5 тыс. чел.³³ В незначительном числе его составляли крымские греки — коренные жители полуострова (частично избежавшие переселения или вернувшиеся назад — отчасти самовольно, отчасти по распоряжению правительства), а в большинстве своем — эмигранты из Османской империи.

Греки, прибывшие в Крым после русско-турецкой войны 1768–1774 гг., образовали, как уже упоминалось, общину в Керчи и Балаклавский греческий пехотный батальон. Новая значительная греческая община, главным образом за счет переселенцев из Анатолии, сформировалась в начале XIX в.

в Феодосии. В 1813 г. численность ее составляла 1,5 тыс. чел.³⁴ Небольшие греческие общины существовали в то время в Севастополе и Евпатории³⁵.

Греки Крыма, так же как и их соплеменники в других местностях юга России, развернули активную коммерческую, предпринимательскую и общественную деятельность. Выразительным примером может служить семья Масаксуди, которая владела большой табачной фабрикой. Это было крупнейшее предприятие такого рода на всем юге России (продолжала работать вплоть до 1940-х гг.). Члены семьи Масаксуди занимали различные общественные должности в Керчи, которая служила важным перевалочно-грузочным пунктом для Черного и Азовского морей. Сын основателя семейного дела Григорий Масаксуди завещал значительную часть своего имущества благотворительным и образовательным учреждениям в Греции. Этот поступок указывает на постоянные связи российских греков с метрополией, на их усилия, направленные на благоустройство молодого государства³⁶.

Крымские греки были заняты (помимо военной службы³⁷) на всевозможных промыслах, связанных с морем, на работах в портах, а также занимались различными ремеслами, садоводством, виноградарством и выращиванием табака³⁸.

Итак, конец XVIII — начало XIX в. составляют важнейшую эпоху в истории греческой диаспоры в России. За короткое время на российском юге обосновались многочисленные греческие общины, пополнившие те, которые возникли ранее. Их становление и преуспевание были связаны с хозяйственным освоением богатейших земель, присоединенных к Российской империи во второй половине XVIII в. Греческие общины Северного Причерноморья не только процветали экономически, но имели все возможности для самостоятельного национального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Швидко Г. К. Джерела до історії грецького Ніжинського братства (XVII–XVIII ст.) // Україна — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Маріуполь, 1996. С. 43–44.
- ² АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Д. 1154. Л. 159.
- ³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2713. Л. 2–10. О Балаклавском греческом батальоне в Крыму см. также: Сафронов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // Записки ООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 215–225.
- ⁴ Петиция керченских греков Александру I от 31 июля (12 августа) 1801 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 146. Л. 98.

- 3 Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2713. Л. 3.
- 6 Текст указа см.: *Сафронов С.* Указ. соч. С. 211–214.
- 7 Прощение депутатов Таганрогского греческого общества генерал-прокурору А. А. Беклешову. 20 ноября (2 декабря) 1802 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 146. Л. 47–48.
- 8 Протокол от июля 1816 г. Комитета при департаменте государственных имуществ, учрежденного для рассмотрения дела о землях мариупольских греков // АВПРИ. Ф. Главный архив. П— I. 1816. Д. 1. Л. 42.
- 9 *Гавриил*, архиепископ Херсонский и Таврический. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию // Записки ООИД. Т. I. 1844. С. 203–204.
- 10 Прощение греков Рени заместителю Бессарабии генерал-лейтенанту А. Н. Бахметеву 20 июля (1 августа) 1817 г. // Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 214. Д. 8. Л. 106–107.
- 11 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 34. Л. 211.
- 12 Перепись жителям города Тучкова и крепости Измаил и прочим лицам за 1820 г. // Филиал государственного архива Одесской области в Измаиле. Ф. 514. Д. 33. Л. 1–240.
- 13 Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сб. документов. Кишинев, 1957. С. 344.
- 14 В 1818 г. оно было преобразовано в город Рени.
- 15 *Орлов А.* Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса, 1885. С. 7.
- 16 *Смолянинов К.* История Одессы. Одесса, 1853. С. 54.
- 17 *Теохариді Т. Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол. // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. Ч. 4–5. Секція для вивчення грецької нацменшости. Вип. 1. Одеса, 1930. С. 11, 16.
- 18 *Скальковский А. А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793–1828). Одесса, 1897. С. 52; *Пятигорский Г. М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 46, 48.
- 19 В 1819 г. Одесский греческий батальон, в котором состояло тогда всего 18 офицеров и 73 рядовых, был расформирован.
- 20 *Бернштейн С.* Исторический и торгово-экономический очерк Одессы. Одесса, 1881. С. 23.
- 21 Там же.
- 22 *Пятигорский Г. М.* Греческие поселенцы... С. 40. В первые годы XIX в. 1 пиастр равнялся 60 копейкам.
- 23 Там же. С. 48.
- 24 Там же. С. 46.
- 25 *Папулидис К.* Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX и XX вв. // Балканские исследования. Вып. 11. Политические, культурные и общественные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 190. См.

- также: *Скальковский А. А.* Записи о торговых и промышленных силах Одессы, составленные в 1859 г. СПб., 1865. С. 88–89.
- 26 *Пятигорский Г. М.* Греческие поселенцы... С. 50.
- 27 *Ἐρμῆς ὁ Λόγιος.* 1817. № 1. *Παράρτημα.* Σ. 13.
- 28 *Янници Ф.* Греческий мир в конце XVIII — начале XX вв. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). Дисс. канд. историч. наук. М., 2000. С. 215–236; *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 годов. М., 1970.
- 29 *Пятигорский Г. М.* Греческие переселенцы... С. 50.
- 30 Подробнее см.: *Арш Г. Л.* Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан в XVIII–XX вв. М., 1987; *Арш Г. Л., Пятигорский Г. М.* Некоторые вопросы истории Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. 11. С. 24–42; *Piatigorsky G. M.* De l'histoire de l'activité de la Philiki Etéria à Odessa dans les années 1814–1821 // Les relations entre les peuples de l'USSR et les Grecs. Thessaloniki, 1992.
- 31 Херсону 200 лет. Киев, 1978; *Кизименко П. Н.* Греки на Кировоградщине // Греки и славяне: 1000 лет. Донецк, 1997. № 1. С. 87–91; *Терентьева Н. А.* Греческие переселенцы в Херсоне и Николаеве (XVIII–XIX вв.) // Украина — Греция. Мариуполь, 1996. С. 62–63; *Кирсенко М. В., Терентьева Н. А.* Из истории культурных связей между Украиной и Грецией в XVIII–XIX вв. // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990; *Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. Киев, 1984.
- 32 Прощение депутатов Таганрогского греческого общества генерал-прокурору А. А. Беклешову 20 ноября (2 декабря) 1802 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 146. Л. 47–48.
- 33 *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 144.
- 34 *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1833. Ч. II. С. 230; *Пряхин Ю. Д.* Об истории образования и становления греческого поселения Балта-Чокрал в Крыму (начало XIX в.) // Украина — Греция... С. 65–67.
- 35 *Мосхуди И.* Севастопольская греческая община // *Πόντος.* Анапа, 1992. № 1, 2; *Лашков Ф. Ф.* Охрана Крыма в 1787–1791 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 8. Симферополь, 1889. С. 59–60; Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 74, 86–87; *Араджиони М. А.* Эмиграция греков в Украину в XVI — первой трети XIX в. // Греки и славяне: 1000 лет. Донецк, 1997. № 1. С. 79–82. Там же см. библиографию вопроса.
- 36 *Янници Ф.* Указ. соч. С. 157–196.
- 37 *Гуркович В.* Память греков, воинов России, павших в период Крымской войны 1853–1856 гг. // *Πόντος.* 1994. № 1. С. 2–3.
- 38 РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 231. Л. 5–8 об.

3 ГРЕЧЕСКИЕ УЧЕНЫЕ И ГРЕЧЕСКИЕ КУПЦЫ — ПОКРОВИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ — В РОССИИ (XVIII—XIX ВЕКОВ)

В рамках той большой исторической эпохи, начало которой положило принятие Древней Русью христианства, существуют различные по значимости и интенсивности периоды русско-греческих культурных обменов. Одним из самых ярких и насыщенных периодов в этой тысячелетней истории является последняя треть XVIII — первая треть XIX в. Хронологические рамки этого периода для Греции совпадают с новогреческим Просвещением — большим культурным движением, подготовившим политическое освобождение нации. Для России же это был период резкой активизации ее политики на Балканах и в особенности в Греции. За ней было признано право «покровительства» православному населению Османской империи. Важно отметить также, что Россия, ставшая могущественным и цивилизованным государством, уже не только пользовалась богатым культурным наследием Греции, но и сама смогла оказать определенную помощь в развитии греческой культуры. В этот период, в связи с тем что культура приобретает светский характер, первостепенное значение в формировании культурных связей между двумя странами получает уже не общность веры, а другие идеологические факторы.

Сближению русских и греческих деятелей культуры во второй половине XVIII в. способствовала их общая приверженность идеям Просвещения, а также начавшееся в России глубокое изучение и использование культурного наследия Древней Греции. Пионером в этой области, как и во многих других, был великий русский ученый М. В. Ломоносов. В 1748 г. он опубликовал свой труд об ораторском искусстве, благодаря которому русские читатели впервые смогли прочитать отрывки из «Илиады» Гомера по превосходным переводам, сделанным самим Ломоносовым. Большим почитателем древнегреческой культуры был и младший современник М. В. Ломоносова, известный революционный мыслитель и писатель А. Н. Радищев. Следует заметить, что интерес деятелей русской культуры распространялся не только на Древнюю, но и на Новую Грецию. В современных им греках

они видели наследников величия и славы их знаменитых предков, искренне желали Элладе освобождения от иноземного ига. В подтверждение можно привести тот факт, что Радищев не только перевел на русский язык труд французского философа и историка Г. Мабли «Размышления о греческой истории», посвященный причинам упадка Древней Греции, но и в знак сочувствия к освободительным стремлениям греческого народа сделал русский перевод брошюры греческого патриота А. Гики «Желания греков к Европе христианской»¹.

В начале XIX в. Греция для русского образованного общества отнюдь не являлась terra incognita. Немало материалов об этой стране появлялось тогда в русской печати: записки путешественников, воспоминания участников средиземноморских экспедиций Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина, перепечатки из иностранных журналов. В свою очередь и в греческом обществе возрастает интерес к России и ее культуре. В частности, были переведены на греческий язык некоторые произведения видного писателя и историка Н. М. Карамзина. В греческих изданиях конца XVIII — начала XIX в. большое место занимает история России, ее законодательство и военная система. Особое внимание греческих писателей привлекают фигуры видных государственных деятелей и полководцев России. Так, например, биография Петра I, опубликованная в 1736 г. греческим ученым Антониосом Катифоросом, выдержала на протяжении XVIII в. семь изданий². С восхищением греческие авторы описывают победы русских войск в русско-турецких войнах, разгром нашествия Наполеона в Россию. В качестве примера можно привести недавно опубликованную греческим ученым Леандром Вранусисом «Победную песнь русских», сложенную в 1812 г. неизвестным греческим поэтом, в которой прославляется победа русской армии над французскими завоевателями³.

Усилившаяся, особенно со второй половины XVIII в., тяга греков к России нашла отражение и в том факте, что некоторые греческие ученые поселяются в дружественном государстве на долгие годы и плодотворно занимаются здесь своей научной и педагогической деятельностью. Это малоизвестная глава не только в истории русско-греческих научных связей, но и в истории греческой культуры, и она заслуживает особого внимания.

Во второй половине XVIII в. в России жили и творили выдающиеся ученые и просветители Евгениос Вулгарис (в русифицированном варианте имени — Евгений Булгари) и Никифорос Теотокис. Оба прибыли в Россию по приглашению Екатерины II и получали пенсии от русского правительства. За счет правительства были изданы в России и некоторые труды Вулгариса. Покровительство, оказываемое царицей греческим ученым, так же как и другим видным грекам, было связано с ее определенными политическими расчетами. Как известно, у Екатерины II одно время существовал радикаль-

ный, хотя и нереалистичный план решения Восточного вопроса, вошедший в историю под названием «греческого проекта». Проявляя особое внимание к Вулгарису и Теотокису, императрица учитывала, что оба принадлежали к Греческой православной церкви, на которую царское правительство опиралось в своих сношениях с балканскими народами. И Вулгарис и Теотокис, возведенные в России в высокий сан архиепископа, вне всякого сомнения, были искренне верующими людьми. Но их просветительская деятельность явно не укладывалась в рамки религиозного мировоззрения.

Вулгарис прожил в России 35 лет (умер в Петербурге в 1806 г.), Теотокис — 24 года (умер в Москве в 1800 г.)⁴. Годы, проведенные обоими учеными в России, были весьма продуктивными для них в творческом отношении. Список трудов Вулгариса, значительная часть которых была подготовлена в России, насчитывает свыше 75 названий. Эти труды охватывают многие области знания: математику, физику, философию, филологию, историю, искусствоведение.

В числе трудов Вулгариса по истории есть один, имеющий прямое отношение к большому событию в российской истории — тысячелетию крещения Руси. Это — «Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги», опубликованное в 1792 г. на латинском языке с русским переводом. Здесь греческий ученый, подвергнув тщательному анализу свидетельства византийских писателей, пришел к выводу, что Ольга приняла христианство в Константинополе около 956 г. Интересно отметить, что по этому спорному вопросу и некоторые современные византиноведы придерживаются той же точки зрения. Вулгарис много занимался переводами на греческий язык публицистической и просветительской литературы. В частности, он был первым греческим переводчиком Вольтера.

В списке трудов Теотокиса 23 названия, среди которых работы по физике, математике, географии.

Живя в России, Вулгарис и Теотокис были связаны с русскими научными и литературными кругами. В 1776 г. Вулгарис был избран членом Петербургской Академии. Греческий ученый, глубокий знаток античности, способствовал развитию исследований в этой области в России. В 1794 г. Вулгарис опубликовал совместно с русским поэтом и переводчиком Н. А. Львовым, параллельно на русском и греческом языках, том стихотворений Анакреонта — первое в России полное издание сочинений древнегреческого поэта. Уже после смерти Вулгариса его русский ученик И. И. Мартынов издал многотомный труд «Греческие классики», в который вошли переводы из Гомера, Геродота, Софокла, Пиндара и других греческих авторов. Несомненно, что труды греческого ученого и его русского ученика создали научную базу для перевода на русский язык «Илиады» и «Одиссеи», который осуществили известные поэты Н. И. Гнедич и В. А. Жуковский.

Вулгарис и Теотокис не были оторванными от жизни кабинетными учеными; в распространении просвещения они видели путь к освобождению Греции. В России они считали себя представителями своих угнетенных соотечественников, видели свой патриотический долг в том, чтобы добиться помощи русского правительства для их освобождения. В Москве, в Российском государственном архиве древних актов хранится текст небольшой речи на греческом языке, которую Вулгарис произнес во время аудиенции, данной ему Екатериной II в июле 1772 г. Выражая свою радость в связи с возможностью лицезреть императрицу, греческий ученый от имени своего народа просил ее помощи в деле освобождения Греции: «Счастлив по сему: я последний из рабов твоих, Всемилостивейшая Государыня! Но соверши ты мое благополучие приведением и рода моего во благополучное состояние. Греция, после Бога, на тебя [Державнейшая Императрица] взирает, тебя молит, к тебе припадает»⁵.

Слова эти были сказаны в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Война эта вызвала огромный энтузиазм у греков. Появление русской эскадры в 1770 г. у берегов Мореи они расценили как воплощение их вековых чаяний на освобождение с помощью единой России. Ожиданиям этим не дано было тогда сбыться.

Но не исчезли надежды греков на исполнение их национальных стремлений с помощью России. Надежды эти питала продолжавшаяся Екатериной II и ее преемниками политика покровительства «восточным единоверцам».

Покровительство, оказанное русским правительством Вулгарису и Теотокису, поощряло и других греческих просветителей обращаться к нему за помощью для реализации своих национально-просветительных замыслов. Так, в архивах нашей страны хранятся материалы о пребывании в России в 1811–1814 гг. греческого ученого, профессора господарской академии в Яссах Димитриоса Говделаса. Целью его поездки было обращение к российскому правительству с просьбой оказать финансовую поддержку изданию многотомных курсов математики и географии. Приверженный идеям Просвещения, греческий ученый видел свою патриотическую миссию в ознакомлении широкого круга своих соотечественников с современным ему состоянием математических и географических знаний. Он писал об этом министру народного просвещения России А. К. Разумовскому: «Математическая и географическая наука, будучи весьма обширной, представила мне немало трудностей и немало терний, но, размышляя о том, с какой радостью и рвением мои соотечественники примут мои труды, и особенно воодушевленный их постоянными просьбами, я чувствовал себя принужденным некоторым образом следовать по пути Диофантов, Эвклидов, Архимедов, Эратосфенов, Страбонов, Плиниев и Птолемея и описывать вдали от опасностей славный путь, проложенный Колумбами и Гумбольдтами»⁶.

Ввиду того, что издание предложенных Говделасом трудов потребовало бы немалых расходов, — по подсчетам Разумовского, 63 тыс. рублей ассигнациями*, — просьба его не была удовлетворена. Но в целом отношение русского правительства к различным просьбам, с которыми обращались к нему греческие ученые, оставалось благожелательным.

Большое значение для русско-греческих культурных связей первой четверти XIX в. имело то обстоятельство, что в ближайшем окружении Александра I находился в тот период (1815—1822 гг.) видный греческий патриот Иоанн Каподистрия — статс-секретарь Министерства иностранных дел России и доверенный советник царя по внешнеполитическим вопросам. Высокообразованный и мыслящий человек, он проявил неподдельный интерес к культурной жизни России. Среди его близких друзей были известные русские писатели В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев. К авторитету влиятельного вельможи нередко прибегали его русские друзья, когда требовалось оказать помощь писателям и ученым. Так, весной 1820 г. благодаря вмешательству Каподистрии удалось смягчить участь великого русского поэта А. С. Пушкина, навлекшего своими свободолюбивыми стихами гнев царя. В качестве примера покровительства, которое оказывал Каподистрия русским ученым, можно упомянуть о его поддержке издания трудов известного историка В. Н. Бантыш-Каменского. Свидетельством заслуг Каподистрии перед русской наукой и культурой было избрание его в 1818 г. Петербургской Академией наук своим почетным членом⁷.

Горячий поборник просвещения Греции, Каподистрия использовал свое высокое положение при русском дворе для оказания помощи греческим ученым. В частности, ему удалось добиться принятия на российскую службу двух своих земляков, уроженцев Ионических островов Герасимоса Пицманоса и Андреаса Мустоксидиса. Жалованье, которое эти ученые получали от русского правительства, освободило их от материальных забот и позволило успешно заниматься своей профессиональной деятельностью.

Уроженец Кефалинии Герасимос Пицманос приобрел большую известность как живописец и архитектор у себя на родине и далеко за ее пределами. В 1812 г. он был избран почетным членом Академии Св. Луки в Риме, а также получил премию Института Франции. Однако после того как Ионические острова в 1815 г. попали под британский протекторат, Пицманос, не найдя применения своим способностям на родине, решил поступить на российскую службу. В ноябре 1819 г. ионический художник появился в Константинополе и оттуда, через российское посольство, обратился с со-

* Примерное соотношения рубля ассигнациями с некоторыми иностранными валютами в начале XIX в.: 1 рубль равнялся 1 1/2 пиастрам; австрийский талер обменивался на 5 рублей, голландский дукат — на 12 рублей, фунт стерлингов — на 35 рублей.

ответствующим прошением к Александру I. Вместе с прошением были посланы в Петербург проекты зданий университета и дома для инвалидов войны — по словам Пицманоса, его первые архитектурные опыты, которые он решил посвятить российскому императору. Как писал автор проектов Александру I, — «покровительство, которое Ваше Величество оказывает искусствам, Ваша великодушная благосклонность к моей нации придают мне смелость надеяться, что Вы соблаговолите благосклонно принять мою скромную дань уважения»⁸.

Во время пребывания Пицманоса в Константинополе он посетил знаменитый храм Св. Софии. И как с восхищением писал российский посланник при Порте Г. А. Строганов, «ему было достаточно понаблюдать четверть часа, чтобы по памяти набросать план этого огромного здания с исключительной точностью»⁹. Убедившись лично таким образом в большом профессиональном мастерстве греческого архитектора, посланник энергично поддержал его ходатайство о принятии на русскую службу. Пицманосу было разрешено приехать в Россию, и в марте 1822 г. он был назначен придворным архитектором. Талантливый греческий художник и архитектор провел в России свыше трех лет. Среди выполненных им проектов был план соборной церкви в Кишиневе. Во время пребывания в России Пицманос продолжал заниматься и живописью, в частности нарисовал портрет новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова¹⁰. В связи с тяжелым заболеванием художнику был предоставлен шестимесячный отпуск с сохранением жалованья для поездки в Италию для лечения. Пицманос скончался 4 (16) декабря 1825 г. на о. Корфу¹¹.

На российской службе шесть лет находился и известный греческий ученый и общественный деятель Андреас Мустоксидис, хотя он и не был никогда в России. Мустоксидис принадлежал к тому поколению греческих патриотов, деятельность которых началась в Республике Семи Соединенных островов, основанной в 1800 г. под покровительством России. В возрасте 20 лет он получил почетную должность историографа новой республики. После того как Ионическая республика прекратила свое существование, Мустоксидис покинул свою родину вместе с русской эскадрой и поселился в Италии. Молодой ученый занялся здесь историческими и филологическими исследованиями. Свою работу по истории Керкиры он преподнес Александру I, и царь в декабре 1814 г. наградил его орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1820 г. английское правительство тоже наградило Мустоксидиса орденами Св. Михаила и Св. Георгия. Кроме того, ему обещали платить жалованье как историографу, включая сюда и задолженность за прошлые годы. Английские власти на Ионических островах рассчитывали, что Мустоксидис, пользовавшийся большим авторитетом у своих соотечественников,

вернувшись на острова, будет с ними сотрудничать. Однако ученый — как, впрочем, и многие другие греческие патриоты — был настроен оппозиционно по отношению к английской администрации на Ионических островах. И он нашел иной путь для обеспечения своего материального положения. В январе 1821 г. ученый корфиот написал из Турина письмо своему земляку и другу И. Каподистрии, в котором изложил план исследовательской работы в архивах Италии с целью розыска имеющих важность для истории России документов. «Существует в государственных и частных архивах Венеции и Генуи большое количество записок и документов, — говорилось в письме, — относящихся к торговле, управлению и истории заведений и колоний, основанных этими старинными республиками, и особенно последней, на побережье Черного моря и в различных частях территории, принадлежащей теперь Российской империи». Греческий историк брал на себя обязательство заняться выявлением, изучением и резюмированием этих документов. Он просил, чтобы Александр I, если его план будет одобрен, предоставил бы ему «надлежащие средства и чин, наиболее подходящий для того, чтобы его осуществить и обеспечить мне соразмерное предмету уважение со стороны иностранных правительств, с которыми я должен буду войти в сношение»¹².

Задача розыска и использования материалов зарубежных архивов, в том числе и итальянских, для изучения истории России не потеряла актуальности и в наши дни. Постановка ее в практическом плане в 1820-е гг. Мустоксидисом — свидетельство больших научных дарований греческого историка. Но в одобрении царем этого плана решающую роль, несомненно, сыграла поддержка, оказанная его автору Каподистрией. Министр получил обращение своего ученого друга в Лайбахе (Люблина), где он находился вместе с Александром I на конгрессе Священного союза. А через несколько дней, 13 (25) января 1821 г., царь подписал указ, по которому «господин Андрей Мустоксиди, дворянин с Корфу, знаменитый литератор и ученый» зачисляется на службу в Министерство иностранных дел России с чином надворного советника и годичным жалованием в тысячу рублей*. Фактически это было не жалование, а пенсия, назначенная видному греческому ученому: хотя формально он был включен в состав дипломатической миссии России в Турине, ему было разрешено жить в любом месте — там, где это требовали его научные занятия. А. Мустоксидис числился на российской службе с 1821 по 1826 г. Это были драматические годы греческой революции, и ученый не мог остаться в стороне от борьбы, в которой решалась судьба его родины. В 1821—1822 гг. Мустоксидис опубликовал два своих патриоти-

* Жалование это исчислялось по курсу: за рубль — 50 голландских штиверов. Этот курс был в несколько раз более высоким, чем обменный курс рубля ассигнациями.

ческих произведения: «Гимн грекам» — на итальянском языке и «Обзор операций греческого флота во время революции 1821—1822 гг.» — на французском¹³.

Хотя все помыслы ученого-патриота были обращены к героической борьбе его родины за освобождение, он не прекращал своей работы в итальянских архивах по розыску источников по истории России. В мае 1827 г. греческий ученый в прошении к Николаю I приложил список обнаруженных им в итальянских архивах 25 документов и записок на латинском, греческом, итальянском, русском и французском языках. Все они относились к истории России и Польши XV—XVIII вв. К этому прошению был приложен и список 51 неопубликованной работы на греческом языке (главным образом церковных авторов), обнаруженной Мустоксидисом в библиотеках Италии. О содержании и важности изучения этих рукописей сам исследователь писал: «Они являются результатом размышлений выдающихся в своем жанре писателей, которые перед концом Константинопольской империи ревностно отстаивали чистоту доктрин религии наших отцов. Эти рукописи оставались бы во всяком случае погребенными в пыли библиотек или даже могли быть уничтожены под влиянием сектантского духа».

Мустоксидис продолжал свои занятия в архивах и библиотеках Италии, надеясь, что он и дальше будет получать пенсию, назначенную ему Александром I. Однако в начале 1827 г. греческий ученый получил известие, что он увольняется из штата российской миссии в Турине и, следовательно, выплата жалования ему прекращается. Решение это мотивировалось предпринятым по указанию нового императора Николая I сокращением — из соображений экономии — штата зарубежных представительств России.

Известие это явилось тяжелым ударом для Мустоксидиса. Тяжесть его усугубили и семейные обстоятельства греческого ученого. Незадолго до этого, не сомневаясь в прочности своего материального положения, он решил создать семью. Женой его стала Пицуна Харта. Ее отец, один из видных людей Кипра, был убит в 1821 г., и все его имущество было конфисковано. Вдова грека-киприота вместе с восемью детьми нашла убежище в Венеции. И женившись на одной из ее дочерей, историк стал основной материальной опорой этого многочисленного неимущего семейства.

Получив сообщение о лишении его пенсии, Мустоксидис 10 (22) мая обратился с прошением к Николаю I. Здесь были подробно изложены обстоятельства его принятия на российскую службу, его служебный статус и деятельность за шесть лет. Ученый просил восстановить его на российской службе и позволить ему продолжить его научные занятия в Италии, в результатах которых он обещал ежегодно информировать министерства иностранных дел и народного просвещения России. На прошение Мустокси-

дуса был дан ответ, что принятое в отношении него решение не может быть отменено, но что если он будет представлять результаты своих научных изысканий императору, то каждый раз он получит соответствующее вознаграждение¹⁴. Но к моменту получения ответа из Петербурга перед ученым корфиотом открылось новое поприще: его старый друг и покровитель И. Каподистрия, избранный президентом Греции, пригласил его возглавить дело образования и культуры в освобожденной стране.

Важное место в истории греческого национально-просветительного движения конца XVIII — начала XIX в. принадлежат богатым греческим купцам-меценатам, жертвовавшим большие средства на благотворительные цели и на поддержку просвещения в России и в Греции. Почти все эти «национальные благодетели» принадлежали к «Нежинскому греческому купеческому братству» — одной из самых старых греческих общин в России.

Когда с затуханием деловой жизни Нежина некоторые богатые купцы переселились в другие города России, в частности в Москву, они продолжали числиться членами «Нежинского греческого купеческого братства», за ними сохранялись все те огромные привилегии, которые правительство России предоставило этому братству¹⁵. В числе греческих купцов Нежина были уроженцы Янины братья Зосима, самые известные из греческих меценатов России.

Братья Зосима, как и многие греческие купеческие семьи того времени, разделились для ведения своих торговых дел. Анастасий, Зой и Николай поселились в Нежине, а Феодосий и Михаил — в Ливорно. Русский филиал торговой фирмы Зосима занимался приобретением товаров из Китая и других восточных стран, итальянский же филиал фирмы сбывал эти товары в европейских странах и посылал в обмен в Россию изделия европейской промышленности, преимущественно шелковые ткани¹⁶. Эта тогдашняя форма торговли Восток — Запад оказалась очень прибыльной; торговые операции фирмы Зосима расширялись, постоянно рос ее капитал. Но в 1793 г., после смерти одного из братьев — Феодосия, фирма Зосима почти полностью прекратила свою торговую деятельность. Руководствуясь патриотическими чувствами и высокими нравственными побуждениями, братья Зосима, жившие в Москве и Нежине, решили тратить нажитые деньги на благотворительность и распространение просвещения в Греции. Греческая культура многим обязана этим «национальным благодетелям». С 1797 г. они целиком взяли на свое содержание училище Баланоса на своей родине, в Янине, существующее до сих пор и носящее в настоящее время их имя. За счет братьев Зосима в типографиях Москвы, Вены, Венеции, Парижа печатались книги греческих ученых и просветителей. В частности, целиком на деньги братьев Зосима издавалась «Эллинская библиотека» — переиздание трудов древнегреческих классиков, осуществлявшееся выдающимся

греческим просветителем Адамантиосом Кораисом. Всего за счет средств этих купцов-меценатов было издано около 60 книг, причем они распределялись бесплатно среди стремившейся к знаниям греческой молодежи¹⁷.

Зой Зосима, особенно выделявшийся своим рвением к распространению просвещения, оказывал большую материальную помощь и русским научным обществам и учебным заведениям. При этом он считал своим патриотическим долгом содействовать распространению греческой культуры в России. Ряд московских учебных заведений получили от него деньги на организацию преподавания греческого языка. Пример служения делу просвещения поработанной родины, поданный братьями Зосима, вызвал своеобразное соревнование среди богатых греческих купцов России. В числе подражателей оказался другой эфирот — Зой Капланис. В Москву он прибыл в 1771 г. и занялся торговлей в различных русских и западных городах. Он пожертвовал 183 тыс. рублей — весь свой нажитый в России за 38 лет капитал — на содержание школ, больниц и на благотворительные дела в Греции¹⁸.

Широкую известность своей национально-просветительской деятельностью приобрел и Иоанн Доболли (или Доболлис), также эфирот по происхождению. В конце XVIII в. он жил в Петербурге, занимаясь сначала торговлей, а затем банковскими операциями, и смог нажить приличный капитал. На решение Доболли использовать свои средства и знания для распространения образования и культуры среди его угнетенных соотечественников решающее влияние оказала его встреча с Каподистрией. Будущий президент Греции, прибывший в 1809 г. в Петербург и первоначально служивший скромным чиновником Министерства иностранных дел России, поселился в доме Доболли. Через сорок лет, уже в преклонном возрасте, Доболли вспоминал о благотворном воздействии на него постоянного общения с Каподистрией: «При ежедневных моих с ним сношениях я имел возможность ближе видеть и оценить отличные его качества и склонность к добру, и с первых дней нашего знакомства мы дали друг другу обещание, что каждый из нас будет всеми силами стараться о приобретении способов для устройства народного просвещения между несчастными греками, нашими земляками»¹⁹. Клятве своей Доболли остался верен до конца своей жизни. Большой вклад он внес в деятельность «Филомузос Этерии» — национально-просветительского общества, основанного в 1814 г. Каподистрией и митрополитом Игнатием. В течение четырех лет (1818–1822) Доболли являлся фактически генеральным секретарем и казначеем общества и, живя в Петербурге, прилагал большие усилия для обеспечения средствами греческих студентов, обучавшихся в университетах Германии и Италии. Настоящим событием в истории греческого просвещения стало завещание Доболли. Этот богатый грек, умерший в Петербурге в 1850 г., завещал поч-

ти все свое состояние — 232 857 рублей серебром вместе с процентами, которые нарастут на этот капитал до 1906 г., — на основание в том же году университета, который носил бы имя Каподистрии. Деньги эти были переданы Афинскому университету, который поныне называется «Национальным университетом имени Каподистрии».

Вошло в историю имя и другого богатого греческого купца-мецената России — Иоанниса Варвакиса (в России его называли Иваном Андреевичем Варваца). Наполненная событиями и приключениями жизнь его могла бы стать сюжетом увлекательного романа²⁰. И. Варвакис, уроженец острова Псарра, добровольцем, снарядив собственное судно, воевал вместе с русскими против турок в Эгейском море во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Лишившись средств к существованию, молодой грек решил после окончания войны отправиться в Россию. Он добрался морем до Черноморского побережья России и оттуда пешком дошел до Петербурга. В столице он познакомился с Г. А. Потемкиным и через могущественного временщика сумел найти доступ в царский дворец. От Екатерины II он получил тысячу червонцев и указ, дававший ему право на беспошлинную торговлю рыбой на Каспийском море. Варвакис поселился в Астрахани. Поставив на широкую ногу торговлю каспийской рыбой и икрой, предприимчивый грек за сорок лет нажил огромное по тем временам состояние. Он получил чин коллежского советника, наследственное дворянство и даже был избран астраханским предводителем дворянства.

После Отечественной войны 1812 г. Варвакис поселился в Таганроге, на побережье Азовского моря. Греческая община здесь процветала. Жизнь среди соотечественников, контакты с Каподистрией (Варвакис через влиятельного министра добился российского подданства и дворянства для членов своей семьи, оставшейся в Греции) стимулировали патриотические чувства богатого грека. Он тратил значительные суммы, чтобы содействовать просвещению и освобождению своей угнетенной родины. Варвакис сделал самое крупное пожертвование — 20 тыс. рублей в фонд национально-просветительской организации «Филомузос Этерия»²¹. В 1824 г. Варвакис отправился в Грецию, охваченную огнем восстания. Умер он в январе 1825 г. на острове Занте, завещав почти все свое огромное состояние правительству революционной Греции.

В начале XIX в. изменились формы поддержки греческими купцами России национального просвещения: наряду с индивидуальными меценатами все большее значение приобретают коллективные действия греческих общин. Связано это было с изменениями, происшедшими в структуре греческого купеческого сословия России.

По данным И. Каподистрии, написавшего в 1811 г. для царского правительства «Записку о нынешнем состоянии греков», в России существовало

тогда около 800 греческих купеческих фирм²². Дипломат не дает данных ни о географическом распределении этих фирм, ни об их экономическом состоянии. Но, как уже говорилось, к тому времени старый греческий торговый центр в России — Нежин находился в упадке. По своему богатству и коммерческой предприимчивости на первое место вышли греческие купцы Одессы — нового греческого торгового центра в России²³.

Для греческой общины Одессы был характерен высокий патриотический настрой. Известно, что именно в среде греческих переселенцев Одессы возникла в 1814 г. знаменитая национально-освободительная организация «Филики Этерия». Греческие купцы Одессы не только не отставали от других греческих купцов России — «национальных благотворителей», но и в некотором отношении превосходили их. Имеется в виду создание усилиями всей греческой торговой общины Одессы национального учебного заведения. Официальное название этого заведения, открытого в 1817 г., — Одесское Греческое коммерческое училище (Τό Ἑλληνικόν Ἐμπορικόν σχολεῖον τῶν Γραικῶν, ἐν Ὁδησσῷ) — не означало торговую специализацию училища, хотя связанные с коммерцией предметы и занимали определенное место в его учебной программе. Оно означало, что это национальное учебное заведение широкого общеобразовательного профиля было создано греческими купцами Одессы и целиком содержалось за их счет²⁴.

Для содержания училища местные греческие купцы решили отчислять 0,1% от всех своих торговых оборотов. Три греческие страховые компании, действовавшие тогда в Одессе, согласились отчислять в фонд училища от 10 до 20% своих доходов. Кроме того, некоторые купцы взяли на себя обязательство делать регулярные взносы в кассу училища. За счет этих разнообразных поступлений эфоры (попечители) училища приобрели для него дом в центре Одессы за 70 тыс. рублей ассигнациями и покрывали текущие расходы училища, ежегодно составлявшие 30 тыс. рублей. Училище за счет собственных средств не только платило жалование учителям и приобретало книги и учебные пособия, но и обеспечивало, в соответствии с демократическими традициями новогреческого Просвещения, бесплатность обучения. Детям из бедных семей учебные книги выдавались бесплатно, в то время как детям состоятельных родителей они продавались с надбавкой в 20%. Кроме того, согласно уставу училища, выделялись средства на полное содержание трех или четырех бедных, но «прилежных и успешных» учеников.

Для преподавания в Греческом коммерческом училище его создатели пригласили выдающихся греческих ученых и педагогов той эпохи. Первым директором училища был Георгиос Геннадис, находившийся в Одессе с сентября 1817 г. по январь 1820 г. В училище он преподавал древнегреческий язык, мифологию, археологию, географию, а также закон Божий

и Священную историю. Известный русский писатель и востоковед О. И. Сенковский, посетивший греческое училище осенью 1819 г., писал о Геннадииосе, что это «человек, отличающийся обширными познаниями, добротой души и благородством мыслей». Сменивший Геннадииоса на посту директора училища Константинос Вардалахос прибыл в Одессу в августе 1819 г. и находился здесь до апреля 1820 г. и позднее — с 1825 по 1830 г. В училище он вел уроки начальной геометрии, экспериментальной физики, риторики, пиитики, идеологии, греческой литературы.

Оба — и Геннадииос и Вардалахос — известные просветители, авторы многих научных трудов и учебников, были и горячими патриотами своей страны. Например, о лекциях Геннадииоса историк Греческого коммерческого училища пишет, что «он часто превращал учебную кафедру в Пникс Демосфена, произнося страстные филиппики против давящего греческую родину варварства, и волновал до слез сердца своих слушателей». Патриотические уроки Геннадииоса и других преподавателей не прошли даром для учащихся Греческого коммерческого училища: многие из них присоединились к Александру Ипсиланти, поднявшему в феврале 1821 г. знамя национально-освободительной революции.

В ходе карательных операций Порты против поднявшегося на борьбу за освобождение греческого народа были уничтожены все основные центры новогреческого образования в Османской империи. Некоторые учащиеся известных гимназий Хиоса, Кидонии (Айвалык), Смирны (Измир), прекративших свое существование в 1821–1822 гг., смогли добраться до Одессы и продолжить свою учебу в Греческом коммерческом училище — единственном крупном очаге греческого просвещения, который продолжал действовать. Многие греки, спасаясь от огульных репрессий султанских властей, нашли тогда убежище в России. В числе их были известный уже нам ученый Димитриос Говделас, филолог и церковный деятель Константинос Икономос, крупный педагог Георгиос Клеовулос и другие деятели греческого просвещения. Почти все они после завершения греческой национально-освободительной революции, а некоторые еще в ее ходе, вернулись на освобожденную родину.

Однако нет каких-либо данных о том, чтобы хотя бы один греческий купец в России вернулся в Грецию после ее освобождения. В России греческие купцы обзавелись значительной движимой и недвижимой собственностью, установили широкие и прочные деловые контакты. Прожившие на земле России десятки лет греческие коммерсанты по достоинству оценили те возможности, которые открывал перед ними необъятный рынок Российской империи, размах ее внешнеторговых связей. Наиболее предприимчивые из греческих купцов искали новые формы и направления торговых операций, сулившие большие выгоды. Уже говорилось об И. Варвакисе, на-

жившем большое состояние благодаря поставленной им на широкую ногу торговле каспийской рыбой. Можно привести и другой пример коммерческой предприимчивости греческих купцов, живших в России.

В октябре 1824 г. на кораблях «Софи-Мари» и «Карлус Магнус» в Петербург с товарами из Египта прибыл нежинский купец Анастасий Аверов. Он проделал длинный путь через Средиземное и Северное моря, пролив Зунд и Балтийское море. Столь длинное путешествие Аверов предпринял для того, чтобы доказать возможность и выгодность прямой торговли между Египтом и Россией, мысль о которой возникла у него давно. «Наконец я рассудил, — писал Аверов по завершении своего путешествия министру финансов России Е. Ф. Канкрину, — что таковое предприятие не может быть начато без потери и опасностей. Я решился преодолеть все и показать усердие мое к моему отечеству, открыв выгоды сей коммерции. Я должен был платить большие фрахты, встретить великие издержки и страховки, плыть по морю с лишком восемь месяцев. Но все сие я сделал и помощью Всевышнего прибыл благополучно в благословенное отечество мое»²⁵. По завершении своей одиссеи предприимчивый грек представил министру финансов свои соображения о необходимых мерах для содействия развитию торговли между Египтом и Россией. Меры эти включали: образование страховой конторы, создание Восточной компании со своей хлопкопрядильной фабрикой, учреждение в османских владениях торговых консульств²⁶. Нет данных о том, каков был ответ министра на предложения нежинского грека. Во всяком случае известно, что Аверов не отказался от своей идеи относительно открытия прямой торговли между Россией и Египтом. После окончания греческой революции он переселился в Египет. Богатый нежинский грек являл свое состояние и свою русифицированную фамилию своему сводному брату Георгиосу, проявившему себя позднее одним из самых щедрых «национальных благотворителей»²⁷. Возвращаясь к деятельности «национальных благотворителей» — греческих купцов, живших в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в., можно сказать, что общая сумма их жертвований на распространение просвещения в Греции составила несколько миллионов рублей.

Значение этих миллионных жертвований трудно переоценить. Без них не увидели бы свет многие труды Е. Вулгариса, Н. Теотокиса, А. Корайси и других греческих просветителей, не могли бы возникнуть некоторые известные греческие училища, не получили бы образования в европейских университетах десятки греческих юношей. В целом греческое общество оказалось бы менее образованным и идейно подготовленным к национально-освободительной революции 1821 г. Биографы одного из греческих меценатов России — Зоиса Капланиса следующим образом оценивали значение его деятельности: «Фалес, Платон, Евфорв и Пифагор принесли бо-

гатство мудрости в Грецию. Капланис же, извлекая богатство, из Севера принес божественную мудрость в отечество»²⁸. Эту образную оценку материального вклада Капланиса в дело просвещения Греции можно распространить и на других греческих купцов России — «национальных благотворителей».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. С. 227–228.
- ² *Μανούσκα Μ.* Ἐκκλήσεις τῶν Ἑλλήνων λογίων πρὸς τοὺς ηγεμόνες τῆς Ἑυρώπης γιὰ τὴν ἀπελευθέρωση τῆς Ἑλλάδος // *Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν.* Τ. 59 (1984). Σ. 232–233.
- ³ *Βρανούση Α.* Ὡδὴ ἐπινίκιος τῶν Ῥώσσιων // *Byzantinisch — Neugriechische Jahrbücher.* Bd. XXI (1971–1974).
- ⁴ Об их пребывании в России см.: Евгений (Болховитинов) // *Словарь исторический о бывших в России писателей духовного чина греко-русской церкви.* СПб., 1827. Т. I. С. 145, 163; Т. II. С. 97, 101; *Арш Г. Л.* Евгений Булгари в России // *ВИ.* 1987. № 4; *Μουρούτη-Γκενακου Ζ.* Ὁ Νικηφόρος Θεοτόκης (1731–1800) καὶ ἡ συμβολὴ αὐτοῦ εἰς τὴν Παιδείαν τοῦ Γένους. Ἀθῆναι. 1979. Σ. 46–64; *Batalden S.* Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia. 1771–1806. New-York, 1982.
- ⁵ РГА ДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 14.
- ⁶ *Арш Г. Л.* Греческий ученый Д. Гобделас в России // *Балканские исследования.* Вып. 6. М., 1980. С. 165.
- ⁷ *Арш. Г. Л.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг. М., 1976. С. 41–47; *Он же.* Н. М. Карамзин и Иоанн Каподистрия // *Греческая культура в России XVII–XX вв.* М., 1999. С. 26–38.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Административные дела. II–21, 1820 г. Д. 8. Л. 2. Г. Пицаманос — Александру I. 13 (25) ноября 1820 г.
- ⁹ Там же. Л. 1. Г. А. Строганов — министру иностранных дел К. В. Нессельроде. 14 (26) декабря 1820 г.
- ¹⁰ *Μηλιαράκης Α.* Γεράσιμος Πιτσαμάνος // *Εστία.* 1887. Τ. 21, αρ. 604. Σ. 477.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Административные дела. II–21. 1820 г. Д. 8. Л. 8. Вице-консул на Корфу С. Папандопуло в Коллегию иностранных дел. 6 (18) декабря 1825 г.
- ¹² Письмо А. Мустоксидиса И. Каподистрии; вместе с копиями других документов оно было приложено к его прошению Николаю I от 10 (22) мая 1827 г. На основании этих до сих пор неизвестных документов излагаются обстоятельства пребывания греческого ученого на российской службе. См.: АВПРИ. Ф. Административные дела II–26. 1827 г. Д. 35. Л. 3–22.
- ¹³ *Μουστοξύδη Θ.* Ανδρέας Μουστοξύδης. Ἀθῆναι, 1963. Σ. 25–26.

- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Административные дела. II–26. 1827 г. Д. 35. Л. 2. К. В. Нессельроде — А. Мустоксидису. 19 сентября (1 октября) 1827 г.
- ¹⁵ *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 129–130, 145–146; *Πятигорский Г. М.* Александровское греческое училище в Нежине (1817–1919) // *Греческая культура в России.* С. 51–71.
- ¹⁶ *Γούδα Α.* Βίοι παράλληλοι τῶν ἐπὶ ἀναγεννήσειος τῆς Ἑλλάδος διαπρεψάντων ἀνδρῶν. Ἀθῆναι, 1870. Τ. 3. Σ. 13.
- ¹⁷ *Μπέττη Σ.* Ἡπειρωτικὴ Εὐποιία ἢ βιογραφικὴ συλλογὴ Ἡπειρῶτων εὐεργετῶν τῆς Τουρκοκρατίας. Γιάννινα, 1982. Σ. 100–101.
- ¹⁸ Биографию З. Капланиса см.: *Редкий благодетельный подвиг Зоя Константиновича Каплани.* М., 1809.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 47. Д. 3975. Л. 2. И. П. Доболли — К. В. Нессельроде. 12 (24) января 1849 г.
- ²⁰ Подробнее см.: *Γούδα Α.* Βίοι παράλληλοι... Τ. 3. Σ. 155–192.
- ²¹ *Κούκου Ε.* Ο Καποδίστριας καὶ ἡ παιδεία. Ἀθῆναι, 1958. Σ. 69.
- ²² См. в кн.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия... С. 263.
- ²³ *Πятигорский Г. М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. // *Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1985. С. 46, 50; *Арш Г. Л.* Этеристское движение... С. 142.
- ²⁴ Подробно об училище см.: *Арш Г. Л.* Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. (Из истории новогреческого Просвещения) // *Балканские исследования.* Вып. 10. М., 1987. С. 31–62.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив. III–6, 1824 г. Д. 27. Л. 4–7. Описание египетской торговли и некоторых других примечаний для представления г-ну министру финансов Канкрину (Записка А. М. Аверова от 8 (20) октября 1824 г. Перевод с греческого).
- ²⁶ Там же. Л. 8. А. М. Аверов — Е. Ф. Канкрину. 15 (27) октября 1824 г.
- ²⁷ *Μπέττη Σ.* Ἡπειρωτικὴ Εὐποιία... Σ. 275–279.
- ²⁸ «Редкий благодетельный подвиг...». С. 67.

4 ГРЕКИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Греков, прибывавших в российские земли в разное время и разными путями, ожидали в новом отечестве самые различные судьбы. Многие их потомки влились в российское общество, дополнили ряды дворянства, купечества, мещан и крестьян. Масса потомков греческих мигрантов носит русские, украинские фамилии, в которых угадываются греческие корни, переименованные на славянский манер. Этот естественный исторический процесс начался еще с византийских времен и продолжается в наше время. Широко известные истории факты и мало кому ведомые документы, семейные предания и догадки донесли до нас сложную картину постепенного включения в многоцветную мозаику российского общества с его многоэтничными вкраплениями греческих родов и их обрусевших потомков.

Через 14 лет после смерти Михаила Триволиса — Максима Грека «нововыезжий грек» Константин Юрьев купил себе небольшую вотчину в Московском уезде; в 80-х гг. XVI в. она перешла к Троице-Сергиевой лавре. Юрьев писался романовским помещиком, ибо имел земли в Романовском уезде, где находились обширные владения его соотечественников — Усена Федорова, Павла Иванова и еще нескольких. В писцовых книгах Коломенского уезда за 1577–1578 гг. отмечены поместья «гречан» Родивона (Родиона) Степанова и Недели Юрьева, в Можайском уезде — поместье Ивана Михайлова (1598 г.)¹.

Нельзя предполагать, что все мигранты, которых именовали на Руси «гречанами», были именно греками, ибо это прозвание относилось тогда и к сербам, и волохам («волшанам»), и к албанцам (арнаутам). К грекам относили в ту пору всех православных. Большинство «нововыезжих» приравнивалось к провинциальным дворянам; только немногие, как Миколай Степанов сын Юрьев, попадали в дворянские верхи. В единоверной русской среде «гречане» быстро ассимилировались, уже через несколько поколений трудно было понять, кто из множества провинциальных дворян — Ивановых, Федоровых, Степановых, Юрьевых, Михайловых, Константиновых — имеет балканские корни.

Наиболее известные греческие семьи, влившиеся в российское общество, жили в Петербурге или были с ним так или иначе связаны.

С самого первого периода возведения новой столицы империи — заложенного в 1703 г. Санкт-Петербурга его жители расселялись так называемыми «слободами», в каждой из которых преобладали выходцы из определенных мест.

Иностранцы мастера селились преимущественно на Миллионной улице, которая служила границей Адмиралтейского острова (ныне ведет от Дворцовой набережной к Марсову полю). Так сложилась Немецкая слобода, в районе которой концентрировались жилища иностранцев. Позже сформировался блок построек, именовавшийся Финскими шхерами, и другой, где обитали выходцы из Средиземноморья, в частности из Венеции. В состав этой части «немецкой» — то есть иностранной — слободы входили и дома, населенные греками, поэтому в некоторых описаниях старого Петербурга место между Зимней канавкой, Марсовым полем и Мойкой называется Греческой слободой. Но официально Греческая слобода не выделялась, греческое население принадлежало к Немецкой слободе.

По всей вероятности, первые греки среди петербургских жителей были моряками, поэтому и селились вблизи Адмиралтейства. К 1710 г. относится первое документированное известие о Греческой улице (тогда еще не выделялась из Немецкой слободы наряду с Финскими шхерами). Центральная улица до 1735–1737 гг. проходила посередине отмеченного выше участка (ныне сохраняется еще отрезок этой улицы за Круглым рынком). Известно описание улицы того времени: население бедное, жило в деревянных домах (которые соседи прозывали «скворешниками»), заметно отличавшихся от двухэтажных каменных строений других жителей Немецкой слободы. Дело в том, что по указу Петра I по набережной должны были возводиться только каменные двухэтажные дома, бедные же строения находились в глубине застройки.

В 1735 г. случились сильные пожары, сгубившие деревянные постройки. Сгорела и греческая церковь. Слободу решили не восстанавливать, а на этом месте строить каменные дома не ниже чем в два этажа. Для Греческой слободы выделили другой участок — в районе Лиговки, «на Песках». Там была возведена церковь во имя Димитрия Солунского, или в просторечии — Дмитриевская. Закладка церкви состоялась 25 мая 1861 г., освящение — 31 октября 1865 г. Храм был построен на средства богатого петербургского купца Дмитрия Бенардаки (1799–1870). Он также делал крупные денежные пожертвования в пользу университета и Национального музея в Греции, на его счет воспитывалось немало молодых людей, получили вспомоществования бедняки. Он был утвержден в потомственном российском дворянстве. На плане Петербурга 1874 г. отмечена греческая церковь на восточной стороне Лиговского канала между 4-й и 5-й Рождественскими улицами². Церковь была построена архитектором Р. И. Кузми-

ным в византийском стиле (закрыта в 1930-х гг., разрушена в 1961 г., на ее месте построен концертный зал «Октябрьский»).

Греческая слобода на Лиговке просуществовала весь XVIII в. С XVIII в. деление городской застройки на слободы было упразднено, вместо них учреждены «части». Греческая слобода оказалась в Рождественской части, частично в Каретной (улицы и вся Рождественская часть получили свое название от церкви Рождества Пресвятой Богородицы). Тогда же был благоустроен Греческий проспект.

Слобода располагалась в непосредственной близости от Мытного двора и складов. Не случайно населяло ее купечество средней руки, семейства «не старших», то есть не получавших наследство купеческих сыновей. Они содержали небольшие лавки, занимались и мелочной торговлей в районе Сенного рынка, преимущественно колониальными товарами. Их склады располагались в нижнем течении Невы на Васильевском острове и на Петроградской стороне. Среди торговых лавок находились и греческие кухмистерские, своеобразное меню которых привлекало греков, но не очень нравилось прочим питерцам.

В середине XIX в. греки составляли не менее 0,1% населения города³. В переписи 1897 г., отмечавшей не этническую принадлежность, а языковую, греки попали в графу «от 100 чел. до тысячи»⁴.

В столице вне слободы жили люди греческой национальности, принадлежавшие к разным сословиям, в их числе — аристократы, политики и деятели культуры⁵, а жители бывшей Греческой слободы в течение XIX и XX в. все более люмпенизировались. Улицы в районе Лиговки, вокруг Старо-Невского проспекта были заселены купцами. Там велась торговля мукой, рогожей, мешками, лесом, канатами, шорным товаром. Центром торговой деятельности служил Старо-Александровский рынок⁶. Возможно, что в торговых делах такого рода участвовали и греки. Некоторые из них стали извозчиками. Извозчий промысел концентрировался в Рождественской и Каретной частях, особенно после постройки в 1856 г. Московского вокзала Николаевской железной дороги.

На Лиговской улице в доме № 6 (или № 8, точных данных нет) в 1916 г. находилось греческое посольство. Жители Лиговки, района Староневского проспекта, прихожане Дмитриевской церкви — все они постепенно вливались в общую массу петербуржцев, обрусевали и не оставили потомкам своих имен.

Зато многие выходцы с Балканского полуострова, островов, Придунайских земель вошли в российскую историю, имена их (греческие или переделанные на русский лад) хранятся в памяти потомков.

В 1719 г. в Немецкой слободе в собственном доме поселилась семья князя Дмитрия Константиновича Кантемира — господаря Молдавии, который

заклучил договор с Петром I в 1711 г. о союзе против Османской империи и о переходе Молдавии в состав России. После неудачного Прутского похода Петра он прибыл в Россию (с ним — 4 тысячи выходцев из Днестровско-Прутского междуречья) и находился впоследствии в ближайшем окружении императора.

У сына этого князя — Антиоха в домашних учителях состояли грек Анастасий Кондоиди и славянин Иван Ильинский. Антиох — самый известный из стихотворцев Петербурга того времени. В поэме «Петрида, или описание стихотворное смерти Петра Великого, Императора Всероссийского» (1730 г.) он воспеваает град Петров, каменные здания и грозную крепость, военный и торговый флот и славные дела пробужденных россом. Он первым употребляет применительно к невскому пейзажу слово «бездна», которое затем все чаще и чаще связывается с этим городом.

В Петербурге разрабатывали меры по сохранению народа от мора и болезней. Старинный Аптекарский приказ еще в первые годы строительства Петербурга был преобразован в Медицинскую канцелярию, президентом которой стал в 1741 г. лейб-медик Павел (Панайот) Захарович Кондоиди (1709–1760).

Этот выдающийся медицинский деятель родился на острове Корфу, но вскоре попал в Россию. Он учился в Лейпциге, где получил степень доктора медицины. По возвращении в Петербург стал «генерал-штаб-доктором», с 1741 г. возглавил медицинскую канцелярию. Заложил прочный фундамент медицинского образования в России: упорядочил сроки обучения, круг предметов и экзаменационных требований, учредил доцентуру, выписывал профессоров из-за рубежа.

Им же основана в 1756 г. петербургская библиотека медицинской канцелярии, позже преобразованная в Медицинскую коллегия, вошедшая с 1798 г. в библиотеку Медицинской академии. Последняя существует до сих пор, и часть ее книг украшена старинным экслибрисом «СМ» — *Collegiae medicinae*.

Он организовал в Петербурге и в Москве акушерские школы, выпускницы которых давали особую присягу и по сему назывались «присяжными бабками», доктора же — «профессорами бабичьего дела». Ввел обязательные вскрытия для определения причин смерти. Запретил телесные наказания в медицинских учебных заведениях и разработал принципы медицинского законодательства. Его усилиями был поставлен заслон эпидемиям: людям, занятым на строительных работах, выдавали противочинготный отвар из хвои.

Панайот Кондоиди, вероятно, состоял в родстве с другими российскими Кондоиди. Один из них — Анастасий, упомянутый выше как домашний учитель Антиоха Кантемира, числился с 1718 г. членом Духовной коллегии

(Синода). Какие пути привели его в Петербург? Он сам писал об этом в чело-битной царю:

«Будучи в Константинополе, получал я годового оклада по 2000 талеров: 500 как проповедник патриаршества и 1500 как второй переводчик Оттоманской Порты. Но по склонности к православной вере стал я служить Вашему царскому Величеству, и когда об этой службе узнано, то я не только лишился годового оклада, имения и обещанной епархии, но если бы Патриарх не ухоронил меня в своем погребе в продолжение 26 суток, то предан был бы и смерти, как случилось с товарищем моим, капитаном Франциском Греком, которого поймали и посадили на кол». Далее Анастасий просил об увеличении ему жалованья, так как не имел другого обеспечения⁷.

Другой Кондоиди — епископ Ярославский или Вологодский Афанасий (может быть, в русских документах его путали с Анастасием?) — называл себя «по указу Петра... комиссаром греческой нации». Он принимал участие в сношениях с теми епископами англиканской церкви в Великобритании, что пожелали присоединиться к восточному православию.

Греческие аристократы, жившие в российской столице и других городах, придерживались обычаев своей родины, что немало удивляло жителей Петербурга.

Балканские планы императорского двора затронули и город на Неве. Здесь 7(18) января 1775 г. по высочайшему повелению открылось «Особливое училище для отправляющихся в С.-Петербург из Архипелага греческих мальчиков». Училище, получившее обиходное название «греческая гимназия», или официальное — «Гимназия для чужестранных единоверцев», было основано при артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе под начальством генерал-инженера М. И. Мордвинова. Осенью того же года в гимназию поступили первые учащиеся, греческие отроки 12–16 лет, доставленные эскадрой вице-адмирала Елманова. Большинство из них — сироты.

Гимназический курс закладывал основу для будущей карьеры, военной или дипломатической: помимо общеобразовательных предметов, в программу входили языки — русский, греческий, французский, турецкий, итальянский, немецкий. Склонные к военному поприщу должны были поступать в морской, артиллерийский или инженерный кадетские корпуса, но так как достаточных вакансий на 1779 г. там не имелось, в гимназии начали учить и воинским наукам, представляя выпускников к производству в прапорщики или мичманы. По этой причине с 1792 г. греческая гимназия была переименована в Корпус чужестранных единоверцев. В составе российского генералитета, принимавшего участие в войнах 1812 г., было семь человек греческой национальности. Из них пятеро еще в детстве были вывезены из Греции и закончили этот корпус. Он просуществовал до декабря 1796 г., ко-

гда рескриптом Павла I его расформировали, а 195 его воспитанников перенесли в морской и сухопутный кадетские корпуса. Некоторые из питомцев этого учебного заведения стали потомственными российскими дворянами, прослужившись до высоких чинов; среди них были Д. Е. Бальзам, И. Г. Барки, С. А. Велизарий, Г. А. Папахристо, К. Ю. Патаниоти и другие⁸.

Назовем еще одного — Георгия Властоса, или Егора Ивановича Властоса. Закончив греческую гимназию в 1790 г. подпоручиком, он проявил изрядное присутствие духа в шведской кампании. Через два года храбро сражался в Польше, в 1799 г. был произведен в майоры и принял батальон. В первую войну с Бонапартом сформировал и возглавил 24-й егерский полк (егеря — отличные стрелки, действующие рассыпным строем в самых трудных операциях: при охвате и обходе противника). В последовавшей войне со Швецией полковник Властов удачно действовал в неприятельском тылу. За эту кампанию, принесшую ему известность, награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Когда Наполеон начал свой русский поход, Властов (тогда уже генерал-майор) в рядах корпуса Витгенштейна успешно прикрывал петербургское направление. Позже егеря нашего героя вместе с дружиной петербургского ополчения брали Полоцк, теснили французов при Березине. Затем — битва народов при Лейпциге, за которую Властов получил звезду Святого Владимира 2-й степени, и наконец взятие Парижа и чин генерал-лейтенанта. Выйдя в отставку, он прожил 15 лет в усадьбе Княжево под Шуей до самой кончины 29 января 1837 г. на 67 году жизни. Его современный биограф В. М. Глинка писал, что дом и могила Властова сохраняются княжевскими жителями; его портрет, написанный заочно по миниатюре английским художником Джорджем Доу, занимает почетное место в военной галерее петербургского Зимнего дворца⁹.

В 1771 г. в Петербург прибыл Евгений Булгари, или в греческом написании — Евгениос Вулгарис (1716–1806 гг.), выдающийся деятель новогреческого Просвещения¹⁰. Он преподавал в училищах Греции, на Афоне, в Лейпциге (там он издал свою «Логику» — сборник текстов древних и новых философов), переводил на греческий Вольтера, с которым был знаком лично (расходясь по многим пунктам философских построений). В Петербург, куда он приехал по личному приглашению Екатерины II, он занимался научными трудами, а в 1775 г. был поставлен во главе Славенской и Херсонской епархии (в Новороссии) в сане архиепископа (он был монахом и имел чин архидиакона). Вскоре вернулся в Петербург, поселился на Васильевском острове вблизи Академии наук, почетным членом которой был избран в 1776 г., и посвятил себя целиком научным трудам по широкому кругу проблем, включая античную филологию, философию и богословие. Сочинения его были доступны не всем, так как он писал на древнегреческом языке.

В должности архиепископа Славенской и Херсонской епархии Булгари сменил его соотечественник Никифор Теотоки (Никифорос Теотоки), тоже ученый и просветитель, прибывший в Россию в 1776 г. Позже он жил в Москве, там и похоронен.

Усиленное внимание петербургского двора к грекам в немалой степени подогревал упомянутый выше «греческий проект», имевший целью вытеснение османов из Европы и создание новой православной державы со столицей в Константинополе. Трон ее предназначался внуку Екатерины, родившемуся в 1779 г. и окрещенному Константином. Великий князь Константин Павлович с детства был окружен греками, знал новогреческий язык, которому его обучал Дмитрий Дмитриевич Курута (1770–1833), позже назначенный управляющим его двора.

Послужной список генерала Куруты весьма впечатляющ: директор 2-го петербургского кадетского корпуса, шеф Дворянского полка, участник многих кампаний с 1805 по 1831 г., сенатор, граф Российской империи с 1826 г. Его портрет помещен в упоминавшейся уже военной галерее Зимнего дворца. Хотя граф Дмитрий умер бездетным, род его продолжился по боковой линии через сенатора Ивана Эммануиловича Куруту (1782–1852) и внесен в родословные книги Таврической губернии.

В историю Российского государства вошел уже упоминавшийся выше грек Ламброс Кационис, который в русских документах именуется Ламбро Качони или Ламбр Каччиони (ок. 1752–1805). Он родился в Ливадии (область Беотия в Греции). Участвовал в качестве добровольца в действиях эскадры Г. А. Орлова на Средиземном море в 1770–1774 гг. После этого служил офицером в Греческом полку в Крыму. В 1788 г. в чине майора был послан Г. А. Потемкиным в Триест для организации каперской войны против турок на Средиземном море. На деньги местной греческой общины он купил судно, названное им «Северная Минерва». На этом судне Кационис в 1788–1790 гг. проводил успешные операции, подрывавшие турецкое судостроение. За счет притекавших к нему добровольцев была создана мощная флотилия, состоявшая летом 1791 г. из 24 кораблей. Ясский мир 29 декабря 1791 г. (10 января 1792 г.) вызвал среди греков глубокое разочарование, так как не содержал каких-либо статей в пользу Греции. Тогда Кационис решил самостоятельно продолжать войну против турок в национальных интересах Греции, но потерпел поражение. Позже он вернулся в Россию, был прощен Екатериной и до самой смерти не покидал российскую землю¹¹.

Великая французская революция 1789 г. всколыхнула всю Европу. Идеи свободы, равенства и братства вдохновляли греческих патриотов. Демократ и поэт Ригас Велестинлис (ок. 1757–1798) в работе «Новое политическое правление» развивал идеи Декларации прав человека и составил радикальный Законоположительный устав проектируемой им Греческой республики¹².

Наполеон Бонапарт отвоевал Ионические острова у Венеции. Спротивление французскому наступлению вынудило создание русско-англо-турецкой коалиции. Средиземный поход вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова позволил русско-турецким силам выбить французов с Ионических островов, овладеть Неаполем и Римом. Живые подробности этой экспедиции сохранились в записках ее участника Егора Павловича Метаксы.

Уроженец острова Кандия (Крита), Метакса учился в Петербурге морскому делу с 1785 по 1790 г.¹³ После службы на Черноморском флоте получил назначение в экспедицию Ушакова, где пригодилось его знание турецкого и греческого языков. Его мемуары изданы в Петрограде в 1915 г.¹⁴ с приложением документов, связанных с этим походом. Метакса участвовал также в средиземноморской экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина (1805–1807)¹⁵.

Русско-турецкая конвенция 1800 г. объявила об учреждении в Ионическом море Республики Семи Соединенных островов. Формальным ее сюзереном выступал османский султан, но реальным ее покровителем был российский император, чье влияние подкреплялось стоявшими на островах русскими войсками¹⁶.

Франция и Россия соревновались за сердца греков. При Бонапарте на Корфу разрешили греческую типографию, где печатали даже труды Ригаса Велестинлиса. В годы российского покровительства об Ионической республике говорилось как о первом греческом государстве после падения Византии. Либеральная конституция 1803 г., подготовленная для Республики, заслужила одобрение императора Александра I; над ней работали его дипломаты Г. Д. Моцениго, А. Я. Италинский и А. Чарторыйский вместе с греками С. Теотокосом и И. Каподистрией. Республика поощряла просвещение, укрывала беженцев, в ее вооруженных отрядах мужали будущие вожди войны за независимость¹⁷.

В 1803–1806 гг. государственным секретарем Ионической республики был не раз уже упомянутый выше Иоанн Каподистрия (1776–1831), видный политик, принадлежавший равно Элладе и России¹⁸.

Когда по Тильзитскому соглашению 1807 г. Ионические острова вновь оказались под властью Франции, Каподистрия покинул родину и поселился на берегах Невы в доме нежинского купца Иоанна Доболли (Деболлиса).

Известен и другой адрес И. Каподистрии: в доме купца Гунаропуло у Синего моста близ Исаакиевской площади. Позже, заняв высокую должность в правительстве Александра I, он получил казенные апартаменты в здании на Дворцовой площади напротив царского дворца.

Два года и восемь месяцев безвыездно прожил Каподистрия в Петербурге, числясь по Министерству иностранных дел. Он переводил и составлял разные бумаги, читал для души Монтеня, Руссо и Монтескье, а круг его общения почти исключительно ограничивался местной греческой колонией.

В петербургском доме Комнено, хозяйка которого была урожденной Мурузи, Каподистрия встретился с юным кавалергардом князем Александром Ипсиланти (ок. 1792–1828), сыном бывшего господаря Валахии Константина. История семьи Ипсиланти сходна с историей Мурузи. Те и другие служили внукам византийского императора Андроника I — Алексею и Давиду Комнинам, которые с помощью грузинской царицы Тамары заняли в 1204 г. Трапезунд, а затем и Синоп, провозгласив Трапезундскую империю¹⁹. Мурузи и Ипсиланти были среди знатных вельмож Трапезунда. Государство Великих Комнинов просуществовало до 1461 г., не устояв перед турецким султаном Мехмедом II. Тогда-то семья Ипсиланти и Мурузи обосновались в Стамбуле — в квартале Фанар.

В XVIII в. Порта заменила в Дунайских княжествах ненадежных правителей из тамошних бояр на более лояльных господарей из греков Фанара. Фанариотские семьи князей Мурузи, Ипсиланти, Маврокордато, Суццо, Кареджа соперничали за право управлять Молдавией и Валахией. Крупной ставкой считалась и должность великого драгомана Порты, буквально — переводчика, а на деле — секретаря, ведающего всей дипломатической перепиской. Немалое влияние давали посты драгомана флота и великого логофета. Последний управлял делами православного патриарха Константинопольского, чья резиденция находилась тут же, в Фанаре. И вот теперь, после долгих лет соперничества за милость Порты, обе семьи объединились в надежде на поддержку петербургского двора²⁰.

В Петербурге Каподистрия был вхож в дом молдаванского боярина Скарлата Стурдзы, переселившегося в невскую столицу после заключения Ясского мира и породненного по женской линии с семьей Мурузи. Это родство определило настроения отпрысков Скарлата — его сына Александра, поступившего вместе с графом Иоанном на службу в российское Министерство иностранных дел, и дочери Роксандры, фрейлины двора, в замужестве графини Эдлинг. Не без влияния Каподистрии Александр и Роксанда чувствовали себя патриотами Эллады. Не только в быту, но и в дружеской переписке они перешли на новогреческий язык.

Осенью 1811 г. граф Каподистрия оказался в Вене как сверхштатный секретарь русского посольства. В то время начались мирные переговоры в Валахии, положившие конец очередной русско-турецкой войне. Несмотря на решительный военный успех (под Слободзеей была пленена вся турецкая армия), Петербург спешил покончить дело миром, чтобы высвободить войска для единоборства с Наполеоном.

На сторону русских тайно перешел великий драгоман Порты Дмитрий Мурузи, которому от имени Александра I обещали большие чины, ленты и имения. Дмитрию Мурузи была введена вся османская дипломатическая

кухня, а то, чего он не знал, сообщал из Стамбула его брат Панайот. Все передавалось русским. Не мудрено, что М. И. Кутузов, главнокомандующий Молдавской армией, искусный стратег и дипломат, добился блестящей дипломатической победы. Турки уступили по максимуму: Бессарабию (крепости Измаил, Хотин, Бендеры были завоеваны позже), черноморский порт Сухум (вернув на время Анапу, Ахалкалаки и Поты); были подтверждены привилегии Дунайских княжеств и внутреннее самоуправление Сербии. За это Кутузов получил титул светлейшего князя, а братья Мурузи поплавились жизнью. Голова Дмитрия демонстрировалась на главной площади Стамбула.

Вдова одного из братьев с детьми прибыла в Санкт-Петербург, и с тех пор эта фамилия стала известной в среде петербургских жителей. Потомку греческого патриота принадлежал тот дом, который до сих пор красуется на углу Литейного проспекта²¹.

Вскоре после подписания Бухарестского мира грянула Отечественная война 1812 г. В ней участвовал штатский человек Иоанн Каподистрия, стойко перенося тяготы походного быта. В 1812 г. он был управляющим дипломатической канцелярией Дунайской армии, в 1813 г. ведал дипломатической канцелярией главнокомандующего Русской армией М. Г. Барклая-де-Толли.

О роли генерал-майора Егора Ивановича Властова в кампании с Наполеоном уже говорилось, равно как о графе Дмитрие Дмитриевиче Куруте, бывшем в 1812 г. обер-квартирмейстером гвардейского корпуса. Их портреты выставлены в военной галерее Зимнего дворца в Петербурге²².

Среди прочих — портрет генерал-майора Семена Христофоровича Ставракова (1764–1819), отцом которого был обрусевший отставной поручик «греческой нации» из местечка Омельник близ Кременчуга. В 1800–1805 гг. Семен Ставраков жил в Петербурге без определенных занятий и светских связей. Мало кто мог признать в скромном армейском майоре, выслужившемся из сержантов, адъютанта самого Суворова, которому покойный генералиссимус всецело доверял, храброго и распорядительного офицера, участника Итальянского и Швейцарского походов. Судьба переменялась к Ставракову осенью 1805 г., когда М. И. Кутузов вспомнил о нем и назначил в свою армию бригад-майором походного штаба, то есть начальником канцелярии по строевой и хозяйственной части. Аустерлиц, Рущук, Бородино, Лейпциг, Париж — не было такой кампании или важного сражения, в которые Ставраков не вложил бы своего труда. Его знала вся российская армия. «Без Ставракова воевать нельзя», — говорили о нем. Он кончил жизнь в должности инспектора военных госпиталей, оправдав характеристику, данную ему Суворовым в одном из писем: «Мой приятель и честный человек». Чего же больше?

Брат Ставракова, Захар Христофорович, тоже был офицером, в 1815 г. имел чин полковника и, надо думать, участвовал в Отечественной войне, хотя за малым чином и не удостоился портрета в галерее Зимнего дворца. Зато там есть генерал-майор Пантелеймон Егорович Бенардос, о котором сказано: «Грек на русской службе с 1775 г. Участник штурма Измаила и кампании 1806–1807 гг. В 1812 г. командовал пехотной бригадой в армии Тормасова».

В 1816 г. Каподистрия возвратился в Петербург. Еще в сентябре 1815 г. он получил должность одного из двух статс-секретарей, управляющих Министерством иностранных дел. Вплоть до своей отставки в 1822 г. он активно и очень успешно работал на поприще российской дипломатии (ведая отношениями России с Востоком и Балканами), пользовался доверием Александра I, авторитетом в высших государственных кругах и уважением друзей.

Годы, которые Каподистрия провел в России, совпали со временем подготовки греческой национально-освободительной войны 1821–1829 гг. Граф Иоанн примыкал к умеренному крылу греческого национального движения, считая вооруженное выступление преждевременным. Но он не мог не сочувствовать своим соотечественникам, стремившимся к завоеванию свободы с оружием в руках. Его сложное положение при дворе Александра I вынудило графа выйти в отставку и отправиться в Швейцарию²³.

В апреле 1827 г. греческое национальное собрание провозгласило в очередной раз независимость страны и избрало Иоанна Каподистрию правителем Греции на семилетний срок. Через год началась русско-турецкая война, но еще раньше, 20 октября 1827 г., объединенный русско-англо-французский флот уничтожил в Наваринской бухте турецко-египетскую эскадру. По Адрианопольскому мирному договору с Россией (1829) Порта признала автономию Греции, а также Сербии и Придунайских княжеств. Через год Стамбул согласился с решением Лондонской конференции, провозгласившим Элладу независимым государством. Сбылись мечты ревнителей греческой свободы, друзей Греции. Громкое имя филэллин, или «греколюб», зазвучало в Европе и в Новом Свете.

Первый период в истории независимого греческого государства закончился убийством вследствие политического заговора Иоанна Каподистрии 27 сентября 1831 г. в тогдашней столице — городе Навплионе (позже Греция была навязана монархический строй правления, на престол был возведен представитель баварского дома, а столица перенесена в Афины).

Начало общегреческого восстания 25 марта (6 апреля) 1821 г. неразрывно связано с именем Александра Ипсиланти. Сын великого драгомана Порты, а позже господаря Валахии (Молдавии) Константина (1770–1816), эмигрировавшего с семьей в Россию (в 1807 г.), Александр Ипсиланти —

генерал-майор русской армии, участник войны 1812 года, адъютант Александра I — был ярким представителем греческой аристократии, соединившей свою судьбу с Россией. Он принял руководство тайным обществом «Филики Этерия» в 1820 г. В марте 1821 г. он вместе с двумя братьями перешел границу России с Османской империей на р. Прут, был встречен отрядом этеристов. На молдавской земле Ипсиланти призвал соотечественников к восстанию. 21 марта вспыхнуло освободительное восстание в самой Греции, что положило начало долгой и кровопролитной войне греков за независимость. Кампания же самого Ипсиланти, продолжавшаяся 4 месяца, потерпела неудачу²⁴.

Младший брат Александра — Дмитрий Ипсиланти (1793–1832), тоже офицер русской армии, в 1821 г. прибыл в Пелопоннес как представитель «Филики Этерии». Добился больших успехов в сражениях с турецкими войсками.

Среди греков, живших в начале XIX в. в России, заслуживают упоминания те, кто способствовал деятельности просветительного общества «Филомузос Этерия» («Общество любителей муз»). Его отделения были в Афинах, в Австрии и в Петербурге. Петербургским отделением, имевшим широкую популярность, руководил в 1816–1817 гг. филолог-классик Спиридон Дестунис, чиновник из канцелярии графа Каподистрии. Финансовыми делами ведал И. Т. Деболли и банкир Э. Калерджи, организационными — А. С. Стурдза и петербургский почтмейстер К. Я. Булгаков. Греки со всех концов России и из других стран присылали сюда денежные пожертвования²⁵.

В перечне российских подписчиков общества — 21 человек: министр народного просвещения князь А. Н. Голицын, секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны (чей фрейлиной была Роксандра Стурдза) Н. М. Лонгинов, князь Александр Ипсиланти, две анонимные греческие дамы, крупнейший московский купец-меценат З. Зосима, князь А. Н. Кантакузен, сестра Александра I Мария Павловна и ее муж, великий герцог Саксен-Веймарский (чей министр граф Эдлинг стал супругом Роксандры Стурдзы). Среди крупных жертвователей был известный уже читателям купец Иоаннис Варвакис (Иван Андреевич Варваца).

Попечением «Филомузос Этерии» и трудами Каподистрии за шесть лет с 1814 г. десятки греческих юношей получили образование в итальянских, немецких и российских университетах.

Очень интересен вопрос о связях российских греков с декабристами. До конца он еще не изучен, но многие факты известны.

Братья Ипсиланти были в приятельских отношениях с поэтом-гусаром Денисом Давыдовым, князь Александр был близким знакомым генерала М. Ф. Орлова, будущего декабриста. В Петербурге князь состоял в масон-

ской ложе «Трех добродетелей» вместе с декабристами С. Г. Волконским, С. П. Трубецким, братьями Муравьевыми-Апостолами, Н. М. Муравьевым и П. И. Пестелем. Пестель не просто сочувствовал греческому делу, но все-таки интересовался «Филики Этерией», стремясь использовать ее конспиративные приемы для русских тайных обществ²⁶.

Роль греков в тайных обществах России была сравнительно скромной. Это и понятно: наиболее горячие головы включились к тому времени в вооруженную борьбу за освобождение Эллады. Однако среди путей к тайнам российских заговорщиков был и греческий след. На него вышел провокатор Иван Васильевич Шервуд, уланский унтер-офицер, сын британского механика, заброшенного судьбою из Кента в Петербург. Проживая в доме графа Якова Николаевича Булгари, Шервуд слышал некие подозрительные разговоры и поспешил донести, что в Харькове под начальством сего Булгари образовано обширное общество, имевшее цель политическую.

Подслушанные беседы касались скорее всего греческих обстоятельств, ибо граф Яков Николаевич, выходец с остров Корфу, был активным этеристом, за что в апреле 1825 г. находился под следствием, выяснявшим степень его участия в восстания Ипсиланти, равно как князей Ханджери, Кантакузенов и Маврокордато.

За донос Шервуду выдали круглую сумму денег, поручив следить за семейством Булгари. Сразу же после декабрьских событий подозреваемые члены семейства были арестованы и доставлены в Петербург.

Предполагая в Якове Николаевиче видного конспиратора, его посадили под строжайший арест в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Но граф сумел оправдаться полным неведением. Его перевели в петербургский военно-сухопутный госпиталь, а затем по высочайшему повелению освободили с оправдательным аттестатом и выдачей прогонных денег на обратную дорогу.

Меньше повезло брату Якова, Спиридону Булгари, тоже этеристу. Правительством не считало, что он замешан в заговоре, однако, проведя несколько месяцев в Петропавловской крепости, узник дождался высочайшего приговора: два месяца в крепости и высылка за границу с запрещением возвращаться в Россию. Причина? «За то, что солгал государю», то есть сначала показал, что не знал о тайных обществах, а затем признался, что слышал них.

Осенью 1826 г. Спиридон Николаевич Булгари вместе со своим двоюродным братом Андреем Юрьевичем, который тоже знал о тайных обществах (ему рассказал о них провокатор Шервуд), отплыл на французском купеческом судне из Кронштадта в Руан. Обосновавшись на острове Корфу, родине предков, Спиридон не забывал о России. В 1850 г. он даже обращался в Петербург с просьбой разрешить ему возвращение «по семейным де-

лам» и получил отказ: даже через 24 года Николай I не захотел простить «солгавшего государю».

Больше других Булгари в заговор был вовлечен сын Якова Николаевича — Николай (1805—1841), поручик Кирасирского полка. Детство он провел в Петербурге, воспитывался в пансионате пастора Колленца и барона Шабо, был записан в Пажеский корпус, но слушал лекции его преподавателей на дому. Прапорщик Федор Федорович Вадковский (1800—1844) принял Николая Яковлевича Булгари в Южное общество. Об этом в «Алфавите членам бывших злоумышленных Тайных обществ и лицам прикосновенным к делу» сказано следующее: «В 1825 г. Вадковский, открыв ему о существовании Южного и Северного обществ и цели оных — введении конституции... Ни действий его, ни прямого участия в намерении общества по следствию не обнаружено»²⁷.

Андрей Юрьевич Булгари показал на допросе, что слышал о тайном обществе сначала от Шервуда, затем «то же самое от Николая Булгари с присовокуплением, что общество намеревалось истребить императорскую фамилию. Рассуждая о сем предмете с Николаем и Спиридоном Булгари, они считали сие занятием праздных людей, а наконец разговор сей закончился смехом...»

Хочется верить, что на допросах раскрыли не все, а о «робком духе Николая Б.» Вадковский упомянул для смягчения участи молодого Булгари, которому в канун восстания не исполнилось еще 20 лет. Так или иначе Николай Яковлевич был осужден по VII разряду и, по конфирмации приговора «во уважении молодости его лет», в крепостную работу на два года. Затем срок этот сократили вдвое.

Из декабристов-греков известен еще поручик Пензенского пехотного полка Павел Дмитриевич Мазгана, или Мозган (1802—1843), уроженец Феодосии, член тайного общества Объединенных славян. В «Алфавите» о нем сказано: «Был на совещании у [подпоручика Я. М.] Андреевича, где слышал о намерении начать возмутительные действия в 1826 г., уничтожить самовластие, ввести представительное правление и истребить императорскую фамилию. Приглашал [подпоручика А. Ф.] Фролова на изведение покойного императора, яко на единственное средство к получению свободы, а после возмущения Черниговского полка уговаривал рядового Боролина, чтоб он склонял товарищей не действовать против возмутителей».

Павел Мазгана был осужден по IV разряду, приговорен в каторжные работы на двенадцать лет, срок сокращен до восьми. Отбывал каторгу в Сибири — в Читинском остроге и Петровском заводе, затем выведен на поселение в Ачинском округе Енисейской губернии, откуда в 1838 г. отправлен на Кавказ рядовым в Тифлисский егерский полк. Убит при взятии горцами аула Гергебиль.

Вспомним и преподавателя московского учебного заведения для колонновожатых, поручика В. Х. Христиани. По словам декабриста Н. В. Басаргина, поручик состоял членом Союза благоденствия, но следствию не подвергался и замечен властями не был.

С декабристской темой связана еще одна греческая фамилия — Гунаропуло. Согласно версии современного питерского литератора Андрея Чернова²⁸, тела пяти казненных декабристов — Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина — были тайно захоронены не на острове Голодай в Финском заливе, а рядом — на островке Гунаропуло (позже остров стал называться Гоноропуло).

Версия есть версия, в ней можно сомневаться, но бесспорно другое — семейство Гунаропуло причастно судьбе декабристов. Драгунский офицер Егор Гунаропуло, один из трех сыновей Афанасия, перебравшегося в Петербург в конце XVIII в., был адъютантом военного министра А. И. Татищева, председателя следственного комитета по делу заговорщиков. Егор Афанасьевич, в свое время служивший вместе с Александром Бестужевым, участвовал в следствии и даже выезжал в Харьков для расследования, но по всей вероятности не проявил особенного рвения, а в конце 1827 г. вышел в отставку по домашним обстоятельствам. Второй брат, Афанасий Афанасьевич, губернаторствовал в Белостоке. Третий, Феопемпт Афанасьевич, слыл масоном «высоких градусов» и встречался на заседаниях лож с виднейшими из декабристов; служил же в канцелярии Дежурного генерала Главного штаба, затем — в канцелярии начальника Главного штаба. Братья Гунаропуло пользовались покровительством графа В. Ф. Адлерберга, министра двора. Они владели немалым состоянием, мызой на Голодае, островом Гунаропуло и городским домом у Синего моста на Мойке, в котором, как упоминалось, жительствовавал граф Каподистрия.

Потомки греческих мигрантов влились во все социальные слои русского общества²⁹. Нет возможности выявить не только всех их, но даже и наиболее заметных. Ограничимся несколькими примерами.

Иван Константинович Кондосколиди-Бошняк (1717–1791) — сын уроженца одного из центральных районов Греции, эмигрировавшего в Россию в 1711 г., с 16-летнего возраста состоял на военной службе, участвовал во многих сражениях, командовал на Украине Новосербским батальоном, который размещался в поселке Каменный Бор (ныне город Луганск). Во время пугачевского восстания он в чине подполковника — коменданта саратовского гарнизона сумел отбиться от отряда Пугачева, и прихватив документы и казну, добрался до Царицына (об этом упоминает Пушкин в «Истории пугачевского бунта»). Состоял комендантом саратовского гарнизона до 1788 г.³⁰

Драматург Василий Васильевич Капнист (1757–1823) родился в Полтавской губернии. Его дед Петр Христофорович Капнисси поступил на российскую военную службу во время прутского похода Петра I. Пьесы Капниста шли на петербургских сценах. В 1821 г., когда весть о греческом восстании распространилась в России и вызвала волну энтузиазма в российском обществе, он написал поэтическое «Воззвание на помощь Греции»³¹.

Мировоззрение поэта Николая Федоровича Щербины (1821–18??) сформировалось под влиянием его бабушки — гречанки с Пелопоннеса, бежавшей в Россию во времена Екатерины II и никогда не порывавшей связей со своей родиной. Выросший на Мариупольщине поэт стал известен после публикации книги «Греческие стихотворения Николая Щербины» (1850 г.). Его творчество одобряли поэты, включая Ф. Тютчева, Я. Полонского, Т. Шевченко, композиторы сочиняли романсы на слова его стихов³².

Предки одного из известных деятелей Российской империи — князя Александра Илларионовича Васильчакова были выходцами из Византии, состояли на службе Московского князя с 1553 г. К этой семье принадлежала жена царя Ивана Грозного — Анна Григорьевна. Князь Илларион Васильевич, подобно многим российским дворянам греческого происхождения, участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 г., имел чин генерала и пользовался расположением императоров Александра I и Николая I. Его сын Александр Илларионович (1818–1881) оставил по себе память как государственный и общественный деятель, убежденный сторонник и пропагандист особой формы финансово-экономической деятельности среди сельских хозяев — ссудно-сберегательных товариществ. Он был сторонником освобождения крестьян с землей при умеренном выкупе, постепенной либерализации политического режима и доказывал правильность своих суждений практическим делом: организовывал ссудно-сберегательные товарищества почти по всей России. В эти добровольные объединения вступали крестьяне, а позже и другие сельские жители — агрономы, учителя, священники. Товарищества показали свою жизнестойкость и успешно работали вплоть до Октябрьской революции 1917 г., после которой были ликвидированы³³.

Михаил Ильич Кази (1839–1896) — известный кораблестроитель и общественный деятель — потомок греческой семьи, переселившейся в Крым во времена Екатерины II. Его отец Илья Андреевич Кази принадлежал к одному из тех известных греческих родов, которые оставили след в истории русского общества, мать Александра Павловна происходила из разветвленного рода наследников знаменитого участника антиосманских войн екатерининского времени Стефана Мавромихали³⁴.

Михаил Ильич окончил Морской кадетский корпус и был приглашен в Русское общество пароходства и торговли, на судах которого совершенст-

вовались его знания моряка и судостроителя. Он был Управляющим Севастопольским Адмиралтейством, Городским головой Севастополя; на этом посту основал в городе реальное училище, женскую гимназию, городскую больницу и оставил по себе добрую память, за что и получил звание почетного гражданина Севастополя. Наиболее заметные его деяния связаны с перестройкой и реорганизацией Балтийского завода в Петербурге. Его стараниями завод в короткий срок превратился из убыточного в передовое судостроительное предприятие. В должности управляющего М. И. Кази произвел рациональное размещение оборудования, благоустроил цехи, разработал правила управления и многое другое совершил в деле технического оборудования, но главная его забота заключалась в воспитании кадров как инженерных, так и рабочих. Он создал ремесленную школу, откуда выходили заводские мастера, обеспечил рабочих питанием, медицинской помощью, заботился об инвалидах — все это принесло управляющему неподдельное уважение всех работников завода. Отказавшись от услуг иностранных специалистов, М. И. Кази привлекал к работе талантливых русских инженеров, в которых более всего ценил преданность делу и инициативность³⁵.

Со стапелей Балтийского завода были спущены корабли, значительно усилившие российский флот: «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова» и другие, но особой гордостью был крейсер «Рюрик» водоизмещением свыше 10 тыс. тонн, огромных по тем временам размеров³⁶.

М. И. Кази занимал позже не один видный пост. Он много сделал для развития судоходства на северо-западе России (но вместо предлагавшегося им Мурманска Николай II решил создавать морскую базу в Либаве)³⁷. Сохранились упоминания о его проекте соединить Черное море с Балтийским посредством непрерывного водного пути. Но особенно важно отметить его деятельность на посту Председателя Императорского Русского технического общества. Он понимал, как важно способствовать профессиональному инженерно-техническому образованию в России, где таится огромный потенциал технических талантов, и тем самым пресечь зависимость российской экономики от европейской.

В честь М. И. Кази при Техническом обществе была учреждена премия его имени и выполнена памятная медаль³⁸.

Как не раз уже упоминалось, в российское общество включилось на протяжении веков немало греческих родов. О многих дворянских фамилиях собраны значительные сведения. Особенно тщательно разработана генеалогия потомства Стефана Мавромихали³⁹.

Стефан-бей Мавромихали принадлежал к древнему греческому роду, гербом которого был византийский двуглавый орел на фоне княжеской мантии. Род Мавромихали издавна управлял областью Майна (Мани) на

юге Греции, жители которой назывались майнотами. Это были отдаленные потомки знаменитых спартанцев. С. Мавромихали был заметной исторической фигурой во второй половине XVIII в. Признанный лидер в Греции, он был известен и в России, где его дипломатическая активность простиралась до Санкт-Петербурга и Москвы и непосредственно до императрицы Екатерины Великой.

В 1770 г. С. Мавромихали во главе так называемых «спартанских легионов» поднял антитурецкое восстание и во многом способствовал успеху Архипелаговской экспедиции графа А. Г. Орлова и победам русского флота при Наварине и Чесме. Затем, эмигрировав в Россию, Мавромихали продолжил службу российскому престолу в Новороссии и Крыму, став деятельным сподвижником Румянцева, Потемкина, Суворова.

Императрица Екатерина II, высоко ценя оказанные греками услуги и снисходя на прошение Мавромихали, повелела отвести им земли на юге России и «даровала им многие льготы и выгоды». Сам С. Мавромихали получил богатые поместья в Крыму, ставшие основой относительного благополучия его многочисленного потомства вплоть до 1917 г.

Маститый греческий вельможа, он пользовался большим авторитетом среди друзей и врагов. Турки и татары почтительно прозвали его «байрактаром» — владеющим знаменем. С. Мавромихали был женат на графине Булгари. Их единственный сын Павел Степанович Мавромихали (1770–1822) служил на флоте под непосредственным командованием Ф. Ф. Ушакова, затем был на гражданской службе, являясь ближайшим сотрудником устроителя Одессы герцога А. Э. Ришелье. П. С. Мавромихали был женат на гречанке К. М. Стамати (1785–1851) и имел от нее сына Константина и шестерых дочерей. Они все были признаны российскими потомственными дворянами и внесены в Дворянскую родословную книгу Таврической губернии. Сын умер в раннем возрасте, а с дочерей начался процесс генетической и духовной ассимиляции представителей греческой аристократии в многонациональной среде российского дворянства.

Уже перед их семьями не стоял вопрос о возвращении на родину предков, хотя и обретшую свободу при активном участии их близких родственников в главе с Петром-беем Мавромихали, родным племянником Стефана-бея. При этом ассимиляция не означала для потомков забвения их исторических корней. Дочери П. С. Мавромихали Мария (р. 1809), Елизавета (1813) и Александра (1816) формально еще продолжали держаться «греческой ориентации» и вышли замуж соответственно за К. Н. Анастасьева, А. Ф. Ревельотти и И. А. Кази — представителей старых греческих знатных фамилий, отцы которых сражались вместе со Стефаном-беем. Однако Екатерина (1810) и Елена (1817) связали свои судьбы с двоюродными братьями из семьи эмигрантов с другого конца Европы — М. И. и И. Ф. Бларамбер-

гами. У сестер Мавромихали было в общей сложности 19 детей, среди которых зарегистрировано 17 браков. Среди вошедших в семью была одна англичанка и 16 (!) россиян. Поэтому естественно, что с каждым поколением потомки Мавромихали становились все более и более русскими. Реконструкция и анализ родословных потомства М. П. Анастасьевой, А. П. Кази и Ел. П. Бларамберг позволили проследить развитие родственных связей и полную ассимиляцию этих семей в России на протяжении 10 поколений в течение 250 лет. Почти все ветви рода потомков Мавромихали, оказавшиеся за рубежом, пресеклись. Лишь несколько родственников живут ныне во Франции, Румынии и Греции. В России же, несмотря на все невзгоды, политические репрессии и дискриминацию, проживает около 70 семей потомков Мавромихали, насчитывающих с супругами более 170 человек⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Флоря Б. Н.* Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.) // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 58–62.
- 2 План Петербурга 1874 г. // Петербург весь на ладони / Сост. Вл. Михневич. СПб., 1874. С. 484, указатель к плану III. Представители греческого государства заботились о пополнении греческой церкви всем необходимым — иконостасом, утварью и т. п.
- 3 *Филиппова Е. И.* Население Петербурга середины XIX в.: этнический аспект по данным художественной литературы // Этнография Петербурга — Ленинграда. № 2. Л., 1988. С. 23.
- 4 Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXXVII. Тетр. 1 и 2, г. Санкт-Петербург. СПб., 1903.
- 5 *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984. С. 120.
- 6 Там же. С. 125.
- 7 *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. Л.* Энциклопедический словарь. Т. 30. СПб., 1895. С. 935.
- 8 *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 134–135; *Безотосный В. М.* Национальный состав российского генералитета в 1812 г. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 65.
- 9 *Глинка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 87–89.
- 10 *Арш Г. Л.* Евгений Булгари в России // ВИ. 1987. № 4. С. 103–113.
- 11 *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. С. 87–92.

- 12 *Арш Г. Л.* К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник. 1963. М., 1964. С. 320–344 (в Архиве внешней политики Российской империи обнаружен полный русский перевод этого произведения); *Он же.* Этеристское движение. С. 94–119.
- 13 *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке (дооктябрьский период). М., С. 94–95.
- 14 [*Метакса Е. П.*] Записки флота лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской. Пг., 1915.
- 15 *Тарле Е. В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1806) // Соч.: В 12 т. Т. X. М., 1959; *Он же.* Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море (1805–1807). М., 1954.
- 16 *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1961; *Она же.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М., 1976.
- 17 *Нарочницкий А. Л.* Греческое национально-освободительное движение в России (1801–1831) // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 116–117.
- 18 *Арш Г. Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976.
- 19 *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
- 20 *Арш Г. Л.* Ипсиланти в России // ВИ. 1995. № 3.
- 21 Первоначально эта семья поселилась в районе греческой застройки, куда прибывали и другие беженцы из Греции и с островов Архипелага, покидавшие свою родину вследствие русско-турецких войн. Позже, в 1870-х гг., Мурузи приобрели участок для строительства дома, на котором с первой половины XIX в. стоял деревянный дом купцов Мишуткиных, выходящий одним фасадом на Литейный проспект. С 1850-х гг. им владел князь В. В. Кочубей, а в 1874–1876 гг. для князя Александра Дмитриевича Мурузи на месте разрушенного деревянного был выстроен великолепный пятиэтажный каменный дом с тремя затейливо украшенными в «мавританском стиле» фасадами, которые ныне выходят на Литейный проспект (№ 24), на улицы Пестеля (Пантелеймоновская, № 27) и Короленко (№ 14). Архитекторы А. К. Серебряков, И. В. Султанов и П. И. Шестов спланировали квартиру из 26 комнат для владельцев дома в бельэтаже и в примыкавших к нему помещениях. Остальные квартиры в этажах сдавались внаем. В нижнем этаже и в подвалах предполагалось разместить склады и магазины. Позже дом был продан генералу О. Ф. Рейну. Были перестроены каменные флигеля, с самого начала предназначенные для сдачи внаем, под жилые квартиры переделаны и нижние по-

- мещения (*Ирхвидова Л. А.* Дом Мурузи // *Дома рассказывают.* Л., 1991. С. 126–160; *Куферштейн Е. З., Борисов К. М., Рубчик О. Е.* Улица Пестеля. Пантелеймоновская. Л., 1991. С. 62–63; *Кабак А., Лурье Л.* Дом Мурузи // Санкт-Петербург, 1996). Дом этот примечателен тем, что в нем жило много деятелей литературы: Н. С. Лесков, Н. Ф. Анненский, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, в 1919 г. в доме помещалось издательство Всемирной литературы. Позже там поселился Д. А. Гранин. С 1910 г. в квартире № 28 жила семья Бродских, откуда знаменитый поэт И. Б. Бродский отправился ссылку.
- 22 *Глинка В. И., Помарнацкий А. В.* Военная галерея... С. 87–89, 163–166, 176, 230.
- 23 *Арш Г. Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг. М., 1976.
- 24 *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. С. 292–293; *Он же.* Ипсиланти в России // *ВИ.* 1995. № 3; *Он же.* Тайный узник Венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // *Новая и новейшая история.* 1987. № 2.
- 25 *Арш Г. Л.* Каподистрия... С. 124–169.
- 26 *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. I. М., 1955. С. 150–152.
- 27 *Декабристы.* Биографический справочник. Изд. подготовлено С. В. Мироненко / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988.
- 28 *Чернов А. Ю.* Скорбный остров Гоноропуло. Библиография «Огонька». М., 1990. № 4.
- 29 Интересный перечень лиц, служивших в России по дипломатическому ведомству и ощущавших себя крепко связанными с Россией как второй родиной, см.: *Папулидис К.* К вопросу о деятельности греков, служивших в МИД Российской империи в XVIII—XIX вв. // *Греческая культура в России XVII—XX вв.* М., 1999. С. 44–50.
- 30 *Проценко А.* Три грека с русскими фамилиями // *Эллины Украины.* 1977. № 5 (10). С. 3.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 *Давыдов А. Ю.* Князь-кооператор А. И. Васильчаков // *ВИ.* 1993. № 8.
- 34 Материалы о М. И. Кази предоставлены жителем Санкт-Петербурга, потомком рода Кази — Валентином Фаддеевичем Помарнацким, который располагает обширными архивными данными.
- 35 *Федоров Е.* Михаил Ильич Кази. Биографический очерк // *Записки Императорского Русского Технического общества.* 1897. № 11.
- 36 *Балтийский судостроительный.* Л., 1970. С. 77–82, 86–88.
- 37 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. С. 392–396.
- 38 *Смирнов В. П.* Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 680. № 1337.
- 39 *Сапожников С. А.* Формирование генотипа русского потомственного дворянства // *Дворянское собрание.* 1995. № 2. С. 81–83.
- 40 Полная родословная роспись потомков С. Мавромихали по всем линиям содержит 306 индивидов, а с супругами — 480. См.: Приложение к настоящему изданию.

5 ОБЩЕСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРЕКОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

К концу XIX в. греки Российской империи представляли собой не единообразную общность, а несколько довольно самостоятельно возникших групп. Однако в сознании большинства населения страны они воспринимались как нечто единообразное, что в свою очередь способствовало возникновению широко распространенного стереотипа.

Однако такие бытовые представления мало отвечали реальному положению вещей. Отчетливо выделялись два определяющих этнических элемента греков центра России и ее «национальных окраин» — локальный и лингвистический. Первый детерминировал конкретное географическое место происхождения и пути миграции греков в Россию и другие регионы страны. Второй — особенности устной и письменной речи. В этих вопросах существовали хорошо просматриваемые различия регионального характера, обусловленные их расселением. К началу описываемого периода сформировались следующие центры проживания греков: одесский (вокруг г. Одессы и по крымскому побережью Черного моря), мариупольский (в центре с г. Мариуполем), северокавказский, абхазский, аджарский, центральногрузинский и цалкский. Их численность колебалась от 550 тыс. до 700 тыс. человек¹.

Среди главных политических и в первую очередь экономических центров греческого населения Российской империи были Одесса, Ростов, Таганрог, Екатеринодар и Николаев. Именно здесь сконцентрировались основные силы греческой диаспоры, причем ни в одном из этих городов «греческий элемент», как показывают материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г., не был преобладающим². Социальный состав греческого населения был весьма пестрым, в зависимости от мест компактного проживания удельный вес того или иного слоя был выше. В одесском центре с прилегающим к нему крымским побережьем Черного моря сконцентрировались в основном представители купеческого сословия, учительство, клир и представители свободных профессий, главной и наиболее распространенной из которых была журналистика. Социальное расслоение одесских греков к концу XIX — началу XX в. может быть проил-

люстрировано тем фактом, что в 1893 г. городская греческая община насчитывала всего лишь 140 человек³. Всего же в Одессе в этот период насчитывалось 5013 греков.

Широкое развитие среди греков Российской империи получили образование и культура. Так, функционировавшее еще с 1817 г. Греческое коммерческое училище Одессы к началу XX в. не только не прекратило своего существования, но даже расширило деятельность, чему в немалой степени способствовал его переход с 1889 г. под покровительство греческой королевы Ольги и признание его российскими властями в 1894 г. юридическим лицом⁴. Структура училища предусматривала наличие 6-классной городской школы, подготовительного класса и 4-классной коммерческой школы, где преподавались и иностранные языки. В 1916 г. в училище обучалось 460 учеников, из которых 372 были греки, 23 — русские и 65 — представители других национальностей⁵. Широко распространенный институт благотворительности способствовал поддержанию не только бесплатного образования в училище, но облегчил и создание национального греческого театра в Одессе. Образованные в 1905 г. три благотворительных общества — «Фос» («Свет»), «Илиос» («Солнце»), «Анагенион» («Возрождение») — позволили консолидировать усилия разных слоев греческого населения города в культурно-образовательном плане.

В районе Крыма и территории, близкой к г. Одессе, греческое население, исторически связанное с Грецией, имело устойчивое национальное самосознание, называло себя *эллинес* («греки») и в большинстве владело новогреческим языком в форме димотики. Другие части побережья Северного и Восточного Причерноморья, за исключением вышеназванных, а также Северный Кавказ и Ростовская (г. Ростов-на-Дону) область были заселены выходцами из районов Понта.

Ситуация, сложившаяся на Украине по отношению к грекам к началу XX в., в частности в районе г. Мариуполя, также служит примером очевидных региональных особенностей этого населения. Здесь происходило постоянное смешение русского, украинского и греческого элементов как в этническом, так и в лингвистическом плане, что наложило отпечаток и на самоназвание местных греков, такое же как и понтийцев, но с чуть измененной огласовкой: *румьос* (ед. ч., муж. р.), *румьей* (мн. ч.), язык — *румьейка*. История этого этнонима (ромей, румей) уходит корнями в далекое прошлое, когда он символизировал преемственность от населения Восточной Римской империи (Византии). В самой Греции это самоназвание чаще всего употреблялось в литературной речи в возвышенном патетическом духе.

Часть греков, вышедших в 1778 г. из Крымского ханства, говорила на крымском диалекте татарского языка. Это создавало определенное своеобразие культурной жизни региона. В целом на Мариупольщине преоблада-

ло сельское население, поэтому, несмотря на благоприятные экономические возможности, там было меньше греческих культурно-просветительских центров, чем в Крымско-Одесском регионе.

Греческое население Закавказья и Северного Кавказ представляло собой также несколько групп, различавшихся по диалекту (говору) и некоторым особенностям бытовой культуры. Все они — потомки выходцев из пределов Османской империи (частично из Персии). Их предки жили на полуострове Малая Азия. Это было оседлое земледельческое население, разнородное по этнической принадлежности и грецизированное по языку. После расселения на полуострове тюркок-кочевников (XIII в.) и политического превосходства их потомков из династии Османов — создателей обширной империи — значительная часть грецизированного населения постепенно осваивала тюркский язык, принимала мусульманскую религию, включалась в турецкий этнос⁶. Греческое православное население концентрировалось на южном побережье Черного моря в Трапезундской империи, оставалось там и после завоевания империи турками в середине XV в., а также расселялось в силу различных причин по другим районам Османской империи. Будучи неравноправными подданными султана, испытывая притеснения, греки, как и другие нетурецкие жители империи, видели в России свою покровительницу. Неоднократные русско-турецкие войны, возникавшие в конце XVIII и на протяжении XIX в., а также русско-персидские войны XIX в. создавали условия для массового перехода греческого (как и иного нетурецкого) населения в пределы России⁷.

Почти тотчас же после вхождения Грузии в состав России в Тифлисе в 1810 г. был образован специальный комитет, призванный регулировать стихийный приток беженцев. Уже в 1813 г. прибыла первая группа переселенцев-греков в местечко Цинцкаро в Центральной Грузии. Переселенческие волны из Османской империи и из Персии продолжались вплоть до 1920-х гг. Центральные районы Грузии, Абхазия, Черноморское побережье, включая Абхазию, и, наконец, степные и предгорные области Северного Кавказа и район Баку на востоке — вот места, постепенно освоенные переселенцами по мере продвижения отдельных групп и единичных семей в направлении с юга на север.

Это был сложный процесс: кто-то из переселенцев оседал в местах скопления предыдущих мигрантов, кто-то возвращался назад, на старые места, греки из Трапезунда (турецкого Трабзона) переправлялись морем в Грецию или на Крымский полуостров. Окончательная карта расселения сложилась в значительной степени с конца 1860-х гг. после завершения Кавказской войны⁸.

Последнее передвижение приходится на начало 1920-х гг., когда города Карс, Баязет, Эрзерум и их округа, принадлежавшие России (в них скапли-

валось христианское население), были переданы Турции. Лозаннская конференция (1922–1923 гг.) вынесла решение о поголовном выселении греков из Турции, а турок — из Греции. Переселенческий поток захватил и тех греков, которые уже обосновались в Прикубанье.

Укоренение мигрантов проходило сложные процессы: приходилось приспособливаться к новым природным условиям, находить свою нишу в хозяйственном комплексе, налаживать быт в новых жизненных реалиях⁹. Такую же судьбу испытывали и другие беженцы-христиане; бытовые и этнокультурные проблемы армян близки к тем, что выпали на долю греков¹⁰.

В результате сложных миграционных процессов, этнокультурных взаимодействий с окружающим населением, имманентного развития греческой диаспоры сложилась четко прослеживаемая этническая общность — понтийцы¹¹. Самоназвание — уже известный нам древний этноним, восходящий к византийскому времени — *ρομεος* (*ο ρομεϊος*). Другой этноним указывает на давнее обитание на берегах Черного моря — Понта Эвксинского *ποντιος*, *понтос* (*ο πόντιος*) — ед. ч., *понти* (мн. ч.), в обиходе на русском языке употребляется наименование *понтийцы*.

Все понтийцы без исключения двуязычны: в общении с иноэтничными людьми (а в значительной степени и между собой) употребляют русский язык, родным же их языком (который ныне употребляется только на бытовом уровне) является греческий язык в архаической форме. Некоторые специалисты считают его диалектом новогреческого языка¹², другие определяют его как самостоятельный язык¹³. В нем различаются несколько форм в зависимости от места происхождения предков: трапезундская, самсунская, карасундская, синопская, эрзерумская и гюмишханская. Язык понтийцев существенно отличается от эллинского языка (греков современной Греции) вследствие армяно-тюркских заимствований и сохранения многих устаревших идиоматических форм с ясно выраженным региональным синтаксическим строем.

К понтийской общности принадлежат туркоязычные греки, предки которых, живя во внутренних вилайтах Турции, с течением времени восприняли анатолийский диалект турецкого языка как свой повседневный разговорный. Турки называли всех христиан «урум-миллет», отсюда самоназвание *урумам* (ед. ч.), *урумдулар* (мн. ч.) и собирательное русифицированное название *урумы*, которое применяется к туркоязычным грекам. Они расселялись в своем большинстве в центральной Грузии на Цалкинском плато, поэтому их часто в литературе и в быту называют «цалкинские греки» (в настоящее время многие цалкинцы эмигрировали на Северный Кавказ). В быту жители Цалки имели некоторые своеобразные черты, отличавшие их от остальных понтийцев и сближавшие их культуру с культурой обширной переднеазиатской историко-культурной провинции¹⁴. Невзирая на языковые

различия, в отношении этнической самоидентификации урумы не отделяются от остальных понтийцев и шире — греков российской диаспоры¹⁵.

Грузия была одним из тех ареалов греческого расселения, где культурная жизнь была весьма развитой. Греческие учебные заведения открывались по преимуществу на побережье и в центральных городах. Главным местом сосредоточения греческой национальной интеллигенции в Грузии был Тифлис, где и возникли первые греческие школы. В 1906 г. там была основана частная греческая гимназия, в которой преподавал доктор истории, автор известной работы «Управление императорскими фарфоровыми и стекольными заводами 1744–1904 гг.» Н. Спидиоти, закончивший в 1898 г. исторический факультет Киевского университета Св. Владимира¹⁶.

На Цалке, где преобладало сельское население, образование продвигалось более медленными темпами. Такое же положение было и на Северном Кавказе среди сельского большинства в районах греческого расселения.

Достаточно серьезно на развитие греческой диаспоры России повлияла новая волна массовой эмиграции греков из районов Понта (южное Причерноморье), а также из Румынии, где они стали подвергаться в начале XX в. притеснениям. Если понтийская эмиграция, вызванная ужесточением турецких репрессий, была в определенной степени традиционной, то исход из Румынии стал новым фактором в жизни греческой диаспоры Российской империи. Причина обострения греко-румынских противоречий заключалась в покровительстве со стороны Бухареста куцовлашскому населению Греции, что, естественно, воспринималось Афинами как вмешательство во внутренние дела королевства.

Нестабильность ситуации на Балканах, вызванная как внутренними причинами, так и вмешательством великих держав, грозила перерасти в крупный международный конфликт. В самой Российской империи и территориях, находившихся под ее контролем, появились первые признаки социального напряжения, вылившиеся в 1905 г. в революцию. Это не могло не повлиять на всю общественную жизнь страны и не затронуть греческую общину.

В жизни греков России наметились две основные тенденции, выразившиеся в усилении этнического самосознания и резкой политизации. На повестку дня встали вопросы объединения всего российского эллинизма в единую национально-патриотическую общественную организацию и расширение связей с Грецией, с одной стороны, а с другой — усиление экономической поддержки таких общественных институтов российских греков, как школы, училища, театры и пресса. Именно последняя должна была сыграть важную роль в оформлении греческой диаспоры как единого целого одновременно перед лицом и российского и греческого правительств. Активную деятельность в этом направлении развил эмигрировавший из

Румынии в Одессу по политическим мотивам П. Константиnidис, издававший с 1904 г. газету «Патридос» («Родина») — орган греческой общины в Румынии. 14 декабря (по ст. стилю) 1906 г. в Одессе вышел первый номер первой греческой газеты в России под названием «Космос» («Мир»). Ее главным редактором стал Т. Мосхопулос, известный в Одессе того времени своими литературными способностями и крайне монархическими взглядами. Ответственным редактором стал брат П. Константиnidиса — Георгиос, а соиздателем — Д. Фотиадис, одесский промышленник, меценат и бывший журналист¹⁷. В задачу «Космоса» входила пропаганда греко-русских связей и «положительной роли царствующей в России династии»¹⁸.

Практически вплоть до 1908 г. это была единственная греческая газета в России, что давало ей возможность монопольно распространять информацию среди греческого населения империи, греческих колоний Южного Причерноморья и Балканских стран.

Вся информация из Греции имела характер вестей с Родины — от публикации парламентских дебатов до корреспонденций о событиях в самых удаленных нотах страны. С одной стороны, это было обусловлено тесными связями греческой диаспоры России и особенно Одессы с Грецией, а с другой — пропагандистскими устремлениями издателей газеты, стремившихся подчеркнуть принадлежность диаспоры прежде всего метрополии — Элладе и лишь потом — стране проживания. Специальная рубрика «Космоса» под названием «Корреспонденции из национального центра», под которым подразумевался Константинополь, должна была символизировать полную поддержку официальной внешнеполитической доктрины Греции — «Великой идеи». Практически «Космос», стоявший на монархических позициях, превратился в официоз греческого правительства среди населения диаспоры в России и Балканских странах.

В 1908 г. в еще одном центре компактного расселения греков — в г. Батуми начинает выходить литературно-политическая газета «Этники драсис» («Национальное действие»), программа которой заключалась в информировании греков Черноморского побережья и всей греческой диаспоры в России о событиях в мире и империи. При этом уже в первых номерах газеты возобладала либеральная тенденция, хотя и с определенными реверансами в отношении монархии. Издателем газеты стал Г. Филиппидис, а ответственным редактором — А. Димитриадис.

Увеличение греческих изданий продолжилось и в следующем году. 10 мая 1909 г. в Одессе появилась новая греческая газета «Фос» («Свет»). Это было еженедельное политическое, литературное, коммерческое и информационное издание, составлявшее определенную конкуренцию уже существовавшим до него газетам на греческом языке. В его создании активное участие приняли греки — выходцы из Румынии, тесно связанные с на-

циональной торговой буржуазией в самой Греции, а также с военными кругами. Издателем «Фоса» стал М. Кириазис — крупный купец, живший ранее в Румынии, а директором и главным редактором — ушедший из «Космоса» бывший сподвижник П. Константиnidиса, работавший в газете «Патридос», — Т. Мосхопулос. Все оборудование для типографии было закуплено в Афинах, и «Фос» являлся единственной греческой газетой в России, обладавшей собственной печатней. Полиграфическая база и финансовая независимость позволяли его редакции проводить собственную издательскую политику, делая основной упор на политическую и экономическую информацию из-за рубежа. Постоянными корреспондентами «Фоса» являлись в Лондоне — И. Хрисантопулос (доктор философии, известный журналист, печатавшийся в британских газетах), в Афинах — А. Димер¹⁹ — зам. издателя афинского журнала «Иконографименис» («Иллюстрация»), сотрудник журнала «Кэрон» («Время»), доктор права. Задача «Фоса» («греческой газеты за рубежом», как об этом декларировалось в редакционной статье, опубликованной в его первом номере) заключалась «в объединении греков для их духовного общения, дружеской беседе с ними на их родном языке»²⁰.

Параллельное существование трех газет выявило особенности социального состава и политических симпатий греческой диаспоры России. «Космос» был рассчитан на средние и верхние слои, представленные большей частью чиновничеством, военными, крупными купцами и ростовщиками; «Этники драсис» имела читателей среди школьной интеллигенции, средних предпринимателей, творческой интеллигенции, выходцев из Трапезунда. «Фос» превратился в орган либеральной греческой интеллигенции, купцов Одессы и прилегающих районов. Со всей очевидностью политическое размежевание греческих изданий в России проявилось в августе 1909 г. в связи с событиями в Греции, когда составленная из патриотически настроенных офицеров организации «Военная лига» подняла в Афинах восстание, известное как «революция Гуды», и потребовала от королевского правительства проведения реформ по ликвидации коррупции, прекращения финансовой зависимости от англо-французского капитала и лишения членов королевской фамилии возможности находиться в армии.

Широкое военно-политическое движение было поддержано населением страны. Антимонархизм программы «Военной лиги» нашел соответствующую реакцию у «Космоса». Прежде всего газета отметила, что «необходимо соблюдать законность и порядок», а в связи с этим отрицательно оценивалось это движение как дестабилизирующее внутреннее положение страны²¹. Совершенно иного мнения придерживался «Фос», давший на своих страницах широкую информацию о ситуации в Греции и заявивший о патриотических чувствах военных. В связи с этим не замедлило и призна-

ние «Военной лигой» деятельности данной газеты. 10 октября 1909 г. в адрес редакции «Фоса» было направлено письмо (фотография которого была ею опубликована) руководителя организации — полковника Зорбаса, в котором он благодарил газету «за правильное освещение военного движения»²². Стремясь привлечь внимание официальных греческих кругов к проблемам российского эллинства, редактор-издатель «Фоса» М. Кириазилис пригласил посетить южную Россию и Кавказ известного журналиста из Афин и издателя крупнейшей в Аттике газеты «Этникон вима» Э. Цалухоса с тем, чтобы он представил новому премьеру Э. Венизелосу отчет о положении греков в этих районах²³. Финансовые трудности, однако, вскоре заставили издателей прекратить выпуск газеты.

В начале 1912 г. «Этники драсис», переименованная на «Этники фони» («Национальный голос»), что отражало стремление редакции превратить ее в голос российского эллинства, переместилась из Батума в Екатеринодар. Изменение места издания объяснялось в редакционной статье желанием «перенести свою деятельность с окраин в центральные области расселения греческих общин»²⁴. В марте 1913 г. она начала выходить в г. Ростове-на-Дону в греческой типографии И. Мусури, пользовавшегося большим влиянием на местную общину и входившего в ее руководство.

С 14 июля (ст. ст.) 1912 г. в Батуме стала выходить еще одна греческая литературно-политическая и информационная газета — «Аргонавтис» («Аргонавт»), чьим редактором-издателем стал бывший редактор «Этники драсис» А. Димитриадис. Причина появления нового печатного еженедельного органа на греческом языке заключалась в расширении миграционных процессов греков Трапезунда и южного Причерноморья, начавших покидать Османскую империю из-за развернувшихся преследований со стороны младотурок, пришедших к власти в результате переворота 1908 г. Переселенческая волна включала представителей различных социальных слоев, но в первую очередь — среднюю и мелкую буржуазию, интеллигенцию — носителей греческой национальной идеи. В задачу новой газеты входило освещение «политического состояния эллинства», публикация статей по образованию, общественным вопросам, литературе и просвещению, передача новостей из России и Понта с помощью собственных корреспондентов, а также экономических и статистических сводок из центров мировой торговли²⁵.

Военно-политические события на Балканах — первая Балканская война (9 октября 1912 — 30 мая 1913 г.), в которой Болгария, Греция, Сербия и Черногория выступали против Турции, и вторая Балканская (29 июня — 10 августа 1913 г.), разгоревшаяся между бывшими партнерами по коалиции — Болгарией, с одной стороны, и Грецией, Сербией и Черногорией — с другой, способствовали нарастанию волны патриотизма в среде россий-

ского эллинства, выразившегося прежде всего в массовых пожертвованиях в фонд греческого государства на военные нужды. 11 июля 1913 г. в Одессе именно под воздействием войн на Балканах начала издаваться еще одна газета на греческом языке — «Эллиникос астир» («Греческая звезда»), редактором которой стал К. Коцабас. Задуманная своими издателями как «политическая, литературная, общественная и торговая газета — орган российского эллинства», она имела достаточно обширную программу: «отображение мнения российского эллинства о судьбе Родины» (под которой подразумевалась Греция), поддержка существовавшего в Греции государственно-политического режима, поддержка внешнеполитического курса Афин, пропаганда освобождения христианского Востока и изгнание захватчиков из пределов бывшей империи Александра Македонского²⁶.

В том же 1913 г. житель Батума И. К. Фотиадис получил от властей разрешение выпускать на греческом языке газету «Прометей», редактором которой стал он сам. Это общественно-политическое и литературное ежедневное издание, однако, просуществовало недолго²⁷.

Правительство Греции пристально следило за ситуацией, складывавшейся в греческой диаспоре Российской империи, а участие многих ее членов в патриотической деятельности заслуживало одобрения самых высших руководящих кругов в Афинах, вплоть до премьер-министра, пост которого в тот период занимал Э. Венизелос. Однако весной 1914 г. по экономическим причинам закрылась газета «Космос», а затем и «Этники фони», чей ответственный редактор А. Димитриадис возглавил новое издание — «Ихо» («Эхо»), первый номер которого вышел 17 августа 1914 г. Программа газеты заключалась в предоставлении грекам России возможности «проявить свои общественные и национальные интересы» через новый печатный орган²⁸, однако существование ее по цензурным соображениям закончилось ровно через месяц после выхода. В конце апреля 1916 г. аналогичным рестрициям подверглась «Эллиникос астир», а затем и «Аргонавтис». Попытка бывшего издателя и главного редактора «Эллиникос астир» К. Коцабаса продолжить дело «Греческой звезды» нашла свое воплощение в создании новой газеты — «Илиос» («Солнце»), вышедшей в Одессе 11 декабря 1916 г. Хотя редакция и заявила о том, что «Илиос» является «независимой политической газетой, национальным органом эллинства России», сразу же обнаружилась ее преемственность с закрытой «Эллиникос астир», а также связи с венецелистской, выступившей против короля, оппозицией внутри самой Греции. Но срок газеты оказался недолгим — февральские события в России положили конец ее изданию.

Достаточно активной была культурная и общественная жизнь греческой диаспоры России, заметную роль среди которой играла одесская община; ее глава Г. Г. Марасли занимал на протяжении последних 15 лет

ХІХ в. пост городского головы и был удостоен Российским правительством чина тайного советника 3-го класса²⁹. Не было случайностью и официальное посещение Одессы греческой королевой Ольгой, связанной узами кровного родства с домом Романовых. Приезд в начале декабря 1906 г. столь высокой гостью широко отмечался не только официальными властями, но и местной греческой общиной, от лица которой королеву приветствовали наиболее уважаемые ее представители — А. Пефанис, Писпа, П. Лефас, Коккинакис³⁰.

Особое место в пропаганде греческой культуры заняли греческие клубы. Один из них — «Омония» («Согласие») проводил регулярные вечера, посвященные истории и языку греков зарубежья, прежде всего России. Одним из таких мероприятий была лекция одесского преподавателя Н. Эвстафиу, прочитанная 22 января 1907 г., на тему «двух форм двуязычия»³¹. 4 февраля 1907 г. греческая община проводила благотворительный вечер, как сообщалось, «под патронажем греческих меценатов в пользу неимущих учеников греческой мужской гимназии». Интересно отметить, что в этом шестиактном представлении исполнялись российский национальный гимн «Боже, царя храни», греческий национальный гимн, комедия Куку в 3-х действиях, песни в исполнении Кананиса, комедия «Карт постал» и предусматривалось чаепитие³². Учитывая возрастающие культурные потребности общины, многие из ее членов обратились к соотечественникам с призывом о создании специального «Греческого объединения» в Одессе, которое должно было стать центром пропаганды греческой литературы и языка для всех российских греков³³.

В день национального праздника Греции — 25 марта состоялось собрание представителей греков города, которые выбрали временный организационный комитет «Греческого объединения в Одессе», названного «Пандора». Вошедшие в его состав С. Пападимитриу, И. Спатарис, И. Дритакис, С. Цибопулос, Н. Эвстафиос приняли за выработку устава. Целью объединения, как было заявлено в речи одного из участников этой встречи — И. Спатариса, произнесенной еще накануне, является «любовь, концентрация усилий, действительное братство греков — выходцев из Одессы»³⁴.

Активная роль И. Спатариса в деле образования новой организации не была случайной. Среди греков Одессы он был известной фигурой, хотя и уступавшей по своему социальному и имущественному положению Г. Марасли. Выходец из Малой Азии, получивший образование в Кесарии, он переехал в 1896 г. в Россию, где в течение 3–4 месяцев выучил русский язык. После завершения образования в Киевской Духовной Академии, которую он окончил в 1900 г., Иоаннис Спатарис переехал в Петербург и учился в школе восточных языков Университета и на его археологическом отделении. Стремительная карьера молодого грека, сделанная им на поприще

главного цензора г. Одессы по печати на греческом и восточных языках, была отмечена орденом Св. Станислава III степени³⁵. В немалой степени именно ему была обязана своим возникновением идея создания «греческих комитетов» в местах компактного проживания греков для централизованной помощи греческим типографиям, где печатались греческие газеты.

С целью расширить и упрочить театральную деятельность многих греческих актеров — жителей Одессы были предприняты успешные шаги по образованию «греческого драматического кооперативного театра» во главе с местной примой — Поликсенией Павлату³⁶. В Тифлисе, в драмкружке, созданном еще в 1890-е годы под руководством Д. Спиранди, активно участвовали многие местные греки. Труппа самодеятельных актеров успешно ставила на сцене своего маленького клуба пьесы грузинских авторов, переведенные на греческий язык. Позже Д. Спиранди пришел в театр Плеханова в Тифлисе³⁷.

Однако положение в некоторых местах компактного расселения греков было не столь благоприятно, как в Одессе и на Кавказе. В Молдавии и Бессарабии были наложены определенные ограничения на преподавание греческого языка и использование его в церковных службах, что заставило местных священников и представителей творческой интеллигенции обратиться к властям через печать³⁸.

Общественно-политическая активность греков России, выразившаяся прежде всего в усилившейся заинтересованности в судьбе своей «первой» Родины — Греции, особенно отчетливо дала о себе знать накануне Балканских войн, причем выявилось разнообразие мнений и подходов³⁹.

Особую роль в жизни греков России играла национальная греческая литература. Несколько издательств специализировалось на выпуске книг на греческом языке и его диалектах. Среди владельцев типографий были Е. Н. Грисогелис, Л. Ницис, П. Зервати-Перакис, А. Браун, братья Боровые, Э. Хрисогелу⁴⁰. Помимо этого, литература для российских греков печаталась в Греческом коммерческом училище, Правительственной типографии, батумской типографии, печатнях Ростова и Екатеринодара. Сейчас трудно определить количество книг на греческом языке, выпущенных в России в первые два десятилетия XX в., но с уверенностью можно утверждать, что их было не менее нескольких десятков⁴¹.

Особую известность как в России, так и у себя на родине получил член одесской общины Х. И. Вулдомос, который был признан «просветителем и общественным деятелем одесской общины»⁴². Окончив в Греции семинарию Розариса, а затем Афинский университет, юный эфирот прибыл в Одессу. Он прожил в России 50 лет, работая сначала преподавателем женской гимназии, а затем ее директором. После ухода в отставку он занимал пост секретаря греческой общины. Х. И. Вулдомос написал несколько книг

на греческом языке, ставших известными широкому кругу читателей. Среди них — двухтомная «Частная жизнь древних греков», «Первые пятьдесят лет Греческого коммерческого училища в Одессе (1817–1867)», «Сборник речей», переводы с русского на греческий «Евгения Онегина» и поэм великого князя К. Романова, издававшегося под псевдонимом «К. Р.»⁴³.

Широкое распространение получили встречи представителей греческих общин с писателями и поэтами из числа российских греков. Как правило, они происходили в литературных клубах, где местные литераторы (в основном из числа учителей гимназий и училищ) читали свои произведения. Например, 22 марта 1907 г. в клубе «Омония» состоялся вечер с участием местных греческих авторов А. Киприадиса и других, читались стихи А. Василиадиса⁴⁴. И так, в то время сформировался слой (хотя и тонкий) интеллектуалов, как правило, тесно связанных с образованием и театром.

Важную роль в жизни греческой диаспоры России выполняли ее отдельные представители, которые служили в определенной степени посредниками в отношениях с российскими и греческими властями, а также выполняли и немаловажные функции финансового порядка — экономическое обеспечение образования и культуры греков Российской империи. Поэтому очень часто они носили звание «национального эвергетиса» («благодетеля»). Для Одессы начала XX в. такими лицами были Г. Марасли, И. Спатарис, П. Павлидис, оставивший после своей кончины капитал в размере 200 тыс. рублей, из которых 6 тыс. было передано школам Трапезунда, а 2 тыс. — просветительским объединениям Одессы⁴⁵. В Симферополе К. Баракос, выходец из Малой Азии, оставил свое имущество греческой общине города⁴⁶. В Ростове большую роль в жизни местной диаспоры играл Д. М. Целендис — признанный руководитель ростовского эллинства, председатель общины, меценат⁴⁷. В Тифлисе заметная роль принадлежала С. Кипризову⁴⁸.

Заслуги российских греков отмечались не только властями империи, но и Греции. Так уже упоминавшийся Г. Марасли был кавалером нескольких высших греческих орденов, а ответственный редактор «Этники драсис» в Екатеринодаре Д. Михайлопулос был награжден греческим правительством Серебряным крестом ордена Спасителя. Некоторые из представителей российского эллинства были включены в проправительственные организации, где становились почетными членами. В декабре 1912 г. афинский Всемакедонский союз избрал единогласно издателя газеты «Космос» П. Константинидиса своим членом⁴⁹. Нередки были случаи признания деятельности того или иного крупного российского чиновника правительством Греции. В октябре 1910 г. городской голова Одессы И. Н. Толмачев был возведен в звание рыцаря греческого Ордена Спасителя с бантом. В письме греков города, поздравлявших Толмачева, отмечалось, что они «смотрят на

него с двумя чувствами: как на руководителя с железной рукой, с одной стороны, а с другой — как на доброго и уважительного человека»⁵⁰.

Немаловажную роль в жизни греческих общин России в начале XX в. продолжал играть институт пожертвований. Как уже об этом говорилось выше, меценатство распространялось на такие области, как образование, религия, а также поддержание новоприбывших в Россию соотечественников, спасавшихся от репрессий в Турции и некоторых балканских странах. Так, в период обострения греко-румынских отношений волна греков-переселенцев в пределы Российской империи увеличилась. В марте 1907 г. греческие жители Ростова пожертвовали в специально созданный фонд для новоприбывших 1060 рублей⁵¹. В середине следующего месяца Вселенский патриарх обратился с просьбой к Российскому императору о заступничестве за греков Болгарии и Румынии и об оказании им финансовой помощи со стороны российских греков⁵². В 1912 г. греческой диаспорой России была развернута кампания по сбору средств в помощь грекам Османской империи, пострадавшим от землетрясения⁵³. Патриотические чувства российских греков нашли свое проявление в увеличении количества пожертвований в пользу газет на греческом языке, издававшихся в России. Редакция наиболее массовой монархической газеты «Космос» получила 2500 рублей в 1907 г.⁵⁴, а редакция «Аргонавтиса» опубликовала в 1913 г. письмо греков — офицеров русской армии (к ним присоединились два офицера армянина и один русский), в котором сообщалось о пожертвовании не только в фонд газеты, но и в фонд греков — участников первой Балканской войны⁵⁵.

Социально-экономические, политические, этнические и культурные условия жизни греков России, тесные межрегиональные и международные связи, активные отношения с Грецией ставили на повестку дня уже в начале XX в. непростую задачу объединения греков в единую культурно-политическую национальную организацию, которая действовала бы на территории всей Российской империи. Первые такие попытки относятся к апрелю 1907 г., когда в газете «Космос» появилась статья под названием «Греки Кавказа и греки Понта», подписанная Маркисиосом, призывавшая к созданию «Всегреческого российского союза» с тем, чтобы «греки Понта имели свою организацию»⁵⁶. На прошедших в 1908 г. выборах попечителей греческих общин Новороссийска и Мариуполя вновь звучали призывы к объединению российского эллинства⁵⁷. Была выдвинута идея «Всеобщинного российского союза греков»⁵⁸. Предложения звучали и из Сухуми: об этом писала та же газета «Космос» в 1910 г., назвав Россию «новой родиной эллинства»⁵⁹. К 1911 г. стала все более отчетливо вырисовываться перспектива новой организации. Уже в начале этого года один из активистов Греческого национального движения в России — Э. Павлидис⁶⁰ призвал к созыву

«Всегреческого съезда греков России», на котором были бы решены вопросы объединения греков из различных районов Российской империи⁶¹.

Две Балканские войны и начавшаяся Первая мировая война повлияли на жизнь греков России. Боевые действия российской армии на Кавказе, приведшие к освобождению Трапезунда силами 30-тысячной Кавказской армии 18 апреля 1916 г., дали повод надеяться российским грекам — выходцам из Понта, что час освобождения их родины настал. Отступавшие турецкие части, пытаясь хоть как-то угодить русскому командованию, позволили создать временное правительство на данной территории под руководством митрополита Трапезунда Хрисантоса. Однако ситуация, сложившаяся в военной неразберихе, более походила на хаос, чем на установление даже какого-то подобия административного правления. Февральская революция 1917 г. практически деморализовала русскую армию на всех участках боевых действий. На Кавказе события приобретали драматический характер. Это не могло не сказаться и на греках.

В годы Первой мировой войны переселенческая волна понтийского эллинизма шла в двух направлениях — из Турции на Кавказ и с Кавказа в Грецию, что стало носить даже специальное название: «кахтаган» (годы переселения)* или «мора» — от Мореи, принятого в то время названия полуострова Пелопоннес⁶². Падение царизма и установление демократической республики дало повод вновь надеяться грекам на изменение их статуса. Прежде всего это касалось возможности реализовать идею об объединении греков страны. 5 мая 1917 г. в Тифлисе собрался I Всегреческий съезд Закавказья, на котором было принято решение об объединении греческих общин под руководством местных общественных греческих органов — советов, которые, в свою очередь, будут подчиняться Центральному Национальному Комитету, выбранному Всегреческим съездом⁶³.

В июле 1917 г. греческие советы были образованы в Таганроге, где они занялись сбором средств в пользу беженцев из Понта. В октябре того же года был создан Центральный Союз понтийских греков со штаб-квартирой в Екатеринодаре, занявшийся разработкой плана создания независимого Понта. К октябрю 1917 г. по всей территории России было образовано более 80 организаций, проводивших свои учредительные конференции⁶⁴. Активная деятельность новосозданных организаций, выразившаяся прежде всего в посылке делегаций в район Понта, в Константинополь и Афины, привлекла внимание греческих правящих кругов и прежде всего лично премьер-министра Э. Венизелоса. Для расследования положения дел на месте по поручению премьер-министра в июле 1917 г. в Россию выехал молодой

* Весьма символично, что корень этого слова на турецком — kaht — значит «го-лод», «засуха».

журналист, а впоследствии известный греческий писатель Н. Казандзакис. Правительственный эмиссар сообщал в Афины, что российское эллинство оказалось между воюющими сторонами и его положение весьма трудное. В соответствии с данными, предоставленными ему греческими национальными организациями, греческая диаспора насчитывала около 750 тыс. человек, из которых 150 тыс. имели греческое подданство⁶⁵.

Октябрьский переворот 1917 г. в России, определив внутривосточную ситуацию в стране, повлиял и на весь комплекс международных отношений. Бывшие союзники России по Антанте, собравшиеся 23 декабря 1917 г. на Высший военный совет, решили оказать поддержку организуемым генералами Л. Г. Корниловым, М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным вооруженным силам. Не ограничиваясь только этим решением, союзники также рассмотрели вопрос о координации действий на юге России, распределив между Францией и Великобританией зоны их ответственности. Первая из них должна была предпринять военные усилия в районах Бессарабии, Украины и Крыма, в то время как вторая ориентировалась на активные действия в Закавказье для борьбы с турками, а также на Дону и Кубани. Учитывая сложившуюся ситуацию и соотношение военно-политических сил в районе Кавказа, 4 февраля 1918 г. I съезд понтийцев Европы и США, состоявшийся в Марселе под председательством К. Г. Константиноидиса, принял телеграмму-обращение к комиссару по иностранным делам Советской республики Л. Троцкому, в которой выражалась просьба о поддержке усилий по созданию независимой Понтийской республики.

В пределах бывшей Российской империи разгорелась гражданская война, обострившая общественные, национальные и религиозные противоречия. Как и другие народы России, греки приняли в ней активное участие. Еще в апреле 1918 г. Греческий национальный комитет сформировал под руководством генерал-майора русской службы Ананиса бригаду из греков — жителей Кавказа с целью защиты греческого населения этого региона от турецких войск. Действия этой части заключались в проведении оборонных мероприятий в районе городов Карс и Батуми, куда уже начали входить турецкие части. Волна беженцев-греков, спасавшихся от турецкого террора в Россию и на Украину, начала нарастать.

Капитуляция Турции 30 октября 1918 г., а затем и Германии 11 ноября позволила силам Антанты активизировать свои действия на юге России. В иностранной интервенции приняла участие и Греция, премьер-министр которой Э. Венизелос надеялся получить поддержку со стороны Франции своим территориальным претензиям. В историю Греции этот эпизод вошел под именем «Украинской кампании». В ночь с 15 на 16 ноября флот союзников из 31 корабля, среди которых был один греческий крейсер, под командованием французского вице-адмирала Амета вошел в Черное море. Фран-

цузским генералом Бартело в течение менее чем одного месяца были взяты крупные военно-стратегические пункты российского Черноморья — Новороссийск, Севастополь, Одесса, Николаев и Феодосия.

Силы Антанты потерпели поражение, в начале апреля 1919 г. завершилась эвакуация всех иностранных войск из Одессы. Большие потери понес и греческий 20-тысячный корпус.

Неудачными оказались и греко-армянские консультации, имевшие целью создание Армяно-Понтийской конфедерации⁶⁷.

Однако с уходом союзных армий для греков — жителей Крыма и Украины еще оставались некоторые перспективы решения их проблем. В конце апреля 1919 г. представитель Греции в Крыму смог провести переговоры с руководством новообразованной Крымской Советской Социалистической Республики, которое представляли Председатель ее правительства — Д. И. Ульянов (брат В. И. Ленина), П. Е. Дыбенко, И. А. Назукин, председатель ВУЦИКГ. И. Петровский и командующий Красной Армией в этом районе Бибенко. На ялтинской встрече были приняты предложения греческого представителя, касавшиеся судьбы греческого населения Крыма. Главными среди них были: уважение прав греческого консула в этом районе, отказ от причинения ущерба жизни, свободе и движимой собственности греков, освобождение греков от принуждений или насильственных мобилизаций на работы. Гарантировалась религиозная свобода и независимость греческих школ, обществ и других организаций, а также предоставлялась возможность покинуть Россию (если они того пожелают) грекам — российским гражданам. Практически это был первый советско-греческий договор.

Политический представитель Греции на Кавказе И. Ставридакис, возглавлявший греческую миссию, направил 28 ноября 1919 г. правительству Греции служебную записку, в которой рассматривал вопрос в двух плоскостях: во-первых, возможность занять Кавказ греческими войсками, во-вторых, возможность организации вооруженных отрядов из греков — местных жителей. Этим последним должна была принадлежать ведущая роль. Предполагалось, что к ним присоединятся греки — жители Украины и южных областей России⁶⁸.

Еще 30 января 1919 г. Центральный союз понтийцев в Екатеринодаре обратился к правительствам стран-союзниц с требованием военной и морской защиты греков, а также с просьбой помочь репатриации понтийцев из южных областей России. Выдвигался также проект объединения с Грецией земель южного Причерноморья⁶⁹.

В октябре 1920 г. из Грузинской демократической республики в Грецию отправилась делегация цалкинских греков, в задачу которой входило выяснение возможности переселения. Однако политическая ситуация в Грузии резко изменилась: в 1921 г. Грузинская республика была ликвидирована.

Поэтому возвратившаяся из Афин делегация цалкинцев нашла у власти в республике других людей, и, как показало время, с совершенно противоположным видением «греческой проблемы», нежели бывшее правительство демократической республики. Разрешив в середине мая 1921 г. в селе Бенташен народное собрание греков по вопросу об эмиграции, новые правители выяснили таким образом, насколько серьезна решимость греческого населения вернуться на свою историческую родину. Более того, они представили возможность новой делегации в октябре 1921 г. отбыть в Грецию, но по дороге, уже в Батуми, их задержали и переправили в ЧК Грузии⁷⁰.

Таким образом, перед греками объективно была поставлена дилемма: или принимать новую власть в лице большевистских советов, или присоединяться к волне недавних беженцев из районов южного Причерноморья и добиваться отъезда на свою историческую родину.

Нерешенность и противоречивость национальных проблем таили для новой власти и политическую выгоду, и опасность. Поэтому практически на второй день после октябрьского переворота 1917 г. декретом 2-го Всероссийского Съезда Советов был образован Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), в задачу которого входило информирование новой власти о нуждах национальностей, информирование национальностей о действиях Советской власти, проведение культурно-просветительской работы, решения конфликтных ситуаций, возникших между органами власти на местах и национальностями. Во главе Наркомнаца был поставлен И. В. Сталин. Среди созданных в этом Наркомате отделов и подразделов не было ни одного структурного подразделения, занимавшегося проблемами бывших российских, а отныне советских греков, несмотря на то что они составляли группу отнюдь не малочисленную.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Более подробно статистические данные по количеству греков в Российской империи и их миграции в: *Petsalis-Diomidis N. Hellenism in Southern Russia and the Ukrainian campaign: their effect on the Pontus question (1919) // Balkan Studies. Thessaloniki, 1972. V. 13. № 2.*
- 2 Так, в Одессе в 1897 г. из 280 541 жителя греческим языком пользовалось лишь 1,32%, или 5013 человек.
- 3 Этот факт, по мнению греческого ученого К. Папулидиса, характеризовал ее закрытый аристократический характер. В уставе заявлялось на этот счет, что «членом общины является не всякий грек, живущий в Одессе, но лишь тот, кто избран общим собранием». См.: *Папулидис К. Просветительская*

- и культурная деятельность греков Одессы в XIX и XX вв. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. С. 191.
- 1 Папулидис К. Указ. соч. С. 192.
 - 2 Там же.
 - 3 Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 197. С. 101–159.
 - 4 Попадиус А. Г. География населения, экономическое положение, быт, нравы и причины переселения греков Шерии в Россию в 60-е годы XIX в. // Вопросы истории понтийских греков в России. Пятигорск, 1994. С. 30–35; Рудянов Г. С. К вопросу о переселении греков на Северный Кавказ во второй половине XIX века // Там же. С. 36–41.
 - 5 Дмитриев К. Г. Греки на Кубани // Там же. С. 41–45.
 - 6 Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. М., 1969. С. 8–14; Она же. У греков Грузии // Полевые исследования Института этнографии 1974 года. М., 1975; Она же. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 3–61; Попандопуло С. Моя малая родина. Ставрополь, 1990.
 - 7 Тер-Саркисянц А. Е. Этнокультурный облик армян Северного Кавказа: история и современность // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 5–31.
 - 8 Иванова Ю. В. Этнокультурная общность — понтийцы // Греки Северного Кавказа. Краснодар, 1997.
 - 9 Лопашов Ю. А. Новогреческий язык // Основы балканского языкознания. Л., 1990. С. 11, 41.
 - 10 Широков О. С. История греческого языка. М., 1983. С. 27–28; Он же. Введение в балканскую филологию. М., 1990. С. 44–45.
 - 11 Улунян А. А. Миллет как этно-конфессиональный феномен Османской империи // История. Культура. Этнология. М., 1994. С. 69–80; Пашаева Л. В. Семья и семейный быт цалкинских урумов (историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972; Она же. Порядок раздела в семье урумов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. IV. Тбилиси, 1972.
 - 12 Аклаев А. Р. Этноязыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков (по материалам исследования в Цалкинском районе) // СЭ. 1988. № 5. С. 60–79; Он же. Язык в системе национальных ценностей и интересов (по материалам Цалкинского района Грузинской ССР) // Духовная культура и этническое самосознание наций. Вып. 1. М., 1990. С. 12–37.
 - 13 Ангелов С. Из истории греков Грузии. Тбилиси, 1989. С. 21.
 - 14 Более подробно о развитии греческой периодической печати см.: Улунян Ар. Ак. Греческая национальная периодическая печать в России и СССР в первой трети XIX в. // Etudes Balcaniques. 1989. № 4.

- 15 Κόσμος. 1906. 14. XII.
- 16 Д. Димер был одновременно корреспондентом газеты в Константинополе, сообщения откуда подписывал псевдонимом «Ифтаэ». См.: Φώς. 1911. 1. III.
- 17 Φώς. 1909. 10. V.
- 18 Κόσμος. 1909. 28. VIII.
- 19 Φώς. 1909. 25. X.
- 20 Φώς. 1910. 7. XII.
- 21 Εθνική δράσις. 1912. 21. II.
- 22 Αργοναύτης. 1912. 14. VII.
- 23 Ελληνικός Αστέρ. 1913. 11. VII.
- 24 Ангелов С. Указ. соч. С. 21.
- 25 Ήχω. 1914. 17. VIII.
- 26 Более подробно о жизни и деятельности Г. Г. Марасли в: Παπουλίδης Κ. Γρηγόριος Γ. Μαρασλής (1831–1907). Η ζωή και το έργο του. Συμβολή στην δραστηριότητα του ελληνισμού της Ρωσίας. Θεσσαλονίκη, 1989.
- 27 Κόσμος. 1906. 2. XII.
- 28 Κόσμος. 1907. 21. I.
- 29 Κόσμος. 1907. 4. I.
- 30 Κόσμος. 1907. 11. III.
- 31 Κόσμος. 1907. 25. III.
- 32 Κόσμος. 1909. 19. IV. В связи с тем, что основная часть греческих газет, распространявшихся на территории Российской империи, поступала из Понта, в 1909 г. цензура была перенесена из Одессы в Тифлис, а главным цензором изданий на греческом языке в Грузии и поступавших из-за рубежа стал преподаватель греческого языка православной духовной семинарии К. Напланис. См.: Ангелов С. Указ. соч. С. 22.
- 33 Κόσμος. 1909. 12. VII.
- 34 Ангелов С. Указ. соч. С. 31.
- 35 Κόσμος. 1914. 8. V.
- 36 Εθνική δράσις. 1912. 26. III.
- 37 Папулидис К. Просветительская и культурная деятельность. С. 193; Улунян Ар. Ак. Греческая национальная периодическая печать. С. 45.
- 38 Там же.
- 39 См. некролог на смерть Х. И. Вулудимоса в: Κόσμος. 1907. 7. II.
- 40 Στο ίδιο.
- 41 Κόσμος. 1907. 25. III.
- 42 Κόσμος. 1909. 2. VIII.
- 43 Κόσμος. 1907. 24. VII.
- 44 Κόσμος. 1914. 2. I.
- 45 Ангелов С. Указ. соч. С. 28.
- 46 Κόσμος. 1912. 9. XII.
- 47 Φώς. 1910. 10. X.
- 48 Κόσμος. 1907. 21. III.

- ⁵² Κόσμος. 1907. 15. IV.
⁵³ Αργοναύτης. 1912. 25. III.
⁵⁴ Κόσμος. 1907. 30. X.
⁵⁵ Αργοναύτης. 1913. 2. II.
⁵⁶ Κόσμος. 1907. 13. IV.
⁵⁷ Κόσμος. 1908. 5. I.
⁵⁸ Φώς. 1909. 14. VI.
⁵⁹ Κόσμος. 1910. 1. VIII.
⁶⁰ Э. Павлидис на протяжении нескольких десятилетий возглавлял в Греции «Всегреческий союз греков — выходцев из России». Он являлся автором-составителем сборника, посвященного политической деятельности российских греков: Παυλίδης Ε. Ο ελληνισμός της Ρωσίας και τα 33 χρόνια του εν Αθήναις Σωματείου των εκ Ρωσίας ελλήνων. Αθήναι, 1953.
⁶¹ Εθνική δράσις. 1911. 6. I. Менее чем через неделю мнение Э. Павлидиса было поддержано в номере газеты от 12. I. 1911 г.
⁶² Ангелов С. Указ. соч. С. 34.
⁶³ Petsalis-Diomidis N. Op. cit. P. 64.
⁶⁴ The Greeks of Russia // Μακεδονική ζωή. 1979. Τεύχος 156. Σ. 6.
⁶⁵ Παυλίδη Ε. Δ. Πώς και διατί εματαιώθη η Δημοκρατία του Πόντου. Αθήναι, 1957. Σ. 19, 20; Petsalis-Diomidis N. Op. cit. P. 228.
⁶⁷ Более подробно по данному вопросу см.: Улунян Ар. Ак. К истории армяно-греческих отношений в 1918–1919 гг. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1987. № 4; Hassiotis J. K. Shared illusions: Greek-Armenian cooperation in Asia Minor and the Caucasus (1917–1922) // Greece and Great Britain during World War I. Thessaloniki, 1985; Hovannisian R. G. The Republic of Armenia. L., 1971. V. I; Αλεξάνδρις Α. Ηανάπτυξη του Ευνικού πνεύματος των ελλήνων του Πόντου, 1918–1922. Ελληνική εξωτερική πολιτική και τουρκική αντίδραση // Μελέτημα γύρω απο τον Βενιζέλο και την εποχή του. Αθήναι, 1980.
⁶⁸ Улунян Ар. Ак. К истории армяно-греческих отношений... С. 232.
⁶⁹ Petsalis-Diomidis N. Op. cit. P. 251.
⁷⁰ Ангелов С. Указ. соч. С. 35.

МАРИУПОЛЬСКИЕ ГРЕКИ

1 СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЕГО В ПРИАЗОВЬЕ

ЖИЗНЬ В КРЫМУ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Сложная история Крымского полуострова заполнена многими миграциями больших людских контингентов, принадлежавших к различным этническим общностям и политическим образованиям. В первом тысячелетии до н. э. там жили киммерийцы, скифы, тавры, с VI–V вв. до н. э. началась греческая колонизация. Среди известных по историческим памятникам и археологическим раскопкам колоний выделяется сильное Боспорское царство (438 г. до н. э. — 335 г. н. э.). В III в. до н. э. основаны Херсонес и Согдея. Во второй половине I в. до н. э. на полуостров распространил свою власть Рим (местами он захватывал владения еще с III в. до н. э.). В III–IV вв. н. э. здесь обособывались аланы, готы и гунны. В IV–V вв. все это пестрое по происхождению многоязыкое население вошло в состав Византийской империи.

Наиболее значительное событие последующих времен — включение полуострова в Крымский улус Золотой Орды: в 1230-е гг. была захвачена его северная степная часть. С тех пор этнокультурная ситуация в различных частях Крыма складывалась по-разному: в южной части — горной приморской полосе сосредоточивалось греческое население, там же генуэзские купцы в XIII–XV вв. воздвигали укрепления (Балаклавой они владели с 1345 г., во второй половине XIV в. отвоевали у греков крепость Судак, соперничали с венецианцами за Тану — торговый центр на левом берегу Дона, уступили позиции на полуострове и азовском побережье лишь туркам). В северных степных районах монголо-татарские феодалы имели свои постоянные резиденции — места зимних кочевков, куда в середине XV в. откочевала часть ногаев.

В 1443 г. утвердилась власть Хаджи-Гирея. В состав его независимого ханства вошло также и Нижнее Поднепровье.

Есть мнение, что само название «Крым» тюркского происхождения: означает «яма», «ров». Это слово присутствовало в названии первой резиденции ханов Эски-Кирим, укрепленной и защищенной большим рвом (впоследствии — г. Солхатра). По-гречески полуостров назывался «Херсонес»,

что и означает собственно «полуостров». Полное его название *Χερσόνησος Τάυρικῆ* или *ἡ Χερσόνησος Τάυρι*, откуда и произошло второе название «Таврида» (по Птолемию «Тафрос», по Плинию «Тафры»¹).

С XIII в., а вероятнее — со второй половины XIV в. татары приняли ислам. Хан и его приближенные проявляли достаточную веротерпимость по отношению к своим христианским подданным, поддерживали их монастыри, взаимоотношения между татарами и представителями других этносов были мирными².

В 1475 г. Крымом овладели турки-османы. Они разгромили генуэзские колонии и превратили хана в своего вассала. Османская культура, преимущественно в сфере бытовой, оказала сильное влияние на население полуострова, особенно в его южнобережной зоне. Центром ее распространения естественным образом стала столица — город Бахчисарай. Крымские ханы были зависимы от Османской империи в административном отношении³, в своей же внутренней политике они сохраняли установившийся порядок — обогащение путем грабительских походов на соседние земли. Нападения на Московское государство, Украину и Польшу с целью грабежа и захвата рабов продолжались в последующие века⁴.

В 1774 г., заключив с Османской империей Кючук-Кайнарджийский мирный договор (после успешной для России войны), российское правительство настояло на отделении от Османской империи Крымского ханства, которое использовалось турецкими властями как плацдарм для агрессивных действий против России⁵. Этот и другие пункты договора дали возможность России начать хозяйственное освоение южных степных пространств Причерноморья и Приазовья и развивать черноморскую торговлю⁶.

С тех пор начался военный и политический натиск России на Крым, закончившийся в 1782 г. полным захватом. Рескрипт Екатерины II, датированный 8 апреля 1783 г., назывался: «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу»⁷.

Но несколькими годами раньше, 9 марта 1778 г., был подписан рескрипт императрицы о переселении всех христиан из Крыма в пределы Российской империи. Это распоряжение имело решающее значение для судеб крымских греков.

Относительно происхождения и расселения крымских греков существует много гипотез, порою весьма противоречивых. Возникла по этому поводу обширная литература научного и публицистического характера. Проблема сводится к нескольким основным вопросам: во-первых, каково происхождение самих крымских греков, во-вторых — каково соотношение между той частью греков, которая говорит на одном из греческих языков (или диалекте новогреческого), именуемом крымскорумейским или таврорумейским, и теми, кто пользуется крымскотатарским языком, в-треть-

их — каков был характер этнокультурного взаимоотношения между греками и татарами⁸.

Некоторые исследователи склонны видеть в греческом старожильческом населении Крыма прямых потомков древних греков, колонизовавших побережья Черного и Азовского морей в I тысячелетии до н. э. Надо принять во внимание, что Херсонес как политическая единица просуществовал до XIII в., город же жил еще до XV в.⁹

Другие полагают, что предки румеоязычных греков переселялись на полуостров в византийское время и позже — уже после османского завоевания. Интенсивное переселение из Византии связывают с иконоборческим движением VIII–IX вв. (беглецы — монахи-иконопочитатели основывали так называемые «пещерные города»¹⁰), хотя далеко не все согласны с таким предположением¹¹. Есть мнение, что древнее население полуострова было ассимилировано в культурном и языковом отношении византийскими мигрантами. Разумеется, византийская культура оказала мощное влияние на жителей не только самой империи, но и окружающих территорий, независимо от этнической принадлежности. Например, это влияние сказывается на керамике, обнаруживаемой на археологических памятниках Крыма, на таких изобразительных мотивах, как грифон, всадник, воин, раздирающий пасть льву.

Возможно, что на Таврический полуостров предки греков прибыли из Малой Азии, может быть, из Трапезундской империи, существовавшей на южном побережье Черного моря с 1204 по 1461 г. Антропологическими исследованиями отмечена близость современных мариупольских греков с жителями Передней Азии и Кавказа. Этот факт может рассматриваться как аргумент в пользу гипотезы азиатского происхождения греческого этноса в целом¹².

Возникает предположение, примиряющее разные точки зрения: имели место миграции и с Балканского полуострова, и из Малой Азии. Украинский исследователь Д. С. Спиридонов на основании различий в говорах приазовских греков, распространяя размещение этих говоров и на крымские населенные пункты, определил, что западная группа говоров — урзуф-ялтинская — по фонетике близка к балканским вариантам, а восточные группы — сартанская и чардаклинская — к малоазийским. Отсюда вытекает вывод, что миграция шла с Балкан через Босфор (не ранее XIII–XIV вв., по мнению Т. Н. Чернышевой¹³) и из Малой Азии через Синоп и Сугдею¹⁴. Хотя некоторые историки замечают, что крупные миграции с Балкан в указанный период не отмечены, следовательно, все приведенные рассуждения остаются пока на уровне гипотез.

Крымскорумейский (или таврорумейский) язык имеет существенные отличия от современного литературного греческого языка. Авторы

прошлого века уверяли, что эти языки совсем не совпадают или же трудно взаимопонимаемы¹⁵, что вполне объяснимо длительным проживанием многих поколений вдали от центров формирования современного языка и, так сказать, «островным» развитием крымскорумейского языка¹⁶. На этот язык (или говор) оказывал влияние язык Понта, с которым связи были постоянными и откуда шла миграция после падения Трапезундской империи¹⁷.

О происхождении татароязычных греков — *урумов* специалисты спорят до сих пор. По мнению некоторых авторов, это — потомки аланов¹⁸, или же готов¹⁹, или же смешанного алано-готского населения²⁰. Б. А. Куфтин приписывал готам большое значение в формировании культуры многоэтнического населения южного берега Крыма. Он полагал, что готы имели тесные контакты с жителями Боспорского царства, от которых переняли своеобразные черты византийского искусства (упоминает памятники VI в. н. э.). Ссылаясь на автора XV в., сообщает, что татары называли готский язык татским, а язык греков — румским²¹.

В специальной литературе и в записках путешественников находим многочисленные наименования «тат», «татский язык». Иногда их принимают за этнонимические термины, в действительности это не что иное, как тюркское слово, обозначающее «чужой», «иной»²². Поэтому румеи по отношению к татароязычным грекам — «таты» (инакие), степные татары по отношению к жителям южного крымского побережья — «таты» и т. д. Для наших заметок о греках Крыма вопрос о «татах» надо оставить в стороне.

На южном берегу полуострова тюркский этнический элемент появился до татарского завоевания. Когда в 1223 г. татары взяли Судак, в этом городе уже было мусульманское население, а в 1269 г. в его окрестностях расселились малоазийские туркмены²³. Миграция шла по суше, по Черноморскому побережью, и морем. По языку эти мигранты (очевидно, сельджукского происхождения) отличались от татар степного Крыма.

После подчинения Крыма туркам усилилось влияние южнобережных татар. Говор их по фонетическим признакам отличался от бахчисарайского, имел анатолийские черты²⁴. Предположение Куфтина о переселении на полуостров тюрок из Малой Азии согласуется с теорией современных специалистов, в частности В. И. Киор полагает, что предки урумов восприняли турецкий язык еще в бытность на полуострове Малая Азия. Он не исключает греческое происхождение этой тюркоязычной группы и во всяком случае — их христианское вероисповедание. Прибыв в Тавриду, они включились в единоверную общину — *урум-миллет*²⁵. Т. И. Сорока и И. С. Пономарева придерживаются того же мнения: «...урумский язык формировался в недрах Османской империи. Урумы, вероятнее всего, — малоазийские греки, которые жили до переселения в раннетурецких государствах»²⁶. Другая часть этой же этнической общности, по мнению этих авторов, не

только ассимилировалась по языку, но и приняла ислам и влилась в турецкий этнос.

Сторонники этой теории отрицают мнение, имевшее место до недавнего времени, об усвоении частью греков татарского языка как языка политически и социально господствовавшего этноса, а именно той частью, которая жила в Бахчисарае и его окрестностях и в группе сел, примыкавших к Бахчисараю с юга, а также и в других городах²⁷.

Думается, что эта сложная проблема не решается однозначно: во-первых, не выявлены надежные источники, не опубликованы серьезные специальные исследования урумского языка, снабженные необходимым сравнительным материалом. Во-вторых, авторы каждой из гипотез стремятся выделить ее в «чистом» виде без учета возможной многовариантности ответа.

Надо принять во внимание сложную историю расселения по Таврическому полуострову и прилегающим территориям многих этнически разнородных людских контингентов, разнохарактерность отношений, в которые они вступали между собой, наконец, неопределенность значения этнонимов, встречающихся в различных источниках и по-разному используемых авторами.

Например, А. Н. Гаркави, напоминая, что речь идет о тех временах, когда не существовало сегодняшнего понятия об этнической принадлежности и главной характеристикой человеческого сообщества было вероисповедание, сообщает, что в XVII в. в Крыму урумами называли группу кипчаков, придерживающихся православия (другую группу — последователей армяно-григорианской обрядности именовали *ермени*, иудаистов — *карай*, а мусульман — *татарами*)²⁸.

Население Таврического полуострова, особенно его южной зоны, было весьма пестрым. Генуэзцы в средние века основали торговые поселения, существовавшие до конца XV в. Армяне, евреи также составляли отдельные общины, по социальному статусу занимая промежуточное положение между полноправными подданными хана и лишенными всяких прав рабами, в которых превращали военнопленных. Христиане составляли отдельные епархии и получали митрополитов от константинопольских патриархов или епископов от римского папы. Такой порядок установился еще до татарского владычества и продолжался при ханах. Вообще, надо заметить, что в Крымском ханстве не было столь жестокого обращения с «неверными», как это порою изображается в полуполюгендарной литературе²⁹. Уже сточение началось после османского завоевания: тяжелые налоги отнимали до половины собранного урожая, тем более что они собирались по откупной системе, к ним добавлялись государственные подати, натуральные повинности, беззаконие.

Греки, армяне, евреи, караимы, генуэзцы, турки различного происхождения, живя бок о бок, занимаясь одними и теми же хозяйственными дела-

ми (садоводство, виноградарство, виноделие, торговля), естественно, тесно общались между собой.

Столь же оживленным было долготелее общение всей этой разноэтнической массы с татарами³⁰. Этногенез самой этой тюркоязычной группы представляет довольно сложную задачу. Происхождение татар южного берега Крыма иное, чем степных татар, занимавших центральную и северную зоны полуострова и смежные пространства Черноморского побережья. Их язык принадлежит к огузско-сельджукской группе огузских языков, в то время как язык степняков — ногайский³¹. Даже путешественники XIX в. отмечали разницу в быту этих двух этнических образований; татары-степняки отделяли себя от южнобережных, называя этих последних «тат» («другие», «инакие»)³².

В результате тесного общения случался и переход отдельных лиц, семейств или групп из одного вероисповедания в другое³³. Возможно, что и языковое смешение имело место³⁴, то самое, которое отрицают сторонники малоазийского происхождения урумского языка — одно другому отнюдь не противоречит. Неизвестно, какие населенные пункты имел в виду Ф. А. Хартахай, когда сообщал, что «духовенство само забыло свой язык и усвоило татарский. Школ не было... Величественные храмы знаменитых херсонесцев... заменились церквями, сложенными неискусной рукой из простой глины...»³⁵ Этот автор приходит к заключению, что если бы не переселение греков в Приазовье, они «отатарились бы окончательно»³⁶.

Может быть, в этом утверждении есть доля эмоционального преувеличения. Во всяком случае, этот же автор отмечает, что евреи и караимы, сохранившие свою религию, жившие обособленными общинами, лишенными светского образования, тем не менее переняли много татарских бытовых навыков, как и генуэзцы — наследники высокой культуры.

Этническая культура никогда не остается неподвижной, застывшей: между этносами — либо непосредственно соседствующими, либо общающимися между собой в силу тех или иных обстоятельств — происходит обоюдное заимствование бытовых навыков, приемов хозяйствования, обычаев и других элементов культуры. Если какая-либо этническая общность оказывается на более высоком социальном уровне, особенности ее культуры воспринимаются остальными (чувствующими себя на низшем уровне) как престижные, перенимаются охотно и даже порою кажутся обязательными. Такие связи должны были установиться между татарами и прочими жителями Крымского ханства, хотя сами татары имели в качестве престижного образца турецкую культуру.

Документы Готфийской епархии, обнаруженные в библиотеке Одесского общества истории и древностей, относящиеся к концу XVIII в., написаны на турецком языке греческими буквами. Протоиерей Трифиллий, близко приближенный к митрополиту Игнатию, тоже писал на турецком языке

греческими буквами, мешая их с русскими. В документах этих редко попадают русские слова — и то с грубыми ошибками³⁷.

Греки переняли от татар некоторые элементы одежды, манеру убранства парадных комнат жилого дома³⁸. Греческие мастера составляли главный ремесленный контингент в столице ханства — Бахчисарае, в частности от них татары перенимали навыки домостроительства, например, деревянных домов. Тип жилого дома у греков и татар был одинаков³⁹.

Общение генетически не родственных между собою групп населения продолжалось и позже, когда старожильческое греческое население сменили мигранты с Балкан и островов. Антропологи и путешественники конца XIX в. отмечали у татар примесь греческой крови, в обычаях — почитание христианских праздников и памятных мест⁴⁰.

Авторы XIX в., замечавшие в быту мариупольских греков и тех выходцев из Греции, которые поселились в Крыму после переселения старожилов в Приазовье, черты, сходные с татарскими, без обиняков приписывали их татарскому влиянию на христианское население, а между тем во многих случаях это были элементы культуры, общие для обширной зоны Юго-Восточной Европы: многие характерные культурные и хозяйственные навыки, бытовая и производственная терминология, определение родства (семейная номенклатура) и многое другое — это достояние целой культурной провинции, в которой между народами различного происхождения и разной языковой принадлежности в результате многолинейных связей и исторических обстоятельств сложился единый культурный комплекс⁴¹.

Каково бы ни было происхождение румеев и урумов, очевидным остается тот факт, что сами татароязычные греки считают себя именно греками, хранили в прошлом и до сих пор имеют воспоминания о том, что их предки говорили по-румейски (возможно, эти сведения почерпнуты среди групп, предки которых именно «отатарились»?). Свой язык они никогда не называют татарским, но говорят про него «наш греческий язык»⁴². Взаимное проникновение лексики говорит о многолинейных связях двух групп. На основании антропологических данных специалисты пришли к выводу об общем происхождении обеих групп крымских (ныне — мариупольских) греков — и румееязычных, и урумов⁴³; возможно, оно восходит ко времени пребывания их далеких предков на полуострове Малая Азия.

Греки жили в южной гористой зоне полуострова от Балаклавы на западе до Феодосии на востоке. Они населяли семь городов. Бахчисарай с XV в. стал столицей Крымского ханства. Две тысячи домов и 25 тысяч жителей (в XIX в.) — приметы солидного города; это был центр татарской образованности. Ка́фа (или Кефе́), современная Феодосия, слыл самым большим городом Крыма: его 6 тысяч домов послужили прозвищу «Пол-Стамбула» («Ярым Истамбул»); в XVII в. в нем жило мало татар, зато было множест-

во православных и армянских церквей и даже одна католическая. Гёзлев (Гезлева, позже Козлов, современная Евпатория), Карасубазар считались городами средней руки, Балаклава (Ямболь), Керчь, Эски-Крым (Старый Крым), Судак — небольшими городами⁴⁴.

Городское население занималось ремеслами и торговлей. Известным торговым центром слыла Кафа. В Крым ввозили табак, хлопок, шерсть и шерстяные изделия с Балканского полуострова, шелковые ткани из Пелопоннеса, оливковое масло из Аттики, вино с островов Архипелага и др.⁴⁵ В Османскую империю вывозили меха, мед, воск, хлеб, соль, рыбу, икру, кожи. Греческие купцы участвовали в торговле рабами (военнопленными), что было в те времена обычным делом и весьма прибыльным занятием. Невольничьи рынки были в Кафе, Карасубазаре, Гезлев, Бахчисарае⁴⁶. Крымское вино вывозили на Украину, а оттуда доставляли железные изделия и рыбу⁴⁷.

Относительно числа греческих населенных пунктов сведения различных источников значительно расходятся. На карте А. Л. Бертье-Делагарда отмечено 50 населенных пунктов. Примерно столько же (от 50 до 55) указывают авторы конца XIX в. — С. Серафимов и Ф. Лашков. Однако в ведомости А. В. Суворова, который по поручению правительства организовывал вывод христианского населения из Крыма, указано 68 названий. Наш современник, исследователь В. М. Кабузан назвал еще большее число — 174⁴⁸.

На татарском говорило население сел, расположенных к югу от Бахчисарая в юго-западном углу полуострова вплоть до побережья, где находился населенный пункт Чембало (совр. Балаклава) и до гор Чатыр-Дага.

К юго-востоку от этого массива, за горами между горными цепями Яйла, Кабуган-Яйла, Чатыр-Даг, Караби-Яйла и по морскому побережью от Ялты до Шелени тянулась цепочка поселений, жители которых в конце XVIII в. говорили на местном варианте греческого языка — румейском (или крымско-румейском, или же таврорумейском). К востоку от гор Караби-Яйла и к югу от Карасубазара до морского побережья располагалась группа селений также румейскоязычных греков⁴⁹.

Согласно мирному договору 1774 г., завершившему русско-турецкую войну, к России отошли большие земельные пространства, примыкавшие к северному побережью Черного и Азовского морей⁵⁰. Эти почти безлюдные, неосвоенные земли надо было заселить, организовать административное управление новыми поселенцами, предоставить им условия для укоренения на вновь обживаемых местах. В 1762 г., еще до присоединения причерноморских областей, был обнародован манифест Екатерины II, приглашавший переселиться в Россию «всех желающих». В последующие годы был разработан «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель

В рапортах А. В. Суворова графу Румянцеву в августе–сентябре 1778 г. указано, что отправилось в Азовскую губернию 31 098 душ обоюбого пола, осталось зимовать в Еникале 288 чел.⁶⁶ Национальный состав переселенческих контингентов был следующий: греков — 18 407 чел. (по другим данным их насчитывалось 13 740 чел. или около 16,5 тыс. чел.⁶⁷), из них татароязычных 7330 чел.⁶⁸, армян 12 598 чел., грузин 219 чел., волохов — 162 человека⁶⁹.

Долго оказался путь из Крыма к северным берегам Азовского моря. Земли, первоначально отведенные для мигрантов, оказались неблагоприятными для поселения. Естественные поиски природных условий, наилучших для жизни (соотношение удобной для возделывания земли и неудобной, наличие хорошей питьевой воды, достаточность строительных материалов и т. п.) сочетались с желанием Игнатия поселиться в более уединенных местах, где греки оказались бы изолированными (так, по крайней мере, считают многие авторы).

Терпя многие бедствия во время длительной и тяжелой дороги, теряя болевших и умиравших близких (вследствие перемены климата, тесноты временных жилищ и т. п.), переселенцы добрались до назначенных мест. Армяне, выехавшие из Крыма, заселили устье Дона, где возник г. Нахичевань. Греки после некоторых перемещений обосновались между реками Берд, Каратыш, Мокрые Ялы, Волчьей, Кальмиусом и побережьем Азовского моря от устья Кальмиуса до Бердянского лимана⁷⁰.

В мае и ноябре 1779 г. были опубликованы «Жалованные грамоты христианам греческого и армянского закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение». Согласно этому решению правительства греки и армяне освобождались на 10 лет от всех государственных податей и повинностей и навечно от рекрутского набора и воинских постоев⁷¹. Их имущество перевозилось за счет казны, за оставленное в Крыму имущество полагалась компенсация. На новых местах им помогали посевным материалом, рабочим скотом, инвентарем. В течение 1779–1780 гг. греки и армяне для заведения хозяйства на новых местах получили в общей сложности 144 лошади, 612 пар волов (основной рабочий и транспортный скот), 102 плуга, 483 повозки и 33 коровы. Для посева и еды роздано 1570 четвертей зерна. За счет государственной казны строились дома и амбары (всего 5294). Эта помощь оказывалась не всем, но наиболее нуждавшимся, коих оказалось большинство: из 30 с лишним тысяч душ переселенцев на иждивении казны состояли свыше 24 тыс. чел.

Новоселы были приравнены к жителям Новороссии в 1779 г. В этом же году был основан город Мариуполь. Села стали отстраивать начиная с 1880 г.⁷²

Местность, в которую были направлены греческие мигранты, представляла собой обширное степное пространство, очень слабо освоенное человеком. В I–II тысячелетиях н. э. по этим степям кочевали, вытесняя друг друга, скифы, гунны, хазары, половцы, печенегы, а позднее — монголо-татары, ногайцы. Эти были ираноязычные и тюркоязычные племена. Этим объясняется обилие здесь топонимов тюркского происхождения.

В самом начале русской государственности по степным пространствам кочевали половцы, с которыми «русачи» то вступали в союзы, то вели кровопролитные бои, грабя и разоряя поселения друг друга. Последний раз они попытались сплотиться перед общей грозной бедой — нашествием татаро-монгольской орды в 1223 г., вместе дали бой татарам на реке Калке (современная р. Кальчик, приток р. Кальмиуса, на территории нынешнего Володарского района). Но не устояли.

До середины XV в. эти пространства были практически ничейными, «Диким полем», почти не заселенным, потом значительная часть его вошла в состав Крымского ханства, попавшего вскоре в зависимость от Турции. Но по-прежнему постоянных поселений тут не было.

Первые попытки закрепиться в Дикой степи предприняли запорожские казаки в XVII в. Поначалу они заходили сюда по рекам Самаре, Волчьей и Мокрый Ялых (совр. Мокрые Ялы) на временные промыслы: ловили рыбу, добывали мед диких пчел, промышляли различную дичь. Интересовали запорожцев дикие степи и с военной точки зрения: на старинных скифских курганах они устраивали сторожевые посты — в основном для наблюдения за Кальмиусской сакмой (дорогой, по которой крымские татары преимущественно совершали свои набеги на русские земли) и Муравским шляхом, по которому украинские чумаки и русские купцы перевозили товары из Крыма.

Один из таких сторожевых постов располагался и на высоком кургане — Сторожевой могиле между современными селами Старомайорским и Сторожевым. Богатые приазовские степи понравились запорожцам, и вскоре они стали устраивать здесь зимовники, некоторые из них впоследствии превратились в постоянные поселения.

На месте нынешней Андреевки первое поселение основали в 1660 г. гребцы Запорожской береговой стражи, а с начала 70-х гг. XVIII в. там обосновался отставной войсковой старшина Андрей Сологуб со своим семейством, занявшийся на нетронутых землях земледелием и прочим хозяйством. В 1775 г. его посетил губернатор Азовской губернии В. А. Чертков. Он приказал основать здесь государственную военную слободу и в честь хозяина назвал ее Андреевкой. Примерно в те же годы другой выходец из Запорожской Сечи — Алексей Петренко — основал слободу Алексеевка. Так был сделан первый шаг к заселению края⁷³.

ОБУСТРОЙСТВО В ПРИАЗОВЬЕ

Тяготы переселенческого пути и первых лет обустройства на новых местах влекли серьезные людские потери (надо учесть и возвращение некоторых переселенцев обратно в Крым). По данным Н. Дубровина, количество христиан-переселенцев, которым предстояло стать жителями Мариупольского уезда, составило 18 788 чел.⁷⁴ Четвертая ревизия 1782 г. учла 14 525 чел. (в городе 2992 чел., в селах 11 533 чел.)⁷⁵. Таким образом, потери за 4 года составили 4263 чел.

Первоначально переселенцы образовали 20 сел. Семнадцати из них были присвоены крымские названия. Два — Константинополь и Богатырь — в ведомости Суворова отсутствуют⁷⁶. Пятая ревизия 1795 г. зафиксировала 17 582 чел. (городского населения 2622, сельского 14 960 чел.)⁷⁷. Жизнь на новых местах стала налаживаться. Через 20 лет согласно седьмой ревизии (1816 г.) насчитывалось 22 470 чел. (в том числе горожан 7777 чел.)⁷⁸.

28 марта 1780 г. Азовская губернская канцелярия издала указ за № 1817 об отводе земли новопоселенцам-грекам⁷⁹. Большинству вновь основанных селений (14 из 20) были отведены земельные участки по 12 тыс. десятин, независимо от количества ревизских душ. Например, с. Каракуба (в 1782 г. в нем числилось 680 душ) и с. Урзуф с 98 ревизскими душами получили одинаковые участки. Было решено, что каждая ревизская душа получает по 30 десятин земли, но в Каракубе ее не хватало, поэтому на рубеже XVIII–XIX вв. 600 чел. (в том числе 322 мужчин) выделились и создали село Новая Каракуба, а в 1806 г. вышли еще 300 чел., образовав село Волноваха. То же произошло и в селе Керменчик, от которого в 1815 г. отделился Новый Керменчик.

Основывая новые села, румееязычные и татароязычные греки селились порознь.

Зачастую выходцы из нескольких крымских сел поселялись вместе, новый населенный пункт получал имя того места, к которому принадлежало большинство. Иногда части, кварталы одного большого села сохраняют названия родных поселений. Варианты топонимов стали возможны еще и потому, что языки греков оставались бесписьменными и допускали фонетическое расхождение; некоторые названия передельвались на русский лад или же переводились по смыслу на русский с татарского. В 1947 и 1948 г. ряд населенных пунктов был переименован, с 1989 г. и в течение 1990-х гг. некоторым из них вернули прежние названия. Поэтому в различных источниках встречается много разночтений. Наименования не всех крымских сел можно найти на карте Приазовья: очевидно, жители их или поселились вместе с более крупной группой и потеряли свое отдельное имя, или же вернулись обратно в Крым, а может быть, и не выезжали (очевидно, потому

в списках Суворова оказалось больше наименований, чем в позднейших перечнях).

Есть предположение, что в общий поток мигрантов из Крыма влились греки — недавние жители полуострова, прибывшие сюда в 1775 г. и поселенные в Керчи, Еникале (а вне Крыма — в Таганроге). Переселение греков с континента и островов в пределы России продолжалось и позднее, но эта первая группа оказалась среди будущих жителей приазовских степей. К такому выводу пришел В. П. Яйленко, анализируя особенности говора села Чардаклы и соседнего, которое носит название Афины⁸⁰.

В селе Чардаклы первоначально поселились выходцы из крымского села того же названия, а с ними — другая группа, которая позже отделилась от чардаклинцев и образовала новое небольшое село под названием Афины. Сопоставление говоров жителей этих двух сел указывает на их разное происхождение. Говор жителей Афин очень близок к новогреческой димотике. Примеры: в чардаклинском говоре *t* палатализовалась: *máca* «глаза», в афинском *mátia*. Палатализованному в чардаклинском *ki* — *cilia* «живот» соответствует *ti*. Здесь *ki* продвигается в *ti*: *tilia*, ср. др.-греч. (*koeliá*). В обоих говорах, как и во всем мариупольском диалекте, неударный звук спорадически выпадает, но в чардаклинском говоре образуются одни стяженные формы, а в афинском — другие: чар. *širith* «свинья», аф. *šrith* (др.-греч. *choëros*); чар. *mtí* «нос», аф. *mytí* (*mýtē*). В чар. неударное *o* переходит в *i*: *ùchtō* «восемь», в аф. этот переход еще не завершился: *'eochtō* (*'eokhtō*, *'eochtō*), но в слове *kuritsits* «девочка» (*koritsáki*) он уже произошел. *Р*озвончается в чар. говоре, сохраняясь в аф.: *bdária*, *rudária* «ноги» (*podária*). Древнегреческое *ch* в чардаклинском повсеместно перешло в *š*: *šilia* «тысяча», в афинском же этот процесс как бы остановился на половине пути: *chilia* (*chília*), но *šrith* (*choëros*). Вполне логично, что первыми подвергаются изменению бытовые, более часто употреблявшие термины. Дифтонг *eu* в чар. монофтонгуется (*zudár*), в аф. еще сохраняется: *zeygár* «пара» (*zeygári*).

Между этими говорами наблюдается также определенное лексическое различие: чар. *jalo* «море», аф. *tálassa* (ср.: др.-греч. *'aegialos*). Название барана в аф. *rovato* (*rovaton*), в чар. *hušhar* (татарское слово); название же овцы — наоборот: в Афинах татарск. *hušhar*, в чардаклинском греч. *rovatu*.

Основное же лексическое различие заключается в том, что в чардаклинском говоре содержится значительно больше заимствований из татарского, нежели в афинском; причем обилие торкизмов («татаризмов») — одна из особенностей, отличающих мариупольский диалект среди прочих новогреческих. Показательно распределение этих заимствований: все местоимения, числительные, названия частей тела — одинаково исконно греческие в обоих говорах; термины родства, названия предметов одежды, поня-

тия, связанные с окружающей природой, — в той или иной мере одинаково заимствовались обоими говорами. В терминологии же, связанной с хозяйством и бытом, в чардаклинском говоре татаризмов намного больше: ср. чар. *bazâr* «город» при аф. *pōlis* (*polis*); чар. *bachčâ* «сад» — аф. *kîpos* (*kēpos*, *baχés*); чар. *agrâ* «ячмень» — аф. *karthâ* (*krithē*); чар. *džanavâg* «волк» — аф. *lŭkos* (*lŭkos*).

Наличие двух различных говоров в одном селе указывает, что их носители представляли собой две разные группы переселенцев из Крыма в Приазовье. Носители чардаклинского говора имели постоянные и долгие контакты с разношерстным тюркоязычным населением полуострова, особенно усилившиеся с XIII в. после завоевания Крыма татарами. Носителей афинского говора, отличающегося большой близостью к димотике, следует связывать, по-видимому, с переселявшимися с 1775 г. в Крым жителями Архипелага.

Эти новые переселенцы, уже имевшие в своем лексиконе ряд тюркизмов, смешиваясь с потомками таврических византийцев, усваивали через них элементы татарской лексики. Непосредственные контакты с татарофонами в селах Приазовья сказались на особых формах слов, перешедших в афинский говор из татарского, отличных от соответствующих заимствований в чардаклинском говоре: ср. афинский *žardavîlis* «абрикос» при чардаклинской *zardalîda*. Относительной непродолжительностью контактов с татарофонами объясняются также случаи употребления то греческого, то татарского слова для выражения какого-либо понятия: например, в афинском говоре наряду с греческим *воунâ* (др.-греч. *voynâ*) — «горы» употребляется и татарск. *džjarja*; гр. *mandrî* (др.-греч. *mandri*) и татарск. *agrâ* — «хлев».

Упомянутый уже не раз Бертье-Делагард попытался собрать воедино все приазовские топонимы и разобраться в их происхождении⁸¹.

Ниже дается список сел, основанных греками в Приазовье. Первым указывается наиболее принятое местное название, затем его варианты, потом наименование тех поселений, из жителей которых оно образовалось по сведениям Бертье-Делагарда, с его же попытками этимологизировать эти наименования, и наконец — современное наименование. Названия перечисляются в алфавитном порядке.

Румейскоязычные села

Бугас (Бугасу, Волноваха), у Бертье не указано, совр. Максимовка.

Каракуба (Большая Каракуба, Старая Каракуба, Аргин), у Бертье Кара-Коба, в Крыму Аргын кара-коба (татарск. «черная пещера»), совр. Раздольное.

Константинополь (Фуна, Демерджи, Маджары, Маджарь), по Бертье составлена из Демерджи (Фуна, греч. «Дымящая»), Алушты (греч. «Неумы-

тая»), Улу-узень (татарск. «Большая речка»), Кучук-узень (татарск. «Малая речка»), Куру-узень (татарск. «Сухая речка»).

Сартана (также называлась в Крыму), с 1946 по 1990-е гг. именовалась Приморское, пригород Мариуполя.

Стыла (Стиля, Стила), также и в Крыму.

Урзуф (Мажарь), у Бертье — Гурзуф, составленный из Гурзуфа и Кизил-таш (татарск. «Красный камень»), с 1946 по 1990-е гг. Приморское.

Чардаклы (Чердахлы), составлена из Чардаклы, Байсу, Кара-коба (татарск. «Черная пещера»), совр. Кременевка.

Чермалык (Черманлы, Чермандли, Чурмалих, Чермаили), составлен из сел Чермалык (Бертье считает, что это татарск. название растения ломонос), Айланма, Капсихор (татарск. «Горелая деревня»), Шелен, совр. Заможное.

Малая Янисоль (Малый Янисоль, Ени-Сала, Янысала, Харахла), у Бертье Малая Ени-сала, составлена из Ени-сала, Уйшунь, Ени-кой (татарск. «Новая деревня»), Джемрек (татарск. «Суслик»), с 1946 по 1990-е гг. Куйбышево.

Ялта (Ялита), у Бертье Ялта, в которую вошли: Ялта (греч. «Прибрежная»), Верхняя Аутка, Нижняя Аутка, Марсанда, Магарач (греч. «Пещера»), Никита (греч. «Победитель»), Большой Ламбат (греч. «Большой светоч»), Малый Ламбат (греч. «Малый светоч»).

Итого в списке значится 10 сел. Он позже пополнился отселком из Большой (или Старой) Каракубы — Новой Каракубой, которая ныне называется Красной Поляной. В 1829 г. греки — переселенцы из Турции основали село Анадоль (Анадолка, Анатоль).

Татароязычные села

Бешево (Бешуй, Старо Бешево), у Бертье Беш-ет, таково же название в Крыму.

Богатырь, у Бертье то же название, составлено из Богатырь (татарск. «Держи стропила») и Лака (греч. «Котловина»).

Камар (Комарь, Комар, Камара), в списке Бертье отсутствует, однако на его карте обозначена Камара.

Карань, также отсутствует в списке Бертье, но обозначена на карте, совр. Грантиное.

Старый Керменчик (Ески-Кермен), у Бертье под тем же названием, составлен из Керменчик (татарск. «Крепостница»), Албат (татарск. «Утонет»), Шюру (татарск. «Десятая часть»), Бия-сала, Улу-сала, совр. Старомлиновка.

Старый Крым (Ески-Хырым), у Бертье Эски-Крым, ныне часть г. Мариуполя.

Ласпа (Ласпи, Старая Ласпа, Староласпа), у Бертъе Ласпи, составлена из Ласпи (греч. «Грязь») и Ал-су (татарск. «Красная вода»), Качи Кальен (татарск. «Крестовый корабль»).

Мангуш, то же название у Бертъе и оно же было в Крыму, позже Першотравненское, совр. Мангуш.

Улаклы (Улла-Хыллы, Жиндеень, Демрек, Жемрек), у Бертъе указано только одно село Улаклы (татарск. «Место канав»).

Одно село — Большая Янисоль (Большая Енисоль, Кзебаш), названная в списке Бертъе как Ай-Ян, произошедшая из крымской Большой Ени-сала, совр. Великая Новоселка, — было заселено представителями обеих языковых групп, образовавших отдельные кварталы.

От Старого Керменчика отошли два отселка: Новый Керменчик и Малый Керменчик.

Село Игнатовка (первоначально Георгиевка, позже Игнатъевка, Старая Игнатъевка, Староигнатовка) было заселено потомками крымских грузин, говоривших по-татарски. Нынешнее население считает себя татароязычными греками.

По ведомости о выведенных из Крыма христианах, приложенной к рапорту генерал-поручика А. В. Суворова от 18 сентября 1778 г., в Россию вместе с греками и армянами переселились 219 грузин (144 чел. — мужчины и 75 — женщины). В Приазовье они основали село Георгиевку. В ревизской сказке, составленной 28 февраля 1783 г., первоначальное поселение значится грузинской слободой Игнатъевкой. Часть документа утрачена, поэтому установить точное количество жителей невозможно. По неполным данным в этой слободе было более 110 дворов, а ее население составляло более 479 чел. (265 мужчин, 214 женщин). Старожилы рассказывают, что село имело еще два наименования: Дубровка (в балке, где оно расположено, рос дубовый лес) — это украинское название, второе — Гюрджю — татарское наименование грузин. Выше было замечено, что села новопоселенцев в первое время носили по несколько наименований, со временем утвердилось одно из них.

Первоначально вместе с грузинами поселились романоязычные вблочи (или валáхи, или же молдаване), по переписи 1778 г. их числилось 161 чел. (89 мужчин и 72 женщины). В Крыму они жили в г. Гезлеве и Бахчисарае, в селе Абдала. Они поселились у самой реки, однажды в особенно снежную зиму их дома накрыло толстым слоем снега, поэтому они перебрались на более высокое место и между 1780 и 1782 г. основали свое отдельное село в 10 км к северу от первоначального, назвав его Новой Игнатъевкой (Новоигнатъевкой). Чтобы зажить отдельной общиной, они получили полагавшийся им земельный пай. Позже волохи растворились среди греков⁸².

Итого, греческие переселенцы основали 25 населенных пунктов, половина из которых была населена румейскоязычными греками, половина — татароязычными (и одно село — пополам)⁸³.

Поселения разрастались, из них выделялись отселки, позже — хутора. В настоящее время на территории Донецкой области Украины насчитывается 47 сел и поселков с греческим населением.

Город Мариуполь был заселен татароязычными греками. Это неудивительно: его населили горожане, а в городах Крыма преобладал крымскотатарский язык как основное средство общения. Таковым он оставался на протяжении первых десятилетий жизни греков в Приазовье. Сельчане именovali горожан «базарьотами», то есть жителями базара — города, а крымскотатарский язык они называли «базарьотку глоса»⁸⁴.

Крымскорумейский язык делится на пять групп, впрочем, специалисты предлагают разные варианты группировки сельских говоров⁸⁵. Некоторые информаторы сообщают, что общение между носителями разных групп языка несколько затруднено, другие отрицают это мнение.

Забегая вперед, следует сказать, что в течение XIX в. языком общения постепенно стал русский — как между разноязычными греками, так и при общении с людьми других национальностей. В семьях, где языковая принадлежность супругов была различной, домашним языком становился русский. В настоящее время все мариупольские греки владеют русским и отчасти украинским языками. Крымскорумейский и крымскотатарский языки остаются средством внутрисемейного и внутригруппового общения, но и в этих сферах заметно уступают русскому. Однако на этих языках существовала в прошлом и развивается теперь художественная литература.

Центром греческого вновь основанного округа стал город Мариуполь. Его основание и наименование по-разному освещается в различных источниках и литературе. Административное устройство новых земельных приобретений в Причерноморской полосе довольно запутано. Следует остановиться на этом вопросе подробнее.

В конце XVI — начале XVIII в. на берега Азовского моря приходили запорожские казаки и создавали в устье Кальмиуса сторожевое укрепление. Под его защитой находились рыбные промыслы запорожцев на морских косах и в устьях рек Азовского побережья, дороги и переправы.

В 30-е гг. XVIII в., когда территория, освоенная запорожскими казаками, получила административное деление, укрепление в устье Кальмиуса стало центром Кальмиусской паланки (округа), границы которой пролегли по реке Кальмиус — на востоке, побережью Азовского моря — на юге, рекам Берде, Конке — на западе и Волчьей — на севере. Из восьми паланок Запорожья Кальмиусская была самой удаленной от Сечи, малонаселенной и малоосвоенной.

В 1775 г. на новых землях левобережья Днепра была создана Азовская губерния, куда вошла и часть территории Запорожья, потерявшего свою самостоятельность. При разделении губернии на уезды первоначально им были даны названия по рекам, протекавшим по их территории. Так появился Кальмиусский уезд, повторивший рубежи Кальмиусской паланки.

Но уже в 1776 г. уезды Азовской губернии получили другие названия и Кальмиусский уезд стал Павловским. Административным его центром губернатор В. А. Чертков предполагал сделать город Павловск, место для строительства которого избрал в устье Кальмиуса. Через два года, в 1778 г., состоялась закладка уездного города Павловска⁸⁶.

В связи с близостью границы (Днепровская линия — в 70 км) вдоль западной черты города предполагалась сооружение крепостной стены от берега моря до реки Кальчик (в современном Мариуполе линия этой стены совпадает с линией проспекта Металлургов). Со стороны устья Кальмиуса строящийся город прикрывала государственная слобода Кальмиусская, создаваемая на месте бывшего запорожского сторожевого поста, разрушенного в 1769 г. крымскими татарами.

Согласно ведомости губернатора В. А. Черткова на 1 января 1779 г. к г. Павловску было приписано 57 жителей. В январе 1779 г. их стало 75. Это были купцы, мещане и ремесленники — типичные для города категории населения. Среди жителей города отмечены бывшие запорожские казаки, украинцы — выходцы из Правобережной Украины, русские и поляки. В слободе Кальмиусской числилось 72 человека, большинство составляли бывшие запорожские казаки. В течение 1778 и 1779 г. в г. Павловске было построено 55 домов⁸⁸. Некоторые авторы утверждают, что это были всего лишь глинобитные малороссийские хаты и находились они не на территории планируемого города, а были разбросаны по всему Мариупольскому уезду⁸⁹. Следовательно, создаваемое поселение не стало городом в полном смысле этого слова, оно оставалось таковым лишь в проекте Черткова, как и другие города, намеченные к основанию этим администратором.

29 сентября 1779 г. распоряжением Г. А. Потемкина г. Павловску было присвоено новое название — Мариуполь, а уезду — Мариупольский. Всем жителям предписано было перейти в другие места губернии, так как Мариуполь и территория уезда предоставлялись для расселения выведенных из Крыма христиан. Таким образом, греки начали строить город практически на пустом месте, поэтому и закрепилось мнение, что они «основали» город, хотя точнее было бы сказать, что они город «создали» («возвели», «построили», «положили начало»), ибо основание совершалось путем правительственных указов⁹⁰.

Наименование города также вызывает споры. Среди жителей распространено мнение (проникшее и в специальную литературу), что переселен-

цы вынесли его из Крыма (как и названия сел). Однако в ведомости Суворова поселения с таким или близким названием нет. Другой документ — Постановление общества крымских христиан, разработанное накануне переселения, свидетельствует о том, что переселенцы не претендовали на определенное название для города в России, оговорив лишь район расселения: междуречье Днепра, Самары и Орели.

Появление в Новороссии и в Крыму городов, названия которых оканчивались на *-поль* (Севастополь, Симферополь, Овидиополь и др.), от древнегреческого слова *полис* — «город», отражало стремление Екатерины II и ее окружения связать территориальные присоединения с возрождением в Северном Причерноморье традиций античности, что соответствовало так называемому «Греческому проекту» императрицы — плану разрешения проблем Восточного Средиземноморья путем изгнания с Балкан турок и создания независимой Греции; этот нереальный проект был вскорости оставлен, но политика влияния на Балканах оставалась в военно-дипломатической практике российского правительства⁹¹.

Еще в начале XIX в. появились публикации, авторы которых старались объяснить происхождение наименования города Мариуполя. И в настоящее время интерес к нему не иссяк. По одной версии, город получил имя по названию предместья Бахчисарая, где в Успенском монастыре хранилась икона Одигитрии Божьей Матери, — Мариами, Марианополь, Мариуполь, что значит «обитель девы Марии»⁹². Эту версию поддерживает Е. С. Остин⁹³: ссылаясь на известную книгу «Мариуполь и его окрестности», он сообщает, что первоначально при заселении устья р. Кальмиус возникли «три обособленных, но связанных друг с другом населенных пункта, названия которых повторили имена “концов” столицы Крымского ханства: собственно Бахчисарай (на левом берегу Кальца, недалеко от его устья), Мариуполь и между ними — Марьинск (очевидно, славянская переделка топонима Мариам или других его вариантов)»⁹⁴. Эта версия отвечала народным преданиям и превратилась в своего рода мифологему.

Другая версия разработана на основе архивных документов. Еще до выхода переселенцев из Крыма в Азовской губернии существовал город, название которого близко к Мариуполю. Это Мариенполь. Он был основан в 1777 г. как уездный город, именовавшийся Волковод, при впадении р. Солоной в Волчью. В начале 1778 г. этот город уже известен как Мариенполь, а уезд — как Мариенпольский. Именно в этом уезде, в бассейне рек Волчья, Солоная и Бык, азовский губернатор В. А. Чертков предложил поселиться крымским христианам. Осмотрев предложенную территорию, крымские христиане отказались принять ее к заселению из-за отсутствия хорошей воды, лесов и плодородных почв.

Однако 21 мая 1779 г. Екатерина II подписала указ о принятии в российское подданство вышедших из Крыма греков, о предоставлении им ряда льгот; города Екатеринослав и Марианополь были отведены «для купечества, мастеровых и промышленников». Имелся в виду, конечно, Мариенполь, так как он располагался вблизи тогдашнего Екатеринослава. Другого города с подобным названием в Азовской губернии не существовало.

Даже получив грамоту Екатерины II (указ 21 мая 1779 г.), переселенцы не успокоились и отправили своих представителей непосредственно к ее наместнику в Новороссии Г. А. Потемкину. Тогда и был окончательно решен территориальный вопрос: появился указ 29 сентября 1779 г., согласно которому проектируемому городу Павловску присваивалось название Мариуполь, а бывшему Мариенполю — Павлоград.

Согласно этой вполне убедительной версии, название города напрямую связано с именем Марии Федоровны — жены великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I. В пользу этого мнения склоняют следующие факты: в Азовской губернии (1775–1784 гг.) почти одновременно появились города Екатеринослав, Павловск и Мариенполь — Мариуполь. Родственная связь между этими названиями четко прослеживаются: Екатерина II — императрица, Павел — ее наследник, Мария Федоровна — его жена. Верноподанный губернатор именно так и должен был поступить, присвоив новым городам названия в честь членов царской семьи. Названия Мариенполь — Марианополь — Мариуполь не имеют народной основы. Первое родилось в канцелярии азовского губернатора, второе — в канцелярии Екатерины II, третье (наиболее удобный вариант) — в канцелярии ее наместника Г. А. Потемкина. То, что в городе с «греческим» названием поселились греки, можно считать случайным совпадением⁹⁵.

В июле 1780 г. греки совершили окончательный переход к местам постоянного проживания. В Мариуполе поселились выходцы из 6 крымских городов: Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова (Гезлев), Бельбека и Балаклав. Большинство этих названий долгие годы сохранялись в наименованиях городских предместий, где жили ремесленники, а позже — улиц города: Кафа или Кефе (ул. Кафайская), Гезеле или Гезлев (ул. Евпаторийская), Карасубазар (ул. Карасевская), Бахчисарай (ул. Бахчисарайская)⁹⁶. Жители города Старый Крым основали село того же названия вблизи Мариуполя (ныне оно вошло в городскую черту).

В связи с изменением военно-политической обстановки на юге здесь были проведены новые административно-территориальные преобразования. В 1783 г. из двух губерний — Новороссийской и Азовской — создано Екатеринославское наместничество с 15 уездами. Среди них — и Мариупольский уезд, самый большой по площади, но еще очень слабо заселенный⁹⁷. В Мариупольский уезд кроме Мариуполя входили еще города Таганрог и Нахичевань, основанный крымскими армянами на Дону, и бывшие погра-

ничные крепости Петровская на Берде, Кирилловская у истоков реки Конки, Азовская и Святого Димитрия Ростовского на Дону.

После смерти Екатерины II произошло очередное размежевание земель. Вместо Екатеринославского наместничества на юге появилась Новороссийская губерния, простиравшаяся от Днестра до Кубани (1796 г.). Ее центром остался город Екатеринослав, позже получивший название Новороссийска (ныне г. Днепропетровск). Новая губерния имела 12 уездов. Мариупольский еще больше увеличился за счет присоединения к нему земель, лежавших западнее реки Молочной, но из городов в его составе остался только Мариуполь, сохранивший статус уездного. Однако все учреждения по управлению уездом были перенесены в с. Токмак, а затем — в г. Орехов.

Большие изменения в жизнь города внесло правление Александра I. Новый император упразднил огромную Новороссийскую губернию (1802 г.), разделив ее на три: Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. Мариупольский уезд перестал существовать, а его территория была включена в Александровский уезд (г. Александровск — ныне Запорожье) Екатеринославской губернии.

В 1807 г. Мариуполь с 23 греческими селами выделен в особый греческий округ, который присоединялся к Таганрогскому градоначальству. Мариуполь, как и Таганрог, получил статус порто-франко, в городе были открыты таможенная застава и почтовое управление. Такое положение сохранялось до 1859 г., когда Мариупольский греческий округ был выведен из таганрогского градоначальства и вновь подчинен Александровскому уезду⁹⁸.

Изолированное от жителей других национальностей положение греков определялось первыми же документами. В ордере Потемкина от 29 сентября 1779 г., направленном губернатору Азовской губернии, было предписано, чтобы на территории, окружавшей город Мариуполь, «никому другой нации никаких земель ни под селение, ни под строение домов и прочего не отводить»⁹⁹. В письме Суворова к Румянцеву от 16 июля 1778 г. излагалась просьба греков о предоставлении им самоуправления: «Руководство обществом должно быть в руках выборных начальников с подчинением губернскому правлению»¹⁰⁰.

Для управления городом и селами указом Екатерины II от 21 мая 1779 г. был создан Греческий суд — выборный орган самоуправления, выполнявший административные, полицейские и судебные функции по отношению ко всем гражданам греческой национальности, которые на основании этого документа подразделялись на духовенство, купцов трех гильдий, цеховых, мещан и уездных поселян, которые пользовались правами свободных крестьян. Указ от 30 марта 1783 г. подтверждал права и обязанности Греческого суда и определял суммы, отпускаемые на его содержание¹⁰¹.

Греки избирали на три года председателя суда и трех заседателей, правительство назначало секретаря («стряпчего», который имел права прокурора) и столоначальника (или столоначальников: в разных источниках обнаруживаются различные сведения). Через этих лиц российское правительство могло оказывать давление на Греческий суд, особенно если принять во внимание, что масса греческого населения была неграмотна. Естественно, что наибольшим влиянием в судах, которые велись с большими бюрократическими проволочками, пользовались зажиточные поселяне и купцы. Они стремились изолировать греков от остальных российских граждан, не допускали приселения в Мариуполь людей иной национальной принадлежности¹⁰². В 1798 г. Греческий суд добился закрытия в Мариуполе российских учреждений, став таким образом единственным управляющим органом¹⁰³. Тех, кто пытался возражать против решений суда, сажали в тюрьму.

Впервые выходы из Крыма были учтены в России в 1782 г. во время проведения четвертой ревизии¹⁰⁴. Ревизские сказки Мариупольского уезда 1782 г. в полном виде не сохранились. В фондах Мариупольского краеведческого музея находится часть этого сводного документа — ревизские сказки греческих сел (они названы слободами) Ялта, Урзуф, Мангуш, Богатырь, Константинополь, Камар и грузинского — Игнатьевка. Утрачена — скорее всего, безвозвратно — та часть ревизских сказок, куда входили сведения о жителях г. Мариуполя и 13 греческих сел уезда.

Сведения, содержащиеся в сохранившихся ревизских сказках, представлены в следующей таблице.

Население греческих сел Мариупольского уезда в 1782 г.
(4-я ревизия)

№	Название села	Кол-во дворов	Количество жителей		
			Мужчин	Женщин	Всего
1	Ялта	194	410	375	785
2	Урзуф	48	96	84	180
3	Мангуш	154	384	277	661
4	Константинополь	108	281	231	512
5	Богатырь	116	290	255	545
6	Камар	92	232	225	457

Каждая ревизская сказка представляет собой ведомость подворной поименной переписи жителей села с указанием их пола, возраста, семейного положения, степени родства, экономической зависимости.

Отдельная ревизская сказка содержит сведения о количестве духовенства в церквях г. Мариуполя и 19 сел (без с. Улаклы) Мариупольского уезда. К этой категории населения отнесено 241 чел. (муж. 137, жен. 104), хотя священнослужителей было всего 45 чел., в т. ч. митрополит Игнатий, остальные являлись членами их семей или работниками. Наибольшее количество взрослых работников — 11 чел. (9 мужчин и две женщины) — было у митрополита Игнатия. Возможно, он использовал их для работ на принадлежавших ему рыбных заводах, в лавках, на постоянных дворах (согласно завещанию митрополита, он владел такими объектами).

В фондах Мариупольского краеведческого музея сохраняются еще два ценных документа — ревизские сказки г. Мариуполя 1795 г. (пятая ревизия¹⁰⁵) и 1811 г. (шестая ревизия). В первую из них занесено в соответствии с категориями — купцы, мещане, ремесленники (цеховые), духовенство — все население города поквартально, подворно, поименно, с указанием пола, возраста, семейного положения, степени родства. Особую ценность приобретает этот документ в связи с утратой первой ревизской сказки г. Мариуполя 1782 г. В ревизской сказке 1795 г. воспроизведены все данные предыдущей ревизии.

Скрупулезно отмечено движение населения города: родившиеся, умершие, прибывшие, выбывшие, перешедшие из одного сословия в другое и т. д. В конце приложена «Генеральная ведомость», в которой не только приведены данные двух ревизий, но и указаны размер и сумма государственных ежегодных податей с населения города, с указанием их характера и со ссылкой на законодательные акты, на основании которых налоги взимались.

Основные сведения, содержащиеся в ревизских сказках г. Мариуполя 1795 г., представлены в следующей таблице.

Население г. Мариуполя

Категория городского населения	По ревизии 1782 г.			По ревизии 1795 г.		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
Купцы	144	99	243	125	108	233
Мещане	213	191	404	469	400	869
Ремесленники	1149	1090	2239	786	703	1489
Духовенство	63	43	106	15	17	32
Итого:	1569	1423	2992	1394	1228	2622

Обращает на себя внимание сокращение городского населения к моменту пятой ревизии (на 370 чел.). Главной причиной этого явления были побе-

ги (вероятно, возвращение в Крым): из учтенных в 1782 г. 2992 жителей Мариуполя к 1795 г. считалось отсутствующими (неизвестно где находящимися) 1090 чел. (мужчин 559, женщин 531). Правда, были отмечены и возвратившиеся. Их оказалось всего 326 чел. (180 мужчин и 146 женщин).

Если в 1782 г. население г. Мариуполя состояло только из вышедших из Крымского ханства греков, то в дальнейшем в его состав начали включать и других переселенцев, в основном из Турции. Это были не только греки, но и валахи.

Ревизские сказки г. Мариуполя 1811 г. также содержат интересные сведения об основных категориях населения города: к купеческому сословию отнесено всего 10 чел. Из 125 купцов (мужчин) в 1795 г. к 1811 г. осталось всего двое. За 16 лет многие разорились (75 чел.), умерли (39 чел.), перешли на государственную службу (11 чел.). Количество мещан выросло до 626 чел. (мужчин), зато сократилось количество ремесленников до 677 чел. (мужчин). Все мужское население Мариуполя составило 1303 чел. Многие жители Мариуполя еще считались беглыми (283 чел.). Шло дальнейшее сокращение населения города.

Все эти факты свидетельствуют об исключительных трудностях и лишениях, которые испытывали крымские переселенцы в первые десятилетия своей жизни в Приазовье.

Все население Приазовья в 1795 г. насчитывало 17 582 чел. (городское — 2622, сельское — 14 960 чел.)¹⁰⁶. В 1816 г. население выросло до 22 470 чел., в городе жили 3333 чел.¹⁰⁷

* * *

Начался новый этап в истории греков — жизнь на северном побережье Азовского моря; с тех пор чаще всего их называют — как в литературе, так и в обиходе — «мариупольскими» или «донецкими».

Российское правительство прежде всего предприняло меры для хозяйственного укоренения новых поселенцев. В этом отношении греки были приравнены к категории «иностранных колонистов» наравне с другими новопоселенцами южных окраин Европейской части России, той обширной зоны, которая получила название Новороссии¹⁰⁸.

Заселение южных пространств, присоединенных к империи, было не единственным направлением иностранной колонизации, поощряемой российским правительством. Кроме малонаселенного юга, разрешалось и на белорусских землях селиться мигрантам на тех же основаниях и под тем же надзором Конторы опекунов иностранных, которая находилась в составе Экспедиции государственного хозяйства (1797–1803 гг.).

Например, на белорусских землях оседали с разрешения властей выходцы из соседствующих с запада пределов¹⁰⁹. Помимо получавших офици-

альное разрешение иммигрантов сюда направлялось значительное число беженцев — крестьян и ремесленников — из прусских или австрийских владений¹¹⁰.

Была разработана государственная программа, направленная на облегчение процесса укоренения новых подданных, что в первую очередь служило к выгоде самого правительства.

Греки в Приазовье были на десять лет освобождены от государственных налогов и навечно — от воинской повинности, от воинских постоев, имели и другие привилегии.

Земли было в достатке. В народе сохранились воспоминания о том, как происходил ее дележ: ехали будущие хозяева на телеге и бросали шапки по обе стороны; куда упала шапка, там ее владелец останавливался, отныне это было его землевладение. Так ли было в действительности или нет — установить трудно. Этот рассказ лишь подтверждает обширность предложенных владений и подчеркивает удивление бывших жителей крымских гор перед необозримым плоским степным пространством, где им предстояло отныне жить и хозяйничать.

Переселение греков из Крыма — обязательное, организованное и поддержанное государственными органами, — вело к разрушению первоначальной социальной среды, к перегруппировке жителей отдельных сел и городов. Это создавало в дополнение к практическим трудностям и социально-психологические.

Новые условия природопользования стояли перед переселенцами. Пастбища, пашни, рыболовецкие угодья — все надо было осваивать и обустроить заново.

Обработать тотчас же отведенные им земли колонисты не могли. Их примитивного инвентаря было недостаточно. Не было и навыков земледелия. Не хватало рабочих рук. Кроме того, устроить удобное жилье в открытой, безлесной, продуваемой ветрами степи было непросто. Тяжелые условия жизни сказались на низком естественном приросте населения.

Избыточные земли¹¹¹ позже были изъяты у греков и переданы другим поселенцам. Впрочем, само понятие избыточных земель возникло несколько позже. При первоначальном расселении межевание земли вообще не производилось. Только в 1794 г. встал вопрос об упорядочении землепользования.

В 1808 г. греческой общине предложено было освоить предоставленные площади в ближайшие три года, с тем чтобы излишки употребить для новых поселений¹¹². В 1817–1820 гг. специальная комиссия по межеванию земель мариупольских греков провела учет населения и отвела земли в натуре для каждого селения. По утвержденному 18 февраля 1824 г. Положению на наличные в 23 селениях 11 212 душ мужского пола выделено

336 360 дес., из расчета по 30 десятин на ревизскую душу. Городу Мариуполю предоставлено 14 988 дес. и для рыбных промыслов 8332 дес. Для размещения возможных будущих пришельцев на протяжении ближайших 10 лет выделялось еще 150 тыс. дес.¹¹³

Сведения о размерах земельных угодий, предоставленных колонистам на душу (удобной и неудобной земли), городу Мариуполю, для выпаса скота, для рыбной ловли и о прочих угодьях, сильно расходятся в подсчетах различных авторов. Но главный итог этих переделов — приселение на Мариупольщину колонистов других национальностей¹¹⁴.

Государственных крестьян — русских и украинцев — переводили из Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской и Смоленской губерний. На северо-западе Мариупольского уезда с начала XIX в. русские помещики покупали землю или же получали от правительства. На них они селили своих крепостных. Так возникли села Андреевка-Клевцово (ныне с. Искра), Старомайорское, Времьевка, Нескучное, Евгеновка и др. Кроме организованной миграции, шло и стихийное переселение русских крестьян из центральных губерний России. Они прибывали поодиночке (особенно в последние десятилетия XIX в.) и оседали в различных пунктах. В 1810–1812 гг. с. Новопетриковку основали беднейшие выходцы из села Петриковка, где многие крестьяне не имели не только земли, но и своего подворья. Селились в Новопетриковке, как, впрочем, и во многих других селах, и беглые крестьяне.

На юго-западе уезда в 1829 г. получили земли казаки, которые к этому времени возвратились из Турции, приняли российское подданство (их предки после упразднения в 1775 г. Запорожской Сечи перебрались в пределы Турции). Возвращенцы (их именовали «Задунайские казаки») образовали так называемое Азовское казачье войско. Но некоторое время спустя, в 1857 г., это войско было упразднено, часть казаков переселилась на Кубань, остальные были причислены к казенным крестьянам и получили по 9 десятин на ревизскую душу¹¹⁵.

К концу XIX в. русские и украинцы составляли 50% населения Мариупольского уезда. Из них преобладающее число (154 594 чел.) признавали родным языком украинский, русский — всего 37 388 чел. В Екатеринославской губернии кроме Мариупольского уезда еще в трех — Бахмутском, Екатеринославском и Славяносербском — доля русского населения была достаточно велика. То обстоятельство, что русское население было в основном пришлым, отразилось на его половом составе: мужчины численно преобладали над женщинами¹¹⁶.

На юго-западе Мариупольского уезда с греческими селами соседствовали болгарские, основанные в течение XIX в. Массовое переселение славян (в большинстве своем — болгар) из владений Османской империи в При-

азовье произошло после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Славяне, особенно те, кто помогали русским войскам, уходили вслед за русской армией, опасаясь расправы со стороны османских властей. Много так называемых «задунайских переселенцев» осело после войн 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. в Буджаке (Южная Бессарабия). В 1860-х гг. часть населения Буджака (в связи с отходом части Бессарабии к Румынии) перешла в восточные районы Украины, к Азовскому морю. Всего сюда переселилось до 30 тыс. болгар¹¹⁷.

Самом конце XVIII — первой половине XIX в. на Мариупольщине были основаны колонии выходцев из Центральной Европы — немцев и евреев. В 1823 г. в Мариупольском уезде насчитывалось 17 немецких поселений, где жили мигранты из Западной Пруссии, Польши и Чехии — по преимуществу лютеране, а также католики. Немецкие колонии обосновались также на левом берегу Кальмиуса за пределами Мариупольского уезда¹¹⁸. Наибольший приток иностранцев был в период с 1823 по 1831 г. Позже он практически иссяк¹¹⁹.

В западной части уезда поселились меннониты. Окружающее население не отличало их от немцев (в последней четверти XIX в., когда на колонистов была распространена воинская повинность, значительная часть меннонитов выехала в Америку¹²⁰). Среди сохранившихся или запомнившихся немецких названий населенных пунктов известны: Блюменталь (ныне вошло в черту поселка Красная Поляна), Нейгем (ныне под названием Новоселовка принадлежит Зеленопольскому сельскому совету), Койбаш, Орлинск, Новополь.

Перепись 1897 г. зафиксировала 19 104 чел. говорящих по-немецки, из них лютеран — 11 720 чел. (остальные — католики и меннониты)¹²¹.

Еврейские земледельческие колонии заселили выходцы из тех районов Белоруссии, которые вошли в состав России в 1792 и 1795 г. Согласно «Положению о евреях» 1804 г. евреям предоставлялось право селиться (в пределах «черты оседлости») на помещичьих и казенных землях, сохраняя при этом личную свободу. Условием переселения было поставлено крещение евреев в христианскую веру (возникло «Общество израильских христиан»). Проект этот оказался практически неосуществимым, реально переселение произошло в 1841 г. уже без этого предварительного условия. Из густонаселенных местечек Западного края шел отток жителей в Новороссию. Желавшим сесть на землю и заняться сельским хозяйством отводили наделы и предоставляли льготы на правах «иностранного колониста»: по 100 рублей на постройку дома, по 70 рублей на обзаведение хозяйством, на 10 лет — льготы по податям, на 25 лет освобождение от рекрутской повинности. В 1840–1850-е гг. было создано 17 еврейских земледельческих колоний в Александровском уезде Екатеринославской губернии. После того как

в 1874 г. из Александровского уезда был выделен Мариупольский, в нем оказалось семь колоний, в Александровском — десять. В Мариуполе еврейская община образовалась примерно с 1820-х гг.¹²²

Еврейские колонии располагались на мало удобных землях, многие страдали от отсутствия питьевой воды. На первых порах жизнь налаживалась с трудом. Для того чтобы научить новых поселян хлебопашеству, в каждую колонию был поселен меннонит — своего рода инструктор («муса-вирт»). Дисциплина в колониях держалась строгая, отлучаться запрещалось. К концу века должность такого наставника оказалась уже ненужной: еврей-земледельцы сами научились хозяйничать. Еврейские сельские поселения просуществовали на Мариупольщине до 1941 г.¹²³

Упомянувшиеся среди первых поселенцев волохи и грузины, очевидно, растворились среди численно преобладавших греков. Перепись 1897 г. не отметила на интересующей нас территории ни восточнороманского (молдавского) языка, ни грузинского.

Переписью отмечена небольшая группа, именованная «турками» — язык турецкий (или татарский), вероисповедание православное¹²⁴. Выше уже сообщалось мнение, что так называли потомков тех нескольких мусульманских семейств, которые выехали из Крыма вместе с греками и приняли православие уже в Приазовье.

Такова история формирования той этнической общности, которую принято называть приазовскими или мариупольскими греками, таков сложный этнический конгломерат, в составе которого продолжалась их жизнь, развивалась и изменялась их этническая культура.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Гаркави А. О. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове. 1875 // Архив РГО. Разр. 39. Оп. 1. № 15; Прилипко Ф. С. Старый Крым. Симферополь, 1967. С. 10–14; Броневский В. Обзор южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822. С. 346. О различных толкованиях топонима Крым см.: Хартахай Ф. А. Исторические судьбы крымских татар. Ч. I // Вестник Европы. 1866. С. 190.
- 2 Хартахай Ф. А. Указ. соч. С. 195–199; Ч. II. 1867. С. 150.
- 3 Аграрный строй Османской империи в XV–XVI вв. Документы и материалы. М., 1965. С. 92–98.
- 4 Хартахай Ф. А. Указ. соч. С. 150, 158.
- 5 Новосельский А. А. Научное наследие: исследования по истории эпохи феодализма. М., 1992; Османская империя и страны Центральной, Восточной и

- Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 159, 277.
- 6 Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: его подготовка и заключение. М., 1955.
 - 7 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XIV. № 15708.
 - 8 Полную историографию вопроса см.: Араджиони М. А. Історіографія етнічної історії та культури греків північного Приазов'я (80-і р. XVIII ст. — 90-і р. XX ст.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1995.
 - 9 Гавриил. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию // Записки ООИД. Т. I. 1844; Титов Г. Письма из Екатеринослава. 1849; Хартахай Ф. А. Указ. соч.; Ялі С. Г. Греки в УССР. Харьков, 1931; Волошин Ю. А. Взгляд на сельскую общину греков-христиан в Крыму VIII–XVII вв. // Украина — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Мариуполь, 1996. С. 47–48.
 - 10 Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов. Ч. 3. Херсон, 1990.
 - 11 См., напр.: Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 213.
 - 12 Антропологические исследования греков Приазовья см. в приложениях к данной книге.
 - 13 Чернышова Т. Н. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области. Киев, 1958. С. 37, 39, 42.
 - 14 Спіридонов Д. С. Историчний інтерес вивчення говіров мариупольських греків // Східний світ. Т. 12. Харків, 1930.
 - 15 Соколов И. И. О языке говоров Мариупольского и Сталинского округов // Язык и литература Т. 6. Л., 1930; Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры // Известия АН. Отделение общественных наук. Л., 1930.
 - 16 Соколов И. И. Мариупольские греки до переселения их на Украину // Труды Института славяноведения АН. Т. 1. 1932. С. 304.
 - 17 Широков О. С. История греческого языка. М., 1983. С. 26–27. Этот ученый считает, что периферийные языки греческой диаспоры восходят в большинстве случаев к диалектам средневизантийского периода.
 - 15 Григорович В. И. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус. Одесса, 1874.
 - 19 Браун Ф. О. Мариупольские греки // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1880.
 - 20 Маркевич А. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковно-общественный вестник. Вып. 10, 11. 1910.
 - 21 Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925. С. 40 (ссылается: Путешествие Ив. Шпильтерберга по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 // Записки Новороссийского университета. Т. I. Вып. 1, 2. С. 58, 102).

- 22 Жузе П. А. К выяснению значения слова «тат» // Известия Азербайджанского Гос. НИИ. Отделение языка, литературы и искусства. Вып. 3. Т. 3. Баку, 1930.
- 23 Куфтин Б. А. Указ. соч. С. 40; ссылка на: Смирнов В. Д. История Крымского ханства. СПб., 1883. С. 154–155.
- 24 Куфтин Б. А. Указ. соч. С. 40. Куфтин ссылается на: Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916. С. 7.
- 25 Киор В. И. К вопросу о генезисе народностей, переселившихся из Крыма в Приазовье в XVIII в. // Донбасс и Приазовье: проблемы социального, национального и духовного развития. Тезисы докладов. Мариуполь, 1993. С. 112–114.
- 26 Сорока Т. И., Понаморева И. С. К проблеме этнической истории мариупольских греков // Там же. С. 122.
- 27 См., напр.: Белецкий А. А. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Балканская филология. Л., 1970. С. 6, 13; Араджиони М. А. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза тюркоязычного средневекового христианского населения юго-западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 143–159.
- 28 Гаркавец А. Н. В. В. Бартольд о вероисповедании у кыпчаков в V–XIII вв. и проблема этногенеза армян, греко-кыпчаков и караимов // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974. См. также: Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине. Киев, 1988.
- 29 Хартахай Ф. А. Исторические судьбы крымских татар. Ч. II // Вестник Европы. 1867, июнь. С. 143.
- 30 О смешанных в этническом отношении браках см.: Маркович А. И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 10–11; Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887. С. 14–15.
- 31 Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1966. С. 154–155.
- 32 Марков Е. Очерки Крыма. СПб., 1884. С. 343–344.
- 33 Хартахай Ф. А. Указ. соч. С. 149.
- 34 В юго-западной зоне Крыма, где концентрировались татароязычные села, обнаружены надписи на греческом языке (Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896).
- 35 Браун Ф. О. Указ. соч. С. 85–86; Хартахай Ф. А. Указ. соч. С. 152.
- 36 Там же. С. 153.
- 37 Серафимов С. Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // Известия ООИД. Т. VI. Одесса, 1867. С. 591–592.
- 38 РЭМ. Фонды. Коллекции № 861, 3071; Фонд «Крымские татары»; МАЭ, фонды коллекции № 251, 463, 1761. См. также: Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей (по материалам исследования греческого населения Донецкой области Украинской ССР) // СЭ. 1976. № 2.

- 39 Куфтин Б. А. Жилище крымских татар. С. 8–10.
- 40 Мережковский К. С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. // Архив РГО. Разр. 39. Оп. 1. № 18. Л. 9; Марков Е. Указ. соч. С. 214–215; Бертье-Делагард А. Керменчик (крымская глушь). Одесса, 1899. С. 9–10, 21–26, 39–45.
- 41 Иванова Ю. В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 164–193.
- 42 Вышло из употребления название языка «урум дили» (или «рум дили»), так же как прозвание языка жителей Мариуполя «базариотку глоса», т. е. язык «базара» — города (см.: Григорович В. А. Указ. соч.).
- 43 Пулянос А. Н. К антропологии греков СССР // Вопросы антропологии. 1960. № 4.
- 44 Хартахай Ф. А. Исторические судьбы... Т. II. С. 173; Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав, 1901. С. 17.
- 45 Соколов И. И. Указ. соч. С. 299, 310, 311.
- 46 Бережков М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса, 1888. С. 16.
- 47 Скальковский А. А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. Екатеринослав, 1866. С. 44.
- 48 Бертье-Делагард А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914; Лашков Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // Записки ООИД. Т. XIV. 1886. С. 136–141; Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. СПб., 1880. Вып. 2. С. 83; Кабузан В. М. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в. // СЭ. 1969. № 6. С. 38.
- 49 Бертье-Делагард А. Исследование... Карта.
- 50 Дружинина Е. И. Указ. соч.
- 51 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XIV. № 11720, 11725, 11853, 11879, 11880, 12099.
- 52 Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М., 1959; Она же. Южная Украина в 1800–1825 годах. М., 1970; Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869; Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX в. М., 1976; Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.
- 53 Варианты написания: Готфийско-Кефайская, Готско-Кафайская, Готская и Кафская.
- 54 Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892. С. 39–44; Серафимов С. Л. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав, 1901; Яли И. А. «К тебе, с тобою и к славе твоя» // Греки Украины: история и современность. Донецк, 1991. С. 18–20; Газадинова Е. По поводу одной старой рукописи // Греки и славяне: 1000 лет. Донецк, 1997. № 1. С. 15–21. Дата рождения Игнатия установлена приблизительно.

- 55 *Надинский П.* Суворов в Крыму. Симферополь, 1947; *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. Т. I. СПб., 1884. См. также: *Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
- 56 *Ягнатъев Д.* Митрополит Игнатий: жизнь и бессмертие // *Эллины Украины.* 1997. № 2–3; Еще раз о митрополите Игнатии // Там же. № 4 (Публикация И. А. Налчаджи статьи Ф. А. Хартахая «Игнатий, митрополит Готфский и Кафский», напечатанной в журнале «Иллюстрация. Всемирное обозрение». СПб., 1861. № 171); *Балджи А.* Выдающееся событие в истории города. Митрополит Игнатий причислен к лику святых // *Приазовский рабочий.* 1997. № 162 (16482).
- 57 Авторы памятника — художники-монументалисты Л. Н. Кузьминков и В. В. Константинов, архитектор В. А. Еременко, мастер-чеканщик А. Е. Чумель // *Приазовский рабочий.* 1998. 27 марта.
- 58 *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Т. I. СПб., 1885. Т. II (документы 1778 г.). СПб., 1885. Т. III (документы 1779–1800 гг.) СПб., 1887.
- 59 *Джуха И. Г.* Одиссея мариупольских греков. Вологда, 1993. С. 63, 70, 89, 101 (ценность этой интересной книги снижается тем, что автор, к сожалению, не сообщил источника своих изысканий).
- 60 *Кузьминков Л. Н.* Переселение крымских греков в Северное Приазовье в 1778–1780 гг. Историко-критический очерк. Мариуполь, 1997. С. 11, 31–34. См. также: *Кузьминков Л. Н., Хагарджи К. А.* К переселению крымских греков в Россию // *Греки Украины...* С. 43–53.
- 61 *Броневский В.* Обозрение южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822; *Бертье-Делагард А.* Керменчик... С. 39–40; *Араджиони М. А.* К вопросу о переселении приазовских греков в Крым // *Донбасс и Приазовье...* С. 115–117. Численность вернувшихся неизвестна.
- 62 *Браун Ф.* Мариупольские греки... С. 85–86; *Писаревский Т.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. С. 212.
- 63 *Дашков Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897; *Алексеев В.* Письма и бумаги Суворова. СПб., 1919. С. 14, 20; *Григорович В.* Записка о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-учетном архиве Генерального штаба. Одесса, 1876. С. 22.
- 64 *Маркевич А.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму // *Известия Таврической ученой археологической комиссии.* 1901. № 3. С. 19, 21.
- 65 *Жуков К.* Заметки по пути на южный берег Крыма. СПб., 1865. С. 43.
- 66 *Григорович В.* Указ. соч. С. 22.
- 67 РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 190. Л. 178–180.
- 68 *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. I. С. 57, 290.
- 69 *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 133. Подсчет мигрантов в различных источниках резко расходится.

- 70 Путь переселенцев, детали этой эпопеи подробно прослежены Джухой (*Джуха И. Г.* Указ. соч. С. 57–69. Карта-схема «путь крымских христиан в Приазовье». С. 67) и Кузьминковым (*Кузьминков Л. Н.* Указ. соч. С. 24–30).
- 71 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XX. № 14879 (21 мая 1779 г.), № 14942 (1 ноября 1779 г.), № 14943 (14 ноября 1779 г.).
- 72 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 127, 133. Там же см. ссылки на источники.
- 73 *Темир С. К.* Заселение края. Страна отцов. Рукопись хранится в архиве автора.
- 74 Ведомость, учиненная с показанием, сколько разного рода из Крымской земли каких городов и деревень отправлено в Россию христиан обоюбого пола 18 сентября 1778 г. См.: *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Т. 2. СПб., 1885. С. 711–713.
- 75 Описание городов и уездов Азовской губернии. 1782 г. // ЛЕТУАК. Вып. 1. Екатеринослав, 1904. С. 72; Архив Мариупольского греческого суда // МКМ. Д–3476 — Табель о состоянии хозяйства г. Мариуполя и греческих сел Мариупольского уезда. 1794; МКМ. Д–3469 — Ревизская сказка г. Мариуполя 1795 г. (в этом документе воспроизводятся данные ревизии 1782 г.).
- 76 *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 711–713; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 588. Ч. 6. Л. 263–264. Список греческих сел, строящихся в Мариупольском уезде. Приложение к рапорту помощника азовского губернатора г. Герсеванова 21 августа 1780 г.
- 77 МКМ. Д–3476, Д–3469 (Ревизская сказка города Мариуполя 1795 г.)
- 78 МКМ. Д–3476 (Табель о состоянии хозяйства...) — Д–3484 — Дело о раскладке земельных и других повинностей в селах, подвластных Мариупольскому греческому суду. 1806 г. Д–3528 — Дело об отправлении повинностей жителями г. Мариуполя и сел, подведомственных греческому суду. 1816 г.
- 79 План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XVI. № 12099. С. 657–668.
- 80 *Яйленко В. П.* Пережитки древности в языке и обрядах приазовских греков (рукопись, архив автора).
- 81 *Бертье-Делагард А.* Исследование... С. 8–9. Этимология, предложенная Бертье, отнюдь не бесспорна, приводится здесь для полноты справочности.
- 82 *Шишмарев В. Ф.* Романоязычные поселения на юге России. Л., 1975. С. 71–72.
- 83 Мариупольскому уезду Екатеринославской губернии (в границах конца XIX в.) соответствуют районы Донецкой области Украины: Великоновоселковский, Волновахский, Старобешевский, Володарский, Тельмановский, Першотравненский, Приморский.
- 84 Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892; *Белецкий А. А.* Греческие диалекты на юго-востоке Украины // *Балканская филология.* Л., 1970. С. 5–153; *Чернышова Т. Н.* Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области. Киев, 1958; *Соколов И. И.* Мариупольские греки...; *Сергиевский М. В.* Мариупольские греческие гово-

- роков О. С.** Развитие глухого консонантизма в новогреческих и албанских диалектах. Минск, 1967.
- 85 Специалисты различают следующие говоры румейского языка: новокаракубский, урзуф-ялтинский, большеянисольский, сартанский, малоянисольский. По консонантным признакам новокаракубский говор ближе стоит к урзуф-ялтинскому и большеянисольскому говорам, но расходится с ними и с сартанским, где согласные палатализованные, и с малоянисольским, где согласные аффрикативные. Все говоры можно классифицировать на три группы с учетом вокалических особенностей и на три группы с учетом консонантных особенностей. Деление на группы по этим двум признакам не совпадает. См.: *Журавлева Е. Ф.* О фонологической трактовке твердости-мягкости в новогреческом говоре Донецкой области // Вестник Московского университета. Серия 9 — Филология. 1980. № 2; *Она же.* Фонологическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами и северогреческими диалектами. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 19–22, 25, 26.
- 86 *Саенко Р. И., Божко Р.* В уездном городе М. О том, как изменялся статус Мариуполя // Приазовский рабочий. 1993. 13 сент.; см. также: *Капелюш-ний П. П.* 3 історії Південної України в другій половині XVIII — першій половині XIX століття // Донбасс и Приазовье: Проблемы социального, национального и духовного развития. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Мариуполь, 1993. С. 33–35.
- 88 *Саенко Р. И.* К вопросу об основании г. Мариуполя // Донбасс и Приазовье. С. 74.
- 89 *Кузьминков Л. Н.* Переселение крымских греков... С. 89.
- 90 Многочисленные и противоречивые сведения по поводу основания Мариуполя и заселения всего прилегающего края подробно изложены Л. Н. Кузьминковым (*Кузьминков Л. Н.* Указ. соч. С. 47–93). Там же (с. 94, 95) опубликован извлеченный из архива документ «Отвод земли грекам», где говорится о «заведении» и о «построении» города.
- 91 *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 52–55; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 84; *Лециловская И. И.* Балканская политика Екатерины II // ВИ. 1999. № 2. С. 29–41.
- 92 *Кузьминков Л. Н.* Указ. соч. С. 101. Публикация «Материалов для историко-статистического описания Екатеринославской епархии», составленных епископом Феодосием (Макарьевским), напечатанных в Екатеринославе в 1880 г.
- 93 *Остин Е. С.* Географические названия крымских греков в топонимии Северного Приазовья // Греки Украины: история и современность. Донецк, 1991. С. 55–60.
- 94 Там же. С. 57–58.
- 96 Мариуполь и его окрестности... С. 70–71, 86.
- 97 В 1783 г. в Мариупольском уезде числилось 21 173 чел., через 11 лет, в 1794 г. — 22 491 чел. Прирост составил всего 1 400 чел. (*Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 145).
- 98 *Саенко Р. И., Божко Р. П.* Указ. соч.
- 99 *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Т. III. СПб., 1887. С. 370.
- 100 Там же. Т. II. СПб., 1885. С. 557.
- 101 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14979; Т. 21. № 15700.
- 102 Новороссийский календарь на 1840 г. Одесса, 1839. С. 159, 160; *Геде А. В.* Мариупольский греческий суд в системе самоуправления России // Україна і Греція... Мариуполь, 1996. С. 58–60.
- 103 *Тимошевский Г. И.* Духовное и гражданское самоуправление // Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892. С. 106.
- 104 Ревизские сказки хранятся в архиве МКМ. Анализ этих документов осуществлен Р. И. Саенко.
- 105 МКМ. Д. 3469.
- 106 Там же.
- 107 МКМ. Д. 3528.
- 108 В южную область России, именовавшуюся в то время Новороссией, прибывали люди самых различных званий и разной национальной принадлежности. Например, в 1806 г. Новороссийская опекунская контора сообщала о привезенных в Феодосийский порт абазинах и черкесах; в 1807 г. в Феодосии поселились 4 английских семейства; в этом году в Крым переправились греки из Анатолии, а из Болгарии прибыли запорожцы, из Швеции — группа колонистов присоединилась к ранее прибывшим соотечественникам; документы 1809 г. упоминают швейцарцев, приехавших в Одессу, и армян, поселившихся в городе Григориополе. В Одессе селились генуэзцы, болгары, греки. С 1804 г. упоминаются меннониты. Такие примеры можно продолжать. См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 28. Д. 289, 295, 296, 328, 330, 343, 344, 346, 358; Оп. 29. Д. 236, 238, 243, 244, 272.
- 109 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXII. № 16196; Т. XXVIII. № 21163; Журнал Комитета министров. Т. I. СПб., 1888. С. 98.
- 110 *Сосно В. А.* Из истории немецких поселений в Белоруси // Славяне и немцы. Средние века — раннее Новое время. Сб. тезисов 16-й конференции памяти В. Д. Королюка. М., 1997. С. 142–145.
- 111 В указе от 24 марта 1780 г. № 1817 «Отвод земли грекам» оговорено: «Если же по миновании пожалованных им десяти льготных лет какие-либо земли заселены не будут и останутся впусе, то отобрав от них, раздавать желающим...» (цит. по: *Кузьминков Л. Н.* Указ. соч. С. 95).
- 112 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. № 23074.
- 113 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIV. № 26863; ГАРФ. Ф. 379. Оп. 1. Д. 193. Л. 224–225. См. также: *Лях Р. Д., Добробог Л. М.* Межування земель мариупольських греків на початку XIX століття // Україна — Греція... С. 64, 65.

- ¹¹⁴ Подробнее см.: *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 127. В 1779 г. удельный вес украинцев в Александровском уезде составлял св. 15%, греков — ок. 78% (Там же. С. 134, 248).
- ¹¹⁵ *Дружинина Е. И.* Южная Украина... С. 118; *Земцов М. Е.* Краткий обзор экономического положения Мариупольского уезда // Сборник статей Екатеринославского научного общества. Экономической отдел. Екатеринослав, 1905. С. 3–4.
- ¹¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (далее — Перепись 1897 г.). Вып. 7. СПб., 1905. С. 14; Там же. Т. XIII. С. VIII.
- ¹¹⁷ *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России // За народни умотворения и народопис. Кн. XXXIX. София, 1914. С. 10 и сл.; *Он же.* Болгарские колонии на юге России [б. г. и б. м.]. С. 1–10; *Он же.* У болгар Таврической губернии // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. XLVII. № 4. С. 52–68; *Он же.* Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908. С. 36–72; *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869. С. 363–364.
- ¹¹⁸ *Дружинина Е. И.* Южная Украина... С. 140; *Земцов М. Е.* Краткий обзор... С. 3; Перепись 1897 г. Т. XIII. СПб., 1904. С. 10.
- ¹¹⁹ *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 203–205.
- ¹²⁰ Общее обозрение Екатеринославской губернии // Архив РГО. Разр. 13. Оп. 1. № 1. Л. 78, 79; *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации... С. 290–332; *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 153, 154.
- ¹²¹ Перепись 1897 г. Вып. 7. СПб., 1905. С. 14.
- ¹²³ Мариуполь и его окрестности... С. 83, 151–154, 290–291; *Скальковский А. А.* Полная географическая и этнографическая терминология Новороссийского края. СПб., 1868. С. 29; Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV. СПб., 1910. С. 215; *Боровой С. Я.* Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928; *Яруцкий Л. Д.* Евреи Приазовья. Мариуполь, 1996. С. 14–23.
- ¹²³ *Яруцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 23–27.
- ¹²⁴ Перепись 1897 г. Вып. 6. С. 10.

2 ЖИЗНЬ НА ПРАВАХ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД ГРЕЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН¹

Местность, где предстояло жить переселенцам из Крыма, была равнинной и безлесной. Чиновник из Департамента государственных имуществ так характеризовал эти края: «Екатеринославская губерния большею частью представляет вид непрерывной, безлесной, утомительной для взора равнины, наклонной слегка к Черному и Азовскому морям». Мариупольщину он отнес к районам, неблагоприятным для земледелия, где грунт каменистый с малым содержанием чернозема. Лесов почти совсем не было, кроме небольших перелесков, лежавших в оврагах².

В первый период после переселения в Приазовье греки занимались преимущественно овцеводством, что определялось условиями жизни в степи. В цитированном выше документе середины XIX в. сообщалось: «...овцеводство составляет важную отрасль промышленности здешних хозяев как по причине приволья, представляемого для овцеводства степями, так и по удобству сбыта шерсти»³. «Шерстяная ярмарка» собиралась в Екатеринославе на день Петра и Павла 29 июня (ст. ст.).

Овец круглый год содержали под открытым небом в загонах, устроенных по балкам. Это были так называемые «овечьи заводы». Для их устройства крестьяне (и жители города тоже) объединялись по два, шесть и более хозяев. В среднем в каждом из «заводов» выращивалось по две–три тыс. голов овец. В 1794 г. таких заводов было 35, где 192 владельца выращивали 81 тыс. голов⁴. Через пять лет поголовье возросло до 177 тыс. На подножном корму старались пасти как можно дольше, чтобы сэкономить заготовленные на зиму корма.

Молочный скот для домашних нужд содержали на усадьбах. Поголовье рогатого скота имело скромные размеры: в 1799 г. числилось 2063 головы⁵. С начала XIX в. поголовье лошадей и рогатого скота стало увеличиваться: в 1807 г. в 23 греческих селах насчитывалось 55 480 голов рогатого скота, 15 600 лошадей, 123 915 овец. В это же время жители Мариуполя имели 2048 голов рогатого скота, 2085 овец, 790 лошадей⁶. В 1819 г. в селах содержалось 81 тыс. голов рогатого скота и 180 тыс. голов овец⁷.

Средние цифры по Таганрогскому градоначальству дают общее представление об обеспеченности скотом семейств греческих селян. На среднюю статистическую семью (5 человек) приходилось⁸:

	1810 г., голов	1824 г., голов
Лошадей	2,5	6,0
Рогатого скота	10,5	21,5
Овец	36,0	49,5

Рост, таким образом, был значительным, несмотря на ущерб, нанесенный русско-турецкой войной 1811–1812 гг. и Отечественной войной 1812 г.

Пчеловодство не получило распространения в греческих селах. Известно только одно хозяйство в с. Сартана, имевшее «пчеловодческий завод». В 1817 г. здесь содержалось 250 ульев, но сведения о количестве произведенного меда отсутствуют⁹.

Скотоводческое направление хозяйства определяло многие бытовые традиции: и разделение труда в семье, и общественные отношения на селе, и принцип организации сельскохозяйственной территории. С ним сопряжено расселение на местности и тип поселений, организация крестьянской усадьбы. Хозяйственная деятельность определяла естественным образом систему питания: преобладали мясная и молочная пища, хлеба и овощей употребляли немного. Скотоводческое хозяйство накладывало отпечаток на одежду сельчан, на внутреннее убранство дома и пр.

На пересеченной местности, — что особенно характерно для восточных районов Мариупольщины, — то прячась в балках от степных ветров, то выбегая на косогор, располагались села скотоводов — как правило, разбросанного типа. В селах Стыла, Ласпа, Бугас, Чардаклы (или Чердакли, Чердахлу, позже — Кременевка), Карань (Гранитное), Старая Игнатовка и других еще и теперь заметна такая планировка. Крестьянские усадьбы были большими, дома отстояли на некотором расстоянии от улицы, повернутые к южной солнечной стороне главным фасадом со входной дверью и окнами. На просторном дворе без строгого плана располагались службы: загоны для овец, конюшни, половники, сараи для инвентаря, только ток имел обычно постоянное место — в конце усадьбы. Перед домами не было палисадников, сады не окружали их, общий вид сел был довольно унылый, а в жаркое время года жителям досаждала пыль. Если и разводили фруктовые сады (как, например, в Сартане) или огороды (например, в Урзуфе, он же Маджарь или Мажарь, он же Приморское), то они размещались по балкам в стороне от сел.

Если необходимо было искать дополнительные заработки, то и их извлекали преимущественно из пастушеской деятельности. Для этого мужчины

отправлялись в Область войска донского (с середины XIX в. в том краю существовали экономии капиталистического типа с использованием наемного труда)¹⁰. Опытные пастухи-греки нанимались для выпаса овец (преобладало мясное направление), зарабатывали за несколько лет этой тяжелой работы деньги и приобретали стадо овец. Некоторые из этих предприимчивых людей отправлялись дальше — на Северный Кавказ и оттуда тоже возвращались домой со стадом, пусть небольшим, но достаточным для основания собственного хозяйства.

Профессиональные предпочтения определяли и положение человека в сельском обществе: особым уважением пользовались чабаны, выпасавшие большие стада — до 2–3 тысяч голов и имевшие под своим началом других чабанов — рангом ниже и подпасков. Главный чабан назывался *удаман* (искаженное от *атаман*, в других местах Новороссии — *отаман*). С его советом и мнением считались все, поэтому часто приглашали его в качестве свата¹¹.

Профессия чабана (варианты: румейск. *чабанис*, *чубанус*, татарск. *чубан*, *чобанжи*) была потомственной; обработкой земли, которой он владел как всякий сельчанин, занимались его сыновья. Так как овец разводили все (зажиточные крестьяне имели по 100–200 голов), то в селе могло быть несколько чабанов, каждый из которых обслуживал — согласно традиции — жителей определенной части поселения. Оплата устанавливалась натурой — одна овца с каждых 10–15 голов. Обычай оплаты не нарушался. Если бы какой-либо человек нечабанского, условно говоря, «сословия» взялся бы выпасать стадо за 20-ю или даже 30-ю овцу, все равно сельское общество его не признало бы и не доверило бы выпасать стадо.

Удаман сам нанимал 2–3 помощников, которым платил из своей доли. Всю такую группу чабанов обслуживал *арбич*. Он правил особым образом устроенным возком (*дурум*): на двухколесной арбе, запряженной парой волов, устанавливали дощатую будку или же остов из прутьев, на него натягивали брезент, получался своего рода домик. Там хранились припасы и утварь. Арбич готовил еду для чабанов, кормил сторожевых собак и вел учет рождаемости ягнят в отаре каждого из хозяев в отдельности. Для этого было придумано специальное приспособление: на палочках делали фигурные надрезы.

Чабаны и арбич носили самую грубую одежду: куртки и плащи, постолы (румейск. *чарухи*, татарск. *чарых*) из сыромятной кожи, под них подвертывали портянки или натягивали толстые шерстяные носки, но самым примечательным элементом костюма были штаны из овечьей шкуры мехом вовнутрь: они и грели, и влагу не пропускали.

О деталях чабанского быта рассказывает И. Г. Джуха на основании воспоминаний своих старших родственников и односельчан: «Брали с собой и

«Дурум» — возок пастухов

овчинные тулупы, которые служили в зависимости от обстановки и верхней одеждой, и матрацем, и одеялом. Поверх всего чабан подпоясывался кожаным поясом, украшенным медными бляхами. К поясу прикреплялся чабанский нож в ножнах, а также рог с *квачем* — дегтем, которым чабаны смазывали раны у овец. Возили чабаны с собой и *джермела* — железные шипцы для вытаскивания червей из ног больных овец. Джермела и другой мелкий инвентарь был сложен в *гамане* — специальной чабанской сумке. И конечно, каждый чабан не расставался с *иргахом* — длинной палкой с крючком на конце, с помощью которой он ловил овцу за ногу¹².

Служба чабана была очень тяжела: только в середине зимы, и то лишь на два месяца, люди расходились по домам, наконец-то могли смыть с себя грязь и сменить истлевшее белье.

И все же эта служба считалась выгодной: за несколько лет можно было составить собственное небольшое стадо, а служба арбичом у известного удамана могла послужить для молодого человека хорошим аттестатом на будущее¹³.

Навыки скотоводческого хозяйства приазовских греков явно восходят к татарским традициям. На это указывает характер производственной терминологии: у крымских татар главный чабан именовался *одаман*, главная кибитка группы скотоводов *кхош*, что в тюркских языках означает любое сооружение из плетня, плетенку (стенки кибитки были сплетены из прутьев), а *дурум* — это стоянка пастухов¹⁴.

Способы и техника пастушеского хозяйства распространялись по обширному ареалу южных степей. Греческая скотоводческая культура — составная часть этого разветвленного хозяйственно-культурного типа. На-

пример, в Дагестане главный пастух также именовался «удаманом», он тоже сам нанимал себе помощников — человек 4–7, хозяин стада полностью передавал ему свои права и обязанности скотовладельца¹⁵. Таким образом, пастухи составляли отдельную социальную группу в среде населения — оседлых земледельцев.

Скотоводческое хозяйство предоставляло специфический материал, находивший широкое применение в крестьянском хозяйстве, — навоз¹⁶. Его употребляли свежим, без специальной обработке (*кизьяк*), или же тщательно обрабатывали налаженным за многие годы способом. Навоз применяли в качестве удобрения (в незначительном количестве), строительного материала, но главным образом — для отопления. В безлесных степях такое топливо было необходимо, употребляли все виды навоза — коровий, конский, овечий, смешанный; для каждого дела какой-то конкретный вид оказывался наиболее удобным. Для отопления предпочитали овечий — он имел высокую калорийность (знатоки сравнивали его с антрацитом!), а наименее пригодным считался коровий. В бедных крестьянских хозяйствах, имевших немного скота, навозным топливом так дорожили, что употребляли его только по воскресеньям, по праздникам или для выпечки хлеба.

Технология изготовления навозного кирпича несложна, но занимает много времени. В течение всей зимы собирали навоз в определенном месте, складывали аккуратно в кучу, чтобы он не слежался и хорошо перегорел. Весной (в мае), когда уже закончились посевные и посадочные работы, а уборка хлеба еще не началась, занимались изготовлением кирпича. На ровном месте (чаще всего на току), застланном соломой, разбрасывали перегнивший за зиму навоз слоем примерно в 10 см. Затем эту массу обильно поливали водой и размешивали ногами или же гоняли по ней лошадей (чтобы не было комков). Полученный однородный состав необходимо утрамбовать, чтобы он был «ровный и плотный, как асфальт». Для этой цели использовали силу людей, лошадей, каменные круглые катки для трамбовки тока. Иногда на месте изготовления кирпича устраивали качели, детские игры с мячом. Через 2–3 недели, когда навоз подсыхал, его резали на прямоугольные пластины специальным топором (румейск. *яны*, *ены*, татарск. *пчак*, *тезек пчагы*) или лопатой (румейск. *листер*) и просушивали.

Существовал еще один способ формовки кирпича в специальном станке (*халын*): размешанный перегной набрасывали в деревянную форму из одной ячейки, предварительно смоченную водой. Затем массу утрамбовывали ногами и относили на ровное место, присыпанное соломой для просушки. Вначале кирпич сушили на ребре, образуя из него различные геометрические рисунки, а затем складывали в более крупные фигуры (в круг, крест, треугольник), но так, чтобы между пластинами были просветы, способствующие быстрой просушке кирпича; к осени кирпич высушал, и его

складывали в штабель (румейск. *тызакона*, татарск. *тибень, тезек-тебен*). Штабель накрывали сверху камышом, стеблями подсолнечника, кукурузы так, чтобы они нависали над стенками, а сверху насыпали навоз, землю, пепел. Бока штабеля обмазывали свежим навозом, чтобы кирпич не промокал.

В крупных хозяйствах навоза было много и «тызакона» была больших размеров, например: длина 5 м, ширина 1,5 м, высота 1,5 м. Штабеля навозного кирпича ставили так, чтобы они не мешали — в сарае, во дворе. Если кирпича было много, то из него делали загородки для овец, телят, заборы, а зимой использовали для топки.

Летом из свежего навоза (кизяка), сразу же после выгона коров на пастбище, хозяйки делали круглые лепешки с добавлением соломы (*джатма, джатмайзе*). Они небольших размеров: толщиной 4–5 см, чтобы успели высохнуть за лето. После просушки — как правило, на заборах — эти лепешки становились легкими, быстро воспламенялись и жарко горели.

Еще один вид топлива из кизяка делали осенью — *звалыза*. Это прямоугольная пластина с канавкой посередине, чтобы удобно было переламывать. Примерные размеры его таковы: высота 15–20 см, ширина 20–30 см, толщина 4–5 см. Их ставили на забор в вертикальном положении, перемежая пучками соломы, чтобы пластины не слипались. Зимой они вымерзали, а весной высыхали. Высушив, их складывали в хозяйственное помещение, если же в их использовании не было необходимости, то пластины оставляли на заборе, тем самым увеличивая его высоту.

Землепашество было хорошо знакомо грекам в Крыму, но переход к нему как к основному виду хозяйства, как уже отмечалось выше, был затруднительным в силу не очень благоприятных условий. Но все же этот переход, хотя и медленно, но совершался. Главными культурами стали зерновые (*заире, заре, спура, суры*). В 1817 г. с 5787 десятин земли было собрано 1965 тыс. пудов зерновых, что составляло примерно по 79 пудов на душу населения¹⁷. Со второй половины XIX в. хлебопашество стало основной отраслью хозяйства греков. Значительная часть продукции земледелия (как и животноводства) шла на продажу.

Сеяли просо (румейск. *чихри, чихры, тихри, тахры*, татарск. *таре, тары*), ячмень (*арпа, кардйар*), овес (*джилан, джулан, илоп, ждопан*), рожь (румейск. *мизик, мизить*, татарск. *чавдар*), позже — яровую пшеницу (румейск. *стар, ситар*, татарск. *богдай*), которая до начала XX в. оставалась основной зерновой культурой¹⁸. Сеяли также фасоль, полбу, гречиху и немного кукурузы (*фарта, фартыс, фрага*) (после неурожайного 1921 г. ее оценили как хорошую замену хлебных злаков). Из технических культур возделывали лен (*склы*), коноплю и табак. В Екатеринославской губернии именно греки Мариупольского уезда были известны как табако-

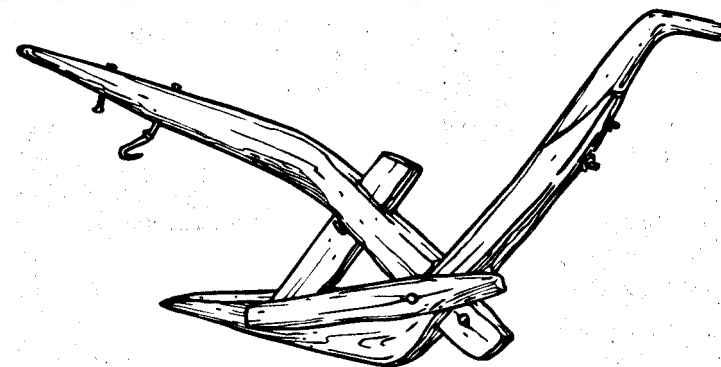
воды; следовательно, они сумели перенести хозяйственные навыки, приобретенные в Крыму, в новую для них географическую зону.

Поля, предназначенные для распашки под зерновые, не удобряли, так как единственного известного вида удобрения — навозного перегноя, собранного в индивидуальном хозяйстве, не могло хватить для удобрения обширных посевных площадей. В целях повышения урожайности применяли переложную систему земледелия: землю в течение нескольких лет использовали под посев, а затем она определенное время служила пастбищем. Общественное пастбище (румейск. *талаха*, явно от укр. *толока*) эксплуатировали год или два, за это время земля получала естественное удобрение, скот не давал траве вырастать; восстанавливалось плодородие почвы, на данном участке вновь сеяли хлеб, а толоку переносили в другое место.

Навоз в качестве органического удобрения греки применяли на огородах. Его запахивали в землю или добавляли в лунки при посадке овощей¹⁹.

В середине XIX в. землю пахали безотвальным однозубым ралом, влекомым 2–4 волами или 4–6 лошадьми²⁰ (на крымскорумейском *алетри, алэтр, алетир*, на крымскотатарском *сабан*). Его полоз и рукоять были сделаны из одного куска дерева, грядиль прикреплялась к рукояти очень низко, почти у самого полоза. На полоз почти в горизонтальном направлении насаживали железный лемех (румейск. *ины*, татарск. *самар-домыр, тюрень*). Для боронования вспаханного участка использовали пук веток колючего терновника. Позже появилась деревянная борона с железными зубьями местной кузнечной работы, ее называли по-русски «борона» или искиженно «буруна».

Посев производили ручным способом: через плечо работника висел холщовый мешок (румейск. *сакул*, татарск. *чувал*), укрепленный так, что устье

Однозубое рало

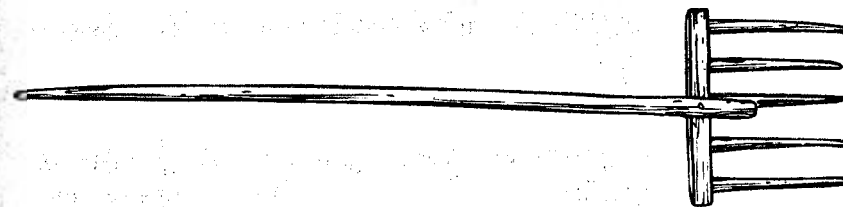
его приходилось под левой мышкой. Сеяльщик правой рукой захватывал горсть зерна и широким взмахом рассыпал его. Работа эта требовала большой сноровки: ритм шага и взмаха руки должны были совпадать, чтобы всходы колосовых оказались ровными.

Серпом (румейск. *фирестер*, *търистер*, *спристерья*, татарск. *орак*) жали только рожь, стараясь срезать пониже и сложить ровные снопики, потому что ржаную солому использовали для покрытия крыш. С распространением черепичного покрытия серпы перестали применять. Вручную колосовые убирали косою (румейск. *чаму*, *чалгу*, татарск. *хол чалгы*). Для того чтобы колосья ложились в ровные валки, применяли специальное приспособление, называвшееся по-украински *лучек*: от косовища к полотну привязывали тонкую лозу, согнутую дугой. Колосья связывали в снопы и складывали в маленькие копны (румейск. *дъимат*, татарск. *басм*), потом по 5–7 их соединяли в копну покрупнее (румейск. *аширона*, татарск. *черек*, *чебен*, *скирта*).

Скошенный хлеб свозили на ток на больших длинных повозках *араба* (имели 9 аршин в длину, 3,5 аршин в ширину). Главными тягловыми животными были волю, в меньшем числе — лошади.

Открытый круглый ток — это примечательное устройство, известное по всему Средиземноморью: круглая тщательно утрамбованная площадка, которую перед началом молотбы поливали водой и прикатывали катками; посередине — столб, к которому на длинной веревке привязана одна или две лошади (иногда употребляли и других животных, например волов). Двигаясь по спирали, удерживаемые то раскручивающейся, то закручивающейся веревкой, животные копытами вытаптывали зерна из колосьев. Прибегали и к орудиям — с середины XIX в. Греки Мариупольщины на своих расположенных по традиции в конце усадьбы токах (румейск. *алон*, алун, татарск. *арман*) впрягали лошадей в молотильный каток (румейск. *алуны хая*, *алуни петри*, татарск. *арман таш*). Это был массивный цилиндр, снабженный 6–9 ребрами. Их изготовляли сельские мастера (среди них славились специалисты из с. Бешево), отливая из новороссийского цемента и прибавляя в раствор кремневую крошку. В толщу катка вдельвали металлический стержень (*чоп*), к которому крепили постромки упряжи.

Солому и полову сгребали на края тока трехзубыми или пятизубыми деревянными вилами (румейск. *дикро*, *глимитер*, *цахал*, *цахаль*, татарск. *сенек*, *ючпармах*, *мешпармах*, *башпармах*) или деревянными граблями (румейск. *тырнавуч*, *тырнауч*, *тернавуч*, *тырмыч*, *гунфаня*, татарск. *гулфан*). Местные русские мастера продавали на ярмарках вилы, изготовленные из определенных сортов дерева, изогнутые нужным образом (для чего деревянные заготовки предварительно распаривали). Центральный стержень и рукоять составляли одно целое, боковые зубья прибавляли гвоз-

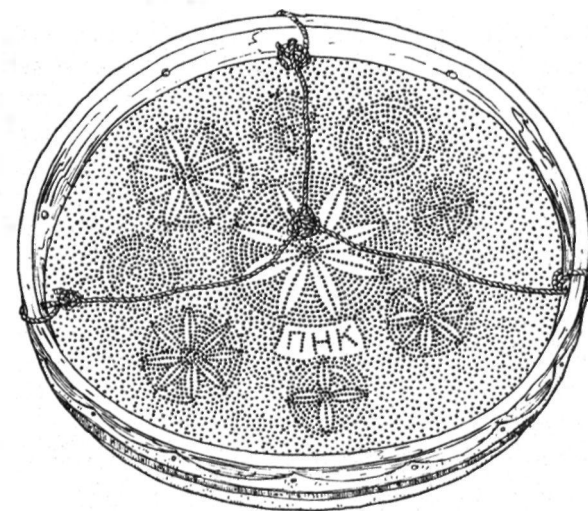

Самодельные вилы

дями или привинчивали винтами; чуть ближе к концам все зубья соединяли деревянной планкой, пропущенной в прорез центрального зуба и в пазы боковых. Сами крестьяне делали более простые вилы: зубья прибавляли гвоздями к поперечному бруску, насаженному на центральный стержень. Деревянные грабли также умел делать каждый крестьянин.

Часть соломы измельчалась теркой (румейск. *машери тахта*, зачастую именовали по-русски «терка»). Она представляла собой плоскость трапециевидной формы, сбитую из ольховых или буковых досок, передний край ее был слегка приподнят и загнут, как у салазок, на нижнюю поверхность забиты гвозди кузнечной работы. Такие орудия изготовляли местные плотники. Измельченная теркой солома шла на корм лошадям.

Зерно провеивали вручную в несколько приемов: подбрасывали лопатой или пяти-семизубными вилами с тем, чтобы ветер отнес легкие зерна сорняков и прочий мусор, потом подбрасывали ведрами, потом пропускали через сито.

Сито

Сита эти, которые на румейском языке назывались *кузал*, *гузал*, *кошкуну*, а на татарском *елек*, *бью елек*, *арман кёс*, были примечательным приспособлением: на деревянный обод высотой в 10–12 см и диаметром в 1–1,5 м натягивали сыромятную кожу, в ней протыкали дырочки разной величины. Обычно в хозяйстве имели несколько сит с дырочками разного размера. Их подвешивали во дворе к специальной треноге, или просто на суку дерева, или же в сарае под балкой. Кругообразными движениями раскачивая сито, добивались того, что мелкие семена проскакивали через дырочки, а крупные, годные для будущего посева, выбирали из сита руками. Затем отсеянный материал пропускали через сито более мелкое и т. д.

Ток был не только рабочим местом в страду, но и удобной площадкой для спортивных состязаний. На больших общественных токах сходились соперники в традиционной борьбе, которая и сейчас очень популярна на Мариупольщине. В странах Балканского полуострова ток тоже служил местом общего схода, например для проведения общественных празднеств. В этой связи интересно припомнить, как в византийской эпической поэме о жизни и подвигах Дигениса Акрита сообщается о его поединке с Хароном — демоном смерти: «И вот на мраморном току сошлись они, сразились». В некоторых вариантах эпоса стычка происходит на «медном» или «железном» току. В действительности не было этих рабочих площадок, вымощенных мрамором или полированным металлом. Разгадку этого странного образа можно найти в словарях древнегреческого языка: «мрамор» имеет два значения — «твердый» и «сияющий». На крымскорумейском языке *мармаромен алон* означает «утрамбованный ток» (то есть именно твердый, крепкий). В некоторых местах в жидкую политую водой землю перед ее утрамбовкой сыпали мелко нарезанную солому. После высыхания площадка, в поверхность которой была вбита солома, ярко блестела на солнце. В современном греческом языке *μαρμαρυγή* — «сверкание», «сияние», глагол *μαρμαράω* — «сверкать», «искриться», «поблескивать». Итак, герои акритского эпоса сошлись для поединка на твердом, блестящем току. В данном случае мы встретились с ошибками переводчиков, не знакомых с реальными вещами, среди которых жили герои литературных произведений²¹.

На усадьбах зажиточных крестьян для хранения зерна строились амбары. Эти деревянные сооружения обходились недешево, так как за лесом приходилось отправляться на лесные склады в Мариуполь, Хлебодаровку, а иногда и в соседние губернии. Амбары сооружали из толстых просмоленных досок срубной или закладной техникой. Все строение было приподнято над землей на больших камнях или же на столбиках кирпичной кладки. Пространство под полом амбара хорошо проветривалось, что защищало зерно от сырости, а также предохраняло от проникновения мышей. Посередине амбара проходил коридор, справа и слева от него располагались закры-

ма для разных сортов зерна (до 6 отсеков), а в конце находились один или два ларя для муки. Перед передней стеной амбара под стрехой крыши обычно устраивали навес. Там, так же как и в коридоре самого амбара, хранили разную утварь, а летом располагались на ночлег.

Те, у кого не было амбаров, хранили зерно для повседневных нужд на чердаках, а посевное — в ямах. Впрочем, ямными хранилищами пользовались и обладатели амбаров, ибо ямные хранилища имели существенные преимущества: им не грозили пожары, они дешевы, застрахованы от хищений. Принцип земляного зернохранилища основан на ограждении зерна от доступа воздуха, что исключает его прение, обеспечивает длительную сохранность. При хорошем уходе яму можно использовать несколько лет подряд.

Зерновая яма (румейск. *мурси*, *мурсы*, татарск. *уру*, *чхур*, *хуру чхур*) имела форму расширяющегося книзу сосуда «грушевидной» формы глубиной до 1–3 м, шириной не менее 2 м. Ширина горловины от 1,5–2 м в диаметре позволяла человеку спуститься вниз по приставной лестнице (чем уже горловина, тем меньше влаги может проникнуть вовнутрь). В такую яму можно засыпать 20–30 мешков зерна определенного сорта. Требовалось иметь на усадьбе как минимум две ямы — для пшеницы и для ячменя. У среднего хозяина имелось три-четыре ямы, у зажиточного — до десяти.

На сооружение ямы тратили 1–2 недели. Выбирали ровное или возвышенное место с плотным грунтом, чтобы как можно меньше влаги могло попасть внутрь. Глубина горловины зависела от мощности черноземного слоя, ниже которого шло уже собственно тулово, выкопанное в более плотном слое. Готовую конструкцию подвергали тщательной обработке: стены ямы обмазывали глиной, иногда только горловину обмазывали глиной, смешанной с навозом, или же всю яму покрывали этой смесью. После естественной просушки внутри ямы разводили костер и в течение долгого времени (иногда 2–3 недели) обжигали глину, добиваясь водонепроницаемости стенок.

Не только сооружение ямы, но и ее заполнение требовали определенных навыков. Для засыпки зерна в яму было необходимо минимум два человека: один находился внутри ямы, а второй снаружи. Прежде чем засыпать зерно, дно ямы застилали ячневой соломой, а потом сверху сыпали некоторую часть зерна. Затем под стены подкладывали слой соломы и на нее отгребали зерно с середины так, что образовывалось углубление, в которое вновь насыпали зерно. Этот процесс повторялся несколько раз, пока зерно не доходило до горловины. Выше зерна в горловине сооружали пробку из соломы. Таким образом, между стенкой ямы и зерном была еще соломенная прослойка.

В яме идеальной конструкции сооружали бортик из камней, чтобы вода не затекала в хранилище. Затем отверстие закрывали деревянной крыш-

кой, поверх крышки насыпали землю, на нее пепел из навозного кирпича (около 20–30 см), поверх пепла еще один слой земли. Образовавшийся холмик сверху обкладывали камнем, чтобы отметить место и чтобы не разгребали куры. Весной, когда вынимали зерно из ямы, его просеивали, а яму приводили в порядок: очищали отслоившиеся стенки и вновь обжигали перед новым урожаем²².

Таким образом мурси — как бы вылепленная изнутри глиняная емкость. Она живо напоминает те огромные пифосы, в которых во времена Древней Греции перевозили зерно, вино и пр. Пифосы различных размеров были в обиходе у населения греческих колоний Причерноморья и Приазовья. Иногда их зарывали в землю, получалось нечто вроде погреба. Именно в таком погребе и мог жить знаменитый Диоген — философ из Синопа (IV в. до н. э.), принадлежавший к школе киников, которые возводили в добродетель пренебрежение удобствами обыденной жизни и даже нормами человеческого общежития (отсюда наше понятие «циник», «цинизм»). Подавая пример своим единомышленникам, Диоген вел самый примитивный образ жизни, поселившись в лежавшем на поверхности или зарытом в землю пифосе. Переводчик древних текстов называл это обиталище «бочкой», хотя таковая деревянная тара была изобретена только в средние века. Не задумываясь об истинном значении слов и понятий, мы употребляем это ошибочное речевое клише — «Диоген жил в бочке».

Зерновые ямы были в обиходе у татар в Крыму. Они назывались *оруз*, откуда, очевидно, и происходит название *уру* у татароязычных греков Приазовья. Земляные ямы обкладывались изнутри соломой, предохранявшей зерно от сырости. Кроме того, в ямах зерно сберегалось от разграбления при вражеских набегах²³.

Чрезвычайно интересно сравнить эти зернохранилища с резервуарами, обнаруженными в пещерном городе Бакла к югу от Симферополя. Эти углубления выдолблены на поверхности скалы в известняке в северо-восточном углу древнего поселения. Вокруг их круглой горловины выдолблен желобок для отвода воды, они прикрывались сверху плотно камнями. Некоторые из резервуаров в точности повторяют амфорообразную форму мурси, другие имеют вид горшка с широким плоским дном, такие горшки и медные сосуды известны среди домашней утвари народов Восточного Средиземноморья. Исследователи полагают, что эти углубления могли служить для хранения зерна (или воды)²⁴. По всей вероятности, зерновые ямы приазовских греков продолжают традиции зернохранилищ Крыма, которые в свою очередь заменили зарытые в землю пифосы.

Зерно, хранившееся на чердаках или в амбарах, по мере надобности отправлялось на мельницы для помола. В греческих селах, как и по всей Украине, соорудились стержневые мельницы («столбовки», иначе говоря, —

столбовой конструкции): при повороте в сторону ветра поворачивался весь корпус мельницы²⁵. В 1794 г. во всем Мариупольском уезде насчитывалось всего 60 мельниц, из них ветряных и водяных 40, земляных 20.

В 1816 г. в Мариуполе действовало 2 водяных и 3 ветряных мельницы, в селах — 65 водяных и 105 ветряных и земляных мельниц²⁶.

В последующие времена, когда земледелие приобрело больший удельный вес в хозяйстве, стали устанавливать по несколько мельниц в каждом селе (например, в 1885 г. в с. Большой Янисоль было уже 17 ветряных мельниц, в Каране — 6²⁷). Естественно, что в степном крае преобладали ветряные мельницы (румейск. *анему милар*, татарск. *джерльдермен*), но были и водяные.

Иногда в домашнем хозяйстве требовалось на скорую руку обдирать крупу — просяную или пшеничную — в ручных деревянных ступах (румейск. *ступак*, *гудъы*, *гли*, *гви*, татарск. *докюч*, *дѣгѣч*, *аван*). Ступу вырезали из одного куска мягкого, хорошо поддающегося обработке дерева — вербы. Пест делали из твердых пород.

В таких же ступах, но металлическим пестом резали табак. Табаководство в ту пору было специфическим занятием мариупольских греков²⁸.

Интересно, что мариупольские греки, предки которых, живя в горных зонах и на побережье южного Крыма, разводили сады и виноградники, в Приазовье товарным садоводством не занимались. Некоторые для домашних нужд сажали фруктовые деревья: летние и осенние сорта яблок, груши, черешни, сливы²⁹. В языке румеев сохранилось тюркское наименование сгущенного фруктового сока — *пекмес*, *бекмес*, *банмоз*. Так необходимость приспособляться к новым природным и социальным условиям повлекла за собой потерю хозяйственных традиций.

В 1814 г. у жителей Мариуполя было 6 садов, в том числе один виноградный, в котором росло 100 кустов. В 22 греческих селах к этому времени было разбито 40 садов. Особо надо отметить образцовый сад Леонтия Калери в Мариуполе, где были посажены различные фруктовые и тутовые деревья (для выкармливания шелкопряда), виноград³⁰. В хозяйстве Калери в 1817 г. было получено 5 фунтов коконов. В других населенных пунктах этот вид хозяйства не привился, несмотря на усилия администрации насадить тутовые деревья и развить культуру шелкопряда³¹.

Рыболовством занимались по берегам рек и на морском побережье³². Пользуясь правом беспощинно заниматься этим промыслом (согласно указу Екатерины II от 21 мая 1779 г.), мариупольские купцы и мещане, а также крестьяне создавали в окрестностях города и на косах рыболовецкие «заводы». В 1794 г. таких заводов было 28, в 1814 г. — 36³³. Рыбу потребляли не только свежей, но и солили, вялили, готовили икру и балыки, вытапливали рыбий жир, делали рыбную муку. Преобладал весенний лов. Рыбы

было много — и речной и особенно морской: рыбец, скумбрия, сула, красная рыба, сазаны, тарань, бычки и т. д. Из всех видов рыб только рыбец, красная рыба, скумбрия и сула поставлялись на внешний рынок, остальная же потреблялась местными жителями.

Система питания была естественным образом связана с направлением хозяйства³⁴. Много готовили блюда из мяса, особенно — из баранины. Мелко нарезанные кусочки баранины обжаривали в собственном соку (называлось это блюдо *кавурма*) или же баранину варили с головками лука и чеснока (*стуфатъ*); суп из баранины, заправленный пшеном и луком, служил ежедневной пищей; мелкие кусочки этого мяса, хорошо обжаренные в специальном чугуне и залитые жиром, заготавливали впрок (*хаурма*), его вялили на солнце (*хаха́ч, какъц*), подготавливая начинку для колбасы (*хахач*), солили в бочонках на зиму. Готовили также блюда из говядины, ее тоже засаливали впрок. Многообразны рыбные блюда из свежей и соленой рыбы. Мясо, рыба, молоко, мука — вот основные компоненты греческой кухни в первые десятилетия жизни в Приазовье. С развитием земледелия, расширением приусадебного хозяйства, огородничеством как подсобным домашним занятием, укреплением торговых связей, более оживленным общением с соседями в пищевой рацион включались новые элементы, на столах появлялись новые блюда.

Остается характерной чертой изобилие мучных блюд. В ту пору гречанки сами пекли хлеб (употребляя вместо дрожжей закваску). Его дополняли всевозможные пироги и выпечка. Среди них известны *тушут, виргуны, салма, чилтер, пити*. Мучные изделия являлись и основной едой, и лакомствами. Например, род пельменей амурдолма обжаривались на сале с луком и заливались кислым молоком, *фултб (филито)* — это свернутые в трубочку листки теста, смоченные в растопленном овечьем сале; *хашихах* — тонко нарезанная лапша из круто замешенного пресного теста; *лухум* — фигурно нарезанные кусочки теста, выпеченные в духовке и облитые соусом из тертого чеснока, соли и растительного масла. Известны искусным хозяйкам и другие подобные блюда. Обращает на себя внимание обильное употребление чеснока, перца, других острых приправ, большое количество соли, преобладание жарения на жиру над варкой, тушением и т. д.

Из молока делали сыр, употребляли *каймак (хаймак)* — пенки, снятые с топленого молока (сладкое угощение), и оригинальный напиток *арьян* (род кислого молока), он подавался к столу с пшенной кашей, а летом, разбавленный водой и охлажденный, служил прохладительным напитком (*айязмо*).

Крупы и разнообразные бобовые, овощи давали простор для кулинарной фантазии: пшенная каша употреблялась почти ежедневно (она же приобретала символическое значение на жертвенном пиру *панайре*), из греч-

п (*тарахана*), рисовую кашу, сваренную на молоке, подавали в виде ладкого блюда, предварительно остудив и посыпав корицей (*ризоглау*). *Сарве* — разваренная фасоль с уксусом и маслом, *ахчачих* — фасолевый суп с квадратиками тонко раскатанного теста, горох, чечевица, тыква и другие овощи разнообразили стол. Приправы — лук, чеснок, перец и другие — употреблялись в обязательном порядке и отличали вкусы греков от соседствующих славян. К этому надо добавить различные соленья: засаливали не только перец и огурцы, но и арбузы и дыни.

Сласти приготавливали преимущественно из теста, снабженного всевозможными сладкими приправами, в которых кроме сахара присутствовали компоненты местного (огородного или дикорастущего) происхождения. Примером может служить *хатмер* — трубочка из слоеного теста, посыпанная сахаром или облитая медом; крендели или свернутые в трубочку выпечки называются *коргин, олуто*. Лакомством считались не только сладкие изделия: *кобетэ* (татарск.) или *каланда-шмуш* (румейск.) выпекалось в духовке, изготовлялось из слоеного теста, начиненного мясом, бараниной, курятиной, смешанными с рисом и приправами, или же со сладким кабачком, тыквой. В названии этого угощения отложилось наименование новгородне-рождественских обрядов — *каланда*, это позволяет предположить, что в прошлом оно приурочивалось именно к праздничному столу.

В некоторых местах для подслащивания блюд употребляли местное растение — солодку или лакричник, корень которого имеет приторно-сладкий вкус³⁵.

Домашним способом из обычных в хозяйстве продуктов приготавливали род печенья *курабз* из муки, сахара и жира; *хуля* (халва) из поджаренной муки и растопленного сахара, уже упоминавшийся сгущенный сок, частично фруктовый, но преимущественно арбузный (*пекмес, бекмес, банмаз*).

Оригинальный напиток *бузъ* — слабоалкогольный напиток из проса, готовился обязательно к *панаиру* — традиционному общественному обеду жертвоприношения. Напитком служил сок вареной баранины *сюрна* (его подают на второй день свадебного торжества, очевидно в медицинских целях после обильного возлияния спиртных напитков). Обычные спиртные напитки — водка (*раху*) и вино (*краси*).

Тесное культурное общение с татарами в Крыму дает себя знать и в системе питания. Например, *чирчирья* или *чебуреки*, которые ныне считаются греческим блюдом и сопровождают праздничное застолье (а также входили в обыденный рацион чабанов), заимствованы от татар (в отличие от татарских греческие несколько меньших размеров и сочнее). Плов (*пилъв, пилаф*) — тоже восточное блюдо, оно стало праздничным и подавалось к свадебному столу.

Наблюдатели над бытом крымских греков в XIX в. отмечали их склонность к «сухоядению» — малому количеству супов и вареных блюд³⁶. Кажется, это наблюдение можно отнести и к грекам Приазовья, во всяком случае, к той части системы питания, которая считается традиционной для них. В настоящее время в их меню вошло множество украинских и русских блюд, в том числе и традиционный украинский борщ.

Ритуальные блюда приазовских греков не отличаются от таковых, применяемых среди греческой диаспоры Причерноморья, и от традиций жителей балканской Греции. Коливо (*кблво*), аналогичное русской кутье, готовят из пшеничных зерен (со временем их начинают иногда замешать рис), приправляют изюмом, орехами и другими сладостями. *Коливо* (иногда жидкое, как суп, или же густое, как каша) — ритуальное поминальное блюдо. Оно фигурирует в погребальном ритуале, на поминальном столе, в дни поминовения мертвых и т. п.

В день главного православного праздника — Пасхи пекли специальные пшеничные калачи *псалтыри* с изображением креста посередине. В подарок детям к этому дню выпекали фигурные печенья: «коса», «лошадка», «зеркало» (татарск. *саач, ат, гюзю*) и т. п.³⁷

Кухонная и прочая домашняя утварь в первое время преобладала медная, которую требовалось время от времени лудить. Это отнюдь не греческая бытовая специфика: медная утварь преобладала по всему ареалу Восточного Средиземноморья³⁸. Постепенно в быт входили металлические предметы кустарного и фабричного производства, украинская глиняная посуда и т. п.

Хотя греки в бытовом отношении жили весьма изолированно, но на их жизнь не могло не влиять пестрое иноэтническое окружение. Особенно это касается хозяйств и материального быта, так как каждая этническая общность имела в этом плане свою специфику. Обмен этими специфическими хозяйственными навыками постепенно становился все более постоянным и оживленным.

Основой хозяйства немецких колонистов было хлебопашество (озимая пшеница с применением севооборота, черных паров), в качестве дополнительных занятий — овцеводство, однако в меньших (по сравнению с греками) размерах, свиноводство, разведение домашней птицы³⁹. В быту немцы отгораживались от других этнических групп: обосновывались почти всегда отдельными селами; проезжавшие и проходившие через них путники с удивлением рассматривали их большие дома, окруженные заборами, деревянную обувь, надетую поверх толстых шерстяных носков; их замкнутые лица не располагали к общению. Немцы почти никогда (за малым исключением) не вступали в браки с людьми других национальностей. Редко возникали дружеские отношения в среде молодежи даже близко друг от друга

расположенных сел. Однако обмен хозяйственными навыками, естественно, происходил: греки перенимали от немцев более передовые навыки животноводства, разведения свиней и домашней птицы. От них же усвоили приемы посевов озимой пшеницы и севооборота (правда, это будет уже гораздо позже, в конце XIX в. или даже в начале XX в.). У немцев приобретали транспортные средства, а позже, с развитием механизации, — и некоторые сельскохозяйственные машины.

Товарным огородничеством греки не занимались, овощи покупали у болгар, для которых это занятие было одной из статей дохода: они снабжали овощами и города, и села (основным же делом для них было хлебопашество). В тех редких случаях, когда греки брались за выращивание овощей на продажу (например, в приморском селе Урзуф), они нанимали работников-болгар. В бытовом отношении болгары ни с греками, ни с представителями других национальностей не сближались⁴⁰.

На ремесленную деятельность греки смотрели несколько свысока, как на занятия второго сорта. Признавали только те ремесла, которые были связаны с овцеводством: мужчины обрабатывали шкуры, шили из овчины шапки, всевозможные шубы, полушубки и безрукавки, изготавливали из кожи постолы для домашнего обихода. Женщины обрабатывали шерсть: пряли и красили ее, изготавливали ковры, дорожки, ткали материю разных сортов, плели пояса, вязали носки и другие предметы костюма.

Большинство еврейских колонистов жили в селах и занимались хлебопашеством. Некоторые представители еврейского населения Мариупольщины были ремесленниками и обслуживали бытовые нужды городского и сельского населения. В частности, портные ездили по селам, работали на дому у заказчиков, получая за работу деньги и питание; хозяин в эти дни кормил и подковывал лошадь портного. Шили они по большей части мужские костюмы и верхние рубашки (одежду для повседневной носки и белье крестьянки обычно шили сами). Некоторые евреи занимались мелкой торговлей вразнос. Живя в греческих селах, как правило, на их окраинах, евреи более активно, чем немцы, вступали в общение с сельчанами.

Жители местных украинских сел были земледельцами по преимуществу. Будучи менее обеспеченными землей, чем первопоселенцы, они зачастую вынуждены были батрачить в хозяйствах зажиточных греков и немцев, жили у них на усадьбах (а позже и на хуторах) по нескольку лет. Обычно нанимались на летний сезон: с весны до Покрова, иногда работника оставляли на зиму с тем, чтобы он кормил скот, особенно если хозяину случалось отлучаться по торговым или иным хозяйственным делам (в греческих семьях, в отличие от украинских, женщины за скотом не ухаживали). Впрочем, среди греков тоже были малоимущие, которым приходилось наниматься в работники к своим зажиточным односельчанам.

Женская прислуга в богатых греческих домах была из среды местных украинцев, частично из пришлых русских. Греческие девушки, даже из очень бедных семейств, в услужение не нанимались.

Русские прибывали на Мариупольщину в качестве ремесленников-отходников и сельскохозяйственных рабочих. Частично они оседали в греческих селах на долгий срок или навсегда. Артели русских строителей и других специалистов различных ремесел особенно часто посещали приазовские края уже в более поздние десятилетия — ближе к концу XIX в., в период экономического подъема Новороссии. В первые же десятилетия жизни в степях греки, как и другие жители этих мест, старались в домашних нуждах обходиться своими силами.

Итак, жители Мариупольского уезда, принадлежавшие, — как это было характерно и для всей Новороссии, — к разным этническим общностям, вступали между собой в связи самых различных направлений и характеров. Они возникали спорадически, развивались медленно в течение XIX в. и достигли сравнительно большого оживления лишь к началу XX в.

Хозяйственные связи заключались прежде всего в обмене продукцией производства, методами и способами работы в сельском хозяйстве — ведь направление хозяйственной деятельности каждой из этнических групп определялось традициями, сформировавшимися в родных местах до переселения на Мариупольщину. Сюда же надо отнести и торговые связи: встречи производителей сельскохозяйственной продукции и торговцев-предпринимателей, ремесленников и их клиентов на еженедельных базарах и больших ярмарках, сыпных пунктах, лесных биржах, в городских лавках. Социальная сторона хозяйственных связей заключалась в упомянутом выше найме рабочей силы.

Личностные связи сопровождались взаимным знанием языков: в торговых делах, в ярмарочном многолюдье жители разных национальностей умели столкнуться друг с другом. Постепенно, хотя далеко и не сразу, языком общения становился русский. Разумеется, мужчины знали его лучше, чем женщины.

Бытовые связи, как не раз уже упоминалось, были довольно ограниченными, особенно в первые десятилетия после переселения. Греки кое-что перенимали у своих соседей, например рациональные формы планировки жилого дома и организации усадьбы, выработанной немцами. Шло очень постепенно внедрение в домашнюю жизнь общих для всех предметов быта по мере расширения ярмарочной и городской торговли вещами фабричного производства.

Значительно слабее были связи семейного и общественного характера. Межэтнические браки были очень редки, о них можно говорить лишь по отношению к первым десятилетиям XX в. Общественная жизнь каждого села

оставалась замкнутой внутри своих границ. Общественной жизнью колонистов заправлял Греческий суд в г. Мариуполе.

Села были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, индивидуальное крестьянское хозяйство в значительной мере обеспечивало нужды семьи, в торговые операции были вовлечены в первое время немногочисленные группы колонистов, но главными причинами изоляции были, во-первых, психологические барьеры — к «чужакам» относились с опаской, а во-вторых — языковые: при такой бытовой изоляции те сельские жители, которые не были втянуты в торговые операции, медленно осваивали языки друг друга.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ НА СЕЛЕ

Устройство жизни на новых местах поселения требовало от колонистов немалых усилий: традиции прежней жизни по необходимости дополнялись навыками, приобретавшимися по мере освоения степных пространств Приазовья и приспособления к климату, а также заимствованиями из культурного арсенала соседей (украинцев, немцев, русских) и из российских городов. Эти три источника формирования нового культурного комплекса четко проступают при рассмотрении особенностей и исторической трансформации жилого дома⁴¹.

При возведении построек на новом месте переселенцы, учитывая предыдущий опыт, использовали наиболее жизнеспособные элементы, отбрасывали устаревшие, отжившие принципы домостроения, применяли методы и материалы, известные местному населению и оптимальные в данных природно-географических условиях. Местные жители хранят воспоминания о трудностях, выпавших на долю греков в первые годы их переселения в Приазовье. Так, в селе Куйбышево (Малая Янисоль) рассказывают о том, что первую зиму переселенцы провели в пещере, специально устроенной для этой цели. Этот факт не покажется удивительным, если вспомнить о традиции пещерного градостроительства в Крыму. По рассказам жителей села Раздольное (Каракуба, Кара-Коба, Аргын), первыми жилищами их предков в Приазовье были шалаши подобные тем, которые в наше время сооружают на огородах и в садах.

В настоящее время в современных селах сохранились жилища конца XIX — начала XX в., а конструкцию и планировку более ранних построек можно восстановить по описанию информаторов. Так, шалаши представляли собой очень простые по конструкции и строительному материалу сооружения. Их строили на земле: вкапывали в грунт 4–5 пар стропил высотой чуть более двух метров на расстоянии 70 см друг от друга, затем на стропила набивали ветки, поверх которых настилали толстый слой камыша и по-

крывали его землей. Отопительного устройства в шалашах не было. Пищу готовили на улице.

Более сложную конструкцию представляет собой шалаш, поставленный над глубокой ямой. Вдоль длинных стен помещения оставляли один или два уступа земли, которые использовали как лежанки.

Естественно, что в разных зонах греческого расселения преобладал тот или иной строительный материал: его выбор диктовали природные условия, а они были весьма различны на этом сравнительно небольшом пространстве.

Первые постоянные жилища греков в Приазовье были простыми по конструкции сооружениями, они назывались *землянками* (греки произносят это название с ударением на последнем слоге), их конструктивная особенность — отсутствие потолочного (чердачного) перекрытия, двускатная крыша, засыпанная землей, золой, обмазанная глиной. Они были или несколько углублены в землю, или же не углублены, но при этом не имели фундамента, т. е. были поземными жилищами.

Стены землянок возводили из плетня, камня, дерна. Последний был наиболее простым подручным материалом. Из его больших пластов (примерно 30 × 30 см) складывали стены иногда над прямоугольным углублением, иногда же прямо на поверхности земли. Двускатная крыша из тонких стропил, обмазанная сверху глиной, опиралась непосредственно на стены. Землянки были достоянием отнюдь не только греческой домостроительной практики: азовские казаки, например, и другие жители южных степей возводили точно такие же.

Землянки имели двух- или трехкамерную планировку, включающую жилое помещение (иногда из двух комнат), кухню, сарай. Именно такая конструкция жилищ возродилась и нашла широкое применение в Приазовье в середине XX в.: в разоренных войной селах подобная техника давала существенную экономию строительных материалов и не требовала многих рабочих рук. Постепенно оправляясь от бедствий военного времени, крестьяне стали возводить более основательные дома. Землянки остались единицами, используемыми как подсобные помещения.

Другим подручным материалом служили вербная лоза и камыш. Едва ли не большая часть построек возводилась каркасной техникой. Каркас состоял из вертикальных деревянных стоек и прибитых к ним горизонтальных, иногда вертикальных перекладин, заплетенных лозой или камышом (камыш привязывали пучками с обеих сторон каркаса и обмазывали глиной) или же обитых дранью. Дома, каркас которых с внутренней и внешней стороны обивался дранью, расположенной наискось (образовавшиеся между дранью ячейки заполнялись глиной), назывались «дранковыми». Их стены тоже и снаружи, и изнутри обмазывались глиной и белились.

Каркасные дома с плетневым заполнением были известны грекам, так же как и другим жителям Крыма. Такое жилище было в традициях среди населения довольно широкого ареала степного и лесостепного Причерноморья, включая и некоторые украинские области⁴². Б. А. Куфтин дал подробное описание конструкции таких построек и проследил ареал их распространения. Главной опорой служат два врытых в землю, в середине узкой (поперечной) стороны дома, довольно толстых деревянных столба с развилкой наверху, на которые настиляется длинная слега, являющаяся гребнем крыши. Она подпирается для устойчивости еще такими же снабженными развилками столбами у внутренней стены дома. Сверх нее настилаются на расстоянии 75 см друг от друга значительно более тонкие стропила, которые нижними концами выходят за край продольных стен, образуя навес крыши, иногда подпираемый рядом врытых в землю стоек. Подобного рода стойки ставятся также снаружи около глинобитных стен, особенно по углам дома, и врезаются в проходящие вдоль горизонтальные слегы, образуя основной горизонтальный каркас дома⁴³.

Б. А. Куфтин с полным основанием полагал, что глинобитные землянки сменили более древние постройки с плетневыми стенами, «при которых описанная конструкция, снимающая со стен опору крыши, является наиболее естественной»⁴⁴. Такие постройки он наблюдал в Крыму, отметил их распространение в восточных областях Украины, а также на Балканском полуострове — в Сербии около Косова Поля⁴⁵. Сведения Б. А. Куфтина о плетеных стенах из камыша в Бессарабии, Приднепровье и Припрутье⁴⁶ также находят подтверждение в этнографических документах.

Не менее широкое применение в степной зоне находила глина. Из смеси глины с соломой или половой (румейск. *пило*, татарск. *чамур*, *балчих*) складывали стены домов; ею же обмазывали стены каркасной конструкции и даже рубленые деревянные дома. Для кладки стен готовили саманный кирпич: набивали в деревянную форму глиняно-соломенную смесь, потом выколачивали ее на землю, полученные ровные кирпичики высушивали на солнце. Зачастую в замес добавляли навоз (предпочтительно конский: его консистенция дает большой связывающий эффект): такая масса не растрескивается. Заготовив вблизи ямы, где замешивали раствор, достаточное количество кирпичей, везли их к месту строительства. В описываемое время такая техника не была распространенным приемом. По большей части кладка из сырцового кирпича получила широкое применение позже, в середине и во второй половине XIX в., когда в эти хлебные места стали приезжать артелями русские мастера; они были специалистами такого рода строительной техники.

Довольно широко в качестве строительного материала использовали «кирпич» из навоза (предпочтение отдавали овечьему — он более плотный).

Его применяли для утепления пола, потолка в жилых и хозяйственных постройках, для различных подсобных сооружений (сараев, курятников, свинарников, загоронок) и заборов. По мере необходимости такие сооружения разбирали, чтобы использовать кирпич как топливо⁴⁷.

Местные жители собственными силами возводили по большей части так называемые «вальковые» дома, стены которых складывали из вальков глины, смешанной с соломой⁴⁸.

Строительство дома (румейск. *спит*, татарск. *ев, уй*) и его отделка требовали кооперации многих рабочих рук. Взаимопомощь (румейск. *файда*, татарск. *ердым*, употребляли также от искаженного украинского *талáха*) была одной из характерных сторон общественной жизни на селе. В большую яму, вырытую до слоя подпочвенной глины, залитую водой с подсыпанной туда же рубленой соломой или половой, загоняли лошадей или волов. Сидя верхом, мальчишки, молодые мужчины гоняли лошадей по кругу с тем, чтобы они месили ногами вязкую массу. Женщины и мужчины брали эту массу руками, формовали в вальки, а строгие, важные старшие мужчины укладывали их горизонтальными рядами на поднимающиеся стены. Возведя определенную часть стены, объявляли перерыв, чтобы кладка могла просохнуть на солнце, осесть и быть готовой к укладке следующей порции. За это время старшие женщины семьи и их добровольные помощницы успевали приготовить обильное угощение для работавших. Угощение было единственной «платой», которую допускала этика сельских общественных отношений: ведь каждый, помогавший соседу, понимал, что завтра он сам, может быть, будет нуждаться в помощи.

В XIX в. кое-где воздвигались срубные дома из деревянных пластин, концы которых соединяли в замок или прибивали к столбам. По мнению О. Р. Будины, такие дома могли в Крыму почитаться за лучшие, престижные постройки. По сообщению Б. А. Куфтина, дома из толстых досок, сложенных срубом, строили в районе Бахчисарая, а О. Р. Будина обнаружила их в селах Богатырь, Камар и Старый Керменчик, которые в свое время заселяли выходцы из сел под теми же названиями, расположенных в районе Бахчисарая⁴⁹.

Греческие колонисты в Приазовье пользовались определенными льготами, жизнь их была в целом довольно обеспеченной (по сравнению с другими этническими группами), — естественно, что некоторые из них могли позволить себе дорогостоящее строительство деревянного дома. Известно также, что в селах Богатырь и Камар были в прошлом и церкви деревянные. Впрочем, срубные дома еще во второй половине XIX в. были явлениями единичными⁵⁰. Применялась и комбинированная техника: жилую часть дома сооружали из досок, а подсобную из плетня. Срубы обмазывали глиной и белили и с наружной, и с внутренней стороны, точно так же как и саман-

ные и плетневые дома. Внешне они не отличались друг от друга. Покрытые двускатной или же четырехскатной (на стропилах без продольной матицы) крышей из камыша, ржаной соломы, а позже черепицы, они близко напоминали украинские хаты южной зоны. Сходство усугублялось плетневыми заборами.

Иной облик имели села северо-восточной части греческого ареала: природный камень, разрабатываемый неподалеку, шел на строительство хозяйственных построек, на кладку фундаментов жилых домов, для оград. В сочетании с сильно пересеченной местностью, расположением крестьянских усадеб над глубокими балками серовато-желтоватые каменные строения под темно-красными черепичными крышами придают селам Старая Ласпа, Стыла, Каракуба (Раздольное) своеобразный вид. Иногда из камня сооружали нижнюю часть постройки, а верхнюю из самана. Старинные постройки покрывали двускатными крышами. Продольные балки (румейск. и татарск. *чырыш, кириш, тириш*) не всегда подпирали столбами, как это было в землянках, описанных Куфтиным. Зачастую три несущие балки опирались непосредственно на треугольные фронтоны торцовых стен, сложенных из дерна или же из смеси глины с соломой (самана); на балки укладывали жерди, а поверх насыпали сучья, сено, солому или землю (поэтому они по-прежнему назывались землянками, хотя и были поземными, т. е. не углубленными в землю)⁵¹. На более совершенных строениях стропила (румейск. и татарск. *махас, махаш*) связывались со стенами дома поперечными балками, причем продольная балка отсутствовала. Эта деталь отличает греческий дом от строений других жителей Северного Причерноморья, в том числе украинцев, зато сближает его с жилищем крымских татар⁵².

Большая часть домов была покрыта соломой или камышом. Ржаные колосья срезали серпом как можно ниже, вымолачивали цепями, солому растлали на земле; смоченная водой и вытоптанная ногами, она становилась мягкой, ее можно было уложить на обрешетке крыши толстым слоем (примерно в 30 см), расчесать, а концы на коньке крыши загнуть и для большей защищенности от влаги залить жидкой глиной. В иных случаях снопики соломы загодя смачивали в глинистом растворе, привязывали соломенными же жгутами к обрешетке крыши рядами, начиная с нижнего края, чтобы каждый верхний ряд прикрывал колосья нижнего ряда. Конек тоже заливали раствором глины или же водружали дощатое покрытие, которое называли *козлик*. Снопики камыша также привязывали к обрешетке (заросли камыша встречались в изобилии по берегам рек, его срезали серпом, а затем высушивали на солнце). Приемы камышового и соломенного покрытия аналогичны тем, какие практиковали украинцы и русские⁵³.

Черепицу стали применять лишь в конце XIX в., и то не повсеместно. Под черепицу делали сплошную опалубку и стелили на доски мелкую, не-

Черепичное покрытие крыши

много смоченную водой солому, чтобы не скользила уложенная на нее черепица.

Подробное описание крыш и других конструктивных элементов жилого дома, относящееся к середине XIX в., целиком заимствованное здесь из работ О. Р. Будины, стало возможным потому, что эти особенности бытовали длительное время и хорошо сохранились в памяти еще нынешних поколений.

Во внутренних помещениях жилого дома несколько особенностей сохранялось столь долго, что прочно вошли в традиции: внутренние стены беленые, обоев крестьянское жилище не знало; потолки (*тава́н*, *таба́н*) дощатые, полы глинобитные (*пам*, *пату*, *бат*). Сочетание дощатых дорогостоящих потолков с земляным полом очень удивляло украинских и русских соседей, для которых показателем достатка были деревянные полы, а не потолки. Сделанные из широких досок хорошего качества потолки служили украшением греческого дома. Они были прямыми или фигурными. В первом случае доски накладывали встык, а во втором между ними оставляли пространство, которое сверху перекрывали вторым рядом досок. Для XIX в. традиционны потолки, где доски настилали поверх квадратных, хорошо обработанных балок. На балках фиксировали важные события в жизни семьи. Так, в с. Гранитное копотью горячей свечи на потолочной балке нарисованы кресты по числу крещеных душ в доме.

В конце XIX — начале XX в. появились подшивные потолки. В домах зажиточных крестьян устраивали оштукатуренные потолки с рельефным орнаментом в центре и по периметру. Такие потолки обычно делали в зале и иногда в столовой. Встречаются жилища, в которых одновременно существовало несколько типов потолков. Например, в коридоре — потолок на балках, в жилой комнате — подшивной, а в зале — оштукатуренный, с рельефными украшениями.

Конструкция чердака в домах с подшивным потолком и потолком на балках была одинаковой. Она зависела от наличия местного строительного материала и традиций, сформировавшихся в данном селе. Наиболее распро-

странены потолки, в которых на доски настилали слой соломы с глиной, заглаживали его, а затем сверху мазали глиной с навозом. Иногда на доски вначале стелили камыш, а уже на него глину.

В греческой среде был распространен способ закладки потолка навозным кирпичом, который потом сверху мазали глиной — такие потолки были легкими и теплыми. В приморском селе Ялта для устройства чердачного перекрытия использовали морскую траву *камку*. Ее стелили на доски слоем в 2–3 пальца, а потом сверху покрывали слоем глины. Здесь же морскую траву подстиляли под черепицу при устройстве крыши.

Полы в греческих домах XIX в. были преимущественно земляные. Глиняная их обмазка, к которой добавляли навоз (предпочитали коровий, так как он хорошо втирался в глиняную основу пола и создавал гладкую поверхность), периодически возобновлялась, обязательно — во время уборки дома перед многочисленными церковными праздниками. Обмазкой добивались не только чистоты, но и прохлады.

Двери (румейск. *пёрта*, татарск. *хану*) и окна (*пенджер*, *яли*, *партъира*) обычно бывали одностворчатыми, на окнах — ставни (чаще изнутри, иногда по примеру украинцев — снаружи). Они летом предохраняли от прямых солнечных лучей, зимой — от ветров. Народный опыт выработал рациональный и комфортный тип дома: летом в нем прохладно, зимой тепло, кухонный угол в стороне от основного помещения (недаром несколько позже его стали отгораживать и превратили в отделенную от жилых помещений кухню).

Весьма удобным приспособлением надо признать галерею вдоль той стены дома, в которой была входная дверь со стороны двора: под нависающей стрехой крыши, подпертой столбами, устраивали земляную площадку (позже — дощатую), приподнятую по отношению к уровню двора (на нее подымались по ступенькам или же просто приставляли большой камень). Галерея (*хандырма́*, *халдырма́*) служила переходным звеном от жилого помещения ко двору, отвечала потребностям хозяйства и быта: на ней можно было поставить стол, повесить умывальник, выполнять различные хозяйственные работы, отдыхать в жаркое время дня, а в плохую погоду на галерее оставляли уличную обувь. Просушивавшиеся под стрехой ярко-желтые початки кукурузы, гирлянды красного перца, пучки заготовленных на зиму трав для кулинарных приправ придавали живописный вид крестьянскому двору, обычно ухоженному и чисто прибранному — визитной карточке хозяйки.

Исследователи связывают галерею греческого дома с типом домов крымских татар⁵⁴, балканских греков и других жителей Юго-Восточной Европы⁵⁵, с жилищем выходцев с Балкан в пределы Бессарабии⁵⁶. Думается, что галерея — рациональный архитектурный элемент домостроительства в

южной зоне, подверженной интенсивной инсоляции, с античных времен⁵⁷ вплоть до современных жилищ Украины, Кавказа, Закавказья и т. п.⁵⁸

В первый период жизни в Приазовье почти все сельские греки жили в домах двухкамерной планировки: они состояли из сеней (*айт, найт*) и жилой комнаты (румейск. *спит, соба, суба*, татарск. *эвчине, ичерсы, к'эчик эвь*). Обе части обогревались одной печью (румейск. *фурну*, татарск. *соба*) с прямой вытяжной трубой типа камина, тело ее находилось в жилой комнате, а устье — в сенях. Перед устьем воздвигали широкую прямую трубу: ее плели из камыша, сколачивали из досок, складывали из саманного кирпича (материалы зачастую комбинировали) и густо обмазывали снаружи и изнутри глиной. Над крышей выходящая наружу часть трубы обычно складывалась из обожженного кирпича. Труба укреплялась примерно в 1,5–1,8 м над уровнем пола на горизонтальных деревянных балках, вмазанных в толщу стены, или же на вертикальных подпорках. Под этой трубой готовили пищу на скорую руку, для чего устраивали *кабицу* — открытый очаг из двух параллельно положенных кирпичей, из трех, сложенных П-образно, из крупных комьев глины — или же устанавливали треногу (румейск. *прустбья*, татарск. *хазао аях*).

В некоторых домах вместо открытых очагов сооружали низкую плиточку с одной или двумя конфорками для чугунок. Под дымоходом находилась топка печи — «челюсти» (*фурну стбма, сбба агзбы*), перед топкой устраивали площадку с одним или двумя отверстиями для золы и на площадку переносили очаг.

В отличие от украинцев и русских греки не варили еду в печи, а только пекли в ней хлеб, пироги. Летом духовую печь топили только тогда, когда нужно было испечь хлеб — раз в неделю, а зимой топили почти каждый день для тепла. Еду летом варили только на открытом очаге, на «кабице» (на улице, в кухне), а зимой на плите в зимней кухне. Зимой очаг применяли для приготовления чебуреков и других блюд, при жарке которых образуется много копоти. В качестве топлива употребляли хворост, валежник, солому, но особенно хорошим топливом, дававшим большой жар, считали кизяк (наибольший жар давал овечий). Его готовили в своем хозяйстве, а при нужде и покупали⁵⁹. Название отопительной системы — печь плюс камин — *оджак, оджак, уджак*, общее для широкого балканского ареала; другое название *гурта*; в селе Карань зафиксировано название *яшмах*. В Крыму так называли выступавшую из стены деревянную перекладину рамы, которая поддерживала свод очага⁶⁰; в некоторых районах полуострова эту деталь называли *даул-бас*⁶¹.

Название жилой комнаты у татар Крыма совпадало с названием печи *соба* или же уточненное — *собалы ев* (буквально — «дом с печью»). Печь, или вернее очаг, представляла собой «совершенно самостоятельную при-

стройку из камня и глины, прилегающую снаружи к стене дома в виде большой четырехугольной печи, труба которой без изгибов в прямом направлении выходит на крышу. Внутри очаг открывается широким входом, являясь как бы выступом комнаты, освещенным маленьким окошечком, сделанным в стене самого очага. Вдоль задней и боковой на улицу стен идет на полу возвышение *сэдт* для сидения, продолжающееся и внутрь очага»⁶².

Надо полагать, что это помещение — «дом с печью» — и есть исходное ядро жилища. Очаг — средоточие домашней жизни, в нем или около него под вытяжным колпаком готовили пищу, около него ели, часть глинобитного возвышения, непосредственно примыкавшего к очагу, — самое теплое место в помещении. Первоначальная ячейка жилища получила в специальной литературе название «теплые сени». Эта планировка отличает обширную зону юга европейского континента от ареала дома «с холодными сенями», генезис которого иной: к основной отапливаемой ячейке пристраивали входное помещение — сени⁶³.

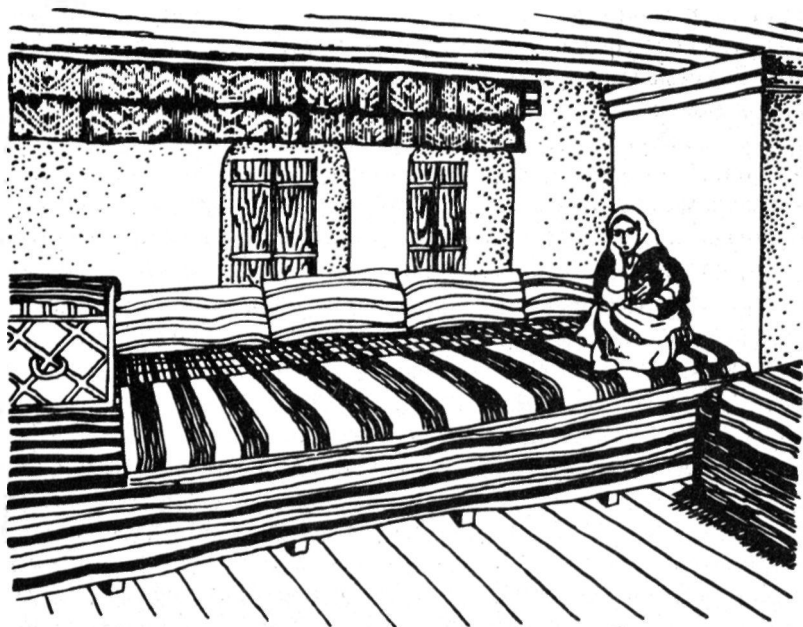
Жилая комната называлась на румейском языке *спит* (варианты: *апэсу, апейсу, пизус*), что в современном греческом языке означает дом (*то σπίτι*); на крымскотатарском *эвь (уй, отурган уй, череп болук)*, что также означает «дом». Следовательно, это помещение и воспринималось как основная жилая ячейка. Когда планировка дома усложнилась и по другую сторону сеней стали пристраивать парадное нежилое помещение, как правило, больших размеров (называется *зал, зала*), жилая комната получила уточненное название: румейск. *микрб спити*, татарск. *кэчйик эвь* («малый дом», «малая комната»)⁶⁴.

Примечательной деталью домашнего быта надо признать настил в жилой комнате (румейск. *курвёт, курвёт*, татарск. *софа*⁶⁵, *тахта*, что значит буквально «доска»). Вдоль одной из стен комнаты от теплой стенки топившейся из сеней печи до противоположной стены комнаты протягивали настил, зачастую глиняный, но бывал и сбитый из досок (под ним можно было хранить различные домашние вещи). Этот настил покрывали толстой кошмой, валянной из осенней овечьей шерсти (*пруватбь хош, кош, чул*), и войлочной полостью (румейск. *ченглю, тендеклу, чендиклу*, татарск. *тиййч, тиййз, тийз*), сверху — тонкие полосатые покрывала (румейск. *йяма, йябвья, джабв, елма*, татарск. *яю, ийма, яюф, джаю*). Покрывало изготавливали так: несколько узких (по ширине ткацкого станка) полос сшивались, образуя единое полотнище на всю ширину курвата. Оно чаще всего бывало полосатым — чередовались красные, зеленые, оранжевые, черные полосы или клетки. По периметру курвата вдоль стен стояли большие подушки вытянутой прямоугольной формы — крымскорумейск. *кубаня, кубанья, кубаньц* (мн. ч. *кубаньчо*), *пкамйц* (мн. ч. *пкамйче*), *купанья*, крымскотатарск. *миндёр, мандёр, ястых, ястэх*. Подушки туго набивали

шерстью, обтягивали шерстяной домотканиной в красную, черную, белую клетку, исподнюю часть шили из хлопчатобумажной ткани.

Курват был достаточно широк, чтобы поперек него мог лечь человек. На ночь вся семья располагалась на этом возвышении, а утром стеганные домашней выработки одеяла (румейск. *паплѹмба*, татарск. *ергѹн*, *йоргѹн*), тюфяки (румейск. *стрѹс*, татарск. *тошек*, *тешѹк*), простыни (румейск. *синдѹн*, татарск. *шаршѹф*, *чарчѹф*) и прочие постельные принадлежности складывали в одном из углов курвата стопкой (румейск. *стадѹя*, *стидѹ*, *стави*, *сдѹи*, *стѹиѹи*, татарск. *юк*) и покрывали легким хлопчатобумажным покрывалом (румейск. *синдон*, *сдон*, татарск. *шаршѹ*, *чарчѹф*), а сверху ставили подушки. Ткань для покрытия могли шить из разноцветных кусочков ткани (*хурама*), из домотканого белого полотна с пропущенной шелковой нитью, иногда ее украшали вышивкой, кружевом. Если на софе стоял сундук (*здуть*, *сандух*), то постель размещали на нем или рядом с ним.

Днем на софе сидели, выполняли всевозможные женские работы, ели, поставив на нее низенький (15–30 см высоты) круглый столик (румейск. *трапѹз*, *трапѹс*, татарск. *софрѹ*). Еду подавали в глиняных мисках, ели деревянными ложками. Закончив обед, столик убирали, вешали на стенку

Жилая комната: софа (курват), справа печь с топкой из сеней, слева сундук с приданым хозяйки

над курватом или же в хозяйственном помещении. Курват снова был свободен для сидения и отдыха. Дети были в прямом и переносном смысле привязаны к курвату: малышей привязывали полосками ткани к гвоздям, забитым в помост.

Внутреннее устройство греческого дома было близко к жилищу татар южного берега Крыма, но гораздо ближе к жилищу других этнических групп — потомков выходцев с Балканского полуострова — болгар, албанцев и гагаузов. Татары имели обычай сидеть на полу, покрытом матрацами — *миндѹ*. Балканские мигранты на полу никогда не сидели. Однако уровень мебели у них низкий. Когда уже в новейшее время в их домах появились высокие столы, их использовали в парадных комнатах для размещения семейных фотографий и мелких безделушек.

У балканских мигрантов, так же как и у греков, неизменным было возвышение, — болгарск. *одѹр*, албанск. и гагаузск. — *пат*, — сооружавшееся для ночного сна и дневного времяпрепровождения (ср.: укр. *пiл*). Народный опыт выработал оптимальные его размеры — высоту, глубину, — на нем очень удобно и сидеть, и лежать, тело по-настоящему отдыхает.

Угол между печью и наружной стеной, заполненный тем же настилом, был самым теплым и изолированным местом в жилой комнате (румейск. *ѹбха*, татарск. *сѹба-аралѹи*). Случалось, что именно в этом углу помещали роженицу, а после родов она находилась там вместе с новорожденным ребенком. Вся семья располагалась на ночь в той же комнате: старики поближе к печи, молодые подальше. Скученность не исключала соблюдения этикета, даже наоборот — заставляла внимательно относиться к правилам поведения. Например, неприличным считалось для невестки появляться перед свекром и свекровью с непокрытой головой, расчесывать в их присутствии волосы и т. п. Молодые женщины, проснувшись, спешили накинуть на голову платок.

Вдоль стен подвешивали деревянные полки (*раф*, *арафат*), иногда украшенные резьбой, на которых размещалась посуда и утварь, зачастую выполнявшая и декоративные функции. Возле двери в угловом деревянном шкафчике (*долѹп*, *дулѹп*) хранили хлеб и посуду. Главный угол комнаты — восточный, там развешивали иконы и лампы.

Часть жилой комнаты, где помещалась софа, обычно бывала наиболее разукрашена стараниями греческих хозяек. На софе (курвате) или рядом с нею стоял сундук для одежды — неизменная принадлежность невестинного приданого (татарск. *сундѹк*), купленный на ярмарке, деревянный, раскрашенный и обитый железными полосками. Над курватом или вдоль стен на натянутых веревках развешивали самодельные декоративные полотнища (румейск. и татарск. *тохмѹ*, *тухмѹ*, *тухмѹйдѹя*) или декоративные полотнища (*мандѹль*, *явлѹх*), которые чаще называли по-украински *руш-*

ники, или же оригинальное настенное украшение *стынъръя, стенъри* — горизонтальную полосу материи, обычно фабричной, красного или синего цвета, вырезанную по нижнему краю фестонами и обшитую бахромой или оборкой. Декор жилой комнаты демонстрировал художественные вкусы греческих женщин, которые с большим тщанием украшали свои жилища предметами собственного изготовления из подручных материалов — преимущественно шерстяной пряжи, обрабатывая ее на ткацких станках, изготавливая ковры, дорожки (*алачъйзе, малъйтка, телъим, анъпля*), наволочки для декоративных подушек, вязали крючком, спицами, вышивали нитями и канителью. Аппликация и рисунок не были им знакомы. В отличие от украинцев они не расписывали стены домов ни снаружи, ни изнутри.

Меблировка и убранство жилой комнаты, бытовое использование внутренних помещений дома, система отопления — все эти бытовые детали характерны для единого культурного ареала: Юго-Восточной Европы и — шире — для Восточного Средиземноморья.

На интенсивные информационные связи между жителями Приазовья и Причерноморья и населением их метрополий — Крыма и Балкан указывает бытовая лексика, общая для представителей разных этносов, живших в этой многонациональной зоне.

ОДЕЖДА СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Жизнь в приазовских степях требовала приспособления к местным естественно-географическим условиям. Создавался оптимальный хозяйственный комплекс, в котором люди должны были чувствовать себя наиболее комфортно. Исходные материалы для изготовления одежды добывались из природной среды, использование же этих природных ресурсов (способы использования и его эффективность) зависели от производственной деятельности населения, от степени развития ремесла и торговли.

Первоначально ведущим занятием греческих переселенцев было, как известно читателю, овцеводство. Поэтому естественно обилие в их одежде материалов, которые крестьяне получали непосредственно из личного хозяйства и производили сами в домашних условиях. В обиходе были выделанные и сыромятные кожи, овчины, шерстяные ткани, войлоки и сукна.

Местные растения, из волокон которых изготавливали материю для шитья одежды, — конопля и лен. Крестьяне сеяли их, обрабатывали их волокно домашним способом для нужд своей семьи.

Быт греческих переселенцев был очень замкнутым, связи с внешним миром ограничены, невелик был и торговый обмен. И все же хозяйство мариупольских новоселов не было натуральным, в их быту функционировали предметы ремесленного производства, вывезенные из Крыма или приобре-

енные позже. Это же относится и к предметам одежды. Однако процент таких предметов был сравнительно невелик. Основные материалы, из которых шили одежду, производились в самом крестьянском хозяйстве. Многие из старых приемов первичной обработки сырья продолжали бытовать и во второй половине XIX в.

Греки-скотоводы несколько презрительно относились к ремесленной деятельности. Единственным занятием, которое казалось им достойным, была выделка кожи, шитье всевозможных шуб и кожухов, мужских шапок и постолов. Это ремесло оставалось их специфическим занятием даже в последние десятилетия XIX в., когда главным делом греческого крестьянина стало хлебопашество, а шитье одежды оказалось в значительной мере в руках специалистов из иных этнических групп.

Греки носили одежду из овчины (кожухи, безрукавки, штаны) мехом внутрь в отличие от крымских татар, меховая одежда которых изготавливалась мехом наружу⁶⁶.

Из сыромятной коровьей кожи мужчины делали румейск. *чаръухи*, татарск. *чаръих* — обувь, выкраиваемую из одного куска кожи, прикрепленную к ноге ремешками. Это — типично балканская традиция в отличие от славянской, согласно которой для этого вида обуви (укр. *постоли*) использовали свиную кожу⁶⁷. Чарухи преимущественно самодельные, домашней выделки были весьма распространенной мужской обувью вплоть до начала XX в.

Из овечьей шерсти изготавливали ткани разных видов для шитья различных предметов одежды, всевозможные ковровые изделия, сукна и войлоки.

Обработка льна и конопли для одежды и многих хозяйственных предметов входила в круг женских занятий.

В первые десятилетия жизни в Приазовских степях греки носили одежду такую, которая соответствовала этническим традициям: вкусам и привычкам, сложившимся еще в Крыму. В ту пору, когда различные этнические группы жили довольно изолированно друг от друга, когда сельчане почти не были знакомы с городской жизнью, костюм сохранял устойчиво традиционные формы. С первого взгляда можно было определить этническую принадлежность человека, его социальное положение, возраст, его семейные обстоятельства: костюм незамужней девушки отличался от женского, молодой женщины первого года замужества — от одежды пожилой вдовы и вдовца выделяли особенности их внешнего вида.

Живя в Крыму, греки вступали в бытовое общение с татарами. Этот факт не требует большого доказательства, чем усвоение частью греческого населения татарского языка в такой степени, что он стал единственным известным им языком, то есть родным. Следы транскulturации между греческим и татарским населением Крымского полуострова ясно видны

в традиционном костюме приазовских греков. Суть — в престижности культуры политически господствовавшего этноса, тем более что татары населяли столицу ханства — Бахчисарай, а известно, что моды политических и культурных центров обычно перенимались жителями не только окрестных сел и городов, но и более широких территорий.

Есть сведения, правда не очень четкие и не датированные точно, что гречанки носили шаровары (татарск. *шелли*)⁶⁸. Известны полосатые халаты, крой их характерен для турецкой моды, применявшейся и в некоторых местностях Балканского полуострова: на полотнищах, образующих стан, полосы расположены вдоль, на рукавах — поперек⁶⁹. Возможно, халаты имели когда-то более широкие бытовые функции, но сейчас можно установить только их использование в качестве церемониальной одежды — свадебной и погребальной⁷⁰.

В 1970-х гг. пожилые женщины еще вспоминали о свадебных нарядах своих бабушек. Дело было примерно в 1880-х гг. В день свадьбы девушки надевали *шам* — халатообразную одежду из шелковой ткани светлого желтоватого цвета с узкими желтыми вертикальными полосками. Рукава шивные, длинные, прямые. Одна из наших собеседниц из с. Стыла вспоминала, что ее бабушку и похоронили в этом одеянии согласно ее завещанию.

Есть предположения, что и мужчины венчались в подобном халатообразном одеянии⁷¹.

По всей вероятности, именно о таких свадебных одеждах сообщал учитель В. Гоф: «Праздничная одежда шилась исключительно из шелковой материи, получаемой из Константинополя в двух названиях... хунта — из сырца... шамаладжа — чисто шелковая... Хунта шла исключительно на костюмы мужчин, а шамаладжа — на костюмы женщин. Конечно, не без уклонений: при венчании, как передают в настоящее время, соблюдалась мода, если у невесты костюм из шамаладжи, то костюм жениха из хунты — и наоборот. Таким костюмом богатого человека пользовался безвозмездно целый околотов бедных поселян»⁷².

Так или иначе, но вопрос о шаме и об остальных элементах костюма, близких к традициям татар, остается неясным. Некоторые из нынешних жителей Приазовья полагают, что это был основной элемент костюма, другие утверждают, что шам — длинная стеганая на вате верхняя одежда, которую зимой надевали поверх подвенечного платья (записано в с. Стыла)⁷³. Возможно, что в этой информации отразился какой-то промежуточный вариант свадебного костюма, сочетавший традиционный халат с платьем, заимствованным из иного культурного комплекса, возможно из городского быта.

То обстоятельство, что халаты в качестве свадебного костюма известны и в татароязычных, и в румейских селах (при этом в селах, отдаленных друг

от друга и, следовательно, не имевших непосредственных контактов, — Илаклы, Камар, Стыла, Сартана), показывает на явное бытовое взаимодействие татарского и греческого этнического элемента во всех или во многих греческих поселениях Крыма.

Бикультуризм и билингвизм греческого населения Крыма не привел к ассимиляции греков. Имело место привнесение в культурный комплекс элементов из быта политически господствовавшего этноса (называемое в этнографической науке явлением интерференции, то есть привнесения⁷⁴). Однако с течением времени черты татарского костюма были утрачены, следовательно, данное новшество не вошло в греческий культурный комплекс, не стало его постоянным достоянием.

В бытовой культуре двух языковых групп приазовских греков различий нет. Надо полагать, что их не было и в Крыму или же одинаковый быт в приазовских степях стер их. Есть лишь одно указание Ф. Брауна на якобы существовавшее различие в покрытии головы: румеоязычные гречанки носили полотненческий головной убор, а татароязычные — платок ярких расцветок⁷⁵. Однако это сообщение единичное, касается только села Большая Энисоль. Строить на нем какие-либо заключения нельзя: Браун провел на Мариупольщине всего 10 дней (в 1890 г.) и посетил только несколько сел (иных различий в быту и в одежде языковых групп не заметил). Сообщение Брауна опровергается информацией В. Гофа (с. Камар, 1891 г.)⁷⁶.

Наиболее полное описание женского костюма относится к 1840-м гг.: «...женский костюм состоял из кафтана с короткими рукавами; под кафтан надевалась сорочка с длинными широкими рукавами, которые выходили из рукавов кафтана, шаровар (шалвар) и на ногах терлык [туфли из цветного сафьяна. — Ю. И.]. Необходимой принадлежностью кафтана являлся серебряный пояс. Голова повязывалась длинным полотенцем из тонкого холста своей работы, вышитого по краям...»⁷⁷

Ко всем перечисленным местным человеком элементам женского костюма обнаруживаются аналоги в музейных коллекциях.

Основные части старинного женского костюма: рубаха, платье, фартук, головной убор — либо полотненчатого типа, либо платок.

Нательная рубаха на крымскорумейском диалекте называется *камсѹ*, *пукѹмс*, *пукѹмус*, на крымскотатарском языке *кельмѹк*, *келек*⁷⁸. Покрой рубахи туникообразный⁷⁹, то есть без плечевых швов: полотнище перегибалось пополам на месте плеча, образуя переднюю полу и спину; на месте сгиба выкраивался круглый ворот, который обшивался невысоким (в палец) стоячим воротником (румейск. *яха*); на передней полке делался разрез (румейск. *стыф*, татарск. *ярмѹч*). К основному полотнищу пришивали боковые клинья прямоугольной или трапециевидной формы. Рукава прямые, из одного куска заканчивались свободно, без манжет, немного расши-

ряясь к кисти (на более поздних экземплярах такого расширения нет); вшивались при помощи маленькой ромбовидной или треугольной ластовицы⁸⁰.

Рубаха такого покроя характерна для жительниц Греции, как впрочем и всего Балканского полуострова. Греческие этнографы полагают, что она произошла от древнегреческого хитона и существовала в византийскую эпоху. Термин *καμισιον* (откуда совр. *το πουκάμισο*) известен с византийских времен. Расположение орнамента на женских рубашках из Приазовья вокруг ворота, вдоль прямого разреза, на подоле и по самому краю рукавов аналогично традиционной орнаментации греческих рубах. Основной вид орнаментации — вышивка; именно она и характерна как для материковой, так и для островной части Греции. Равным образом совпадает растительный мотив орнамента («вазон», «вазочка»), употребление золотой нити, преобладание приглушенной коричневато-золотистой расцветки, вышивка красной нитью мелким крестиком⁸¹.

По покрою традиционная греческая рубаха отличается от рубах соседнего украинского населения, а по орнаментации — от рубах южных славян: болгар, македонцев и др.

Поверх нательной рубахи надевали платье (румейск. *фистан*, *фустан*, татарск. *урба*) туникообразного покроя, то есть без швов на плечах с длинными рукавами. Оно было цельнокроеное, но для придания ширины юбке (длиной — до щиколотки) сзади от талии вшивали несколько клиньев. Есть сведения, что в более древних вариантах платья эти клинья расклешивали юбку, а в более поздних она присборивалась наподобие украинской юбки; очевидно, в этом варианте юбка была отрезной, наглухо пришитой к облегающему лифу.

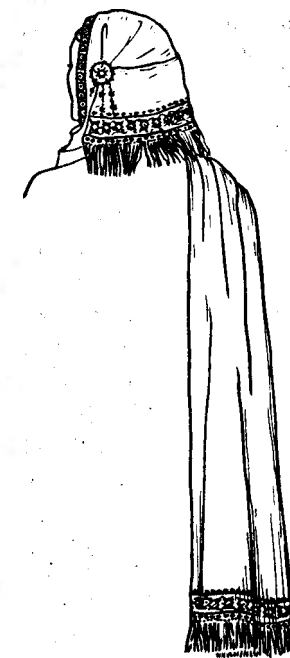
Платье шили из домотканины⁸², позднее из покупной материи (наиболее желателен был атлас) — предпочтительно одноцветной темных тонов.

Традиционная женская прическа для всех возрастов в описываемое время — две косы. Их или закалывали на голове, или свободно спускали по спине, обычно у женщин косы не были видны из-под платка. В знак траура женщины распускали волосы.

В повседневном быту все женщины носили платок, начиная от маленьких девочек и кончая старушками. В обрядовом же головном уборе отразилась древнейшая этническая греческая традиция. Это — полотенчатый головной убор (румейск. *перифтар*, *пелифтар*, *пирифтар*, татарск. *баш явлух*). Длинное (3 аршина в длину) белое домотканое полотнище из тончайших шелковых нитей, чаще всего из шелка-сырца, иногда из льняных, плотно облегало лицо, скрывая волосы, один конец его укреплялся на затылке, а другой конец охватывал шею, закидывался за плечо, спускался по спине. На талии он закреплялся поясом или специальной подвеской *кам* или *кай*. На голове перифтар удерживался в нужном положении парчовой

Металлические шпильки и подвески к перифтару

Способ повязывания перифтара

или атласной ленточкой *ханяр*, расшитой жемчугом или стеклярусом. Она облегала подбородок, щеки и закреплялась на затылке. Под подбородком укрепляли серебряную цепочку. На висках полотнище прикалывали большими металлическими шпильками *булбония*, *вулбония* с целым пучком маленьких серебряных подвесок *зиндериль*, *змелингудья*, *жиджир*⁸³. Каждый конец перифтара был украшен плотной вышивкой, чаще всего золотой нитью, и заканчивался бахромой⁸⁴.

Этот сложный изящный головной убор надевали невестам в день свадьбы, его носили почти постоянно в первый год замужества до рождения первого ребенка, впоследствии он служил в качестве выходного убора, а в повседневном быту сменялся головным платком. Обычно хорошие экземпляры перифтара переходил от матери к дочери, иногда свекровь дарила этот убор своей будущей невестке. Перифтар считался одним из наиболее ценных свадебных подарков. Он действительно стоил очень дорого, беднячкам приходилось одалживать его специально ко дню свадьбы.

Полотенчатый головной убор известен многим народам Юго-Восточной Европы, как славянским, так и другим (например, румынам, молдаванам —

*маромэ*⁸⁵). Подобный убор носили и татарки в Крыму⁸⁶. Однако по способу повязывания, расположения металлических украшений и вышивки цветной и золотой нитью перифтар следует сопоставить прежде всего с подобным головным убором женщин Греции (*ή σκεπη*⁸⁷). Там способ повязывания его различен, в нескольких местностях близок к тому, какой знали в Приазовье.

Костюм как элемент этнокультурного комплекса мобилен. Он раньше многих других составляющих этого комплекса откликается на изменение быта, моды, оценочного отношения самих носителей культуры и их соседей. На истории перифтара это особенно заметно. В полном комплекте этот головной убор имел много дополнительных деталей, которые с течением времени утрачивались.

Из-под длинного конца перифтара на спине ниже пояса было видно украшение *цамблис* — обязательная принадлежность костюма замужней женщины (его не снимали даже во время работы). При помощи длинной ленты к косе, скрытой под перифтаром, прикрепляли медную или кожаную пластинку (длиною в 1,5 вершка) с 5–6 дырочками, сквозь которые были пропущены красные гарусные шнуры. На них были нанизаны медные подвески (шарики, зигзагообразные пластинки), а ниже подвесок шнуры расходились пучками ниток (по 14 в каждом пучке)⁸⁸. Скорей всего *цамблис* можно считать накольным украшением⁸⁹.

Чрезвычайно важно для истории костюма украшение *кам*, имевшее употребление в середине XIX в., а к концу этого столетия совершенно забытое. Удлиненный прямоугольник ($\frac{3}{4} \times \frac{1}{4}$ аршина) черного бархата на подкладке подвязывался на тесемках на талии, он удерживал на спине длинный конец перифтара и закрывал нижнюю часть туловища. Центральная часть *кама* (для удобства в этом месте вшивали небольшой деревянный треугольник) украшалась жемчугом, блестками, металлическими пластинками. К нижнему краю прикрепляли густой ряд красных гарусных шнуров, «образующих как бы метелку»⁹⁰.

Можно предположить, что *кам* — это сильно редуцированный задний фартук. Традиция ношения двух фартуков (спереди и сзади) известна на Балканах; их яркая, бросающаяся в глаза расцветка говорит о том, что этот предмет одежды был связан, по всей вероятности, в глубокой древности с кругом брачных отношений. Со временем задний фартук заменил небольшой кусок материи и пышная *бахрома*⁹¹. Конечно, ношение двух фартуков известно было и восточным славянам, но этот факт не имеет генетической связи с костюмом приазовских греков; в то время, когда они вступили в контакты с русским и украинским населением Екатеринославской губернии, бывший задний фартук у них уже давно превратился в украшение — *кам*. Для татарского женского костюма ношение фартука вообще не характер-

но. Генетически *кам* можно связать только с традицией славянских и не-славянских балканских народов⁹².

Фартук является неременной принадлежностью традиционного костюма женщин Греции и других балканских стран. (Есть мнение, что именно от гречанок фартук заимствовали турецкие женщины⁹³.)

В отличие от богато орнаментированных фартуков гречанок метрополии (узорное тканье, вышивка, *бахрома*, аппликация)⁹⁴ жительницы Приазовья чаще всего довольствовались геометрическим орнаментом⁹⁵. Так как одежда взрослых и детей принципиально не различалась, то и для девочек ношение передника было обязательным⁹⁶.

Для шерстяного парадного фартука приготавливали нити самого тонкого прядения. В XX в. предпочитали такую расцветку: мелкий шашечный или полосатый узор из некрашенных черных и белых нитей создавал общий серо-розовый тон ткани. Узкие (по ширине ткацкого стана) полотнища со слегка заложенными у пояса небольшими складками укрепляли на талии тесемками.

Румейское название фартука *фбта*, *мандиль*, татарское *бишгёр*, *биш-гёр*, *бишкёр*, *ёглюк* (*цглюк*).

Об обуви, характерной для описываемого периода, известно мало. *Терлык* (или *терлик*) — туфли из сафьяна различных цветов, преимущественно красного или желтого, расшитые золотыми нитями, бисером или же без вышивки, изготовляли ремесленники в Мариуполе для продажи в греческие села и даже на вывоз — в Крым. Подобные туфли из турецкой коллекции МАЭ описал В. П. Курьлев. Такие же мягкие, украшенные вышивкой и под тем же названием *терлика* туфли носили в Центральной Греции, в середине XX в. их в значительной мере сменила кожаная обувь.

Женский традиционный костюм середины XIX в. дополнялся поясом. В то время модны были пояса, которые привозили с Кавказа, они же имелись в обиходе крымских татар, болгар. Эти пояса бывали двух видов: 1) так называемый «кавказский» — из золотой или серебряной парчи с пряжкой и бляшками из черненого серебра (румейск. *тимёр*, *хулân*, татарск. *хушâк*); 2) чешуйчатый, состоящий из металлических, чаще серебряных пластинок, подвижно скрепленных между собой или насаженных на кожаный ремень (румейск. *асимй зунёр*, *филеритку знар*)⁹⁷.

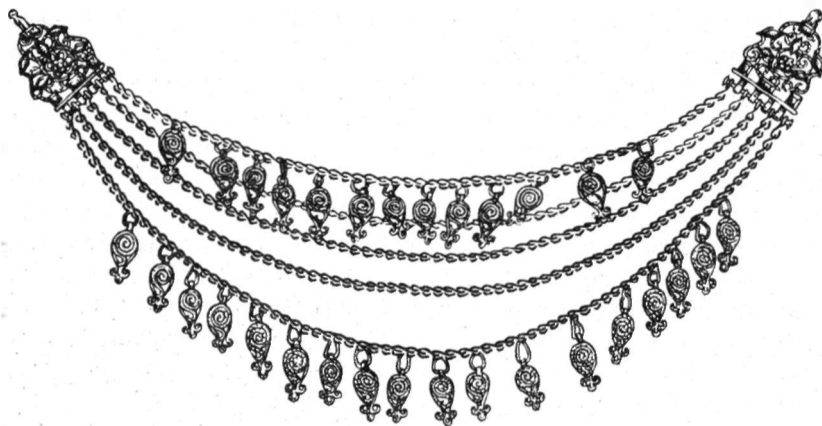
Нарядные пояса с крупными металлическими бляхами-застежками украшают праздничные костюмы женщин во многих балканских странах. В Греции без поясов с крупными литыми, затейливо сработанными пряжками не обходится почти ни один из традиционных комплексов народной одежды⁹⁸. Пояса такого рода на Мариупольщине не производились, их привозили по большей части с Кавказа, поэтому они по внешнему виду немного отличались от балканских.

Другой вид женских украшений — серебряные подвески самых разнообразных фасонов и назначений — не производился здесь, в среде потре-

бителей. Поэтому он не может быть отнесен к разряду традиционных греческих (точнее — румейских) художественных ремесел и промыслов. Однако эти вещи характеризуют художественные предпочтения данной этнической группы, связывают приазовских греков с традициями метрополии, и шире — с кругом балканской народной культуры, где художественная обработка серебра была известна еще в начале нашего тысячелетия⁹⁹ и сохраняется до сих пор. Костюм греческой невесты изобиловал всевозможными серебряными украшениями¹⁰⁰ (ныне они, как правило, заменяются золотыми).

Мариупольские гречанки, кроме описанных уже подвесок под подбородком и на висках, прикрепляли к перифтару чуть ниже уха металлическую подвеску — *злуфья*, напоминающую по форме ухо. Она была украшена дешевыми цветными камнями, на цепочках к ней подвешивались тонкие металлические пластинки¹⁰¹. Очевидно, таким образом имитировали ухо (скрытое под перифтаром) с серьгами.

Грудь украшали многочисленные цепочки с мелкими подвесками из тонкого листового серебра или более дешевого металла¹⁰². Некоторые из этих подвесок круглые, имитирующие монеты, другие имели ромбовидную форму. На руках носили серебряные и позолоченные браслеты (румейск. *врашбл*, *врашъл*, татарск. *блезык*), кольца (румейск. *захлыбч*, *захтылис*, *дахлы*, татарск. *жизюк*), в ушах серьги (румейск. *криндъя*, *криндъх*). Очень характерно ожерелье из крупных перламутровых зерен с таким же крестиком посередине (румейск. *зныша*, татарск. *банджъхъ*) и ожерелья из золотых монет (румейск. *филюрйя*, татарск. *баджахлы-алтын*, *зермаф-алтын*, *фындых-алтын*, *чечек-алтын*)¹⁰³.

Женские нагрудные украшения из серебра

В качестве украшения носили большую золотую монету на шнурке. Наиболее древним, вышедшим из употребления к концу XIX в. был шейный браслет *боюн хисты* (татарск. *бою* — шея), очевидно, род гривны¹⁰⁴.

Набор разнообразных металлических украшений дополняется амулетами, сделанными из такого же тонкого листового серебра, что и другие подвески. Эти амулеты призваны были «избавлять от болезней»: изображения рук, ног, зубов носили для того, чтобы избавиться от болезни конечностей или зубной боли, от болезней почек или других внутренних органов «предохраняли» замысловатые фигурки, очевидно, по мысли их изготовителя изображавшие эти органы, от грыжи «помогала» звездочка, от бесплодия — фигурка человека или же изображение фигового листа¹⁰⁵. Такие фигурки только условно можно отнести к украшениям: после избавления от болезни их вешали на икону святого (чаще всего Божьей Матери), которого просили об исцелении.

Костюм греческого крестьянина в середине XIX в. состоял из следующих составных элементов: рубаха, штаны, жилет, пояс, куртка, шапка, верхняя шуба или короткий кожух, кожаная обувь.

Нательную рубаху (румейск. *къмсу*, *пкъмсу*, *пукъмус*, татарск. *кёлек*) шили из льняной домотканины, покрой — туникообразный. Прямые рукава вшивали при помощи маленькой ромбовидной ластовицы, а ниже ее с боков вставляли по одному трапециевидному клину. Ворот круглый с маленьким воротничком-стойкой, разрез спереди¹⁰⁶. К середине XIX в. или к его второй половине относится мужская рубаха туникообразного покроя с очень широким подолом, приближающаяся к типу «рубаха с фустанеллой», сходная с некоторыми типами болгарской¹⁰⁷. Такую рубаху всегда носили навыпуск, поверх штанов.

Мужские штаны (румейск. *вракй*, *вреки*, *врачи*, *врати*, татарск. *тман*, *шалвар*) шили из толстого домодельного сукна. Штаны имели неширокий покрой с клиньями или без них (в зависимости от ширины материала), на вздержке. По крою они приближались к русским штанам и отличались от украинских отсутствием мотни. Очень характерны для греческого быта теплые штаны из овчины, сшитые мехом внутрь (румейск. *чахчър*, *чахчыр*, татарск. *търъ шалвар*, *терй шалвар*). С распространением во второй половине XIX в. фабричной материи для пошива мужской одежды они оставались специфической принадлежностью костюма пастухов и как таковые охранялись долго, вышли из употребления в 1920-х гг.

Жилетки из домодельного сукна (румейск. и татарск. *елек*, *канзъл*, *камън*, *кандзъл*, *гамзъл*, *камзъл* и т. п.) старики донашивали еще в начале XX в. Поверх жилета надевали двубортные куртки (румейск. *куртъц*, татарск. *хавтън*, *кафтън*). В некоторых местах (напр., в с. Богатырь) встречалась верхняя длиннополая одежда, кроенная в талию, с подрезан-

Греческий крестьянин в овчинной шубе и шапке

ной талией и широкими полами; спереди глухая застежка до талии, воротник стоячий¹⁰⁸.

В середине XIX в. обычно рубашу заправляли в штаны, а поверх несколько раз обертывали пояс (румейск. *знар*, *зунър*, татарск. *хушâк*, *кушâк*) — широкий вязаный шерстяной красного, зеленого, синего цвета (позже его сменил пояс из фабричной материи). Этот длинный пояс (до 3 м и более) несколько раз обертывался вокруг талии, он служил для подпоясывания одежды, как любой пояс, для утепления, особенно когда накручивался поверх кожуха в холодное время года, но главное — представлял своего рода бандаж, предохраняя брюшные мышцы от перенапряжения при тяжелых работах.

В качестве верхней одежды греки употребляли длинные и короткие шубы из овчины, полушубки, безрукавки; эти элементы отличались от украинских по покрою и отсутствием украшений.

Традиционные головные уборы греческих крестьян — овчинные шапки различных фасонов, летом — фуражки. А. Анторинев сообщал, что мальчики носят «на голове круглую вязаную тибетейку (sic!), на азиатский манер сделанную с кисточками, сверх рубашечки кафтанчик... и красные сафьяновые сапожки»¹⁰⁹. Эти тибетейки и сапожки (наряду с упоминавшимся выше халатом) указывают на то, что на первых порах

после выселения из Крыма в обиходе греков еще функционировали предметы, напоминавшие татарский быт. Интересно сообщение из татароязычного села Камар о праздничной обуви (одинаковой для мужчин и женщин) — терлык — туфлях из цветного сафьяна, вышитых бисером¹¹⁰. Обычно же мужчины носили обувь из сыромятной кожи (румейск. *чарûхи*, *чарûхья*, татарск. *чарьих*).

В общих чертах этот комплекс одежды не отличался от татарского. Различия заметны лишь в деталях: крымские татары носили барашковые шапки с низкой тульей, греки — с высокой (*дурлы*, *халпах*). В обиходе греческих мужчин не было стеганых ватных сапог для ношения в комнатах¹¹¹.

Нетрудно заметить, что для изготовления мужского традиционного костюма применялись материалы, которые выделявали самостоятельно в домашнем хозяйстве скотоводов.

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

В первый период жизни в Приазовье, почти до конца XIX в., домашние промыслы греков были довольно ограниченными. Как уже упоминалось, мужчины обрабатывали шкуры домашних животных, преимущественно овчинные, изготавливали обувь — чарухи, шили шубы и шапки.

Больше всего домашняя работа сосредоточивалась над обработкой овечьей шерсти. Шерсть по качеству различалась — весеннего и осеннего настрига: каждый из этих сортов шел для изготовления различных видов изделий, тканей и вязания¹¹².

После настрига шерсти из нее пальцами выбирали колючки репейника, потом теребили. Для этой операции были специальные приспособления, приводимые в движение лошадью, которая ходила по кругу. После этого шерсть мыли (эти операции не всегда следовали одна за другой: первоначально ограничивались трепанием, а в XX в. — только мытьем, так как трепальные машины вышли из употребления, очевидно, по мере того как сокращалась надобность в домодельных тканях).

Высушенную на солнце шерсть чесали. Ручная чесальная машина (*туксара*) была сделана из согнутой в дугу ветки в 3–4 м длиной, которую стягивали сухой жилой (румейск. *ксыро дър*, буквально «сухая кишка»). Она подвешивалась к потолку таким образом, что могла вращаться вокруг своей оси. Так взбивали шерсть, разложенную на плоской плетенке. В XX в. такие приспособления не сохранились, шерсть стали еще тщательнее промывать.

Волокнистые растения — лен (румейск. *скулы*) и коноплю (румейск. *канаф*) — обрабатывали одинаковым способом, приготавливая для тканья. Волокна теребили, очищали от зерен, затем опускали в воду. У берега реки или другого водоема стебли, прижатые камнями, вымокали 15–18 суток. Затем их вынимали и расстилали на земле для просушки под солнцем, размягчали на особой деревянной мялке (румейск. *мангкану*, татарск. *талъха*). Такую работу приходилось выполнять ночью при лунном свете, так как на солнечном свете стебли быстро высыхали и крошились. Затем волокно чистили специальным приспособлением (*спетъыстър*) — острым железным лезвием полукруглой формы на прямой деревянной рукоятки.

Далее и лен, и шерсть одинаковым способом очищали: грубой щеткой из щетины или конского волоса (*вуръы*) длинные волокна отделяли от коротких при помощи особого гребня (*хтэн*, *нанара*, *лянаря*) или карда. Сырье оказывалось готовым к прядению.

Шерстяная и льняная домотканина для шитья одежды сменилась фабричной материей в конце XIX — первом десятилетии XX в. Разумеется, эта смена происходила постепенно и очень неравномерно в разных селах и у различных имущественных групп населения.

Материя из растительных волокон шла обычно для шитья белья, а в последние десятилетия — для предметов домашнего обихода: полотенца, салфетки и т. п. для повседневного употребления ткали из конопляных ниток, а для парадных случаев приготавливали льняные изделия. К середине XX в. этот вид домашних промыслов практически исчез.

Из шерстяной ткани домашней выделки шили мужскую верхнюю одежду, в том числе и плащевидную (эта традиция удерживалась до рубежа XIX–XX вв.), женские фартуки (традиция исчезла лишь в первом десятилетии XX в.), онучи, мужские пояса и постельные принадлежности (эти три вида изделий изготавливали еще в первой половине XX века). На рубеже XX и XXI вв. предметы одежды домашним способом не изготавливают, только ковры, дорожки, прочие декоративные предметы, вяжут на спицах или крючком носки, домашние тапочки, комнатные украшения и прочее.

С XVIII до начала XX в. прядение, ткачество, вязание были специфическим женским занятием, которому посвящали много времени и труда и которое осваивали все без исключения гречанки начиная с подросткового возраста.

Обработка шерсти, растительных волокон, прядение нитей, ткачество и вязание, плетение, вышивка и т. п. работы известны весьма широко по всей ойкумене. Это были необходимые домашние промыслы вплоть до индустриальной эпохи. Однако для любителей античной истории и мифологии очень соблазнительно вспомнить, что сама богиня Афина считалась покровительницей ткачества, что богини судьбы — Мойры — дочери богини Ананке, вращающей мировое веретено, носили весьма выразительные имена: одна из них — Клото («прядущая», от греч. κλώθω — «прять») — прядет нить жизни каждого человека, в то время как Лахесис («определяющая участь») вынимает его жребий, а Атропа («неотвратимая») в урочный миг перерезает нить.

Веретено, прялка, ткацкий стан стали символом женской ипостаси. Повязка, удерживающая кудель на прялке, вывешивалась на дверях дома, когда в нем появлялась на свет девочка. В обычаях, песнях и приметах древних греков отразилась извечная и неперменная деятельность женщины за прялкой и станком¹¹³. По обычаю древних римлян в свадебной процессии несли за невестой веретено и прялку. В некоторых местностях современной Италии этот древний обычай еще сохраняется: на одной из подвод, перевозящих приданое, сидит родственница невесты с прялкой в руках, а иногда и прядет на ней¹¹⁴.

На Мариупольщине в 1960-х гг. сохранялись песни на румейском языке:

Сделайте трудолюбивую прялку,
Будем прять и возьмем жениха (вариант: невесту)¹¹⁵.

Прялка (*рбка*) балканского типа — ручная, которую можно переносить, затыкать за пояс и т. п. Это гладкооструганный деревянный стержень (румейск. *рукбксылу*, *рыкбксылу*, *рыкбксыру*, *аркбксыру*, татарск. *рукбы таях*¹¹⁶), к которому прикрепляется кудель при помощи повязки. В Мариупольском музее хранится немало экземпляров повязок для кудели (*рукбы харты*, *рукбы мандыл*) — из бархата или другого красивого материала, расшитые цветными нитками, блестками, — это ли не свидетельство о сакральном отношении к предмету-символу. Греческие женщины старались украсить все, что окружало их в повседневном быту.

Веретено (татарск. *урчух*, румейск. *адхрат*, *адхратх*, *клбстра*) — деревянная палочка с утолщением на конце (*сундыл*, *тиндыл*, *рукбы тифдыл*¹¹⁷) или с насаженным на него моховичком (пряслицем), который служит для увеличения числа оборотов и удерживает веретено в вертикальном положении. Вытаскивая из кудели сырье левой рукой и скручивая его пальцами, пряха вертит правой рукой веретено, на которое наматывается нить. Ныне пряслицем служит обыкновенная гайка.

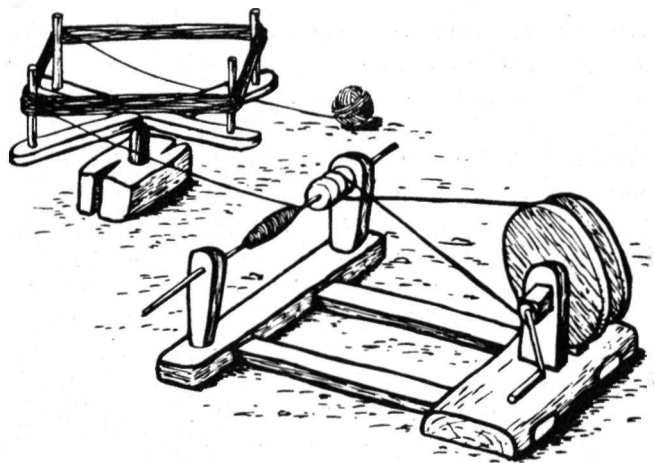
Примитивным веретеном была прямая палочка, которую катали правой рукой на бедре¹¹⁸.

Более усовершенствованная прялка — колесная. Колесо (татарск. *кончек*, румейск. *трухаль*, *трош*) приводится к движению педалью (*патя*), волокно (*кордья*) наматывается на мотовило (*глытра*). Первоначально это была прямая палка или ветка с раздвоением на конце, а позже появилась крестообразная или колесная мотовило (*анему*). Моток пряжи надевали на карусель (*чахарь рама*), на нее наматывали нитки.

Снятые с карусели пряди ниток (татарск. *пыша*) частично окрашивали. Шерстяные нити, из которых ткали материя для одежды, как правило, не окрашивались, оставались естественного белого или черного цвета. Материал для тканья спальных принадлежностей и декоративных изделий окрашивали. Память мастериц в 1970-е гг. уже не сохранила рецептов домашнего приготовления красителей, они пользовались красками фабричного производства. В прежние времена таких рецептов было много, напри-

Пряха

Мотовило для наматывания ниток на шпульку

мер коричневую краску приготавливали из каменного мха, различные оттенки желтого цвета получали из молочая, из кожуры лука извлекали самые различные желтые тона, от светлого до оранжевого и травянисто-желтого; богата была гамма зеленых оттенков; весьма распространены были красный цвет и черный (черную краску делали из бузины), синий тоже любили. Смешивая различные красители, получали до 15 различных оттенков.

Названия красок порою сохраняют местные события, чьи-то веселые остроты. Например, салатовую краску называют *хазыц*, что означает «гусенок»: так выглядит только что вылупившийся гусенок (тюркск. *хаз* — *каз* — *кас*). Горчичный цвет в Большой Каракубе именовали *милашкас* или *пападъяс ту хумаш* — «шелк милашки или попады».

Подготовленные нитки сматывали в клубки при помощи крестовины, вращаемой руками (румейск. *чахърь*). Так они обычно хранились. Прежде чем начать ткать, нитки с клубков перематывали на шпульки (*масърья*, *драхт*) — тонкие палочки бузины, которые вставляли в челнок (румейск. *сайта*, татарск. *урчух*).

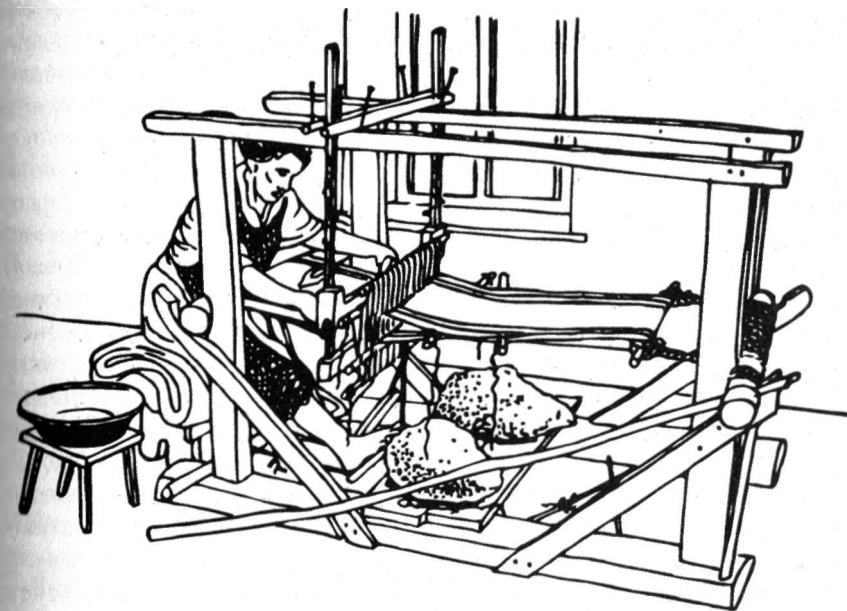
Горизонтальный ткацкий стан (румейск. *курватъыныс*, *курветине*, *аргалъийис*, татарск. *тэзья*), каким пользовались греческие женщины, был сравнительно высок (за этим станом сидели примерно в такой же позе, как на стуле, может быть, чуть пониже) и довольно короток¹¹⁹. Он был выше и короче того, какой использовали в это время потомки выходцев с Балканского полуострова — албанцы, болгары, гагаузы.

Нити основы (румейск. *стама*, татарск. *тэзья*) закрепляются на переднем и заднем валах (румейск. *альбдъя*). Готовая ткань (*ватбла*, *фасью*)

наматывается на передний вал. Нити основы разделяются при помощи механизма (*митърья*), приводимого в движение педалями (румейск. *патыта*, *пайити*, *пайа*, татарск. *басай*). При простейшем тканье употребляют две педали: для того чтобы выткать сложный узор, необходимы две или даже больше пар педалей, при этом необходимо соблюдать определенный ритм. В открывавшийся зев основы (*крофу*) руками пробрасывался челнок с поперечной уточной нитью *фатъ*, а при многоцветном узоре — несколько челноков в определенном порядке. Работа ткачихи требовала большой сноровки и терпения.

Продетую в зев нить прибивают сильным ударом гребня (румейск. *хапэн*, татарск. *тарâх*), подвешенного на свободно двигающейся раме (румейск. *ватбъл*, *ватâлу*) при помощи ручек — бердо (румейск. *ватâлы шйра*¹²⁰). Гребень изготовить очень сложно, поэтому его старались сохранить как можно дольше. Весь ткацкий стан могли сооружать своими силами, а гребень обычно брали от старого, вышедшего из употребления стана.

Употребляемое в Приазовье название станка в целом *курватъыныс* изначально относилось лишь к продольным рамам станка. Его поперечены оставляют задний вал (*писынб ту альбтъ*), на который наматываются нити основы и который придерживается и в нужный момент поворачивается длинным металлическим штырем (*макрустрэм*), и передний вал (*имр-*

Ткацкий стан

бирно ту албыть), к которому прикреплен короткий металлический штырь (*кундысрэм или зывлы*)¹²¹. На передний вал наматывается готовая ткань. Зывлы (или завлы) — это существенная деталь греческого станка; в отличие от русского и украинского, где передний вал придерживается с помощью зубчатого колеса (на некоторых украинских станах зубчатая шестерня имеется и у заднего вала), у станков, на которых работают болгарки, албанки и гагаузки, валы закрепляются и поворачиваются, как у греческого, длинным штырем, но не металлическим, а деревянным.

Оригинальны меры длины, которыми пользовались мастерицы, употребляя понятные для них выражения: *пбса гунёя ёкамис?* — сколько ты соткала? (буквально значит: «сколько гуней сделала?»). *Гунейс* — это легкие жердочки, которые вставляются попарно в нити основы на заднем валу, чтобы нити не путались, на расстоянии 2–3 м, а по мере поворачивания заднего вала они выпадают¹²². Буквально гуinea означает «стена»¹²³. Эта мера длины восходит ко времени, когда основу сновали не на колышках на земле, как ныне, а на стенах строений¹²⁴.

Тканье было двух видов: однородное, то есть из ниток одного материала и качества, и неоднородное, при котором применяли сочетание ниток хлопчатобумажных и шелковых (такое сочетание характерно для материи, из которой шили женские нательные рубахи), хлопчатобумажных и льняных, толстых и тонких, отбеленных и «суровых». В результате таких сочетаний получались узорные ткани, которые шли преимущественно для изготовления декоративных изделий, для полотенец, салфеток и т. п.: например, края изделия обрамляли полосками иной фактуры и другого цвета, чем основное полотнище.

Лощения, валяния и т. п. обработки тканей из растительных волокон не было.

Ширина ткани, зависящая от устройства ткацкого станка, влияла на покрой одежды. Например, в женской рубахе туникообразного покроя, обе полки (передняя и задняя) которой выкраивались из одного куска материи, зачастую вставляли боковые клинья, так как ширина тканого полотнища оказывалась недостаточной.

Самодостаточность крестьянского хозяйства никогда не была абсолютной в Приазовье, но все же значительной в первые десятилетия. Домодельные ткани для одежды, всевозможные предметы для спальных мест, для курвата и для убранства комнат выходили из употребления постепенно. Даже на рубеже XIX и XX вв., когда женские юбки, кофты шили, как правило, из фабричной материи, фартук — особенно для праздничного костюма — изготавливали еще из шерстяной домотканины. В с. Стыла пожилые женщины в 1970-х гг. помнили, как их бабушки готовили для парадного фартука (*мандиль*) шерсть самого тонкого прядения.

Сравнительно долго (до 1920-х гг.) бытовали плащи из домотканого сукна. Для него ткали плотную материю из толстой неокрашенной шерсти пополам с коноплей (основа из суровых конопляных ниток, уточная нить — шерстяная). Более тонкое домодельное сукно шло на башлыки и онучи.

Сукно валяли вручную, в домашних условиях. Это была мужская работа. Материю окунали в горячую воду, затем двое мужчин, стоя друг против друга, натирали ее изо всей силы о ребристую деревянную доску, снова окунали в горячую воду и снова натирали — и так несколько раз, пока ткань не превращалась в плотное толстое полотнище (так поступали в селах Малая Янисоль, Ласпа и других). Были и другие способы изготовления сукна, в частности с применением золы. В селе Сартана этим делом занимались женщины. Они собирались большими компаниями для совместной работы (*талака, талеха*) во дворе одной из них, изготавливали столько сукна, сколько требовалось этой хозяйке (она за это угощала работавших), потом переходили к другой, так обеспечивали всех по очереди.

СЕЛО И ГОРОД

Административный и хозяйственный центр Греческого уезда — город Мариуполь был населен преимущественно татароязычными греками. На первых порах, как уже сообщалось выше, крымскотатарский язык был языком общения. Постепенно его в этом качестве вытеснял русский. Этот естественный процесс в первую очередь был связан с ремесленно-промышленной и торговой деятельностью городского населения.

К городу примыкал обширный сельскохозяйственный район, поэтому в конце XVIII — начале XIX в. в Мариуполе возникали небольшие кустарные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Прежде всего это уже упоминавшиеся выше мельницы. В 1830 г. в городе появилась макаронная фабрика, которая использовала муку местного производства. Ее основал итальянец, имя которого неизвестно, а позже ее приобрел другой итальянец — Санвинетти. Рабочими на первых порах были местные греки, позже к ним присоединились русские¹²⁵.

Самым первым промышленным предприятием в городе был кожевенный завод (построен в 1780 г.), на котором вырабатывался черный сафьян, а потом — подошвенный товар¹²⁶. Позже возникли салотопенные, мыловаренные и свечные заводы. В 1810 г. на них было вытоплено 600 пудов сала, в 1824 г. — 1200 пудов. Часть производственного продукта использовалась местным населением, часть шла на продажу¹²⁷.

Важную отрасль хозяйства составляли рыбные промыслы, в которых было заинтересовано и сельское, и городское население. Еще первые пере-

селенцы, прибыв на отведенные им места, застали там украинских рыбаков. После переселения греков объем ловли несколько сократился, так как греки были более склонны к скотоводству и хлебопашеству. Однако позже жители прибрежных сел Ялты, Урзуфа и других начали постепенно возрождать рыбный промысел. Были организованы «заводы» (как тогда говорили) вблизи города на Зинцовой и Белосарайской косах. Их владельцами были мариупольские греки — купцы и мещане, на промыслах же работали украинцы, объединившиеся в артели — «ватаги». На каждом рыбном заводе было по 1–2 невода. На невод требовалось 22 человека: мастер («атаман»), его помощник и 20 рабочих — «забродчиков». Заработок зависел от объема добычи: после вычета на необходимые расходы (покупка сетей, бечевы, поплавок, соли) оставшуюся вырученную сумму делили пополам — половину вручали хозяину завода, вторую половину делили поровну между работавшими. Необходимое снаряжение — сети (на каждом заводе их требовалось до 17 000 сажень), пеньковая бечева (80 пудов), «поплавки» из коры (тысячу штук) — привозили из других губерний России, соль (ее требовалось 3 тысячи пудов в год) везли из таврических соляных озер.

Каждый завод занимал довольно большую территорию — по сто сажень в длину и в ширину, на которой располагались необходимые постройки: жилой дом, два сарая, три кладовых, сушильни для рыбы — сооружение на деревянных сохах без крыши¹²⁸.

О размерах улова можно судить по данным на 1817 г.: было выловлено белуги 100 пудов, осетра 30 пудов, севрюги 20 пудов, сома 100 пудов. Было также добыто рыбьего жира 350 пудов.

Выловленная весной и летом рыба засаливалась и после вывяливалась на солнце, осенний улов просаливался более основательно, а зимний замораживался¹²⁹.

Летом в Мариуполе разворачивался большой торг: съезжались возчики (в начале XX в. их насчитывалось до 13 тысяч), чтобы на телегах с высокими бортами («фурах») вывозить рыбу на Украину, в Польшу и далее — к австрийской границе¹³⁰.

В 1809 г. в Мариуполе было 29 рыболовных заводов. Чтобы еще полнее развернуть свою деятельность, хозяева этих заводов добились указа Сената (от 30 апреля 1810 г.) о прирезке им земли шириною в две версты по побережью Азовского моря¹³¹.

В 1847 г. число рыболовных заводов возросло до 47, совокупный доход их доходил до 17 000 руб. в год и выше (в середине XIX в. современники называли даже сумму в 100 тыс. руб.). К 1850-м гг. греческие предприниматели стали уступать инициативу русским¹³².

Город расширялся, застраивался, в селах тоже жилищное строительство становилось более совершенным. Требовались новые строительные мате-

риалы. Первый кирпично-черепичный завод возник в Мариуполе в 1782 г. В 1817 г. здесь было изготовлено 45 5000 штук черепицы. В 1825 г. работали 3 завода, к середине XIX в. их стало уже 7 (один из них известковый), а к концу века — 27. Местные глины оказались хорошим сырьем для изготовления высококачественной продукции¹³³.

Металлообработка зародилась с первых лет существования города. В кузницах и различных мастерских изготавливали серпы, наральники для плугов и рал, молотки и прочий инструмент, подковы и т. п. необходимые в хозяйственном быту вещи¹³⁴.

Мариуполь стал важным торговым центром Приазовья. Заинтересованная в хозяйственном освоении южных степных пространств, в развитии морской торговли российская администрация поощряла деятельность греческих купцов. Например, в 1817 г. русские купцы платили подати в размере 4,75% с оборота, а греческие — 4,5%¹³⁵. В 1828 г. вышло постановление о том, что с греческих купцов Новороссии взимается подать меньшая, чем с других «азиатцев»¹³⁶.

В первой половине XIX в. мариупольские купцы держали в своих руках всю торговлю прилегающей округи. Однако внутренняя торговля большого размаха не имела¹³⁷. Разворачивалась она преимущественно на сельских ярмарках. Например, в селе Богатырь ярмарка собиралась два раза в год¹³⁸. В 1859 г. собрались две ярмарки в с. Старый Керменчик¹³⁹. Оборот сельских ярмарок был невелик, потребление греческих крестьян было слабым¹⁴⁰.

Основная деловая жизнь сосредоточивалась в Мариуполе; он служил рынком и складом для всей округи: на базарной площади производилась торговля всем необходимым для жизни в городе и на селе, сюда же съезжались крестьяне со своими товарами¹⁴¹.

Можно сказать, что торговля была главным занятием жителей Мариуполя. Наглядны такие сведения от 1782 г.: из 2992 мужчин, живших тогда в городе, 144 были купцами. Ежегодно в городе собирались четыре ярмарки. Обязательно 1 октября (ст. ст.) открывалась Покровская ярмарка, на которую съезжались жители не только окрестных греческих сел, но и внутренних губерний России. В 1840-х гг. сюда привозили ежегодно товаров на сумму до 50 тыс. рублей серебром, а в 1850-е гг. — около 100 тыс. рублей серебром¹⁴². Мариупольские купцы сбывали зерновой хлеб, шерсть, кожу, сало, живой скот. Главным же товаром была соленая и вяленая рыба и продукты ее переработки, которые доставлялись не только с мариупольских рыбных заводов, но и с Дона и Кубани. За рыбным товаром в Мариуполь прибывало до 20 тыс. возов, а в середине XIX в. — до 50 тыс. возов ежегодно¹⁴³.

В начале XIX в. количество ежегодных ярмарок сократилось до двух, но по воскресеньям и праздничным дням устраивались торги, расширялась лавочная торговля. В 1825 г. в Мариуполе было 108 каменных и 12 дере-

вянных лавок. Открывались постоянные дворы, трактиры и харчевни, строились амбары и погреба для хранения товаров¹⁴⁴. В 1794 г. в городе был 1 постоянный двор и 4 харчевни, в 1816 г. — 4 постоянных двора, 5 харчевен, 10 амбаров, к 1825 г. прибавилось еще 2 трактира и 5 винных погребов, а в середине XIX в. насчитывалось более ста складов, где хранились большие запасы товаров. Были устроены также весы и эталоны мер¹⁴⁵.

Еще в первой половине XIX в. Мариуполь наряду с Бердянском, Таганрогом, Керчью и другими азовскими городами стал важным морским торговым пунктом, одним из главных портов по экспорту пшеницы¹⁴⁶. Из глубинных районов России подвозили зерно, шерсть, льняное семя, сало, масло и прочие сельскохозяйственные товары. Помещики степной полосы, казаки, купцы-перекупщики, иностранные негодянты — все собирались на товарных биржах приморских городов¹⁴⁷.

Главным предметом экспорта стала пшеница («арнаутка»), за которой прибывали десятки купеческих судов из Греции, Турции, Италии (в 1836 г. прибыло 95 судов, в 1841 г. — 62 судна). В среднем ежегодно из Мариуполя отправляли по 172 тыс. четвертей зерна. Бывали годы, когда количество экспортируемого зерна намного возрастало, например в 1847 г. было вывезено 466 992 четверти, в 1852 г. — 365 436 четвертей. В 1848 г. было продано за границу зернового хлеба на сумму 3 700 000 руб. серебром¹⁴⁸.

Основными предметами импорта были греческие вина, изюм и сухие фрукты из Турции¹⁴⁹.

Упорядочению внешнеэкономических связей способствовало создание в Мариуполе таможенной заставы (1799 г.)¹⁵⁰ и портового управления (1808 г.)¹⁵¹. Крымская война 1853–1856 гг. нанесла значительный ущерб городу и его торговле.

С развитием хозяйственной деятельности изменялся и внешний вид Мариуполя: в 1782 г. в городе было только 53 каменных дома и 20 мазанок, в 1794 г. каменных домов значилось 169, деревянных — 53, мазанок — 170. Были сооружены четыре церкви и несколько общественных зданий. К 1825 г. в Мариуполе было 629 домов¹⁵².

В первый период жизни в Приазовье население города почти не увеличилось: в 1782 г. насчитывалось около 3 тыс. жителей, в 1795 г. — чуть больше 3 тыс., через 20 лет в 1826 г. — примерно столько же¹⁵³.

Жизнь города осложнялась чрезвычайными происшествиями: эпидемиями холеры (1847 и 1878 гг.), засухой, повлекшей за собой неурожай, военными бедствиями в годы Крымской кампании¹⁵⁴.

В целом же необходимо принять во внимание, что среди приазовских греков значительно преобладало сельское население.

Экономические возможности греческих крестьян были в то время весьма неоднородны. Богатые скотовладельцы гоняли крупные стада в благо-

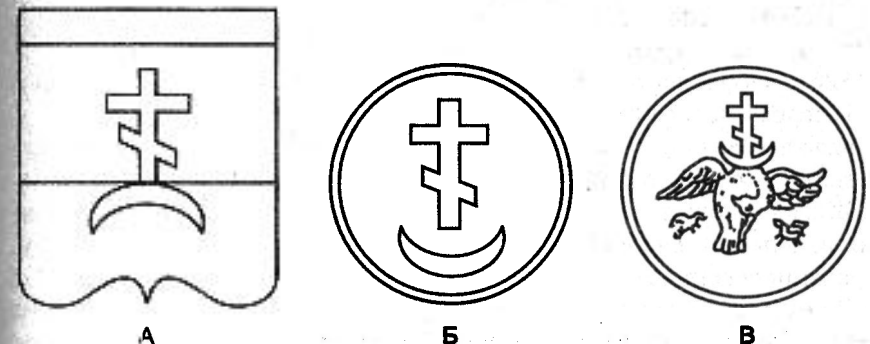
приятные для их выпаса районы, например на Северный Кавказ (в самом Мариупольском округе не было достаточно хороших пастбищ).

В общей же сложности современники оценивали состояние греческого сельского хозяйства как невысокое и малорентабельное, страдающее в засушливые годы, когда не хватало средств на сохранение и приобретение посевного материала. Внешний вид греческих подворий казался русским путешественникам убогим¹⁵⁵.

На этом фоне выделялись зажиточные хозяйства, которые иногда вступали в конфликт с городской администрацией за земельные владения¹⁵⁶. Равным образом возникала конфликтная ситуация между греками (вернее — их административной верхушкой) и русскими конкурентами.

Хотя обеспеченность земельными угодьями греческих колонистов в общем была значительно выше, чем у крепостного и государственного крестьянства центральных губерний России (в 1850-х гг. они имели по 25 десятин на душу, в то время как государственные крестьяне имели в среднем около 8 десятин на душу¹⁵⁷), распределение угодий было далеко не равномерным, имущественное расслоение в среде крестьян стало заметным (что усилилось позже, в пореформенное время).

Жизнь греческой общины была весьма замкнутой. Общественные интересы концентрировались в сельском мире. За пределами этого мира жизнь колонистов регулировали общегреческие учреждения — Греческий суд и самоуправление. В первый период обустройства мигрантов система самоуправления была необходима. При ее помощи новопоселенцы смогли укорениться в Приазовье; в дальнейшем она превратилась в тормоз свободного экономического развития уезда. Та социальная верхушка, которая верховодила в Греческом суде, старалась сохранить и упрочить свои позиции. Лица, не принадлежавшие к обществу мариупольских греков, даже если

А — герб Мариуполя, Б — печать Греческого суда, В — печать Мариупольской городской управы. 1-я пол. XIX в.

они женились на местных гречанках, не допускались к владению землей, некоторые из них были записаны по ревизии в других местах¹⁵⁸.

В 1843 г. ревизору Сената М. Н. Жемчужникову была подана жалоба, в которой сообщалось, что в городе вопреки воле горожан поселяются «иностранцы» и отставные солдаты. Всего согласно ревизской сказке из числа первопоселенцев в городе насчитывалось 1518 купцов (очевидно — членов семей купеческих). А «иногородних» было 8 семейств. Но и эти показались старожилам лишними. Они просили запретить «иногородним» скупать «произведения земли, доставляемые кулашниками (закупщиками)».

Лишними показались первопоселенцам и вновь прибывшие из Малой Азии их соплеменники — «вышедшие из турецкого владения», заселившие «Анадолию» (село Анадоль). Из числа прибывших (59 душ мужского пола) 15 семей (48 человек) пожелали «вписаться в поселенское звание по сему селу». Очень не хотелось мариупольцам делиться с кем бы то ни было своими привилегиями¹⁵⁹.

В 1859 г. был опубликован Указ Государственного совета о том, что привилегии, данные переселенцам из Крыма в 1779 г., не распространяются на позднейших мигрантов¹⁶⁰.

В течение первой половины XIX в. Греческий суд имел очень большую силу. Но уже тогда определенные круги выражали недовольство его действиями: распоряжением Аракчеева от 15 июня 1816 г. при Департаменте государственных имуществ был создан особый комитет для рассмотрения жалоб греков. В его составе — статс-секретарь И. Каподистрия, депутаты от мариупольских греков и несколько российских чиновников¹⁶¹.

В последующие десятилетия стала нарастать конкуренция между греческими и русскими купцами, последние начали ходатайствовать перед правительством о закрытии Греческого суда, жаловались через своего представителя, что суд этот «действует пристрастно в пользу греческих уроженцев и в ущерб других, так что он становится невыносимым для русских, иностранцев, живущих в округе»¹⁶².

После реформ конца 1850-х — начала 1860-х гг. Греческий суд был упразднен.

Малочисленное греческое дворянство можно разделить на две категории: к первой из них отнести дворян Мариупольщины — местных, получивших дворянский титул в России за какие-либо заслуги. К таковым относился племянник митрополита Игнатия Иван (Янаки) Гозданов. К другой категории принадлежали представители имущих слоев, эмигрировавшие из Греции. В России они присваивали себе дворянское звание. Среди них — Л. Ф. Калари, во владении которого было два дома, два магазина, хутор с фруктовым садом, шелковичная плантация, где насчитывалось 10 тысяч деревьев, одно каботажное судно, девять рыбных заводов и 8 душ крестьян

в Александровском уезде¹⁶³. Известно, что в 1823 г. в Мариуполе находилось 18 человек греческих дворян и чиновников (9 душ мужского и 9 — женского пола)¹⁶⁴.

Влиятельную группировку среди греческого населения Мариупольщины составляло духовенство. Его первой заботой после переселения была постройка церквей. За один год (1780 г.) во всех греческих селах были построены церкви. На первых порах это были довольно примитивные сооружения: или землянки (в селах Большая Янисоль, Малая Янисоль, Бешево, Улаклы), или плетневые постройки (Старый Крым, Богатырь, Старый Керменчик); позже стали строить деревянные (в Богатыре в 1794 г., в Константинополе) и, наконец, каменные (в 1786 г. в Старом Крыму, в 1880 г. в Сартане и несколько позже в остальных селах). В большинстве селений хорошие каменные церкви возводились в течение XIX в.¹⁶⁵

В епархию митрополита Игнатия входили не только Мариуполь с его окрестностями, но и весь Крым (с 1783 г.). К ней же принадлежали греки, жившие в Таганроге и Екатеринославе. Игнатий (как и многие другие духовные лица) был богатым человеком: долговых записок после его смерти осталось 50 штук на сумму 6914 руб. 79 коп. Ему же принадлежали 1500 десятин земли, 1512 голов овец, 820 голов ягнят, 80 козлят и т. д.¹⁶⁶

После смерти Игнатия (1786 г.) греки-христиане вошли в состав Екатеринославской епархии на правах викариатства. Богослужение велось священниками-греками на непонятном народу древнегреческом языке¹⁶⁷. Забегая вперед, надо заметить, что противостояние греческого и русского духовенства проявлялось и сто лет спустя после того, как людям негреческой национальности было разрешено селиться в Мариуполе. Еще при основании города Павловска было начато строительство каменной церкви во имя Марии Магдалины. После вывода из этого первоначального пункта первопоселенцев с целью размещения в нем греков и переименования его в Мариуполь строительство церкви было прекращено, позже русско-украинские жители (украинцы населяли приморские косы, где разворачивались рыбные промыслы) на свои средства достроили церковь и привели ее в порядок. Однако греческое духовенство препятствовало службе русских священников, так что русскоязычные люди были лишены самых необходимых церковных треб¹⁶⁸.

Господствующие группировки греческого населения Мариупольщины зачастую ссорились между собой. Например, некоторая часть купечества, не сумевшая приспособиться к местным условиям и недовольная переселением, враждовала с церковниками и лично с митрополитом Игнатием. В свою очередь Игнатий, невзирая на то, что гражданская власть была отделена от духовной, вмешивался в мирские дела своей паствы. Но Греческий суд не принимал во внимание его мнение, и поэтому между ними часто происходили конфликты¹⁶⁹.

Не менее острая борьба происходила и в области образования. Некоторая часть дворянства и нарождавшейся буржуазии стремилась русифицировать школы. Например, Л. Ф. Калери, смотритель городского приходского училища, упорно боролся за то, чтобы учащиеся как можно более активно учились русскому языку.

Первым учебным заведением на Мариупольщине стала приходская частная школа, открытая в Мариуполе в 1810 г. Через 10 лет, в 1820 г. в этом городе было открыто приходское двухклассное училище. Оно обслуживало преимущественно городских детей, так как крестьянам было затруднительно содержать детей на городских квартирах. В 1833 г. таких детей было всего лишь семеро, в 1843 г. — шестеро. Среди школьников преобладали дети мещан, т. е. городских жителей (50 чел. в 1833 г. и 41 чел. в 1843 г.), меньше было купеческих детей (14 чел. и 7 чел. соответственно), а также дворян и офицеров (16 чел. и два чел. соответственно). А всего в училище обучалось в 1833 г. 87 чел., через 10 лет их стало еще меньше — 56 учащихся¹⁷⁰.

В 1825 г. в селе Саргана было основано духовное училище. В 1840-х гг. в некоторых селах открылись школы, где мальчиков обучали греческому и русскому языкам¹⁷¹.

Подсчет учебных заведений и количества учащихся весьма затруднителен, так как данные в источниках приводятся по Мариупольскому уезду в целом (а он менял свои границы) без разделения на школы, работавшие в чисто греческих селах, русско-украинских или со смешанным населением. В греческих селах в школах всех категорий обучение продолжалось на один год более, чем в остальных, так как первый год тратился на освоение детьми русского языка. Охват детей школьного возраста учебными заведениями разных категорий («министерских», т. е. государственных, земских, церковноприходских) и уровень получаемых знаний характеризуются разными авторами весьма различно. Некоторые оценивали этот уровень скептически, особенно в отношении женского образования: частную женскую школу, открытую в Мариуполе в 1853 г., посещали немногие, большинство же женщин, по выражению современника, «коснели в совершенном невежестве»¹⁷². Другие авторы (правда, уже по отношению к более позднему времени — концу XIX и началу XX в.) полагают, что процент грамотных среди греков был высок, так же как и тяга к чтению: отмечалось активное посещение библиотек¹⁷³.

Постепенно Греческий округ терял свое особое положение и втягивался в общую жизнь Российской империи. Существенным обстоятельством было распространение на греков общегосударственной податной системы. При переселении новым колонистам было даровано освобождение от налогов на 10 лет (с 1779 г.). По прошествии этого срока поземельный налог равнялся 5 коп. с десятины. В 1825 г. он был увеличен до 10 коп.¹⁷⁴ На содержа-

ние двух почтовых станций в Мариуполе и Камышеватой с мещан и купцов взималось по 46,75 коп. ежегодно, а с крестьян по 23,5 коп. В 1862 г. мариупольские греки были обложены земским сбором наравне с другими жителями Екатеринославской губернии¹⁷⁵.

Лишние необрабатывавшиеся земли были отобраны у бывших колонистов и переданы новым поселенцам. Население округа из моноэтнического превращалось в многонациональное.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта глава написана в значительной степени на основании полевых материалов Ю. В. Ивановой. Все, что не оговорено ссылками на другие источники, извлечено из полевых тетрадей и дневников: *Иванова Ю. В.* Полевая тетрадь. Приазовье, 1969; Полевой дневник. Приазовье, 1969; *Она же.* Полевая тетрадь. Приазовье, 1970; Полевой дневник. Приазовье, 1970; *Она же.* Полевая тетрадь. Приазовье, 1971; Полевой дневник. Приазовье, 1971; *Она же.* Полевая тетрадь. Приазовье, 1988; Полевой дневник. Приазовье, 1988 (все — в научном архиве Института этнологии и антропологии РАН). См. также: *Иванова Ю. В.* Хозяйственный быт греков Приазовья // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 130–139.
- ² Общее обозрение Екатеринославской губернии (рукопись 1845 г.) // Архив РГО. Разр. 13. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6, 24–24; *Захарько В.* Хомутовская степь // Известия. 1976.25.06. № 151 (18299).
- ³ Общее обозрение Екатеринославской губернии. Л. 6, 23–24.
- ⁴ Архив МКМ. Д–3476 (Табель о состоянии хозяйства г. Мариуполя и греческих сел Мариупольского уезда. 1794).
- ⁵ МКМ. Д–3482 (Ведомость о количестве скота в селах, подведомственных Мариупольскому уезду. 1800 г.).
- ⁶ МКМ. Д–3479 (Дело о состоянии хозяйства г. Мариуполя и сел, подведомственных Мариупольскому греческому суду).
- ⁷ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 193. Л. 245.
- ⁸ *Дружинина Е. И.* Южная Украина. 1800–1825 гг. М., 1970. С. 209–210.
- ⁹ Архив МКМ. Д–3479.
- ¹⁰ *Золотов В. А.* Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963. С. 18, 105, 170.
- ¹¹ Сведения любезно сообщены автору Ф. Н. Церахто — краеведом-любителем, уроженцем села Саргана.
- ¹² *Джуха И. Г.* Одиссея мариупольских греков. Вологда, 1993. С. 115–116.
- ¹³ *Церахто Ф. Н.* Две эпохи. Кн. 1. Мариуполь, 1967. С. 19–26 (рукопись).
- ¹⁴ *Хартахай Ф. А.* Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. II. Отд. 1. С. 217.

- 15 *Гаджиев М.-Г. А.* Народные традиционные навыки по уходу и содержанию крупного и мелкого рогатого скота в Южном Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. // *Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв.* Махачкала, 1979. С. 58.
- 16 Раздел об использовании навоза написан *Л. А. Лыгановой*, см. также: *Лыганова Л. А.* Использование навоза в крестьянском хозяйстве (конец XIX — первая половина XX в.) // *Етнографічні дослідження Південної України. Збірник наукових праць Всеукраїнської ювілейної конференції, присвяченій 145-річчю з дня народження Я. П. Явроницького.* Запоріжжя, 1992. С. 22–24.
- 17 РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 193. Л. 245.
- 18 В 1817 г. было посеяно 15 117 четвертей, собрано 98 564, урожайность, следовательно, составила 6,5 (МКМ. Д–3479).
- 19 По материалам *Л. А. Лыгановой*.
- 20 В 1817 г. в греческих селениях насчитывалось 23 тысячи лошадей (см.: РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 193. Л. 245).
- 21 Приведенный здесь анализ спорного перевода данного места из акритского эпоса принадлежит *Т. Н. Чернышовой* — авторитетному специалисту по изучению языка мариупольских ромеев. Справедливости ради надо заметить, что на Эгейских островах, где грунт каменист, ток мог быть разбит на каменной, в том числе и мраморной поверхности.
- 22 В разделе о зерновых ямах использованы материалы *Л. А. Лыгановой*. О более широком круге распространения ямных сооружений см.: *Лыганова Л. А.* Генезис ямных конструкций. Использование ямных сооружений в хозяйстве донских казаков в Приазовье. Кон. XIX — нач. XX в. // *Летопись Донбасса. Краеведческий сборник.* Вып. 2. Донецк, 1994. С. 58–63.
- 23 *Хартахай.* Исторические судьбы крымских татар // *Вестник Европы.* Т. II. Отд. 3. СПб., 1867. С. 169.
- 24 *Гайдуков Н. Е.* Путеводитель по пещерным городам Крыма. М., 1997. С. 82–83.
- 25 *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов // *Востоочнославянский этнографический сборник.* Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956. С. 320–322.
- 26 МКМ. Д–3476, 3523 (Дело о состоянии хозяйства г. Мариуполя и сел, подведомственных Мариупольскому греческому суду: о доходах с владельческих имений. 1816).
- 27 *Джуха И. Г.* Одиссея мариупольских греков. С. 117.
- 28 Общее обозрение Екатеринославской губернии. Л. 14.
- 29 Там же. Л. 15.
- 30 МКМ. Д–3524 (Дело о состоянии хозяйства г. Мариуполя и сел, подведомственных Мариупольскому греческому суду. 1814 г.).
- 31 МКМ. Д–3479.
- 32 Общее обозрение Екатеринославской губернии. Л. 25.
- 33 МКМ. Д–3476, 3524.

- 34 *Джуха И. Г.* Указ. соч. С. 145–146; *Токий Н. Н., Лях Р. Д., Лыганова Л. А.* Фамилии, быт и жилище греков Украины // *Греки Украины: история и современность.* Донецк, 1991. С. 164; *Анторинов А.* Домашний быт мариупольских греков // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии.* Т. XIII. Вып. 1. М., 1874.
- 35 *Борисова Е. С., Першина К. В.* Топонимия приазовских греков в «Историко-этимологическом словаре географических названий Юго-Восточной Украины» // *Донбасс и Приазовье.* Мариуполь, 1993. С. 141.
- 36 *Кондараки В.* Универсальное описание Крыма. Ч. 8. СПб., 1875. С. 107.
- 37 *Марков С. И.* Заметки о быте греков Мариуполя // *Мариуполь и его окрестности.* Мариуполь, 1982. С. 412–413.
- 38 Ср., например, у караимов Крыма: МАЭ. Колл. 7104. № 31, 33, 35, 36; у турок: МАЭ. Колл. 3273. № 42, 45 — а, б (сбор *М. А. Бартольда.* Константинополь); *Еремеев Д. Е.* Страна за Черным морем. М., 1968. С. 98.
- 39 *Клаус А.* Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1896. С. 151–152.
- 40 *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России // *За народни умотворения и народопис.* Кн. XXIX. София, 1914. С. 64; *Демоль И.* Сельское хозяйство в Новороссийском крае // *ЖМГИ.* 1845. № 6. С. 223; *Скальковский А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Т. II. Одесса, 1850. С. 21 и сл.
- 41 Изложение истории развития жилого дома греков Приазовья основано на публикациях *О. Р. Будины*. См.: *Будина О. Р.* О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья // *Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.* М., 1972; *Она же.* О некоторых обычаях при строительстве жилого дома // *Новое в этнографии и антропологии. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1973 г.* М., 1975; *Она же.* Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР) // *Культурно-бытовые процессы на юге Украины.* М., 1979; *Она же.* Жилище болгар, греков, албанцев // *Материальная культура компактных этнических групп на Украине: жилище.* М., 1979; *Она же.* Жилище компактных этнических групп в иноэтничном окружении // *Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в.* М., 1997. С. 363–370. В данном разделе использованы также полевые материалы *Л. А. Лыгановой*.
- 42 *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 84–86; *Лыганова Л. А.* Культура жилища донских казаков в Приазовье (конец XIX — начало XX в.) // *Человек: мир и дом. Духовная культура в современном мире. Проблемы гуманитарии.* Материалы международного симпозиума. Мариуполь, 1992. С. 176–179.
- 43 *Куфтин Б. А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925. С. 29.
- 44 Там же; см. также с. 20, 42, 50.
- 45 *Куфтин* ссылается на *Ровинского: Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. СПб., 1897. С. 461.

- 46 Здесь Куфтин ссылается на Харузину: *Харузин А.* Славянское жилище Северо-Западного края. Вильна, 1907. С. 70.
- 47 По материалам Л. А. Лыгановой.
- 48 Есть сведения, что в старину к глиняно-соломенной массе добавляли овечью шерсть, которая якобы придавала кладке прочность и увеличивала теплоизоляцию (*Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 166).
- 49 *Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 8, 19–22; *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки ООИД. 1915. Карта; *Будина О. Р.* Развитие жилища... С. 95–97.
- 50 Общее обозрение Екатеринославской губернии. Л. 20.
- 51 *Чижикова Л. Н.* Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины // Культурно-бытовые процессы... С. 32, 33; *Маркова Л.* Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР // Там же. С. 129–130.
- 52 *Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 20, 29, 42, 50.
- 53 *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 112–117.
- 54 *Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 20–21, 44; *Бернштам А. Н.* Жилище крымского предгорья. Опыт социологического анализа // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. IX. Вып. 6–7. Л., 1931. С. 27; *Дубровский М.* Жилище крымских татар // По Крыму. 1914. № 1. С. 5.
- 55 *Будина О. Р.* Народное жилище албанцев // Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 110–116; *Иванова Ю. В.* Народное жилище Греции // Там же. С. 125; *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии // Там же. С. 24.
- 56 *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье // Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972; *Маруневич М. В.* Поселения, жилище и усадьба гагузов южной Бессарабии в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980. С. 113 и сл.; *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. М., 1979. С. 109.
- 57 *Вейс Г.* Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней. М., 1873. Т. I. Ч. I. С. 298–299; Ч. 2. С. 177.
- 58 *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 130; *Приходько Н. П.* Некоторые вопросы истории жилища на Украине // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 269.
- 59 В середине XIX в. цена на кирпичи из кизяка была такая: от 8 до 12 руб. ассигнациями за тысячу штук (Архив РГО. Разр. 13. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19).
- 60 *Бернштам А. Н.* Указ. соч. С. 29–30; *Дубровский М.* Указ. соч. С. 7–20.
- 61 *Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 267.
- 62 Там же. С. 21.
- 63 Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 262–263.

- 64 По наблюдениям исследователей, трехкамерные постройки с жилыми помещениями по обе стороны коридора преобладали в экономически развитых районах Украины — лесостепи и особенно юга. В конце XIX — начале XX в. распространяются трехраздельные жилища с сенями с одной стороны.
- 65 Интересно, что в домах крымских татар софой именовался балкон-эркер второго этажа (*Куфтин Б. А.* Указ. соч. С. 20).
- 66 *Боплан.* Описание Укарины. СПб., 1832. С. 43.
- 67 *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 120–121; *Чижикова Л. Н.* Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 53–34.
- 68 *Бабенко В. А.* Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905.
- 69 О халатообразной одежде у тюркских народов см.: *Курылев В. П.* Одежда анатолийских турок // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXVI — Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 239–240; Там же см. библиографию вопроса. Женские халаты из Приазовья экспонировались в этнографическом отделе выставки при XIII археологическом съезде в Екатеринославе в 1902 г. (РЭМ. Фототека № 3282–20), но нет сведений об их функциональном назначении. К 1910 г. относится единичное упоминание о женских шароварах (РЭМ. Отдел рукописей. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. С. 10), тоже, к сожалению, не дающее представления о степени их распространения.
- 70 Ср. употребление старинных форм одежды в свадебном и погребальном обряде у восточных славян: *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов... С. 85.
- 71 РЭМ. Фототека. № 4929–35.
- 72 Из сообщения В. Гоффа (с. Камар, 1891 г.). Шамаладжа — очевидно то же, что аладжа — полосатая шелковая ткань, из которой в Турции шили женскую одежду (*Курылев В. П.* Указ. соч. С. 243).
- 73 Ср. татарский *зэбын* — стеганый ватный халат до колен, узкий в талии (*Волков Н. Н.* Крымские татары (рукопись). Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 401. Л. 26). Ср. *зибуна* — халатообразная женская одежда из плотной шелковой ткани лилового цвета с вертикальными полосками — белыми и оранжевыми. Покрой из одного куска без плечевого шва, в талии облегает, ниже талии — расширяется при помощи четырех клиньев, не сшитых между собой, отделанных шнуром. Рукава прямые, вшиты без пройм, книзу резко сужаются. Подкладка из коричневой ткани хлопчатобумажной (РЭМ. Фонды. Колл. 861 — Таврическая губерния, Феодосийский уезд, г. Старый Крым. Сбор. 1905 г.) В 1914 г. в с. Б. Янисоль обнаружены аналогичные экземпляры (Там же. Колл. 3071. № 1, 17). Аналогичная одежда из черного сатина хранится в коллекции МАЭ под названием *бурнус* (МАЭ. Фонды. Колл. 251, 7/27).

- Сбор. 1894 г.), такая же одежда из красного фабричного кашемира названа собирателем *фэрэдже* (там же. № 17/27).
- 74 *Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 116.
- 75 *Браун Ф.* Мариупольские греки // Живая старина. Вып. II. СПб., 1890. С. 86.
- 76 Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8.
- 77 Записано в 1881 г., очевидно, со слов людей старшего поколения школьным учителем В. Гоффом в татароязычном селе Камар (Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8).
- 78 Все термины, указанные в данной работе, записаны со слов информаторов в различных селах Донецкой области и обнаруживают значительные расхождения в говорах.
- 79 В. И. Наулко ошибочно возводит туникообразный покрой рубахи к эпохе Византийской империи (*Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 246). Нательная рубаха такого типа бытовала широко, в том числе и в Юго-Восточной Европе, ранее того времени, когда сформировался византийский культурный комплекс.
- 80 МКМ. Фонды № 909, 2215, 2286; МКМ. Фототека № 2122, 2134. РЭМ. Фонды колл. 3071. № 2, 16 (с. Каракуба, 1914; ср. рубаху крымских татар г. Алушка, 1894 г. (МАЭ. Фонды. Колл. 251, № 12/27)).
- 81 *Zoras P.* Embroideries and jewellery of Greek national costumes. Athens, 1966. P. 8, 9, 11, pl. 1, 11, 12; *Bieber M.* Griechische Kleidung. Berlin und Leipzig, 1928. S. 19–21; *Λουκοπουλου Δ.* Πως υφαινουν και ητυνονται οι αιτωλοι. Εν 'Αθηναϊς, 1927. Σ. 82.
- 82 МКМ. Фототека. № 2123; РЭМ. Фототека. № 3282–19.
- 83 РЭМ. Фонды. Колл. 3071. № 8–11, 59–68 (Сбор 1914 г., села Б. Янисоль, Керменчик, Каракуба).
- 84 МКМ. Фонды. № ММК–И–1101, 1604, 1974, 2213, 2366, 1969–9801, 9223, 8836; МКМ. Фототека. № 1075/118, 63, 64, 2129; РЭМ. Фонды. Колл. 3071. № 5, 15, 18–21.
- 85 *Arta populara in Republica Populara Romania.* București, 1955. Fig. 6, 257, 303, 362, 366, 372, pl. XXXV, XXXIX, XLI; *Зеленчук В. С.* Молдавский национальный костюм. Кишинев, 1985. С. 26, 76, 77, 135.
- 86 «Марома» — тонкое хлопчатобумажное полотнище. Вышивка по краям симметричная разноцветными шелковыми нитями, металлической нитью, блестками. Композиция — растительная, цветочная или геометрическая. РЭМ. Фонды. Колл. 762, № 2, 31, 34; колл. 763, № 1–56, 22; колл. 786, № 6–11, 17, 23, 26 (Сбор 1905 г.); МАЭ. Фонды. Колл. 251, № 22–27 (Сбор 1894 г.); колл. 464, № 1–5.
- 87 *Χατζημιχαλη Α.* Η ελληνικη λαϊκη φορεσια. 'Αθηνα, 1978. Σ. 27, 33, 35, 36, 199 (представлены образцы из Аттики). См. также: *Zoras P.* Op. cit. P. 12, pl. 16.
- 88 Из сообщения Г. Афанасьева, учителя Чермалыкского училища (1819 г.) Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8; РЭМ. Фонды. Колл. 3071. № 6. Фототека № 8282–20.

- 89 *Χατζημιχαλη Α.* Στο 'ιδιο. Σ. 119, 193. Украшение, аналогичное цамблис, прикреплено на спине к вороту платья, спускается ниже талии, на ленте — мелкие серебряные монетки.
- 90 *Афанасьев Г.* Указ. соч.
- 91 МКМ. Фонды № 9823. Фототека № 1075/118; РЭМ. Фонды. Колл. 3071. № 7; колл. 861. № 4: «зуннор» — кусок домодельной шерстяной полосатой ткани, украшен по краям бахромой и обшит шелковой тесьмой зеленого цвета, по углам — концы тесьмы и кисточки.
- 92 О редуцированном заднем фартуке в одежде албанок см.: *Иванова Ю. В.* Научная комадировка в Народную республику Албанию // Советская этнография. 1957. № 3. С. 157.
- 93 *Курьлев В. П.* Указ. соч. С. 244.
- 94 *Λουκοπουλου Δ.* Στο 'ισιο. Σ. 80, 86–88, 96–98, 103–104, 119–120; *Χατζημιχαλη Α.* Στο 'ιδιο. Σ. 195, 196, 211, 265, 269; *Papantonion I.* Greek traditional costumes. Athens, 1993. P. 35.
- 95 РЭМ. Фонды. Колл. 861. № 5.
- 96 Сообщение мариупольского городского головы Акима Антропова 1868 года // Известия ОЛЕ. Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. М., 1874. С. 46.
- 97 РЭМ. Фототека. № 4929–33; РЭМ. Фонды. Колл. 3071. № 4, 37, 58, 69 (сбор 1914 г., села Ласпы, Керменчик, Б. Янисоль).
- 98 *Papantonion I.* Op. cit. P. 27, 31; *Χατζημιχαλη Α.* Στο 'ιδιο. Σ. 89, 92, 107, 136, 137, 173, 191; Ср. образцы из Албании: *Arti popullor në Shqipëri.* Tiranë, 1956. Pl. 4, 6, 22; Ср. образцы из Румынии: *Arta populara...* Fig. 120, 217.
- 99 Об археологических находках серебряных изделий, аналогичных современным, датируемых I тысячелетием н. э., см.: *Иванова Ю. В.* Изучение памятников иллирийской эпохи на территории Албании // Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 183–192.
- 100 *Χατζημιχαλη Α.* Στο 'ιδιο. Σ. 66, 69, 89, 187, 209; *Δεληβορριας Α.* Ελληνικα Παραδοσιχα κοσμιματα. 'Αθήνα, 1979; *Λουκοπουλου Α.* Στο 'ιδιο. Σ. 87, 89, 92–93. Ср. образцы из Албании: *Arti popullor në Shqipëri.* Pl. 4, 18, 19; *Arti në Republikën Popullore të Shqipërisë.* Tiranë, 1953. F. 21, 22, 23.
- 101 Из сообщения Г. Афанасьева (Чермалык, 1891 г.). РЭМ. Фототека № 4929–4.
- 102 МКМ. Фототека. № 1084/126, 1077/119.
- 103 Как сообщает В. Гофф, «фындых» значит «маленькая», «чечек» — цветок, на банджахлы шли монеты с изображением человеческой фигуры (Архив ОЛЕ).
- 104 Там же.
- 105 МКМ. Фототека. № 1077/19, 1142.
- 106 МКМ. Фонды. № 2290.
- 107 *Прилипко Я. П.* Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян. Київ, 1964. Табл. III.

- 108 МКМ. Фототека. № 2219.
- 109 Антонов А. Указ. соч. С. 46.
- 110 Из сообщения В. Гоффа (1891). Ср. описание подобных туфель из турецкой коллекции МАЭ у В. П. Курылева (Указ. соч. С. 248), который определил их как женские домашние туфли.
- 111 Волков Н. И. Крымские татары (рукопись) // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 401; МАЭ. Фонды. Колл. 251. № 1/27, 5/27 (Сбор 1894 г.); РЭМ. Ф. 62. № 12; Ф. 786. № 30 (Сбор 1905 г.).
- 112 Раздел об обработке сырья и ткачестве написан Р. С. Харабатот. Употребляемые здесь местные названия записаны ею в селе Большая Каракуба в 1968 г.
- 113 Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Как жили древние греки. Л., 1959. С. 62.
- 114 Красновская Н. А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989. С. 121.
- 115 «Каматырѣ ту бука камѣтын, ти ас кѣгум, ти ас пѣрум ѓна гамбрѣ (ныф)!»
- 116 Восходит к греч. ἡ ρόκα (прялка) и το ζυλο (v) (дерево).
- 117 Буквально: «голова прялки» (от герч. τό κεφαλι — голова).
- 118 Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Указ. соч. С. 71.
- 119 МКМ. Фототека. № 34 (ткацкий стан сфотографирован в с. Стыла в 1930 г.).
- 120 Ср. греч. χεῖρ (-ος) — рука, ручка, рукоять.
- 121 Макрустрэм — длинный, долгий (греч. μακρός) + стрема (греч. το στρέμμα) — мера поверхности, длины. Кундыстрэм — короткий, маленький (греч. κοντός). Зыгү или зывалы — упряжь (греч. τό ζεύγος, τό ζευγάρι) — «пара, парная упряжка»).
- 122 Их ставят при тканье длинного полотнища, например дорожки. Для коротких изделий, например ковров, их не ставят.
- 123 Ср. греч. ἡ γωνία — «угол, клочок, небольшая часть».
- 124 Ср. в русском языке «стена» — мера холста, единица длины основы (см.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966).
- 125 Мариуполь и его окрестности. С. 254, 258.
- 126 ЛЕТУАК. Вып. 1. С. 78.
- 127 МКМ. Д-3479.
- 128 МКМ. Д-3478. (Архив Греческого суда).
- 129 Там же. Д-3479.
- 130 Кустовский М. И. Фабричная и заводская деятельность города Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. С. 253; Санкт-Петербургский журнал. 1809 г. № 5. С. 89.
- 131 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXI. № 24207-а.
- 132 Екатеринославские губернские ведомости. Екатеринослав, 1889. № 3; Калери Г. М. Топографические и медико-статистические сведения о Мариупольском округе // ЖМВД. СПб., 1845. Ч. II. № 7-9. С. 12.
- 133 МКМ. Д-3476, 3498; Федоров Ф. А. Азовское море с его портовыми городами, их жителями, промыслами и торговлею внутренней и вне России. СПб., 1856. С. 74.

- 134 ЛЕТУАК. С. 78; МКМ. Д-3469 (Ревизская сказка г. Мариуполя за 1795 г.); МКМ. Д-3470 (Ревизская сказка г. Мариуполя за 1811 г.).
- 135 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIV. № 26863.
- 136 ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. III. № 1694.
- 137 Калери Г. М. Топографические и медико-статистические сведения о Мариупольском округе // ЖМВД. СПб., 1845. Ч. II. № 7-9. С. 43.
- 138 Новороссийский календарь на 1840 г. Одесса, 1839. С. 160.
- 139 Списки населенных мест Российской империи. Т. XIII — Екатеринославская губерния с таганрогским градоначальством, составлены И. Вильсоном. СПб., 1863. С. 127.
- 140 Павлович В. Екатеринославская губерния // Материалы для географии и статистики России, составленные офицерами Генштаба. СПб., 1862. С. 223.
- 141 Павлович В. Указ. соч. С. 107; Хараджиев Д. А. Торговля и торговые учреждения г. Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. С. 307-308.
- 142 Павлович В. Указ. соч. С. 340; Титов Г. Письма из Екатеринослава. Одесса, 1840. С. 146.
- 143 ЛЕТУАК. Вып. 1. С. 79; Межевая книга. С. 18.
- 144 Межевая книга. С. 17-18.
- 145 Межевая книга. С. 18; МКМ. Д-3476, 3523, 3528 (Архив греческого суда); Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Екатеринослав, 1867.
- 146 Хараджиев Д. А. Указ. соч. В начале XIX в. почти весь торговый флот на Азовском море находился в руках греческих судовладельцев, но вскоре их потеснили русские (Северный архив. 1828. Ч. 33. С. 75).
- 147 Золотов В. А. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963. С. 116; Демоль И. Сельское хозяйство в Новороссийском крае // ЖМГИ. 1845. № 6, 49. Отд. 6. С. 219-227.
- 148 Мариуполь и его окрестности. С. 312; Федоров Ф. А. Указ. соч. С. 76.
- 149 Ставен Х. Хозяйство греческих колонистов Мариупольского округа // Межевая книга. С. 18; ЖМГИ. 1845. Ч. 9. Отд. 6. № 6. С. 22.
- 150 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1, 1807. Д. 2442. Л. 60.
- 151 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. № 23075.
- 152 ЛЕТУАК. Вып. 1; МКМ. Д-3476; Межевая книга. С. 19.
- 153 Коробов И. В., Саенко Р. И., Солодка М. И. Жданову 200. Страницы истории. Донецк, 1978. С. 14-16.
- 154 Джуха И. Г. Одиссея мариупольских греков. С. 110.
- 155 Екатеринославские губернские ведомости. 1889 г. № 3; Новороссийский календарь на 1840 г. Одесса, 1939. С. 160; Драчевский. Екатеринославская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 4. СПб., 1850. С. 98.
- 156 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXI. № 24207-а.
- 157 ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXVII. № 26838.

- 158 *Александрович*. Краткий обзор Мариупольского уезда. Мариуполь, 1897. С. 61.
- 159 РГИА. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–34.
- 160 ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIV. № 3408.
- 161 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 26319; *Ариш Г. Л.* Этеристское движение. С. 147–148.
- 162 Взгляд на состояние христиан — греков и армян, переселившихся в Екатеринославскую губернию в 1779 г. // *Екатеринославские губернские ведомости*. 1872. № 19.
- 163 *Петрашевский А. Ф.* Очерк учебных заведений г. Мариуполя // *Мариуполь и его окрестности*. С. 173.
- 164 Северный архив. СПб., 1826. С. III.
- 165 *Феодосий*. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Вып. II. Екатеринослав, 1880. С. 325–329.
- 166 *Тимошевский Г. И.* Духовное и гражданское самоуправление. С. 98.
- 167 *Серафимов С.* Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря // *Херсонские епархиальные ведомости*. Херсон, 1862. № 3. С. 161.
- 168 *Феодосий*. Указ. соч. С. 319–323.
- 169 *Тимошевский Г. И.* Указ. соч. С. 100–101.
- 170 *Петрашевский А. Ф.* Указ. соч. С. 171–181, 189, 201, 205.
- 171 *Титов Г.* Письма из Екатеринослава. Одесса, 1849. С. 143; РГИА. Ф. 1382. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–17 об.
- 172 *Серафимов С.* Указ. соч. С. 173, 176.
- 173 *Чупілко Г. Р.* Шкільництво в грецьких поселеннях ХІХ — початку ХХ ст. // *Україна — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва*. Мариуполь, 1996. С. 151–152. Интересные сведения о постановке школьного дела на Мариупольщине см.: *Джуха И. Г.* Одиссея мариупольских греков. С. 141–144 (к сожалению, без указания источников).
- 174 ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XL. № 30268.
- 175 Там же. Собр. 2-е. Т. XXVII. № 20685.
- 176 Там же. № 26838.

3 ГРАЖДАНЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

ГРЕЧЕСКИЙ ОКРУГ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

Пореформенное время, особенно последние десятилетия XIX — начало XX в., было периодом экономического подъема всего юга России. Отмена крепостного права и другие реформы 1860-х гг. изменили жизнь Новороссии. Для Мариуполя наступили новые времена.

В ходе реформ конца 1850–1890-х гг. были ликвидированы национальные округа и отменены привилегии отдельных национальных групп населения, в том числе и греков. Создавались единые гражданские органы самоуправления. С 1858 г. был упразднен особый статус Греческого округа, в Мариуполе было разрешено селиться людям негреческой национальности.

Это сразу изменило не только и не просто национальный состав жителей, но привело к качественным переменам всей социальной жизни.

Не меньшее значение имело упразднение Греческого суда. Он до тех пор руководил всеми делами греческой общины, всей общественной и культурной ее жизнью. В него, как правило, входили крупные землевладельцы, купцы. Сами невежественные люди, они, боясь утратить свой авторитет, противились внедрению в жизнь греков русского языка, европейской образованности. В 1859 г. компетенция суда была урезана: за ним остались лишь судебные дела, а полицейские функции с него были сняты. Судебная реформа 1864 г. вводила институт мировых судей, что в корне меняло положение Греческого суда. В 1875 г. греки были подчинены общим законам империи. Делопроизводство было переведено на русский язык¹.

С 1874 г. на греков распространилась обязанность всеобщей воинской повинности.

На основании законов от 18 января и 24 ноября (ст. ст.) 1866 г. о переходе государственных крестьян в ведение общих учреждений и об их поземельном устройстве закрепленная за селениями государственная земля была передана в собственность сельским общинам. Греческие селения были объединены в 11 волостей: Мангушскую, Ялтинскую, Малоянисольскую, Саранскую, Игнатьевскую, Караньскую, Бешевскую, Старокерменчикскую, Большеянисольскую, Стыльскую, Анадольскую.

В 1873 г. был восстановлен Мариупольский округ (в границах 1779 г.) в составе Екатеринославской губернии. В конце XIX в. в уезде насчитывалось до полутора сотен населенных пунктов.

В Мариуполе, которому был возвращен статус уездного города, разместились Земское собрание, Земская управа и другие учреждения, ведавшие делами уезда. Перепись 1897 г. зарегистрировала 31 116 чел. городского населения².

Главное же событие этого периода — строительство железной дороги: начатое в 1872 г., оно завершилось в 1882 г. и открыло путь углю, добывавшемуся в Донецком бассейне, ко вновь возводимым заводам в самом городе Мариуполе и его ближайших окрестностях.

Не меньшее значение для города имело устройство глубоководного морского порта (1886–1889), оснащенного самым совершенным по тому времени оборудованием. Уже через пять лет экспорт зерна через новый порт достиг 20,5 млн пудов, а его грузооборот в 1911 г. составил 122,4 млн пудов. Мариупольский порт занял второе место по грузообороту на Азовском и Черном морях после Одесского порта³.

В городе открылись консульские агентства Австро-Венгрии, Италии, Бельгии, Франции, Германии и других европейских государств⁴.

Весь экспорт зерна сосредоточился в руках крупных фирм (Л. Дрейфус и К°, Ф. Фискович, А. Хараджаев, Л. Хараджаев и др.).

Близость донецких углей и керченских рудных месторождений, наличие морского порта способствовали созданию в Мариуполе металлургических заводов Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества (1896–1897) и общества «Русский Провиданс» (1898–1899), крупных индустриальных предприятий. Их продукция (стальной лист, нефтепроводные трубы, рельсы, балки, швеллеры и др.) находили сбыт не только в России, но и за границей⁵.

На экономике г. Мариуполя сказался рост общего технического уровня России во второй половине XIX в.

В 1882 г. в городе была построена паровая мельница (производительность — 1200 пудов муки в сутки). В начале 90-х гг. появилась еще одна такая же. Значительно был механизирован процесс производства продукции на двух пивоваренных заводах, открытых в 80–90-е гг. XIX в. (производительность каждого — 10 тыс. ведер пива в год). Владельцами пивоваренных заводов были чехи — Кучер и Сибер, работали на заводах местные греки⁶. Созданный в 1891 г. машиностроительный завод Владимиро-Львовского товарищества производил плуги, буккеры, сеялки и жатвенные машины, находившие сбыт не только в Мариупольском, но и в соседних уездах и в Донской области. Его основателями были евреи братья Соيفер, позже завод перешел к Мошкевичу. Рабочими были русские и украинцы⁷.

Значительно расширилась торговля, особенно внешняя. С 1863 г. по 1878 г. вывоз товаров из Мариупольского порта вырос почти в четыре раза. В последующие годы экспорт неуклонно возрастал: в 1882 г. — 3,7 млн пудов, в 1888 г. — 12 млн пудов⁸. Начали возникать торгово-экспортные фирмы: братьев Ковачевичей, братьев Мембели и А. Деспота, Галеано и др.⁹

Таким образом, благодаря выгодному географическому расположению и наличию удобных коммуникаций Мариуполь к началу XX в. сложился как важнейший промышленный центр юго-востока Украины и один из крупнейших портов Азово-Черноморского бассейна.

Изменялся внешний вид города и социальный состав его жителей. Среди них появилась новая категория — промышленные рабочие, занятые на заводах и фабриках. Горожанами стали считаться и обитатели городских предместий, украинские в своем большинстве жители рыбацкой слободы, которые поставляли на городские рынки рыбное изобилие¹⁰.

В конце века наряду с торговлей ошушался подъем ремесла. По существу все ремесла уезда сосредоточивались в городе. Ремесленники изготавливали предметы домашнего быта, которые не производились в крестьянском хозяйстве, например обувь: мягкие женские туфли из сафьяна (*терлік*), обычно затейливо украшенные, и обувь типа галош (*хатер*). Выделявали кожи, из них мастерили седла, сбрую. Известно и ковроткацкое производство. Эти изделия еще в середине XIX в. сбывались в Крым¹¹, но позже не выдержали конкуренции более дешевых русских товаров.

По имеющимся источникам трудно судить об этнической принадлежности мариупольских ремесленников. Известно, что ремесленные занятия были характерны для еврейского населения. В середине XIX в. евреев в городе на правах «иногородних» было очень немного (в 1847 г. — 111 чел.). Их число значительно увеличилось после того, как в Мариуполе разрешено было селиться людям негреческой национальности. В 1864 г. в городе был оборудован небольшой молитвенный дом (на Харлампиевой улице), позже перестроенный в синагогу с учетом соответствующих правил. В связи с ростом еврейского населения возникла необходимость основания еще одной хоральной синагоги (с 1882 г. на Георгиевской улице)¹².

Мариупольские евреи занимались ремеслами, торговлей, предпринимательством (мыловаренное, мукомольное производство, кирпично-черепичное предприятие и др.). Они также содержали гостиницы, рестораны, аптеки, типографии и многие другие городские заведения, работали портными, выдавали напрокат музыкальные инструменты и занимались прочей разнообразной деятельностью¹³.

В 1890-х гг. было открыто еврейское училище. К этому времени среди горожан насчитывалось свыше 650 чел. евреев.

Менялось не только значение города в экономической жизни, не только этнический состав его жителей, но и весь внешний облик уездного центра, население которого в 1874 г. составило 9774 чел.

Еще незадолго до того, в конце 1860-х гг., Мариуполь так характеризовался в географическом описании: «Мариуполь — портовый город... 7440 жителей. Домов — 1203... Главное занятие жителей составляет торговля. Почетных граждан и купцов 221, магазинов для складки товаров 126, лавок 42, трактир — 1, гостиниц 2, харчевен 3 и постоянных дворов 4... Ремесленников 214... Фабрик и заводов 14, из которых черепичных и кирпичных 10, 7 церквей, 4 учебных заведения и почтовая станция...»¹⁴ Итак, это был небольшой торгово-ремесленный городок, трактир и гостиницы которого явно не рассчитаны на приезжих деловых людей. В пореформенное время все изменилось. Была открыта первая в городе земская больница, учреждены мужская и женская гимназии и другие училища, организовано освещение улиц газовыми фонарями. В 1897 г. состоялся первый киносеанс¹⁵.

Таким образом, к качеству жизни предъявлялись уже иные требования, новые критерии формировали потребности, среди которых не последнее место занимал престижный фактор.

В организации общественной и культурной жизни большую — если не решающую — роль играла инициатива наиболее активных местных патриотов. Особенно ярко их деятельность проявилась в организации просвещения. Выдающейся личностью был Феоктист Хартахай — уроженец с. Чардаклы, выпускник Санкт-Петербургского университета, сотрудничавший в журнале «Современник», знакомец украинского поэта Тараса Шевченко. Он преподавал русский язык в учебных заведениях Варшавы. Поставив себе целью организацию просвещения на своей родине, он выступил с инициативой — открыть в Мариуполе частную гимназию¹⁶.

Статус уездного города давал право городским властям поднять перед правительством вопрос об открытии в Мариуполе средних учебных заведений¹⁷. Ф. А. Хартахай обратился к городскому голове с предложением открыть в Мариуполе частное училище на правах прогимназии (основание такого заведения не требовало высочайшего указа). Предложение было принято, и в августе 1875 г. Ф. А. Хартахай открыл мужскую и женскую прогимназии, пригласив на должность начальницы женской прогимназии учительницу из Петербурга А. А. Генглез.

Одновременно Мариупольская городская дума направила в Петербург ходатайство о создании в городе государственных гимназий. 27 января 1876 г. Александр II подписал указ об учреждении в Мариуполе мужской, а 21 апреля 1876 г. — женской гимназий. Частные учебные заведения, созданные Ф. А. Хартахаем, были преобразованы в государственные. Их торжественное открытие состоялось 15 и 16 сентября 1876 г. С того года и до

своей смерти Хартахай был директором мужской гимназии и как таковой председателем педсовета женской гимназии.

В мужскую гимназию (в составе приготовительного и 4-х основных классов) было принято 158 чел., в женскую (в составе приготовительного и 3-х основных классов) — 129 чел. Обучение было платным.

К 1880/81 учебному году мариупольские гимназии состояли из полного числа классов: в мужской — приготовительный и 8 основных (186 чел.); в женской — приготовительный и 7 основных (137 чел.). В 1891/92 учебном году в женской гимназии был открыт 8-й (педагогический) класс (7 чел.).

Постоянный рост населения г. Мариуполя (в 1897 г. — более 31 тыс. чел., в 1910 г. — более 50 тыс. чел.) вызывал приток учащихся в гимназии. В 1897 г. мужская гимназия еще состояла из 9 классов — 1 приготовительный и 8 основных (251 чел.), а в женской гимназии их было 11: 2 приготовительных, 7 основных, 1 параллельный и 1 педагогической (313 чел.). В 1902 г. в мужской гимназии было 13 классов (420 чел.), в женской — 16 классов (595 чел.). На 1 января 1914 г. в женской гимназии было 20 классов (740 чел.).

Среди учащихся гимназий были дети дворян, чиновников, духовенства, купцов, мещан, крестьян, казаков, иностранных подданных. Они принадлежали к разным национальностям: русские, греки, евреи, украинцы, немцы, французы, итальянцы.

Первые годы гимназии размещались в частных зданиях. В 1894 г. для женской гимназии, а в 1899 г. для мужской были построены собственные, специально спроектированные здания.

Средства гимназий складывались из различных источников: государственных ассигнований, суммы от сбора за право обучения, взносов городской думы и земств, пожертвований городских обществ и отдельных лиц. Кроме того, гимназии имели стипендиальный капитал в процентных бумагах.

Обучение в гимназиях осуществлялось на основании устава и программ Министерства народного просвещения. Кроме русского языка, изучались древнегреческий и латынь, два иностранных языка — французский и немецкий, математика, физика, естествознание, история, география, чистописание, черчение, рисование, гимнастика, закон Божий, пение, музыка. В женской гимназии преподавались еще рукоделие и танцы.

Большая часть учащихся успешно осваивала гимназический курс. В первые годы успеваемость была еще низкой и колебалась от 52 до 60%. Показатели последующих лет стали выше: 79,1% (1882 г.), 80,8% (1886 г.), 92,8% (1906 г.). Для поощрения лучших учеников в каждом классе имелись специальные «золотые» диски, куда вписывались их фамилии. А тем, кто с отличием заканчивал курс гимназии, вручали золотые и серебряные медали.

Среди выпускников мужской гимназии, получивших золотые медали, были Г. И. Челпанов, ставший профессором Московского университета (специальность — психология и логика), и А. И. Александрович, вернувшийся в родную гимназию после окончания Нежинского историко-филологического института в качестве преподавателя русского языка и литературы (и педагогики — в женской гимназии). Окончивший гимназию с серебряной медалью М. И. Авербах стал врачом-офтальмологом, академиком Академии медицинских наук СССР, а Д. В. Айналов преподавал историю искусства в Казанском и Петербургском университетах, являлся членом-корреспондентом АН СССР. В 1918 г. мариупольскую гимназию окончил М. И. Хаджинов, ставший академиком ВАСХНИЛ, ученым-селекционером, автором нескольких гибридов кукурузы.

Последние выпуски в мариупольских гимназиях состоялись в 1919 г.

Педагогический коллектив мариупольских гимназий состоял из специалистов высокого класса. Так, основатель гимназии Ф. А. Хартахай, как уже упоминалось выше, окончил Петербургский университет. Начальница женской гимназии А. А. Генглез свидетельствует на звание домашней учительницы тоже получила в Петербургском университете. Среди педагогов были выпускники Московского, Киевского, Новороссийского (Одесса), Варшавского и Дерптского университетов, высших учебных заведений Петербурга и Нежина, Пражской консерватории, Академии художеств и Московского Строгановского училища.

Педагоги с большим искусством организовали учебный процесс, создали в гимназиях творческую атмосферу.

В здании мужской гимназии удалось устроить ряд учебных кабинетов. В физическом кабинете не только хранились приборы и учебные пособия, но и проводились классные занятия и опыты. В кабинете по естествознанию были размещены богатые коллекции: гербарная, энтомологическая, минералогическая, раковин, кораллов, шишек. Здесь же находились аквариум и террариум. Прекрасно был оборудован и рисовальный кабинет. В музыкальном классе имелись не только фортепиано и фисгармония, но и полный состав инструментов для струнного и духового оркестров, а также оркестра народных инструментов.

В мужской гимназии нашлось место и для двух музеев: историко-церковно-археологического и историко-географического. Первый разместился в двух небольших комнатах, экспонаты второго располагались в витринах, стоявших в широких коридорах гимназии.

Фундаментальная и ученическая библиотеки мужской гимназии насчитывала около 14 тыс. томов (1904 г.). Инспекторы Одесского учебного округа признавали фундаментальную библиотеку одной из лучших в округе как по количеству, так и по качеству книг.

В женской гимназии не было условий для создания кабинетов и музеев, поэтому ученицам разрешалось посещать кабинеты, музеи и библиотеку мужской гимназии.

Большое значение придавали педагоги гимназий экскурсиям. Учащиеся ежегодно осматривали достопримечательности города, храмы, торговые, учебные и лечебные заведения, посещали мариупольские предприятия, в т. ч. металлургические заводы, морской торговый порт, совершали походы по берегу р. Кальмиус, морские прогулки на пароходе на Белосарайскую косу. Организовывались и более дальние экскурсии: в Велико-Анадольский лес, Святогорск и Славянск, в Москву.

До настоящего времени сохранилась книга «Мариуполь и его окрестности. Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии», созданная педагогами гимназии и изданная почетным попечителем гимназии Д. А. Хараджаевым в 1892 г. после проведения одиннадцати экскурсий по Мариуполю и окрестностям города. Ценное издание и сейчас представляет большой интерес для изучающих историю города. В фондах Мариупольского краеведческого музея хранятся гербарий и коллекция насекомых, собранные в те далекие годы учащимися гимназии.

Ежегодно в марте в гимназиях проводились праздники древонасаждения, во время которых на улицах Мариуполя, в его скверах высаживалось до 1000 деревьев и кустарников. Руководил этим выпускник мужской гимназии Г. Г. Псалти, окончивший во Франции сельскохозяйственный колледж и много лет занимавшийся озеленением родного города.

В течение четырех лет (1910–1914) в мужской гимназии издавался литературный журнал «Первоцвет», в котором печатались повести, рассказы, стихи, очерки, научно-популярные статьи, рецензии на книги и спектакли. Все материалы для журнала готовили учащиеся. Журнал печатался в типографии, поступал в розничную продажу и имел своих подписчиков. С началом Первой мировой войны выпуск журнала прекратился.

В мариупольских гимназиях заботились не только о том, чтобы дать учащимся необходимые знания, но и том, чтобы привить им любовь к высокой культуре. За многие годы в мариупольских гимназиях сложилась хорошая традиция проведения различных вечеров: литературно-музыкальных, танцевальных, благотворительных. Вечера посвящались, например, 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, памяти И. А. Крылова, Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, проводились в честь 100-летия победы в Отечественной 1812 г. и 300-летия династии Романовых.

Гимназисты разыгрывали спектакли (например, «Женитьба» Н. В. Гоголя — в 1902 г.), сцены из опер, ставили «живые картины», исполняли вокальные номера, читали стихи, в т. ч. собственного сочинения, играли на фортепиано и других музыкальных инструментах. На вечерах звучала му-

зыка А. Г. Рубинштейна, М. П. Мусоргского, Н. В. Лысенко, М. И. Глинки и других композиторов. Восхищение вызывали выступления сводного хора двух гимназий (более 100 чел.) и оркестров. На благотворительных вечерах проводились сборы средств в помощь нуждающимся гимназистам и гимназисткам.

С каждым годом в Мариуполе увеличивался спрос на получение среднего образования. Две государственные гимназии не могли принять всех желающих, несмотря на увеличение количества классов. В связи с этим в начале XX в. в Мариуполе открылись частные средние учебные заведения: реальное училище В. И. Гиацинтова и две женские гимназии — В. Е. Остославской и Н. С. Дарий.

Оживленная культурная жизнь города не была бы возможной без финансовой поддержки состоятельных людей. Деятельность купцов-меценатов указывает на высокий культурный уровень представителей греческой диаспоры. В Мариуполе наибольшим влиянием и авторитетом пользовалась семья Хараджаевых¹⁸.

Родоначальником династии мариупольских купцов Хараджаевых стал Антон Константинович Хараджа, прибывший в Мариуполь вместе с другими греками, вышедшими из Крымского ханства в 1778–1780 гг. С ним были жена, двое сыновей и дочь. А. К. Хараджа не успел развить в Мариуполе свое дело, так как утратил свои капиталы, был переведен из купцов в мещане и вскоре умер.

Сыновья А. К. Хараджи вступили вновь в купеческое сословие уже в XIX в.: Константин — в 1809 г., Давид — в 1824 г. Наиболее удачливым в торговых делах был Давид Антонович. Он заложил и традиции благотворительности, которым впоследствии следовали его потомки. Известно, что он жертвовал крупные суммы денег на нужды своей приходской церкви и новому собору на сооружение иконостаса.

Сын Д. А. Хараджи Александр Давидович Хараджаев развил дело отца, создав торговую контору, которая занималась скупкой зерна в окрестных селах и продажей его за границу. Для расширения торговых связей А. Д. Хараджаев приобрел более десятка небольших парусных судов, а позже — несколько пароходов.

А. Д. Хараджаев занимался не только хлебной торговлей. Значительные капиталы он вкладывал в недвижимость — строил жилые и общественные здания, которые потом сдавал внаем. Одно из них, например, в течение 20 лет арендовала городская дума для мужской гимназии. А. Д. Хараджаев приобрел в Славяносербском уезде каменноугольный рудник и часть добываемого угля сбывал в Мариуполе. Объем накопленного капитала дал ему возможность стать купцом первой гильдии.

Александр Давидович принимал активное участие в общественной жизни города, оказывал благотворительную помощь различным заведениям. На период 1860–1864 гг. мариупольцы избирали его городским головой. В разные годы он участвовал в работе комиссий по созданию в городе гимназий, открытия школ и других заведений.

«За оказанную в разных поприщах полезную деятельность» А. Д. Хараджаеву было присвоено звание почетного гражданина, а позже — потомственного почетного гражданина.

Сын А. Д. Хараджаева Давид Александрович превзошел своего отца во всех сферах деятельности. Его хлебная контора распространила свое влияние на соседние уезды — Александровский и Бахмутский, где были созданы закупочно-ссыпные пункты. Для хранения больших партий зерна в новом Мариупольском порту (открыт в 1889 г.) этот деятельный предприниматель построил просторные склады.

В связи с расширением хлебной торговли в 1910 г. в Мариуполе была открыта товарная биржа и мариупольские купцы избрали Д. А. Хараджаева председателем биржевого комитета и председателем арбитражной комиссии биржевого комитета.

Купец первой гильдии Д. А. Хараджаев как крупнейший экспортер зерна представлял Мариуполь на различных съездах и совещаниях по хлебной торговле, а также входил в состав уездного и губернского комитетов о нуждах сельского хозяйства. Кроме того он был самым крупным домовладельцем Мариуполя, имел свои суда, построил в городе кирпично-черепичный завод. Таким образом, к наследству, полученному от отца, Д. А. Хараджаев сделал значительное дополнение.

Давид Александрович Хараджаев был неутомимым общественным деятелем, являясь одновременно гласным городской думы, уездного и губернского земских собраний. Деятельное участие он принимал в работе уездного училищного совета, избирался почетным мировым судьей, являлся представителем земства в городском по налогу с недвижимых имуществ присутствии и представителем биржи — в Мариупольском по портовым делам присутствии, многие годы был председателем Общества пособия бедным, Общества спасения на водах и клуба Общественного собрания.

Д. А. Хараджаев неоднократно оказывал родному городу финансовую помощь. Например, на строительство городской больницы он пожертвовал 30 тыс. руб., немного меньшую сумму внес на создание летнего противотуберкулезного санатория. Но самую большую финансовую поддержку оказывал Давид Александрович Мариупольской мужской гимназии, в течение 30 лет являясь ее почетным попечителем. Кроме того, на его средства содержались подготовительный класс гимназии и два «несостоятельных» учени-

ка, выплачивалась зарплата учителям пения, танцев и служителям гимназической церкви. Церковь при гимназии тоже была построена на средства этого мецената.

Особая заслуга Д. А. Хараджаева состоит в том, что он постоянно финансировал издание ежегодных отчетов мариупольских гимназий (мужской и женской), а в 1892 г. стал издателем книги «Мариуполь и его окрестности», которые в настоящее время представляют огромную ценность как исторические источники.

Необходимо отметить и его деятельность в качестве председателя попечительного совета женской гимназии и председателя обществ пособия нуждающимся воспитанникам и воспитанницам мужской и женской гимназий, которые действовали отдельно при каждой гимназии.

Должность почетного попечителя мужской гимназии принесла Д. А. Хараджаеву высокие чины и правительственные награды. К 1915 г. он был уже действительным статским советником, а среди его наград особо следует отметить ордена Владимира четвертой степени, Анны второй и третьей степеней, Станислава второй степени. Мариупольский патриот был также награжден греческим орденом Спасителя пятой степени, вероятно, за развитие экономических связей между Россией и Грецией.

После Октябрьской революции 1917 г. (в 1918 или в 1919 г.) Д. А. Хараджаев вместе с семьей покинул Мариуполь, и дальнейшая его судьба нам не известна. Но память о нем в г. Мариуполе жива до сих пор. Поселок, возникший более сорока лет назад в районе кирпичного завода, ранее принадлежавшего Д. А. Хараджаеву, в народе и сейчас называют Хараджаевским.

К северу от компактного расположения греческих сел возник другой промышленный центр — город Юзовка (с 1924 по 1961 г. назывался Сталино, с 1961 г. — Донецк). Еще в начале 1860-х гг. симферопольский купец Х. И. Иванов заложил первые угольные шахты с тем, чтобы поставлять уголь в Севастополь для нужд флота. В 1869 г. в Англии было учреждено «Новороссийское акционерное общество каменноугольного, железного и рельсового производства». Первый крупный металлургический завод на юге России был построен в 1869–1870 гг. английским инженером Джоном Хьюзом (в России его звали Иваном Ивановичем Юзом), шахтерские поселки стали сливаться с городом, где кроме заводов Юза был металлургический завод Босса, коксовые печи Прохорова, угольные шахты. В 1897 г. в городе насчитывалось 32 тысячи жителей.

Экономические возможности южных губерний России привлекали потоки мигрантов. Преобладала трудовая миграция, особенно из малоплодородных и густозаселенных центральных областей¹⁹.

Еще с 1850-х гг. миграция в Новороссию приобрела преимущественно неземледельческий характер: быстро росли города, свободные для заселения

земли значительно сократились, а позже отсутствовали вообще. Решающую роль в приросте населения имели уже не приселение мигрантов, а естественный рост — превышение рождаемости над смертностью. По всей Новороссии с ростом городов успешно развивалась торговля. Не отставал и рост продукции животноводства и земледелия. Одним словом, капиталистические отношения во второй половине XIX в. успешно развивались²⁰.

Общие закономерности развития коснулись и Мариупольщины. Изменился этнический состав ее населения.

Русские сельскохозяйственные рабочие и ремесленники приезжали обычно артелями на летний сезон (главным образом из Курской и Орловской губерний). Крестьяне из центральных областей России и отходники-сезонники нанимались батраками к зажиточным грекам, как и к немцам, чаще всего на летний сезон. Заработав хлеб, приобретя телку, сезонники возвращались восвояси. В с. Старый Керменчик в начале XX в. ежегодно в зажиточные хозяйства нанималось до 500 сезонных работников²¹. Многие из них оставались в греческих селах на долгий срок, работали плотниками, мельниками, кузнецами. Некоторые из этих русских ремесленников оседали здесь навсегда, особенно беглые крестьяне, иногда (но далеко не всегда) становились членами сельского общества. Греческое село всегда было заинтересовано в ремесленниках, да и батраков брали охотно, поэтому беглых (участников крестьянских бунтов и т. п.), как правило, не выдавали.

«Уже несколько десятилетий, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — вполне определен процесс быстрого экономического развития юга, то есть Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города»²².

К концу XIX в. этнический состав населения Мариупольского уезда был весьма сложным. Первопоселенцы-греки оказались в меньшинстве.

В 1892 г. в Мариупольском уезде насчитывалось 130 сел, из которых 24 были населены греками. К тому времени они составляли 34% всего населения, русские и украинцы — 50%, немцы — 13%, евреи — 3%²³.

Согласно переписи 1897 г., которая фиксировала родной язык населения, в Мариупольском уезде преобладали украинцы (154 594 чел.), русских насчитывалось 37 388. Мариупольский уезд являлся одним из тех четырех уездов Екатеринославской губернии (наряду с Бахмутским, Екатеринославским и Славяносербским), где доля русского населения была достаточно высокой, причем было велико численное преобладание мужчин над женщинами²⁴. Греческий язык признали родным 48 290 чел. (всего в Екатеринославской губернии проживало 48 740 чел. с родным греческим языком), татарский — 25 472 чел. (сюда входят, несомненно, татароязычные греки, следовательно, общее число греков превышало 73 700 чел.). На

немецком языке говорили 19 104 чел., на еврейском — 10 291, по-турецки — 5317²⁵.

Сведения о языке дополняются данными по вероисповеданию жителей Мариупольского уезда: иудеев — 10 672 (что несколько превышает число людей, признавших еврейский язык родным), лютеран — 11 720 (остальные 6 тыс. с лишним человек с немецким родным языком могли быть католиками и меннонитами), старообрядцев 7790 (ими могли быть русские), остальные (222 600 чел.) — православные (в это число вошли все греки, а также православные турки²⁶).

Этнические группы, жившие в Приазовье, вступали между собой в связи самого различного характера, главным образом хозяйственные²⁷.

Наметившееся экономическое расслоение среди сельского населения усилила введенная в 1906 г. система хуторов и отрубов. Так называемая «стольпинская реформа», не имевшая большого успеха по России в целом, оказалась наиболее подходящей на степных просторах Северного Причерноморья, Северного Кавказа и степного Заволжья, то есть на местностях с плодородной почвой и ее однородностью на больших площадях (что исключало тяготение крестьян к многополью и переделам земли). Существенное значение имело отсутствие в этих местах сильных общинных традиций (в отличие от Центральной России) и высокий уровень аграрного капитализма²⁸.

На Мариупольщине выход на хутора проходил крайне неравномерно. Например, в селе Урзуф на хутора ушли только несколько семейств. Остальные предпочитали прежние порядки.

В пореформенное время и вплоть до осени 1917 г. в России популяризировалась организация ссудно-сберегательных товариществ, охватившая сельское население — крестьян и других жителей сел (учителей, священников и т. п.). Нет точных сведений относительно ссудных касс в Мариупольском уезде, но известно, что наивысший охват населения перед Первой мировой войной наблюдался на юге России²⁹, что логично, если принять во внимание экономическую продвинутость южных губерний.

Все эти перемены не могли не влиять на хозяйственную деятельность греческого крестьянства³⁰.

Ассортимент сельскохозяйственных культур примерно с начала XX в. стал расширяться: была освоена озимая пшеница, после неурожайного 1921 г. оценили кукурузу как хорошую замену хлебным злаковым, до этого ее выращивали немного. В первые десятилетия XX в. стали сеять подсолнечник для изготовления масла. В начале XX в. греки обратились к высокоспециализированным видам сельского хозяйства — виноградарству, садоводству, отчасти к огородничеству. Известно в этом время разведение ту-

тового шелкопряда. Значение в хозяйственной деятельности рыболовства к этому времени снизилось.

Озимая пшеница стала основным товарным продуктом: ее сеяли зажиточные хуторяне. Есть сведения, что более совершенные методы ведения хозяйства греки перенимали от немецких колонистов, общение с которыми становилось более оживленным: усвоили методы севооборота и черных паров, навыки разведения свиней и домашней птицы, заимствовали транспортные средства.

Во второй половине XIX в. техника получила некоторые усовершенствования: в 1860–1880-х гг. преобладал все тот же самодельный однолемешный плуг (на крымскорумейском *алётри*, на крымскотатарском *саббан*), однако уже приспособляли самодельный передок с деревянными колесами и лемех местной кузнечной работы (румейск. *иньы*, татарск. *самър-домыр*). Местным же кузнецам заказывали железные зубья для самодельных деревянных борон.

В конце XIX в. перекупщики начали развозить по селам железные плуги фабричного изготовления. Например, в села северо-западной части Мариупольщины привозили из Гуляйполя так называемые «фуксовские» плуги. В села, расположенные вблизи от Мариуполя, плуги и другие орудия доставляли из этого города. Жители юго-западных районов приобретали изготовленные на заводах Бердянска и Токмака облегченные «сакковские» плуги и более тяжелые «греевские». В селе Новая Каракуба местный предприниматель Балджи построил завод сельскохозяйственных машин, снабжавший окрестные села, конкурируя с вышеназванными марками. К началу XX столетия практически каждый хозяин имел фабричный плуг и борону. Плугами всех этих марок пользовались вплоть до конца 1920-х гг. Лемехи к плугам служили год или два, их приходилось заказывать местным мастерам или же покупать в городах. В легкий плуг впрягали пару волов дышлового упряжкой, в тяжелый — две пары волов или три пары лошадей, а при распашке целины приходилось впрягать три пары волов. Поэтому средний крестьянин держал на подворье немало тяглогового скота.

Орудие под название *драчэк* (то же, что украинский *драпак*) было редкостью. Например, в селе Старый Керменчик их было по 2–3 штуки на квартал; соседи одалживали их друг у друга для того, чтобы пропахать глубоко (на 40 см) залежную землю, прополоть сорняки. Вручную сорняки выпалывали сапкой (*чапа, чапка*).

Ручной посев из мешка практиковался очень долго. Только при посеве яровой пшеницы по вспаханному полю применяли букеры — с 1880–1890-х гг. двухлемешные, во втором десятилетии XX в. преобладали уже четырехлемешные. Бороновали после посева. Если четырехлемешный бугер был практически у каждого хозяина, то орудие, называвшееся *дрель*,

с 13–14 сошниками употребляли в единичных случаях, они были только у самых зажиточных.

Косильные машины к началу века были у некоторых зажиточных хозяев, а остальные должны были объединяться по двое-трое, чтобы арендовать у владельца косилку. Фабричные косилки (их называли *машинá*) были нескольких родов: ручные, самоскидки и сноповязалки (эти последние были наиболее редки). В косилку запрягали по 4 лошади. Так же как и при посевах, малоимущие хозяева, у которых не было достаточно тягла, вынуждены были объединяться, вступать в отношения *супряги*.

Необходимость держать в хозяйстве по несколько лошадей вынуждала заготавливать впрок полову, измельченную солому. Для этого по-прежнему пользовались молотильной доской (или, как ее называли, *тёркой*), применяли и молотильный каток. Молотильные машины были очень редки: в некоторых селах одна-две, а в иных ни одной. В довольно передовой в экономическом отношении Новой Каракубе до самой коллективизации работала лишь одна молотилка с паровым двигателем. Веялки с ручным приводом стали покупать в 1860–1880-х гг., но тогда они были еще редки, а в начале XX в. ими владели практически все хозяйства. Однако кожаные сита не вышли совсем из употребления, кое-где они еще служили домашним нуждам.

Ветряные мельницы в начале века потеснились паровыми — по одной-две на село. Принадлежали они обычно местным жителям, предприимчивым хозяевам. Греки работали на этих мельницах, но лучшими мастерами считались русские и немцы. В Новой Каракубе первая такая мельница была построена местным заводчиком Балджи в 1907 г., в Янисоле — в 1910, в Сартане в 1912 г. частные лица возвели две мельницы, а несколько раньше — две паровые маслобойки. В Урзуфе паровую мельницу основали на кооперативных началах при том, что в селе работали и 5 ветряных мельниц.

Изменилось отношение к профессии пастуха: теперь, когда основной доход шел от продажи зерна, все силы греческой крестьянской семьи были направлены на земледелие, в пастухи стали наниматься прежде всего бедняки, которые не могли прокормиться от земли. Это не значит, что фигура удамана (главного чабана) и его общественный авторитет исчезли, отнюдь нет, но в отдельных селах появился новый тип пастуха — бедняка-горемыки.

К концу XIX в. наметилось симптоматическое изменение отношения общественного мнения к профессии ремесленников и другим несельскохозяйственным занятиям. Греки стали перенимать от русских и украинцев кое-какие ремесла, например строительное дело. Кузнечное мастерство было освоено ими прежде всего, так как оно было непосредственно связано с сельским хозяйством. Вот один характерный пример. Кузнецом стал уроженец Старого Керменчика Федор Иойлович Топалов (1876 г. р.). Когда

Федору Топалову не было еще и 18 лет, из Николаева приехал русский мастер Кравцов. Он прожил в селе три года и научил сироту Топалова своему мастерству. После его отъезда Федор Иойлович стал работать самостоятельно и обучил своему делу многих учеников, в том числе и сына, который стал впоследствии неплохим мастером. Среди его учеников были и греки, и русские. Всего в большом селе, каковым был Старый Керменчик, одновременно работали до семи кузниц. Три из них находились на одной улице, которая так и называлась — Кузнечная. Местные кузнецы изготовляли все железные детали сельскохозяйственных машин и чинили привозимые с завода, работавшего в Новой Каракубе, плуги, буккеры и пр. Делали также сани, брочки. Деревянные детали Топалов сам заказывал специалистам этого дела и потом собственноручно собирал брочки. Железный материал он покупал в местном магазине, с заказчика не принято было требовать материал. Работа оплачивалась деньгами: брочка стоила 27–28 руб., ящик к брочке 12 руб., за натяжку шины брали по 40 коп. (в день натягивали по 24 шины).

Вот эти перемены не могли не повлиять на семейный быт сельского населения. На деньги, вырученные от продажи зерна, крестьяне приобретали товары фабричного производства, материю для шитья одежды, предметы домашнего обихода и т. п.

Возникшее ранее социальное расслоение значительно усилилось³¹. Оно шло одновременно в двух основных направлениях: между отдельными селами и между группами крестьянства внутри сельского общества. При расслоении первого направления возникали различия, порой существенные, между селами с жителями разной этнической принадлежности. Греки, наделенные большими земельными площадями, пользовавшиеся многими привилегиями, были в массе крепкими крестьянами. Таковыми были и немецкие колонисты, также поставленные в выгодные условия. Еврейские земледельческие колонии значительно отставали от немецких и греческих³².

Украинцы и русские — бывшие государственные и бывшие помещичьи крестьяне — находились в наименее благоприятных условиях, особенно последние. Менее обеспеченные землей, чем первопоселенцы, они зачастую вынуждены были батрачить у зажиточных греков и немцев, живя у них на усадьбах и хуторах. Обычно работника нанимали на летний сезон: с весны до Покрова, но зачастую оставляли его и на зиму с тем, чтобы он кормил скот. Иногда работник жил у работодателя несколько лет. Например, в с. Константинополь зажиточные греки нанимали работников по большей части из соседнего украинского села Андреевки, иногда и из других сел.

Украинские женщины в гораздо большей степени, чем греческие, вкладывали труд в экономическое обеспечение семьи. Многие из них искали

приработков на стороне. Женская прислуга в богатых греческих и немецких домах была почти целиком из местных украинок, частично из пришлых русских. В противоположность им греческие девушки даже из очень бедных семейств в услужение не нанимались. Не случайно они казались посторонним наблюдателям «замкнутыми» и «необщительными»³³.

В начале XX в. в среднем на двор приходилось пахотной земли: у немцев — 35,3 дес., у греков — 28,2 дес., у потомков азовских казаков — 19,4 дес., у евреев — 18,6 дес., у бывших государственных крестьян — 9,6 дес.³⁴ Столь же неравномерным было обеспечение хозяйств инвентарем и рабочим скотом³⁵.

Каждая из рассматриваемых этнических групп не была, разумеется, социально однородной. Села, населенные людьми одной национальности, имели различные экономические возможности.

С середины XIX в., когда кончились запасы общинной земли для свободной заимки, возникло одновременное существование двух видов землепользования: частное — свободно отчуждаемое и общинное — выгон, неудобная земля и резервная. Размер частного владения зависел от того надела, который приходился на одного мужчину («мужская душа»); земельная норма не была стабильной в разных селах, она зависела от обеспеченности удобной землей всего села в целом. Часть удобной общественной земли была свободна от посевов и использовалась под пастбища. Она же служила резервом для наделения землей новорожденных «мужских душ». Частота переделов также не была определенной для всех сел, к ним прибегали в зависимости от сложившейся конкретной ситуации. Когда резерв исчерпывался, прекращались дополнительные наделы.

Села имели различный размер угодий. От этого зачастую зависело благосостояние их жителей и общий экономический уровень. Это же обстоятельство приводило к конфликтным ситуациям.

Село Византия (выселок Сартаны) имело резервный общественный участок около самого села за балкой, другим концом он примыкал к угодьям села Македоновка. Происходили споры, даже драки за эту землю между маленькой Византией (40 дворов) и Македоновкой (200 дворов)³⁶.

Весьма различным было экономическое и культурное развитие сел, расположенных близко к торговым центрам, и глубинных, сохранивших традиции скотоводческого хозяйства. Отсюда и различная степень освоения русского языка и городской культуры. Зажиточные крестьяне из сел, связанных с городом и торговлей, таких как грекоязычная Ялта или татароязычный Мангуш, отправляли своих детей на учебу в Ростов или Екатеринослав. Это молодое поколение усваивало русскую городскую культуру, приносило в родные села новые бытовые навыки. Богатым торговым селом была Карань, расположенная вблизи железнодорожной станции; здесь все

гда было много пришлого люда, собравшегося в поисках заработка. В Старой Каракубе, лежащей несколько севернее Карани, издавна жили русские ремесленники. В селах, мало связанных с городом, таких как Чардакль, дольше сохранились традиции скотоводческого хозяйства и специфика местного быта. Довольно обособленно жили татароязычные села Игнатовка, Леспа, ромеоязычное село Анадоль.

Так складывалось экономическое, культурное и правовое неравенство между различными этническими группами, населявшими Мариупольщину, и между разными селами одной национальной группы.

Но гораздо существеннее для понимания общего направления процессов капитализации сельского хозяйства расслоение второго направления внутри каждой из этнических групп.

Еще в первые годы после переселения среди греков выделялась категория наиболее предприимчивых и зажиточных хозяев: по три крупных животноводческих хозяйства (как тогда говорили, «завода») были в селах Большой Янисоль и Старый Керменчик. Лошади преобладали крымской породы, смешанной с черноморской и донской, среди овец преобладала татарская порода «чундук»³⁷.

В. И. Ленин, анализируя в 1893 г. крестьянское хозяйство в южных губерниях Украины, выделил среди крестьянства три группы: зажиточную, среднюю и бедную. Две последние, по его наблюдениям, испытывали «громадное стеснение в земле... благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян»³⁸. Наши примеры из жизни мариупольских сел на рубеже веков говорят о том же самом.

Для ведения хозяйства средней семье требовалось две пары лошадей. Тот, кто имел одну пару, вынужден был вступать в «супругу» с соседом, родственником и т. д. Не все хозяева имели нужный набор сельскохозяйственных орудий³⁹. В этом случае опять возникали отношения супруги, аренды инвентаря за отработку и т. д. Слабосильные хозяйства, не имевшие достаточно рабочих рук, тягловой силы, инвентаря, засеивали только часть принадлежавшей им пахотной земли, остальное отдавали в аренду, сами же пробавлялись батрачеством⁴⁰. Например, в с. Богатырь зажиточные хозяйства нанимали батраков и из украинской Андреевки, и из бедных греческих семейств — своих же односельчан. После крестьянской реформы возникла возможность отсуждения частновладельческой земли, так называемой «вечной», и богатые крестьяне покупали ее у своих малоимущих соседей.

Появилась прослойка зажиточных сельчан, которые не только вели крупное хозяйство с применением наемной рабочей силы, но и занимались предпринимательской деятельностью. Богач из с. Богатырь Савва Петрович Федоров, гуртовщик, торговец скотом, владел большим хутором близ

Богатыря и земель на стороне (по воспоминаниям информатора, — в Саратовской губернии). Упомянутый уже Балджи владел заводом сельскохозяйственных машин в с. Новая Каракуба, снабжал своими изделиями сельский округ.

В с. Урзуф местный кулак владел мельницей, магазином, жил в доме под железной крышей. Сам он непосредственно в хозяйстве не работал. Для обработки своего обширного земельного надела он нанимал батраков, в том числе и бедных односельчан, которые обрабатывали землю его инвентарем и на его тягле.

Среднее хозяйство в с. Урзуф того времени владело, кроме земельного участка, 2 лошадьми, 2 коровами, 7 овцами, садом с фруктовыми деревьями и тутовником.

В с. Сартана богач Тапуш владел паровой мельницей, механизированным маслобойным заводом, большим магазином, значительным земельным участком. Рабочим своих предприятий отпускал товар в долг со скидкой в 0,5–1 коп., записывая кредит в специальные документы («заборные книжки»), обсчитывал покупателей. Тех, кто осмеливался жаловаться, выгонял без выплаты жалованья. Боясь безработицы, рабочие терпели.

В 1910-х гг. в Сартане было много малоземельных. Они уходили на заработки на заводы Мариуполя и на шахты. В 1910 г. из Сартаны выехало в Сибирь несколько малоземельных семей. Например, семья крестьянина Церахто владела 15 дес. земли, из них пригодных для обработки было 10 дес. Для семьи, где подрастали двое сыновей, этот надел считался недостаточным. Семья выехала в Сибирь на свободные земли⁴¹.

В богатом большом селе Старый Керменчик в пореформенную эпоху часть населения вынуждена была уходить на заработки в Мариуполь и на строительство железной дороги.

В украинском селе Андреевка после столыпинской реформы на ревизскую душу приходилось до 3 дес. пахотной земли (если в семье был один мужчина и пять и более женщин, давали еще один надел в 3 дес.). Крепкие хозяева, которые получали возможность скупать землю, имели по 15–20 дес. Два священника местной церкви владели до 40 дес. каждый. Крупные хозяева освоили севооборот и сеяли озимую пшеницу, в то время как бедняки, вынужденные «спрягаться» по два-три хозяйства, ограничивались лишь яровым хлебом.

Среди пришедших русских ремесленников, осевших в греческих селах, также не было социальной однородности. Бывший сезонник-строитель Николай Кожин, поселившийся в Богатыре в начале XX в., взял в свои руки все подряды на строительные работы в этом селе. Земли он не имел, так как не стал членом сельского общества, а сыновей своих обучил профессии строителей. Еще зимой он принимал заказы от сельчан, брал денежный за-

даток, а весной, когда на Мариупольщину прибывали отходники, организовывал из них несколько артелей и руководил их работой на нескольких строительных объектах одновременно. Он сам расплачивался с сезонниками, кормить же рабочих должен был застройщик. Сыновья Кожина женились на местных гречанках, осели здесь прочно и продолжали заниматься плотницким делом.

Социальное расслоение происходило и среди болгарских колонистов⁴².

В среде колонистов-меннонитов А. Клаус еще в конце 1860-х гг. (до того как они покинули Мариупольский уезд) подметил существенные имущественные и социальные различия. Наиболее зажиточных, владевших усадьбами и наделами пахотной земли, он называл «хозяевами», менее обеспеченную группу — «малоусадебниками», а к третьей отнес безземельных, которые не имели доли в общинных землях колоний; они или покупали землю на стороне, или арендовали ее у местных помещиков, иногда же были вынуждены искать средства к существованию, занимаясь ремеслами, торговлей; были среди них и батраки, «проживающие и работающие у хозяев по найму»⁴³. В пяти колониях, составлявших Мариупольскую меннонитскую волость, к группе «хозяев» А. Клаус отнес 149 семейств, ко второй группе — 126 (из них 38 семейств жили на арендованных у помещиков землях), к безземельным — 92. Из этих семей 122 чел. — мужчины в возрасте от 16 до 60 лет — работали по найму ремесленниками и батраками⁴⁴.

Выявив социально-экономические различия в хозяйстве социальных групп разноэтничного местного населения, В. И. Ленин пришел к выводу: «Зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельскохозяйственных продуктов во всем этом районе; по характеру своему хозяйство этой группы — коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда»⁴⁵. Внутри каждой имущественной группы социальные связи в определенных жизненных ситуациях оказывались крепче, чем между представителями одной этнической общности. По этому поводу В. И. Ленин заметил: «...русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику»⁴⁶.

Батраки, сезонные рабочие, поденщики, подсобные рабочие в лавках, подмастерья в кузницах, домашняя прислуга — все эти люди, не имевшие достаточно земли и продававшие свою рабочую силу, будучи представителями разных национальностей — евреями, греками, немцами, русскими, украинцами, — были больше сплочены между собой, чем с работодателями, хотя бы они и принадлежали к той же национальной группе, что и наемные рабочие. Батраки и батрачки, принадлежавшие к разным национально-

стям, чаще вступали в браки между собой, чем представители других социальных групп (в целом же на Мариупольщине в первой четверти XX в. межэтнические браки были крайне редки).

Таким образом, в формировании хозяйственного комплекса многонационального района, где несколько десятков сел, заселенных людьми разных национальностей, тяготели к городу как торгово-административному центру (Мариуполю и Юзовке), взаимодействовали два основных фактора: этнические традиции и конкретное положение этого района в общей социально-экономической истории страны.

Одним из показателей капиталистического развития юга России являлся рост торгового обмена между городом и деревней на городских рынках и между селами на ярмарках.

О начальных стадиях такого обмена писал А. А. Скальковский в середине XIX в.: «Не говоря затем о бесчисленных мелких торгах и базарах, а вникая в сущность больших периодических съездов и ярманок (*sic!*), нельзя не убедиться в существенной пользе от некоторых из них. Таковы ярманки в Ростове-на-Дону, Таганроге, Мариуполе, Бердянске, очевидно, служащие для сближения немецких, татарских, ногайских колоний и вообще сельских жителей с главными точками заграничного сбыта Азовского бассейна и привлечения туда огромной массы русских произведений, сельских и фабричных, для внутренней и заграничной торговли»⁴⁷. К концу XIX в. торговый обмен увеличился. Если до 1800 г. в Мариуполе ярмарка собиралась один раз в год — 1 октября, то в конце XIX в. организовались четыре ярмарки в год: 23 апреля — в день св. Георгия, 22 июля — в день св. Марии Магдалины, 1 октября — в день Покрова Богородицы, 6 декабря — в день св. Николая. Наиболее многочисленными были ярмарки 23 апреля и 1 октября⁴⁸ (все даты по ст. ст.). «На них приезжают из разных ближайших городов, селений и других мест купцы, мещане, поселяне и прочего звания люди и производят торг — красками, железными, простыми бакалейными и прочими товарами, а остальные пригоняют разного рода скот, привозят для постройки из Бахчисарайского и других уездов сосновый и дубовый лес, шерсть, разного рода яровой и озимый хлеб и все вообще съестные продукты...»⁴⁹

Каждое крестьянское хозяйство вынуждено было создавать часть продукции специально для рынка, иначе оно не могло существовать. С рынком были связаны все села без исключения, лишь с некоторой разницей в интенсивности этих связей. Например, греческое село Бугас не имело близких рынков, жизнь его была довольно замкнутой. В селе не было русских ремесленников (помнят только одного сапожника). Почти никто не знал русского языка (даже в 1920-х гг. дети, начиная учиться в школе, должны были осваивать язык заново). Однако торговые связи села были достаточно активны: хлеб продавали в Мариуполь. По балкам были разбиты огороды,

где выращивали овощи — помидоры, капусту — специально для продажи в Юзовку. Бугас одно из немногих — если не единственное — греческих сел, жители которого взялись за овощеводство в торговых целях; покупали рассаду и получали необходимую консультацию на одном хуторе близ Юзовки. Крестьяне Мариупольщины 1920-х гг. скот продавали в Волновое, сало возили в Юзовку. Местные нужды удовлетворяли магазины сельских торговцев, которые помимо того, что владели землей и сами занимались земледелием и огородничеством, держали лавки, где торговали всем необходимым: материей, москательными товарами, упряжью и другими шорными товарами, кондитерскими изделиями и т. п.

На северо-западе греческого ареала группа греческих и украинских сел была тесно связана между собой оживленными экономическими связями. В греческом селе Богатырь ярмарка собиралась раз в год — «на Спаса». В украинском селе Алексеевка ярмарки устраивали три раза в год: на Троицу, в день Петра и Павла и в день Покрова. Покровская ярмарка была самая большая, она длилась 9 дней. В первый день разворачивалась оптовая торговля скотом, в остальные дни продавали и покупали всевозможные товары сельского хозяйства, ремесленного и промышленного производства. Хлебом на ярмарках не торговали, его возили или на станцию Удачная, или в Мариуполь, где его можно было продать по более дорогой цене; хлеб обычно доставляли на сыпные пункты, на которых накапливались большие запасы зерна для экспортной торговли: «Товарная сельскохозяйственная продукция Новороссии, Приазовья и Дона шла главным образом на внешний рынок, минуя ярмарку», — пишет по отношению к середине XIX в. В. А. Золотов⁵⁰. Такое же положение сохранилось и в последующие пятьдесят лет.

Болгары привозили на Алексеевскую ярмарку овощи. Издалека, с Кавказа, везли сладости. Местные торговцы (в начале XX в. в Алексеевке их было четверо) строили специально к ярмарке помещения для продажи всевозможных товаров, нужных в крестьянском обиходе, а из Екатеринослава приезжал купец и разворачивал торговлю готовой одеждой, обувью, другими разнообразными товарами. На ярмарку съезжалось много народу из северо-западных сел Мариупольщины, представители всех многочисленных этнических групп. Хотя мало кто из греков знал русский язык в совершенстве, а украинцы и русские, за небольшим исключением, греческим языком не владели, хотя крымскотатарский и крымскотатарский имели незначительное взаимное проникновение, здесь, в ярмарочном многолюдье, возникало необходимое взаимопонимание: бывалые люди из каждой этнической группы осваивали нужную для этого случая лексику соседствующих языков.

На востоке греческого ареала крупным торговым центром было татароязычное село Карань. При своем основании это было типичное поселение

овцеводов, расположенное в холмистой местности, малоудобной для земледелия. Столыпинская реформа, последовавший за ней резкий крен всей хозяйственной деятельности в сторону товаризации, особые выгоды, которые открывала продажа зерна, изменили жизнь этого села, как и многих других.

При перераспределении обрабатываемой земли сельские богачи получили участки поближе к селу; они скупали или арендовали земли малоимущих сельчан. Самый богатый из местных жителей завел паровую мельницу, организовал собственную торговлю зерном, для чего основал ссыпной пункт на станции Карань.

Необходимые для крестьян промышленные товары доставляли местные торговцы-евреи, которые постоянно жили в Карани. Более бедные из евреев занимались портняжным делом. Бытовые нужды населения обеспечивали инонациональные ремесленники, постоянно жившие в селе (только валляльщики войлока и валенок приезжали на зимний сезон).

Ярмарки собирались дважды в год. На престольный праздник свв. Константина и Елены (21 мая ст. ст.) она длилась 7–10 дней и привлекала множество окрестного люда, сходявшегося и для торговых сделок, и для веселья; вторая ярмарка, поменьше, была осенью, в день св. Луки (18 октября ст. ст.).

Развитию Карани способствовали два обстоятельства: во-первых, это село было центром волости, во-вторых, и это главное, — близость железной дороги. Железнодорожная станция Карань стала своеобразной биржей труда: весной прибывшие партиями и в одиночку отходники — ремесленники и сельскохозяйственные рабочие — ждали здесь нанимателей. Греки из ближайших мест, немцы из колоний, расположенных в Мариупольском уезде, и из-за Кальмиуса приезжали нанимать работников.

С немцами у жителей Карани были торговые связи, например они закупали в немецких колониях Мариенталь, Остгейм и Принфельд картофель, иногда зерно (семенное или же для помола, если своего не хватало до весны), случалось и батрачить в этих хозяйствах.

Бедняки из Карани, главным образом молодежь, ходили батрачить в соседнее село Чермалык, жители которого говорили на крымскорумейском языке. В свою очередь молодежь Чермалыка искала работу в Карани. Так возникали языковые связи, знакомства, которые иногда заканчивались браками между жителями этих разноязычных сел. Язык, таким образом, не являлся препятствием для бытового общения. Значительно более редкие, почти единичные браки между татароязычными греками и русскими следуют объяснять не языковым, а психологическим барьером.

Хозяйственные и бытовые межнациональные связи сопровождались характерным языковым общением. В греческих селах преобладали языки греческих колонистов — крымскорумейский и крымскотатарский. Их осваи-

вали инонациональные работники. Особенно это относится к русской женской прислуге. Из этих женщин были первые русские жены в греческих семьях (начиная с 20–30-х гг. XX в.). Языком межгруппового общения на первых порах служил татарский. По свидетельству многих авторов, все без исключения греки в момент выхода из Крыма владели татарским языком⁵¹. Однако на Мариупольщине функция средства общения между разноязычными группами постепенно перешла к русскому языку. Знание языка требовалось прежде всего для торговых сделок в городе и на ярмарках и для других практических нужд. Поэтому его лучше знали мужчины, чем женщины, и в первую очередь жители тех сел, которые были систематически связаны с городом.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК СЕЛА

Планировка сельских поселений на первых порах не была правильной, внешний облик села (румейск. *хбра*, татарск. *кёй*) зависел от рельефа местности, жилой дом располагался отступив от улицы (румейск. и татарск. *сохлах*) и был повернут к ней длинной стороной со входом. Позже, в XIX в. администрация для защиты от пожаров стала требовать, чтобы дома выстраивались в ряд по сторонам широкой улицы, обращенные к ней торцовой стороной⁵².

С тех пор населенные пункты получили четкую улично-квартальную планировку с центральной площадью, на которой, как правило, возводили церковь. При сравнении современных греческих населенных пунктов с их планировкой конца XVIII в. обращает на себя внимание тот факт, что развитие поселений шло за счет приращивания новых улиц и кварталов к первоначальной основе; центры многих современных поселений сохранили прежнюю планировку без особых изменений.

В XIX в. греческое село — это целостная система, которая включала в себя культовые, культурно-просветительные, общественные, производственные объекты, удовлетворяющие материальные и духовные потребности населения. Центром села была площадь, на которой располагалась церковь, вблизи нее находились дом священника, здание управы, амбары для хранения общественных запасов зерна, школа. Производственно-бытовые объекты: кузница, мельницы (ветряные и водяные), торговые лавки размещались обычно у дороги или на окраине села.

Четкой планировки усадеб не было. Жилой дом, согласно казенной инструкции, был повернут торцом к улице, занимал, как правило, место у одной из границы усадьбы, а главная сторона по традиции была обращена на юг. На эту сторону смотрели окна и была устроена входная дверь (зачастую через галерею, протянувшуюся перед всей южной стеной). Северная сто-

рона дома, обращенная в сторону соседней усадьбы, окон не имела, разве только маленькое оконце, освещавшее кухню. Но бывали и дома, повернутые фасадом к улице. Как и дома с торцовым фасадом, они располагались отступив от улицы на некоторое расстояние.

По типу взаимосвязи жилого дома с хозяйственными постройками можно выделить два варианта: двор с соединенными под одной крышей домом и хозяйственными постройками и двор с несвязанными постройками, где дом и хозяйственные сооружения расположены отдельно друг от друга.

В первом варианте к основному дому вплотную пристраивали летнюю кухню, кладовую, каретник, конюшню, сарай для крупного рогатого скота. Вход в конюшню и хлев был не только со двора, но и из жилого помещения. Это было удобно: в зимнюю стужу или в весеннюю распутицу, в непогоду можно было обходить скотину, не выходя из дома. Такая компактная застройка способствовала утеплению жилища и помещений для скота, а также давала возможность рационально использовать землю под застройку. Стены хлева и конюшни были непосредственным продолжением стены дома, крыши — на одном уровне (иногда можно видеть и разноуровневые крыши). Северная сторона такого дома воспринималась как сплошная длинная стена — небеленая, естественного рыжего цвета глиняной обмазки. Со стороны двора в конюшню вела широкая дверь, состоявшая из двух горизонтальных половинок: открытая верхняя освещала и проветривала помещение. В данном типе застройки кроме однорядной встречается и Г-образное расположение помещений.

При свободном типе застройки двора хозяйственные постройки размещались на некотором расстоянии от жилого дома, что обеспечивало элементарные санитарно-гигиенические условия.

Место *амбара* (повсеместно употреблялось это название) при обоих вариантах всегда было напротив дома. Прочие постройки — клуню (всегда возле тока), свинарник, курятник — старались вынести в глубь усадьбы. Остальные хозяйственные постройки располагались свободно, не будучи связанными между собой, иногда они образовывали второй ряд — напротив дома, у другой границы усадьбы. Ток, клуни для хранения половы (двускатная крыша на низких глинобитных стенках), скирды сена замыкали пространство. Там, где содержали помногу овец (например, в Старой Ласпе от 10–12 до 50–100 голов в хозяйстве: в сильно пересеченной, овражистой местности это было главной отраслью хозяйства), на усадьбе или на окраине села устраивали загон — каменную ограду высотой до 1 м (татарск. *азбар*, *авзар*).

При большом разнообразии застройки усадьбы намечается определенная система: прослеживается тенденция к двухстороннему, Г-образному и П-образному заполнению пространства усадьбы.

Рассмотрим три конкретных примера застройки: усадьбу состоятельного крестьянина из с. Новая Каракуба (совр. Красная Поляна), имевшую полный набор хозяйственных построек; усадьбу крестьянина среднего достатка из с. Константинополь; усадьбу, имевшую минимальный набор хозяйственных сооружений, из с. Старый Крым⁵³.

Первая усадьба отличалась максимальным набором построек, необходимых в хозяйстве, и их добротностью. Под одной крышей с домом была содвужена конюшня из того же строительного материала, что и дом: стены из самана, облицованного обожженным кирпичом. Потолок из досок, настеленных на балки, на доски положен навозный кирпич, но в отличие от жилища на него не накладывали для утепления глину с соломой. Пол был выстлан обожженным кирпичом, а двускатная крыша покрыта черепицей-татаркой. Амбар, как и в большинстве хозяйств, построен из досок и установлен на крупных подпорных камнях, двускатная крыша покрыта черепицей-татаркой. Сарай для коров и овец был возведен из самана, невысокий цоколь из камня положен непосредственно на землю. Стены внутри помещения и снаружи мазали желтой глиной, но не белили. Крыша двускатная, крыта черепицей-татаркой. Клуня — большая хозяйственная постройка (15 × 20 м), в которой хранили полову и сельскохозяйственный инвентарь: косилки, плуги, сеялки, веялки, бороны. Сооружали ее из простого материала: непосредственно на землю клали каменные стены (высотой 17–100 см), а выше возводили шалашеобразную крышу, покрытую камышом. Со стороны тока в стене была устроена широкая двустворчатая дверь, чтобы могла въехать подвода. Курятник представлял собой небольшой сарайчик из самана с односкатной крышей, покрытой черепицей-татаркой. Рядом с сараем для скота находился колодец с деревянным срубом. Загородка для скота (*азбар*, *авзар*) представляла собой забор из жердей, за которым летом и осенью содержали животных. Рядом с азбаром был выделен небольшой участок земли под огород. Между домом и огородом были сложены скирды соломы и сена. Со стороны улицы усадьба была отгорожена забором из аккуратно сложенного камня, от соседей никаких ограждений не было.

На второй усадьбе дом размещался отдельно от хозяйственных построек, между домом и забором был выкопан погреб, представлявший собой четырехугольную яму, накрытую двускатной крышей из жердей, на которые был положен камыш, а поверх него насыпана земля. Напротив дома стоял деревянный амбар, пол которого был приподнят над землей, покоился на больших камнях. Крыша амбара двускатная, покрыта камышом. За амбаром, на некотором расстоянии от него располагался сарай для скота (румейск. *мандри*, татарск. *аран*). Стены сарая были возведены из самана, крыша двускатная, крыта черепицей-татаркой, чердачное перекрытие от-

существовало. В этом сарае размещались и животные — коровы, лошади, овцы, и сельскохозяйственный инвентарь, и корм для скота. За сараем в стогах хранили солому и сено. В центре усадьбы было оставлено место для тока. От улицы усадьбу отгораживал каменный забор (татарск. *халав*), от соседних участков — заборчик из навозного кирпича.

Третья усадьба не типична для приазовских греков, но отражает специфику хозяйства в данной семье. Усадьба принадлежала греку, который часть земли сдавал в аренду, а часть обрабатывал сам. Он занимался садоводством, что приносило ему значительную прибыль, так как садов в Приазовье в то время было мало. В углу усадьбы (слева от входа) глухой стеной к улице располагался дом. Он был добротным: на каменном фундаменте и цоколе были возведены стены из самана, которые обмазывали и белили внутри и снаружи. Пол земляной, потолок деревянный на квадратных балках. Крыша двускатная, крыта черепицей-татаркой. Эта трехкамерная постройка состояла из сеней (*аят, наят*), жилой комнаты и зала. Аят был больших размеров, сюда выходила топка духовой печи и располагался открытый дымоход. Летом аят служил летней кухней, а зимой здесь держали корову — кормилицу семьи. Для овец справа от входа во двор была устроена загородка из навозного кирпича с навесом — односкатной камышовой крышей. Сюда на лето переводили корову.

Вплотную к торцевой стене дома пристраивался курятник из самана, с односкатной крышей, покрытой камышом. Возле забора, перед домом выкопаны две зерновые ямы для ячменя и пшеницы, часть зерна хранили на чердаке дома. Ток во дворе не делали — так как был большой наклон поверхности к реке, хлеб молотили у соседей, а свободную часть усадьбы заняли под сад, который был значительной статьей дохода в семейном бюджете.

Самостоятельную хозяйственную ячейку представляла собой отдельно стоявшая хлебная печь. На каменном постаменте выкладывали из глины куполообразное тело печи, устье располагалось низко, хлеб выпекали на поду после протапливания. Дым выходил в отверстие, проделанное сбоку. Это хлебопекарное сооружение типично для оседлых земледельцев. Его название имеет в основе латинский корень *forpax, furnas*, производные: *фурин* — сербск., *форуна* — болгарск., *furrë* — албанск. (так же называется и пекарня, булочная), *фурнэ* — у приазовских албанцев, *ὁ φούβρος* — греч. (так же по-греч. и пекарня), *фурнѳ* у приазовских греков.

Хлебную печь зачастую помещали под навесом, и отсюда — традиция возведения отдельного хозяйственного помещения, которое у всех жителей Приазовья называется «кухня», «летняя кухня» и не имеет другого названия на языках этих народов (татарск. *кѳнѳя ѳзлѳи*).

Летняя кухня располагается прямо против входа в основной дом. Распространение эта постройка получила значительно позже — в середине

XX в., скорее — в послевоенное время. Ее генезис от отдельно стоявшей хлебной печи не вызывает сомнения.

Чем основательнее было домохозяйство, тем более плотной оградой окружал его рачительный хозяин. В местах выхода камня ограды сооружали из неотесанных, сложенных насухо камней. В других районах применяли глину: ту же, из которой лепили валькованные дома. Ограда из досок или обожженного кирпича — признак известной зажиточности хозяина, так же как и двустворчатые ворота (румейск. *ирѳи*, татарск. *араѳъ ханѳу*). Другие хозяева ставили одностворчатые или попросту оставляли открытый проем в ограде. Усадебные участки зачастую друг от друга отгораживали лишь небольшой канавой.

Усадьба греческого крестьянина была прямым отражением и его хозяйственной деятельности, и его экономических возможностей, да и просто — индивидуального вкуса и отношения к своему жилью.

Такие же, если не еще более четкие, характеристики просматриваются в облике жилого дома. Выше уже рассказывалось о возведении в некоторых селах деревянных домов. Сохранившиеся донныне рубленые дома (например, в селах Богатырь и Камар) построены, по всей вероятности, на рубеже веков. Весьма возможно, что их возводили пришедшие русские мастера, а может быть, и местные умельцы. От русских изб их отличает материал — не круглые бревна, а толстые доски — плахи, с сужным же жилищем сближает толстая, в три слоя, обмазка из смеси глины, песка и навоза, которая держалась на дранке (с наружной стороны) и колышках (с внутренней). Домашние, побеленные белой глиной, по наружному облику не отличаются от саманных⁵⁴.

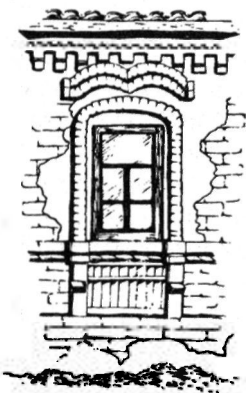
Лесные склады, где покупали строительные материалы, находились на железнодорожных станциях Кутейниково, Еленовка, Удачная, Благодатная, Хлебодаровка, Карань и др. Там застройщик покупал лесоматериалы необходимого качества и количества и вывозил на подводах. Естественно, это стоило дорого и требовало участия многих людей. Выручал обычай взаимопомощи. «Поселянин, строивший дом, — пишет О. Р. Будина, — приглашал родственников и соседей принять участие в этой работе. Помощники отправлялись за лесом на своих подводах. По прибытии домой лес сгружали, после чего хозяин устраивал угощение для всех участников работы»⁵⁵.

На северо-востоке Мариупольского уезда каменные дома строили приехавшие мастера. О. Р. Будина обнаружила в с. Стыла (Стила) несколько жилых каменных домов, построенных в 1910–1913 гг. приезжим мастером⁵⁶.

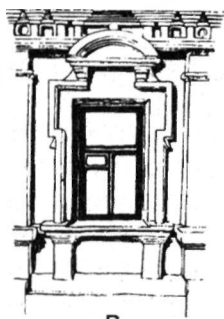
В последней четверти XIX в. в жилом строительстве появился и сразу завоевал признание обожженный кирпич. Еще в начале XIX в. в Екатеринославской губернии работали 3 кирпичных завода, в 1824 г. таких заводов

А

Б

В

А — декор жилого дома, тесаный кирпич; Б, В — оформление оконных проемов, тесаный кирпич

было 8 и еще 3 изготовляли черепицу. Они обслуживали, надо полагать, небольшое количество клиентов⁵⁷. На рубеже XIX и XX вв. практически в каждом селе Мариупольщины уже работали небольшие специальные мастерские по изготовлению кирпича и черепицы, в Мариуполе же были крупные предприятия такого рода (в 1864 г. их было 10⁵⁸).

Связанное с общим подъемом предпринимательской деятельности кирпичное и черепичное производство не только изменило внешний облик центральных кварталов крупных торговых сел, но и вызвало новые суждения о престижных формах жилища, о его добротности, а также повлекло новые технические возможности внешнего декора. Наличники больших косячатых окон и некоторые другие детали стали обрамлять узорами, выложенными из тесаного кирпича. Побеленные, прихотливо украшенные фасады домов, выходившие на улицу, в сочетании с высокими арочными проемами ворот, сложенными также из кирпича, как и окружавшие усадьбы ограды, выглядели очень нарядно. Некоторые из них сохранились поныне, например в центре Старого Керменчика (Старомлиновки). Такими же были и школьные здания (например, в селе Старая Ласпа, или Староласпа, кирпичное здание школы было выстроено в 1912 г.).

Однако сельчане редко ставили дома, сложенные из кирпича целиком: не только дешевле, но и практичнее, теплее оказывался дом с двойной кладкой — наружной кирпичной и внутренней саманной. Дома возводили на фундаменте из камней, залитых цементирующим раствором, или (реже) на цоколе из камня и кирпича.

В центральных кварталах крупных греческих сел красовались добротные кирпичные или же обложенные кирпичом дома, иногда беленные на украинский манер, а во многих вари-

антах и красные с выделенными белым цветом наличниками окон. Беднота же жила в валькованных или сложенных из сырцового (саманного) кирпича постройках. Соседние украинские села застраивались такими же скромными строениями. Греки, пользовавшиеся преимуществами иностранных колонистов, в массе своей имели большие материальные возможности, чем украинцы. В трех селах на северо-западе Мариупольского района, расположенных в непосредственной близости друг от друга, — в греческом селе Богатырь, в украинских Андреевке и Алексеевке — были кирпичные и черепичные производства, славилась среди окрестных жителей «минаевская» черепица из Андреевки и «погореловская» — из Алексеевки. А в самих этих селах было всего по 3–4 дома, облицованных кирпичом, в Богатыре же многие дома облицовывались этим материалом и крылись черепицей (некоторые из них сохранились до сих пор)⁵⁹.

Потолки в жилых домах на рубеже веков были дощатые, подшитные к балкам. Полы начали настилать в это же время, но зачастую только в парадных комнатах. Многие десятилетия спустя можно было видеть в одном доме разные покрытия пола: в «зале» — деревянные, в общей комнате глинобитные, в коридоре и кухне — вымощенные кирпичом.

Деревянные детали дома греки не красили в первые годы жизни в Приазовье. В конце XIX — начале XX в. стали окрашивать потолки, двери и оконные рамы масляной краской светлых тонов. Греческий дом отличался чистотой и опрятностью: каждую неделю женщины наводили порядок, деревянные детали мыли водой с содой и песком, земляной пол покрывали свежей смазкой из глины с навозом.

Трехраздельный вытянутый в плане жилой дом отвечал потребностям крестьянской семьи в то время, когда скученность людей в жилом помещении не вызывала ощущения дискомфорта, а парадные, редко использовавшиеся комнаты служили престижной маркой. Однако со временем и с расширением информационных связей формировалось новое понятие о потребностях: образцы городской жизни вызвали и на селе новые формы быта, погоня за престижным домом сочеталась с изменявшимися представлениями о комфорте жилья. Трехраздельная планировка стала заменяться многокомнатной, план дома вместо вытянутого прямоугольника становился Г-образным, но чаще приближался к квадрату, такие дома в народе называли «круглыми». Крыши на них обычно четырехскатные, для их сооружения крайнюю пару стропил наклоняли и присоединяли к вершине предыдущей пары. На обрешетку укладывали черепицу местного производства — круглую и тяжелую (так называемую «татарку»). Окружающее негреческое население ее не употребляло.

Эстетика квадратных домов имела свои особенности: прежде всего применение кирпича, дерева, железа, черепицы приносило новую цветовую

гамму, отличавшую греческие дома от украинских. Среди глинобитных побеленных жилищ они выделялись более яркой цветовой гаммой. Ее дополняла упоминавшаяся уже выше фигурная выкладка тесаным кирпичом фронтонов, карнизов, пилястр, оконных проемов, а также большое число окон и сравнительно высокий фундамент. Хотя в Приазовье у греков, украинцев, русских и немцев сформировался в общих чертах облик жилых строений, домостроительство каждой из этнических групп имело свою специфику. Кроме внешнего декора греческие дома отличались тем, что дольше сохранили открытую галерею с подпорными столбиками вдоль входной стороны дома, которая, по мнению исследователей, выполняла не только практические задачи, но и придавала строению легкий ажурный вид⁶⁰. Однако в погоне за принципами городского домостроительства крестьянская семья теряла и это бытовое удобство: ранее галерея, выполняя многие хозяйственные функции, служила постепенным переходом от внешнего пространства двора ко внутреннему пространству дома, в «круглых» домах она неприменима. Рационализм, который отличал всегда организацию крестьянской усадьбы, сдавал свои позиции перед формами социальной значимости. Нивелирование этнических особенностей здесь налицо.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ: СТАРИНА И НОВШЕСТВА

Большие перемены в экономической жизни на Мариупольщине, как и по всей Южной Украине, протекавшие в последние десятилетия XIX в. и в начале XX столетия, не замедлили сказаться на повседневной жизни не только городского, но и сельского населения.

Заметные новшества коснулись будничной и праздничной одежды⁶¹. Женский гардероб всегда был разнообразнее мужского, на нем заметнее отразились перемены в хозяйственной деятельности и в понятиях о качестве жизни. Домотканину все больше и больше заменяли фабричные ткани. В сельских магазинах, на ярмарках появилось готовое платье, фабричного производства обувь и головные уборы. Крестьяне могли покупать их и в городских магазинах во время торговых поездок в Мариуполь, Юзовку, Ростов-на-Дону. Те сельчане, которые имели возможность приобретать эти товары, быстро меняли свое праздничное, а затем и повседневное платье, тянулись за городской модой.

Конечно, домашнее ткачество, хотя и несколько утратило свое значение, отнюдь не исчезло, ведь покупными фабричными тканями пользовалось далеко не все в равной мере: бельевого материала дольше оставался домотканым. Однако виды сырья и для домашнего ткачества изменились: теперь гречанки покупали хлопчатобумажную пряжу и нитки из шелка-сырца.

Различия в одежде сельских женщин в этот период определялись несколькими факторами: степенью приобщения данного села к городским рынкам и ярмаркам; экономическим состоянием данной семьи; возрастом женщины и ее зависимостью от общественного мнения, вкусов и традиций ее среды.

В течение этого периода комплекс женского костюма с платьем постепенно заменялся комплексом с городской юбкой и кофтой.

Рубаха традиционного туникообразного покроя оставалась основным элементом нательной одежды⁶². Иногда ее шили еще из льняной домотканины, но в большинстве случаев — из фабричной льняной или ситцевой материи⁶³.

Некоторые женщины отступали от традиции, шили рубахи с круглым вырезом, с прямыми поликами (татарск. *алтър* от *атър* — плечо) и даже на кокетке, отделявая эту кокетку кружевами и вышивкой (черно-красного цвета, крестом).

Украшение-вышивка оставалась традиционной: она располагалась по вороту, пазухе, по краям рукавов. Подол рубахи не украшали, очевидно, в связи с тем, что он не был виден из-под платья (хотя на старинных экземплярах, хранящихся в музеях, подол рубахи заткан широкой каймой металлической нитью⁶⁴). Старинный тип вышивки, нашедший наиболее полное выражение на рубахах XIX в., не получил дальнейшего развития в связи со способом ношения рубахи, скрытой под верхней одеждой в отличие от украинского, южнославянского, молдавского костюмов, выставляющих напоказ пазуху, рукава и подол рубахи⁶⁵.

Покрой традиционного платья (румейск. *фистън*) в этот период несколько изменился. Оно состояло из облегающего лифа, застегивающегося на крючках спереди или сзади, и наглухо пришитой к нему длинной и широкой юбки⁶⁶. Преобладали темные цвета. Праздничные платья женщины всех возрастов обыкновенно шили из черного атласа⁶⁷.

Одновременно с платьями греческие крестьянки еще в XIX в. повсеместно стали носить костюм по тогдашней русской моде: юбку, укрепленную на пояске, и кофту, надеваемую поверх юбки. Оба предмета шили из одной той же фабричной материи⁶⁸. В домашнем повседневном быту носили темные юбки и более светлые ситцевые кофты. Юбки были уже, чем у украинок (3–4 полотнища), и имели, соответственно, меньше сборок. Названия как на румейском, так и на татарском языках употребляли русские: *юбка* (*юпка*), *кофта*. Есть единичные сведения о названии юбки на крымско-румейском *руха* (греч. *то робухо* — любая одежда, платье).

Пожилые женщины и старухи в эти десятилетия носили широкие длинные юбки и кофты из фабричной материи (домотканину не употребляли). Ношение передника они считали столь обязательным, что даже обряжая в

гроб покойниц, надевали на них передник. Материал, расцветка и функции фартука в этот период сильно изменились.

Если в середине XIX столетия домотканый шерстяной передник был обязательным элементом женского костюма⁶⁹, то в конце XIX — начале XX в. он стал элементом парадного костюма, а для повседневного ношения шили из покупной хлопчатобумажной ткани фартук, который называли украинским словом *запаска*. Оба эти передника укреплялись на талии.

Некоторые пожилые женщины считали фартук знаком, символом «самостоятельной хозяйки», они дарили парадный черный передник невестке после свадьбы как знак включения ее в хозяйственную жизнь семьи (так было, например, в Старой Ласпе). В некоторых селах в эти годы в парадных случаях обязательно надевали передник из черной шерсти, обшитый кружевами, или из фабричной ткани — темно-зеленого, темно-синего сатина, кашемира (Константинополь, Камар, Карань и др.). Исчезла традиционная орнаментика, осталась лишь возможность выбирать ткань излюбленных темных тонов⁷⁰.

Женщины, родившиеся в последние десятилетия XIX в. или на рубеже веков, надевали ситцевую запаску, только работая дома по хозяйству. Так было и позже: примерно до 1930-х гг. пожилые женщины сохраняли традицию ношения передника. Молодые, одетые по городской моде, «на людях», в церкви его не носили, надевали лишь при выполнении домашней работы. В 1920–1930-х гг., как и ныне, передник из ситца и других фабричных тканей — принадлежность домашнего обихода.

Плечевой одеждой, кроме фистана, были кофты различной длины и кроя (прямые или суженные к стану). Иногда они украшались вышивкой, аппликацией или блестками⁷¹.

Довольно сложен вопрос о ношении безрукавок. Этот элемент одежды, столь распространенный у других балканских народов, для греков не характерен. В некоторых грекоязычных селах держится убеждение, что безрукавки носили только «татары». И действительно, в татароязычных селах женщины носили безрукавки, называемые *елёк* (с. Камар), *камзёл* (с. Карань), то есть так же как и мужские жилеты. Их мастерили из овчины или из шерстяной материи, кроили в талию или же с прямой спинкой, застежка спереди. В других селах женщины порою надевали для тепла короткие *безрукавки* из меха, чаще из теплого материала, иногда на вате. Но специального названия для этого вида одежды не знали, именовали ее безрукавка, *теплушка* (татароязычный Богатырь), *талиа* (грекоязычный Константинополь). Только в грекоязычном Чермалыке нам назвали специальный термин *амблътя*.

Постепенно и очень неравномерно в различных углах Мариупольщины выходил из употребления головной убор «перифтар». Еще в первом десяти-

летию XX в. его носили некоторые пожилые женщины в селах Чардаклы, М. Янисоль, Константинополь, даже в богатой Новой Каракубе в качестве парадного головного убора, придерживаясь обычаев своей молодости. Краеведы, музейные работники находили в греческих домах и перифтары, и всевозможные женские украшения, и настенные декоративные ткани⁷². Вопрос заключается в том, были ли эти вещи предметами повседневного обихода или же хранились в сундуках на память о матерях и о бабушках.

Интересна и оценка традиционных вещей со стороны подрастающих поколений: иногда случалось (в 1910–1920-х гг.), что дети просили свою мать не надевать перифтар, отправляясь в церковь: им казалось, что традиционный костюм — признак «отсталости» матери. Женщины этих же сел, родившиеся в последние десятилетия XIX в., этого головного убора не имели. В Стыле, в Старой Каракубе и других селах женщины этого возраста слышали о таком головном уборе, но не видели его и довольно смутно его себе представляют. В богатых и давно сильно обрусевших селах, как например Ялта, он исчез уже в самом начале XX столетия или даже в последние десятилетия XIX в.⁷³ Цамблис как дополнение к перифтару еще донашивали в 1890-х гг., позже о нем уже нет сведений. Кам к концу века уже вышел из употребления. В период Первой мировой войны и революции перифтары не изготавливали и почти перестали носить. В 1970–1980-х гг. только очень пожилые женщины сохраняли перифтары в сундуках как память о молодости своих матерей. Наиболее приверженные к старине употребляли заглаженные золотом концы полотнища в качестве настенного украшения.

Ношение головного платка в конце XIX — начале XX в. (как и позже, в середине XX в.) было обязательным. Пожилые женщины считали для себя стыдным появляться на улице с непокрытой головой. Молодые невестки, которые обязаны были подыматься с постели раньше всех в доме, прежде всего спешили привести в порядок волосы и надеть платок, чтобы старшие члены семьи не увидели их простоволосыми.

В повседневном употреблении были ситцевые и кашемировые платки, по праздникам — шелковые, преимущественно черные или коричневые, иногда зеленые. Употребление платков фабричного производства исключало их отделку в национальном вкусе. Традиционной оставалась лишь цветовая гамма. Концы платка завязывали либо под подбородком, либо узлом выше лба. Тяжелые зимние шали не завязывали, а перекрещивали на груди. Старинное название ситцевого платка *чамбър* (румейск.), ныне вместо него употребляют русское слово *платок* (местный выговор *платох*). Теплый платок именуют также по-русски *шаль*, *шалиц*. Почти не встречается старинный термин *шиях* (известен в грекоязычном селе Стыла), обозначающий плотную шерстяную материю. Шелковые платки на крымско-румейском именуются *пушуб*, по-татарски *хумяш платох*. Так как грече-

ские женщины пользовались покупными платками фабричного производства (во всяком случае, в те времена, которые удастся проследить по этнографическим материалам), этническая специфика отражалась лишь в манере пользования этими вещами: в подборе по цвету и материалу, в способе повязывания.

На прическе не отражался переход девушки в группу замужних женщин. Поэтому в свадебном обряде греков нет действий, связанных с изменением прически, какие известны, например, у живущих по соседству русских и украинцев (выкуп косы и т. п.).

В знак траура носили распущенные волосы (сроком до года).

Развитие женского повседневного костюма обнаруживало две тенденции: во-первых, заимствование из комплекса одежды окружающего инонационального населения (преимущественно украинцев); во-вторых — сближение с городским костюмом, в котором домодельные материалы уступали место фабричным.

Вторая тенденция особенно заметна была в повседневном костюме девушек в первые десятилетия XX в. (длинные юбки, облегающие кофточки, на голове — шарф с концами, спускающимися на плечи, или платок; передник отсутствует) и в парадном, выходном костюме женщин молодого и среднего возраста. Он состоял из юбки с кофтой, сшитых из одной и той же ткани; юбка широкая длинная, отделяется по нижнему краю лентами или горизонтальными складками, у кофты был облегающий лиф, рукава с буфами у плеча сужались к запястью. Талию стягивали широким гуттаперчевым поясом. Иногда вместо юбки и кофты носили платье. Украшением костюма служили кружевные жабо, рюши, брошки, цепочки. Иногда надевали и традиционные украшения, чаще всего ожерелья с крестиком из грубого перламутра. Передника к такому костюму, как правило, не полагалось. Волосы обычно зачесывали гладко на прямой пробор или же (реже) делали высокую модную прическу. Голову покрывали легким шарфом, реже платком. Такой костюм дополнялся покупной фабричной обувью: высокими башмаками, застегивающимися на крючки, или же туфлями на высоких каблуках.

Легко заметить, что этот костюм повторял городскую моду того времени. Мариуполь давно уже стал городом, типичным для южной России, и не только потому, что с 1859 г. в нем было разрешено селиться людям негреческой национальности, но и в силу своего экономического развития, активных связей с внешним миром. Вторым городом, с которым были связаны жители приазовских сел, был Ростов. И хотя жизнь в обоих этих городах носила определенный налет этнической специфики (Мариуполь — центр греческого ареала, Ростов — «столица» области войска Донского), по общему направлению материального быта и общественной жизни это были российские города. Третьим городом, с которым была связана Мариуполь-

щина, была Юзовка с ее шахтами и металлургическими заводами. В данном случае мы наблюдаем не только влияние города на село, но именно русского города на греческое село.

Изменение костюма сельских женщин на городской манер осуществлялось по-разному. В городах, на ярмарках, в сельских лавках покупали готовую одежду, сшитую по городской моде. В некоторых селах работали профессиональные швеи, которые, разумеется, располагали необходимыми выкройками и журналами. Дочери зажиточных крестьян, которые учились в городах, шеголяли в своих родных селах в городских нарядах. Городской костюм приобрел престижную функцию в сельской жизни. Как бы ни одевалась гречанка в повседневном быту, она, наряжаясь с мужем и с детьми к фотографу, чтобы тот сделал семейный портрет, который будет долгие годы украшать стены парадной комнаты, постаралась раздобыть платье с буфами на плечах, сделать высокую прическу или по крайней мере снять платок и предстать перед фотоаппаратом с непокрытой головой. А ее мать или свекровь, поддерживая понятия своего поколения о «приличии», фотографировались в этой семейной группе в платке и фартуке.

Разумеется, городская мода проникала в село очень неравномерно. В Старом Керменчике, например, в первой четверти XX в. перешли уже на костюм городского типа, donaшивая свои традиционные одежды дома как рабочие, затрапезные. В то время как молодые жительницы Мангуша или приморского квартала Ялты шеголяли в городских платьях и высоких шнурованных ботинках, их сверстницы из окраинных кварталов Ялты не могли позволить себе такой роскоши, а молодые женщины Ласпы ни за что не вышли бы из дома без фартука.

В этот период совсем изменился свадебный костюм. Давно был забыт и калатообразный *шам*, и красное платье невесты, в котором в старину венчались не только гречанки, но и девушки других балканских народов⁷⁴. Подвенечное одеяние представляло собой принятый в данное время и в данной местности праздничный костюм. В конце XIX в. было принято венчаться в платьях из черного атласа⁷⁵. На рубеже веков и в первое десятилетие XX в. невесты были одеты в юбку и кофту из хорошей фабричной материи (шерстяной, у богатых — шелковой) светлых цветов (кремовый, светло-салатовый и т. п.), с фатой на голове и с традиционными украшениями на руках и груди. Височные подвески к такому костюму уже не шли. Белое подвенечное платье проникло в быт гораздо позже.

Если не обязательным, то желательным элементом свадебного костюма по-прежнему считался металлический или парчовый («кавказский») пояс. Торговые связи с Северным Кавказом через Ростов и область войска Донского позволяли поддерживать эту традицию. По обычаю семья жениха готовила полный комплект костюма невесты, ее свекровь включала в него

свой пояс. Получив в свое время такой пояс в качестве свадебного подарка от своей свекрови, многие женщины сберегали его в сундуке и дарили в свою очередь невестке. Надев этот пояс впервые на свадьбу, молодая женщина в дальнейшем украшала им свой выходной костюм по праздникам, отправляясь в церковь и т. п.⁷⁶

В качестве верхней одежды женщины в значительно меньшей мере, чем мужчины, носили кожухи. Эта одежда удобна для ухода за скотом и для выполнения других хозяйственных дел во дворе. Украинские женщины, на обязанности которых эти работы лежали, носили кожухи (например, т. н. таврический кожух с 3–5–7 фалдами, который шили в селе Андреевка); гречанка редко выполняла подобную работу⁷⁷. Столь же редко она надевала овчинную шубу прямого покроя. Если греческие женщины и носили кожухи, то эти последние чаще всего были крыты фабричной тканью (шевиот и т. п.); таким был *бидён гуна* — крытый кожух широкого покроя, глубоко запахивавшийся, без застежек.

Более распространенным было теплое полупальто, которое покупали или шили из фабричной ткани, чаще всего без мехового воротника (*кбфта*, *кбхтэ*, *бурнбжа*, *бурнйс*). Носили также длинные теплые пальто, зачастую также без воротника⁷⁸.

Обувь — это тот элемент одежды, где весьма ясно отразилось социальное неравенство греческих крестьян. Происходило это потому, что кожаная обувь была покупной — фабричного или кустарного производства.

В большинстве греческих сел женщины почти не носили *постолов* (*чарйхи*, *чарых*). Эту обувь, удобную для полевых работ и особенно для косыбы, употребляли мужчины. Однако и здесь имелись различия в бытовых привычках жителей разных сел. В отдаленном от города сравнительно бедном Чармалыке женщины носили домодельные чарухи, и даже во время редких наездов в Мариуполь в предреволюционное время жительницы этого села появлялись в постолах. В Чармалыке были скорняки, изготавливавшие шубы, шапки, может быть, поэтому и постолы были более приняты. Для домашнего обихода мужчины сами изготавливали их на свою семью из коровьей кожи.

Летом женщины, особенно девушки и маленькие девочки, ходили босиком. В непогоду, выходя из дома по хозяйству, наскоро всовывали ноги в *хатырья* — сапоги с обрезанными голенищами.

Выходной обувью служили туфли на каблуках, ботинки на шнуровке фабричного производства (ремесленных изделий такого рода в этих местах не бывало). Рядовая греческая крестьянка, имея одну пару фабричных высоких ботинок, берегла их долгие годы, надевая только по праздникам. Зимой мужчины и женщины носили валенки. В начале XX в. появились галоши — признак известной роскоши. В них щеголяли и в сухую погоду. Глу-

бые галоши надевали без обуви, непосредственно на шерстяной чулок. Пожилые женщины часто так и в церковь ходили.

Ботинки, туфли, валенки, галоши не имеют названий на крымскотатарском и крымскотатарском языках; эти виды обуви греки Мариупольщины называют по-русски. Например, в Каракубе глубокие галоши называли *васея халёшес* (*Васея* — греч. «глубокие», *ес* — суффикс мн. ч.).

В быту многих народов, живущих в теплом климате, принято снимать обувь, входя в жилой дом. В этом отношении греки Приазовья не отличаются ни от украинцев, ни от русских, болгар и других национальных групп. На крыльце любого жилого дома красуется множество пар обуви, снятой домохозяйками прежде чем переступить порог дома.

В старину для домашнего обихода греческие женщины изготавливали себе мягкие туфли или, точнее, толстые короткие носки ярких расцветок, под которые подшивали матерчатую или тонкую кожаную подошву (румейск. *панчбхи*, татарск. *бабйч*). Во втором десятилетии XX в. эту мягкую домашнюю обувь сменили покупные тапочки.

В мужской костюм городская мода входила быстрее, чем в женский. Уже в начале XX в. нестарые мужчины носили обычно костюм из фабричных тканей: брюки неширокого покроя, заправленные в сапоги или выпущенные поверх ботинок, пиджаки или двубортные куртки, иногда жилеты⁷⁹. Пиджачная пара или тройка по моде того времени в качестве парадной одежды получила распространение уже во второй половине XIX в. Такой костюм обязательно надевали на свадьбу. Тот, кто не имел возможности спешить к свадьбе пиджачную пару, одалживал ее. Так было, например, в последнее десятилетие XIX в. в с. Сартана: несколько человек обладали костюмами, приличествующими свадебной церемонии, и давали их напрокат за плату; молодые люди, вступающие в брак, по очереди надевали эти костюмы.

В конце XIX в. мужской костюм дополнялся элементом, явно заимствованным из городского обихода, — верхней рубашкой. Традиционная рубашка из белой хлопчатобумажной материи, туникообразного покроя, сшитая дома руками хозяйки, превратилась в нательное белье, а поверх нее начали носить рубашу из фабричной ткани с поликами или на кокетке со сборками спереди и сзади, застроченными под поликами и под задней планкой на спине, такого же типа, какую носили в ту пору русские и украинцы⁸⁰. Воротник стоячий, застежка типа «косоворотки». Верхняя одежда — пиджаки, куртки разных фасонов — оставляла открытой грудь рубашки, поэтому вошло в моду украшать вышивкой праздничные рубашки, которые обычно были белого цвета.

Украшение мужской одежды вышивкой, порою не менее обильной, чем женская, было обычным в греческом традиционном костюме⁸¹. Однако орнаментация рубах, о которых идет речь, должна быть связана с традициями

населения, окружающего греческий ареал на Мариупольщине, прежде всего южнорусского населения. На груди рубахи расшивался вытянутый прямоугольник — манишка (именно та часть рубашки, которую оставляет открытой пиджак или куртка). Иногда по вороту, стойке воротника и подолу располагался мелкий узор, вышитый тонким швом. По покрою и расположению орнамента рубашка этого типа близка к украинской и южновеликорусской, а также к той, что была распространена у донского (отчасти) и кубанского казачества⁸². Что касается расцветки орнамента, то в ней видна греческая этническая специфика: тонкое шитье приглушенных расцветок; манишка расшивалась мелкими неброскими узорами, черными, белыми, красными шелковыми нитями, по воротнику и подолу тонкий шов выполнялся нитями коричневого или другого неяркого цвета. Вся орнаментация очень изящна и сдержанна.

Мода на расшитые спереди рубашки породила любопытный элемент костюма — манишку, надевавшуюся отдельно, поверх рубашки (ее застегивали на левом плече кнопками и закрепляли вокруг талии шнуром)⁸³.

Носили в ту пору и рубашки с отложным воротничком, по праздникам повязывая модный в те времена узкий галстук⁸⁴.

Интересны названия рубах: нижняя по-прежнему называется *кәмсу*, *пкәмсу* (румейск.) и *келёк* (татарск.), верхняя же во многих селах называется русским словом *рубашка* (иногда искаженно *урбашка*, в некоторых татароязычных селах *гюльмёк*, или так же как нижняя — *келёк*).

Рубашки-косоворотки носили поверх брюк. По праздникам их подпоясывали тонким пояском черного, белого, коричневого, красного цвета, сплетенным из шелковых или шерстяных ниток и заканчивающимся кистями (татарск. *пшах*, румейск. *знар*, *зунар*). Во время работы рубаха оставалась свободной, неподпоясанной или же (чаще) заправлялась в штаны, укреплемые кожаным ремешком.

Кроме пиджаков и двубортных курток, греческие мужчины носили безрукавки. Чаще всего они были изготовлены из дубленой овчины мехом внутрь, иногда покрыты фабричной материей, прямого покроя с застежкой спереди. Назывались и на румейском и на татарском так же как жилет (*камзёл*, *гамзёл* и т. п.). Украинцы соседних сел тоже носили безрукавки (жилетка). Чаще всего матерчатые, на вате, надевали их в холодную погоду под верхнюю одежду.

Больше национальной специфики сохранилось в верхней одежде. Характерно было ношение шуб и шапок разнообразного фасона из овчины. Все эти вещи шили специалисты-греки. Здесь сказывалась давняя традиция скотоводческого хозяйства.

Мужчины носили кожаные куртки различных типов. Длиннопольный (или покорооче) кожаный с подрезанной талией и фигурной спиной назывался на румей-

ском и татарском *чумарка*, *чезмáбрка*, *четметке*, *чмертка* и т. д.⁸⁵ Шили его из 7 кусков овчины мехом внутрь (спина, 2 передние полки, длинные полы из 4 кусков), швы на полах сзади и по бокам, карманы прорезные, втачаны в боковые швы, воротник большой, мехом наружу, его можно было приподнять так, чтобы он закрывал уши, или отложить по плечам.

Шубы (румейск. *гүна*, татарск. *тулуп*, *тон*, *узун*, *кырк*) всегда были просторными, с прямой спиной, в них можно было тепло завернуться благодаря глубокому запáху справа налево, воротник большой, отложной⁸⁶. Их надевали по праздникам или отправляясь в дорогу. Для работы по хозяйству удобнее были короткие полшубки (румейск. *бидэн гүна*, *гүница*, *гнбйца*, татарск. *кесім тон*, *хса*, *курк*).

Черные кожаные были более практичны для повседневного ношения, белые считались нарядными. Особенно высоко ценились шубы, покрытые сукном; ими могли обзавестись только богачи⁸⁷.

В целом греческая зимняя одежда отличалась от украинской более узким кроем (даже в чумарках было меньше сбор) и отсутствием украшения (аппликация, вышивки и т. п.).

Поверх кожаных подпоясывались на старинный манер вязаным поясом с кистями на концах. Со временем его все чаще начали заменять куском фабричной материи красного или синего цвета.

В двух первых десятилетиях XX в. к кожаным, которые носят и сейчас, добавилось теплое полупальто на вате или на меху — татарск. *хавтан*⁸⁸, а также купленное на ярмарке или заказанное портному теплое пальто на вате.

Оригинальная верхняя одежда — плащ, который надевали поверх кожаной или другой верхней одежды в плохую погоду, когда отправлялись в дальнюю дорогу и в других подобных случаях (румейск. *сухмá*, *чупйна джубуна*, татарск. *чехмён*)⁸⁹. Это был широкий плащ с прямой спиной и свободно спадающими полами, с пришитым капюшоном. Его шили из домодельного черного сукна. Полосы материи, сотканной на станке, оказывались узкими для такой просторной одежды, поэтому спина сшивалась из двух кусков.

Во время дождя, снегопада и т. п. голову защищали отдельно надеваемым башлыком (татарск. *башлык*) из такого же домодельного сукна, немного более тонкой выработки.

Барашковая шапка из самых различных сортов шкур оставалась основным мужским головным убором (румейск. *шапка*, *капáс*, *дурли*, татарск. *халпáх*, *шапка*). Их фасоны были разнообразны: колпакообразные, полусферические, с плоским доньшком и т. п.⁹⁰ Простые шапки для повседневного ношения зачастую шил каждый для себя, лучшие экземпляры изготавливали специалисты, те же, кто шил кожаные. С начала XX в., возможно по образцу казачьих головных уборов, широко были приняты суконные картузы. Для праздничного костюма принято было шить картуз из того же материала

ла, что и пиджачную пару. Их изготавливали те же портные, которые шили весь костюм. Для работы в поле надевали соломенные шляпы с полями. А в пригородных селах, таких как Сартана, щеголи обзаводились фетровыми модными шляпами. Эти головные уборы называли по-русски: *картуз*, *фуражка*, *шляпа*.

Мужская обувь была исключительно кожаной. Старинной рабочей мужской обувью были уже упоминавшиеся чарухи из воловьей, коровьей и лошадиной кожи, как правило — самодельные. Это были постолы типа болгарских орушанок (с узким носом, загнутым кверху, со сборками, собранными на идущий кругом ремешок), характерные и для неславянского населения Балканского полуострова⁹¹.

Как уже отмечалось, длительность бытования и широта распространения чарух зависела от местных условий. Все крестьяне носили их в качестве рабочей обуви, особенно удобны они бывали на сенокосе. Для некоторых бедняков чарухи были единственной обувью, и даже в церковь они приходили в них. По свидетельству учителя из румейского села Чармалык Г. Афанасьева (1891), большая половина присутствовавших в школе учеников обувались в чарухи⁹². В тот же год учитель из села Камар (татароязычное село на северо-западе Мариупольщины) сообщал: «Чарухи и в настоящее время есть самая излюбленная обувь не только бедных поселян, но и довольно зажиточных»⁹³. В Ялте, которая не раз уже упоминалась как пример наиболее «огорожаненного», «обрусевшего» села, в это же время преобладающей мужской обувью были сапоги и ботинки, «но в рабочее время, и то в редких случаях, мужское население обувается в чарухи»⁹⁴.

Поверх носка ногу оборачивали белой портянкой (румейск. *полупандья*) из тонкого домодельного сукна длиной до 1 м. Внизу, у самого постола, наматывали кусочек брезента, чтобы портянка не пачкалась, но этот кусочек не должен был быть заметен. У щиколотки была видна белая портянка. Выше сантиметров на 20 плотно наматывался ремешок из выделанной кожи (румейск. *курсиле* шириной до 2 см и *дурмалыхья* — более узкий). Затем до половины икры делали еще несколько редких оборотов ремня, оставлявших белые просветы, и наконец ремень закрепляли, пропуская его конец через металлическое колечко.

По праздникам парни с большой тщательностью закрепляли свои чарухи. Смазанные ваксой блестящие черные ремешки выделялись замысловатым своим переплетением на белом фоне портянки. Такая обувь не лишена была изящества и своеобразного щегольства.

Кроме чарух рабочей, повседневной и выходной обувью были сапоги и ботинки. В начале века особенно нарядной обувью считались лаковые сапоги. Сапоги, ботинки, галоши приобретали преимущественно в городских и сельских магазинах или же на ярмарках. Характерно, что если сапоги

имели местное название (румейск. *цангья*, татарск. *цызма*, *чызма*), то ботинки, туфли, галоши, так же как валенки, которые на зиму заказывали приезжим мастерам, местных наименований не имели, в крымскорумейский и крымскотатарский языки вошли их русские названия.

В конце XIX — начале XX в. у греческих мужчин было принято стричь волосы коротко, зачесывать их на пробор. Мужчины всех возрастов носили подстриженные усы и небольшие бороды. Но многие среди молодежи и даже люди среднего возраста брили бороду. Если у женщин в знак траура было принято распускать волосы, то мужчины переставали бриться и стричься. И теперь еще пожилые мужчины после смерти близкого человека не бреются девять, а иногда и сорок дней, а на рубеже веков те, кто носил глубокий траур (например, по жене), не стригли волос, бороды и усов до года, так что борода могла достигать пояса, а волосы спускаться по плечам.

Этническая культура никогда не остается неизменной. Народный костюм в целом или его отдельные наиболее характерные элементы отличают данную этническую группу от соседних, в какое тесное хозяйственное общение они бы ни вступали; другими словами, традиционный костюм (или его элементы) является этнодифференцирующим признаком.

Из инонациональной среды усваивается обычно именно то, что жизненно необходимо и рационально.

Различия в одежде между греками и другими этническими группами Приазовья легко заметить. Эти различия сохранялись даже в XX в., когда костюм в целом, особенно мужской, подвергся сильному влиянию городского образца. Например, для греков всегда характерна была одежда из овчины — шубы, шапки, штаны. Повседневная рабочая обувь греков — чарухи из сыромятной кожи, их носили потомки других балканских мигрантов (албанцы, болгары, гагаузы), но не переняли славяне. Традиционная обувь немцев — деревянная, которую надевали на толстые шерстяные носки, — никем из соседей не была заимствована. Русские сапоги получили всеобщее применение и широкое распространение. У греков почти отсутствовал такой характерный для Украины вид одежды, как меховая безрукавка; если ее и носили, то в значительно меньшей степени, чем украинцы, молдаване и потомки выходцев с Балканского полуострова.

Характер одежды, в том числе и набор материалов для ее изготовления, во многом зависел от развития портняжного ремесла. Ремесленничество считалось в среде греков занятием второго сорта. В XIX в. и в первые десятилетия XX в. оно находилось почти целиком в руках негреческого населения: жителей украинских сел, еврейских колонистов, а также русских сезонников. Обеспеченность услугами местных и пришлых ремесленников в греческих селах была очень неравномерной. Их было много на северо-западе Мариупольского уезда, в богатых торговых селах Богатырь, Улаклы, Ка-

мар, на востоке в селе Карань и гораздо меньше в селах, удаленных от торговых центров, — Стыла, Ласпа и др.

В селе Богатырь, например, материю приобретали в магазинах, принадлежавших местным жителям — грекам (таких магазинов в селе было несколько). Обычно до Рождества закупали всю материю, которая по расчетам хозяйки могла понадобиться для пошива одежды всей семье на ближайший год. Уплачивали купцу наличными деньгами, а иногда брали в кредит под проценты (такая система кредитования, весьма выгодная для купцов, была вообще чрезвычайно развита). В Игнатевке подобный магазин, снабжавший крестьян всеми необходимыми товарами, в том числе и материей (зачастую в кредит), держал предприниматель из Карани Костоманов. Были в Игнатевке два магазина, которыми владели еврейские семьи, постоянно жившие в этом селе вплоть до революции.

Те предметы костюма, которые не могла сшить сама хозяйка дома, заказывали профессиональным мастерам — или местным, постоянно живущим в селе (например, в Богатыре), или приезжим (так было в с. Константинополь), которые обычно работали на дому у заказчика.

Мужские костюмы и картузы (которые принято было шить из одной и той же материи), особенно предназначенные для свадьбы и других торжественных случаев, заказывали портным-евреям, которые ездили по греческим селам, обычно по два человека, выполняли работы на дому у заказчика, живя у него и питаясь за его счет. Иногда даже верхние мужские рубашки поручали шить профессионалам.

Сапожным делом греки не занимались. В Богатыре, например, постоянно жили сапожники-украинцы, которые и шили для сельчан кожаные и хромовые сапоги. В Константинополь приезжали сапожники из Курска, Тамбова, Полтавы. Некоторые из них селились здесь на постоянное жительство. В с. Анадоль жили русские мастера, бывали и свои местные. Валенки валяли русские приезжие мастера и местные украинцы, например в селе Андреевка, у которых их заказывали жители села Улаклы. Валяльщики в здешних местах называли «шаповалы» или «постовалы»; в селах Богатырь, Константинополь, Игнатевка, Ласпа приезжие обычно нанимали помещения для жилья и работы на всю зиму и выполняли заказы из сырья заказчика.

Даже в последние десятилетия XIX в., когда шитье одежды оказалось в значительной мере в руках специалистов из иных этнических групп, выделка кож, пошив всевозможных шуб и кожухов, мужских шапок и постолов считались единственным видом ремесла, достойным грека-скотовода.

Иногда эти виды одежды изготавливали непосредственно для заказчика, иногда для купца, который продавал их в своей лавке.

В конце XIX в. изготовлением овчинных кожухов стали заниматься и украинские мастера, которые обслуживали соседнее греческое население.

Например, мастер в селе Алексеевка шил кожухи прямого покроя, которые покупали и греки, и украинцы, и кроме того кожухи на сборах с подрезной каймой (чумарка) специально для греков, среди которых этот вид верхней одежды был популярен.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Греческое прикладное искусство имело два поля приложения: украшение костюма и украшение внутреннего пространства жилища. То и другое приносило праздничную ноту в повседневный быт крестьянина и горожанина.

Украшение костюма несло на себе следы балканской традиции — возможно, что она не только вошла в быт крымского населения через генетическое наследие жителей греческих колоний Причерноморья, но и была закреплена торгово-культурными связями полуострова Тавриды с широким восточномедитерранским ареалом.

Выше уже отмечалась весьма прозрачная переключка традиционной одежды мариупольских греков с костюмами жителей материковой и островной Греции. Напомним, что украшенными видами одежды были женские покрывала и нательные женские и мужские рубахи, а единственным декоративным приемом — вышивка. Расшивался ворот, пазуха и нижний край женской рубахи (позже нижний край не украшался, так как не был виден из-под платья в отличие от рубах украинок). На мужских рубахах вышивка — тонкой полоской — шла по воротнику и подолу, а спереди заполнялся плотной вышивкой прямоугольник видного из-под пиджака переда рубахи (позже — отдельно надеваемая манишка).

Орнаментальное украшение одежды как один из видов народного творчества обнаруживает устойчивость этнических традиций. Греческая этническая культура формировалась в области интенсивного земледельческого хозяйства, где наряду с зерновыми культурами возделывались садовые и виноградники. Именно поэтому орнамент на одежде — растительный: «веточка», «вазон», «вазочка»⁹⁵, расположение узора — несимметричное, зеркального повтора левой — правой стороны композиции (как это характерно для славянского искусства) не было. Узор мелкий, ненавязчивый. Расцветка — неяркая, очень гармоничная. Характерно использование золотой нити (вышивку и блески из плоской золотой нити употребляли и крымские татары, например на декоративных скатертях, салфетках и т. п.). Постепенно золотая нить и блески выходили из употребления. Очевидно, именно привычка к золотошвейным узорам привнесла в греческую вышивку обилие желтых, светло-коричневых, бежевых красок. К ним добавлялись черный, белый, красный цвета, но — еще раз следует подчеркнуть — вся цветовая композиция была неярких, приглушенных, очень тонко по-

мар, на востоке в селе Карань и гораздо меньше в селах, удаленных от торговых центров, — Стыла, Ласпа и др.

В селе Богатырь, например, материю приобретали в магазинах, принадлежавших местным жителям — грекам (таких магазинов в селе было несколько). Обычно до Рождества закупали всю материю, которая по расчетам хозяйки могла понадобиться для пошива одежды всей семье на ближайший год. Уплачивали купцу наличными деньгами, а иногда брали в кредит под проценты (такая система кредитования, весьма выгодная для купцов, была вообще чрезвычайно развита). В Игнатевке подобный магазин, снабжавший крестьян всеми необходимыми товарами, в том числе и материей (зачастую в кредит), держал предприниматель из Карани Костоманов. Были в Игнатевке два магазина, которыми владели еврейские семьи, постоянно жившие в этом селе вплоть до революции.

Те предметы костюма, которые не могла сшить сама хозяйка дома, заказывали профессиональным мастерам — или местным, постоянно живущим в селе (например, в Богатыре), или приезжим (так было в с. Константинополь), которые обычно работали на дому у заказчика.

Мужские костюмы и картузы (которые принято было шить из одной и той же материи), особенно предназначенные для свадьбы и других торжественных случаев, заказывали портным-евреям, которые ездили по греческим селам, обычно по два человека, выполняли работы на дому у заказчика, живя у него и питаясь за его счет. Иногда даже верхние мужские рубашки поручали шить профессионалам.

Сапожным делом греки не занимались. В Богатыре, например, постоянно жили сапожники-украинцы, которые и шили для сельчан кожаные и хромовые сапоги. В Константинополь приезжали сапожники из Курска, Тамбова, Полтавы. Некоторые из них селились здесь на постоянное жительство. В с. Анадоль жили русские мастера, бывали и свои местные. Валенки валяли русские приезжие мастера и местные украинцы, например в селе Андреевка, у которых их заказывали жители села Улакты. Валяльщики в здешних местах называли «шаповалы» или «постовалы»; в селах Богатырь, Константинополь, Игнатевка, Ласпа приезжие обычно нанимали помещение для жилья и работы на всю зиму и выполняли заказы из сырья заказчика.

Даже в последние десятилетия XIX в., когда шитье одежды оказалось в значительной мере в руках специалистов из иных этнических групп, выделка кож, пошив всевозможных шуб и кожухов, мужских шапок и постолов считались единственным видом ремесла, достойным грека-скотовода.

Иногда эти виды одежды изготовляли непосредственно для заказчика, иногда для купца, который продавал их в своей лавке.

В конце XIX в. изготовлением овчинных кожухов стали заниматься и украинские мастера, которые обслуживали соседнее греческое население.

Например, мастер в селе Алексеевка шил кожухи прямого покроя, которые покупали и греки, и украинцы, и кроме того кожухи на сборах с подрезной талией (чумарка) специально для греков, среди которых этот вид верхней одежды был популярен.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Греческое прикладное искусство имело два поля приложения: украшение костюма и украшение внутреннего пространства жилища. То и другое приносило праздничную ноту в повседневный быт крестьянина и горожанина.

Украшение костюма несло на себе следы балканской традиции — возможно, что она не только вошла в быт крымского населения через генетическое наследие жителей греческих колоний Причерноморья, но и была закреплена торгово-культурными связями полуострова Тавриды с широким восточномедиземноморским ареалом.

Выше уже отмечалась весьма прозрачная переключка традиционной одежды мариупольских греков с костюмами жителей материковой и островной Греции. Напомним, что украшенными видами одежды были женские покрывала и нательные женские и мужские рубахи, а единственным декоративным приемом — вышивка. Расшивался ворот, пазуха и нижний край женской рубахи (позже нижний край не украшался, так как не был виден из-под платья в отличие от рубах украинок). На мужских рубахах вышивка — тонкой полоской — шла по воротнику и подолу, а спереди заполнялся плотной вышивкой прямоугольник видного из-под пиджака переда рубахи (позже — отдельно надеваемая манишка).

Орнаментальное украшение одежды как один из видов народного творчества обнаруживает устойчивость этнических традиций. Греческая этническая культура формировалась в области интенсивного земледельческого хозяйства, где наряду с зерновыми культурами возделывались садовые и виноградники. Именно поэтому орнамент на одежде — растительный: «веточка», «вазон», «вазочка»⁹⁵, расположение узора — несимметричное, зеркального повтора левой — правой стороны композиции (как это характерно для славянского искусства) не было. Узор мелкий, ненавязчивый. Расцветка — неяркая, очень гармоничная. Характерно использование золотой нити (вышивку и блески из плоской золотой нити употребляли и крымские татары, например на декоративных скатертях, салфетках и т. п.). Постепенно золотая нить и блески выходили из употребления. Очевидно, именно привычка к золотошвейным узорам привнесла в греческую вышивку обилие желтых, светло-коричневых, бежевых красок. К ним добавлялись черный, белый, красный цвета, но — еще раз следует подчеркнуть — вся цветовая композиция была неярких, приглушенных, очень тонко по-

добранных тонов, в сочетании с мелким тонким рисунком они были изящны и благородны.

Техника вышивки — гладь и мережковый шов, применяемый с той же целью и на рубахах в Греции⁹⁶. Таким образом, греческие рубахи по расположению орнамента, расцветке и виду шитья отличались от украинских.

Однако вышивка на украинский манер уже занимала и греческих мастериц. Еще в последнее десятилетие XIX в. в с. Ялта (как уже сообщалось, сильно «огорожаненном») была мода на вышивки крестом, черными и красными бумажными нитками; «рисунки вышивок взяты вообще из модных журналов»⁹⁷. В селах, где сравнительно долго удерживались национальные традиции в одежде (например, в Каракубе), некоторые девушки еще в 1920-х гг. получали в приданое традиционные рубахи из домотканины; вышивка на них была выполнена мелким крестом из черных и красных хлопчатобумажных ниток. Эта манера была принята со временем для вышивания декоративных полотенец, всевозможных накидок на подушки, салфеток и т. п., которыми гречанки и ныне украшают свое жилье.

Необходимость в подстилочных изделиях (прежде всего — из шерсти) возникла в связи с восточносредиземноморской манерой быта: низким уровнем мебелировки; отоплением жилого помещения открытым очагом, позже — пристенным камином, что диктовало расположение людей вокруг огня на низких скамеечках, табуретах, на полу, для этого нужны были подстилки. Манера спать и сидеть на глинобитных возвышениях (*курвет, софа*), глинобитные полы — все это также требовало применения всевозможных подстилок, покрытий. Войлоки, ковровые изделия были необходимы в быту. Стремление изготовить их как можно красивее, выйти из сферы узко-бытовой в сферу декоративную — естественно для каждого народа. Из предметов утилитарного назначения ковровые изделия преобразовались в украшения жилого дома, так же как и вышивки, кружева и т. п.

Местные ткачихи (румейск. *фандрьис*⁹⁸) ткнут безворсовые двусторонние ковры (румейск. *аналпыс, каппыс*), которыми украшают стены парадных и жилых комнат, пол устилают дорожками — они плотнее, чем настенные ковры, обычно с поперечными полосками (*мин да владжайдъа*⁹⁹). Дорожки более тонкие, с продольными полосками по краям, раньше предназначались для церкви.

Ковры и дорожки обычно ткали на черном фоне, так как на нем четко выделяется рисунок. Художественный талант мастерицы заключался в подборе цветовых полос, в чередовании более ярких и темных линий. Наиболее древние декоративные мотивы ковров — архитектурные композиции, повторяющие образцы византийской живописи. Здесь уместно вспомнить, что стены парадных комнат в богатых домах, появившихся в северных греческих городах в середине XVIII в., — так называемых *архондикъ*, распи-

сывались архитектурными композициями, изображавшими якобы Константинополь, а также «вазонами» с цветами¹⁰⁰.

Распространенная современная орнаментика ковров — геометрические композиции; их нарядность и привлекательность заключена в цветовом решении — как правило, ярком, но не кричащем¹⁰¹. Иногда эти композиции разнообразятся изображениями цветов, птиц, раскрытой книги¹⁰².

Кроме шерстяных декоративных изделий выполняли и полотняные. В прежние времена, как уже упоминалось, ткали белую материю из тонких ниток, которые назывались «болгарскими» (*булгарскы рама*) или «хлопчатками» (*памбатирá*¹⁰³). Это полотно предназначалось для простынь (*сывдоня*), скатертей (*стулы* или *трапызы мандиля*), для полотенец различного назначения (*мандылых, татарск. юзбеиш*). Ныне ткацкое дело для изготовления таких предметов оставлено.

Отсутствие традиций стенной росписи (в отличие от украинцев) и тем более — картин восполнялось настенными украшениями, выполненными из различных сортов материи: *тухмайдъа* — небольшие горизонтальные куски ткани, расшитые по красному фону белыми или черными нитками или же красным по белому фону; *стынар, стынарья, чтынарья*¹⁰⁴ — узкое длинное горизонтально прикрепленное к стене полотнище из красной материи, по нижнему краю которой вырезаны большие волнообразные зубцы, обшитые бахромой из золотых ниток.

Со временем настенные самодельные украшения вышли из употребления: их заменили фотографии — обязательная принадлежность современного интерьера.

Несколько десятилетий тому назад домодельные вещи очень ценились как неотъемлемая часть этнической культуры. Эти предметы наряду со всевозможной одеждой девушки приготавливали себе в качестве приданого задолго до замужества. Мастерство юной рукодельницы было у всех на виду, о нем вспоминали, когда складывалось общественное мнение о девушке как будущей жене, хозяйке дома. Предметы одежды и убранства, изготовленные ее руками, придирчиво рассматривали и накануне свадьбы, и на свадебном празднестве, разбирая при всем честном народе содержимое ее сундука. Декоративные текстильные изделия, таким образом, кроме своего прямого — эстетического — назначения, приобретали новую функцию этического характера.

Прежде всего молодая хозяйка старалась украсить парадную комнату, ее главную «представительную» часть — *курвет (курват)*. Тут и искусно вытканые шерстяные покрывала на подушки, набитые шерстью и расставленные вдоль стены (*кубанья, кубаная, ястух* и др. названия), и красивое белое покрывало на стопку постельных принадлежностей, сложенных на сундук в углу курвета, и настенные украшения (*тухмайдъа, стынарья, сте-*

нари), а вместе с ними и заимствованные из обычаев соседей-украинцев рушники — декоративные полотенца, вышитые по украинской моде красными и черными цветами, отделанные кружевами, порою самодельными (*злѣбья*), бахромой (*кроша*), кистями (*пущул*¹⁰⁵).

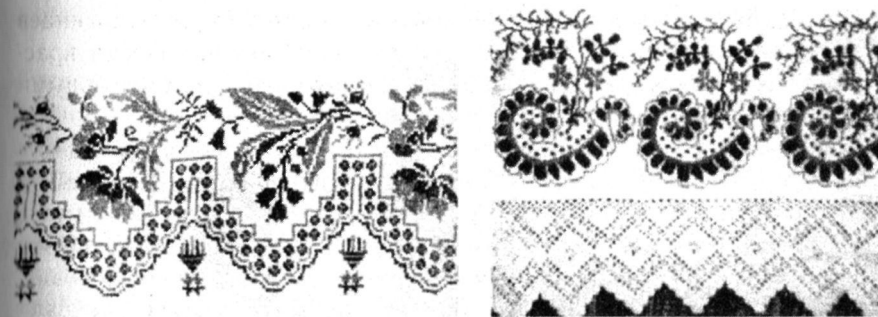
Традиция устраивать украшенный «парадный» угол продолжалась долго: даже во второй половине XX в. в тех домах, где сохранились курветы, их убранство оставалось традиционным, в значительном числе домов на месте курвета оказывается кровать. Иной раз в одном доме находились оба эти вида обстановки: одна комната дома сохраняла более традиционный вид, имела курвет, в другой стояла кровать. А случалось, что кровать помещали на курвет.

Повсеместно кровать оказывается наиболее украшенным элементом жилой комнаты. Кроватью, которая находится в парадной комнате, зачастую не пользуются, она стоит убранный и украшенная со всей возможной тщательностью, демонстрируя мастерство и домовитость хозяйки. В данном случае она несет не практическую, а престижную функцию. На румейском диалекте слова «кровать» нет (этот элемент мебели привнесен из инонациональной — русской — среды), ее именуют русским словом. Таким же новым элементом является перьевая подушка, поэтому ее тоже называют по-русски (в отличие от набитых шерстью твердых *кубанче*) — *мега подушка* (от греч. *μεγάλος* — большой). Встречается фонетический вариант *потушка*. Кровать обязательно украшена подзором, его называют «подзор» или «простыня». В названиях всевозможных декоративных изделий, украшающих парадную кровать, такое же языковое смешение: *плуми*¹⁰⁶ — вышивка, *тамбатора* или *заполочь* — плотная вышивка красными и черными хлопчатобумажными нитками, *прошва* и т. п. Декоративное полотенце (как и любое полотенце в домашнем обиходе) греческие женщины часто называют украинским словом *рушник*.

Для разных хозяйственных дел готовили специальные изделия: особым полотенцем (*зымарпандя*¹⁰⁷) покрывали вынутые из печи хлебные караваи. Из вышитых скатертей, украшенных кружевами или бахромой, делали узлы (*бухчайдѣя*), в которые заворачивали гостинцы, отправляясь на праздник в гости.

Орнаментика декоративных текстильных изделий претерпела большое изменение со времени выселения греков из Крыма и до наших дней.

От конца XIX в. среди экспонатов Мариупольского краеведческого музея сохранились декоративные полотенца, салфетки из сурового или отбеленного полотна. Для них характерна цветочная композиция, выполненная вышивкой (гладью) черными и красными хлопчатобумажными нитками. По самому краю пришиты подвески — металлические бляшки размером с двухкопеечную монету, на которых точками выбита спираль. По краям

Вышивка и кружева

Небольшая бахрома из нитей основного полотнища. Вышивка выполнялась и плоской золотой нитью: веточка цветов, зигзаги, между которыми располагаются крупные «цветы» из синей и красной нити или же сложная цветочная композиция. Таким образом, на салфетках и полотенцах встречается характерное для греческого прикладного искусства использование золотой нити и мелких металлических подвесок — техники, применявшейся для украшения головных уборов.

Принцип построения орнамента также характерен для греческого искусства — свободное, несимметричное расположение стилизованных «цветов» и «веточек».

Бинарные композиции не были приняты. Они появятся позже — под влиянием соседствующих русско-украинских культур: женские фигуры, симметрично расположенные к ним петухи и т. п. Подбор цветов в орнаменте такой же, как на старинных женских рубашках — нежный, коричневато-золотистый, иногда же он многоцветный, сочетает нити интенсивных цветов, но при этом никогда не бывает броским, кричащим, сохраняя удивительную изящную сдержанность¹⁰⁸.

В первом, а еще больше во втором, третьем десятилетии XIX в. в моду вошли композиции, заимствованные из журналов того времени. Поэтому и в рукоделии греческих женщин, и на рушниках, украшавших красный угол, изготовленных украинками, можно видеть одни и те же композиции: крупные цветы, вышитые крестиком на пядях черными и красными хлопчатобумажными нитками фабричного производства.

Но и в этот период сохранялся еще в искусстве гречанок традиционный — некогда очень популярный — мотив «вазона»¹⁰⁹. Так, например, расшивала концы декоративного полотенца (*явлух*) мастерица из с. Богатырь, большая любительница рукоделия. Чередующиеся женские стилизованные фигуры и «вазоны» она вышивала фабричными черными и красными нитками, беря за образец старинные изделия. Выйдя замуж в 1929 г., она

первое время украшала жилые комнаты своего дома в традиционной манере, пока не отказалась от нее под влиянием новой моды того времени.

Народное искусство, запечатлевающее в предметах быта духовную культуру народа, является своеобразной по функциям (утилитарной и эстетической) частью этнической культуры¹¹⁰. Оно неразрывно связано с природной средой, в которой заложились основы его (растительные мотивы в орнаменте) и в которой оно продолжало развиваться (материалы — шерсть, лен, конопля, хлопок — в зависимости от хозяйственной деятельности и от торговых связей). При рассмотрении предметов художественного творчества народа замечаешь, что «отшлифованность, явившаяся результатом воспроизведения одних и тех же образов в течение веков, придала им художественное совершенство, которое и обеспечило им жизнь в современном обществе»¹¹¹.

Известна система компонентов, в которой выражены специфика народного искусства каждого этноса: это — образ (для греков — образ вечно возрождающейся живой природы), сюжет (преобладание растительных мотивов), композиция (отсутствие бинарных композиций, т. е. прием, характерный для неславянских народов Балкан), колорит (приглушенная полихромная гамма в сочетании с золотистыми элементами, что, впрочем, может быть, стоит отнести за счет татарских характерных черт), техника (преимущественно шерстяной материал на первых порах, другие материалы по мере развития хозяйства и торговли, горизонтальный ткацкий стан). К этим основным элементам надо прибавить те, которые шли от искусства соседствующих народов, преимущественно от украинцев: изменение колорита, освоение пальцев.

Трудно определить характер самого производственного процесса при изготовлении декоративных изделий. Греческие крестьянки садились за ткацкий стан, как правило, зимой, когда освобождались от основных хозяйственных забот в саду, огороде, дома. Они могли ткать вещи для себя, в приданое дочерям, могли и исполнять заказы (чаще всего из материала заказчика). Умелых мастериц можно назвать профессионалами. Скорее всего надо сблизить занятия гречанок с самодеятельным искусством, то есть таким, какое впитало принципы народного искусства (элемента этнической культуры), допускает стилизацию под народное искусство и сближается с работами иноэтнических соседок, с модами, заимствованными со стороны, и т. д.¹¹²

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Геде А. В.* Мариупольский греческий суд в системе самоуправления России // Украина — Греция: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Мариуполь, 1996. С. 58–60.
- 2 Перепись 1897 г. Вып. 13 — Екатеринославская губерния. СПб., 1904. С. 1.
- 3 Український історичний журнал. 1971. № 3. С. 84–86.
- 4 Адрес-календарь. Весь Мариуполь и его уезд на 1910 год. Мариуполь, 1910.
- 5 История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. Киев, 1976. С. 369.
- 6 Мариуполь и его окрестности. С. 257, 260, 262.
- 7 Адрес-календарь. Весь Мариуполь и его уезд на 1910 год. Мариуполь, 1910 (Рекламное объявление).
- 8 Мариуполь и его окрестности. С. 313, 315, 321.
- 9 Там же. С. 312.
- 10 В 1880-х гг. наемных рыбаков-украинцев насчитывалось около двух тысяч чел. (Материалы историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. С. 319–323).
- 11 *Титов Г.* Письма из Екатеринослава. Одесса, 1849. С. 143.
- 12 *Яруцкий Л. Д.* Евреи Приазовья. Мариуполь, 1996. С. 17–20.
- 13 *Яруцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 59–73.
- 14 *Семенов П.* Географический словарь Российской империи. Т. III. СПб., 1867. С. 179–180 (цит. по: *Коробов И. В., Саенко Р. И., Солодка М. И.* Жданову — 200. Страницы истории. Донецк, 1978. С. 18).
- 15 *Коробов И. В.* и др. Указ. соч. С. 15.
- 16 *Балджи А.* Эллыны Приазовья вчера, сегодня, завтра. Мариуполь, 1995. С. 11.
- 17 Раздел о гимназиях Мариуполя написан Р. И. Саенко на основе архива Мариупольского Краеведческого музея.
- 18 *Саенко Р. И.* Мариупольские купцы Хараджаевы и их общественная и благотворительная деятельность // Украина–Греция... С. 247–249.
- 19 *Буркин С. К.* Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–205; *Скальковский А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Т. II. Одесса, 1850. С. 21 и сл. В 1830–1840-х гг. из Курской губернии ежегодно около 17 тыс. оброчных государственных крестьян уходили на летние заработки в южные губернии Украины и в Донецкую область (*Золотов В. А.* Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963. С. 18). Этот вид найма В. И. Ленин называл «земледельческим отходом» и видел в нем один из элементов развития капитализма (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 232).
- 20 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII — первой половине XIX века. М., 1976. С. 250–251.
- 21 Отчет Мариупольской уездной управы за 1908 г. Мариуполь, 1909. С. 41, 43.

- 22 Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 24. С. 128.
- 23 Мариуполь и его окрестности. С. 41–42; см. также: Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1903. С. 174, 190, 191.
- 24 Перепись 1897 г. Вып. 7. СПб., 1907. С. 14; Перепись 1897 г. Т. XIII. СПб., 1898. С. 8.
- 25 Перепись 1897 г. Вып. 7. С. 14. Перепись не отметила молдавского языка: «волохи», будучи очень малочисленной группой, растворились среди греков (см.: Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 80).
- 26 Перепись 1897 г. Вып. 7. С. 10. По сведениям Брауна, турками на Мариупольщине называли потомков нескольких мусульманских семейств, выехавших из Крыма вместе с православными и принявших христианство уже живя в Приазовье (Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. Вып. II. СПб., 1890. С. 83–84).
- 27 О формировании многонационального состава населения интересующего нас района см.: Наулко В. І. Географічне розміщення народів в УРСР: Додаток до «Карти сучасного етнічного складу населення Української РСР». Київ, 1966. С. 13–26; Он же. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 83–156.
- 28 Зырянов П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин // ВИ. 1990. № 6. С. 65–66.
- 29 Давыдов Ю. А. Князь-кооператор А. И. Васильчаков // ВИ. 1993. № 8; Он же. Свободная кооперация в России (до октября 1917 г.) // Там же. 1996. № 2. С. 31.
- 30 Иванова Ю. В. Хозяйственный быт греков Приазовья // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 133–139.
- 31 Дальнейший материал этого раздела в значительной части опубликован. См.: Иванова Ю. В. Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1974. С. 79–87. Сведения, специально не отмеченные, извлечены из полевых тетрадей автора 1969, 1970, 1971, 1988, 1997 годов // Архив Ин-та этнологии и антропологии РАН.
- 32 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV. С. 215; См. также: Земцов М. Е. Краткий обзор экономического положения Мариупольского уезда // Сборник статей Екатеринославского научного общества. Экономический отдел. Екатеринослав, 1905. С. 7.
- 33 Россия. Полное географическое описание... Т. XIV. С. 212.
- 34 Материалы для оценки земель Екатеринославской губернии. Т. IV. Ч. 1. Екатеринослав, 1904. С. 2 и 81 (цит. по: Земцов М. Е. Указ. соч. С. 8).
- 35 Земцов М. Е. Указ. соч. С. 10–18.
- 36 Сведения Ф. И. Церахмо.
- 37 Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1825 гг. М., 1959. С. 220; Она же. Южная Украина, 1800–1825 гг. М., 1970. С. 210.
- 38 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 58.

- 39 Например, в селе Старый Керменчик из 558 дворов в 1901 г. не имел сельскохозяйственного инвентаря 51 двор; 119 не имели орудий для обработки почвы, в 31 хозяйстве не имелось скота (Материалы для оценки земель Екатеринославской губернии. Т. IV. Ч. 2. Екатеринослав, 1904. С. 144–127).
- 40 Стевен Х. Хозяйство греческих колонистов Мариупольского округа // ЖМГИ. Ч. 9. № 6. Отд. 4. СПб., 1845. С. 23.
- 41 Сведения сообщены Н. Ф. Церахто.
- 42 Державин Н. С. Болгарские колонии в России // За народни умотворения и народопис. Кн. XXIX. София, 1914. С. 60, 63, 64.
- 43 Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 153.
- 44 Там же. С. 154, 156.
- 45 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 61.
- 46 Там же. С. 58.
- 47 Скальковский А. А. Ярманки или сухопутные рынки Новороссийского края // ЖМВД. 1855. Апрель. С. 147–148.
- 48 Мариуполь и его окрестности. С. 72, 308.
- 49 Там же. С. 78.
- 50 Золотов В. А. Указ. соч. С. 165.
- 51 Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914. С. 7, 10; Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. Вып. II. СПб., 1890. С. 85; Гавриил. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию // Записки ООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 203.
- 52 РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 178. Л. 212.
- 53 Лиганова Л. А. Жилище греков конца XIX — начала XX в. // Україна — Греція: Історія та сучасність. Тези II Міжнародної конференції. Київ, 1995. С. 144–149.
- 54 Будина О. Р. Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР) // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 96–97.
- 55 Будина О. Р. Указ. соч. С. 102.
- 56 Будина О. Р. Указ. соч. С. 97.
- 57 Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 293.
- 58 Коробов И. В. и др. Указ. соч. С. 18.
- 59 Будина О. Р. Указ. соч. С. 100.
- 60 Лиганова Л. А. Жилища греков конца XIX — начала XX в.
- 61 Иванова Ю. В. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей (по материалам исследования греческого населения Донецкой области Украины) // СЭ. 1976. № 2. С. 43–56.
- 62 Ср. также рубахи с острова Хиос (*Argenti Ph.* The costumes of Chios. London, 1953. P. 221. Fig. 118; P. 236. Fig. 167), из Фессалии (Μακρη Κ. Α. Πηλορείτικες φορεσιες. Βολος, 1949. Σ. 15, εικ. 1).

- 63 Из сообщений Г. Афанасьева (с. Чермалык, 1891) и Н. Богользенского (с. Ялта, 1891) // Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8.
- 64 МКМ. Фонды № 909, 2215.
- 65 Исследовательница украинского орнамента О. П. Косачева считает, что «более старым обычаем в украшении вещи вышивкою следует признать украшение краев» и что орнаментика подола, пазухи и низа рукавов — более древний прием, чем украшение оплечья (*Косачева О. П. Украинский народный орнамент. Киев, 1879. С. 9.*)
- 66 Ср. платье из Фессалии: *Μακρή Κ. Α. Στο 'ιδιο. Σ. 15, εικ. 5.*
- 67 Из сообщения Г. Афанасьева (Чермалык, 1891).
- 68 МКМ. Фототека. № 45, 2046.
- 69 Не во всех вариантах традиционного костюма гречанок обязателен фартук. Исследование костюма жительниц острова Хиос засвидетельствовало наличие фартука с середины XVI в. и до середины XIX в. (*Argenti Ph. Op. cit. Pl. XLVI (1568 г.), XLVII (1568 г.), LIII (1715 г.), LIV (1687 г.), LIX (1757 г.), LXXV (1813 г.), CX (1815–1821 гг.)*).
- 70 *Argenti Ph. Op. cit. Pl. V, XI, XVI, XIX, XXIII, XXIV, XXVI, XXVIII.*
- 71 МКМ. Фототека. № 68, 2305, 2307; МКМ. Фонды. № 9824.
- 72 Из сообщения В. А. Бабенко — заведующего Верхне-Салтавского 1-го училища (Харьковская губ., 1909 г.) (РЭМ. Архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 10, 17, 38).
- 73 Из сообщения Н. Богользенского, учителя школы С. Ялта (1819 г.). Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8.
- 74 *Ксенофонта-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сартана // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. С. 177; см.: Иванова Ю. В. Полевая тетрадь. Приазовье, 1948 // Научный архив Ин-та этнологии и антропологии РАН. О красном подвенечном платье у балканских народов см.: Hahn Y. Albanesische Studien. Yena, 1854.*
- 75 Афанасьев Г. (Чермалык, 1891) сообщал, что этот обычай «недавно только стал исчезать» (Архив ОЛЕ).
- 76 Пояса из подвижно скрепленных между собою металлических бляшек были в употреблении даже в сильно обрусевшем селе Ялта (сообщение Н. Богользенского, 1891).
- 77 Любопытен факт, рассказанный нам пожилой женщиной в селе Камар: младшего сына в греческой семье женили на украинской девушке специально для того, чтобы она исполняла домашнюю работу, уход за скотом, так как старшие невестки-гречанки черной работы не выполняли.
- 78 МКМ. Фототека. № 2200, 2201.
- 79 Из сообщения Г. Афанасьева (Чермалык, 1891), Н. Богользенского (Ялта, 1891); МКМ. Фототека. № 2046.
- 80 *Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 588–590.*

- 81 *Zoras P. Embroideries and jewellery of Greek national costumes. Athens, 1966. P. 8.*
- 82 *Малова Г. С. Указ. соч. С. 383; Прилипко Я. П. Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян. Київ, 1964. Табл. 3; Кубанские станицы. М., 1967. С. 150–151.*
- 83 МКМ. Фонды. № 9875. Манишка из вишневого бархата (с. Урзуф, сбор — 1915 г.)
- 84 МКМ. Фототека. № 2046.
- 85 У украинцев чумаркой называлась парадная верхняя одежда из фабричной ткани (*Маслова Г. С. Указ. соч. С. 553.*)
- 86 МКМ. Фототека. № 2092, 2199.
- 87 РЭМ. Фототека. № 4929–6.
- 88 МКМ. Фототека. № 2166.
- 89 Аналогичная одежда украинцев называлась *кирея* или *опона* (*Маслова Г. С. Указ. соч. С. 553.*)
- 90 МКМ. Фототека. № 2199, 2128, 2129, 2040, 2166.
- 91 *Прилипко Я. П. Указ. соч. С. 101–103; Λουκοπουλου Δ. Πῶς υψάινουν και ητυνονται οι αιτωλοι. 'Εν Αθηναϊς, 1927. Σ. 58–60, 106–107, 115–116.*
- 92 Архив ОЛЕ. Ф. 22. Ед. хр. 8.
- 93 Там же.
- 94 Там же.
- 95 Современное искусствоведение утверждает, что «земледельческие образы относятся к фундаментальным представлениям о гармонии природы» (*Вагнер Г. К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. 1937. № 7. С. 38.*)
- 96 *Zoras P. Op. cit. Pl. 12, 13, 14.*
- 97 Из сообщения Н. Богользенского (г. Ялта, 1891).
- 98 Автор раздела о тканях и коврах Р. С. Харабатод записывала терминологию в румейскоязычном селе Старая Каркуба.
- 99 Аладжа — «полоска, ряд».
- 100 *Полевой В. М. Искусство Греции. Новое время. М., 1975. С. 101, 107, 129.*
- 101 Ср. геометрический орнамент на украинских коврах: *Художні промисли України. Київ, 1979. Разд. 6. — Килимарство. Табл. 9, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 26, 32.*
- 102 Р. С. Харабатод в 1968 г. познакомились с мастерицей, которая на самодельном станке выткала на ковре портрет В. И. Ленина в честь столетия со дня его рождения в подарок Киевскому музею Ленина. Эта единичная работа выходит за рамки традиции, принадлежа к разряду самодеятельности.
- 103 Производное от греч. *το βαμβάκι* — хлопок.
- 104 От греч. *στενός* (ή, ό) — узкий, тесный.
- 105 От турец. *puskul* — кисточка, бахрома.
- 106 От греч. *πλουμί* — вышивка; узор на ткани.

- ¹⁰⁷ *Зымар* (от греч. ξυμαρι) — тесто, *паны* (от греч. πανί) — полотно.
- ¹⁰⁸ Ср. примеры орнамента: *Zoras P.* Op. cit. P. 9, 11. Pl. 1, 5, 8, 13; *Argenti Ph.* Op. cit. Pl. V, VII, XVI, XIX, XXI, XXIII, XXIV, XXVI.
- ¹⁰⁹ Причем не только в вышивке, но и в других видах прикладного искусства (*Zoras P.* Op. cit. P. 9).
- ¹¹⁰ *Рождественская С. Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1881. С. 21; См. также: *Крюкова И. А.* О природе декоративного искусства // Советское декоративное искусство. № 73/74. М., 1975. С. 19–25.
- ¹¹¹ *Рождественская С. Б.* Указ. соч. С. 27.
- ¹¹² Там же. С. 33–34.

ГРЕЧЕСКАЯ ДИАСПОРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

1

МАРИУПОЛЬСКИЕ ГРЕКИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Для греческой диаспоры России, как и для всех россиян, первые десятилетия XX в. стали переломной эпохой. Первая мировая война, революция, гражданская война и последовавшие за нею разорение страны, массовая коллективизация — все это ломало привычную жизнь, приносило новые условия бытия, понятия и моральные ценности.

Уже через несколько десятилетий после переселения в приазовские степи греки оказались в многоэтническом окружении. Переселение негреческого этнического элемента в Мариупольский уезд, ликвидация замкнуто-греческого принципа при формировании городского населения Мариуполя, активная миграция русских и украинцев начиная с конца XIX в., индустриализация Донбасса — все это содействовало превращению Приазовья в многонациональный район¹. На протяжении двухсотлетней своей истории мариупольские греки вынуждены были искать оптимальные формы межэтнического сосуществования. Это обстоятельство породило то многообразие бытовых и идеологических связей, которыми изобилует их повседневная жизнь.

К началу XX в. практически все население Северного Приазовья, как и Северного Причерноморья, состояло из потомков мигрантов разного времени. Ни один этнос или группа этносов не могла применить в свою пользу такие политизированные понятия, как «исконная земля», «коренное население» и иные, им подобные, которые неизбежно вызывают межэтнические трения. Отношения между этническими группами характеризовала значительная взаимная терпимость. Экономическое и социальное неравенство складывалось не столько между этническими общностями, сколько внутри каждой из них. Так было в XIX в., о чем речь шла выше, так оставалось и в начале XX в. и в первые десятилетия после установления советской власти.

Отношения греков с соседствующими этносами складывалось по-разному. По статусу иностранных колонистов, обеспеченности земельными наделами и по обладанию определенными льготами ближе всех к грекам

оказывались немцы. Взаимоотношения между греками и немцами бывали различными в разных селах, но всегда достаточно мирными. Нам неоднократно уже приходилось указывать на хозяйственные связи. Например, вблизи греческого села Старый Керменчик (позже — Старомлиновка) располагалась немецкая колония Орлинское, а неподалеку — колония Остгельм. Греки заимствовали у немцев экипажи — брички, тачанки. Немцы разводили много свиней и птицы — не только для своих нужд, но и на продажу, греки же держали эту живность только для домашнего потребления. Орлинские немцы, как и другие, жили сравнительно зажиточно: держали работников в большем числе, чем греки (в том числе и из своих соплеменников), но поражали соседей скромностью бытовых потребностей (например, все поголовно носили *шлеры* — примитивную обувь на деревянной подошве), а прибыль от крепких хозяйств направляли на расширение своей деятельности.

Некоторые из немецких колоний не носили собственных имен, а числились под номерами: с селом Малый Янисоль соседствовала немецкая колония № 1; к Новой Каракубе примыкала колония № 19, после революции ее назвали именем Блюменталь, в 1946 г., когда всем селам Новороссии присвоили украинские названия, бывшую немецкую колонию назвали селом Садовое; с 1953 г. оно слилось с греческим селом (которое получило новое название Красная Поляна), образовав улицу Садовую. Эта часть села объединилась в колхоз им. Тельмана.

Некоторые из местных жителей помнят о том, что от немцев заимствовали приемы полеводства, длинные дома, объединявшие под одной крышей жилые и хозяйственные помещения (в Новой Каракубе), в других местах это отрицают (например, в Старом Керменчике), а в селе Чардаклы говорят, что у немцев ничего не переняли, хотя двустворчатые двери в хлевах (горизонтальное деление на верхнюю и нижнюю створки) определенно связывают с «немецкой модой».

Интересно, что обучение в школах было одинаково для детей всех национальностей: в Старом Керменчике в четырехгодичной русскоязычной школе учились вместе мальчики и девочки — греки, немцы и евреи. В этом селе было три четырехлетних и одна шестилетняя школа. Заканчивали их не все мальчики, а из девочек едва ли половина завершала четырехлетнее образование.

В советское время в упомянутой выше колонии Блюменталь была восьмилетняя школа, а в Новой Каракубе — десятилетка, поэтому немецкие дети для завершения среднего образования ходили в каракубскую школу.

Эти выборочные примеры говорят о достаточно тесном общении греков и немцев. По воспоминаниям местных жителей, отношения между двумя

национальными группами были дружественными, водили семейные знакомства. На хуторах в услужении у греков жили немцы-батраки. Однако на праздники, вечера и т. п. развлечения друг к другу не ходили, молодежь не танцевала на них вместе. Все эти сведения рисуют картину определенного отчуждения.

Смешанных браков до революции не было, после революции имели место единичные случаи женитьбы греков на немках. Вряд ли стоит объяснять это языковым барьером: ведь татароязычные и румеоязычные греки между собой, а также обе эти группы с русскими вступали в браки свободно, какое-то значение имела религиозная принадлежность, но, вероятнее всего, препятствовали различия в семейно-бытовой сфере, которые в первую очередь бросались в глаза. Но это последнее обстоятельство не мешало ни ведению торговых дел, ни дружеским связям (жители Новой Каракубы — современная Красная Поляна — помнят, что они очень жалели своих соседей-немцев, когда тех выселяли в 1941 г., везли через село на телегах).

Более тесные связи начались в период коллективизации.

Часть греков из Красной Поляны переселилась в немецкую колонию Новый Мариенталь (ныне это село Новая Марьевка), основали совместно колхоз «Незаможник». Тогда и начались смешанные браки, которым уже не препятствовали религиозные предпочтения.

Депортированные в самом начале Второй мировой войны немецкие жители Приазовья в родные села не вернулись². Ныне немногочисленное немецкое население Мариупольщины — исключительно горожане.

Во многих греческих селах проживали по две-три еврейских семьи. В основном это были ремесленники и мелкие торговцы. Их дети посещали русские школы вместе с греческими детьми. Еврейские земледельческие колонии, возникшие (как уже упоминалось выше) в середине XIX в., к началу XX столетия превратились в благоустроенные села, жители которых довольно успешно занимались земледельческим трудом; многие из них стали крепкими хозяйствами. До революции в каждой колонии функционировало народное четырехклассное училище. Справедливости ради надо заметить, что и бедноты, ютившейся в примитивных жилищах, в тесноте, в антисанитарных условиях, было достаточно³.

Пережив погромы в первые десятилетия XX века, перипетии гражданской войны, послевоенной разрухи, коллективизацию, голодные годы, села, населенные евреями (вместе с ними жили в меньшем числе немцы, украинцы и др.), вошли в полосу сплошной коллективизации. Вопреки расхожему мнению о неприспособленности евреев к крестьянскому труду, это были достаточно благополучные хозяйства.

В селе Старый Керменчик жили небогатые евреи. Только две семьи владели собственными домами, остальные снимали жилье. Среди евреев этого

села был один торговец, один аптекарь и один кузнец. Остальные занимались мелочной торговлей в разнос. В этом селе был еврейский молельный дом (арендованная часть дома местной жительницы), жил раввин (тоже в наемном помещении), а также мясник, разделявавший кошерное мясо.

В соответствии с политикой правительства, направленной на подъем культуры национальных меньшинств страны, в 1929 г. был образован Новозлатопольский еврейский национальный район. Его создание наряду с политико-организационными сторонами жизни оживило культурно-просветительскую работу. Из 37 школ, функционировавших в районе в 1936 г., около половины вели преподавание на еврейском языке. Кроме того, работал зоотехникум. Функционировала еврейская библиотека⁴. В конце 1930-х гг. все национальные школы на Украине были закрыты, обучение в них переведено на русский язык.

Круг брачных связей был очень ограничен. В греческих селах помнят не более двух-трех браков местных греков с еврейками, но не с уроженками Мариупольщины, они приехали с мужьями-греками из других мест.

В начале Великой Отечественной войны сельское еврейское население в подавляющем большинстве было эвакуировано. Оставшиеся были уничтожены гитлеровцами. Оставались и горожане, кроме того, в Мариуполе появились беженцы из ранее оккупированных областей. Их всех постигла трагическая участь: 20 октября 1941 г. все еврейское население Мариуполя (свыше 14 тыс. чел.) было расстреляно и зарыто во рву около Агробазы⁵. Немногим довелось уцелеть, найдя помощь и защиту у своих земляков — русских и украинских людей⁶.

После окончания войны евреи Донбасса вернулись в свои села, но к этому времени их дома были уже заселены (внутренняя миграция в военное и послевоенное время была значительной). Бывшие еврей-колхозники или выехали в другие места (некоторая часть — в Еврейскую автономную область), или расселились по городам. Так пресеклась история еврейских земледельцев. В современной Донецкой области евреи составляют исключительно городское население. В Мариуполе в 1991 г. создано Еврейское культурно-просветительское общество, с 1995/96 учебного года работает воскресная школа, молельный дом служит местом объединения людей старшего возраста.

Болгар в Приазовье было немного. Как уже сообщалось, они слыли хорошими огородниками, обслуживали бахчи и огороды тех греков, которые хотели выращивать овощи на продажу.

Наибольшее значение для характеристики межэтнических связей в первой половине XX в. имели греко-русские отношения.

Первыми людьми русской и украинской национальности, с которыми греки вступали в контакты еще в XIX в., были пришлые ремесленники.

В большом селе Богатырь, расположенном в северо-западном углу греческого ареала, жили русские сапожники, печники, кузнецы, в соседнем русском селе Александровка валяли валенки. Постоянно жившие в греческих селах русские не считались членами сельского общества, земли не получали. Поэтому они становились рабочими, например на кирпичном заводе, на который греки никогда не нанимались. Они же построили в селе каменную церковь. Пожилой грек из Богатыря так выразительно описал русских мастеровых: «Неграмотные кацапы в холшовых рубахах, подпоясанных веревочкой, строили так, как теперь инженеры не строят!» Из этих мастеровых выходили организаторы работ, предприниматели, как Николай Кожин, о котором рассказано выше.

В летний период появлялись в селе русские сезонные ремесленники — сапожники, работавшие на дому у заказчика, лудильщики, клейщики каш, стекольщики. Каждый ремесленник оглашал улицы села характерным выкриком-рекламой. Осенью на бричках приезжали скупщики яиц и другой продукции сельского хозяйства.

Жители расположенной неподалеку русской Андреевки нанимались на работу к грекам Константинополя (по их понятиям, у греков земли было «сколько видит глаз»). В первой четверти XX в. греки младших поколений, обучавшиеся в школах, знали русский язык, через них и общались с русскими наемниками их старшие родственники и соседи, которые русским владели слабо или же совсем его не знали.

И по соседству — в селе Камар помнят, что связи с русскими были издавна: русские и украинцы поступали в услужении к грекам — поденно или на сезон, более всего на уборку хлеба, иногда — на зиму. Обычно они шли внаем, чтобы заработать деньги на приобретение лошади, коровы и пр. Русские живали и по хуторам у богатых греков.

Русские и украинки (их тоже называли «русскими») работали в греческих семьях в качестве домашней прислуги. Очень редко и гречанки шли в услужение — самые бедные, вообще же это не было принято в греческой среде. Украинки же обязательно должны были работать: нам рассказывали о женщине, которая в молодости была наймичкой, хотя происходила из сравнительно обеспеченной семьи — отец владел мельницей, мать была портнихой. Даже городские девушки должны были сами зарабатывать себе на приданое. Наймичек использовали в качестве нянек, домашней прислуги, прислужниц в лавках. Некоторые работали подолгу и хорошо говорили по-татарски и по-румейски.

Отношения между людьми разных национальностей было дружелюбными, однако межэтнические браки были затруднены. В памяти некоторых наших информаторов отложилось их категорическое запрещение (например, в Старой Каракубе не вступали в брак даже с греками из других сел),

ныне же вспоминают отдельные факты, которые запомнились, конечно же, не случайно. Во второй половине XIX в. такие браки были единичными, женились на украинских и русских девушках из соседних сел те, кто по какой-то причине не могли найти себе гречанок. Украинские девушки охотно шли в греческие семьи, осваивали язык. Зачастую со своими детьми они говорили на своем родном языке, и эти дети общались в семье на обоих языках: с матерью по-русски, с остальными родственниками по-татарски или по-гречески. Так возникало поколенное предпочтение при употреблении разных языков в семье.

Старожилы села Старый Керменчик (Старомлиновка) еще в 1970-е годы помнили нестандартные ситуации возникновения смешанных в этническом отношении семей в начале нашего века.

Зачастую принималось во внимание материальное благосостояние: например, богатый русский, служивший приказчиком, женился на гречанке из семейства с достатком средней руки. Грек женился на русской из богатой семьи. Грек-инвалид женился на русской, работавшей служанкой у помещика, который дал за ней богатое приданое.

В с. Новая Каракуба вспоминают, например, что грек женился на своей русской служанке (в 1915 или 1916 г.). Этот брак — возможно, из-за социального неравенства — подвергался жесткой критике со стороны односельчан: хотя он был официальным, церковным, он вызывал насмешки, отчуждение. Муж стал стесняться своей жены, избегал появляться с ней на людях, кончилось тем, что женщина уехала из села. Но в этом же селе помнят и другой, вполне благополучный брак грека и русской; их дети считались греками, как ни в чем не бывало жили в родном селе.

После революции пало обязательное послушание родительской воле, молодые люди выбирали себе пару по сердцу. Однако старшие все еще возражали против браков с не-греками, поэтому случались самовольные побеги молодых людей, тайные венчания. После такого поступка принято было броситься в ноги родителям и просить прощения. Как правило, происходило примирение, но свадьбу в этих случаях не играли.

В результате коллективизации хозяйства, более активного движения населения, примерно к началу 1940-х гг. браки с русскими стали привычными. Первыми возникли греко-русские семьи, греческие девушки на первых порах за русских не выходили: не припоминается ни один такой случай до Второй мировой войны. И только после войны жизнь пошла по-другому. Ныне в некоторых населенных пунктах семейные пары, принадлежащие к разным этносам, составляют более половины общего числа семей. Больше всего смешанных греко-украинских браков, далее по убывающей — браки с русскими, белорусами, немцами и т. п. Из традиционных брачных запретов сохранился лишь один — брак между близкими родственниками.

Существенным каналом приобщения к русской культуре, а через нее к общеевропейской, было освоение русского языка. Главным инструментом этого процесса служило, помимо деловых и личностных связей, школьное обучение: греческих детей обучали на русском языке.

До революции школы были двух видов — церковноприходские и светские, учреждавшиеся государственными инстанциями.

В середине XIX в. церковноприходские школы устраивались, как правило, в домах священников. Известен и более ранний факт: в селе Сартана священник Мурафу в своем доме открыл духовное училище еще в первой половине XIX в.⁷

Дети учились чтению, письму и закону Божьему. В царствование Александра II стоял вопрос о ликвидации ведомственной разобщенности школ (они были в ведомстве Министерства народного просвещения, Министерств Военного и Государственных имуществ): предлагалось все образование строить по единому плану. Деятели церкви протестовали. По всей России в 1862 г. было свыше 18,5 тыс. церковноприходских школ. В этот год Александр II повелел оставить эти школы, и спор прекратился. В 1880-х гг. тогдашний министр народного просвещения и оберпрокурор Синода Д. А. Толстой резко сократил число церковноприходских школ. После того как Толстой сменил К. П. Победоносцев в царствование Александра III, начался новый численный рост этих школ, усиленно финансировавшихся из казны⁸.

Первая школа в Мариуполе была открыта 15 сентября 1820 г. — городское приходское двухклассное училище на русском языке. Во второй половине XIX в. появились земские школы — четырехгодичные (вместо принятых везде трехлеток), так как первый год обучения отводился освоению русского языка. Разумеется, не все мальчики их посещали, не все оканчивали, для девочек обучение ограничивалось одним-двумя — от силы тремя классами: главное назначение женщин, по местным понятиям, заключалось в домоводстве, а этому обучались в домашней обстановке, женщине достаточно, мол, уметь расписываться.

Всего в Мариупольском уезде в 1901 г. было 213 земских школ. Результаты обучения были самые различные, причем сказывалась общая социальная картина в том или ином конкретном селе. Приведем несколько примеров организации школьного дела в дореволюционной России.

В селе Старый Керменчик первое одноклассное церковноприходское училище было открыто в 1873 г. В 1909 г. — земское одноклассное училище, в 1910 г. еще одно такое же, а на следующий год — третье по счету. В 1913 г. учредили министерское шестиклассное училище, в котором преподавали приезжие русские учителя. В 1916 г. появилось пятое по счету церковное училище, оно просуществовало один год.

В этом селе земскую больницу удалось открыть лишь в 1912 г.; дело в том, что старшинская верхушка, всегда стремившаяся держать свой народ подальше от российского правительства, противилась организации больницы, а простой народ, присутствуя на сельских сходах, из-за незнания русского языка не понимал, о чем идет речь, и оставался пассивным.

Житель с. Византия вспоминал, что когда он пошел в школу в 1907 г., все четыре класса помещались в одной классной комнате, преподавал один учитель, который и жил здесь же — при школе. В одной классной комнате сидело человек 30–35, среди них только 5–6 девочек. В 1-й класс в том году пришло человек 16, а на следующий год осталось только 7 учеников.

В с. Чардаклы первое обучение, согласно воспоминаниям пожилых сельчан, заключалось в том, что священнослужитель (они говорили «дьяк») учил детей закону Божьему. Потом была создана четырехклассная школа, где преподавали учителя русские и греки, окончившие мариупольское педагогическое училище. В 1914 г. было построено школьное здание, служившее своему назначению еще и после Второй мировой войны.

В Константинополе сын священника Александр Дмитриевич Барабаш в 1918 г. открыл частную школу, позже добился статуса государственного училища. Учителя были все приезжие. Сам Барабаш — хорошо образованный человек — преподавал литературу, заботился о снабжении школы. Попечителями выступали грамотные крестьяне. В семьях говорили по-гречески, но тем не менее еще до школы некоторые дети знали русский. В период голода в 1924 г. училище закрылось, учителя разъехались.

В татароязычном с. Богатырь начальная четырехклассная школа работала на русском языке. До поступления в школу дети, как правило, не знали русского языка. Учителя были местные, получившие образование в городе. Закон Божий преподавал местный священник. Языком общения оставался татарский. По воспоминаниям местных жителей, еще в 1920-х гг. дети не знали русского, осваивали его в армии, в городах. Дело изменилось, когда с 1920-х гг. в селе появились русские семьи. С 1931 по 1936 г. было организовано школьное обучение на татарском языке.

Чрезвычайно знаменателен тот факт, что освоение русского языка (очевидно, и культурных особенностей) было неравномерным в разных кварталах одного села: в селе Камар в центральных кварталах его знали лучше, чем на окраинах — там языка не знали, и поэтому в сельской школе, работавшей на русском языке, дети учились с трудом. Надо полагать, что в центре жила более зажиточная и социально мобильная группа. Один из наших собеседников, принадлежавший к этой группе, на своем опыте решил своих детей и внуков обучать русскому и в семейном кругу говорил с ними только по-русски. С матерью же дети общались на татарском. Многоязычие в этой семье продолжалось и далее: дочь вышла замуж за румеоязычно-

го грека, в некоторой степени освоила румейский язык, ее свекровь оказалась из татароязычного села, а основной разговорный домашний язык этой семьи — русский. Другая дочь вышла замуж за донецкого шахтера, разумеется, язык этой городской семьи — русский.

Столь же характерен выбор повседневного языкового общения в с. Ялта — крупном поселении, расположенном в 1–1,5 км от побережья Азовского моря. Зажиточные крестьяне, обосновавшиеся в центре села в больших каменных домах, посылали своих детей на учебу в Екатеринослав, Ростов-на-Дону и другие города, те приносили в родное село новые моды, суждения, поведенческую культуру. Жительница Ялты (р. 1911) вспоминала, что в годы ее детства в центральных кварталах не принята была греческая речь, говорили по-русски; равным образом не носили традиционной одежды (она слышала от старших, что ее прабабушка носила перифтар, но никогда этот головной убор не видела, даже на своей бабушке). Греческий язык употребляли обитатели окраинных кварталов, которых сельская верхушка считала «некультурными». Интересно, что зажиточные сельчане искали брачного партнера для своих детей равного социального положения и предпочитали скорее родниться с татароязычными жителями соседнего Мангуша, чем с менее обеспеченными семьями своих односельчан.

В это же самое время многие оставались неграмотными, особенно женщины. В с. Сартана, расположенном вблизи Мариуполя (ныне весьма урбанизированном, практически слившемся с городом), в конце XIX в. лишь в одной семье были грамотные люди, знавшие русский язык. По воспоминаниям жительницы Сартаны (р. 1900), мать ее была неграмотной, а отец закончил сельскую школу. Сама же она, поступив в школу в 1907 г., бросила ее, перейдя в 3-й класс: считалось достаточным, что научилась читать по-русски и ставить свою подпись. В семье говорили по-румейски, однако знали и русский. Когда старший брат рассказчицы в 1913 г. уходил в армию, он просил родителей, чтобы с младшей сестренкой говорили по-русски, чтобы она знала язык — это облегчит ей жизнь в будущем. С тех пор вся семья в разговорах между собой перешла на русский. Вот и еще один повод смены языка общения: осознание социальной (практической) значимости русского языка.

Итак, с конца XIX в. и до начала 1920-х гг. русский язык проникал в греческую крестьянскую среду несколькими путями. В бытовой сфере он оказывался необходимым при торговых делах, во время посещения города, ярмарки, при общении с пришлыми русскими ремесленниками, батраками, поденщиками. В этой связи возникали и первые межэтнические браки, складывалось межпоколенное языковое предпочтение. Мужчины осваивали русский на военной службе. Школьное дело приобщало к этому языку детвору. Еще одним важным каналом освоения русского языка служила

православная церковь: богослужение шло на церковнославянском языке, проповеди произносились на русском.

Когда на советской Украине были учреждены национальные сельские советы (1925–1926 гг.), а затем и национальные районы⁹, было организовано обучение в школах на родных языках. Крымскотатарский был принят в селах с татароязычным греческим населением, а по отношению к греческому возникли серьезные осложнения: обучение шло на эллинском, то есть на современном литературном греческом языке (с упрощенным написанием дифтонгов, что мешало ученикам понимать подлинные греческие тексты). Язык этот был чужд разговорному румейскому (преподавали выпускники Мариупольского греческого педучилища)¹⁰. Некоторые мариупольские греки были недовольны таким положением дел, доказывая, что не столь велика разница между говорами мариупольских греков¹¹, чтобы вводить для них язык-посредник — с трудом ими понимаемый¹². Споры такого рода ведутся и в настоящее время.

Основным видом живого языкового общения было в то время (и остается до сих пор) свободное двуязычие: каждое поколение и каждая социальная группа имели свои языковые предпочтения.

Как уже отмечалось выше, первое время после переселения греков из Крыма языком-посредником служил татарский, каковым он был в Крымском ханстве. Напомним, что Мариуполь был заселен татароязычными греками, их язык считался «городским» («базариотку глосса»). Постепенно эта роль перешла к русскому языку. Он стал посредником между греками-румейями и татароязычными, между греками и людьми другой национальности. Разнообразие брачных союзов приводило к тому, что в смешанных семьях зачастую говорили по-русски, а в том доме, где появлялась русская невестка (а иногда — правда, очень редко — русский зять), из вежливости переходили на русский язык.

Как видим, хозяйство и быт жителей Мариупольщины теснейшим образом соприкасались с жизнедеятельностью соседей всех национальностей. В немалой степени на межэтнические связи влияло чересполосное расселение этнических групп, смешанность населения в селах, поселках, не говоря уже о городах.

В этот период на Мариупольщине шла внутренняя миграция: возникали новые населенные пункты. В отличие от заселения края в прошлые столетия, когда поселения создавались иностранными колонистами и выходцами из отдаленных районов Российской империи, в XX в. переселение шло иным путем, продиктованным социальными условиями, относительным перенаселением в первоначальных селах и прочими причинами¹³. Молодые села как бы «отпочковывались» от уже существовавших. В самом начале XX в. несколько особенно бунтарски настроенным жителям с. Старомай-

орское местный помещик помог переселиться подальше от его имения: так появилось село Новомайорское.

Во время столыпинской реформы, в 1908–1910 гг., около тридцати крестьянских семей из Старого Керменчика вышли на хутора и свыше сотни крестьян — на отруба. Многие из них обустроивались недалеко от села, и со временем большинство столыпинских хуторов просто влились в черту Старого Керменчика (позже село стало именоваться Старомлиновкой); таковы улицы Крымская, Кобыльня. Но те хутора, что располагались от села подальше, образовали новые населенные пункты — Малый Керменчик, Новый Керменчик.

В 1921 г. несколько семей из Нескучного и Времьевки основали село Шевченко (позже — центральная усадьба совхоза «Донбасс»). Нескученцы в 1926 г. положили начало селу Зеленое Поле, а новопетриковцы основали хутор Блакитный.

В 1923–1924 гг. по ходатайству малоземельных жителей с. Петровского Волновахского района власти выделили им землю в плодородной пойме реки Мокрые Ялы на север от Старого Керменчика. Новому селу дали поэтическое название Завітне Бажання — как символ надежды на лучшую жизнь. На базе усадьбы помещика Тищенко, располагавшейся неподалеку от Старого Керменчика, организовали коммуну «Рассвет», на месте которой впоследствии выросло село Володино.

Несколько молодых семей из с. Камар также объединились в коммуну, основали село Червона Зірка. Бывшие участники гражданской войны из села Старого Керменчика организовали коммуну имени Ленина, построили новое село и назвали его в честь своего погибшего командира Мавроди Георгия Анастасьевича — Георгиевское (теперь оно входит в черту Новопетриковки).

И еще одна волна переселений прокатилась в самом начале 1930-х гг., когда организовались первые совхозы. Создавать совхоз-гигант «Шахтер» съехались молодые добровольцы со всех концов страны, и очень скоро на месте нескольких хат-временок овцеводов из села Богатырь выросли довольно крупные села. Позже совхоз «Шахтер» был разукрупнен, и ряд его отделений, получивших статус самостоятельных хозяйств, стали постепенно превращаться в новые села. Так возникло село Октябрьское, его первыми основателями были жители Старого Керменчика.

Чуть позже несколько подсобных хозяйств промышленных предприятий и шахт Донбасса также стали самостоятельными совхозами, и постепенно на их месте образовалось еще несколько сел. Так, на базе подсобного хозяйства шахты имени Горького был создан совхоз «Забойщик» и построен поселок Разлив, а на базе овощеводческого хозяйства макеевских строителей — совхоз «Макстрой» и поселок Урожайное.

Но шло в это же время другое переселение людей — куда более печальное. Началось массовое раскулачивание, и многие крестьянские семьи были вывезены на север (на Соловки), на восток. Другие же крестьяне из числа зажиточных и середняков сами бежали от раскулачивания в основном в шахтерские города Донбасса. На окраинах городов, на неудобных землях строили себе землянки. Так возникли убогие рабочие поселки. В Мариуполе крестьяне-беженцы назвали свой поселок Новоселовка, а в Донецке — «Красный Пахарь».

Массовое выселение началось на пике коллективизации, а на первых ее этапах дело пошло успешно, так как было основано на добровольном объединении сельских тружеников.

В августе 1925 г. коммунистическая фракция президиума Мариупольского окружного исполнительного комитета предложила создать «Комиссию для изучения греческой национальности», которая должна была содействовать различным организационным мероприятиям: ускорению организации Мангушского и Сартанского греческих районов, обслуживанию населения на греческом языке, заботиться о землеустройстве, о просветительской работе, обеспечить «грекоизацию» Мариупольского педтехникума и т. п. Наряду с задачами культурного обслуживания населения, особенно сельского, рассматривались комиссией и вопросы, связанные с процессом принудительной коллективизации¹⁴.

Греческие национальные советы были сформированы на протяжении 1925–1926 гг. Однако это были искусственные образования, на первых этапах своего существования — в 1920-х гг. — они принесли определенную пользу в деле развития культуры, но уже к концу 1930-х гг. пришли в упадок и практически прекратили существование¹⁵. В таких советах авторитет принадлежал наиболее зажиточным слоям крестьянства, а «греческое население представляло собой социум, в котором практически отсутствовали социальные слои, которые могли бы стать носителями идей коллективизации, социалистического строительства вообще»¹⁶. Борьба за власть на селе порождала возникновение категории «лишенцев», кампанию по «ликвидации кулачества» и т. п. явления, вызывавшие резкое недовольство населения. В середине 1930-х гг. социальные и национальные противоречия обострились. Государственная власть пыталась снять их путем жесткого проведения массовой коллективизации сельского хозяйства, обозначившего по сути решение классово-борьбы насильственными методами¹⁷.

В качестве примера такого положения вещей стоит процитировать свидетеля-очевидца тех дней — уроженца села Малый Янисоль С. К. Темира.

Самое первое коллективное хозяйство, созданное в селе Малый Янисоль, оставило после себя неплохую память. В 1928 г. на совершенно добровольных началах группа крестьян: С. А. Апостолов, И. Н. Лавчи, М. Зим-

биль, И. Зимбиль, И. В. Иван-Оглу, Л. Ваюхин и П. Ю. Галла объединились в товарищество по совместной обработке земли, получившее в 1929 г. статус сельхозартели. Первым председателем был Стадник, а затем артель возглавил Петр Юрьевич Кумуржи.

Люди, никем не понукаемые, работали очень дружно. Через два года артель уже имела свой трактор, локомобиль, молотилку и другую технику, а также достаточно лошадей. Члены артели получали хлеб, фураж для личного скота, овощи, фрукты, деньги. Приглаждаясь и прицениваясь к этому хозяйству, некоторые крестьяне уже и сами начали было поговаривать о том, чтобы объединиться в такую же артель.

Но власти не захотели ждать. В 1929 г. началась массовая коллективизация, и крестьян стали силой всех подряд загонять в колхозы. Зимой 1929–1930 гг. в селе почти каждый вечер проводились собрания крестьян, ими руководили учителя, активные крестьяне во главе с коммунистами, комсомольцами. В одной из частей с. Малый Янисоль собрания проводил учитель по фамилии Хорош. Сначала он читал газеты, знакомил слушателей с последними новостями, а затем приступал к главному. Первый вопрос всегда был один: «Кто запишется в колхоз?» В комнате воцарялась мертвая тишина. Второй вопрос: «Кто сколько зерна сдаст государству?» Снова — тишина. Тогда агитатор обращался персонально к каждому с теми же вопросами. Если и это не давало результата, Хорош вместе с пришедшими с ним комсомольцами переходил в другую комнату и вызывал по одному. Вопросы были те же. К тому, кто упорно отказывался, комсомольцы шли на дом. Все найденное там зерно, а иногда и муку отбирали подчистую и отправляли в государственный амбар. Не щадили ни детей, ни стариков, оставляли их без куска хлеба и, самое главное, — без семян для посева.

А того, кто соглашался вступить в колхоз, больше не трогали, он и от сдачи зерна освобождался, и на сходы мог больше не ходить. И все-таки крестьяне не хотели вступать в колхоз. Тогда-то и начался второй этап «агитации» за колхозы — раскулачивание. Сначала раскулачивали только крупных землевладельцев, у которых были постоянные наемные работники, а в 1930 г. взялись уже и за середняков. На тех из них, кто отказывался вступить в колхоз, вешали ярлык «кулак», «подкулачник», «поддался агитации кулака» и т. д. А потом и раскулачивали. Активисты села приезжали во двор крестьянина, которого объявили кулаком, открывали амбары или кладовые, забирали хлеб, грузили в короба и отправляли в колхозные амбары, а скот — в колхозные сараи, сельскохозяйственный инвентарь — на колхозный двор. Тут же объявляли день для распродажи личного имущества «кулака».

Вот как проходили торги во дворе крестьянина с. Малый Янисоль Чел-баргах. К десяти часам утра стал собираться народ. В огромном дворе толпи-

лись сотни сельчан. Приехал главный организатор торга П. Ю. Кумуржи, и начали продавать имущество этого крестьянина. Выносили из дома дорожки, постельные принадлежности, посуду, домашнюю утварь. Потом на поводу поднялся организатор торга. Брал в руки вещи, поднимал над головой и называл цену. Затем как в обычном аукционе: «Кто больше?» Крики длились до самого вечера, пока не распродали все, до последней кружки, миски, ложки. Но многие крестьяне приходили просто посмотреть. Они ничего не покупали, а женщины плакали вместе с хозяевами.

Потом настал февраль 1930 г.: по главной улице с. Малый Янисоль двигалась колонна саней, груженных семьями раскулаченных. Многие жители села пытались передать отъезжающим хлеб, сало, другую еду. Но конвоиры отгоняли их и кричали на погоньей, чтобы те не останавливали колонну. Эту картину нельзя было спокойно наблюдать: плакали и причитали отъезжающие, плакали женщины, дети. В то далекое время самое страшное слово у крестьян было «Соловки». Немногие пережили эту каторгу.

К весне 1931 г. коллективизация в селе была полностью завершена. Все, кто был против нее, покинули село: одних выселили, другие уехали сами. Очень многие крестьяне подались в города Донбасса, пошли работать на заводы и шахты, многие выехали на Кубань.

Село тем временем пустело. Даже среди тех крестьян, что сначала вступили в колхоз, то и дело вспыхивало недовольство, многие все бросали и уходили куда глаза глядят. В мае 1932 г. колхозники (преимущественно женщины и подростки) колхоза «Ударник» работали на своих бахчевых участках в пяти километрах от села (в то время колхоз выделял под бахчевые культуры по 5–10 соток земли на семью). К обеду собрались женщины, и начался у них стихийный митинг. «Сколько мы будем еще терпеть, — кричали они. — Все уже оборвались, денег не дают, да и купить одежду негде, работаем от зари до зари, а даже хлеба у нас нет. Так дальше жить нельзя. В других селах давно разобрали колхозы и люди работают в своем хозяйстве, как и раньше». Женщины стали ловить своих лошадей, которые паслись рядом, и уезжать домой. На второй день в бригаду прибыла районная милиция. Заходили в каждый крестьянский дом, забирали лошадей, инвентарь, брички и др. Иван Пантелеевич Черкес, который вышел из колхоза, запер лошадей в конюшню, а двери заколотил досками. Надеялся, наверное, что милиция не осмелится ломать двери. И, конечно, ошибся. Три милиционера ломом разбили дверь, вывели из конюшни лошадей, запрягли их и уехали.

Обозленные люди уходили в города, оставляли веками обжитые земли. Надо было сеять, убирать, а рабочих рук оставалось мало. Власти решили пополнить опустевшие села за счет переселенцев. В том же 1932 г. в село переселили крестьян из Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской областей.

В 1932–1933 гг. на южные области Украины обрушился голод. Авторы современных публикаций в специальных исторических и публицистических изданиях полагают, что это была спланированная в «верхах» акция¹⁸. Надвигался голод постепенно. В предшествовавший год урожай был неплохим. Но рабочих рук было мало, в колхозах царил разброд, и многое из выращенного так и не удалось убрать. В селе Малый Янисоль в степи, на расстоянии 5–8 км от села, остался на зиму необмолоченный хлеб, сложенный в скирды. Молотить их начали уже в холода и метели. Приходили утром к скирде, а она вся сверху льдом покрыта. Эту верхнюю, смерзшуюся часть срывали и отбрасывали в сторону. Механик долго грел мотор и заводил его. Люди вилами с большим трудом раздалбливали спрессованный необмолоченный хлеб и подавали на молотилку. Истощенные голодом, они очень быстро уставали от этого изнурительного труда. Тем более, что и обед на поле от колхоза не привозили. Каждый ел то, что у него было. А у кого не было ничего, те разжигали костры и на железных листах жарили себе зерно и ели.

Возвращаясь домой, каждый набирал в карман пшеницу. Это было небезопасно, но голод заставлял брать зерно. А сколько человек получило тогда 8–10 лет тюрьмы за украденную горсть пшеницы! Назавтра продолжалась та же работа, только становилось еще труднее работать, чем вчера. Бывало, за ночь пройдет снег, все занесет. Тогда перед пуском молотилки надо было расчистить снег вокруг скирды.

В том году в степи завелось очень много полевых мышей и сусликов. Они подбирали то, что не смогли собрать люди, и сделали себе большие запасы. От стеблей пшеницы и ячменя мыши отгрызали колоски, собирали в одну кучу и тщательно прикрывали землей. Селяне ходили по полям, искали эти запасы. В каждой куче было по 2–3 ведра колосков. Но даже их собирать запрещалось. Между тем в селе уже свирепствовал голод. Ведь колхозникам осенью выдали на трудодень всего по 100–200 граммов зерна, да и то не пшеницы, а ячменя, проса, сорго, суданки. Все остальное, даже посевное зерно, заставили вывезти на элеватор.

В январе 1933 г. люди уже ходили опухшими от голода, а с марта началась повальная смертность. Прежде всего умирали старики и дети. Отчаявшись, крестьяне покидали свои насиженные места и уходили в города.

В качестве бесплатной рабочей силы в села направляли учащуюся молодежь. Например, при совхозе им. Володарского (центральная усадьба находилась в селе Малый Янисоль) было создано училище «Совхозуч» для подготовки кадров для сельского хозяйства — бригадиров, агрономов, зоотехников. Подростки шли в это училище, соблазнившись бесплатным питанием. Но практически они ничему не научились, их использовали на различных работах: то для ломки кукурузы (в то время початки ломали руками), то на посевных и уборочных работах, а летом дети пасли совхозный

скот. Голодные, замерзшие, невымытые ребята воровали кукурузу, рискуя быть исключенными из училища за такой проступок.

Люди боролись за жизнь, как умели: если у кого-то еще осталась корова, отвозили в Мариуполь молочные продукты и на вырученные деньги покупали хлеб, камсу, тюльку. Отдавали за еду последнюю одежду и предметы обихода. До города добирались пешком: никакого транспорта не было. Из города привозили в ведрах, на тачках тюльку, чтобы продать односельчанам. В пищу шла лебеда, жмых, шелуха от проса, в степи ловили сусликов.

В обезлюдевшие села, в колхозы, оставшиеся без рабочих рук, правительство снова решило переселять людей из центральных областей России. Для переселенцев были заранее приготовлены дома раскулаченных и крестьян, добровольно покинувших деревню. Новоселов встречали торжественно, и вообще все было обставлено, как будто происходит важное и нужное для государства событие. Хотя сегодня смысл этого события уловить трудно. Зачем одних людей высылать на север, а других тут же переселять на юг?

Трудности переселенцы пережили немалые: они попали в совершенно другие климатические условия, чем те, к которым привыкли с детства, в другую языковую среду. В то время подавляющее большинство населения греческих сел общалось исключительно на своем родном языке и даже преподавание в школах велось только на греческом (русские школы появились в 1935 г.).

Русские переселенцы, обитавшие прежде в лесных краях, были поражены тем, что здесь печи приходилось топить навозным кирпичом да соломой и бурьяном. И трудовые навыки приходилось осваивать заново. Многие переселенцы уезжали назад в родные места, другим пришлось приспособиться, привыкать. Их дети посещали греческие школы. Адаптационные процессы медленно, но успешно проходили. Потомки переселенцев тех лет ныне уверенно чувствуют себя в полиэтничных селах Мариупольщины.

В 1930 г. коллективизацией было охвачено 36,7% всех крестьянских дворов в греческих районах Мариупольщины. По темпам коллективизации греческие районы отставали от еврейских и немецких, опережая болгарские и русские¹⁹. Многие коллективные хозяйства были рентабельны и приобрели всесоюзную славу. Большую известность приобрела Прасковья Никитична Ангелина (1912–1958) — уроженка села Старобешево, организовавшая в 1933 г. женскую тракторную бригаду, которая имела высокие показатели выработки. В годы Великой Отечественной войны Ангелина организовала обучение тракторному делу женщин в Средней Азии и Казахстане, которые сумели заменить мужчин, ушедших на фронт. Она удостоена звания Героя Социалистического Труда, трижды избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Набор основных этнодифференцирующих признаков никогда не остается неизменным на протяжении истории народа. В начале XX в. на Мариупольщине теряли этническую специфику и становились общими для всего региона те стороны быта, которые непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью. Еще раньше греческие крестьяне познакомились с земледельческой технологией: трехпольем, черными парами, разнообразием и рациональностью системы смены сельскохозяйственных культур, сельскохозяйственными машинами. Даже в середине XIX в. сельскохозяйственная техника не была этнодифференцирующим признаком. Тем более она не могла быть таковой в пору внедрения фабричного инвентаря.

Очень интересна ремесленная деятельность мариупольских греков в первые десятилетия XX в. Выше уже несколько раз подчеркивалось несколько пренебрежительное отношение греческих мужчин к ремеслу. Но оказалось, что в изменяющихся хозяйственных и социальных условиях, когда весь трудовой энтузиазм не сосредоточивался на личном земледельческом и скотоводческом хозяйстве, когда понятия о качестве жизни несколько изменились, требования к комфорту возросли, ремесленная активность встречала спрос и доставляла выгоду, обнаружилось многие местные таланты. Период НЭПа особенно был для этого благоприятен. Почти в каждом селе развился местный промысел.

Уже не раз упоминалось кожевенное производство, шубное дело, характерное для греческих мастеров. В годы НЭПа житель села Старый Керменчик — русский Червяков развернул большую работу по вычинке кож, в которой были заняты члены его семьи, а позже — наследники. В мастерскую тянулись крестьяне из окрестных сел: из овчины тут шили кожухи, полушубки, тулупы; из яловых шкур шорники изготовляли упряжь; из овечьей шерсти катали полости (*повети*) валяли валенки.

Равным образом упоминалось выше и кузнечное дело, которое в описываемый период приобрело размах. До сих пор жители Старого Керменчика (Старомлиновки) хранят изделия, которые в довоенное время изготовил кузнец-грек В. И. Охомуш. Изготавливал он и ювелирные вещи, а в особом ходу были бритвы, сделанные мастером из рессор. Хорошо помнят в Старомлиновке таких кузнецов: греков С. И. Топалова, Ю. И. Джамбека, Д. Майорота, украинца П. Т. Гуртового.

В период гражданской войны 18 февраля 1919 г. в Старом Керменчике был сформирован 9-й Заднепровский украинский пехотный полк Первой Заднепровской советской стрелковой дивизии. Полк был плохо вооружен, поэтому тогда во всех сельских кузницах мастера изготавливали пики, кинжалы, сабли и этим вооружали солдат. В Старомлиновском народном музее экспонируются работы кузнецов: пики, сабли ручной работы²⁰.

Важным народным ремеслом было гончарное производство. Изделия мастеров из украинского села Новопетровка завоевали популярность; с ними не могли тягаться гончары из Старомлиновки. Но зато в конце XIX в. в Старомлиновке стали появляться кирпично-черепичные заводы — Челпанбаева, Мануйлова, украинцев Тищенко и Савочкина, грека Булатова. До сих пор сохранились здания, построенные из кирпича местного производства. Прекрасный вид их лучше всего свидетельствует о качестве строительных материалов.

В тяжелые военные и послевоенные годы нигде не было фабричной посуды, и опять выручили гончары, которые производили гончарную посуду для нужд населения. Тогда заказывали у новопетровских гончаров по 100 и более штук гончарной посуды для школьных столовых. Образцы гончарных изделий экспонируются в Старомлиновском народном музее.

В период НЭПа в Новой Каракубе (позже названной Красной Поляной) работала частная пекарня, хозяином которой был украинец М. Дворников. Он нанимал на осенне-зимний период пекарей и разворачивал хорошее дело. Особенно приспособились к нему многодетное семейство грека Дмитрия Лазаревича Челпана. Его сыновья вскоре стали отменными хлебопеками, славились изготовлением бубликов, калачей, французских булочек и др., которые пользовались спросом не только в Красной Поляне, но и за ее пределами. Бойко шла в ход хлебная продукция в дни новогодних, рождественских и других праздников.

Старомайорские старожилы хорошо помнят небольшой заводик в их селе, где из местного сырья изготавливали спирт. Хозяин его щедро платил сдатчикам картофеля, и перебоев в работе не было.

Можно назвать немало предприятий, которые перерабатывали огородную и садовую продукцию — благо зрела она в завидном изобилии²¹.

Техника домостроительства, система отопления жилого дома и организация усадьбы долее сохраняли этническую специфику, но, однако, в целом приобретали черты, сближавшие жилища живущих рядом представителей разных народов. Например, греческие крестьяне в некоторых селах заимствовали у соседей-немцев принцип возведения под одной крышей жилых и хозяйственных помещений, сообщавшихся между собой через внутренние двери (в условиях снежной и ветреной зимы, весенней и осенней распутицы такое усовершенствование было рациональным). Продвижение общей тенденции домостроительства — приближения к городским образцам — зависело не от этнических пристрастий, а от экономических возможностей домохозяина. В первые десятилетия XX в., как упоминалось выше, богатые сельчане строили многокомнатные кирпичные дома, в плане приближавшиеся к квадрату, украшенные снаружи узорами, выложенными тесаным кирпичом. В 1920-х гг. и позже такие дома не возводились, а сохранившие-

ся использовались, как правило, для общественных нужд. Позже, особенно после Второй мировой войны, появились на селе дома, типичные для массовой застройки советского периода. Однако чаще жилые дома оставались в прежнем состоянии, перестраиваясь и совершенствуясь по мере возможностей.

Традиционный вытянутый в плане дом со входом посередине длинной стены, обращенной ко двору, оставался преимущественным вариантом. В 1920–1930-х гг. была еще характерная галерея, протянутая вдоль этой стены под выступающей стрехой крыши, подпертой столбами. Такая галерея сооружалась при домах потомков переселенцев с Балканского полуострова, расселившихся в Прутско-Днестровском междуречье и в Приазовье. В отличие от них греки раньше стали отказываться от галереи, превращать ее постепенно в закрытую веранду, часть которой использовали в качестве кладовой²².

Наметилась забота о комфорте жизни. В домах с традиционной трехкамерной планировкой стали отгораживать ту часть теплых сеней, где под вытяжным колпаком находился очаг и устье печи. Получалась изолированная кухня, освещаемая маленьким оконцем, специально прорубленным в тыльной стене дома. Система отопления дополнялась плитой и печью типа грубы. Такие усовершенствования начались еще раньше, но в первые десятилетия XX в. стали все более примечательными²³.

Под прямым влиянием украинцев получила распространение побелка наружных стен дома. Греки раньше стены не белили, обмазывали желтой глиной (в Новой Каракубе — красной). Желтыми оставались и стены сараев. Позже переняли украинскую манеру побелки, однако только торцовой стороны, обращенной к улице, и продольной, выходящей во двор.

Полы оставались, как правило, глинобитными, дощатые распространились гораздо позже, преимущественно после Второй мировой войны. Настланый дощатый пол сочетается обычно с фундаментом. Так постепенно уходила из быта балканская традиция, уступая городской модели²⁴.

Внутреннее убранство дома, распределение спальных и рабочих мест, мебель и утварь оставались в тот период привычными для крестьянского быта. В тех семьях, где еще сохранились после разорительных лет раскулачивания и голода старинные настенные украшения, ковры и дорожки, эти предметы продолжали украшать парадные комнаты. Впрочем, гречанки, несмотря на загруженность колхозной работой, находили время и возможность ткать, вязать и вышивать всевозможные коврики, наволочки на пристенные подушки, салфеточки и т. п. Вытеснить их смогли только ковры и безделушки фабричного производства, приобретаемые в магазинах. Но это произойдет уже значительно позже.

Довольно долго этническая специфика удерживалась в одежде, в украшении костюма и способах ношения его отдельных элементов. Почти до са-

мого конца XIX в. одежда оставалась культурообразующим элементом и соответственно этнодифференцирующим признаком для многих этнических групп Приазовья — греков, болгар, украинцев, русских, немцев (чего нельзя сказать о евреях, которые и на селе, и в городе придерживались городских форм одежды). Но уже с конца XIX в., а тем более в начале XX в. костюм селянина утрачивал функцию этнической метки и становился признаком социального и экономического положения его владельца. Перелом совершился в начале 1920-х гг.

В 1920–1930-х гг. традиционная одежда повсеместно уступила первенство общераспространенной, основанной на скромных вариантах городских образов. Вследствие экономического упадка в стране — сокращения промышленного производства тканей, застойности торговли, недостатка в обиходе многих необходимых предметов — появились в быту домотканина, самодельные красители и т. п. Из льняной и конопляной домотканины шили белье, верхнюю одежду детям, предварительно окрасив ее самодельной краской из луковичной шелухи. Носили много самодельных вязаных вещей из шерстяных ниток домашнего прядения.

Кое-какие предметы традиционного гардероба сохранялись в быту или в церемониальном обиходе и в середине XX в. Таковыми были туникообразные рубахи, порою они по-прежнему имели значение символа, знака. Сшитые из привычного материала (смесь хлопчатобумажных ниток и ниток из шелка-сырца), украшенные вышивкой рубахи фигурировали в наборе свадебных подарков: невесты готовили еще такие рубахи в подарок будущим свекровям, иногда и самой невесте мать или другая старшая родственница отдавала заветную вещь из своего сундука. В повседневном же быту туникообразные рубахи стали нательными, шили их из покупных хлопчатобумажных тканей без всяких украшений. Постепенно они заменялись рубашкой с вырезом, а с 1950–1960-х гг. — покупным трикотажным бельем.

Повседневная и праздничная одежда девушек и женщин молодого и среднего возраста различалась качеством тканей и мастерством пошива. Основные элементы костюма были одинаковыми: юбка и кофта из фабричных тканей, головной платок, пальто, чаще всего купленное готовым, туфли фабричного или кустарного производства. Фартук — принадлежность только домашнего обихода, рабочая одежда домашних хозяек.

Старые женщины в 1920–1930-х гг. еще носили черные (или другого темного цвета) передники по моде своей молодости, а на голову по праздникам надевали черные или коричневые шелковые платки.

Дольше всего национальная традиция проявляется в украшениях женского туалета: женщины в некоторых греческих селах долго еще носили серебряные браслеты, кольца. Устойчивее всего сохраняются ожерелья из грубого перламутра (румейск. *зныше, крынджия*), и ныне многие женщины их носят.

В это время кое-кто из женщин еще шил своим мужьям нательные рубашки привычного туникообразного покроя без всяких украшений. Некоторые пастухи донашивали удобные для их быта овчинные штаны. Сапоги стали явно преобладать как рабочая обувь, хотя на косьбу крестьяне надевали чарухи, однако под них не наматывали портянки, а надевали толстые шерстяные носки.

Кожухи, особенно чумарки, сохранялись и во второй половине XX в., но в 1920–1930-е и в последующие годы чаще, чем кожухи, носили пальто и полупальто на вате, обычно фабричного производства, купленные в магазинах. Безрукавки предпочитали крыть вельветом или другим материалом. Нужда в суконных плащах постепенно отпала, в случае надобности их заменяли плащи фабричного производства.

Традиционными остались головные уборы. В 1920–1940-х гг. мужчины в греческих селах в качестве зимнего головного убора носили только барашковые шапки — по-прежнему из меха разного сорта и различных фасонов, причем преобладал фасон колпаком (ныне они вышли из употребления), продолжали носить фуражки, шляпы (с ушанками познакомились только с 1940–1950-х гг.). И во второй половине XX в. эти головные уборы носили по большей части люди старшего поколения, молодежь предпочитала кепки; постепенно распространилась современная манера ходить с непокрытой головой или пользоваться спортивными вязаными шапочками.

Другой традиционный элемент, долго сохранявшийся в мужском костюме, — широкий мягкий пояс, который носили многие — зимой поверх тулупов и летом поверх брюк (румейск. *знар*, татарск. *хушах*). Первоначально, как было сказано выше, пояса ткали из домодельных шерстяных ниток (длиной примерно до 3 м, шириной в 70 см) с бахромой на концах. Позже их делали из фабричной хлопчатобумажной материи красного или синего цвета, причем пояса из покупного материала считались более ценными, носили их по праздникам, тогда как домодельные казались более скромными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подавляющее большинство греков в тот период жили в моноэтнических селах: всего в 1926 г. на Украине насчитывалось 104 666 чел. греков. Из них в городах обитали 10 763 чел. (10,3%), остальные 93 368 чел. (89,7%) — в сельской местности, причем большинство — 91 368 (87,2%) в однонациональных греческих селах и только 2535 чел. (2,5%) в смешанных (Бюллетень НКО УССР № 4(22). Харків, 1926. С. 13–15. Цит. по: Ялі С. Греки УССР. Харків, 1931. С. 62).

- 2 Постановление Государственного комитета обороны № 702 от 22 сентября 1941 г. о переселении немцев из Запорожской, Ворошиловградской, Сталинградской областей в Новосибирскую область РСФСР, в Казахскую ССР. Цит. по: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII — Депортация народов СССР. Ч. I. М., 1992. С. 109, 155.
- 3 Яруцкий Л. Д. Евреи Приазовья. Мариуполь, 1996. С. 21–34, 42–44.
- 4 Яруцкий Л. Д. Указ. соч. С. 105.
- 5 Там же. 195–263.
- 6 Ныне каждый год в последнее воскресенье октября жители Мариуполя — евреи и люди других национальностей посещают скорбный памятник, воздвигнутый на месте расстрела. Каждый раз на траурном митинге поминают добрым словом тех, кто в те трагические дни сохранил человеческое достоинство, оказывал помощь гонимым соседям-евреям («Мариупольская жизнь». 22.10.1997).
- 7 Балджи А. Эллины Приазовья вчера, сегодня, завтра. Мариуполь, 1995. С. 210.
- 8 Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1900. С. 354, 371; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 1. № 17 (цит. по: Римский С. В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // ВИ. 1998. № 3. С. 41, 42, 44).
- 9 В 1928 г. организованы три греческих района — Сартанский, Мангушский и Велико-Янисольский (Большая Янисоль ныне называется Великой Новоселовкой). См.: Чирко Б. В. Грецьке національне районування в Україні (1920–30-ті роки) // Донбасс и Приазовье. Мариуполь, 1993. С. 129. Греческих сельских Советов было 16 (Ялі С. Указ. соч. С. 63). Современники отмечали большую активность греческих женщин в общественной жизни, нежели украинок (Там же. С. 97).
- 10 Для учителей в летнее время работали специальные курсы. Реформа правописания была осуществлена в конце 1920-х гг. деятелями греческой культуры в Ростове-на-Дону — ведущем греческом культурном центре на Северном Кавказе.
- 11 Специалисты по-разному группируют мариупольские говоры румейского языка на основе различных признаков. Заметное расхождение существует между говорами южной группы (Ялты, Урзуфа и др.) и северной. См.: Чернышова Т. Н. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуф) и Ялты Первомайского района Сталинской области. Киев, 1958; Журавлева Е. Ф. Фонологическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами и северногреческими диалектами. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1982.
- 12 Шевченко В. О преподавании родного языка в греческих школах (рукопись, 1930 г.) // Фонд рукописей Института мистецтвознавства, фольклору та етнографії (Київ). Ф. Нацмен. Ф. 7–4/18. Л. 1–3.

- 13 Раздел о внутренней миграции и коллективизации написан С. К. Темиром.
- 14 *Никольский В. Н.* «Комиссия для изучения греческой национальности» // Греки Украины: история и современность. Донецк, 1991. С. 114–117.
- 15 *Наседкина Л. Д.* Греческие национальные сельские советы Украины во взаимодействии национальной и социальной политики // Греки Украины... С. 118–127.
- 16 Там же. С. 123.
- 17 *Захарченко Н. А.* Коллективизация крестьянских хозяйств в Донбассе в 1932–1933 гг. // Донбасс и Приазовье. Тезисы докладов. Мариуполь, 1993. С. 50–52.
- 18 *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографический катастрофе» 30–40 годов в СССР // ВИ. 1988. № 3; *Зеленин И. Е.* «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Там же. 1994. № 10; *Он же.* Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Там же. 1996. № 7.
- 19 *Ялі С.* Греки УССР. Харків, 1931. С. 118.
- 20 Войска Первой Заднепровской дивизии под командованием П. Е. Дыбенко 19 марта 1919 г. освободили Мариуполь, оккупированный в апреле 1918 г. австро-германскими войсками (*Коробов И. В.* и др. Жданову — 200. Страницы истории. Донецк, 1978. С. 46, 47).
- 21 Автор раздела о ремеслах С. К. Темир — создатель Старомлиновского народного музея — пытается привлечь внимание своих земляков к возможности ремесленных занятий в настоящее время. Эта деятельность, по его мнению, может победить скудость современного быта.
- 22 *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. М., 1979. С. 104; *Она же.* Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР) // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 122; *Маркова Л. В. Маруневич М. В.* Жилище народов Прутско-Днестровского междуречья // Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в. М., 1997. С. 182, 190.
- 23 *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев... С. 110; *Она же.* Развитие жилища... С. 112.
- 24 *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев... С. 135; *Она же.* Развитие жилища... С. 119.

2

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА. КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В СРЕДЕ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

Одна из первых полных переписей, проведенных после октября 1917 г. в РСФСР, — 28 августа 1920 г. определила количество греков республики в 73 707 чел., при этом отмечалась тенденция сохранения прежних центров компактного расселения греков России, основная масса которых проживала в Горской губернии (21 17 чел.), Кубано-Черноморской (65 603 чел.), Донской (1503 чел.) и Ставропольской (3470 чел.)¹. В другом официальном советском источнике — органе Наркомнаца газете «Жизнь национальностей» — активный сотрудник этого издания Э. Гипарис насчитывал в 1921 г. греков не менее миллиона человек². Греческий ученый Н. Пецалис-Диомидис, используя архив МИД Греции, а также информацию Н. Казандзакиса, определял число греков в России к 1920-м гг. в 700 тыс. человек, из которых 550 тыс. являлись выходцами из Понта³. В то же время официальная советская статистика — перепись 1926 г. — сообщает о 213,8 тыс. советских греков⁴. Известный политический деятель левого направления, философ и публицист, автор небезызвестного программного документа Национально-освободительного фронта Греции (ЭАМ) в период Сопrotивления «Что такое ЭАМ и что он хочет» Д. Глинос, посетив Советский Союз в 30-х гг., оценивал численность греков в 250 тыс. человек.

Изменения в социально-экономическом и культурном облике греческой диаспоры СССР, происшедшие в 1920–1930-е годы, отражали характер процессов, происходивших во всей стране. Развитие греческого населения в этот временной отрезок можно условно разделить на два этапа. Первый, длившийся с начала 1920-х гг. по 1928 г., отмечен активными действиями нового режима — усиленной партийно-идеологической индоктринацией, наложившей отпечаток на все стороны жизни греков. Политика государства была нацелена на формирование особого «советского греческого» национального самосознания, введение и распространение особой «советской греческой культуры». В этот период была подготовлена почва для создания

культурно-административной национальной автономии в местах компактного расселения греков — на Украине, в России и Грузии⁴.

Второй этап — с 1928 по 1939 г. — развитие национальной греческой автономии, крайняя степень идеологизации всех сторон жизни. Советское руководство взяло курс на «коренизацию» коммунистической идеологии в бывших национальных окраинах страны. Одним из главных инструментов проведения политической линии в среде греков стали греческие национальные секции или подотделы национальных меньшинств при областных комитетах ВКП(б), главным направлением которых была пропаганда, экономика, культура и образование. Аналогичен был подход в отношении других народов СССР, не имевших своей национальной государственности на территории СССР, — болгар, корейцев и др.

Имея в виду партийно-идеологические ориентиры, советское руководство как на местах, так и в центре с самого начала уделяло большое внимание пропагандистской значимости работы «среди нацменьшинств», как тогда формулировалась подобная деятельность. Начало ей в отношении советских греков было положено решением греческой секции Аджарского областного комитета Компартии Грузии 28 июня 1921 г. об издании на димотике в Батуми еженедельной газеты «Комунистис», чей тираж колебался от 500 до 1000 экземпляров⁵ (издавалась до 1923 г.). В том же 1921 г. в Ростове-на-Дону была создана одноименная газета, являвшаяся органом Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Тираж газеты составил 3,5 тыс. экземпляров. В 1924 г. был создан орган политотдела национальных меньшинств Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) — газета «Алития» («Правда»), издававшаяся в г. Краснодаре также на димотике. В обращении редакции говорилось, что она хочет иметь главную подписку в Сухуми, Туапсе, Сочи, Новороссийске, Анапе, Батуми, станице Апшеронской, то есть там, где были ее основные корреспонденты⁶.

Учитывая тот факт, что существование двух греческих газет в тот период не оправдывалось практическими соображениями из-за финансовых трудностей, 10 февраля 1925 г. в Ростове-на-Дону собрались редакторы греческих газет СССР и руководители греческих коммунистических секций Северо-Кавказской области, принявшие решение о создании в Ростове Бюро греческих редакций. Предполагалось объединить газеты «Комунистис» и «Алития» в одну под названием «Комунистис» с местом издания в г. Краснодаре⁷, однако ответственный редактор продолжавшегося издаваться в Ростове-на-Дону «Комунистиса» — П. Пьястопулос добился отказа от переноса газеты в Краснодар. Практически на протяжении 6 лет «Комунистис» являлся единственной греческой газетой в СССР.

Следующим направлением предпринимавшихся советским партийно-государственным руководством усилий было развитие сети начальных

и средних школ, а также отделений и факультетов в средних специальных учебных заведениях. К 1925 г. в РСФСР существовало свыше 60 греческих школ, где преподавание велось на национальном языке или полностью, или частично⁸. В Абхазии к 1927 г. из 257 школ 54 были греческими⁹. Уровень грамотности греков РСФСР достиг к 1926 г. 51,2% (среди мужчин он составил 60,4%, а среди женщин — 42,1%), в то время как в 1923–1924 гг. он не превышал 32–35%¹⁰. (Для сравнения: общий процент грамотности населения СССР составил в 1926 г. 57%¹¹.) Однако существовали трудности: не хватало педагогических кадров и соответствующих программ для школ на греческом языке, не было учебников. (Первая азбука для греков СССР была отпечатана в Грузии в 1925 г.)

Сложившаяся ситуация заставила более серьезно отнестись к вопросу о просвещении среди греческого «нацменьшинства», как начиная с 1917 г. определяли официальные советские документы российских греков. С этой целью с 1925 г. было образовано греческое отделение в педагогическом техникуме Краснодара. Для подготовки абитуриентов в дополнение к трем основным курсам был создан еще и специальный — подготовительный. К 1928 г. на нем уже училось 70 студентов из разных республик СССР¹². Подготовкой кадров учителей для начальных греческих национальных школ занялись педтехникумы Грузии (на Цалке, в Сухуми), Северного Кавказа и Мариуполя¹³. Учителя для средних школ и педучилищ готовились в Ленинградском Государственном Университете и Ленинградском пединституте.

В тесной связи с вопросом национального образования греков СССР встала проблема их национального языка, которая в новых условиях приобрела идеологический оттенок¹⁴. Первая реформа греческого языка, проходившая в 1925–1926 гг., выявила характерную для Греции ситуацию: началось усиление позиций сторонников народного языка — димотики и отказ от официального государственного языка — кафаревусы.

Обучение на димотике сопровождалось, однако, изменением прежней исторической, или, как она называлась тогда в советских источниках, «схоластической», орфографии. Это выразилось прежде всего в отказе от дигонгов и исторически сложившихся графических сочетаний (что впоследствии затрудняло людей, выучившихся в таких правилах, читать тексты, изданные в Греции). Решением Наркомпроса РСФСР от 7 июня 1926 г. была утверждена димотика на упрощенной графике как единый язык греков России¹⁵. В поддержку этого решения были организованы широкие пропагандистские мероприятия: собрания, совещания и их обращения, призванные обосновать переход на признанный в РСФСР греческий язык — «язык трудящихся ромеев». Со всей полнотой языковая реформа проявилась уже в 1927 г. на страницах органа греческой секции Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) — газеты «Комунистис».

Наряду с вопросами образования большое значение придавалось созданию общественно-просветительских объединений греков, в первую очередь — клубов и драматических кружков. В 1923 г. в Батуми по предложению жителей города был образован греческий рабочий клуб имени Воровского из числа рабочих и служащих греческого происхождения. Основную задачу своей деятельности его руководитель — поэт и писатель-эссеист Ф. Канонидис видел в пропаганде греческого фольклора и развития грамотности среди греков, для чего им была создана специальная «филологическая секция», участники которой изучали греческую литературу. Вечера, посвященные творчеству классиков греческой поэзии Соломоса, Веларитиса, Кристаллиса, Рондиса, Ласкаратоса и др., превратились в чтения местных греческих поэтов и прозаиков — Ф. Канонидиса, Ап. Кесоглу, Ал. Параскевопулоса. Аналогичные клубы создавались в разных городах СССР, где было компактное греческое население. В Симферополе в 1927 г. был образован клуб на хозрасчетных началах, занимавшийся постановкой пьес и сенок из произведений греческих драматургов¹⁶.

Получила развитие и такая организационная форма просвещения как музейное дело. Согласно решению Президиума Всеукраинского Исполнительного комитета от 19 января 1926 г., а позже и Наркомпроса Украины, при музее г. Мариуполя открылась греческая секция. В ее задачу входило изучение прошлого и настоящего эллинизма на Украине. Начиная с 1917 г. и далее на содержание секции выделялось ежегодно 20 тыс. руб.¹⁷ Однако отсутствие специалистов-краеведов, квалифицированных эллинистов сказывалось и на уровне музейного дела в целом в этот период.

Хозяйственно-экономическая жизнь греческого населения СССР на протяжении 1920-х гг. претерпевала существенные изменения. Провозглашение на X съезде ВКП(б) в 1921 г. курса на крупные рыночные экономические реформы, известные как «Новая экономическая политика», способствовало оживлению экономической жизни в СССР. Сельское хозяйство и мелкая кустарная промышленность — эти традиционные для греческой диаспоры сферы деятельности — получили стимул для развития. Особенно это касалось Северного Кавказа и Черноморья, специализировавшихся на табаководстве, а также южных районов Украины и РСФСР. Именно здесь начало развиваться кооперативное движение, не лишённое в советских условиях идеологического обоснования. Так, в декларации жителей г. Очакова (УССР), принятой в июле 1923 г., заявлялось о поддержке коопераций, которая, как говорилось в этом документе, — в соответствии с духом времени, — «объединит рабочих деревни и города во всем мире...»¹⁸

Широкое распространение получила такая форма кооперирования как артель. Одним из примеров организационного развития артелей среди греческого населения СССР могут служить созданные в 1925 г. в Грозном две

артели по выпечке хлеба. К 1928 г. в городе насчитывалось уже 11 хлебопекарных артелей со 109 членами. Оборот одной такой артели с 50 тыс. руб. в 1925 г. вырос до 245 тыс. в 1926 г. и до 380 тыс. руб. в 1927 г. К 1928 г. планировалось довести его до 700 тыс. руб. Средний заработок членов таких кооперативов колебался от 90 до 150 руб., что было достаточно большой суммой в соотношении с существовавшим тогда индексом цен!¹⁹ Кооперативное движение затронуло обувщиков и мебельщиков²⁰.

В сельскохозяйственных районах Ставропольского края начиная с 1923 г. получила развитие другая форма кооперации — потребительское общество. Экономическое развитие сельского греческого населения советского Черноморья характеризовалось по данным за 1923–1927 гг. устойчивым ростом животноводства, но постепенным сокращением производства табака, что было связано как с ухудшением его сортности, так и с нежеланием крестьян заниматься лишь монокультурным хозяйством. Социальная структура сельского греческого населения СССР к середине 1920-х гг. характеризовалась уменьшением в абсолютных цифрах беднячества и малоимущих за счет перехода в разряд середняков. В определенной степени создавшееся положение было связано с узкой специализацией и районированием*, с одной стороны, и расширением земельных владений — с другой. Сельское греческое население Южной Украины расширило занятия виноградарством. На Северном Кавказе советским партийно-государственным руководством этого района предпринимались усилия привлечь греков к более широкому производству табака. Все эти мероприятия резко повлияли на социальный состав греческого сельского населения. Так, на юге Украины в 1926 г. 26,67% составляли бедняки, имевшие на этот год доход на человека в размере 18 руб., 36,86% — малоимущие с доходом в 39 руб., середняки — 25,14%, с доходом в 65 руб., 8,22% составляли зажиточные (до 150 руб. на человека) и так называемые по советской территории «кулаки» — 0,09% (свыше 150 руб.)²¹.

На следующий год ситуация начала меняться из-за государственных мероприятий по регулированию социальной структуры, а также общих изменений в экономике Советского Союза, связанных с провозглашенным в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) курсом индустриализации. К 1927 г. бедняки описываемых районов Украины с компактным греческим населением составили 18,22%, малоимущие — 41,7%, середняки — 32,35%, зажиточные — 7,64%²².

Процесс урбанизации населения Советского Союза имел свои особенности для многих народов страны. Советские греки продолжали сохранять тесные связи с сельским хозяйством.

* Имеется в виду предоставление определенным районам права выращивать соответствующие культуры.

Компактность расселения греков в инонациональной среде способствовала возникновению и развитию традиций территориальных и соседских связей, которые обуславливались естественной общностью интересов по обработке земли, совместным владением некоторыми видами угодий. Например, на Украине из общего числа греков — 104 666 чел. — только 10 763 чел. жили в городах, а остальные — в сельской местности. Основная масса (97 739 чел., то есть 93% всех греков Украины) была сосредоточена в Приазовье (из них горожан было только 33,5 тыс. чел.). Остальные 6927 чел. были разбросаны по другим районам и городам республики. Всего — согласно переписи населения 1926 г. — на Украине было сосредоточено 48,9% всех греков Советского Союза (213,8 тыс. чел.). Компактным было расселение греков в Грузии и на Северном Кавказе.

К 1928 г. сложились объективные условия для установления административной автономии греков Советского Союза. Решающее значение оказала общая тенденция национально-государственного строительства СССР. Места компактного проживания греков стали объектом пристального внимания со стороны партийно-государственного руководства как в политико-идеологических, так и в практических целях. Политические подходы заключались в стремлении оторвать народы, жившие на территории СССР на протяжении веков, но не имевшие государственных образований в пределах этой страны, — немцев, болгар, финнов, корейцев, румын и др., в их числе греков, — от их исторической родины: во-первых, из-за нежелательности каких-либо неформальных связей с заграницей, во-вторых, с целью доказать, что СССР — «единственная пролетарская родина всех народов», способная предоставить лучшие условия жизни, чем «буржуазные прародины». Надо иметь в виду, что в это время среди греческого населения СССР усилилась тенденция к эмиграции. Это послужило одной из причин создания отдельных греческих административных единиц.

Проведение того или иного хозяйственно-экономического, идеологического и политического мероприятия облегчалось однородностью населения, объединенного в единую национально-территориальную единицу. Процесс их образования выявил и некоторые особенности, главной из которых было выдвижение на первый план двух основных форм административно-территориального устройства прежде всего в сельской местности: автономного района и национального сельского совета. Одними из первых были образованы автономные районы на Мариупольщине с центром в селе Мангуш и в Грузии с центром в Цалке. В Азово-Черноморском ареале образован был один греческий округ и 15 греческих сельсоветов (из общего числа 1271), на Северном Кавказе — один округ²⁴.

Однако последующие изменения административно-территориального деления страны повлекли изменение греческих административных форми-

рований. К 1932 г. в стране существовало 6 греческих автономных районов, из которых три находились на Украине²⁵, один на Северном Кавказе²⁶, один в Абхазии и один на Цалке.

К сожалению, полные данные можно найти лишь о двух греческих автономных районах — расположенных на Северном Кавказе и на Черноморском побережье.

Греческий район на Северном Кавказе был создан в феврале 1930 г. Его центром стала станица Крымская (ныне город Крымск), площадь составила сначала 19 640 кв. км, а к 1932 г. достигла 25 220 кв. км. Население автономного района, состоявшее из понтийцев, насчитывало на момент образования этой административной единицы свыше 15 тыс. чел. В 1931–1932 гг. ввиду расширения территории района, а также из-за миграционных процессов оно увеличилось и составило в 1932 г. 17 700 чел.²⁷ К 1933 г. оно уже увеличилось до 21 370 чел.²⁸

Специфической особенностью греческого населения нового национального района Северного Кавказа было то, что 90% его жителей были иностранцами подданными. Сопrotивление, оказанное греками навязывавшимся мероприятиям типа коллективизации или выборов в сельсоветы, которые проводились в соответствии с духом и буквой партийных документов, оценивалось партийными руководителями района как «ожесточенная классовая борьба». Так, процесс выборов затянулся на 2 года, а «уполномоченных разгоняли, сжигая дома, где намечалось помещение совета»²⁹. «Активная работа», проводившаяся как райкомом ВКП(б), так, вероятно, и другими организациями, имела своим следствием сокращение числа иностранных подданных до 60% в 1933 г. Это дало повод председателю исполкома Амирову, выступавшему на III Всероссийском совещании работников среди национальностей и автономных республик и областей, говорить о «больших успехах»³⁰. Одновременно предпринимались энергичные усилия по «втягиванию» греков в колхозы и велась пропаганда, направленная на доказательство того, что «родиной их является Советский Союз и что им нечего думать о буржуазной Греции»³¹.

Общеэкономическая ситуация в стране к концу 1920-х гг. была отмечена серьезными диспропорциями между темпами промышленного развития и уровнем сельскохозяйственного производства, что ставило на повестку дня вопрос об усилении аграрного сектора. Как выход из создавшейся ситуации тогдашним партийно-государственным руководством СССР выдвигался план коллективизации сельского хозяйства, создание своего рода «сельской индустрии» через объединение хозяйств мелкого и среднего крестьянства, а также беднячества и ликвидации хозяйств зажиточных крестьян.

Для греческого сельского населения Украины, Северного Кавказа и Грузии существовали определенные особенности в ходе реализации этого

плана. Так, наметившаяся еще в середине 1920-х гг. тенденция увеличения доли середнячества и сокращения бедных крестьянских хозяйств к началу 1930-х гг. приостановилась. Социальная структура греческого сельского населения Черноморья и Азовского побережья (на основании весьма разрозненных данных) представляла собой в приблизительном исчислении следующую картину: 0,91% — батраки, 50,7% — бедняки, 34,24% — середняки, 14,15% — зажиточные семьи. Коллективизация хозяйств греческого населения Украины достигла 29% к 1930 г.³², а к 1931 г. на II съезде Совета национального района Саранды (Сартаны) говорилось уже о 82,4% колхозного сектора³³. Кампания коллективизации греческого населения Украины проходила столь быстрыми темпами, что невольно наводила на размышления о методах ее проведения. Так, 25 сентября 1931 г. в отчете ЦИК УССР заявлялось о том, что к 1 мая 1931 г. коллективизацией было охвачено 16% хозяйств греческого района с центром в деревне Мангуш, а к 25 сентября — уже 94,5%. В то же время к весне обнаружили большие задолженности греческих сельсоветов по поставкам сельскохозяйственной продукции. Греческие сельсоветы Ялты выполнили только 7,1% производственных заданий, Гурзуфа — 19,6%, Сартаны — 9,0%, Чермалыка — 98,4%. Келеровки — 50%³⁵. К 1936 г. положение частично исправилось из-за списывания задолженности и увеличения технических средств обработки земли. В соответствии с планом выполнения хлебозаготовок греческими автономными районами произошло увеличение показателей сдачи сельхозпродукции с 15% до 50%³⁶. Особое внимание уделялось специализированным областям сельского хозяйства, где греки традиционно занимали одно из доминирующих положений, в частности — табаководству. За один год (с 1930 по 1931 гг.) площади посадки табака в автономных греческих районах увеличились на 61,2% и составляли 9841 га³⁷. Одновременно велась пропаганда сдачи табака государству вместо продажи его на свободном рынке³⁸. Ситуация, сложившаяся в греческом районе Северного Кавказа к 1930 г., так же как и в других греческих автономиях, свидетельствовала об усилении вмешательства государства в хозяйственную жизнь национальных административных единиц (в частности оно оказало существенную помощь новообразованному совхозу в размере 1 530 000 руб.³⁹). Количество коллективизированных к 1930 г. крестьянских хозяйств здесь составило 17,9%, а к 1933 г. увеличилось уже до 60%⁴⁰.

Развитие греческого района в Азовско-Черноморском крае проходило тоже в сложных условиях. К 1935 г. в крае существовало 6 нацменрайонов и 60 сельсоветов в других районах, заселенных преимущественно русскими. Из всего населения греческого автономного района, составлявшего 26 364 чел., менее половины — 10 тыс. чел. были греками, а из 12 советов

лишь 5 было греческими⁴¹. В тех районах, где функционировали уже упоминавшиеся 60 сельсоветов, национальные меньшинства составляли 18,5 тыс. чел., из которых 5,5 тыс. были греки⁴². В греческом районе Северного Кавказа к 1935 г. из проживавших в нем 16 925 чел. 69% составляли греки, 24% — украинцы и 7% — русские⁴³.

Создание национально-административной автономии греческого населения СССР существенно повлияло на развитие его культуры прежде всего в вопросах образования, литературы и языка.

В период 1928–1936 гг. вопрос образования приобрел несколько иное значение, нежели это было ранее: встала проблема не только охвата сетью национальных школ греческого населения в созданных автономных районах или местах компактного его расселения, но и подготовки преподавательских кадров для того, чтобы общеобразовательные греческие школы достигли общесоюзного уровня. В рамках этой сложной задачи наметилось три основных направления: во-первых, создание материально-технической базы — постройка школ, издание пособий и учебников для греческих школ; во-вторых — урегулирование кадровой проблемы: подготовка преподавателей как средних учебных, так и средних специальных заведений (педтехникумов); и, в-третьих, разработка методик и изучение вопросов педагогики применительно к образованию греков СССР.

Заботу о напечатании учебников по большинству школьных предметов того периода взяли на себя два издательства: харьковский «Центриздат» и мариупольский «Комунистис». Для создания учебников активно привлекались учителя греческих школ. Редакция «Комунистиса» объявила конкурс на лучший учебник по разным дисциплинам с гонораром 80–120 руб.⁴⁴ Существенную помощь в расширении сети образования оказывали различные греческие кооперативы, шли и личные вклады. Так, греки станицы Греческая построили школу на собственные средства: $\frac{2}{3}$ материальных затрат были покрыты самими жителями, а $\frac{1}{3}$ — сельсоветом⁴⁵. Одновременно продолжалась работа по организации двух типов школ для неграмотных среди взрослого населения. К первому относились общеобразовательные школы-семилетки, в задачу которых входило не только дать ученикам среднее образование, но и подготовить их к обучению в средних специальных и высших учебных заведениях⁴⁶. Другой тип составили группы по ликвидации неграмотности среди женщин, где внимание уделялось не только получению начального образования, но и овладению профессиональными навыками, например кройки и шитья⁴⁷.

Положение в области образования греков СССР оставалось тревожным вплоть до первой трети 1930-х гг. Так, неграмотность населения в автономных районах «советских ромеев» составляла 15%, из них $\frac{2}{3}$ были греки⁴⁸.

В то же время были и некоторые успехи. В 1929 г. в вузах и техникумах страны (не считая чисто греческих национальных заведений) училось около 50 греков⁴⁹.

В республиках, где проживало компактно греческое население, картина была следующей. В соответствии с данными на 1929 г. в РСФСР существовало 90 средних греческих школ, принявших свыше 5 тыс. детей школьного возраста⁵⁰. Вероятно, в 1936–1937 гг. их количество увеличилось. В вузах Грузии в 1928 г. обучалось 57 греков, а к 1935 г. их число возросло уже до 689 чел.⁵¹ В 1934–1935 гг. в Грузии существовали 104 греческие школы⁵². В Абхазии к 1937 г. насчитывалось 79 греческих школ⁵³. На Украине в 1931–1932 гг. число студентов в педтехникуме, готовившем преподавателей греческого языка для национальных школ, составило 284 чел., а в 1932–1933 гг. в трех подобных заведениях обучалось 405 чел.⁵⁴ В автономных греческих районах Украины к 1933 г. работали 26 школ и средних специальных заведений, в которых преподавание проходило на греческом языке, и 10 для греков, для которых был родным татарский язык⁵⁵. К 1935 г., как сообщалось об этом в отчетном докладе партийно-хозяйственных органов греческого автономного района РСФСР с центром в станице Крымской, был осуществлен переход на всеобщее начальное образование, подготовлены условия для 7-летнего всеобуча и начало 10-летнего обучения в районе. Существенно увеличилось количество школ. В 1930 г. в этом районе существовало 16 школ для начального обучения с количеством учащихся в 1140 чел., а к 1935 г. было уже 24 начальных, 5 неполных средних и одна средняя школа, с общим количеством учащихся в 3760 чел.⁵⁶ В ряде городов Черноморья были организованы курсы повышения квалификации учителей греческих школ, работавшие в июне–июле каждого года. Действовавшие в 1929 г. в Анапе Центральные курсы собрали 40 чел. Из них 42,5% — из районов Черноморья, 25% — с Кубани, а остальные — из различных областных центров Северного Кавказа и Украины⁵⁷. В Азово-Черноморском крае в 1936 г. насчитывалось 354 национальных школы, из которых 257 было начальных, 86 — неполных и 11 — средних с общим количеством учащихся в 34 тыс. чел. При этом греческие школы, стоявшие на третьем месте после армянских и немецких, насчитывали 54 начальных, 13 неполных средних и 2 средние⁵⁸. Однако изучение национального языка (главным показателем являлись тогда оценки по успеваемости) сталкивалось с трудностями. Несколько лучше дело обстояло с изучением русского языка, что свидетельствовало о потере греческим языком своего ведущего места в бытовом общении в среде греков СССР. С целью выработки методики преподавания в национальных греческих школах и подготовки кадров для них были предприняты шаги по созданию греческих факультетов в Московском и Ленинградском пединститутах и Ленинградском университете,

где с 1930 г. предполагалось открыть отделение новогреческих исследований⁵⁹. (О дальнейшей судьбе этого начинания автор не нашел никаких сведений.)

В тесной связи с проблемой национального образования встал вопрос о развитии языка греков СССР. Проведение реформы 1926 г. приобрело помимо лингвистического еще и политический характер. Достаточно отчетливо это было выражено в статье первого секретаря Компартии Украины Н. А. Скрыпника в журнале ЦК КП(б)У «Большевик Украины», в которой партийный вождь, далекий от вопросов языкознания, заявлял, что «проявление у греков националистического всплеска колониальных чувств выявилось в 1917 и 1918 гг. Греки (имеются в виду в Крыму и на Украине. — *Ар. У.*) рассматривали себя частью Пан-Эллады, и все мысли у них шли по этому направлению. Вопрос о языке у греков является очередным важным политическим вопросом... Вам (грекам СССР. — *Ар. У.*) нечего гоняться за старым (имеется в виду кафаревуса. — *Ар. У.*) литературным языком, так как тенденция старого языка — это база для колониальных устремлений греческих националистов»⁶⁰.

Пропаганда реформы языка и методов ее проведения, однако, не означала снижения остроты самого принципа реформирования, так как четко обозначилось три течения: димотикистское, «понтийское» и «мариупольское», выступавшие каждое за доминирование своего диалекта⁶¹. Первым знаком размежевания среди проводивших в жизнь реформу учителей и интеллигенции была статья, помещенная в ростовской газете «Коммунист» под заголовком «Эллинизация на Украине»⁶². Ее автор Ф. Капасакалис достаточно резко обрушился на «местных ромеев», то есть мариупольских греков, которые «говорят на языке, являющемся смесью греко-русско-турецкого и близких к ним языков и содержащем другие иностранные слова». В свою очередь, в Мариуполе расширилась деятельность сторонников «Мариупольского греческого языка», заявивших о его исторических корнях. На I конференции «трудящихся ромеев» Мариупольского района и г. Сталино, состоявшейся 30 ноября 1929 г., собравшиеся на ней более 200 представителей приняли резолюцию в поддержку развития собственного языка. Таким образом, димотикистская реформа 1926 г. создавала почву для весьма широкого ее толкования, так как не определяла приоритеты диалектов. В сложившейся ситуации, когда помимо различий в диалектах существовала очевидная диоглоссия, ибо для 37% греков Мариуполя родным языком являлся татарский⁶³, языковая проблема советского эллинства была весьма острой. Практически на протяжении 10 лет с момента провозглашения реформы в грекоязычной советской печати, а также в центральной прессе проходила активная дискуссия о том, каким быть языку советских греков. Главное место по данной проблеме занимал орган Народного ко-

миссариата просвещения при ЦИК СССР журнал «Просвещение национальностей».

Для проведения систематической работы по разрешению языковых проблем и изучению положения на местах Центральный Комитет нового алфавита решил направить летом 1933 г. филологические экспедиции в районы компактного проживания греков: Одессу, Севастополь, Керчь, Мариуполь, Ростов, греческий район Северного Кавказа, Новороссийск, Сухуми и Батуми⁶⁴. Эту работу возглавили профессора С. А. Врубель и М. В. Сергиевский⁶⁵. До этого полевую работу по изучению языка и культуры проводила лишь греческая секция музея г. Мариуполя, которая начиная с 1930 г. вела запись на фонограф местного диалекта, а также песенного фольклора, записав лишь за один год около 500 различных песен греческого населения Азовского побережья на греческом и татарском языках. Эта же секция занималась составлением словаря языка греков Приазовья⁶⁶.

В соответствии с общей тенденцией резкой политизации всех сторон жизни СССР, курс на которую был определен партийно-государственным руководством страны, большое значение придавалось пропаганде идеологических принципов ВКП(б) среди национальных меньшинств. Особую роль в этом деле была призвана сыграть пресса на соответствующих национальных языках. 15 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) принял решение «Об издательской деятельности», в соответствии с которым при издательствах могли формироваться национальные секции⁶⁷. Газеты и журналы рассматривались как основные органы пропаганды партийно-государственной политики как во внешней, так и во внутренней областях. 20 мая 1930 г. в центре греческого автономного района — станице Крымской начала выходить газета «Болсевикос» («Большевик») — орган греческого районного комитета ВКП(б) и районного исполнительного комитета. В ее задачу, как об этом говорилось в редакционной статье одного из номеров, входила мобилизация «трудящихся-ромеев на ударную работу в сельском хозяйстве»⁶⁸.

20 октября 1930 г. в Мариуполе стала издаваться новая греческая газета «Колхтивистис» («Колхозник»), рассчитанная на крестьян-колхозников. Это был орган Донецкого обкома и Мариупольского горкома ВКП(б). Издававшаяся на мариупольском диалекте газета публиковала материалы о ходе коллективизации и информацию о жизни греков в культурно-административных районах. Как в «Комунистисе», так и в новой газете существовала отдельная рубрика о ситуации в Греции, причем большая часть этой информации подавалась в форме писем в газету от бывших жителей Мариуполя и Азовского побережья, перебравшихся в Грецию. В мае следующего 1931 г. в Ростове-на-Дону появился орган Ростовского обкома ВКП(б) газета «Колхозникос», рассчитанная на самые бедные крестьянские слои и, как говорилось в подзаголовке, — полуграмотных. В марте 1933 г. она пре-

ратила свое существование, выполнив — как, вероятно, казалось ее учредителям — поставленную задачу: ознакомление малограмотных с событиями в СССР и за рубежом.

Расширение издательской деятельности национальных секций при местных издательствах позволило начать в июле 1932 г. в г. Сухуми выпуск газеты «Комунистис» — органа Абхазского областного комитета КП(б) Грузии и ЦИК АССР Абхазии, переименованного уже с 6 номера в «Кокинос капнас» («Красный табак») и рассчитанной на греков-табаководов Кавказа.

С середины 1934 г. греческая национальная печать начинает трансформироваться в сторону большего освещения общесоюзных событий, постепенно сокращается количество материалов о местных проблемах советских греков⁶⁹. В декабре 1934 г. из представителей творческой интеллигенции были сформированы три группы языковедов и писателей при редакциях: в состав группы при газете «Комунистис» (г. Ростов-на-Дону) вошли Хореганос, Амандов, Стефанидис, Кикинос; при газете «Кокинос капнас» (г. Сочи) работали Канонидис, Рионис и Карвонидис; в работе газеты «Колхтивистис» (г. Мариуполь) участвовали Мармаринос, Костоправ, Галлас⁷⁰.

В следующем 1935 г. началось свертывание греческой национальной периодической печати. В июне прекратила свое существование одна из старейших газет советских греков — ростовский «Комунистис». В мае закрылась редакция «Болсевикос», а в июле — газета «Колхтивистис». В августе подвергся переименованию орган Абхазского обкома КП(б) Грузии и ЦИК АССР Абхазии газета «Кокинос капнас», которой возвратили ее прежнее название — «Комунистис», а в мае 1939 г. и она прекратила свое существование.

Период 1928–1939 гг. отличался интенсивным развитием литературы как по количественным показателям, так и по тематике. Если на предыдущем этапе основная часть произведений советских греческих писателей и поэтов публиковалась в периодической печати, то теперь, в связи с улучшением полиграфической базы, началось планомерное издание книг отдельных авторов и сборников, общественно-литературных альманахов. В соответствии с данными статистики, с 1917 г. по 1926 г. в СССР было издано всего 2 названия на греческом языке, с 1926 г. по 1929 г. — 30, с 1930 г. по 1931 г. — 133, а с 1932 г. по 1936 г. — 371⁷¹. Росли тиражи: в 1928 г. — тираж только двух названий превысил 2 тыс. экз., в 1934 г. — 65 названий имели тираж в 115 тыс. экз., а в 1935 г. — 99 названий издавались тиражом 197 тыс. экз.⁷² С марта 1934 г. начался выпуск литературного альманаха «Неон Зои» («Новая жизнь»).

Среди писателей и поэтов, принявших активное участие в развитии художественной литературы греков СССР в 1920–1930-е гг., были Х. Каналов, П. Фотиадис, С. Амантов (Агеластос), Н. Стефанидис, Ф. Кано-

ди (Канонидис) и Г. Костоправ. О двух последних надо сказать особо — они оставили заметный след в культуре греческой диаспоры. Федор Канонидис (1897–1954), сын выходцев из Малой Азии (г. Аргирополис), развернул активную культурную работу среди греков Абхазии. Руководитель театра, переводчик и постановщик пьес древнегреческих, европейских и российских авторов и сам плодотворный драматург, он занимался также переводами стихов Пушкина и Чавчавадзе. В послевоенные годы составил первый в СССР русско-новогреческий словарь, был членом Правления Союза писателей Абхазии, членом редколлегии газеты «Советский писатель Абхазии».

Георгию Костоправу (1903–1938) выпала тяжелая судьба. Он с детства писал стихи на родном крымскотатарском языке, выпустил две книги тиражом в одну тысячу и в полторы тысячи экземпляров, сотрудничал в газетах. В начале 1930-х гг. вместе с Галлосом собрал греческих советских поэтов и писателей с целью объединить молодых и подающих надежды авторов в Союз советских греческих литераторов. Он также стал инициатором издания журнала «Ниотита», выходившего в середине 1930-х гг. в греческом издательстве Донбасса. В период сталинского террора, разгрома греческой культуры он был репрессирован и погиб⁷³.

Редакция греческих газет в СССР, а также национальные греческие секции при региональных союзах писателей объявляли конкурсы на лучшие поэмы, романы, комедии, драмы и детские сказки⁷⁴. С целью популяризации культурной жизни греков СССР в ноябре 1935 г. начала действовать греческая секция радиостанции Одессы, выходившая в эфир три раза в неделю на волне 309,9 м⁷⁵. При составлении ее передач уделялось внимание их литературной части.

Большое развитие получила переводческая деятельность советских греческих литераторов, которые занимались адаптацией и переводом для греков СССР русских, грузинских, армянских и украинских писателей и поэтов. За перевод романа А. С. Серафимовича «Железный поток» на понтийский диалект П. Фотиадис был удостоен награды греческой секции Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей⁷⁶. Одновременно активизировались поощряемые советскими властями связи с левыми литераторами Греции. В ноябре 1928 г. Советский Союз посетили греческие писатели П. Истратис и Н. Казандзакис. В Батуми они выступили с лекциями в местной школе о жизни в Греции. В августе 1934 г. в СССР прибыли Д. Глинос и К. Варналис. Выступления Д. Глиноса в Одессе перед местными греками собрали много слушателей⁷⁷. Сам Д. Глинос написал об этой поездке в издававшемся им прокоммунистическом журнале «Нэи протопори» ряд статей⁷⁸.

Развитию национальной культуры греков СССР были призваны служить клубы и театры. В местах компактного проживания греков — на всем

побережье Черноморья, на Украине и Кавказе создавались культурные центры в виде клубов. Одним из первых был организован «Балканский клуб» в Харькове из представителей балканских народов, в основном греков, болгар и румын, которых насчитывалось в городе 954 человека, 300 из них стали членами клуба. Из 237 греков в клуб записалось 100 человек⁷⁹. Библиотека клуба имела 25 тыс. томов на разных языках, а в читальный зал поступала периодика из балканских стран. Определенную помощь подобным объединениям оказывали кооперативные организации. Так, правление Черноморского союза предоставило клубу национальных меньшинств г. Новороссийска свыше 5% своих прибылей⁸⁰. Широкое распространение получили читальни, которые в соответствии с греческими традициями служили одновременно и клубами⁸¹.

Определенное развитие среди греков СССР получило театральное искусство, основной базой для которого первое время являлись самодеятельные театральные кружки. Несколько позже при многих областных и республиканских национальных театрах были созданы греческие труппы. В Сухумском государственном театре ее возглавил сначала режиссер Аполонас, а затем — актриса Е. Вокре⁸². Начиная с 1928 г. греческое драматическое отделение при государственном театре Абхазии под руководством Ф. Канонидиса (Канонидиса) ставило пьесы понтийских писателей, произведения древнегреческой, европейской и русской драматургии, а также сценические сочинения самого режиссера; наибольшей популярностью пользовалась драма «Трихский мост». В первый период своей работы в Абхазии Ф. Канонидис выступил с призывом к соотечественникам последовать примеру коллектива, которым он руководил⁸³. Одним из центральных национальных театров был греческий театр, созданный в Мариуполе по инициативе поэта Г. А. Костоправа. В нем работали два режиссера — Даниил Данилович Теленчи и Юрий Спиридонович Дранга, оба выходцы из греческих сел, окончившие Харьковское театральное училище. В театре шли пьесы Мольера, Корнейчука, Арбузова, местных авторов — Г. Костоправа и Д. Теленчи. Эти же авторы вместе с В. Галлосом осуществляли перевод пьес на греческий язык. Успех театра был очень велик. Он выступал не только в Мариуполе и селах Донбасса, но и в Харькове, Донецке, в Крыму. Газеты сообщали, что во время гастролей в Керчи его спектакли посетило 16 350 человек⁸⁴.

К концу 1930-х гг. положение многих народов, имевших государственное образование за пределами СССР, начало резко меняться.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Наркомнац. Ф. 1318. Оп. 1. Ед. хр. 919. Л. 5,5/об., 6. Стат. сводка о нац. составе губерний и областей РСФСР за 1922–1924 гг. Количество греков Ставропольской губернии приводится по ГАРФ. Ф. 1318. Ед. хр. 945. Л. 7. Стат. данные о нац. составе Ставропольской губернии. Ф. 1318. Ед. хр. 919. Л. 16/об.
- 2 *Gunaru Э.* Греки в России // Жизнь национальностей. 1921. № 16 (114). С. 2.
- 3 *Petsalis-Diomidis N.* Hellenism in Southern Russia and the Ukrainian campaign: their effect on the Pontas question (1919) // *Balkan Studies*. V. 13. N 2. 1972. P. 223.
- 4 Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 488. Национальная политика того периода, нацеленная на благоприятствование культурному развитию этнических групп, основывалась на Декларации прав народов России, признававшей за всеми этническими общностями права на самоопределение. См.: Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Пг., 1917 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1953. С. 345; Двенадцатый съезд РКП(б) // Там же. С. 116–118.
- 5 *Улунян Ар. Ак.* Греческая национальная периодическая печать в первой трети XX в. // *Etudes Balcaniques*. 1989. № 4. С. 52.
- 6 *Αλήθεια*. 1924. 3. IX.
- 7 *Αλήθεια*. 1925. 25. II.
- 8 *Κομμουνιστής*. 1929. 7. IX.
- 9 *Κομμουνιστής*. 1937. 7. IX. А. Р. Аклаев, ссылаясь на официальные материалы, опубликованные в Грузинской ССР в 1986 г., приводит другие цифры. В соответствии с ними в 1924–1925 гг. в республике было 33 греческих школы, в 1926–1927 гг. — 36 школ (*Аклаев А. Р.* К истории формирования современной этноязыковой ситуации у греков Грузии // *Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов*. М., 1989. С. 124). См. также: Отчет о деятельности по делам просвещения нацмен при Наркомпросе ГССР за 1921–26 гг. // *Культурное строительство в Грузинской ССР. Документы и материалы*. Тбилиси, 1986. Т. 1. С. 43, 192; Отчет о деятельности... за 1926–28 гг. С. 297.
- 10 *Κομμουνιστής*. 1929. 7. X.
- 11 *Подъячих П. Г.* Население СССР. М., 1961. С. 117.
- 12 *Κομμουνιστής*. 1928. 21. VI.
- 13 *Нурманов Н. Н.* Всеобуч в автономиях РСФСР // *Революция и национальности*. 1934. № 5. С. 69.
- 14 *Аклаев А. Р.* К истории формирования... С. 124.
- 15 Более подробно динамику развития языкового вопроса советских греков см.: *Улунян Ар. Ак.* Полемика по проблемам языка советских греков в межвоенный период в СССР // *Etudes Balcaniques*. 1991. N 2. А. Р. Аклаев оши-

- бочно утверждает, что это решение распространялось на всю территорию СССР. В действительности оно касалось только греков РСФСР.
- 16 *Κομμουνιστής*. 1928. 19. I.
 - 17 *Κομμουνιστής*. 1928. 7. VII.
 - 18 *Κομμουνιστής*. 1923. 4. VII.
 - 19 *Κομμουνιστής*. 1928. 17. VI.
 - 20 *Κομμουνιστής*. 1929. 7. III.
 - 21 *Κομμουνιστής*. 1928. 3. VI.
 - 22 *Ulunjan A. A.* On the economic, social and cultural life of the greeks in the USSR in the 20ies–30ies // *Etudes Balcaniques*. N 3. 1989. P. 19.
 - 23 *Κομμουνιστής*. 1929. 26. V.
 - 24 Национальные районы и сельсоветы РСФСР. М., 1935. С. 32, 33.
 - 25 Всего на Украине существовало в это время 22 национальных района. См.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 3/2. Л. 220. Стенограмма заседаний III Всероссийского совещания работников среди национальностей и в автономных республиках и областях. 26–27. XII. 1933 г.
 - 26 В РСФСР к 1 декабря 1933 г. было образовано 115 нацменрайонов, то есть районов с компактным проживанием национальных меньшинств (кроме районов народов Севера). В Крымской АССР из 114 нацменсельсоветов 4 были греческими. — ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 128. Ед. хр. 2 (Ч. 1). Л. 249.
 - 27 Подробная информация о греческом районе была предоставлена Г. Канондисом органу ЦК Компартии Греции газете *Ο Νέος Ριζοσπάστης* (10.1.1932).
 - 28 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 3/1. Л. 234.
 - 29 Там же. Л. 239.
 - 30 Там же. Л. 234.
 - 31 Там же.
 - 32 *Κομμουνιστής*. 1930. 9. I.
 - 33 *Κολεχτιβιστής*. 1931. 5. II.
 - 34 *Κομμουνιστής*. 1931. 5. X.
 - 35 *Κολεχτιβιστής*. 1933. 21. III.
 - 36 *Μπολσεβίκος*. 1936. 6. VII.
 - 37 *Κομμουνιστής*. 1931. 18. II.
 - 38 *Κομμουνιστής*. 1932. 8. II.
 - 39 Этот случай в пропагандистских целях был использован в органе ЦК КПГ *Ο Νέος Ριζοσπάστης*. 1932. 10. I.
 - 40 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 3/1. Л. 234.
 - 41 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 3/1. Л. 35. Стенограмма доклада заведующей Нацменотделом Азово-Черноморского крайсполкома тов. Александровой на заседании отдела ВЦИК 29. 05. 1935.
 - 42 Там же.
 - 43 Там же. Л. 84.
 - 44 *Κομμουνιστής*. 1929. 24. III.
 - 45 *Κομμουνιστής*. 1928. 4. X.

- 46 Κομμунιστις. 1929. 7. IV.
 47 Κομμунιστις. 1928. 12. VI.
 48 Κομμунιστις. 1934. 9. X.
 49 Κομμунιστις. 1929. 7. IX.
 50 Στο ίδιο. В Краснодаре в 1929 г. учились 110 человек.
 51 Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936. С. 200; *Аклаев А. Р.* Указ. соч. С. 125.
 52 *Аклаев А. Р.* Указ. соч. С. 124.
 53 Κομμунιστις. 1937. 7. IX.
 54 Итоги разрешения... С. 200.
 55 Κομμунιστις. 1933. 8. VII.
 56 Μπολσεβικος. 1935. 14. I.
 57 Κομμунιστις. 1929. 7. VI.
 58 *Фрейдлин С. И.* Поднять качество работы школы нацменьшинств // Бюллетень Азово-Черноморского краевого отдела народного образования. Ростов-на-Дону, 1936. № 3. С. 14.
 59 Κομμунιστις. 1930. 30. VI.
 60 *Скрипник М.* Перебудовними шляхами // Більшовик України, 1931. № 13/14. С. 37.
 61 Более подробно детали сложившейся ситуации, точки зрения отдельных идеологов того или иного направления см.: *Улунян Ар. Ак.* Полемика по проблемам языка советских греков в межвоенный период в СССР // Etudes Balcaniques. 1991. № 2.
 62 Κομμунιστις. 1928. 28. X.
 63 Κομμунιστις. 1929. 25. V.
 64 Κομμунιστις. 1934. 6. V.
 65 *Аклаев А. Р.* Указ. соч. С. 124, 125.
 66 Κολεχτιβιστις. 1931. 15. IX.
 67 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. 1974. Т. 4. С. 562.
 68 Μπολσεβικος. 1930. 19. VII.
 69 *Улунян Ар. Ак.* Греческая национальная периодическая печать. С. 54, 55.
 70 Κοκινος καπνας. 1935. 31. XII.
 71 Κομμунιστις. 1929. 7. IX, 1934. 6. V.; Κοκινος καπνας. 1936. 22, 29. VII.
 72 *Аклаев А. Р.* Указ. соч. С. 126; Печать СССР в 1934 г. М., 1935. Табл. 2, табл. 9; Печать СССР в 1935 г. М., 1936. Табл. 3, табл. 21; Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936. С. 213, 214.
 73 Ριζοσπάστης. 1936. 2. I.. См. также: Энциклопедия советских греков. Вып. 1. М., 1994. С. 84–85, 106–108.
 74 Κομμунιστις. 1932. 8. II., 1935. 22. I., 1935. 24. XI..
 75 Κομμунιστις. 1932. 6. III.
 76 Κομμунιστις. 1929. 3. I.
 77 Κομμунιστις. 1934. 15. VIII.

- 78 Νέοι Πρωτοπόροι. 1934. № 11.
 79 Κομμунιστις. 1928. 4. VIII..
 80 Κομμунιστις. 1929. 28. II.
 81 *Тифтикиди Н. Ф.* Понтийский клуб в Баку // Н. Ф. Тифтикиди. Музыкант. Педагог. Ученый. М., 1996. С. 83–87.
 82 Κομμунιστις. 1929. 28. II.
 83 Κοκινος καπνας. 1933. 1.
 84 Κοκινος καπνας. 1936. 3. VIII.; *Буров С. Д., Налчаджи И. А.* Из опыта работы культурно-просветительного объединения имени Феоктиста Хартахая по возрождению национального самосознания греков Приазовья // Донбасс и Приазовье: проблемы социального, национального и духовного развития. Тезисы докладов. Мариуполь, 1993. С. 146–147.

3 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Культурное развитие греков Советского Союза, как и многих других народов этой страны, было прервано в конце 1930-х гг. От поощрения этнической культуры перешли к ее запрещению. Это касалось тех советских людей, соплеменники которых имели свои государственные образования за пределами СССР. Хотя значительная часть советских греков были потомками выходцев не из Греции, а из османской Турции, они оказались «виноватыми» в существовании греческого государства. Такая же судьба постигла болгар, корейцев и др.

Но вначале кампания преследования облекалась в формы якобы «заботы» о культурном уровне людей. В 1938 г. на августовском совещании директоров школ Грузинской ССР первый секретарь республиканской компартии Л. П. Берия заявил о «неперспективности» ряда языков ввиду их бедности и невозможности передать на них всей грандиозности возглавляемого ВКП(б) социалистического строительства, во-первых, и, во-вторых, о неоправданных трудностях на пути получения образования детьми соответствующих национальных групп, которых заставляют учить якобы мертвые языки.

В 1939 г. были закрыты все секции издательств на греческом языке даже в том его ущербном варианте, в котором он тогда пропагандировался. Прекратили существование газеты, журналы, театры и т. п. Следующим шагом, предпринятым сразу несколькими организациями, стоявшими на страже «социалистического отечества всех угнетенных пролетариев», были конфискации греческой литературы, изданной в СССР на греческом языке, из библиотек и иных хранилищ. На Мариупольщине на глазах у жителей одного из греческих сел была сожжена церковь, в которой были сложены свыше 500 восковых пластинок с записями народных песен греков Приазовья — труд нескольких лет местных краеведов. Были ликвидированы национальные районы, закрыты все культурные учреждения, во всех школах Украины обучение стали вести на русском языке. В Грузинской ССР школы были переведены на грузинский язык (с 1950 г. школы в греческих селах Грузии стали работать на русском языке).

Началась физическая расправа над интеллигенцией: любая деятельность в области национальной культуры преследовалась как проявление

«национализма». Этнические традиции объявлялись враждебными идеям социализма пережитками буржуазной идеологии либо религиозными предрассудками. Все деятели греческой культуры на Мариупольщине во главе с Г. Костаправом были репрессированы. Никто из них не остался в живых¹.

Репрессии захватили и кавказских греков, например в Красной Поляне (Краснодарский край) они начались в 1928 г., повторились в 1931 г. и в 1940-х гг., в период массового этноцида. Село, где жили около полутора тысяч греков и 400 эстонцев, было разорено².

Последствия для этнической культуры были трагическими: люди боялись признаваться в знании родных языков, учителя уничтожали книги и учебники. Те, кто мог, особенно потомки от смешанных браков, старались переменить в документах отметку о национальной принадлежности. Два поколения греков СССР выросли вне нормальной языковой среды.

Началась Великая Отечественная война. Ее трагические события с беспощадной ясностью высветили суть национальной политики советского правительства. Перед войной призыв в Красную Армию производился выборочно: призывники многих национальностей, соплеменники которых имели свои государственные образования за пределами СССР (в их числе — греки), из некоторых областей не подлежали призыву, из других направлялись только в пехотные части внутренних округов. Однако и в эти годы многие греки учились в военных учебных заведениях, становились профессиональными военными. Вся страна знала имя прославленного летчика-испытателя Владимира Константиновича Коккинаки, удостоенного звания Героя Советского Союза в 1938 г. за беспосадочный перелет по маршруту Москва — Владивосток. Второе звание Героя генерал-майор авиации В. К. Коккинаки получил в 1957 г. за подвиги, совершенные в процессе испытаний новых конструкций самолетов. Его брат полковник Константин Константинович Коккинаки стал Героем Советского Союза в 1964 г. за заслуги в деле исследования и испытания авиационной техники.

В год начала Второй мировой войны (1939 г.) в рядах советской армии и флота состояли 1258 чел. греков. Однако с началом Отечественной войны снова дало о себе знать предвзятое отношение к людям разных национальностей. Греков Приазовья не отправляли на фронт, посылали на подсобные работы — рыть окопы и т. п. (как и других, болгар, например). Только в 1942 г. поступило разрешение призывать греков в действующую армию. И тотчас же сотни греков встали на защиту Страны Советов, которую они считали своей истинной Родиной, присоединившись к тем, кто сумел попасть на фронт в числе добровольцев. Многие заключенные в этому времени в лагерях тоже просили направить их на фронт³.

На временно оккупированных территориях греки находились в рядах партизанских отрядов, участвовали в работе подпольных антифашистских

организаций (особенно известны своими действиями жители Крыма). Те, кто не воевал, старались помочь фронту своими силами, перечисляли личные средства в фонд обороны. Вот всего один пример: семья Георгия Федоровича Хаджинова из села Гранитное (Карань) отдала все свои сбережения на постройку танка в память о семи своих братьях, погибших в боях. Позже в боях на подступах к Берлину погиб и командир этого танка, поклявшийся мстить за убитых бойцов. Много лет подряд в селе Гранитное проводили конкурс молодых трактористов на приз имени братьев Хаджиновых⁴. Таких примеров можно привести немало.

Греки Мариупольщины, пережив немецкую оккупацию и все военное лихолетье, остались в своих родных местах. Их соплеменники, проживавшие в других местах своей Родины, подверглись массовой высылке. Разделение людей по национальному признаку было заложено в самой концепции построения Союза Советских Социалистических Республик, каждая из которых была национально-государственным образованием. Их сосуществование было вполне мирным и прочным, пока внутренняя политика правящей верхушки не приняла форму противопоставления национальностей друг другу⁵.

Во время и после Великой Отечественной войны совершались акты насильственного перемещения больших людских масс, целых народов. В начале войны из Прутско-Днестровского междуречья, из южных пределов Украины, с Крымского полуострова (так же как из Поволжья и других мест) были выселены немцы. В Крыму они составляли 4,6% населения. Это были потомки колонистов XIX в. из разных мест Центральной Европы, не имевшие никакого отношения к Германии середины XX в. После освобождения Крыма (1944 г.) в ссылку были отправлены татары (они составляли 19,4% населения), греки (1,8%), болгары (1,4%), армяне (1,1%)⁶.

Греки в числе 14 368 чел.⁷ были расселены в Гурьевской области Казахстана, в Таджикской и Узбекской ССР, в автономных республиках России: Коми, Башкирской, Татарской, Якутской, в областях РСФСР: Свердловской, Молотовской, Кировской, Кемеровской. Вместе с ними на огромных просторах страны небольшими группами были поселены болгары, армяне⁸.

Надо иметь в виду, что цифры, указанные здесь и ниже, не обладают абсолютной достоверностью: в разных источниках они указаны по-разному, кроме того, подсчеты производились по различным категориям: все жители Крыма, греки вкуче с болгарами, греки, выселенные из конкретных областей, расселенные в таком-то месте, иногда вкуче со ссыльнопоселенцами подсчитывали членов их семей, и т. д. Многие не добивались до назначенных пунктов, умирали в переполненных эшелонах, на пересыльных станциях, в местах, назначенных для спецпоселений, непригодных для человеческого существования. Эти потери также отражались на данных

статистики. Но суть заключается не в точном подсчете пострадавших, а в самой массовости репрессий.

После того как документы тех лет оказались открытыми для ознакомления, выяснилось, что высылке подлежали иностранные подданные, но в действительности отправляли и обладателей советских паспортов. В тот момент, когда людей выгоняли из домов, угрожая оружием, им не предъявляли никаких обвинений, не объясняли причин случившегося бедствия. Выселение совершалось жесткими, даже жестокими методами⁹.

С территории северо-запада Черноморского побережья, где располагалась цепь греческих сел, из городов Анапы и Сочи греков выселяли начиная с 1942 г. — тех, кто числился иностранными подданными, т. е. имели паспорта греческого государства. В мае того же года были выселены обладатели этих паспортов из Краснодарского края, Ростовской области, всего 8300 чел. За ними последовали жители Закавказья — Армении, Азербайджана и Черноморского побережья Грузии. Всего их насчитывалось 16 376 чел.¹⁰

По некоторым сведениям, выселяемым грекам частично предоставлялось право выбора новых мест поселения: многие выходцы с Кубани оказались в Сталинградской области, в районах Северного и Западного Казахстана¹¹. На начало октября 1945 г. число спецпереселенцев составляло 2 230 500 чел. И по окончании войны продолжалось переселение: греков из Краснодарского края и других районов Черноморского побережья РСФСР и Грузии (всего 57 680 чел.) переместили в Георгиевск, Орджоникидзе, Прохладную, кое-кто жил в это время в Дагестане¹². Абхазские греки оказались в пустынных местах Средней Азии. Греки Кубани выселялись четыре раза — в 1938 г. во время этнических репрессий, в военные годы в 1942 г. и 1944 г. и после войны в 1949 г., когда, казалось бы, даже возникшие в военное лихолетье политические поводы были исчерпаны¹³.

Случалось, что, вернувшись из ссылки, люди, принявшие к тому времени советское подданство, снова отправлялись эшелонами на восток.

В официальных документах, ставших ныне доступными исследователям, нет сведений о какой бы то ни было контрреволюционной или антисоветской деятельности греков, равным образом нет сведений об их связях с зарубежными центрами, работавшими на фашистскую Германию, и т. п.¹⁴ В соответствующей литературе ставится вопрос о причинах их высылки, но исчерпывающего ответа не найдено¹⁵.

Немногие из числа депортированных по национальному признаку решались на побег. Беглецы карались сурово и приравнивались к уголовным элементам. По истечении срока наказания эти «уголовники» лишались возможности выбора места жительства и отсылались к местам, где были поселены их семьи. Представляется уместной полная публикация здесь одного из документов, характеризующего положение «спецпереселенцев» в те времена.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отбывших наказание за разные преступления в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР карачаевцев, ингушей, чеченцев, калмыков, балкарцев, немцев, крымских татар, греков, иранцев, турок, кулаков — жителей западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской ССР и Прибалтики, участников и пособников националистическо-бандитского подполья, иеговистов и других лиц, члены семей которых выселены специальным постановлением Правительства СССР на вечное поселение, — по истечении срока наказания направлять этапом на спецпоселение, под надзор органов Министерства государственной безопасности СССР, по месту жительства их семей.
2. Распространить на лиц, перечисленных в ст. 1, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва. Кремль. 11 марта 1952 г. № 68/10.

Помета: «без публикации»¹⁶.

После XX съезда КПСС (1956 г.) и разоблачения культа Сталина последовал ряд указов Верховного Совета СССР, постановлений Совета Министров СССР и ЦК КПСС о «снятии ограничений в правовом положении» спецпереселенцев и членов их семей. Относительно немцев соответствующий Указ Президиума Верховного Совета был подписан 13 декабря 1955 г.¹⁷, относительно греков, болгар, армян — 27 марта 1956 г.¹⁸, 22 сентября 1956 г. последовал Указ «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство»¹⁹.

Эти постановления не возвращали людям одно из самых главных прав — возможность жить в родных местах на дедовском пепелище. Вот характернейший пример.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении.

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпереселенцев — греков, болгар, армян и членов их семей, выселенных из Крыма в 1944 г., в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД греков, болгар, армян и членов их семей, выселенных из Крыма в 1944 г.
2. Установить, что снятие с греков, болгар, армян и членов их семей ограничений по спецпереселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не могут возвращаться на местожительство в Крымскую область.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н. Пегов

Москва. Кремль. 27 марта 1956 г.

Помета: «без публикации»²⁰.

Постановление Верховного Совета СССР было реализовано в приказе Министерства внутренних дел от 29 апреля 1956 г., в котором министрам внутренних дел республик, начальникам МВД краев и областей предписывалось «снять с учета спецпереселенцев и освободить из-под административного надзора органов МВД (далее шел перечень народов — Ю. И.), высланных в 1943–1944 г. с Северного Кавказа, из Грузии и из Крыма». При этом предполагалось объявить под расписку всем освобождаемым лицам, что снятие ограничений не влечет возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и они не получают права вернуться на прежние места²¹.

Такое половинчатое толкование гражданских прав вызвало к жизни различные варианты, при помощи которых бывшие «спецпереселенцы» пытались решить свои семейные проблемы, что в свою очередь порождало сложные миграционные потоки. Некоторые самовольно возвращались на прежние места, подвергая себя большому риску (особенно эти действия присущи крымским татарам), другие перемещались в новые места, которые казались им более подходящими (в г. Крымске Краснодарского края и его окрестностях осели некоторые семьи крымских греков), разъезжались по городам России, значительная часть осталась на местах принудительного поселения, в том числе и в нынешних государствах Средней Азии.

Только 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР провозгласил декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». 7 марта 1991 г. Верховный Совет СССР оформил надлежащим постановлением содержание этой декларации, а Кабинет Совета Министров постановлением от 6 июня 1991 г. (№ 336 за подписью В. Павлова) отменил, наконец, постановление бывшего Государственного комитета обороны СССР и правительства СССР «... относительно советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению...»²².

Насилия, совершавшиеся над большими массами людей на основании их этнической принадлежности, имели для всей страны тяжелые последствия — экономические, политические, культурные, нравственные. Пришло в упадок хозяйство аграрных районов, так как был утрачен опыт ведения хозяйства в местных условиях. Пострадала и промышленность, лишённая многих рабочих рук. Из областей с широким развитием животноводства, население которых было депортировано, тысячами гуртами угоняли скот (крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец) в иные места к новым хозяевам, которые подчас не имели соответствующих навыков хозяйства²³.

Самый большой урон, который понесло все общество, все население страны, — возрастающая взаимная национальная нетерпимость. В республиках СССР и особенно в странах, возникших после распада страны, сложилось непререкаемое мнение, что руководить всей жизнью могут только представители «основной», «титულიной» национальности, и эта установка с верхних ступеней власти спустилась до самой низшей трудовой деятельности — вплоть до директора школы и заведующего колхозной кузницей. Людям «нетитულიной» национальности стало трудно выживать в таких условиях. Поднялись волны эмиграции, от которой страдают и вынужденные переселенцы, и коренные народы, так как перервался нормальный экономический поступательный процесс в этих странах и их культурное развитие, имевшее до этого вектор в сторону широкого мирового культурного поля.

Для греков СССР такое положение обернулось установкой на эмиграцию в Грецию, а эмиграция — это явление, несущее и положительные, и отрицательные заряды, таящее в себе многие экономические и моральные издержки²⁴.

Из всех групп греческого населения СССР, подвергшихся депортации, в особенно тяжелом положении оказались греки Крыма. До войны все крымчане (так называло себя в довоенные годы и называет сейчас старожильческое население, независимо от этнической принадлежности) отличались высокой степенью взаимной толерантности. Каждая группа занимала свою хозяйственную нишу, отвечавшую ее исторически сложившимся навыкам и позволявшую вести привычный в рамках этнической культуры образ жиз-

ни. Ни одна этническая общность не считалась «коренной», «титულიной»: все были потомками мигрантов²⁵.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область. Указом того же Президиума от 19 февраля 1954 г. область была переведена в состав Украины. На опустевшие земли были перевезены сельские жители из Курской, Пензенской, Ростовской и других областей РСФСР, а также из Житомирской и других областей Украины. В результате таких перемещений русские составили свыше 60% населения полуострова Крым (до войны они составляли 46,6%, украинцы — 13,7%²⁶). Переселение было массовым — целыми колхозами; новоселам предлагали занимать опустевшие дома и усадьбы высланных. Эти люди тоже испытали немало трудностей: оторванные от привычного образа жизни, оказавшиеся в незнакомых условиях, они не смогли освоить культуру садоводства и виноградарства — основных отраслей хозяйства на Южном берегу. Не зная секретов горной ирригации, они запустили обустроенные татарами источники.

В 1945–1947 гг. прорабатывался вопрос об освобождении спецпереселенцев — греков, болгар, армян, высланных из Крыма. В документах Министерства внутренних дел СССР указывалось, что из числа этих жителей Крыма многие служили в Красной Армии, сражались в партизанских отрядах, состояли в подпольных патриотических группах. Обвинение их в пособничестве немцам признавалось огульным. Предлагалось освободить тех, на кого не было компрометирующих материалов²⁷. Однако право на возвращение в Крым эти люди получили много времени спустя.

Возвращение депортированных старожиллов Крыма вызывало большие осложнения в жизни его нового населения.

Русско-украинские переселенцы лично не были виноваты в том, что заняли земли и жилища высланных — это было организованное государством массовое перемещение подданных (по примеру восточных деспотий). Однако именно эти люди и их потомки настороженно, если не враждебно встречают возвращающихся «спецпереселенцев», особенно татар, к пониманию образа жизни и культуры которых они не готовы. Татары со своей стороны действуют жестко, добиваясь признания своей этнической общности (хотя до войны они составляли менее 20% населения полуострова).

Создан орган татарского самоуправления Меджлис, который решает сложные проблемы обустройства эмигрантов, организации обучения на крымскотатарском языке и другие проблемы экономики, быта и культуры²⁸.

Предпринимаются усилия для восстановления нормальной жизни греков, армян, болгар, немцев, хотя общины этих этнических групп располагают меньшими возможностями по сравнению с татарами. Достаточно остро стоит и так называемые «русский вопрос». Общественные деятели всех этнических групп предают гласности документы эпохи депортации и первого,

самого трудного периода после реабилитации. В частности стало известно отрицательное отношение ЦК КПСС к воссозданию Крымской АССР и предписание (негласное) местным учреждениям препятствовать возвращению представителей выселенных народов — в отношении прописки, трудоустройств и т. п.²⁹

В сложившейся в Крыму межэтнической ситуации греки испытывают большие трудности при получении государственного жилья или участка земли для застройки, в отношении прописки, трудоустройства и т. п. В Крым едут не только потомки давних греческих поселенцев, но и выселенные в Среднюю Азию из других мест. Бытовые и формальные, бюрократические затруднения заставляют многих делать ставку на эмиграцию в Грецию, что, конечно, отнюдь не укрепляет местную греческую общину. Однако она сумела развернуть определенную деятельность — пробуждать интерес к греческой культуре, к изучению языка, к объединению на основе общих интересов.

В отличие от Крыма в Северном Приазовье, в местах компактного расселения греческого этноса, ныне сосуществование нескольких этнических групп довольно спокойное. Каждая из этих групп — потомки колонистов конца XVIII—XIX вв. (не исключая русских и украинцев) или переселенцы середины XX в. У греков Мариупольщины, так же как у болгар Приазовья установка на эмиграцию из страны сравнительно невелика. В отличие от греков Кавказа и потомков депортированных с Кавказа и из Крыма в страны Средней Азии и в северные области России у мариупольских греков слабые личные родственные связи с гражданами государства Греции, политические и экономические обстоятельства не столь жестоко выталкивают их из родных мест, как это происходит в других стран СНГ. На эмиграцию откликаются немногие.

Следовательно, когда людей не срывают с насиженных мест, не перегоняют массы людей по воле правителей, не наделяют один из нескольких живущих чересполосно этносов статусом «коренного», «титulyного» и т. п. (что немедленно вызывает этноцентризм и взаимную недоброжелательность) — мирное сосуществование этнических групп, полезный обмен культурными навыками, бытовое многоязычие — вполне достижимы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По некоторым подсчетам, с декабря 1937 г. по ноябрь 1938 г. в Донецкой (с 1938 г. — Сталинской) области были репрессированы 3628 греков, из которых 3470 чел. были расстреляны, 158 чел. приговорены к заключению в исправительно-трудовые лагеря на срок от 5 до 10 лет. Среди репрессирован-

ных было 83 гражданина Греческого королевства (*Никольский В. Н.* Граждане Греции, репрессированные в Донбассе в 1937–1937 г. // *Україна — Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва.* Мариуполь, 1999. С. 71).

² *Антонов-Овсеенко А. А.* «Греческий вопрос» // *Повто́с.* 1993. № 10. С. 6. Сведения об участии греков в Великой Отечественной войне почерпнуты из кн.: *Кационис А. Н.* Лабиринт. М., 2000; см.: *Он же.* Советские греки в Великой Отечественной войне // 50-летие Великой победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995; *Гречковская В.* Калафаты из Красной Поляны // *Эллины Украины.* 1997. № 4 (9); *Франке Б. П.* В боях за Мелитополь // Там же. 1996. № 5; *Паτριба.* Вильнюс, 1996. № 1 (о судьбе полковника Л. П. Феофанова); *Котанов Ф. Е.* Матросский батальон. Мариуполь, 1996. ³ *Тагунов О.* Машина восьми братьев // *Известия.* 1981. 1.08. № 180 (19856). «Политика этноцида периода сталинизма в действительности представляла собой перенос в этническую сферу общих целей внутренней политики этого режима» (*Чешко С. В.* Идеология распада. М., 1993. С. 128; см. также: С. 124–132).

⁴ Население Крымской области по данным переписи населения. Симферополь, 1989. С. 8–10.

⁵ По другим данным 14 760 чел. См.: *Бугай Н. Ф. Л.* Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 199–201. Цитируемая работа снабжена ссылками на архивные документы. Более ранняя публикация того же автора («К вопросу о депортации народов СССР в 30–40 годах» // *Вопросы истории.* 1989. № 6) ссылками на документы не сопровождается.

⁶ Постановление ГКО № 5859-СС от 11 мая 1944 г.; Постановление ГКО № 5937-СС от 21 мая 1944 г.; Постановление ГКО № 5984-СС от 21 июня 1944 г. Цит. по: *Материалы к серии «Народы и культуры».* Вып. XII — Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1992. С. 148–159. См. также: С. 181, 209, 215, 218, 222, 256, 231, 236, 237, 240, 242, 245–247, 250, 252, 257, 261, 267, 269, 273, 275, 278, 280, 288, 293, 314.

⁷ *Папаниколаки К.* Забыть эту трагедию невозможно // *Повто́с.* 1995. № 5, 6 (47, 48).

⁸ *Бугай Н. Ф.* Указ. соч. С. 198–201, 203–240. См. также: *Лежава Г. П.* Изменения классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX — 70-е годы XX в.). Сухуми, 1989. С. 24 и др.

⁹ *Бугай Н. Ф.* Указ. соч. С. 240, 241.

¹⁰ Там же. С. 141–142. По другим сведениям, с Черноморского побережья было выселено 37 188 чел., из которых в Казахскую ССР направлены 36 952 чел. (среди них более 12 тыс. детей), в Томскую область — 215 чел. («Справка о количестве среди спецпереселенцев иноподданных и лиц без гражданства». *Материалы к серии «Народы и культуры».* Вып. XII. С. 330–334, 340).

¹¹ *Дмитриев К. Г.* Греки на Кубани // *Греки на Северном Кавказе. Тезисы докладов научно-практической конференции 28–29 мая 1993 г.* Пятигорск, 1993. С. 22.

- ¹⁴ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 239.
- ¹⁵ Гордон А. А., Клопов Э. Р. Что это было. Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 48. Л. 588. Л. 1. Цит. по: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. С. 74–75.
- ¹⁷ Приказ МВД СССР № 0601 — 1955. Цит. по: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. С. 81.
- ¹⁸ Приказ МВД СССР № 0101 — 1956 (Там же. С. 81).
- ¹⁹ Приказ МВД СССР № 0402 — 1956 (Там же. С. 82).
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72, Л. 606, Л. 167. Цит. по: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII — Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1992. С. 87. См. также: С. 80–83, 85, 89, 90.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1-а. Д. 568. Л. 6, 7. Цит. по: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. С. 89–91.
- ²² Там же. С. 31. Несколько раньше, 26 марта 1991 г., Совет Министров издал распоряжение № 224(Р) о рассекречивании нормативных актов, связанных с противоправным насильственным переселением народов (Там же. С. 9).
- ²³ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации... С. 142.
- ²⁴ Иванова Ю. В. Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия А — межнациональные отношения в СССР. Документ № 8. М., 1990; *Она же*. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии // Там же. Документ № 13. М., 1991.
- ²⁵ Иванова Ю. В. Проблемы этнических взаимоотношений в Северном Приазовье и в Крыму: история и современное состояние // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 82. М., 1995.
- ²⁶ Население Крымской области. С. 8–10; Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину. С. 287.
- ²⁷ Там же. С. 294–295.
- ²⁸ Сведения об этом можно почерпнуть из периодической печати 1990-х гг. Особенно много внимания татарскому вопросу уделяет газета «Голос Крыма». См. также газеты «Крымские ведомости», «Голос Украины», «Крымские известия» и др. Сведения о содержании периодических изданий см.: «Этнофор» — информационный бюллетень. № 1 — Крым. Январь — октябрь 1996. М., 1997; См. также: Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1. М., 1992; Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 3. М., 1996; *Она же*. Крымско-татарское национальное движение (1994–1996) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 101. М., 1997.
- ²⁹ Голос Крыма. 02.02.1996. № 00342; Энциклопедия советских греков. М., 1994. С. 57.

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ГРЕКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

1 БУДНИ И ПРАЗДНИКИ В ПРИАЗОВСКИХ СЕЛАХ

СЕЛЬСКИЙ БЫТ

При первоначальном расселении в Приазовской степи четкой планировки сел не было. И сейчас она зависит в известной степени от рельефа местности. В селе Старая Ласпа, например, пересеченный оврагами рельеф не позволяет провести полную уличную планировку: многие усадьбы располагаются вдоль балок. Но там, где местность позволяет, в конце концов — может быть, не сразу — сложилась улично-квартальная планировка: улицы очень широкие, усадьбы огороженные, жилые дома повернуты к улице торцом, во двор — стеной со входом. Такая планировка была предусмотрена российской администрацией, считавшей ее наилучшей в противопожарном отношении (большое расстояние между домами и между двумя сторонами улицы). Постепенно от такого строгого порядка стали отходить: ныне дома и усадьбы планируются более вольно, это вызвано относительной теснотой застройки. Зачастую дома стоят в глубине усадьбы на небольшом расстоянии от улицы.

Подворье современного греческого крестьянина значительно отличается от хозяйственной усадьбы его дедов и прадедов. В период коллективного хозяйства утратилась необходимость во многих надворных постройках — сараях для инвентаря, конюшнях, клунях, не говоря уже о токах и скирдах соломы. Подсобные помещения обычно не связываются с домом, следовательно, нарушилась традиционная однорядная (иногда двухрядная) застройка.

В 1960–1970-х гг. повсеместно утвердился двухпостроечный комплекс жилой усадьбы: жилой дом, так сказать «парадный», и более интимное помещение семьи, называемое повсеместно «летней кухней». Когда-то это было действительно подсобное помещение, где готовили пищу, особенно в теплое время года. Со временем «кухня» превратилась в фундаментальную постройку, иногда многокомнатную. В этих комнатах зачастую живут старшие хозяева. Сюда же перемещается вышедшая из моды мебель, традиционные настенные украшения.

«Летняя кухня» обычно строится из того же материала и снабжена теми же декоративными деталями, что и «большой дом». Дверь ее по-прежнему располагается прямо напротив входной двери в дом (хотя бывают и другие варианты планировки), являясь, так сказать, его уменьшенной копией. Такая застройка усадьбы — отнюдь не особенность именно Мариупольщины: она преобладает практически во всех селах Новороссии, имеет место в Крыму и восточнее — на Северном Кавказе и далее, включая Калмыкию. Очевидно, рациональность такой застройки общепризнана.

На подворье обязательно располагается погреб, с 1980-х гг. прибавился гараж для личной автомашины. Так что современный усадебный комплекс греческого крестьянина можно назвать четырехпостроечным.

Новое на усадьбе — озеленение. От тех пыльных сел, которые описывали путешественники прошлого, современные населенные пункты отличаются зеленью фруктовых деревьев на усадьбах, цветниками в палисадниках, навесами из ползучих виноградных лоз перед входом в дом.

Греческие села и в отношении планировки улиц, застройки усадьбы, внешнего вида и декора жилища не отличаются от населенных пунктов южной полосы Украины, жизнь в них протекает так же, как у других народов, населяющих Новороссию. Здесь сказался и общий тип хозяйства, общие понятия о качестве жизни и оживленные информационные связи самого широкого круга населения города и деревни.

Утратило этническую метку и жилищное строительство. По существу по всей южной полосе Украины и России возводятся одинаковые в принципе сельские дома: одноэтажные, многокомнатные, преимущественно под четырехскатной или полувальмовой крышей, крытые оцинкованной железью, а чаще всего шифером.

Современные строительные материалы применяются в равной мере по всей степной зоне Украины, в равнинной части Северного Кавказа, в Крыму и Прикаспии. Их выбор зависит не от этнических традиций, а от местных производственных мощностей и от личных материальных возможностей застройщика. Основным материалом для стен зачастую служит саманный кирпич (сырцовый); его по-прежнему изготавливают самостоятельно ручным способом.

Стены из привычного сырцового кирпича с внешней стороны облицовывают жженым кирпичом, покрывают цементной обмазкой, керамическими плитками и другими новейшими материалами. Нередко дома целиком возводят из обожженного или силикатного кирпича. Они, как правило, стоят на ленточном фундаменте или на каменном либо кирпичном цоколе. Новое в строительстве — шлакобетон: шлак засыпают в деревянную опалубку и заливают цементом. Снаружи по мокрой цементной обмазке некоторые умельцы высекают различные узоры.

Все строительные материалы покупаются (за исключением сырцового кирпича, навыки изготовления которого не утрачены). Строительное мастерство ныне знакомо всем грекам. Шлакоблочная техника требует специальных навыков, так же как и возведение стропильной крыши. Все это выполняют наемные специалисты, однако мужчины-застройщики, как правило, принимают участие в строительных работах и — даже если нанимают мастеров из Мариуполя, Донецка, других мест — помогают им, выполняют плотницкие работы, случается, что и весь дом ставят собственными силами, прибегая к обычаю взаимопомощи.

Внешний декор дома утратил значение этнической марки: он зависит от предложения мастера или собственного вкуса хозяина. Поэтому можно встретить дома, украшенные самым неожиданным способом: орнаментом, вырезанным на цементной обложке, узором, выложенным керамическими плитками, разнообразной раскраской и т. п. Оригинальный внешний декор появился в 1980-х гг. в селе Староласпа: наличники окон, углы домов окрашены преимущественно голубой или синей краской. Иногда эта раскраска сочетается с украшением тесаным кирпичом — получается смешение разных стилей.

Полы в современных домах всегда дощатые. Они получили некоторое распространение еще на рубеже веков, но окончательно вытеснили земляное покрытие только к середине XX в. Потолки тоже дощатые, подшитые к потолочным балкам снизу. Окна большие, зачастую лишены ставен. Чем «моложе» дом, тем окна делаются большими, а переплеты редкими.

Итак, модель жилого дома самым явным образом повторяет городскую. Житель города зачастую живет в том доме, где в силу тех или иных обстоятельств имеет квартиру, далеко не всегда обладает возможностью выбора средств для благоустройства жилья. Для сельского жителя его собственный дом — «визитная карточка» его материальных возможностей, личной инициативы, художественного вкуса, его домовитости и приверженности семье. Поэтому во многих случаях строительство и благоустройство дома из повседневной необходимости превращаются в деятельность, подстегиваемую духом соревнования с соседями.

Благоустройство жилого дома тоже в значительной степени зависит от инициативы хозяина: некоторые сельчане проводят водопровод, устанавливают котлы для парового отопления, оборудуют ваннные комнаты и т. д.

Планировка жилого дома зависит от архитектурного проекта, предложенного соответствующим государственным учреждением и избранного застройщиком, или от его собственной фантазии. Общее правило — дом многокамерный. Привычку жить в семье сплоченно можно усмотреть в системе проходных комнат.

Наиболее существенно изменение в кухонно-обогревательном комплексе, который, очевидно, надо признать едва ли не основным элементом, выявляющим региональные особенности бытовой сферы культуры. Расположение его в середине дома характерно для южной полосы европейского континента и переднеазиатского региона (о чем было уже упомянуто выше в связи с генезисом так называемых «теплых сеней» в отличие от «холодных сеней» центральной и северной зон Европы). Кроме греков — переленцев с Крымского полуострова комплексом очаг плюс печь, устье которой выходило в очаг, а дым поднимался по прямой трубе, пользовались потомки мигрантов с Балканского полуострова — албанцы, болгары, гагаузы и др. Такое расположение системы, наличие открытого очага отличает культуру выходцев с Балкан от окружающего восточнославянского населения.

В первой половине XX в. встречались достаточно сложные комбинации отопительных систем под одним открытым дымоходом, например: духовая печь, под ее топочным отверстием находилась площадка с отверстиями для плиты, на площадке размещался открытый очаг и с одной из сторон к площадке примыкала двухконфорочная плита. В ходе эволюции отопительных систем дымоход в печах устраивали закрытый, надобность в большом дымоходе отпала. Отопительный комплекс значительно упростился. В кухне и в коридоре осталась топка духовой печи и к ней примыкает плита. В настоящее время даже такая конструкция встречается только в старых домах.

Постепенно и далеко не равномерно традиционный отопительно-кухонный комплекс заместился печью типа «голландки», плитой, во многих вариантах соединенных между собой. Таков путь усовершенствования отопительной системы и у других народов¹.

Значительная часть сельского жилого фонда — не новой постройки, а реконструированные дома давнишнего времени. Трехраздельные традиционные дома подвергаются всевозможным переделкам, главным образом в целях выделения отдельных комнат для членов семьи. Газовые плиты устанавливаются не всегда на кухне, а в том месте, где оказывается удобнее разместить газовый баллон. Кухни превращаются в комнаты, в некоторых домах «залы» теряют свое представительное предназначение и используются как обычные жилые комнаты, в бывших хлевах, конюшнях, соединенных с жильем, устраивают жилое, а чаще — подсобное помещение. Так как многие сельчане имеют огороды, сады, заготавливают на зиму консервированные овощи и фрукты, в жилых домах выделяется специальное прохладное помещение для их хранения.

В последние десятилетия XX в. дома возводятся, как уже отмечено, в соответствии со вкусами и суждениями хозяев, но вместе с тем печать традиционности, может быть и не осознанная хозяевами, присутствует. Во мно-

гих домах остается привычный «зал», комнаты по большей части (хотя и не всегда) проходные, посередине дома — вытянутого или квадратного плана — входное помещение: или обычные сени, или же обставленная мебелью комната. Иногда перед входом воздвигнута терраса, высокое крыльцо и т. п.

Следовательно, этнические традиции ни при каких условиях не могут выйти из повседневной жизни целиком, в полном составе, какие-то из них сопутствуют сегодняшнему быту людей данного этноса.

Это обстоятельство особенно заметно во внутреннем убранстве жилого дома — наиболее интимной среды человеческого бытия. Привычно и удобно для греческой семьи отдыхать на глинобитном или дощатом возвышении (*софа, курвйт*). Раньше софа занимала значительную часть жилой комнаты, на ней спали, складывали на день постельные принадлежности, располагались днем с домашним рукоделием. Когда стали приобретать кровати, их нередко ставили на софу. Ныне для сна пользуются исключительно кроватями, но софу не только не уничтожают при перестройке старых домов, но устраивают порою при возведении новых. Дощатую софу легко сдвинуть в сторону, если надо освободить место в комнате (например, для установки ткацкого стана в зимнее время). Раньше символом достатка семьи был комод, его размещали слева от входа, сундук — в зале у стены. Ныне одежду и другие предметы хранят преимущественно в шкафах. Иконы висели в правом углу в обрамлении вышитых полотенец или вязаных полотнищ. На угольнике под иконами расставляли реликвии, вывезенные из святых мест во время паломничества, культовые предметы — свечи, просфоры, ладан, книги и т. п.

Жилые комнаты по-прежнему обильно украшают коврами, вышивками, дорожками, всевозможными предметами домашнего ремесла и фабричного ширпотреба. К сожалению, у современной молодежи утрачивается вкус к художественным изделиям домашней выработки национального характера. Купленные в магазине ковры фабричного производства кажутся им более престижными, хотя в действительности по своей художественной ценности они зачастую уступают домотканым, в орнаментике которых многими поколениями вырабатывалось тонкое чувство стиля.

Знакомство с городским образом жизни внесло свои коррективы в убранство жилых комнат, особенно парадной: примерно в 1920-х гг. пришла мода ставить в этой комнате высокий стол — обычно в простенке между окон у стены, выходящей на улицу. За ним никогда не ели, не работали, а расставляли фотографии домочадцев, родных и друзей, перемежая их вазочками, различными безделушками. Над столом обычно вешали зеркало, обрамленное декоративным полотенцем, или же большой портрет. Излюбленное и почти обязательное украшение парадной комнаты — фотографический портрет хозяев дома в свадебных нарядах.

Обобщенное и несколько схематичное изображение современного жилого дома в сельской местности стоит проиллюстрировать описанием конкретного жилища. Примером выберем два дома одной семьи в селе Красная Поляна (Новая Каракуба), зафиксированные в 1988 г. История их постройки и реконструкции весьма типична.

Старый дом возведен в конце XIX в. — кирпичный с традиционной трехраздельной планировкой. В 1915 г. он был перестроен: среднее помещение поделено пополам, передняя часть образует небольшое проходное помещение — *наяд* (пол его вымощен кирпичом), задняя часть — кухня, освещенная небольшим окном, проделанным в северной стене. В кухне — устья двух печей, тело одной в парадной комнате — *зале*, другой — в жилой комнате, она называется *суба*. Полы в комнатах дощатые крашенные. Потолок в жилой комнате настлан поперек балок (более старая традиция), а в зале — подшит под балками (новый прием). Первоначально дом был крыт соломой (хоть и кирпичный!), потом — черепицей. В 1964 г. перестроили фронтон — поставили вертикально доски, покрасили в красный цвет, разрисовали вертикально расположенным узором. Перед входом соорудили небольшую застекленную галерею — род емкого тамбура. Полы покрыты дорожками, мебель — разнокалиберными коврами-покрывалами, среди них нет ни одного домодельного. Представление о комфорте заставило разделить жилое пространство на более мелкие камеры: комнаты поделили пополам, получилось четыре помещения и кухня. По-старинному в зале небольшие окна, смотрящие на улицу, закрываются внутренними ставнями *хапах*.

Новый дом этой же семьи построен в 1959 г. Он повторил в принципе план старого дома, но предусмотрел большее количество жилых комнат. Однако комнаты проходные, такое удобство, как изолированные помещения, для членов семьи, очевидно, в то время не было еще осознано. Новое в доме — санитарное оборудование: водопровод, соединенный с колодцем, отапливаемая углем печь греет воду для парового отопления, для ванной комнаты. В кухне плита с газовым баллоном. Таким образом, семья пользуется всеми удобствами (кроме туалета), которые соорудила себе сама по своему вкусу. Имеется *софа*, покрытая по традиции *подстилкой* красного цвета с черными полосами. Остальное убранство состоит из ковров на белой стене, на крашеном полу — все фабричного производства, отнюдь не красивые. Собственноручные изделия матери спрятаны в сундуках — «на память». Это очень характерно! Рукоделия старшего поколения признаются красивыми, но ими не пользуются не только потому, что жалеют, но под влиянием моды, в силу представления, что фабричные изделия более современные и т. п., хотя они и значительно уступают домодельным в красоте. Так ширпотреб портит художественный вкус.

В 1920–1930-е гг. унификация быта в стране, стремление к простоте во внешнем облике людей привели к утрате социально-разделительной функции одежды². Ее этнодифференцирующая роль стала ослабевать и постепенно сходила на нет. В послевоенное время, особенно в 1960–1990-х гг., на фоне постоянно увеличивавшейся социальной мобильности сельского населения общий уровень общественного развития подкреплял переоценку материальных и других ценностей. Отмеченная тенденция продолжает развиваться в ускоренной прогрессии.

Определяющей общей моделью для греческого сельского населения, как и для сельских жителей всех национальностей Донецкой области, является городской быт. Готовое платье и обувь промышленного производства снимают этническую специфику. В использовании предметов костюма, приобретаемых в сельских и городских магазинах, лет двадцать тому назад наблюдалось две тенденции. Во-первых, только некоторые детали в одежде людей старшего возраста напоминали о прежних этнокультурных традициях, например в выборе головного убора: мужчины предпочитали овчинные и смушковые шапки и очень редко пользовались ушанками; женщины старшего возраста носили головные платки обычных для гречанок одноцветных темных тонов. Во-вторых, имела место специфика костюма производственно-бытовая, соответствующая сельскому производственному быту³.

В формировании современного обывденного костюма греческого населения (как и других сельских жителей) категорически преобладают факторы не этнического, а социально-экономического характера. Например, в повседневном быту, во время домашней работы носят спортивные костюмы, мужчины среднего и молодого возраста всем головным уборам предпочитают вязаные спортивные шапочки.

Даже обрядовая одежда более не несет функции этнической метки. Но следует заметить, что обрядовый костюм, например свадебный, всегда был подвижен, включал инновации, идущие от престижных форм культуры социально господствующего слоя населения. Напомним, что самые старые формы свадебного костюма были близки к татарской моде (халатообразная одежда) или же к балканским обычаям: невеста надевала красное платье. В греческих селах сохранились об этом лишь смутные воспоминания, а в соседней области албанцы еще 50 лет назад не только помнили красное покрывало невесты, но иногда и употребляли его. Гагаузы Молдавии также сохранили память о красном платье невесты⁴. В конце XIX в. венчались в черных атласных платьях, позже надевали шелковые или шерстяные костюмы светлых тонов, в военное и первое послевоенное время было не до нарядов: кашемировое платье, купленное в городском магазине, считалось очень привлекательным. В послевоенные годы вошел в моду общераспространенный костюм: белое платье и фата невесты, черная пара жениха.

Последний ритуал, при котором вспоминали о *перифтаре*, — погребальный: оплакивая покойного, женщины распускали волосы и накидывали на голову полотнятые головные уборы, причем мало кто имел в доме настоящий перифтар, могли использовать для этой цели декоративное полотенце, которое в повседневном быту называли украинским словом *рушник*, и только при совершении погребальной церемонии это полотенце именовали перифтаром. Мужчинам полагалось накидывать его на шею, позже — повязывать на руку выше локтя. В 1970-х гг. эта архаическая традиция бытовала только в некоторых селах, в других ее забыли; даже люди пожилого возраста ничего уже не знали об этой детали этнической культуры.

СЕМЬЯ

Семья — это та ячейка общества, где человек проходит социализацию. В семье он осознает себя принадлежащим к определенной этнической общности — через повседневный язык семейного общения, через бытовые привычки, установки, господствующие в семье. Семья в данном случае выполняет одну из главных своих функций — воспроизводство этноса, формирования этнического сознания⁵. Не последнюю роль играет обрядность, принятая в семье, отношение к ней старших родственников. В дальнейшем социализация протекает в микросреде — в селе, квартале, школьном коллективе.

Этническое сознание формируется вместе с личностью человека — в процессе выработки основных социальных ориентиров⁶. В микромире складываются представления, что группа, к которой принадлежит индивид, имеет свои специфические черты во всем комплексе бытия, иными словами — здесь возникает понимание, что «мы» отличаемся от остальных — «иных», «иных», формируется отношение к традициям: они воспринимаются как обязательные — «у нас так принято», «так делают все, всегда».

Семейные отношения у мариупольских греков в XIX в. и в начале XX в. основывались на принципах, проистекавших из имущественных отношений, они были закреплены традицией, общественной моралью, воспринимались как общеобязательные.

Семья была основной производственной ячейкой общества, ей принадлежало имущество — жилой дом и усадьба, земельные угодья и поголовье скота, инвентарь и транспортные средства и т. п. Распорядителем семейного имущества был глава семьи — как правило, старший по возрасту мужчина — главный работник. В его руках была семейная касса. Отсюда и тот уклад жизни, который в литературе именуется «патриархальным».

Как правило, греческая семья состояла из двух поколений (родителей (детей) или трех — хозяев и их женатого сына с невесткой и детьми. Об-

ществленное мнение и традиционный этикет требовали от младших уважительного отношения к старшим. Поселение молодых супругов традиционно было вилокальным. Невестка обязана была проявлять почтительность к свекру и свекрови. Сохранились среди людей старшего возраста воспоминания о правилах избегания между свекром и снохой после ее водворения в доме — иногда в течение года или более длительное время, а в недавние десятилетия не более, чем в недельный срок. В первое время свекор передавал снохе указания по хозяйству через свою жену. Потом происходил обряд «развязывания языка»: свекор одаривал сноху и разрешал ей говорить. Правда, и после этого этикет требовал от нее скромности — не вмешиваться в разговор, только отвечать на вопросы, обращенные к ней.

На рубеже веков кое-какие семьи еще ели по старинке из одной миски, поставив ее на *трапез* (низкий столик, помещенный на *курвате*), а невестка не садилась со всеми рядом, ела стоя возле стола. Правда, в этот период уже многие семьи сервировали стол по-современному — ставили на него супницу и по тарелке на каждого.

Матрилокальное поселение супругов бывало редким, зависело от конкретных жизненных обстоятельств. В этом случае односельчане именовали примака по фамилии тестя, зачастую эта поулочная кличка превращалась со временем в фамилию его потомков, так традиция утверждала презумпцию вилокальности.

Номенклатура родства весьма сложна, она выявляет особенности общевалканской системы: различаются родственники со стороны отца и матери (дядя по отцу и его жена именуется иначе, чем дядя по матери и его жена), имеют отдельные наименования старшая и младшая сестра, старший и младший брат, жены старшего и младшего брата и т. д. Кроме того, эти термины варьируются в румейских говорах, а в языке татароязычных греков, разумеется, отличаются от румейских.

Мариупольские греки долго соблюдали эндогамию — браки заключали не только внутри своей этнической группы, но старались и в своем селе. Отсюда и происходила устойчивость традиций, в частности в семейной обрядности⁷. В конкретных условиях Мариупольщины возникли два ряда противопоставления. Первый: «мы — греки / они — не греки», что особенно заметно по отношению к людям других конфессий и связанных с ними культурных особенностей (по отношению к немцам и евреям). По отношению к русским и украинцам — православным, носителям общераспространенных языков — противопоставление было слабее. Второе противопоставление: «мы — румей / они — урумы». В отношении брачных связей это противопоставление сменилось социальным: равные по имущественному и социальному положению румейские и урумские семьи рождались. В последние десятилетия XX в. эндогамия — в любом ее виде — сошла на нет.

Главное отличие современной семьи на Мариупольщине от уклада прошлых времен — ее полиэтничность как в городе, так и на селе. По воспоминаниям людей преклонного возраста, в середине и во второй половине XIX в. во многих селах не принято было заключать браки вне родного села. В Красной Поляне (Новой Каракубе) рассказывают, что тому, кто брал невесту со стороны, приходилось уезжать из села, так как родные этот брак не признавали.

Еще в середине XX в. (в довоенное время) в селе Староласпа сохранялись очень строгие порядки. На противоположном берегу Кальмиуса располагался русский хутор, оттуда пожилые люди ходили в Староласпу в церковь, но более тесного общения не возникало. Молодежь между собой не знакомилась, хотя девушки ходили к реке слушать, как на том берегу играла гармонь — очень им нравилось! Но увы — родниться разрешалось только с греками.

Постепенно это жесткое правило уходило из жизни.

Впрочем, этническое смешение было неизбежным на протяжении всей истории мариупольских сел. Например, в селе Камар по поулочным понятиям (документально не подтверждаемым) фамилия «Коваленковы» происходит от караимов, а «Талы» — от цыган. Среди татароязычных греков часто встречаются фамилии с русифицированным окончанием на *-ов* (Афенди-ковы, Авраимовы и т. п.).

Общественное мнение было более снисходительным к греческим мужчинам, которые брали в жены русских или украинских девушек, но оставалось беспощадным к гречанкам, выходящим замуж за русского.

Редки были браки между татароязычными мужчинами и румеоязычными гречанками, местные жители объясняют это малой мобильностью румек. Впрочем, такой стереотип нарушался в угоду другому принципу — подбору пары по социальному признаку: до революции и в 1920-е гг. в некоторых семьях придерживались понятия *сыра хорнда* — порядочная семья, с которой стоит породниться. Поэтому богатые люди из румеоязычной Ялты предпочитали родниться со столь же имущими семьями из татароязычного Мангуша. В татароязычном Богатыре невесток брали из Камара, Керменника и из румеоязычных сел — Константинополя, Янисоли. Пришлые невестки осваивали татарский язык.

Браки между близкими родственниками запрещались правилами религии. Одним словом, выбор брачного партнера был затруднен многими ограничениями. Заключались они почти исключительно по воле родителей. Память местных жителей сохранила немало трагических случаев насильственного разлучения влюбленных и выдачи девушек замуж по принуждению. Конечно, в жизни возникали разные ситуации. Случалось, что молодые греки и русские нарушали родительские запреты, женились по своей

воле, но им приходилось покидать родное село и больше в нем никогда не появляться. В русском селе Алексеевка в памяти пожилых людей сохранились лишь один-два случая смешанных браков.

Традиции этнической эндогамии уничтожило приселение по государственной разверстке в 1930-х гг. русских и украинцев в греческие села. Смешанные браки начались, как только подросли девушки в семьях первых переселенцев. В послевоенное время эта тенденция стала всеобщей. Утратилось само понятие «родительская воля», люди стали смотреть на этнически смешанные браки как на вполне нормальное явление.

В селе Красная Поляна учительница (р. 1918) — местная румейка по своему желанию вышла замуж за местного украинца и вошла в его семью. Родители приняли выбор сына: в ту же ночь, как он привел в дом свою избранницу, они отправились к ее родителям — сватать. Мать девушки не одобряла выбор дочери, но зять сумел поломать стереотип отношений, предписывавших подчинение воле старших, молодая семья жила дружно. В селе Староласпа румейка (р. 1913) из соседнего села вышла замуж за урума и оказалась единственной румейкой в селе, первоначально не могла общаться со свекровью, но постепенно выучила язык. Жительница этого же села (р. 1926) — дочь гречанки и русского, привыкшая к русской речи в семье (отец не знал других языков), очень затруднялась первое время в татароязычной школе (позже все школы перевели на русский язык обучения), вышла замуж за местного урума, усвоила язык его семьи. Ныне в этом селе русский язык имеет столь большое распространение, что подобные затруднения не могут возникнуть.

В селе Старолиновка (бывший Старый Керменчик) живет смешанная семья: жена — местная урумка, в школе училась на татарском языке, позже на русском. Получив специальность фармацевта, поехала работать в другую область Украины, там вышла замуж, вернулась в родное село, родители ее приняли зятя вполне доброжелательно. В семье говорят только по-русски. Старший сын (р. 1948) немного говорит по-татарски, так как разговаривал с бабушкой и дедушкой, теперь, когда их не стало, начал уже забывать язык, а младшие дети его совсем не знают.

В том же селе в семье Васильконовых помнят, что прабабка (р. ок. 1860) была русской из села Петряковка. Влюбившись в грека из Старого Керменчика, бежала с ним в Каракубу, позже переехали в Старый Керменчик. Родителям пришлось смириться и простить ослушников. Все последующие поколения этой семьи считаются греками, но память о русской прабабке сохраняется.

Этих нескольких взятых выборочно примеров достаточно, чтобы обрисовать довольно сложную картину формирования семейных коллективов на Мариупольщине. Ныне она еще более усложняется.

После Второй мировой войны в эти края перебрались люди из самых различных мест. В 1949 г. в Черкасской области, где был в то время недород, производили специальный организованный набор. Переселенцев встречали с греческим гостеприимством: накрывали на улицах столы, угощали, потом разводили по домам (жили дружно, в домах не было запоров). Постепенно переселенцы обзаводились собственными домами, возводили их методом взаимопомощи (село было разрушено во время войны, свободных участков оказалось много, поэтому переселенцы обосновывались не компактно, а расходились по разным местам села). Украинцам, привыкшим к садам возле хат, греческие села, лишенные зелени, казались неудобными, они вскоре посадили вишневые деревья перед домами, греки переняли этот обычай.

В 1951–1959 гг. имели место организованные переселения из Западной Украины, где ощущалась нехватка рабочих мест. Похожие причины привели в село Зеленое Поле несколько азербайджанских семей. Переселенцы показали себя прекрасными тружениками и крепко прижились на новом месте. Когда после кровавых погромов, учиненных националистами в Ферганской долине, Узбекистан вынуждены были покинуть тысячи турок-мескетинов, некоторые из них поселились в греческом селе Улаклы.

Потомки первых русских и украинских поселенцев давно растворились в среде коренных жителей. Ныне к ним присоединяются новые: из самых разных мест прибывают люди в трудоемкие поселения (Красная Поляна, Кременевка, Старый Крым и др.), пенсионеры — в удобные для жизни пригородные села и т. д.

На этом фоне чрезвычайно интересно проследить принцип выбора брачного партнера. Примером могут послужить данные обследования, проведенного в 1970 г. в селе Малый Янисоль (Куйбышево).

Число браков с неместными женщинами распределялось в таком порядке.

Местные мужчины по возрастным группам, год рождения	Жены, %	
	Местные	Не местные
1900 и старше	93,2	6,8
1900–1920	88,6	11,4
1921 и моложе	75,5	24,5

Заметно, что жители сравнительно крупного села Малый Янисоль почти не нуждались в поиске невест на стороне. Резко изменилось это положение в военное и послевоенное время (третья возрастная группа). Круг брачных связей у младших поколений расширился по сравнению со старшими.

Число женщин, прибывавших в Малый Янисоль из других сел и даже из других областей, имело тенденцию к возрастанию.

Местные мужчины по возрастным группам, год рождения	Всего дислокальных браков	Жены (число чел.)		
		Из сел за 10 км	Из сел за 50 км	Из других областей и городов
1900 и старше	5	2	2	1
1900–1920	16	7	1	8
1921 и моложе	34	3	8	13

В 1988 г. в селе Красная Поляна греки составляли 46,18% населения. Их число перекрывали русские, украинцы, белорусы вместе взятые (немцы, болгары и остальные 8 национальных групп были представлены единицами). Браки, заключенные между греками, составляли 37,5% всех брачных пар села, браки греков (гречанок) с украинками (украинцами) составили 28,6%, далее следовали по убывающей браки с русскими, белорусами, немцами и пр. В конце 1990-х гг. процент смешанных браков приближался к 90%. В татароязычном селе Староласпа (Старая Ласпа) браки между греками составили несколько больше — 44,1%, но все же меньше половины брачных пар. В Старомлиновке греки составляли свыше 27% (по сельсовету свыше 20%) всего населения, численность русских и украинцев перекрывала этот процент вдвое. В 1990-х гг. не менее 90% всех брачных пар состояли в этнически смешанных браках.

В системе греческой этнической традиции семья играет очень большую роль. Для грека семья — это основа жизни. Он считает своим долгом создать ей достойные условия существования, подрастающим детям обеспечить стартовые условия для самостоятельной жизни, стареющих родителей окружить вниманием и поддержкой.

С этими установками связан такой важный показатель как детность. Конечно, в минувшие времена детей в семьях было больше, чем ныне. Например, уроженка села Новая Каракуба (Красная Поляна) (р. 1870) вышла замуж в 16 лет, имела 15 детей. Ее дочь (р. 1890) вышла замуж в 16 лет, произвела на свет семерых детей, а ее дочь (р. 1928), вступившая в брак в 28-летнем возрасте в 1952 г., ограничилась тремя детьми. Ныне наличие троих детей в семье воспринимается как излишняя роскошь: в большинстве случаев ограничиваются двумя, изредка одним ребенком. Детность в греческих семьях всегда была гораздо ниже, чем в русско-украинских. Когда в селах не знали контрацептивных средств, прибегали к абортам (об этом см. подробнее в главе «Антропологические исследования»). Не-

сколько десятилетий тому назад это было характерно лишь для жителей городов. Успехи медицины привели к значительному сокращению детской смертности. В 1997 г. средняя детность определялась в 1,7 ребенка на семью. Повышение брачного возраста и уменьшение детности ведет к постарению возрастного состава семьи.

Характерно новшество в семейно-брачных отношениях — исчезло предпочтение рождения мальчиков: в условиях колхозного и послеколхозного быта семейное подворье не играет решающей роли, как это было в пору индивидуального хозяйства. Заинтересованность в многочисленности рабочих рук не так сильна. Кроме того, приданое, которое и ныне обязательно дают за дочь, не столь велико и не требует больших затрат, как это было раньше. Общественное мнение в современном селе уравнивает мужчину и женщину.

Взаимоотношения между полами строятся в соответствии с нормами современного общества: мужчины не считают зазорным помогать женам по хозяйству, по уходу за детьми, прислушиваться к их мнению.

Ныне значительное число молодоженов предпочитают селиться в отдельном доме, вести самостоятельное хозяйство. Даже традиция, согласно которой на родном подворье остается младший сын — наследник отцовского дома, зачастую нарушается. Такой перестройке семейного быта способствуют два основных фактора. Во-первых, заработки ныне имеют в основном денежное выражение; если раньше благосостояние зависело от личного хозяйства (а оно было в руках старшего мужчины — распорядителя всей семейной жизни), то ныне сыновья имеют свои доходы и могут ими распоряжаться по собственному усмотрению. Во-вторых, возросла общественная и профессиональная активность женщин. Хотя многие девушки вступают в брак по-прежнему в юном возрасте (17–19 лет), некоторые не так торопятся, выходят замуж в 20–25 лет, получив образование, профессию. Естественно, возникает стремление и практическая возможность стать самостоятельной хозяйкой дома.

По этим причинам в селе появилась группа населения, совершенно невозможная в прошлые времена: одинокие пожилые люди. Иногда это супружеские пары, чаще вдовы, живущие на прежнем подворье, в то время как дети находятся или в городах, или в других местностях (отлив молодых кадров очень интенсивен во всех районах Донецкой области), а случается — в том же селе, но в собственном доме.

Еще одна черта современной семьи — разводы. Они численно возрастают. Этнический состав семьи на этот процесс не влияет: процент распадающихся этнически смешанных браков тот же, что и однонациональных.

Язык семейного общения претерпевает временные изменения в зависимости от социальных связей, господствующих в данном селе (и его округе).

Можно проследить этапы изменения языковой ситуации: примерно до начала 1930-х гг. безусловно господствовал язык, традиционный для каждой данной семьи (иноязычная невестка обязана была его освоить), период 1930–1950-х гг. характеризовался поколенным предпочтением в семье и групповым в социальной среде.

В настоящее время сфера использования родного языка сужается за счет употребления русского. Его осваивают в школах, во всех видах средних и высших учебных заведений, на производстве, в армии, в городской среде. Процессы движения населения создают условия для его предпочтения. Люди 30–40-летнего возраста охотнее общаются на русском языке, а для молодежи и детей он становится единственным разговорным.

В этой связи очень сложно обстоит дело с этнической самоидентификацией индивида. Мнение о том, что каждый человек должен принадлежать к определенной этнической общности («иметь национальность», как принято в расхожем словоупотреблении), формализовалось на протяжении всего существования СССР наличием соответствующей графы в паспортах, на бланках переписей населения, во всевозможных анкетах и т. п. Выбор национальной принадлежности людьми, происходящими от смешанных браков, диктуется самыми различными соображениями: политического, бытового характера, практическими нуждами, но более всего — общественным мнением окружающего микромира, настроением в семье и, наконец, собственным внутренним убеждением. Поэтому можно встретить такое — на первый взгляд странное — явление, как присвоение себе разных национальностей родными братьями и сестрами⁸.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Культурная преемственность поколений, этническая символика перемещаются из области материального бытия, насыщенного в прошлом предметами традиционного быта, которые служили этническими метками, в сферу духовной жизни, где ныне по преимуществу формируется этническое сознание. С течением времени этот процесс активизируется, что характерно отнюдь не только для греков, но и для всех народов, живущих в развитых индустриальных странах.

Угнетенная историческая память, которая в годы репрессий и преследования этнической культуры жила подспудно в сознании людей, теперь настойчиво требует выхода. В повседневном семейном и общественном быту такого выхода почти нет: это естественно в эпоху практически повсеместно распространенной общеевропейской культурной модели. Этническая культура ныне проявляется в трех направлениях: в семейной обрядности, в фольклорных формах проведения досуга и в краеведении.

Семейная обрядность многофункциональна: закрепляет узы внутри семейной ячейки, связи этой ячейки с окружающим коллективом (сельским, квартальным, производственным), поддерживает традиции, утверждающие этнические особенности и тем самым — этническое самосознание. Характерно, что зачастую эти особенности люди усматривают в самых мелких черточках быта или обряда, которые относятся скорее к местным разновидностям, но отнюдь не к общим этническим характеристикам.

Семейные обряды сопровождают жизненный цикл человека от колыбели до могилы: обряды вокруг рождения ребенка, его социализации, свадебный цикл, проводы новобранца в армию и встреча его по возвращении и, наконец, похороны.

В семье, как и в группе (в селе, производственном или учебном коллективе и т. п.), складывается отношение к традиционному сценарию любого обряда в соответствии с глубиной памяти данной микрогруппы: уважение к заветам предков, сохранение их обычаев либо нейтральная позиция — отстраненность (очень часто среди молодежи, получившей профессиональное образование в городе), или же негативная оценка, трактуемая обычай как признак «некультурности». Эта последняя позиция была характерна для первых десятилетий советской власти, времени коренной ломки устоев «старшины», а для греков Советского Союза еще и для роковых 1937–1938 гг.

В конце 1980-х и в 1990-х гг. в России и в странах СНГ происходило возрождение интереса к этническим традициям, в том числе и к семейной обрядности. Складывались формы, которые в науке фольклористике принято называть вторичными формами культуры.

При активной включенности мариупольских греков в культуру окружающих этносов и российского города (с конца XIX в., а особенно — с 1920–1930-х гг.) урбанистические и интернациональные элементы культуры входили в бытовой комплекс греков-сельчан, воспринимались ими как естественная и необходимая часть их собственного бытия. Новые поведенческие стереотипы стали признаваться общепринятыми наряду с традиционными, так что новые поколения не различают эти две категории обрядности.

Свадьба

Свадьба — это многосложный обрядовый комплекс, который можно изучать в самых разных аспектах: как явление семейной и общественной жизни, как театрализованное действие, следовательно — элемент народного искусства, и т. п. В данной работе мы обращаем главное внимание на обрядовую сторону.

Неотъемлемой частью свадебного обряда является фольклор в самом широком смысле этого понятия. В этом плане мы можем выделить три вида народного творчества, связанных между собой теснейшим образом: устное

слово, песенное творчество (*мелос*) и хореографию. Для греков жест значит столько же, сколько слово; вербальная и невербальная часть свадебного обряда в сознании греков связаны между собой неразрывно. Мы различаем: обряд-действие, обряд-слово (в том числе народное поэтическое творчество) и обряд-предмет (предметы в обрядах имеют свое четкое значение).

В быту приазовских (донецких) греков ныне свадьба — почти единственное обрядовое действие, которое стараются выполнить в соответствии с этническими традициями, выразить таким способом свое отличие от иноэтнического окружающего населения. Полный сценарий традиционной свадьбы полузабыт, ныне не выполняется, но многие специфические детали еще хранятся в памяти, исполняются они всегда с большим энтузиазмом. Следует признать, что свадебная обрядность — очень важный фактор, стабилизирующий в настоящее время этническую культуру.

При единой схеме проведения обряда в разных селах сложились свои варианты, а вследствие вступления в брак людей разной этнической принадлежности (чаще всего грека или гречанки с русским или украинским партнером) празднество стало варьироваться еще больше. Для воспроизводства общей картины, наиболее отвечающей традиции, ниже дается описание свадьбы в селе Сартана, как она происходила на рубеже XIX–XX вв., выполненное уроженкой этого села О. Н. Ксенофоновой-Петренко⁹. Далее последуют локальные вариации и временные новации, которые этнографы могли наблюдать в 1970–1990-е гг.

* * *

Жизнь в селе Сартана в XIX в. и в первые десятилетия XX в. протекала так же, как и в других селах греков Мариупольщины. Мужчины пахали землю, пасли стада овец, ездили в близлежащий Мариуполь на базар. Женщины хлопотали по дому, обслуживали мужей и детей, пряли и ткали, чтобы одеть свою семью, а главным занятием девушек было рукоделие всевозможных видов: они готовили себе приданое.

С детских лет девочка знала, что рано или поздно ей придется выходить замуж и к этому главному событию своей жизни она должна приготовить необходимую для себя одежду, предметы, которыми она украсит свой будущий дом, подарки, которые согласно строгому этикету она преподнесет своей новой родне. В XIX в. в девичьем рукоделии преобладало вышивание, а в XX в. оно почти забылось, девушки по большей части вязали крючком и спицами скатерти, подзоры, всевозможные кружева.

С этим главным занятием девушек было связано вечернее времяпрепровождение сельской молодежи — посиделки (на местном наречии — *сту плексму*, что буквально означает «на вязание»). Собирались то в одном до-

ме, то в другом большими компаниями — соседки, подружки. Керосин для освещения приносили по очереди. Окна не занавешивали: ведь парни подходили под окна, балагурили. Так как посиделки устраивались во многих домах, группы парней переходили от одних освещенных окон к другим.

Кроме посиделок, бывали и другие случаи для знакомства сельской молодежи. Долгие зимние вечера и молодые, и пожилые коротали в доме какого-нибудь известного сказителя, приходили послушать сказку, песни, побасенки, были и небылицы. В теплое время года сходились на общесельские праздники, на гулянье возле церкви в дни Пасхи и других церковных праздников, молодежь каталась на каруселях, качалась на качелях. Сюда приходили и отцы да матери семейств, чтобы присмотреть невесту или зятя в семью, сюда же являлись и профессиональные свахи.

На посиделках и гуляньях завязывались знакомства, взаимная склонность могла закончиться счастливым браком, однако молодые люди не могли вступать в брак без согласия родителей. Родители же могли высватать невесту и без ведома сына. Мнения девушки часто вообще не спрашивали, она не смела сказать «не хочу, не пойду». Отец или старший брат мог ее избить и выдать за того, за кого хотел.

Бывали случаи, когда сватали несовершеннолетних: два закадычных друга решали поженить своих детей, такое решение было крепким, как клятва, его нарушение считалось оскорблением обычаев¹⁰.

Парень был более самостоятелен: он с согласия родителей сообщал о своем намерении жениться девушке и ее родителям. Если семья девушки признавала семью юноши достойной уважения (принимались во внимание хозяйственность, набожность, соседские мнения), они давали знать родителям парня, что готовы принять сватов.

Сват (*худас*) — пожилой мужчина, родственник или близкий друг семьи жениха (обычно сватов было двое или трое). Мать жениха передавала с ними подарок для невесты — *смадь*: два серебряных рубля, скрепленных воском, как символ того, что молодые всю жизнь должны быть вместе. Родители невесты и виду не подавали, что знают о причине прихода гостей, спрашивали: «Зачем пожаловали в такой поздний час издалека, не заблудились ли?» Потом начинались расспросы о здоровье, о погоде, о посеве и т. д. Сваты отвечали: «Мы слышали, что вы продаете коня или корову, а мы можем помочь». Или говорили, что надеются получить здесь розу. Так загадками, иносказаниями велись разговоры. Затем сваты начинали перечислять достоинства жениха, характеризовать его благосостояние. Если родители девушки решали отказать претенденту, они ставили на стол вместо угощения тарелку с орехами и клали вилку (дескать, получишь невесту тогда, когда возьмешь орех вилкой)¹¹. Если же они были согласны выдать дочь замуж, они тем не менее отвечали уклончиво, заявляли, что им надо еще

подумать, посоветоваться. Считалось неприличным давать согласие тотчас же. В конце концов родители девушки приглашали своих сватов. Те расхваливали невесту: и красавица, и работница, и рукодельница.

Когда приходили к обоюдному согласию, сваты выкладывали свои подарки на стол. Мать невесты зажигала лампаду, все становилось перед иконами на колени. Помолвившись, сваты разворачивали свои подарки. Невеста в это время сидела в другой комнате или на печи. Мать подзывала свою дочь, чтобы та взяла подарок. Бывало, девушка стеснялась, не хотела выходить из своего укрытия, тогда подарок принимала ее мать. Принять сватовство, дать согласие выражалось формулой *пиран ту смадь* («приняли подарок»), отказ — формулой *ирсан ту смадь* («вернули подарок»).

Начинались поздравления. Хозяйка накрывала на стол. Сваты выставляли свое угощение. Первый тост произносил отец девушки, следующий — родные жениха. Они уже начинали называть друг друга *худалих* («сватами»). Договаривались, когда придут родители жениха на «большое сватовство» (сговор, обручение) — *мегбла аравбнис*.

Когда все собирались в доме невесты на большое сватовство, ее мать выкладывала на стол подарки для жениха: золотое кольцо, шелковую рубашку, батистовый носовой платок с вышитыми инициалами. Мать жениха предьявляла свои подношения — шелковый платок для невесты, золотое кольцо, крестик. Обменявшись дарами, усаживались за стол, приглашали и жениха с его дружкой. Мужчины садились за один стол, женщины за другой. Старались подать богатое угощение — блюда из баранины, индюшатины, курятины, горячие и холодные закуски, плов, каймак, свежий сыр со сметаной. Приглашали музыкантов, которые играли на скрипке и кларнете. После пиროвания танцевали национальные танцы — «яремва», «бугданку», «хоро».

Большое сватовство называлось еще и *тѣа цакосум халац* («будем ломать калач»). Большой плетеный калач, испеченный матерью жениха, брали в руки брат невесты и брат жениха, и каждый тянул к себе, стараясь ухватить побольше: считалось, что превосходство в семейной жизни будет на стороне того супруга, кому достался больший кусок калача. Если калач разламывался на равные части, это воспринималось как знак полного будущего согласия. Оба куска калача клали на стол, макали в мед и угощали присутствовавших. В старину во время сговора невеста не являлась к сватам. К концу XIX в. и в начале XX в. обычай несколько изменился: невеста выходила, целовала руки родственникам жениха, но все это проделывала молча.

Вечером этого дня мать жениха виделась со своей будущей невесткой, одаривала ее сладостями, вручала большую золотую либо серебряную монету.

После большого сватовства, когда была достигнута полная договоренность о свадьбе, старинная традиция разрешала нареченным вступать в суп-

ружеские отношения. Невестка или старшая сестра готовила им совместную постель.

В день большого сватовства договаривались о содержании дарообмена на свадьбе. Невеста обычно сама готовила подарки жениховой родне: этим доказывала свое рукодельное мастерство.

Отец жениха должен был приготовить для невесты полный подвенечный наряд: платье (его или сами шили, или заказывали портнихе, работу которой оплачивал отец жениха), фату (на рубеже XIX–XX вв. она сменила старинный перифтар), ботинки, пояс «хулан» из золотой или серебряной парчи с серебряными бляшками, шелковый белый или кремовый платок *пушту* (темный цвет не допускался), а также золотое кольцо и, если средства допускали, золотую брошь. Подарки преподносились также матери и отцу невесты, ее братьям, их женам, сестрам, зятям и прочей родне.

В Великий пост невеста должна была говеть. В первый день поста начиналось невестино голодание — *тримаризму*. Три дня она не ела, не пила, принимать пищу могла только на четвертый день. Такой порядок сохранялся еще в первые десятилетия XX в. После причастия родственницы жениха приносили невесте узлы со сладостями. Подарки принимали старшие родственницы невесты — сестры, невестки. Мать невесты угощала прибывших и в свою очередь посылала гостинцы будущему зятю. Женщины обеих семей совершали обмен дарами и в дни сельских праздников — на Пасху, в канун Юрьева дня.

Засватанная пара могла «ходить в женихах» и год, и два, а если парня забирали на военную службу, которая длилась 4 или 5 лет, невеста должна была ждать его возвращения.

Свадьбу (*дугун*) обычно играли в воскресенье. В пятницу устраивали демонстрацию приданого (*прика*)¹². Невеста раскладывала на столах скатерти, подзоры, полотенца, на стенах развешивала длинные полотнища красного цвета, обшитые парчой и золотой бахромой, — *стенарья* и прямоугольные декоративные полотнища с вышивками по краям — *тумма*. В субботу с самого утра двери парадной комнаты были открыты для всех. Приходили все желающие, кроме жениховой родни (их на прику не принято было приглашать), молодые женщины, девушки успевали побывать в нескольких домах, где готовились к свадьбе, чтобы потом посудачить о добротности приданого. К концу дня прику убрали. Вечером к невесте приходил жених со своими родственниками. С музыкой и песнями шли они через все село на *шнейс* — девичник.

В воскресенье происходило церковное венчание. Лет сто тому назад ни бричек, ни линеек у греков не было, имелись только *гарбы* (арбы) на деревянных колесах, на них-то и рассаживался свадебный поезд: на дно гарбы

постилали «поветь» — толстую суконную полость, прикрывали красивым ковром.

В XIX в. свадебная церемония начиналась с приглашения посаженого отца (*паранфю*) и посаженной матери (*паранифсы*). Желательно, чтобы посаженными родителями были крестный отец (*калбта*) и крестная мать (*нбуна*) жениха. Обычно они бывали мужем и женой. Если же к моменту свадьбы их крестника кто-либо из них умирал, то вдовец (или вдова) просили занять его место сестру (или брата) или какого-нибудь другого из своих близких родственников. Приглашение посаженных родителей обставлялось очень торжественно. Друзья жениха (по современному словоупотреблению — шаферы) отправлялись к их дому в сопровождении музыкантов (бубен, зурна, скрипка, кларнет). Паранифса встречала гостей угощением. Нагружали на гарбы или на брички пироги, напеченные паранифсой, водку и снедь и с музыкой возвращались в дом жениха, с тем чтобы всем вместе ехать к родным невесты.

На гарбу или на бричку усаживались старшие братья жениха со своими женами, прочие родичи. Нагружали провизию. Сюда же помещали пару живых баранов. На второй гарбе ехали родители жениха, деды, бабки, посаженные родители и другие родственники постарше. Молодежь шла пешком. Под звуки оркестра трогались со двора.

По приезде к сватам отец жениха распорядился резать одного барана (второго оставляли на завтра), он привозил своего повара (*ащи*), который должен был готовить кушанья и угощать невестину родню. Когда мясо было готово, повар разносил его по столам, в этот момент гости со стороны жениха выходили из-за стола: это угощение предназначалось только невестинной родне. Каждый раз, как ащи преподносил мясо, музыканты играли туш.

В это время паранифса в сопровождении 15–20 женщин с музыкой и танцами направлялась в соседний дом, где находилась невеста, несла подвенечное платье. Невесту одевали подружки, иногда приглашали умелых женщин. Старинное подвенечное платье невесты было красного цвета. Оно переходило по наследству от одного поколения к другому. Голову покрывал *перифтар* — полотняный головной убор из тончайшего белого полотна, края которого затканы золотым и серебряным шитьем, украшены вышивкой и мелким жемчугом. Перифтар плотно облегал голову и прикалывался к волосам шпильками и булавками с множеством подвесок. Не каждая семья могла приобрести эти ценные вещи, иные брали перифтар напрокат в зажиточных семьях только на день свадьбы. В конце XIX в. в качестве подвенечного наряда надевали шелковое или атласное платье, сшитое по моде того времени, и фату.

Пока невесту одевали к венцу, в ее доме продолжался пир и веселье. Друзьям жениха повязывали белые платки через плечо или на руки, и они

во главе со старшим (*парагъмброс*) с песнями отправлялись в дом жениха, чтобы одеть его. Существовал обычай, чтобы кто-нибудь из этой компании украл в доме невесты какую-нибудь вещь, которую должен был показать во время дарения. Ныне сами исполнители этого обычая затрудняются дать ему объяснение. Подобный обычай многократно описан в специальной литературе. Вероятно, он возник как символическое напоминание о борьбе двух коллективов родственников при браке умыканием.

За несколько часов до венчания начиналась церемония бритья и одевания жениха. Его платье предварительно отсылалось к священнику для благословения. Оно завязывалось в специальный платок квадратной формы, сшитый из разноцветных лоскутов (*бухча* — слово тюркского происхождения). Когда бухчу возвращали от священника, родственники и все приглашенные, которые находились в доме, должны были танцевать, держа в руках узел, это называлось «заставить танцевать бухчу». Затем начиналось бритье жениха в присутствии мужской молодежи, которая в особой ритуальной песне высказывала пожелания здоровья и счастья молодым. По окончании бритья шаферы и молодые люди в песенной форме просили жениха снять старое платье, надеть подвенечное. Жених переодевался. Паранфю сидел в это время за столом, на котором горели две свечи. Когда одевание заканчивалось, он брал бухчу, уже пустую, обвязывался ею и, засунув за нее две свечи, горевшие во время одевания жениха, не расставался с ними до конца свадьбы.

В старину (не позже середины XIX в.) жених венчался в халате, переходившем по наследству от одного поколения к другому. К концу XIX в. этот старинный наряд сменился пиджачной парой или тройкой.

Вся церемония одевания жениха именовалась «коронацией», одетый в свадебный костюм жених назывался «вооруженным», ему должны были оказывать особый почет «как князю», и даже старики должны были встать и поклониться ему.

У старшего шафера (*парагъмброс*) носовой платок в руке. Один его конец он протягивал жениху, остальные три держали другие шаферы, они все вместе обходили стол три раза, затем подавали жениху подушку (*максилаър*), специально приготовленную посаженной матерью, он садился на нее. Начинался обряд поздравления, в котором, как и в одевании жениха, участвовали только мужчины. Перед женихом ставили бутылку водки, рюмки и тарелки — одну с медом, другую с мелко нарезанными кусочками хлеба. К жениху подходили родственники, друзья, знакомые с поздравлениями. Если жениха поздравлял человек моложе его, то он целовал руку жениху, если же поздравлявший был старше жениха, тот целовал руку гостю. Старший шафер стоял по правую руку жениха и наливал в рюмку водку, второй, стоя по левую руку, накалывал вилкой кусочек хлеба, макал его в мед и да-

вал поздравлявшему закусить водку. Так сидели за столом, пока кто-нибудь не сообщал, что невеста готова. Опять обходили три раза вокруг стола, держась за концы платка, кланялись три раза всем и выходили во двор. Там их ждали оседланные кони, убранные красивой сбруей. Если в хозяйстве не было хороших лошадей, их одалживали у родных, соседей. Верхом ехали в церковь.

В это время в доме невесты совершались обряды, которыми руководила посаженная мать. Невесту, как было сказано выше, наряжали не в родном доме, а у соседей. После того как узнавали, что невеста готова, паранифса с женщинами под звуки бубна и зурны заходила во двор дома, где ждала наряженная невеста. Дверь дома была заперта изнутри. Начинался «торг». Паранифса снаружи пела: «Откройте дверь! Отдайте нам невесту!» Из дома отвечали: «Дайте нам выкуп, и мы отдадим невесту!» Этот обмен восклицаниями повторялся три раза, потом паранифса соглашалась дать выкуп, дверь приоткрывали, паранифса вручала узел, в котором были сдобные калачи, бублики, конфеты. Получив узел, старшая подружка пропускала пришедших.

В комнате на табурете или на стуле, установленном на софе, сидела невеста и горько плакала, закрыв лицо платочком. Хотя ей, может быть, и не хотелось плакать, она должна была показать, что не хочет покидать родной дом (если бы она не заплакала, то нанесла бы обиду родителям). Брат помогал невесте спуститься с софы и выводил ее из дома. Если у невесты не было брата, ее ссаживали крестная мать и крестная жениха. Во дворе ждал невесту повар ащи с длинной палкой. Он шел впереди всех и палкой чертил кресты. По этим крестам должна была ступать невеста, направляясь к отчужденному дому. Музыканты играли заунывный марш, под который плакала не только невеста, но и все присутствовавшие — плакала «вся свадьба». На пороге родительского дома встречали отец и мать с образом. После благословения невесту везли в церковь, где ее ждал жених.

В более позднем варианте свадебной церемонии, относящемся уже к XX в., жених приезжал за невестой в дом ее родителей, после благословения они садились в бричку, запряженную парой лошадей. При выезде со двора и по дороге свадебный поезд останавливали несколько раз парни с улицы, где жила невеста, требуя выкуп за «свою» девушку. Паранфу одаривал парней.

После венчания молодые направлялись в дом новобрачного. В более ранние времена, когда жених приезжал в церковь верхом, он после венчания садился с шаферами на коней и скакал вперед, чтобы встретить молодую жену возле дома.

У греков не различают терминологически понятия невеста и невестка, и в том и в другом случае употребляется слово *ниф*. Равным образом наименование *гамброс* применяется и к жениху до свадьбы, и к молодому

мужу, а также означает «зять», так его будут называть всегда родственники его жены.

Торжественно собирались гости на свадебный пир. Посажённый отец держал тарелку, наполненную кусками хлеба, медом или бекмезом (переваренным сгущенным соком арбуза). Каждому входящему подавался хлеб, смоченный сладостью.

Молодых встречали у ворот. Ащи снова чертил перед новобрачными кресты, они ступали по ним. На пороге дома их ждала свекровь (*пигъира*) с тарелкой в руках. В тарелке — пшеничные зерна, смешанные с орехами, конфетами и мелкими медными монетами. Молодые целовали руку матери и наклоняли головы. Мать осыпала их пшеницей три раза, потом бросала тарелку через их головы, тарелка разбивалась. Затем свекрови подавали тарелку с медом, она брала правую руку невестки, макала ее мизинец в мед и чертила кресты на косяках дверей. Известен и другой обычай, относящийся к XIX в.: свекровь вручала невестке зажженную свечу, и та чертила кресты на косяках дверей копотью этой свечи. В народе полагали, что это знак благословения — молодой дается право жить под этим кровом.

Молодых сажали за стол под образами, к ним подходили с поздравлениями родители, все остальные родственники — по старшинству и степени родства. Невестка должна была целовать руки им всем — от мала до велика. Рядом с женихом стоял старший шафер, он наливал каждому рюмку водки, а тот клал на тарелку деньги.

Поздравления заканчивались. Молодых уводили к кому-нибудь из соседей или родственников. За ними шли шаферы, подружки и вся молодежь. Молодые гости пировали, но новобрачные, согласно обычаю, не ели и не пили.

В это время в доме родителей угощали родню и друзей старшего возраста, состоявших в браке. О том, присутствовали ли на этом пиру родители новобрачной, сведения расходятся. Самые пожилые жители Сартаны утверждают, что в старину за ними посылали сразу же после того, как уводили молодоженов на пир молодежи. В более поздние времена их не приглашали, бывали на празднестве только их старшие сыновья с женами, дочери с мужьями, их сестры, братья. Пиршество продолжалось до утра.

Когда гости расходились, молодых приводили в дом молодого мужа. Там для них была приготовлена постель. Столы после угощения были уже убраны, но сор не выметен. Невестку раздевали, снимали с нее фату. В прежние времена лицо ее было скрыто под покрывалом. Его поднимала посаженная мать двумя перевязанными розовыми лентами ложками.

На другой день после венчания совершался обряд, известный под названием «сладкой водки» (*гъальтй рахй*). Собравшиеся родственники новобрачного поздравляли его и пили водку, подслащенную медом и сдобренную перцем. С этой водкой сватья отправлялась к родителям молодухи, и те

устроивали пирушку. Таким образом, старинный обряд предписывал завершение церемонии в один день.

В позднем варианте церемония занимала два дня: в первый — венчание и пир молодежи, во второй — прибытие родителей невестки и пир старшего поколения. В этот второй день новобрачная вставала раньше всех и выметала сор в комнате, где проходило свадебное торжество, но мела его не из комнаты, а от двери к углу, под образ, «чтобы счастье не вымести из дома». Убирали сор только на второй день утром.

Рано утром мать посылала своей дочери завтрак (*манџ ту фаи*). В этот день шаферы отправлялись за приданым невестки. Ее мать, угостив прибывших, показывала на сундук, но на нем сидел младший брат невестки (или сестренка, если брата не было), он просил за сундук выкуп — пару новых сапог. Шаферы не соглашались, предлагали какую-нибудь безделушку, а мальчонка настаивал на своем, он знал, что сапоги для него припасены, лежат на гарбе под поветью. После шуточных торгов мальчишка получал сапоги, а сундук погружали на гарбу или бричку и увозили.

Во второй раз приезжали за отцом и матерью новобрачной. Теперь они уже именовались *баш худџас* — главный сват и *баш змбитџира* — главная сватья. После того как их доставляли в дом новобрачных, отправлялись в сопровождении музыкантов за посаженными родителями. У паранифсы уже бывали приготовлены два больших пирога, калачи и другие сласти. Их завязывали в бухчу и клали на бричку. Паранфу запасался водкой и присокуплял к поклаже баранью тушу. Посаженных родителей встречали торжественно — музыкой и танцами. Один пирог паранифсы развертывали, чтобы все могли оценить ее кулинарное мастерство. Потом его убирали до конца свадьбы.

Торжественным пиром руководили посаженные отец и мать. В разгар веселья посаженная мать и старший шафер открывали сундук невесты. Кроме ее приданого там находились подарки, которые были обещаны в день большого сватовства. Подарки раздавали всем по старшинству: свекру — самый лучший и дорогой подарок — вышитая шелковая рубашка, носовой платок, полотенце, кисет; свекрови — вышитую рубаху, шелковый платок, а в старину (XIX в.) еще и *хартџи* — повязку, закреплявшую кудель на прялке. Преподносили подарки от имени невестки и другим ее новым родственникам. Родители и прочие родственники молодой также получали подарки от родни зятя — согласно уговору.

После раздачи подарков начиналось одаривание молодых — *харџизмат*. Отец новобрачного дарил деньги. Отец молодухи дарил своей дочери корову или телку. Ее крестный отец — телку или овцу, близкие родственники-мужчины — по овце. Затем в церемонию одаривания включались остальные гости. На стол ставили пирог паранифсы, паранфу разрезал его на

мелкие куски. Парагамброс подносил каждому гостю кусочек пирога, рюмку водки; мужчины, выпив водки, клали на тарелку деньги, а женщины — свои подарки: материю, посуду и другие вещи. Каждый подарок шафер брал в руки и сообщал собравшимся, кто что подарил. Все преподнесенное отдавали паранфу, он пересчитывал деньги и вручал их новобрачным.

Молодая жена в этот день сидела с молодежью в закрытой комнате, на пиру не присутствовала. На ней был еще свадебный наряд, только голову вместо фаты покрывал шелковый платок. А в те времена, когда надевали перифтар, его носили постоянно до рождения первого ребенка¹³.

Свадьба окончена. Гарба, запряженная парой волов, или пароконная бричка уже приготовлены, чтобы развезти почетных гостей.

Во время прощания новобрачные всем целовали руки. В следующее воскресенье после свадьбы молодые супруги навещали родителей жены. Этот обряд называется *ста ухто* — восьмой день. В старину считалось неприличным, если новобрачные тотчас после свадьбы выходили из дому. В некоторых местностях крестный отец выводил новобрачных впервые вместе в церковь. На восьмой день гамброс мог пройти по улице вместе со своей женой. В компании своих молодых родственников, шаферов они шли отметить последний день свадебного цикла.

Из приведенного выше подробного описания сартанской свадьбы следуют два сопряженных между собой вывода: брак (греч. *гамос*) — социальное состояние, свадьба — обряд, оформляющий это состояние. Главный смысл обряда: переход женщины из одной социальной группы (семьи ее отца) в другую — в семью ее мужа (что ритуально закрепляет принцип вилокальности брака). Свадьба — ритуал, обряд, оформляющий брак, обряд перехода из одного состояния в другое: из принадлежности к группе кровных родственников в группу свойственников, из состояния холостяцкого в состояние семейное. Если следовать теории французского этнографа А. Ван-Геннепа, то можно усмотреть в свадебном обряде несколько ступеней, в каждой из которых есть три этапа: отделение от предыдущего состояния, промежуточное состояние, включение в новое состояние¹⁴. И наконец, свадьба — это праздник, притом общественный праздник, резкое прерывание будничного течения жизни¹⁵.

Общий сценарий свадьбы одинаков у румеоязычных и татароязычных греков, разница в некоторых деталях и, разумеется, в терминологии, но она незначительна и непринципиальна.

Сватовство по-татарски *шан*, по-румейски *аравџнис*. Сторона жениха и сторона невесты называют друг друга «сваты» (м. р., ед. ч. — *худџас*, мн. ч. — *худалџих* или *худалџых*), наиболее близкие родственники, которые испол-

няют новые функции в обряде, — *баш худалис* (характерное соединение греческих и тюркских корней). Сватовство и в середине XX в. в греческих селах Приазовья проходило именно так, как описано в сартанской свадьбе, однако наши собеседники, родившиеся в первые десятилетия XX в. и помнящие свадьбы 1920-х гг., не припоминали ни одного случая насильственной выдачи замуж девушки против ее воли. Правда, бывали случаи бегства девушки в дом своего избранника, после такого акта сопротивление родителей оказывалось сломленным, свадьба игралась по всем правилам, хотя согласно общественному мнению родители могли забрать дочь силой.

Надо иметь в виду, что до Первой мировой войны кругозор сельской молодежи был ограниченным, она воспитывалась в традициях строгого подчинения родительской воле: 18–20-летний парень не смел являться домой поздно, а именно — после захода солнца и возвращения стада. Девушки воспитывались еще строже.

Здесь уместно привести грустную повесть жительницы с. Старая Ласпа (р. 1889) о том, как состоялось ее замужество. Она была способной девочкой. Закончила 4-классное училище в селе Карань, куда ее мать вышла вторым браком из родной Ласпы. Учитель советовал продолжать учение в Мариуполе, но мать не соглашалась. Девочка в слезах обратилась к опекунам (которые надзирали за ее имуществом после смерти отца), а те ответили: «Яйца сосчитать сможешь? На базаре продать сумеешь? Большого образования для женщины не требуется». Однажды она ночевала у соседки-подружки. Позвали к матери. Та провожала каких-то гостей, на столе — остатки пиршества. Мать велела прибрать, вымыть посуду, рядом крутились два незнакомых парня, шутили, девочка прогнала их. Наутро мать вывесила за окно шелковый платок, и девочка поняла, что она засватана, что вчерашние парни — жених со своим дружкой (сваты принесли золотое кольцо, завернутое в шелковый платок, если подарок брали, это означало, что предложение принято). Конечно, были слезы, а мать кричала на нее: «Не гавкай, не твое дело, за кого захотим, за того и выдадим!» Девочка обратилась за помощью к отчиму, но тот сказал: «Теперь уже нельзя ничего изменить: это стыдно». Не защитили и опекуны: «Эти люди хозяйственные, ты будешь хозяйкой», вот каково было для них самое главное соображение. Жениха девочка совсем не знала. Примерно через неделю он пришел в гости с двумя товарищами, пришли и ее подруги. Разговаривать с женихом не полагалось, пока он не вручит подарки — духи, мыло, материю на платье (все это завернуто в шелковый платок). Сели за стол, повели общий разговор. До самого венца больше не виделись.

Наблюдаются некоторые варианты при обмене дарами. Например, в Старом Керменчике было принято подносить кольца: жених — невесте, а она — жениху, положив их на парадные вышитые полотенца (они остаются у каж-

дого из них как памятные подарки). Знак совершившегося сватовства — шелковый платок, который вывешивают за окно (села Стыла, Карань).

Существенна была проблема приданого (*прика*). К набору вещей, перечисленных при описании сартанской свадьбы, добавлялась обычно живность: отец выделял в качестве приданого телку, овцу, а ныне почти обязательно мебель, предпочтительно — гарнитур. Одна характернейшая деталь требует специального объяснения: в традиционный набор вещей включалась перевязь для укрепления кудели на прялке *лухард* (название зафиксировано в с. Стыла) или *лухарт*. Прялка как символ женского начала фигурировала в составе приданого у многих народов Средиземноморья¹⁶. Та, которую везли на открытой подводе (позже на грузовике) «всем на поглядение» по улицам приазовских сел, была хорошо выточена на токарном станке, крашенная, а перевязь на кудели сшита из бархата, украшена вышивкой. Сейчас, когда сельчанки не прядут нити и не ткнут материю, перевязи не только не фигурируют в приданом, но, по всей вероятности, и неизвестны современным женщинам, разве что в краеведческих музеях они могут увидеть прекрасно выполненные образцы — символы женского труда.

В описании сартанской свадьбы опущен очень важный момент — девичник накануне свадьбы в доме невесты. Собравшиеся к ней подружки окрашивали ее волосы хной, а в старину также и ладони, ногти. Затем следовало омовение невесты в доме ее крестной матери. Специалисты обоснованно относят обычай окрашивания волос и ладоней к османским влияниям; уместно заметить, что такой же обычай имеется в обрядности балканских греков — в северных районах страны, где влияние османской культуры было значительно¹⁷.

Традиционная свадьба (*дигун*) длится несколько дней. В наше время она редуцирована. Раньше не принято было венчаться в субботу (поминальный день), понедельник и среда считались тяжелыми днями, оставалось выбирать между вторником, четвергом и пятницей, но зачастую, как и в Сартане, выбирали воскресенье. Ныне с такими приметами мало считаются, иногда главный пир устраивают именно в субботу с тем, чтобы не тратить на праздник рабочие дни, или же приурочивают к государственным праздникам, общим выходным дням.

Автор описания сартанской свадьбы упоминает старинный порядок, согласно которому жених с сопровождающими его лицами и невеста со своей свитой порознь прибывали в церковь, после венчания также порознь отправлялись в родительский дом молодого. Такой порядок представляется компромиссом между древним, известным у многих европейских народов обычаем, по которому молодые возвращались после венчания каждый в свой дом, а затем совершался главный ритуал — молодой муж приезжал за женой в дом ее родителей и перевозил ее к себе (в специальной литературе

такой порядок называется «двухчастной свадьбой»¹⁸), и современным, когда жених приезжает за невестой и они вместе направляются в церковь, а оттуда в дом его родителей (так называемая «круговая свадьба»). Память всех наших собеседников сохранила именно этот вариант.

Порядок прохождения свадебного поезда ныне нарушен или же усложнен, так как включает регистрацию брака в государственном учреждении (ЗАГСе, сельсовете), до недавних пор из него исключалось церковное венчание (или же оно совершалось позже, в ближайшем городе из-за отсутствия церквей в селах), а ныне, когда оно снова входит в быт, не всегда выполняется в день свадьбы. В некоторых вариантах брачущиеся посещали сельсовет загодя — например, накануне свадьбы (в праздничных, но отнюдь не в ритуальных одеждах), сопровождаемые группой молодежи из числа близких друзей. В таком варианте (как в «двухчастной свадьбе») главным ритуалом всего обряда становился переход (перевоз) невесты в ее новое жилище и торжественный ввод в него. В других случаях регистрация в сельсовете или в Доме культуры происходила как раз в том пункте свадебного пути, где по прежним порядкам полагалось посещать церковь, и тогда именно эта регистрация становилась центральным моментом всего цикла.

Главный распорядитель всего свадебного цикла — крестный отец жениха, на румейском *калота* (греч. *кумпѣрос*, *нѣнос*¹⁹), и его супруга *нѣна* (греч. *кумпѣра*, *нѣна*). Они — посаженные родители, несут значительную часть свадебных расходов и имеют в числе участников обряда свою партию. В церкви они должны были держать венцы над головами сочетающихся браком. В те годы, когда церковное венчание не было принято ни в городской, ни в сельской среде, посаженные родители, лишенные главной своей функции — освящения брака, превратились в свидетелей при регистрации брака в государственном учреждении. Калота нес значительные расходы. Среди других затрат — обязательно должен был выделить барана, которого забивали, мясо зажаривали, курдюк торжественно доставляли на пиршественный стол. Калота резал курдюк и раздавал присутствующим (записано в с. Сартана). В других селах полагалось, чтобы калота угощал своих сопровождающих жареной бараниной и бараньим бульоном. Некоторые исследователи склонны видеть в данном меню влияние культуры крымских татар.

Число и функции кумовьев имеют несколько вариантов. В некоторых селах различают четыре пары кумовьев: крестный отец жениха и его жена (в сартанской традиции они — супруги, в других вариантах — нет), крестная мать жениха со своим мужем, крестный отец невесты с женой, крестная мать невесты с мужем. Три последние пары не всегда и не везде фигурируют и особых функций не несут. Главенство остается за калотой.

Другая обязательная пара участников обряда — холостяки, совершающие передачу брачущихся из группы холостяков в группу состоящих в бра-

ке. Обычно их называют «друг» жениха и «подружка» невесты. На румейском *парагамброс* и *паранифса* (греч. *паранимфос*, *кумпарос*). Согласно балканской традиции *парагамброс* — «заместитель жениха», его «брат», имеющий права на невесту²⁰. Ныне он, так же как подружка невесты, обязан сопровождать повсюду брачущихся, охранять их. В современной свадьбе они стали, кроме того, официальными свидетелями, в качестве таковых подписывают документы о бракосочетании. В некоторых селах в сельсовете хранятся перевязи красного цвета с золотой бахромой и надписью «свидетель», их надевают через плечо и носят в течение всего празднества (принято фотографироваться всей группой). Эти перевязи напоминают полотенца, которыми бывали снабжены поезжане в более отдаленные времена. Позже поезжанам-мужчинам повязывали на руку платочки. Посажеными «родители и «дружки» объединены в общее понятие «кумовья» с новобрачными, равным образом как и крестные родители — с родными отцом и матерью крестника. Надо иметь в виду, что в традициях греков было привлекать к этим функциям одних и тех же людей: посаженные родители — крестили детей молодоженов, а потом и венчали этих детей (в случае их смерти или отъезда их права переходили к их детям или близким родственникам). Две группы кумовьев были связаны между собою квазиродственными узами: между ними и их потомством были запрещены браки, как и между кровными родственниками. Круг этих запретов различен, традиционно — охватывал 4 колена. Таким образом, круг брачных связей в мариупольских селах сужался, и все же предпочтение, как уже отмечалось выше, оставалось за односельчанами.

Торжественное бритье и одевание жениха сохраняется. Не исполняются те песни, что звучали в старину, но обряд в общем тот же. В Старой Ласпе помнят старинный обычай, согласно которому друг жениха (местное татарск. название *идитазы* или *егет дусе*) в день свадьбы приезжал за подушкой — «троном» жениха в дом невесты, куда привозила подушку посаженная мать. Вокруг этой подушки разыгрывалась шуточная борьба: парни старались ее украсть, так что кум был вынужден у них ее выкупать, поэтому подушку стерегли. Эта борьба-игра — необходимый элемент свадебного обряда, включавший «похищение» невесты, которое тоже превратилось в забаву.

Поезжане — обязательные участники обряда. Мужская молодежь приезжала вместе с женихом «забирать» невесту. Обычай скрывания невесты или ее подмены другой женщиной бытовал во многих селах (в Старом Керменчике и др.).

Борьба за невесту, сменившаяся в новое время символическими действиями, заместилась в конце концов выкупом — тоже символическим: подружки только за выкуп выпускали поезжан в дом, где невеста одевалась в ритуальный костюм, в туфли невесты клали деньги, иногда это делал калота,

побуждаемый подружками невесты (например, в Урзуфе), в других случаях — мать жениха, подготавливая свадебный костюм будущей невестки.

В описании сартанской свадьбы пропущен очень важный символ: один из верховых поезжан, сопровождавших арбу (бричку), где сидели жених и невеста (в некоторых селах было принято, чтобы жених на руках выносил свою суженую из дома и усаживал в экипаж), ехал впереди кортежа с обнаженной саблей в руках. Наши современники ничего подобного уже не помнят. Поезжане просто приходят в сопровождении музыкантов, танцуя и оглашая воздух громкими криками, садятся за столы и пируют. К этому моменту гости невестинной семьи уже откушали, они встают и уступают место вновь прибывшим «сватам» (родители невесты не сидят с ними, хлопочут, угощают «сватов»). Зато перегораживание пути обязательно. В некоторых случаях просто требуют «выкуп» (как правило, калота раздает водку), а иногда прибегают к весьма типичной символической установке: посередине дороги устанавливается табурет, а на нем буханка с солонкой и ведро воды рядом. Жених должен взять хлеб и соль, воду вылить под колеса автомашины, на которой они с невестой восседают, а за это, разумеется, расплатиться деньгами. Подобных препятствий устраивают несколько по всему пути те односельчане, которые не приглашены на свадьбу.

Еще одна категория участников свадебного празднества — зрители: без них праздник не может состояться. Это и приглашенные — «партия жениха» и «партия невесты», то есть «сваты» в широком смысле слова, и «партия кума», и просто любопытные, стекающиеся отовсюду. Они — обязательные наблюдатели того театрализованного действия, которое разворачивается перед ними, ценители мастерства, с каким главные действующие лица исполняют свои роли. Гласность, публичность и самого свадебного обряда, и всех предсвадебных и послесвадебных обычаев — выражение общественного контроля над институтом бракосочетания. В сельском быту этот контроль и поныне остается осязаемым, в городской среде он значительно ослабевает.

Родители брачащихся при церковном венчании не присутствуют, поэтому и при внецерковной процедуре — регистрации брака они тоже не бывают (хотя некоторые информаторы уверяют, что обе пары родителей отправлялись в церковь вместе с брачащимися, может быть, здесь ошибка памяти или же какой-то местный вариант). Согласно же традиции, задача родителей — проводить невесту из родного дома в новую жизнь (родители невесты благословляют, напутствуют свою дочь и ее жениха, то есть осуществляют обряд передачи — отделения) и встретить новобрачных (родители молодого встречают их на пороге дома, совершают ритуальные действия и вводят в дом — происходит обряд включения). Формулы благословения при отъезде и при встрече молодых в значительной степени стер-

лись в наше время, говорят, что, мол, надо почитать свекровь как родную мать и т. п.

Обряд введения невестки в дом ее новой семьи обставляется целым набором магических действий. Дело в том, что у многих народов, — а на Балканах практически повсеместно, — дверь жилого дома, ее порог воспринимаются как граница жилого пространства, символ семейного локуса, отсюда и разработанная семантика входа и выхода, приемы охранительной магии²¹. Поэтому возникло синкретическое действие, в котором сочетается манипуляция со свечой (которая сама почитается как оберег), медом — символом благополучия и крестом — христианским символом.

В некоторых селах посаженные отец и мать после торжественного ввода молодых в дом подносят им по чарке водки. В других стопку водки предлагают всем, кто подходит поздравлять молодых и кладет при этом на тарелку деньги им в дар. Как видим, сам ритуал ввода в дом сопровождается разными действиями в зависимости от устоявшейся в селе традиции или от инициативы участников, но смысл их одинаков — закрепить ритуальными действиями сам факт ввода в дом нового члена семейного коллектива.

Специалисты усматривают в обряде встречи молодых разновременные элементы. Отец новобрачного встречает сына и невестку на пороге дома, благословляя их хлебом и солью (он держит хлебный каравай с укрепленной на нем солонкой на вышитом полотенце, которое на Мариупольщине обычно называется по-украински *рушник*). Есть мнение, что это славянский обычай.

Хлебная символика обязательно присутствовала на мариупольской свадьбе. Не раз при описании разных вариантов упоминался *халъц* — калач или крендель (иногда смазанный медом), который ломают и раздают присутствующим (Сартана, Малый Янисоль, Новая Каракуба, Урзуф и др.). Например, в Малом Янисоле халац ломала посаженная мать перед выходом невесты из дома родителей (ее помощницы, обмакнув кусочки в мед, раздавали всем), в Новой Каракубе халац ломали на главном пиру. На свадьбе балканских греков хлеб (калач, лепешка) фигурирует в целом ряде магических действий: в одних случаях ее держат или же ломают над головой невесты, в других — она сама ломает лепешку и разбрасывает ее куски, которые присутствующие съедают или же хранят как магическое средство²². Естественно, что атрибутика хлеба могла возникнуть и развиваться в среде древних земледельцев; у мариупольских греков, хозяйство которых имело яркое земледельческое направление, она не могла не закрепиться прочно.

При встрече молодых на пороге мать новобрачного осыпает молодую чету смесью риса, конфет, мелких монет. Несомненно, это позднейшая замена пшеничных зерен — символа благополучия. Обсыпание как действие, призванное приносить изобилие, то есть всяческое добро, известно самому

широкому кругу народов. В свадебной церемонии оно практикуется у греков Греции, других балканских народов, в Приазовье у албанцев и других потомков балканских мигрантов. Символ множественности можно усмотреть и в обычае разбивания тарелки: в некоторых вариантах обряда невеста должна была наступить на тарелку, положенную на пороге, и разбить ее (ныне чаще всего на пороге расстилают коврик).

Мед, упомянутый в сартанской свадьбе, также является символом благополучия и фигурирует в разных магических действиях.

Очевидно, такова же символика яблока. В селе Малый Янисоль в 1970 г. жених и его дружка, переступая порог, срывали по яблоку из специально выпеченной из теста корзиночки (*калазиц*), которая висела перед иконой в переднем углу комнаты. В других селах вспоминали о такой корзиночке на свадьбах, сыгранных в 1920-х гг., но не могли объяснить смысла ее²³. Уместно вспомнить древнегреческие архаизмы в современной свадьбе балканских греков: в знак сердечной привязанности юноша на голову девушки бросает яблоко или цветок. Яблоко — общеизвестный древний символ брачного союза.

Очевидно, вегетативное значение имеет свадебное деревце, которое фигурирует в обряде приема невестки в доме свекра: ветку ветвистого кустарника, украшенную цветными бумажками, укрепляют на подносе, на не-

«Калазиц» — ритуальная композиция из яблок в доме родителей новобрачного

го же кладут одежду, которую дарят молодой, и ставят три тарелки со всевозможными сладостями. Эта единичная информация, записанная в 1969 г. в селе Большой Янисоль (Великая Новоселовка), не подкрепляется сведениями из других сел²⁴. Возможно, здесь влияние славянских обычаев²⁵.

Различные предметы брачного обряда приобретают особый магический смысл. Венчальные свечи становились своеобразным семейным символом. С ними ходили в церковь на Пасху. В иных селах принято ставить венчальные свечи в миску, наполненную пшеницей, в комнате молодых в их первую брачную ночь. Они выгорали дотла. Считалось, что тот из супругов умрет раньше, чья свеча раньше догорит.

Многие магические действия, при помощи которых навлекают на молодо-

женов добро, должны выполняться людьми, полноценными с общепринятой точки зрения. Если отец молодого ко дню свадьбы был вдов, он не мог встречать молодоженов на пороге дома: его функции исполнял старейший из родственников — не вдовец. Если же в доме находилась другая его жена — мачеха жениха, ее заменяла старшая родственница отца — не вдова.

Обсыпание, обливание как символ изобилия практикуется в разных вариантах. На одной из свадеб в селе Малая Янисоль калота, после того как его славили специальным танцем, пил во здравие присутствовавших, а остатками из своего стакана обливал танцующих.

Одежда брачующихся (*стефаятик* от греч. *то стефани* — брачный венец, *стефаново* — венчать) имеет большой знаковый смысл: такова упомянутая выше халатообразная одежда, употреблявшаяся в первый период после переселения из Крыма, таково же красное платье невесты. В конце XIX — начале XX в. предпочитали модные тогда черные атласные платья, позже — костюмы из легкой светлой ткани. Женихи надевали праздничные «воскресные» костюмы. В 1920–1930-е гг. при общем оскудении жизни, в военные и первые послевоенные времена было не до нарядов. Ныне повсеместно принят общераспространенный наряд: белое платье и фата с флердоранжем невесты, черная пара жениха с букетиком белых искусственных цветов в петлице. Бывало так, что в селе у кого-то имелся убор невесты — фата, искусственные цветы и пр. Его одалживали или арендовали, передавая друг другу, пока не изнашивался. Теперь существуют пункты проката свадебных нарядов.

Традиция предписывает постоянное передвижение участников обряда: «партии» жениха, невесты и калоты то соединяются для совместного пира, то расходятся. Ныне весь праздник стараются уместить в один, максимум в два дня. Расходы обе семьи делят между собой поровну. По-прежнему объединение двух групп родственников подчеркивается совместными трапезами начиная с момента сватовства и вплоть до послесвадебных взаимных гостеваний. Со временем число сотрапезников сокращается. Если раньше считалось обязательным раздельное угощение в домах жениха и невесты, то теперь зачастую ограничиваются одним общим пиром. Раньше на этот пир считалось обязательным пригласить до 300 человек, теперь обходятся сотней гостей и даже пригласить 50–60 человек не считается зазорным. Для главного пира иногда арендуют залы в местных ресторанах, кафе, столовых. На этот пир переносится центр тяжести всей свадьбы, которая, теряя черты обряда, все более приобретает черты праздника.

Дань современному этикету — смешанное сидение партии жениха и партии невесты за праздничным столом. Согласно традиции эти две группы пирующих не должны смешиваться, поэтому столы устанавливали буквой «П»: за средним столом почетные гости — посаженные отец и мать и другие, за продольными — гости, каждая партия за своим столом. Ныне столы

по-прежнему ставят в два ряда, но садятся за них вопреки прежнему порядку.

Хотя распорядителем на пиру, как и во все время празднества, считается калота, ныне на многих пирах принято выбирать «тамаду». Именно таким чужим словом называют мужчину, которому поручается произносить тосты, веселить собравшихся. Следовательно, этот совсем новый персонаж по существу дублирует калоту. Произнесение тостов — тоже новое явление, заимствованное из чужой культуры.

Согласно традиции молодожены не должны присутствовать на пиру, их приглашают лишь в специальных случаях: когда настанет время вручать подарки и т. д. В наши дни некоторые семьи находят компромиссный вариант: молодых усаживают за отдельный стол, иногда в другом помещении с их близкими друзьями — холостой молодежью (по традиции молодежь в застолье не должна участвовать) и там едят и пьют в свое удовольствие, хотя известен запрет молодоженам есть на пиру и тем паче пить горячительные напитки. Частенько молодые оказываются за парадным столом в центре всеобщего внимания. Такой порядок в точности повторяет русский обычай и противоречит балканскому. Самым разительным новшеством оказываются возгласы «Горько!», за которыми следуют поцелуи поднявшихся со своих мест новобрачных, что уже совсем нарушает балканскую традицию.

Присутствие молодых на общем пиру (под иконами), возгласы «Горько!» отмечали некоторые информаторы даже по отношению к свадьбам, сыгранным в конце 1920-х гг. (Старый Керменчик).

Обмен дарами — необходимая часть всего цикла, одна из форм установления союза между двумя семейными коллективами. Он начинается уже при первом («малом») сватовстве и возобновляется в определенные моменты брачного цикла, а также в дни семейных и календарных праздников. Стоимость даров, преподносимых каждой стороной, примерно одинакова, так что здесь не может идти речь об обогащении, а именно о символическом обмене²⁶. Иногда в наборе приданого, доставленного в дом молодоженов, находились предметы, которыми молодая одаривала своих новых родственников, в некоторых селах (как в сартанском варианте) она проделывала это сразу же по прибытии, в других принято доставлять их из дома родителей на следующий день после главного празднества, их приносили родственницы молодой (сестра, тетка и т. п.) и раздавали всем, кто жил в этом доме.

Особое значение имеет одаривание молодоженов. По существу это складчина на обзаведение и на покрытие свадебных расходов. Одаривание обязательно, во многих случаях о каждой преподнесенной вещи объявляется громко, дары принято расхваливать, а деньги тут же пересчитываются, и их общая сумма оглашается. Обычно сбором даров, в том числе и денег, руководила посаженная мать. Ее собственные дары должны быть богатыми, такова ее участь.

В селе Мангуш свекровь дарила невестке тот шелковый платок (*пушту*), которым заменяли подвенечный убор. Когда на следующий день привозили приданое, молодая должна была быть покрыта именно этим платком.

Первая брачная ночь проходила зачастую в доме друзей, соседей, живших по одной линии с празднующей семьей, ни в коем случае не напротив — через дорогу.

В описании сартанской свадьбы опущен деликатный момент — обнаружение факта целомудрия молодой. Этот обычай явно противоречит порядку, согласно которому супружеская жизнь начиналась после «большого сговора», иногда задолго до свадьбы. Очевидно мы имеем дело со смешением разнохарактерных моральных предписаний. В некоторых селах (Малая Янисоль, Мангуш, например) рассказывают, что в середине XIX в. принято было выставлять напоказ простыню новобрачной или по крайней мере осматривать ее (Староласпа). По воспоминаниям пожилых людей, этот обычай забылся в начале XX в. Отголоском его осталось угощение родителей молодой «сладкой водкой». Ради этого угощения гости («партия») жениха являлись в дом невестиных родителей, которые к тому времени уже успевали покормить «своих» гостей и освободить столы для вновь прибывших.

Второй день свадебного цикла отмечался по-разному. В Мангуше утром дети приходили к своей новой родственнице, целовали ей руку, а она одаривала их конфетами (так вспоминаются старинные обычаи, относящиеся ко второй половине XIX в.).

Празднества второго дня традиционны для греческой свадьбы. Устраивают различные состязания: бег или забавные соревнования — кто скорее съест арбуз, блинчики со сметаной и т. п. Подобные шуточные состязания ныне заменили настоящие, где можно было показать силу и удаль (пережитки так называемой «борьбы за невесту», известной нам из фольклорных текстов, согласно которым невеста доставалась самому сильному и храброму). Например, в Малой Каракубе (Красная Поляна) вспоминают, что свадебное веселье сопровождалось скачками, победители которых получали специальную сдобную выпечку.

Очевидно заимствованным элементом надо признать шуточные проделки с новоиспеченной свекровью: ее катают на тачке, если она не догадается вовремя откупиться от забавников водкой.

Столь же игровой оттенок приобретает ныне мытье ног: невестка мыла ноги свекру (иногда и свекрови) или же голову, а шутники в это время набрасывали в таз всякой грязи — получалась общая забава. Полагают, что такое действие — символ покорности и особого уважения перед старшим мужчиной со стороны молодой женщины²⁷. Однако это может быть и выполнение обычных будничных обязанностей вроде подметания пола, которое совершает невестка на второй день свадьбы: в старом быту было при-

нято, чтобы жена, невестка, дочь мыли ноги и голову мужу, отцу, свекру. В данном случае в виде забавы пародировались будущие обязанности невестки.

На второй день свадьбы в доме молодоженов появляются ряженые (*джамаля*), которые пародируют свадебный обряд, причем обязательен travestизм — переодевание с переменной пола, что по всей вероятности связано с мотивами эротизма, на фоне которого разворачивалось все праздничное действо²⁸. Так как ныне сценарий свадьбы в значительной степени неполон и сильно варьируется в зависимости от того, как и что помнится его участникам, то travести могут появиться и в первый же день, потешая собравшихся шутками, порой доходящими до непристойности — в зависимости от фантазии исполнителей. К группе, разыгрывающей пародийную свадьбу, присоединяются другие маски, среди них наиболее популярны «цыгане», они танцуют, «гадают», «воруют», вымогают деньги. В этом пункте цикла праздничная сторона решительно превалирует над обрядовой. Безудержное общее веселье затопляет улицы, кварталы, свобода общения, замешанная на эротике, придает ему особый оттенок.

Утром второго дня родственницы (сестра, тетка) приносили вместе с «завтраком матери» часть приданого (*джиэз*), в основном одежду молодой, а мебель и прочие предметы привозили несколько позже (в разных селах устанавливался свой порядок).

На второй или третий день «провожают» кума: с музыкой и шумом большая группа (иногда в нее включались молодые, но не везде) вела его домой, а он обязан был угостить провожавших. Так заканчивался свадебный цикл.

Послесвадебный цикл включал первый выход молодой по воду, первое посещение молодоженами церкви и другие обряды. Обязательный элемент этого цикла — посещение родителей молодой. Согласно балканской традиции новоиспеченная чета отправлялась к ним на восьмой день (ныне могут договориться и о другом сроке — судя по обстоятельствам). День называется *охто́* (на местном наречии *хто*), что значит по-гречески «восемь». Иногда шли к сватам в сопровождении музыкантов, устраивали большое угощение, подчас это был обмен визитами, в других вариантах ограничивались небольшой компанией, однако посещение это входило в обязательный репертуар цикла.

Современная свадьба примечательна тем, что ее участники стараются выполнить максимум традиционных действий при сокращении временного протяжения всего обряда.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает песенная и танцевальная свадебная обрядность: специальные песни (которые вне свадебного обряда не исполняются) сопровождают весь этот сложный спектакль. Как правило, они повествуют о сущности каждой из составляющих обряд цере-

моний, другими словами, их стиль — эпический. Их содержание, так же как и смысл упоминаемых в них обрядов, ныне не всегда понятны исполнителям. Например, не могут ныне объяснить, почему в старину невесте накануне свадьбы приносили петуха (песня, сопровождавшая это действо, сохранилась и исполняется). Между тем петух как символ плодородия (эквивалент — курица, утка) фигурирует в свадебной обрядности в балканской Греции, у балканских мигрантов на Украине (например, у албанцев), а также в славянской традиции.

Танцы на современном свадебном пиру ныне утратили свою обязательную последовательность. По традиции же в румейских селах главный пир сопровождался танцем *трапезитику*, а в урумских — старинными танцами пожилых мужчин *Ахай-ава* и *Авур-ава*²⁹.

Итак, свадьба мариупольских греков — это многослойное явление, в нем можно различить: 1) древнейшие магические приемы, корни которых уходят в самые глубинные представления о связи природных явлений и человеческой деятельности; 2) традиции свадьбы греков Балканского полуострова, в которых не могли не сохраниться черты древнегреческой культуры, вступившей в первые века новой эры на территории Восточной Римской империи в тесное общение с культурой других народов Юго-Восточной Европы и Малой Азии, а в средние века — с турецко-татарским культурным кругом; 3) новации, идущие от окружающего славянского населения; 4) формы современной урбанистической общеевропейской обрядности.

Обряды, связанные с рождением, воспитанием, социализацией детей

В греческих семьях всегда приветствовалось появление детей. «Свет очей» — так поэтически говорили о новорожденных. Бездетность считалась большим несчастьем. В настоящее время детность проявляет тенденцию к сокращению как среди греков-горожан всей диаспоры в целом, так и в среде мариупольских сельчан. Это явление не имеет отношения к этническим установкам, а связано с состоянием общества в наши дни: теряет значение само понятие семьи как обязательного устоя общественной жизни. Общей установке на сокращение детей в семье соответствует и современная система здравоохранения, дающая возможность супругам планировать состав семьи.

В наши дни роды происходят в больницах, в прошлом их принимала на дому повивальная бабка — *манѣка*. Обычная поза роженицы — сидя (известна в Передней Азии): на полу, посередине большого медного таза устанавливали треножник, на него сажали роженицу. Мало осведомленные информаторы, а также представители соседствующих этносов сообщают, что новорожденного посыпали или натирали солью, в действительности же —

посыпали немного соли на пупок. Первый и главный обряд, совершавшийся тотчас после рождения, — посыпание мукой. По традиции бабушка по отцу стружкой муки чертила на лбу крестик («чтобы он жил до седых волос»), потом посыпала на ручки и ножки («чтобы ходил в богатстве»). Это, разумеется, вторичные толкования (они записаны в Сартане)³⁰, попытки найти объяснения действиям, смысл которых уже утрачен. Очевидно, следует вспомнить здесь особое отношение земледельцев к хлебу как к основе жизни. Этот символ повторялся и при первом появлении рядом с новорожденным крестной матери: она клала ему в одеяльце кусочек хлеба; кроме того и сахар, положенный тут же, служил не менее выразительным символом: «Как это сахар бел, так и твои волосы пусть белыми будут», т. е. пусть ты доживешь до седых волос (записано в Старой Ласпе).

После того как бабушка совершала первое ритуальное действие, сопровождавшееся по традиции одариванием (дед дарил теленка или ягненка, бабушка золотую монету), повивальная бабка обмывала ребенка, пеленала и передавала матери.

Роженица — *лахуса* — три дня была скрыта от постороннего взора («Никто не должен видеть ее, даже солнце»), по распространенному мнению — берегли от «сглаза». По истечении трех дней повивальная бабка купала лахусу в корыте, накрыв ее шубой, одеялом и прочими теплыми покрытиями, чтобы она пропотела. Некоторые бабки специально сберегали зелень, которой в Троицын день украшали жилые комнаты, настоек этих трав они добавляли в воду, которой обмывали молодую мать. Затем снова укладывали женщину в постель, если этого требовало ее состояние. Тут на сцене появлялась крестная мать роженицы — самый близкий ей человек. Она приносила куриный суп, причем роженица должна была съесть крыло и шею курицы. Опять имело место вторичное народное толкование: «Чтобы ребенок окреп и держал шею прямо», однако смысл ритуального кушанья древнее и глубже: курица — это старинный символ плодородия, обязательный атрибут свадебного цикла³¹. Крестная мать преподносила манаке небольшие подарки, среди которых обязательно мыло.

С этого дня роженицу могли навещать родственницы, подруги, соседки. В качестве угощения приносили всевозможные сласти, среди которых *флутб* — слоеный пирог с изюмом, орехами, прочими сладкими добавками. Считалось, что роженице надлежит хорошо питаться и сласти ей полезны. Приносили в подарок новорожденному одежду (раньше ее развешивали на веревках для всеобщего обозрения, теперь просто складывают в одно место в комнате). После небольшого угощения расходились по домам.

Через неделю (обычно в воскресенье) наступал самый важный обряд — крещение (*футыша*). В греческом быту крестить ребенка считалось обяза-

тельным даже в те времена, когда другие религиозные обряды не исполнялись. Собственно этот акт воспринимался даже не как религиозное таинство, а как действие, оказывающее влияние на последующую жизнь: дети станут болеть и вообще будут несчастливы, если останутся без крещения.

Относительно крестного отца (*калбта*) и матери (*нуна*) сведения расходятся: одни полагают, что они должны быть обязательно мужем и женой и крестить всех детей в данной семье, в других местах утверждают обратное — они не состоят между собою в браке, поэтому на свадьбах и составляют четыре пары кумовьев: крестный отец жениха со своей женой, крестная мать жениха со своим мужем, крестный отец невесты с женой и крестная мать невесты с мужем. Главенствующую роль играет первая из названных пар. Наиболее желательным считалось, чтобы крестными родителями малыша стали крестный отец и крестная мать молодого отца новорожденного.

Во всех вариантах восприемники на всю жизнь останутся самыми близкими людьми своему крестнику (*фуцкб*) или крестнице (*фуцкй*). А дети всегда обязаны будут оказывать им знаки самого глубокого почтения. Духовное родство почиталось у греков едва ли не выше кровного. Браки между представителями обоих семейств были категорически запрещены³². Близкие родственники крестника, обращаясь к его крестным родителям, называли их калота и нуна.

Современный именьник в мариупольских селах заметно сужается (так происходит повсеместно в нашей стране). Сохраняется традиция нарекать первых в семье новорожденных именем деда и бабки по отцу, последующих — именами родителей матери, а затем — в честь дяди, тетки и т. д. (поэтому в семье мужские имена традиционно чередуются через поколение). Имеют хождение традиционные греческие имена, например Сталян, Христофор, Харлампий, Илья. А Феофил, Гавриил — эти, пожалуй, звучат только в отчествах. Впрочем, и деды нынешние, имена которых передаются новорожденным, зачастую носят общераспространенные русские имена — Владимир, например. На заре советской власти появилась мода на новообразованные имена — Ким, Баррикада, Коммунар, но она быстро прошла. Так называемые «красные крестины» (другого слова в обиходе просто нет) в селе Анадоль состоялись в 1946 г. в клубе, новорожденную назвали Владиленой. Этот единичный пример не нарушает общую картину приверженности современных греков к обряду крещения.

В честь крестин в доме устраивали праздничное застолье, на которое обязательно приглашали повивальную бабку, ее снова одаривали. Как и на другие семейные празднества, на крестины приглашенные являлись с подношениями: на подносы (*скуптели*) клали угощения и покрывали их сал-

феткой (*коньсча*). Таким образом пиршество принимало форму складчины (подносы и салфетки их владельцы потом уносили с собой).

На третий день после крещения крестная мать совершала первое омовение ребенка, но не водой, а специальным маслом (*миро*). В современном крестильном обряде континентальной Греции эту процедуру совершает крестный отец в церкви, после того как младенца окунают в купель. Таким образом, мариупольские греки дополняли обряд крещения, практикуемый русской православной церковью, своими традиционными приемами.

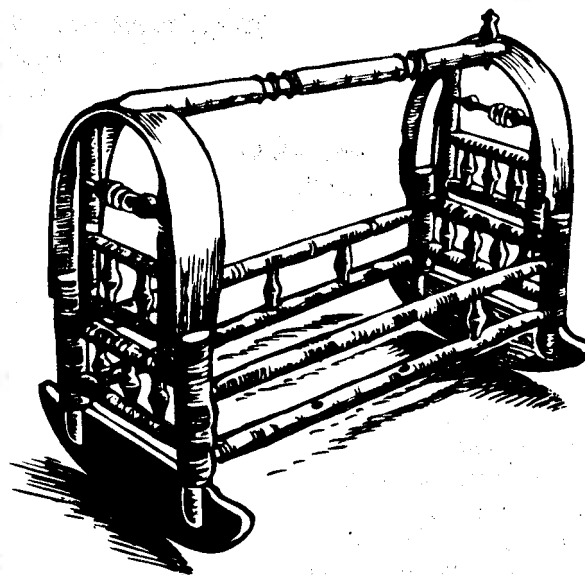
Сорок дней после родов лахуса не смела выходить из дома, ибо считалась «нечистой»: «Даже трава не растет там, где ступит роженица», — говорили в старину. На сороковой день в доме снова появлялась повивальная бабка, она вела роженицу с ребенком в церковь для совершения молитвенного обряда «очищения». По возвращении домой мать и дитя становились объектом внимания крестной матери и родственников. Крестная клала в одеяло упомянутые выше хлеб и сахар, родственники насыпали на руку, ноги и лобик муку, клали в ручку ему серебряную монету. На следующий день молодая мать могла приступить к своим повседневным делам, а также исполнять супружеские обязанности.

Как и везде в православном мире, у греков было принято отмечать именины (а не день рождения — праздник, возникший после отмены церковного календаря). В этом ритуале ясно прослеживаются общинные порядки: день святого чествовала община-приход сообща. По древней греческой традиции сутки наступают с заходом солнца, поэтому праздник начинается в навечерие. Именинник приносил в церковь несколько хлебных караваев. Священник благословлял их, верхний отдавал имениннику для домашней трапезы, а остальные, разломав на куски, раздавал после службы. Таким образом, все приобщались к коллективной трапезе. В некоторых селах родственники и друзья подходили к имениннику с зажженными свечами в руках, поздравляли его, он брал их свечи и ставил перед иконой своего небесного покровителя. На следующий день священник в доме именинника святил воду и служил молебен³³.

Со временем празднование именин сменилось, как и повсеместно, торжеством в день рождения.

В прошлом в ходу бывали разные приемы, призванные «лечить» ребенка от болезней, «от испуга» и т. п. Ныне это все основательно забыто. Упомянем лишь об обряде первого подстригания волос, его совершал крестный отец, сидя на шубе, вывернутой мехом наружу — магический прием, известный у славян.

Ныне молодые гречанки, ухаживающие за новорожденными по всем правилам современной гигиены и педиатрии, наверное не представляют даже, как их бабушки и прабабушки обращались с малышами. Туго спелену-

Колыбель

тые дети лежали в деревянных колыбелях, две дугообразные подножки которых позволяли их раскачивать. Иногда устраивали подвесные люльки, укрепленные на веревках над курватом (софой). На дне колыбели лежал матрасик — *кубиниц* (названия записаны в селе Стыла), набитый шерстью, простынка (*синдун*). Чтобы ножки лежали прямо, на них клали маленькую подушечку (*подушкица*), набитую шерстью или куриными перьями. Ребенок вынужден был лежать в колыбели неподвижно, для этого его обвязывали особыми поясами (*пудъари панд*, *шири панд*), закрепленными одним концом за специальную палочку, пропущенную вдоль одной из продольных стенок колыбели, а другим — на верхней ее перекладине на специально сделанных выемках. Таким образом занятая домашней работой мать освобождала себя от постоянного надзора за ребенком. Самой примечательной деталью колыбели было круглое отверстие в днище кровати, предназначенное для естественных отправлений ребенка. Вокруг него укладывали кусочек войлока (*тийииз*), закрепляли его пеленками (*пидъари амбаль*, *пидъаричо*), под отверстием подвязывали глиняный горшочек, а в него опускали от днища кровати узкую клеенчатую ленту (*халус*) для стока жидкости. Такими приспособлениями пользовались в свое время женщины балканских стран, где принято было держать младенца подолгу в колыбели, не вынимая порою даже для кормления (применяли деревянную

отводную трубочку с воронками, по форме различающимися для мальчиков и для девочек).

* * *

Детские сады, школы, сельские клубы с библиотеками и дискотеками, молодежные компании, домашний досуг перед телевизором — все это не отличает жизнь детей, подростков, молодых людей в греческих селах от бытия в любом другом населенном пункте южной Украины. Отношение к своей родной культуре, знание румейского и татарского языков, наконец выбор национальности при получении паспорта зависят в первую очередь от мнений, настроения в родной семье, далее — от общественного мнения в селении: где-то активно работает клуб, ансамбль народного танца, общественность с готовностью подымает на щит само понятие греческой культуры, а где-то царит безразличие к ней.

В репертуаре семейной обрядности возник в послевоенные годы и четко закрепился обряд проводов призывников в армию. Он так и называется русским словом *проводы* (в некоторых местах от старого слова «рекрут» искаженная форма *не́крут*). По случаю отъезда молодого человека в армию его семья устраивает застолье, порою по размаху не уступающее свадьбе. Так же как и в день свадьбы, приглашают специалиста-кухарку для приготовления праздничных угощений. Гости, как на свадьбу, несут с собой водку, разную снедь, цветы (снова получается застолье в складчину). Как и на свадьбу, дарят чаще всего рубашки, носовые платки; если по традиции полагалось класть подарки одариваемому на плечо, повязывать на руку, то теперь рубашку, купленную в магазине, запечатанную в целлофановый футляр, на плечо не положишь, подарки складываются где-нибудь в сторонке. Прощаясь, гости целуют новобранца, пожимают руку и вкладывают ему в ладонь деньги. Юноша прячет их в карман, позже отдает матери.

Отслужив в армии, молодой человек возвращается домой, где снова собирается праздник (специального названия не имеет), может быть, менее многолюдный и торжественный, но очень радостный.

Погребальные обряды

В погребальных обрядах мариупольских греков (румейск. *дантон*) просматриваются два аспекта: представление о том, что душа покойного должна найти свое место в загробном мире, и ощущение непрерывающейся связи между покойным и его живыми родственниками.

Древние греки верили, что души умерших, чтобы достигнуть загробного мира, должны преодолеть несколько подземных рек, через которые их перевозит старец Харон. В уплату ему полагался один обол. Монету такого достоинства клали покойнику под язык, ибо у тела, закутанного в погреб-

бальное покрывало, другого места для хранения денег не было. Впрочем, монету могла заменить керамическая табличка, в христианскую эпоху на ней изображали крест, в четырех образованных им секторах ставили условное буквенное обозначение известного изречения «Иисус Христос побеждает». В некоторых местностях Греции священник чертит эти знаки на кусочке черепицы с крыши дома покойника, а в дополнение делает еще и крестик из воска и ладана, который кладет на рот или на руки погребяемого. Миф о проникновении в царство мертвых сменяется другим поверьем: якобы все это делается, чтобы покойник не превратился в вампира, т. е. чтобы душа его успокоилась и не возвращалась к живым³⁴.

В наше время покойного кладут в гроб полностью одетым, поэтому логично положить символическую плату ему в карман. Плата заключалась в 40 монетках достоинством в одну копейку (или же в две, три, пять). Объясняли это так: душа должна пройти 40 дверей, если последняя 41-я дверь не откроется, «покойник не попадет на свое место». Здесь возникает число 40, которое имеет явно сакральное значение, восходящее к мифопоэтическим концепциям глубокой древности³⁵.

В гроб иногда клали личные вещи покойного, например старику — его очки, тросточку и т. п. Этот древний обычай снабжать покойного необходимыми вещами странным образом прошел через толщу веков, хотя противоречит христианскому обряду и священники пытались воспрепятствовать ему. Такое же значение имеет и «кормление» покойного — оставление на могиле воды, еды, трапеза на кладбище вблизи могильного холма, трапеза в дому и т. п.

Где бы ни умер человек, родные стараются, чтобы он три дня пребывал в своем доме, а если это невозможно, то хотя бы одну ночь провел там. Тело укладывают на кровать или другое ложе посередине комнаты. Возле стоит миска с пшеницей, в нее каждый проходящий проститься втыкает свечу, рядом кладут деньги (анонимная помощь семье). Покойника не полагается обходить кругом: пройдут от головы к ногам и обратно, надо выйти из комнаты тем же путем, каким вошли (в отличие от обычаев кавказских греков, у которых надлежит обойти вокруг ложа покойника). На похороны собирается обычно много народа, так как все в селе считают своим долгом проститься с родственником, соседом, знакомым.

Сыновья, родственники по обычаю не обмывают покойного, не одевают его (это делают специалисты), не несут гроб на кладбище. Всем сопровождающим женщинам повязывают белые платочки (теперь не всегда можно приобрести именно белые, повязывают те, что можно купить в магазине), мужчинам раньше накидывали на шею белые полотенца (*чифър-мандыл*), ныне их повязывают на руку повыше локтя или заменяют их носовыми платками. Выше, в разделе о традиционной одежде, уже рассказывалось об

использовании *перифтары* (женского головного покрывала) в качестве траурного одеяния; в тех селах, где о перифтаре как праздничном головном уборе едва помнят, он сохранился еще как предмет траурный: близкие родственницы покойного надевали черные платки, завязанные под подбородком, а поверх накидывали белые полотенца (фабричного современного производства), называя их по традиции перифтаром (записано в селе Чардаклы в 1970 г.).

Впереди погребальной процессии вслед за священником несут крышку гроба. Открытый гроб несут на полотенцах несколько мужчин, сменяя друг друга. На каждом перекрестке процессия останавливается, гроб устанавливают на табуретах, несколько минут спустя поднимают его три раза и продолжают путь. То же повторяется у входа в церковь и у кладбищенских ворот (записано в селе Анадоль).

Полотенца, на которых несут гроб, предназначаются носильщикам, но их обычно отдают тем, кто копает яму, или же, разрезав на куски, опускают в могилу на гроб. Каждый присутствующий бросает в могилу по три горсти земли. Раньше землю не насыпали непосредственно на гроб: над ним соорудили настил из досок. На могиле оставляли зажженную свечу или же кадили ладаном.

На кладбище приносят кутью (*кóлва*) — вареные пшеничные зерна, перемешанные с жареной мукой, сахаром, всевозможными сладкими добавками, над горкой каши, выложенной на блюдо, кусочками сахара, ягодами и прочими украшениями выкладывают крест. Когда опускают гроб в могилу, на него посыпают колву и поливают водой из стакана, который в доме во время прощания стоял в головах покойника. После того как гроб опущен, кутью раздают всем присутствующим.

По обычаю провожающие не ждут, когда будет готов могильный холм, быстро возвращаются назад. Прежде чем войти в дом, у калитки моют руки. Начинается поминальная трапеза: прежде всего каждый должен съесть по три ложки кутьи (колва). На столе — разнообразная еда, а спиртного не полагается (ныне кое-кто все-таки выставляет выпивку, которая порою нарушает траурное настроение).

В Сартане три первые дня после похорон готовили кутью жидкую, как суп, в нее добавляли изюм, а когда разливали по тарелкам, прибавляли немного тертых орехов и три кусочка хлеба — *пендату*. Эти кусочки отрезали от пяти маленьких хлебцев, специально для этого случая выпеченных (хлебцы круглой и крестообразной формы фигурируют в различные моменты погребальной обрядности в Греции, что лишний раз подчеркивает символику земледельческой культуры).

Заупокойная трапеза — общинное дело: ею делились с соседями — с восточной стороны усадьбы, затем с западной, потом напротив (некто-

рые информаторы полагают, что напротив еду носить нельзя, очевидно бывали разные варианты обычая). Раздавали и другим соседям, родственникам. Каждую субботу в течение последующего сорокадневья рано утром до восхода солнца разносили еду соседям, обязательно по три ложки колвы, причем еда должна была быть горячей, чтобы пар возносился кверху, «достигал души покойного»³⁶.

Три дня подряд родственники и друзья усопшего приходят на кладбище, окуривают могилу ладаном или же зажигают свечи, кладут на могилу конфеты, печенье, рассыпают крошки вокруг. Старинный обычай предписывал обход могилы: его начинала старшая женщина, за нею шли родственники, за ними остальные. Посещение могилы ежедневное в течение 9 дней или же только на девятый день — зависит от конкретных условий. На 9-й день устраивали поминки (на сартанском говоре *джанъш*, *алмбнима*). Приглашаемым на поминки разносили на тарелочках густо сваренную колву, поверх которой клали маленький хлебец.

Традиционные поминальные дни — девятый, сороковой, полугодие и годичное поминание. Здесь мы снова встречаемся с сакральным значением чисел, особенно сорока: полагают, что душа усопшего 40 дней остается на земле и только по истечении этого срока покидает ее, 40 дней на могиле стоит сосуд (рюмка, стакан) с водой, а в жилом доме на подоконнике стакан, в который воду постоянно доливают, чтобы он был полон. Все 40 дней в комнате, где лежал покойник, утром и вечером зажигают свечу. Согласно греческим традициям поминания происходят в первый понедельник после Пасхи (румейск. *âрт*, *âртус*), на Троицу и в день Спаса Нерукотворного (*Сутерас*); «на Спаса» (как принято говорить в народе) на могилы несли яблоки, мед, свежую выпечку. Чтобы поминальные свечи не тухли, с западной стороны могилы устраивают маленькую нишу, на старинных могилах из камня, а на современных из цемента или железа. Поверх ниши устанавливают сосуд с водой.

Поминки не имеют специального названия на румейском, просто говорят: «идем на девятидневье» (*экеман инея*), «идем на сороковины» (*экеман саранда*) и т. д.

Траурный цвет — черный. Некоторые специалисты сближают его с цветом земли, т. е. с плодородием, урожаем, а значит, и с идеей возрождения из мертвых (что отражено в мифах о Христе)³⁷. Обязательный знак траура для женщин — черный платок (черное платье специального покроя теперь уже не все могут иметь). Еще в начале XX в. женщины надевали в знак траура специальную повязку на лоб: небольшой ситцевый платок черного цвета складывали пополам наискосок и, начиная от углов, сворачивали жгутом около 1 см шириной (такой обычай встречается местами и в Греции). Траур носят 9 дней или 40 дней или же до первой годовщины смерти — в зави-

симости от близости родства и личных пожеланий. Мужчины выражают скорбь тем, что не бреются в течение 9 или 40 дней, а до конца XIX в. даже не стригли волос (случалось, что волосы отрастали до плеч, если вдовец соблюдал траур в течение года).

* * *

В общих принципиальных чертах погребальная обрядность мариупольских греков совпадает с таковой у жителей метрополии. В современной сельской жизни на Украине священники не привлекаются столь же активно, как в Греции. В меньшей степени развита символика креста.

В отличие от современного погребального обряда в Греции и от обычаев кавказских греков на Мариупольщине не принято оплакивать покойника, нет тех длинных заунывных песен, которыми оглашают воздух близкие родственники или профессиональные плакальщицы³⁸.

Многие детали сближают греческую обрядность с восточнославянской. Они заключаются в почтительном отношении к покойникам, в старании облегчить им путь в рай и одновременно в мистическом сознании невидимого присутствия предков (их душ) среди живых, что наглядно выражено в поминальных трапезах, в том числе и непосредственно на могилах³⁹.

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Годовой праздничный цикл

Каждая этническая культура — это открытая система, способная впитывать инновации от соседствующих культур или тех, какие в данный момент в конкретной исторической обстановке оказываются наиболее престижными. Отвечает она и ходу исторических изменений, модернизации общественной среды. Календарный праздничный цикл у мариупольских греков построен, как и у всех христианских народов, в соответствии с церковным календарем. Так же как и у других народов, в праздники христианского содержания вплетаются понятия, верования, приметы и суеверия, сложившиеся на заре человеческой цивилизации в среде земледельцев и скотоводов. Народный календарь, по которому расписаны обряды и праздники, — это по существу сельскохозяйственный, преимущественно аграрный календарь. В его основе лежит труд человека, поэтому он может рассматриваться как свод практических указаний для деятельности земледельца на основе длительного опыта⁴⁰. Постепенно забывалась первоначальная магико-религиозная суть обрядов, они включались в сложный комплекс церковных праздников, где детали священной истории переплелись со множеством ритуалов и магических приемов, смысл которых оказался невнятен для исполнителей, но ко-

торые вошли в прочно установившуюся традицию. На первое место вышел ритуал, т. е. действие как таковое, деяние, иногда оторванное уже от породившей его мысли⁴¹ или наоборот — предшествующее ей⁴². Предметы, постоянно окружающие человека, обыденные (профанные) в обрядах приобретают значение особенных, священных (сакральных).

Праздник преломлял обыденное течение жизни, создавал особое эмоциональное состояние людей, поэтому он столь необходим для человеческого коллектива⁴³. Он ограничен в пространстве от простого, непраздничного мира: он требует другого места⁴⁴, в данном случае он протекает или в сакральном месте — храме, или на площади, на перекрестке улиц, или же в жилом доме, но необычно оформленном — тщательно убранном, особым образом украшенном.

Обычай, проистекающий из эпизодов священной истории, и те обряды, которые вместили в себя магические приемы, соединяясь в единый комплекс, становятся частью жизни данного общества, сопровождаются необходимой для людей красочной игрой, народным праздничным развлечением.

* * *

Календарно-праздничные даты наступления зимнего сезона в литературе о мариупольских греках не зафиксированы. Как и везде в христианском мире, основное празднество приходится на двенадцатидневье — от Сочельника Рождества до Крещения (Богоявления).

В ночь под Рождество спали мало и чутко, чтобы рано поутру отправиться в церковь.

Рождество (румейск. *Христупаска*, *каланда*), как и Новый год (румейск. *чунурью хрондс*), ознаменовывались исполнением ритуальных песен-каланд (греч. *та каланда*) и набором ритуальных действий, в генезисе которых просматриваются слои древнейших религиозных представлений, перекрытых образами и ритуалами православной религии.

В последний день года мальчишки лет 5–6 ходили от дома к дому и звонили в колокольчики, извещая о приближении Нового года, а взрослые мужчины заходили в хлева и звонили в колокольчики «для скотины» — как объясняли в народе. Этот обычай требует специального разъяснения. В Греции 1 января празднуют день святого Василия, и новогодние обряды связаны именно с этим персонажем. Религиозные люди полагают, что св. Василий посещает дома христиан в ночь под Новый год так же, как Христос посещает их под Рождество. Как в старинные времена духам (душам предков) оставляли еду, так позже стали оставлять на столе или под семейными иконами угощение для Христа с Девой Марией, а под Новый год — для св. Василия. Изготавливали кутью (*коливо*, греч. *κόλλυβα*) или выпекали пирог — василопиту — «Хлеб св. Василия» (греч. *Βασιλοπιττα*). Считалось, что Ва-

силлий покровительствует земледельцам, ночью посещает конюшни и хлева и проверяет, как хозяева обращаются со своим скотом. Труженики делились коливом и василопитой со своим хозяйством: землепашцы — с рабочим и домашним скотом, рыбаки — со своим лодками, мельники — с жерновами (в Приазовье, где магические приемы утратили в значительной мере свое смысловое поле, в первой половине XX в. кое-кто еще помнил этот магический прием: в селе Чардаклы, например, женщины бросали калачики в колодец или в ключ). Скотину чистили накануне праздника, сытно кормили (весь год будут сыты), а наивные дети обнимали животных и просили хорошо отозваться о своих хозяевах, когда св. Василий навестит хлев⁴⁵. Таких поверий не зафиксировано в Приазовье, но звон колокольчика в хлеву, произведенный хозяином или хозяйкой, вполне можно принять за последнюю реминисценцию таких поверий и обрядовых действий. Правда, в некоторых селах полагают, что ангелы спускаются с неба и посещают домашнюю скотину: старые поверья настолько стусеивались, что заменились церковными персонажами.

Вечером мальчики постарше, лет 10–12 (а иногда и девочки), ходили по дворам, распевая старинные каланды, которые в Приазовье называют украинским словом «колядки». Колядовать, говорят в народе, это значит Бога хвалить (татарск. *Аллах сулелё*). Хозяйки специально для детей выпекали калачи (*халбчича*), маленькие булочки или покупали их в магазинах. Дети нанизывали эти калачи на переброшенную через плечо веревку и так обходили все дома в селе. Детям постарше давали мелкие деньги. Поздно вечером в обход села пускались взрослые мужчины, получали от хозяек выпеченные к этому празднику слоеные пироги с мясом или тыквой (*шумуша*), другое угощение, деньги. Юноши старались заполучить пирог из рук своих любимых как знак сердечной привязанности. Собранные подношения, сложенные в большие корзины, колядовавшие продавали, покупали водку и устраивали общую пирушку.

В селе Большая Янисоль (Великая Новоселовка) рождественская песня начиналась словами:

*Христос иньтғын,
Хара с тун козмус,
Хари тосин ти,
Палито син.*

*Христос родился,
Радость людям,
Радость большая,
Очень большая.*

Известный собиратель румейского фольклора Н. А. Хорош сообщает, что понять смысл всех слов ритуальных песен очень трудно, так как они, исполнявшиеся на слух, — искажены. Мелодии же сохранились хорошо, они в основном одинаковы во всех румейских селах, имеются лишь небольшие вариации.

Детские колядки отличались быстрым темпом исполнения и веселым содержанием:

*Арши, арши та каланда,
Арши ту энарею
Оцо иньтғыны Христос!*

*Начинаем, начинаем каланду,
Начинаем
О том, что Христос родился!*

Примерно с 1930-х гг., когда сельские церкви в большинстве своем закрывались, новогодье стало преимущественно семейным праздником⁴⁶.

«Хождение со звездой» (распространенный среди православных ритуал хождения с большой, склеенной из серебряной бумаги и насаженной на высокую палку звездой) было принято в редких селах (это городской обычай, недаром его соблюдали в селе Сартана, расположенном вблизи Мариуполя), не было, разумеется, и рождественской елки (теперь она появилась в новом качестве — новогодней, что противоречит балканской культурной традиции).

Самым примечательным обрядом рождественско-новогоднего цикла было хождение с плугом. В Греции весной перед наступлением времени пахоты совершали обряд символической запашки: по улицам в сопровождении праздничной толпы проходил специальный персонаж весенней обрядности *калогёр* (греч. 'о *калогерос*) и плугом, в который были запряжены волы, проводил борозду на земле⁴⁷. В других балканских странах известен подобный обряд⁴⁸. В Приазовье не совершали ритуальную запашку, а носили на руках плуг, снятый с передка. Позже настоящий плуг сменила его маленькая модель, которую носили мужчины в новогоднюю ночь. В Сартане они обычно заходили в дом и клали модель плуга на стол перед хозяином. Эту модель называли *каланда*⁴⁹. На плуг подвешивали калач (*халъц*). Иногда обносили плуг по всем комнатам. Обычай хождения с плугом был весьма устойчив даже в те времена, когда церкви закрывались и обрядность порицалась; ушел в прошлое с течением времени.

Кульминацией праздника (и Рождества, и Нового года) было семейное застолье. Утром в день Рождества (румейск. *Христупаска*, татарск. *барьям*), вернувшись из церкви, семья усаживалась за стол. Прежде чем начать трапезу, зажигали лампы. Было принято, чтобы дети целовали руки родителям. Потом принимались за еду. Обычные угощения — холодец, мясо (баранина, свинина, котлеты), *хайма́х* — взбитые охлажденные вершки слегка топленого молока, слоеные пироги *флутó* — специальное угощение только на новогоднем столе, начиненные мясным фаршем и тыквой, и многое другое. Первое место на праздничном столе занимал пирог (румейск. *христопсуми́, влуийя*, татарск. *ахча-птах*, букв. «хлеб-деньги»), в который запекалась монета: тот из сотрапезников, кому доставался кусок с монетой, считался носителем счастья на весь год. Каравай торжественно раз-

резал глава семьи, а дети с замиранием сердца следили за его рукой в сладкой надежде заполучить монету. В некоторых селах принято было приглашать к столу священника, которого просили разрезать пирог.

Вечером под Новый год после праздничного застолья ложились спать: дожидаться полуночи не было принято. Поутру первого дня нового года в дома являлись группы детей, они вынимали из карманов зерно (пшеницу, кукурузу), бросали — «посевали» — на икону или рассыпали по комнатам и припевали по-русски:

*Сею, сею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!*

Или:

*Раскрывайте кошельки,
Доставайте пятаки!*

В некоторых местах добавляли: «Звезда ясная воссияла!» Иногда произносили пожелания на родном языке: «Чтобы корова была молочная, чтобы был урожай, чтобы хозяин с хозяйкой были здоровы», а затем добавляли по-русски: «Поздравляем с Новым годом, с новым счастьем!»

Религиозные люди утром ходили в церковь, а с полудня уже начинали ждать гостей. Очень важно было появление первого гостя: хорошо, если это был мужчина, его с радостью встречали, угощали. Появление женщины в качестве первого гостя считалось дурным предзнаменованием.

Весь период, который в России называется святками, а в Греции двенадцатидневьем, царил всеобщее веселье. Ходили к друзьям и родственникам в гости. Крестники навещали своих крестных, приносили им традиционные *канйиц* (так произносят название обязательного подношения в Стыле, в других селах фонетика несколько другая): на большую тарелку или поднос укладывали угощения — слоеный пирог (*шумуша*), курицу, запеченную со специями, сласти, накрывали салфеткой (*канйици мандйл*). Дети целовали руки крестным, получали от них подарки — рубашки, платья, мелкие деньги, их угощали, а вечером крестная мать укладывала на поднос свои угощения и отсылала в качестве ответного дара. В разделе о свадьбе мы уже встречались с таким правилом — взаимным обменом равноценными дарами. Оно действует в различных бытовых ситуациях, закрепляя близкие отношения между группами родственников.

На второй день Нового года навещали родителей хозяйки, на третий — родителей хозяина. Праздничное настроение продолжалось.

В те времена, когда в Приазовье стояли снежные и морозные зимы (ныне по всей Европе климат заметно потеплел), устраивали зимние забавы. Например, в селе Карань (Раздольное), расположенном при впадении реки Волновахи в Кальмиус, катались на санях, украшенных домоткаными ков-

рами, по льду реки и по главной улице. Ребятишки скользили на самодельных деревянных коньках, съезжали с гор на кусках фанеры.

Появлялись ряженые. Популярны маски — свадебные персонажи-трагести, верблюд, медведь, всадник. Шумной компанией ряженые заходили в каждый двор, получали подношение съестным, потом устраивали пирушку.

Наконец наступало Крещение — *Фьота*. Вот как рассказывали об этом пожилые жители села Аргын, или Каракубы (Заможное)⁵¹. Вечером накануне этого дня на улице возле каждого дома жгли солому и прыгали через огонь: полагали, что тем самым прогоняют злых духов (вера в очистительную силу огня известна повсеместно)⁵².

Обычай зажигать соломенную кучу в период двенадцатидневья у мариупольских греков называется «жечь каракаджолов»: каликандзоры, каракаджолы или каликандзары (существует множество вариантов их названия) — персонажи балканского мифологического мира (возможно — души предков) — появляются на земле с целью навестить живых потомков в дни переломного момента смены времен года. Они определенным образом связаны с огнем, и именно при помощи огня их выпроваживают из мира живых (ср. русский обычай «греть родителей», украинский «палити дідуха»)⁵³.

Утром в день Крещения шли в церковь, а после службы все верующие со священником во главе направлялись к реке для совершения обряда водосвятия. Заранее во льду реки вырубали прорубь, из льдин сооружали крест, окрашивали его в красный цвет. Снег вблизи проруби расчищали, люди, обнажив головы, собирались вокруг, молились, священник, опустив в воду крест, освящал ее. В тот момент, когда он произносил слова «и дух в виде голубя...» — стоявшие поодаль парни стреляли в воздух и выпускали голубей, раскрашенных в разные цвета. После этого все зачерпывали ведра воды из проруби с тем, чтобы поить ею скот. Для себя они еще накануне в церкви набирали освященную в бочках воду. Утром, прежде чем приступить к еде, полагалось выпить освященной воды. Ее сохраняли в бутылках в течение года и употребляли в качестве лекарства при различных заболеваниях.

К праздничной семейной трапезе выпекали специальный хлеб, в некоторых местах в виде креста. Священник, который обходил дома, окроплял эти хлебы святой водой и выдавливал на тесте специальной печаткой начальные буквы известной формулы «Иисус Христос побеждает». Священник разламывал хлеб, половину вручал хозяину, вторую брал себе. Затем семья усаживалась за праздничную трапезу⁵⁴.

В календарной обрядности практически всех европейских (как и неевропейских) народов вода играет значительную роль⁵⁵. Очистительная, целебная и плодоносящая ее сила вызвала множество поверий и ритуалов. Среди греков, расселенных на балканских и малоазийских побережьях, не мог не сложиться особый культ воды. Обычай окропления водой был известен в Древней Греции. В Аркадии каждый год в определенные дни за-

сушливого периода жрецы святилища Зевса Ликийского опускали ветви дуба в воду священного источника. В современной христианской обрядности связь воды и зеленой растительности осталась в том «кропиле», каким ныне брызгают «святой водой»: в Греции это зачастую ветвь оливы, в Приазовье употребляли пучок базилика.

Двенадцатидневье в среде приазовских греков обнаруживает определенные генетические связи с балканской традицией, хотя и несет ряд своеобразных черт. Как уже отмечено выше, глубинные корни рождественско-новогодней обрядности восходят к аграрным культам древности, ее бытование в дальнейшем прочно связалось с насущными нуждами крестьянского хозяйства, к которым неизбежно присоединялись народные суеверия. В ней присутствуют реминисценции греко-римского и византийского времени, а именно празднование начала месяца — каланд (греч. *καλανδών εορτή*), что соответствовало римским календам (*festum calendarum*). Начальные дни месяца еще в первые века н. э. были отмечены особой обрядностью — зажигали в эти дни огни на деревьях, гадали, пировали и т. д. В византийское время в январские каланды включились римский праздник Воты (1–3 января) и предшествовавшие ему Сатурналии (17–23 декабря). Они сопровождалась гладиаторскими играми, показом «охоты» в цирке, закланием жертвенного поросенка, взаимными подарками, всеобщим весельем. В VI в. при императоре Юстиниане празднование январских каланд было расширено до 12 дней — от Рождества до Крещения.

1 февраля — день св. Трифона. На Балканах этот святой считается покровителем виноградников и виноградарей⁵⁶. В Приазовье помнят лишь о том, что в его день нельзя употреблять острые предметы, поэтому прятали ножи, вилки, ножницы. Хлеб нарезали заранее и картошку варили накануне, а в самый день обычно стряпали пельмени, которые можно соорудить и без помощи ножа. Как и другие православные праздники, день Трифона начинался в навечерие накануне (после захода солнца) и длился первую половину следующего дня (2 февраля — Сретение). Празднование дня Трифона — чисто греческий обычай, у русских в Приазовье его нет.

* * *

Пасхальный цикл занимал важное место в календаре. *Пасхой* называли и сам праздник (татарск. *бюлюк-байрам*), и кулич из теста, и пасху из творога. Дню Воскресения предшествовал Великий пост — *мегъа нистиа*, Страстная неделя — *мегъа взомадъа*, Вербное воскресенье *ваи* (буквально — «пальма», так же как в Греции — *вайя*). За десятилетия, миновавшие с тех пор как были закрыты сельские церкви, многое стерлось в памяти населения.

Набожные люди соблюдали 40-дневный Великий пост или же недельный перед Пасхой, исповедывались и причащались. В большом торговом

селе Каракуба в течение всего поста возле церкви продавали кондитерские изделия, апельсины, лимоны и т. д. Тот, кто причащался, покупал лакомства и раздавал всем присутствовавшим. Особое внимание было направлено на засватанных девушек. Все родственники жениха стояли на паперти с узелками конфет, пряников, апельсинов. Когда невеста выходила из церкви после причастия, ей вручали эти узелки⁵⁷. Интересно, что в течение Великого поста среди молодежи затевались игры в мяч, которые с наступлением Пасхальной недели прекращались и сменялись качанием на качелях.

Качели — обязательное развлечение в пасхальные дни во всей Греции и на Кипре. Это, как правило, увеселение неженатой молодежи, наделенное определенным сексуальным смыслом: в песнях, сопровождающих качание, заключены лирические мотивы, свадебные сюжеты⁵⁸.

В субботу обходили церковь крестным ходом.

Накануне праздника приводили в порядок подворье, убирали мусор, посыпали дворы песком. Особенно много хлопот было у женщин: побелить заново дом, убрать и украсить комнаты, напечь и наварить разнообразные угощения. В селе Старый Керменчик (Старомлиновка)⁵⁹ выпекали по 20 сдобных и по 20 пресных куличей (снова появляется сакральное число 40: 40 куличей, через 40 дней будет праздник Вознесения). В печи запекали ветчину, жарили мясо, приготавливали различное печенье, бублики, в качестве десерта — кисель, компот, молочную рисовую кашу, некоторые изготавливали традиционный напиток — *бузу*. Яйца красили в различные цвета, некоторые умельцы выводили на них узоры, их называли «вышитые яйца».

Комната, где принимали гостей, была украшена по-особому: икона в переднем углу, зеркало, по традиции помещенное в простенке между окон передней стены, сами оконные проемы окаймляли декоративные полотенца, которые называют украинским словом «рушник», украшали веточками вербы⁶⁰. Под иконой обычно помещался угловой столик, на нем размещали пасхи, куличи, крашеные яйца на тарелке или в плетеной корзиночке, свечи. На стене слева и справа от углового столика висели снопики — особым образом заплетенные колосья пшеницы.

В пасхальную ночь постели не стелили, ложились на софу (курват) не раздеваясь, чтобы с первыми ударами церковного колокола отправиться на богослужение, прихватив и детей.

Утром после молебна священник освящал, окропляя святой водой, пасхи, куличи и разную снедь, все, что прихожане раскладывали на скатертях в ограде церкви (часть припасов предназначалась для причта). В это утро разговлялись после поста. Прежде чем сесть за стол, растирали в ладонях сушеные травы — васильки, чабрец, по дому распространялся приятный запах, смешиваясь с запахом зажженного ладана. Лампада перед иконой глела всю ночь. Прочитав молитву и поздравив друг друга с Воскресением

Христа, садились наконец за торжественную трапезу разговляться после длительного поста.

Главная забава этого дня — крашенные яйца: их стучали одно о другое, победитель, чье яйцо оставалось неразбитым, забирал поврежденное яйцо. Обычно это было просто веселой игрой, но случались и недоразумения: кое-кто изготавливал поддельные деревянные яйца или же заливал внутрь скорлупы свинец. В течение Пасхальной недели царило всеобщее веселье: почти на каждой улице устраивали качели или карусели, появлялись музыканты, начинались танцы, звучали греческие, русские и украинские песни, распевались частушки на злобу дня, затевались игры.

На следующий день шли поздравлять крестных родителей. При встрече женщины целовались, младшие должны были целовать руки старшим. Обед бывал столь же обильным, как и в первый день Пасхальной недели, к нему подавали только густое красное вино (его называли «церковным»). Когда гости отправлялись домой, крестная мать собирала свой узел с дарами, завернув в платок — *бухчу*, и вручала гостям.

На третий день Пасхальной недели после завтрака запрягали лошадей и отправлялись в степь осматривать всходы озимых. Считалось грехом работать на праздничной неделе, если у кого-либо урожай оказывался плохим, в селе говорили: нарушил, наверное, великий праздник, и Бог его наказал.

Через неделю после Пасхи — день поминовения мертвых, в Приазовье он назывался русским словом «проводы». Ради памяти покойников снова пекли куличи, красили яйца и отправлялись на кладбища. Там угощали друг друга, уделяли долю причту.

На румейском языке в с. Малый Янисоль (Куйбышево) этот праздник называли *артэ*⁶¹ — по названию пирога, в тесто которого вставляли столько яиц, сколько человек было в данной семье. Хозяин брал этот пирог с собой на пашню и там производил поистине магическое действо: на краю участка расстилали скатерть и катали по ней артэ из угла в угол, приговаривая: «Расти, высокий урожай, на этой ниве, чтобы в нашем доме всегда было изобилие» и тому подобные заклинания. Потом возвращались домой, где вся семья поджидала хозяина, который торжественно вручал пирог хозяйке — своей жене. Она ставила пирог на празднично накрытый стол (как и в день Пасхи, все предварительно растирали в ладонях чабрец и другие пахучие травы). Читали молитвы. Хозяйка раздавала всем по куску пирога с яйцом, причем резать его ножом запрещалось — ломали руками.

Естественно, что описанный обряд не мог сохраняться после коллективизации и постепенно забылся.

Через 50 дней после Пасхи отмечали Троицу — день поминовения мертвых. В субботу (ныне — в воскресенье) посещали кладбища, несли с собой еду: мясо, домашние колбасы, плов, вареные яйца, *тибаб* — тушки моло-

дых барашков, начиненные смесью ливера с пшеничной крупой и специями, запеченные в печи в плотно закрытых чугунах; слоеный пирог *флутб* из дрожжевого несладкого теста; готовили слабоалкогольный напиток *бузу* из кукурузной или просяной муки.

Обязательным поминальным блюдом была кутья (*колва*) из зерен пшеницы, замешившая в греческой ритуальной символике *панспермию* («все-зерние» — *ἡ πανσπερμία*) — кашу из всех злаковых и бобовых, употребляемых человеком в пищу. Как и в других подобных случаях, уложенную на блюдо кашу украшали тщательно, выкладывали на поверхности крест и всевозможные узоры. Особенно старались те женщины, в чьих семьях похороны состоялись недавно. Как всякую жертвенную еду, колву не потребляли сами, а раздавали окружающим.

Еду раскладывали на расстеленных на земле близ могил скатертях, священник благословлял яства, окропляя их святой водой, читал поминальные молитвы, называя поименно усопших. Затем начиналось взаимное угощение: жертва мертвым состояла в том, что жертвователю не должен был сам ее съедать, но раздавать другим.

Дома и усадьбы украшали свежей зеленью: пучки ее засовывали за стреху, укрепляли у колодцев, во дворе, полагали, что души умерших, посещая родные дома, будут прятаться в этой зелени. В комнатах на полу расстилали свежую траву (в с. Стыла ее называли *харабичен*).

В Старом Крыму праздник устраивали на берегу реки Кальчик в местности, называвшейся Белая дача: магическое сочетание воды и свежей зелени как взаимно связанных природных сил, влияющих, по народным поверьям, на плодородие, а следовательно, и на здоровье, и на всяческое благополучие⁶², выразилось в том, что ритуальную пищу (прибавляя к ней всяческие закуски) поедали, усевшись на земле на берегу реки, зачерпывая воду из особенного водоема, питаемого подземным ключом. Над водой помещали икону (типичный пример религиозного синкретизма), в источник бросали монеты, воду хранили дома, прибегая к ней как к лекарству.

Из прочих праздников летне-осеннего цикла помнят Фомину неделю (первая неделя после Пасхи), смутно вспоминая, что это «праздник мышонка» — праздник хлебопашцев, след древнегреческих ритуалов, сложившихся вокруг мыши как хтонического животного⁶³.

Характерно, что день Ильи Пророка не отмечается в греческом анклаве (как заметный праздник (храмы этого «солнечного» святого расположены обычно на возвышенных местах), зато популярен день св. Иоанна Крестителя или Ивана Купалы (24 июня/7 июля). Жительница с. Большой Янисоль (Великая Новоселовка), вспоминая свою молодость в 1920-х гг., рассказывала⁶⁴: как только солнце садилось, женщины и девушки, собираясь компаниями, шли купаться. По возвращении разжигали костры, прыгали

через огонь, исполняли национальные хороводные танцы, пели. Эти обряды, напрямую связанные с солярным культом, повторяли обычаи, известные в континентальной и островной Греции, а также в местах древней греческой колонизации на побережье Малой Азии⁶⁵.

Девушки при луне ставили знаки на дереве: обозначали какие-либо почки, а утром приходили посмотреть — зацвели ли они? Участницы игры бросали в кувшин с водой серьги, кольца и другие подобные предметы, оставляли кувшин на ночь в укромном месте, утром собирались и под пение вынимали по очереди эти предметы: слова песни, при звуках которой появлялся предмет каждой из участниц игры, воспринимались как пророчества.

В иных местах помнят, что срывали цветок, именуемый Ай-Яни-Чычак (дословно — «цветок святого Иоанна», возможно — подорожник, намек на мифический цветок папоротника), натирали тело цветком при купании (записано в с. Каракуба). В других местах (с. Стыла) цветком Иоанна (*вуг-йяня*) называли пахучую траву с голубыми цветками, которая растет на скалах. Эту траву добавляли в воду при мытье головы: она предохраняла от головной боли.

В Иванов день нельзя было употреблять режущие орудия, чтобы «не отрезать голову св. Иоанна».

В древней мифологии стихия воды связана с образом коня. Возможно, поэтому в день Ивана Купалы принято было обновлять выездные экипажи — брички, двуколки или линейки, устанавливая на них новые сиденья и т. п. Выезжали на них в поле осматривать посевы.

* * *

Земледельческий характер календарной обрядности прослеживается ясно в последовательности действий: новогоднее «хождение с плугом» (ремисценция обряда «первой борозды») как залог удачного урожая, «посевание» (разбрасывание зерна в доме утром нового года), осмотр посевов в дни христианских праздников, особое отношение к последнему снопу и, наконец, современный обряд «посвящения в хлеборобы».

Обряд последнего снопа не мог исполняться при колхозном ведении хозяйства, но в памяти людей старшего поколения он сохранился со времен индивидуального хозяйства: закончив косовицу злаковых, косцы сплетали из последних колосьев косу, клали ее у последней копны поближе к дороге, чтобы все проезжавшие видели, что работа окончена (значит, у этого хозяина можно просить косилку, косу и другой инвентарь). Когда колосья возили на ток, забирали и эту косу. В с. Малый Янисоль такую косу называли *фать*, что на местном диалекте значит «хвост».

Обряд последнего снопа нашел отражение в обычае вешать в парадной комнате жилого дома возле икон композицию из сплетенных особым обра-

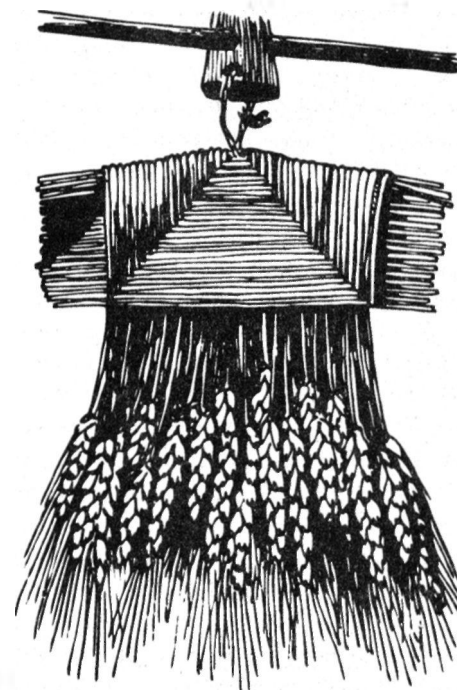
зом колосьев, ее чаще всего называют «крест», в с. Каракуба — *джи-матитс* — «снопик» (ср. греч. *то берати* — сноп).

По окончании уборочных работ устраивали в домашнем кругу застолье (татарск. *сабан-туй*). Это тюркское наименование, означающее буквально «праздник плуга», стало ныне широко распространённым в южной зоне Украины для обозначения праздника вообще, в том числе и по поводу окончания уборочной кампании, как сугубо мужской производственный праздник. В этом же ряду следует упомянуть и современный обряд «посвящения в хлеборобы» — общественный сельский праздник, в центре которого оказывались молодые механизаторы.

Весьма выразительны обряды осенних праздников Преображения (Спаса Нерукотворного 6 августа ст. ст. / 19 августа н. ст.), когда совершалось освящение меда и яблок, и Воздвижения (14 сентября / 27 сентября) — день освящения винограда. Эти освящения плодов в церквях — не что иное, как повторение жертвоприношения первых плодов божествам, известного со времен Древней Греции.

* * *

Подводя итоги описания календарной обрядности мариупольских греков, следует подчеркнуть их синкретический характер: наслаивание временных элементов (древнейшие религиозные верования, представления и суеверия и обрядность православной церкви) и смешение культурно-этнических комплексов — собственно греческих, восходящих к древним генетическим корням, черт турецкой и татарской культуры, усвоенных за многовековой период совместной жизни на полуострове Малая Азия и в Крыму, русской и украинской фольклорно-обрядовой культуры, естественным образом соприкасавшейся с греческой при смешанном расселении, активных всесторонних связях и высоком проценте смешанных браков.

Композиция из сплетенных колосьев

Народное гулянье, по привычке приуроченное к традиционному дню, получило новое содержание: например, в селе Сартана, где престольный праздник приходится на день св. Георгия (23 апреля ст. ст./6 мая н. ст.), эта дата осмыслялась как «Праздник весны», который сопровождался наряду с танцами и другими развлечениями традиционной коллективной трапезой. В селе Стыла ежегодный праздник с того же престольного дня перенесен на 9 мая — День Победы. По какому бы поводу ни затевалось общесельское веселье, оно неизбежно сопровождается традиционным состязанием в борьбе (тюрк. *курбш*): состязаются несколько пар борцов, начиная от самых молодых и кончая наиболее опытными спортсменами, обязательный приз — живой баран. Другой вид спортивных состязаний — скачки — ныне уже не практикуется.

Престольный праздник панаир

Панаир — самый известный и повсеместно отмечаемый календарный праздник мариупольских греков. В их крымскорумейском языке имеются различия в говорах отдельных сел и их групп, поэтому в названии праздника звучат варианты: *панаёр*, *пангорис*, *панъбор*, а также *аю*, *аюс* («святой, священный» от греч. *ο' αγιος*) или же *мега юртбы* («большой праздник»). Наиболее же распространено наименование *панаир*. В современном греческом языке слово *πανηγυριος* означает «святой», а *το πανηγυρι* означает «празднество, торжество, религиозный праздник, народное гулянье, пир, веселье, ярмарка, шум, суматоха». И вправду: панаир — это по существу престольный праздник каждого села (в народе говорят «храмовый праздник» или же попросту «храм»), который включает шумное веселье, всеобщее пирование.

Народное суждение связывает это название с титулованием Богоматери, по-гречески *η Παύγια*, а некоторые толкователи — с именем персонажа древнегреческой мифологии Паном. Татароязычные греки наряду со словом «панаир» иногда употребляют тюркское *хурбан*. Престольный праздник — это день того святого или события священной истории, во имя которого воздвигнут храм в данном населенном пункте. Престольные праздники справляли все православные — и русские, и украинцы, и представители других народов. Однако у греков этот общехристианский обряд принял особые формы и выделяет их специфические этнические традиции. В годы, когда все сельские церкви были закрыты, традиция панаиров не прервалась: праздник этот служил своеобразной «визитной карточкой» каждого села.

В нескольких селах праздновали день св. Георгия (Юрия): в Стыле, Староласпе, Сартане, Мангуше (23 апреля ст. ст./6 мая н. ст.), в Новой Каракубе (совр. Красная Поляна) отмечали Престол св. Николая (9/22 мая), в Карани (Гранитное) и в Чардаклы (Кременевка) чтили свв. Константина и Елену (21 мая/3 июня), в Константинополе отмечали день св. Федора

Стратилата (8/21 июня), в Игнатовке — Петра и Павла (29 июня/2 июля), в Старом Керменчике (Старомлиновке) церковь была посвящена Св. Троице, в Ялте праздновали день Иоанна Крестителя — Ивана Купалы (24 июня/7 июля), в Бешево — Козьмы (2/14 июля), популярен был св. Илья, его день (20 июля/2 августа) отмечали в Старом Крыму, Каракубе (Раздольное), Чармалыке (Заможное), в селе Камар были два престола: в день великомученицы Марины (17/30 июля) и Введения во храм Богородицы (21 ноября/4 декабря), в Мариуполе церковь была воздвигнута в память Успения Богородицы (15/28 августа). Этот праздник был настолько популярен в греческой среде, что в нем старались принять участие жители всех сел Приазовья.

По сути панаир — это акт общественной жизни, корни его уходят в сферу общинной организации сельского коллектива: храмовый праздник — не что иное, как единение церковной общины, прихода, то есть жителей населенного пункта (городского квартала). Панаир — пример того, как старинные порядки, приобретая сакральный смысл, включались в христианский канон, оказывались приуроченными к датам православного календаря. Многочисленные христианские святые перекрывали персонажей древних верований — возможно, местных покровителей.

Наиболее ранние документальные сведения о праздновании панаира крымскими христианами-греками относятся к 1652 г., когда турецкий султан Мехмет IV дал фирман крымскому митрополиту Давиду, в котором предписал кадиям (администраторам) городов Карасубазара, Балаклавы и Гезлёва помогать митрополиту собирать с христиан деньги за исполнение религиозных обрядов. Среди перечисленных праздников названы и панаиры — «храмовые праздники»⁶⁶. Насколько важной и укоренившейся традицией в культуре греков (а возможно, и в культуре всего населения Крыма) были панаиры, мы можем судить по сообщению А. Л. Бертье-Делагарда о том, что спустя столетие после выхода греков из Крыма «татарское население помнит престольные дни»; панаир, по его мнению, всегда был «широким празднованием престольных дней, считавшихся едва ли не самыми главными памятниками в году»⁶⁷. После переселения панаир не утратил своего значения. Практически ни одно исследование, опубликованное в XIX–XX вв., не обходится без упоминания о нем.

В Приазовье панаиры бывают нескольких видов: наиболее известны общесельские праздники, кроме них устраивают и семейные, личные для более узкого круга родственников, соседей и т. п. Возможно, поэтому в литературе встречаются свидетельства, что в одном селе могут собираться несколько панаиров в год. Например, Ф. Браун насчитал в с. Мангуш девять праздников (два «главных» и семь «второстепенных») ⁶⁸.

На общесельские панаиры собираются все жители села, а те, кто перешел в другие населенные пункты, в этот день стараются побывать на роди-

не. Прибывают родственники, друзья, соседи из ближайших сел и городов. Общинный характер праздника проявляется в том, что на него никого специально не приглашают: каждый желающий приходит по своей инициативе, посторонние лица, случайно оказавшиеся в селе, принимаются как желанные гости.

Главным организатором праздника был человек (его называли «хозяин панаира», на крымскотатарском *ватаирджы*), который добровольно брал на себя основные расходы и организационные хлопоты. Зачастую оказывалось, что этому человеку являлось во сне какое-то видение или он слышал голос, одним словом — получал знак, намек на необходимость дать соответствующий обет. Нечего и говорить, что этот человек должен был состоятельным, чтобы нести необходимые расходы. Он объявлял о своем решении в последний момент предыдущего панаира. В его хозяйстве выращивалось для ритуального заклания жертвенное животное, обычно бычок. Еще одно условие: необходимо было, чтобы в доме «хозяина панаира» имелась икона святого, во имя которого воздвигнута церковь. Из дома предыдущего хозяина переносили икону в дом нового. В течение всего года шла подготовка к панаиру, активизировалась она по мере приближения срока. Физическое и эмоциональное напряжение хозяина панаира компенсировалось особым уважительным отношением к нему со стороны односельчан. Кроме откормленного бычка (в старину его приобретали всем миром в складчину), надо было заготовить и другие продукты, напечь необходимое количество хлеба, наварить традиционный слабоалкогольный напиток *бузу* из просяной или другой муки, а если праздник проходил в доме или на подворье хозяина, надо было привести весь дом в порядок, навести чистоту, соорудить домашний алтарь.

Вера в могущество святого проявлялась в свое время не только в праздник, но и в повседневной жизни (трудно судить, насколько это верно для сегодняшнего дня после многих лет внецерковного бытия и при особой регенерации религии в настоящее время). Осознание того, что святой является покровителем села и лично человека, не покидало верующих людей в жизненных ситуациях. Это чувство подкреплялось еженедельным посещением церкви и обращением за благословением к Богу в течение дня.

Храмовый праздник всегда происходил весной, летом или осенью, поэтому основное действо протекало под открытым небом. С раннего утра начинались веселые хлопоты: закалывали приготовленный для заклания скот (кроме бычков еще и баранов), вытаскивали из сараев большие медные луженые котлы (это было общественное имущество), раскладывали под ними костры и варили мясо в котлах, а затем на мясном бульоне — пшеничную кашу. Всем этим занимались мужчины, женщины только помогали. Старики считали для себя богоугодным делом помочь молодым правильно выпол-

нять все необходимые дела. Для общества было важно, чтобы панаир проходил ежегодно и по всем правилам: верили, что этим обеспечивается благодать всем односельчанам.

Каждое перечисленное здесь действие нуждается в комментариях, заставляя нас обратиться к древним ритуалам. Древние эллины возносили к богам молитвы и совершали жертвоприношения. Особо чтимым богам посвящались определенные дни (ежегодно или несколько раз в год), в которые происходили различные ритуальные действия, в том числе и жертвоприношения с последующим поеданием жертвенного мяса (самая лучшая жертва — бык), причем, как и ныне, животное должно было быть здоровым, без телесных повреждений, его украшали. До сих пор в Приазовье помнят, что бычку повязывали красную ленточку, но цель этого украшения забылась, его не выполняют.

Время совершения жертвоприношения в Древней Греции было строго установлено: утром — жертва небесным богам, вечером — подземным. Естественно, что на панаире жертву приносят рано утром, до восхода солнца следует заклать главное животное, остальных можно попозже, однако к полудню вся пища должна быть приготовлена. Православная церковь не признает кровавой жертвы, поэтому заклание совершали в стороне в малолюдных местах или на подворье хозяина панаира.

Архаическую основу имеет и традиция возвращать хозяину жертвенного животного переднюю лопатку: по ней гадали, предсказывали судьбу. Есть мнение, что этот способ гадания присущ азиатским народам (античные греки гадали по внутренностям животного); так или иначе, сегодня он на Балканах известен широко, в том числе и среди греков⁶⁹.

К глубокой дохристианской древности относится и обычай помечать присутствующих на панаире кровью жертвенных животных, употреблять ее внутрь в качестве лечебного средства, бережно относиться к костям и шкуре жертвенного животного. Первоначальный сакральный смысл этих действий утерян современными людьми, но какие-то отголоски понимания особого значения костей закланного животного сохранились: их тщательно закапывали, объясняя, что животное это священно, а «по священному грех топтаться».

Кроме мяса важнейшим компонентом обряда был хлеб. Тот, кто нес основные расходы, — «хозяин панаира», — еще накануне приносил в церковь для благословения свежеспеченные хлебные караваи, на них чертили кресты. После трапезы священник брал один из освященных хлебов и передавал его следующему хозяину панаира, который должен был организовать праздник на будущий год. В более позднее время, когда сельские церкви были закрыты, хозяин панаира сам передавал этот символический каравай своему преемнику. В ритуальных действиях с караваем отразились обычаи

Ритуальный каравай панаира

словесной, внутренней: в прежние времена в храме шло богослужение, пока во дворе храма готовились к пиру, по окончании службы священник благословлял пищу, после закрытия церковей обходились без освящения, а ныне священника приглашают в дом, где проходит панаир.

Глубокие корни и у традиции готовить праздничную пищу для панаира на открытом огне. Огонь в древнейшие времена воспринимался как посредник между людьми и божеством. Прежняя смысловая нагрузка при использовании открытого огня в настоящее время, естественно, не имеет места, но следование старинному приему считается обязательным, кроме того, такой способ рационален при приготовлении большого количества пищи. В отличие от жертвоприношения древних греков, жаривших мясо, запах которого возносился к небожителям, приазовские греки мясо только варят и подают на стол большими кусками. Хмельной напиток — буза из кукурузной, просяной муки или пшена, — традиционный для кочевых народов, сменил обычное для древних греков вино.

В античной Греции свойство обрядовой пищи и род вина, поданных на стол, утверждались правилами каждого полиса, отступление от которых рассматривалось как бесчестный поступок⁷⁰. На панаирской трапезе меню также строго регламентировано, вполне очевидно, что оно сохранило свою первоначальную простоту.

Совместная трапеза и ныне, как в древнейшие времена, является приобщением людей к божеству через поедание жертвенного мяса и одновременно объединением коллектива⁷¹. Традиция общей трапезы проявляется и в других жизненных случаях: когда в каком-либо доме пекут хлеб, часть его посылают родным и соседям, поминальную кутью (*коливо*) раздают (а в прошлом посылали в церковь для раздачи прихожанам), навещая роженицу, друзья и соседи приносят ей в дом полный обед. Снедь, приготовленную для панаира, как и любую жертвенную пищу, нельзя забирать домой: она долж-

на быть съедена или роздана людям, отправлена больным, которые не могли присутствовать лично, и т. п. (греки считают большим грехом со стороны устроителей панаира оставлять часть пищи для себя). В фольклоре мариупольских греков имеются притчи назидательного характера о карах со стороны сверхъестественных сил, которые обрушивались на людей, непочтительно обращавшихся с хлебом. И так, мясо и хлеб — это символы хозяйственной деятельности мариупольских греков.

Внешняя, вещественная форма поклонения божественным силам сочеталась со

на быть съедена или роздана людям, отправлена больным, которые не могли присутствовать лично, и т. п. (греки считают большим грехом со стороны устроителей панаира оставлять часть пищи для себя).

На общем застолье все равны, нет ни хозяев, ни гостей, угощение распределяется между всеми поровну. С этого момента включаются в сельский коллектив и посторонние, оказавшиеся в этот день на территории данного коллектива, в этом правиле просматривается действие одного из древнейших общественных институтов — института гостеприимства⁷².

Столы для совместного пирования, как правило, устраивали внутри церковной ограды или на другом просторном месте. Сооружали их по-разному. В Сартане, например, выстраивали высокие и длинные дощатые столы в чьем-нибудь обширном дворе (соблюдали при этом очередность). Прямо на доски клали куски мяса (их брали руками) и горки каши (ее ели деревянными ложками). Ели стоя, быстро и деловито, чтобы поскорее освободить место для следующей партии сотрапезников. В других селах вдоль столов устанавливали скамейки (то и другое из грубо сколоченных досок, пригодное для одного раза). Примечательное сооружение — *чабан-софра* («пастушеский стол», название применялось, например, в татароязычном Старом Керменчике): вдоль ровной полосы земли, на которой как на столе расставляли снедь, выкапывали ровики, куда людям, сидящим на земле, удобно было опустить ноги и принять позу, привычную при сидении за высоким столом.

Размещение обедающих неслучайно: мужчины и женщины должны сидеть отдельно — за разными столами или на разных концах большого стола; такой же порядок соблюдался на свадьбах и других больших застольях. Пищевая сегрегация полов (раздельное потребление пищи) — очень древнее явление (по мнению исследователей, уходит корнями в первобытную эпоху, когда люди поедали то, что добывали сами: мужчины — дичь, женщины — съедобные плоды и корни). Позже порядок закрепился в сегрегации полов внутри семейного коллектива⁷³. В сельском быту такое распределение сотрапезников превратилось просто в правила приличия, которые ныне зачастую не соблюдаются.

В наши дни внешнее оформление престольного праздника значительно изменилось: и порядок раздельной еды нарушается, и набор праздничных блюд значительно увеличивается. Женщины приносят большое количество кур, варят их или запекают, добавляют различную другую снедь. В приморском селе Ялта на столах появлялась запеченная в печах рыба, готовили халву (смесь жареной муки с арбузной патокой — *бекмезом*), выпекали слоеные калачи из 12 листов теста, варили компот⁷⁴. Ныне столы изобилуют обычными угощениями: в дополнение к пшенной каше варят рис, макаронны, подают овощи, другие закуски, как и при всех прочих празд-

ничных встречах, на столах появляются крепкие напитки, традиционный обряд превращается из священнодействия в повод общения с родственниками, друзьями — людьми одной национальности и культуры.

Панаир сохранил еще одно свойство из числа тех, которые для древних празднеств считались обязательными, — физическую чистоту. Она была с древности обязательным условием благочестия и остается таковой (омовение, надевание чистой одежды в самые ответственные моменты жизни, окропление водой). В дни годовых праздников и других важных событий в домах наводили чистоту, окуривали комнаты ладаном, наполняли запахом ароматных трав и т. д. При проведении панаира тоже наводили порядок на улицах, во дворах, зажигали лампы перед иконами (реминисценция жертвенного очистительного огня), надевали чистую праздничную одежду. Все это соответствует сегодня нормам праздничного этикета.

Существенной частью празднества были состязания в силе и ловкости. Например, воловья упряжка тащила в гору тяжелый воз. Главные состязания — борьба и скачки. Состязания в силе присущи обрядовой практике многих народов, однако для исследования быта мариупольских греков особенно важно вспомнить те понятия, которые наполняли культуру древнегреческую. Физическая красота, сила и ловкость казались грекам божественными дарами, и поэтому упражнения, которые выявляли эти дары, представлялись одним из лучших способов выражения почтения божеству⁷⁵.

Примерно до 1930-х гг. устраивались скачки (*хучй*), победитель в качестве приза получал барана. Наезднику и хозяину лошади повязывали через плечо парчовые ленты, на лошадь клали парчовую попону (например, в селе Старый Крым). Это состязание носит характер скорее тюркского мира, нежели древнегреческого.

Возможно, с тюркским культурным кругом связано название национального вида борьбы *курэш*, которая очень широко практикуется ныне не только на панаирах, но и во время других греческих праздников или же просто как развлечение молодежи. Специалисты полагают, что курэш ближе всего подходит к культивировавшимся со времен древних олимпийских игр греко-римской или вольной борьбе. Борцы выходят на ровную площадку, одетые в специальные костюмы (ныне их шьют из брезента), подпоясанные матерчатыми поясами. Задача борца — положить соперника на лопатки. Зрители располагаются широким кругом, со страстным вниманием наблюдая за зрелищем. Сначала выходит молодежь, за ними состязатели постарше и так до самых популярных борцов. Победителем считается тот, кто одолел трех противников, он получает главный приз. Традиционный приз — голова жертвенного быка⁷⁶ (на крымскотатарском *хурбан*). А ныне сакральный смысл как самого состязания, так и награды забыт, увлекательное зрелище

завершается вручением или баранов, или же денежной суммы (что уже совсем снимает традиционную окраску всего предприятия!).

Как и в дни других праздников, в том числе и религиозных, устраивались народные гуляния, развлечения, качели, разворачивалась, разумеется, и торговля всевозможными товарами.

Заканчивается панаир передачей символического караваля следующему устройтею. Так ритуализируется цикличность обряда. О. М. Фрейденберг размышляла по поводу «мультипликации практических действий», то есть повторения в обрядности: «Переосмысливая реальность... общество начинает компоновать новую реальность, иллюзорную, в виде репродукции того же самого, что оно интерпретирует: это и есть то, что мы называем обрядом [что в мертвом виде становится обычаем, праздником, игрой]⁷⁷».

Под вечер разъезжаются гости, прибывшие издалека. Многие остаются в домах тех сельчан, где есть соименник святому, которому был посвящен храм, чтобы продолжить праздник в семейном кругу.

Другой вид панаира — семейный. Его организует отдельная семья в честь какого-либо события (например, рождения ребенка), или в надежде на выздоровление больного, или же вследствие полученного «знака» — сновидения, голоса, услышанного во сне, и т. п. Подготовка праздника идет по тем же правилам: намечается жертвенное животное, приводится в порядок дом, сооружается домашний алтарь: стол накрывают парадной скатертью, водружают на него икону святого, которому панаир посвящается. Пришедшие на праздник зажигают перед иконой свечи и кладут подарки — платки, полотенца, деньги. Здесь действует тот же принцип коллективизма, своеобразной складчины, которая проявляется на свадьбах и при других семейных событиях. Участвует более тесный круг людей — родственники, друзья, соседи. Обязательно готовится мясное блюдо, варится буза. Остальное застолье не отличается от любого званого обеда. После семейного панаира состязания не происходят.

Третий вид панаира — женский. На этот специфический праздник собирались женщины в Мариуполе и в селах. Он состоял в богослужении и коллективном угощении⁷⁸. Надо полагать, что название «панаир» к такому собранию применяли просто в значении «праздник, сборище».

* * *

Рассматривая панаир как цельную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, мы можем выделить в нем ядро — основу древних обрядовых действий: жертвоприношение, совместное вкушение жертвенной пищи, состязания. В структуру комплекса входят промежуточные элементы, выполняющие роль связующих звеньев: предсказания, молитвы, передача полномочий от одного главного организатора к другому, очищения. Стерж-

нем, соединяющим действия всего комплекса, даже удаленные друг от друга во времени, в постоянно действующую систему, является религиозное чувство. Постоянно повторяясь в годичном цикле праздников, панаир пронизывает всю систему жизнедеятельности коллектива.

Как во многих чертах культуры мариупольских греков, так и в панаире можно вычленить этнически разнородные элементы — индоевропейские и тюркские.

Как и всякий другой праздник, панаир сопровождался народным гулянием, развлечениями, именно эта деталь стала особенно заметной в настоящее время. В некоторых населенных пунктах панаир сдвигается с традиционной даты на более подходящие, и тогда его праздничная, развлекательная часть получает преимущество. В селе Стыла панаир со дня св. Георгия переносится на День Победы — 9 мая, а в Приморском (бывшая Сартана) отмечается в традиционный Юрьев день 6 мая, но оформляется как праздник весны, в Кременевке 13 сентября — в день освобождения села от немецкой оккупации. Во всех случаях остаются неизменными соревнования по борьбе. Ежегодно то в одном, то в другом селе объявляется праздник, на который съезжаются гости из многих городских и сельских населенных пунктов (ныне при распространении личных автомобилей это нетрудно). Он принимает черты фольклорного праздника и именуется обычно *мега юрты*. Все это закрепляет этнические традиции и подчеркивает крепость этнического самосознания, выраженного посредством наиболее характерных элементов этнической культуры.

* * *

Подводя итоги описания календарной обрядности мариупольских греков, следует подчеркнуть их синкретический характер: наслоение временных элементов (древнейшие религиозные верования, представления и суеверия плюс обрядность православной церкви), а также смешение культурно-этнических компонентов — собственно греческих, восходящих к древним генетическим корням, черт турецкой и татарской культуры, усвоенных за многовековой период совместной жизни на полуострове Малая Азия и в Крыму, русской и украинской фольклорно-обрядовой культуры, естественным образом соприкасавшейся с греческой при смешанном расселении, активных всесторонних связях и высоком проценте межэтнических браков⁷⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Традиционное жилище народов России. XIX — начало XX в. М., 1997. Глава 6 — Жилище народов Пруто-Днестровского междуречья (авторы Маркова Л. Б., Маруневич М. В.). С. 177–185; глава 10 — Жилище компактных этнических групп в иноэтническом окружении (автор О. Р. Будина). С. 364; Заключение (автор Л. Н. Чижикова). С. 385.
- 2 О социально-объединительных и социально-разделительных функциях одежды см.: *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 8–11.
- 3 *Иванова Ю. В.* Трансформация традиционного греческого костюма в многонациональном районе Приазовья в 1920–1970-х годах // Тезисы докладов на пленумах и секциях Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности. Москва; Нальчик, 1975. С. 125–127.
- 4 *Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф.* Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С. 71.
- 5 *Ганцкая О. А.* Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. Эта исследовательница предлагает считать семью «не только социопсихологической малой группой, но шире — социоэтнопсихологической» (С. 27).
- 6 *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и его место в истории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 87.
- 7 Как показали антропологические исследования 1970–1980-х гг., во второй половине XX в. обследованные села представляли собой полудем — по шкале Бунака, т. е. такое сообщество, в котором по крайней мере половина брачных союзов заключалась в своем селе или в ближайшей округе (см.: *Бунак В. В.* Изучение малых популяций в антропологии // Вопросы антропологии. М., 1965. Вып. 21). Это в значительной степени способствовало сохранению семейных традиций, ибо, «как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи культурной информации... сохраняя этническую однородность семей внутри этноса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры» (*Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 119).
- 8 Это явление может возникнуть внутри любой диаспоры при размытости, ослабленности всего фонда этнической культуры: «...представитель этнического меньшинства может прийти к выводу, что он принадлежит не к этносу родителей, а к этническому большинству населения» (*Винер Б. Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 19).
- 9 *Ксенофонтова-Петренко О. Н.* Семейные обряды в селе Сартана // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 173–181.
- 10 О сватовстве малолетних см. также: Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892. С. 416.

- 11 Есть сведения, что орехи выставляли на стол в румейских селах, в урумских — кабачок (Пономарева И. С., Сорокина Т. И. Традиции свадебной обрядности греков Приазовья // Греки Украины: история и современность. Донецк, 1991. С. 182).
- 12 В Греции *προικα* называется приданое — и та его движимая и недвижимая часть, которая передается в распоряжение семьи жениха, и предметы, изготовленные самой невестой, и подарки, которые она вручает своей новой родне. Термин восходит к винительному падежу древнегреч. *προξ* — приданое. См.: Анфертьев А. Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 210, 227.
- 13 Такая смена головного убора — этого четкого символа принадлежности к определенной социовозрастной группе — характерна для многих народов мира. Такова смена девичьего головного убора (подвенечного венка) на повязанный по-женски платок. Смена перифтара на платок после рождения ребенка указывает на переходное состояние молодоженов от группы холостяков к группе семейных. Об этом подробнее см.: *Gennep van A. Les Rites de passage. Paris, 1909. P. 165–208.*
- 14 Там же.
- 15 Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
- 16 Иванова Ю. В., Красновская Н. А. Некоторые итоги изучения брака и свадебной обрядности у народов Зарубежной Европы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990. С. 165–166. Среди вещей невесты как в Древней Греции, так и в Древнем Риме обязательно была прялка (Там же. С. 169).
- 17 Анфертьев А. Н. Указ. соч. С. 212–214.
- 18 Чистов В. К. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- 19 Это наименование свадебного персонажа восходит к позднелатинскому *compater* (*compater*), что буквально означает «соотец». Такое же происхождение греческого *κομπάρος* и славянского кум. Греческий *κοινός, κοινός* объясняется через латинское *pubere* — «покрывать, закутывать» и связан с ритуальным покрыванием, закутыванием невесты (Иванова Ю. В., Красновская Н. А. Указ. соч. С. 160). Варианты на румейском языке: *хашлі* — кум, *синделіса* — кума. Этот последний термин возможно восходит к греческому *τυνδεω* — «связывать», *τυνδεομαι* — «связываться, скрепляться», *δια γαμου* — «выходить замуж, жениться».
- 20 В Северной Греции парагамброс называется *μπρατιος* — ср. русск. *брат*, *побратим*, болгарск. *братим* — «побратим» (Анфертьев А. Н. Указ. соч. С. 216). В румейской терминологии зафиксировано еще одно наименование подружки — *уртахынис*, возможно оно восходит к греч. *ουραγία* — «арьергард, хвост», т. е. лицо, шествующее позади невесты.
- 21 Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Из словаря «Славянские древности»: Дверь // Славяноведение. 1997. № 6. С. 3–7.

- 22 Анфертьев А. Н. Указ. соч. С. 217, 220.
- 23 Этот символический жест, смысл которого забыт, можно сопоставить с обычаем в Северной Греции, согласно которому жених, приближаясь к дому невесты, перебрасывал через его крышу яблоко или гранат (Там же. С. 217).
- 24 Записано Р. С. Харабадат от информатора 1888 г. р.
- 25 Ср., например: Маркова Л. В., Иванова Р. Болгары // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 148; о деревце на свадьбе русских, живущих в Приазовье, см.: Народы Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури). Запоріжжя, 1997. С. 113–114.
- 26 Ср. с другими поводами для такого же равновеликого дарообмена, например: Рикман Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обряды и обычаи в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 173–184. *Смадъ* (в сартанском говоре) означает знак согласия на брак. Взаимные дары обеих партий называются так же (мн. число *симадъя*). Термин восходит к греческому *το σημάδι* — букв. «знак».
- 27 Анфертьев А. Н. Указ. соч. С. 222, 225; Акритас П. Г. Свадебные обычаи абхазских греков // СЭ. 1936. № 4/5. С. 99.
- 28 Эта игра сродни карнавному травестизму, сатирическому повторению основного ритуального действия — в данном случае брачной церемонии, что имеет прямое сходство с другими карнавальными проделками (ср.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965. С. 57).
- 29 Пономарева Н. С., Сорока Т. И. Указ. соч. С. 184.
- 30 Ксенофонта-Петренко О. Н. Указ. соч. С. 182.
- 31 Топоров В. Н. Петух // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 310.
- 32 Пономаренко Н. Н. Быт и культура греков Приазовья // Донбасс и Приазовье. Проблемы социального, национального и духовного развития. Мариуполь, 1993. С. 119.
- 33 Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав, 1901. С. 35.
- 34 Πουλιανου Δ. Α. Κοπατζαριοι. Ζωντανο παρελθον στα ριζα της Ανατολικης Πινδου. Αθηναί, 1994; Παλαμιχαηλ-Κουτρουμιλα Α. Ι. Τεχνη και Ζωη. Τ. Ι. - Το σταυροσχημον η σταυροειδες. Αθηναί, 1980. Σ. 277. В некоторых местностях Греции верят, что таким способом предотвращают превращение покойника в вампира. См.: Μεγας Γ. Α. Ζητηματα Ελληνικης λαογραφιας. Τ. Ι. Αθηναί, 1939. Σ. 184.
- 35 Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2. С. 629–631.
- 36 Ксенофонта-Петренко О. Н. Указ. соч. С. 183. В Древней Греции мясо животных, жертвовавшихся богам, сжигали на священных жертвенниках: считалось, что богам достаточно вдыхать запах жареного мяса.
- 37 Παλαμιχαηλ-Κουτρουμιλα Α. Ι. Στο 'ιδιο. Σ. 309.
- 38 Πουλιανου Δ. Α. Στο 'ιδιο; Μεγας Γ. Α. Στο 'ιδιο. Σ. 170, 176–177.
- 39 Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957. С. 37–38.

- 40 Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957. С. 16, 24 и др.
- 41 Мнение о том, что ритуал — это действие, которое следует мысли, слову, см.: Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического // Избранное. М., 1955.
- 42 Мнение о том, что ритуал, действие предшествовало оформлению мифа, см.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980; Геннеп ван А. Обряды перехода. М., 1999.
- 43 Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
- 44 Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 356.
- 45 Иванова Ю. В. Греки // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 316–317.
- 46 Хорош Н. Рождественские и новогодние колядки // Повтоц. 1993. № 23 (34). С. 5. Автор публикации записывал тексты со слов информатора 1905 г. р.
- 47 Иванова Ю. В. Греки // Календарные обычаи... Весенние праздники. М., 1977. С. 324.
- 48 Салманович М. Я. Румыны // Там же. С. 301; Попович Ю. В. Обряды с плугом у восточнороманских народов // Карпатский сборник. М., 1976. С. 112–115.
- 49 Серафимов С. Указ. соч. С. 37–38.
- 51 Записано Р. С. Харабадот, 1969.
- 52 Иванова Ю. В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи... Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 116–129.
- 53 Зайковский Т. В., Зайковский В. Б. Каракаджолы мариупольских греков и балкано-славянская традиция // Україна — Греція... Мариуполь, 1996. С. 157–158.
- 54 Серафимов С. Указ. соч. С. 34–35.
- 55 Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи... Исторические корни... С. 130–145; Аверенцев С. С. Вода // Мифы народов мира. Т. М., 1987. С. 240.
- 56 Колева Т. А. Болгары // Календарные обряды... Весенние праздники. С. 274–275.
- 57 Записано Р. С. Харабадот в 1969.
- 58 Иванова Ю. В. Греки // Календарные обычаи... Весенние праздники. С. 331–332.
- 59 Запись С. К. Темира.
- 60 Вербя заменила в России пучки свежей зелени, которой в Греции украшают церкви и жилые дома, их называют *вайя* (греч. *τά βάρια, το βάριον* — буквально «пальма», в Греции зачастую роль пальмы выполняет лавр). Этот обычай, введенный христианской церковью в IX в., быстро прижился среди греческого народа, отвечая, видимо, духу древних весенних обрядов. В Греции воскресенье перед Страстной неделей называется «пальмовым» («*η Κυριακή του βάρια*»), в России «вербным».

- 61 Арту в мариупольском говоре можно сопоставить с греч. «*ο άρτος* — «хлеб» или с глаголом *αρταίνω* — «вкусить, изведать, разговляться».
- 62 Филимонова Т. Д. Указ. соч.; Токарев С. А., Филимонова Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обряды... Исторические корни... С. 145–160.
- 63 Топоров В. Н. Мышь // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 190.
- 64 Записано Р. С. Харабадот в 1969 г.
- 65 Иванова Ю. В. Греки // Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 271.
- 66 Соколов И. И. Мариупольские греки // Труды Ин-та славяноведения АН. Т. 1. 1932. С. 309–310.
- 67 Бертъе-Делагард А. А. Керменчик (крымская глушь). Одесса, 1899. С. 40.
- 68 Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. СПб., 1891. Вып. II. С. 86.
- 69 Колева Т. А. Георгиев день у южных славян (обычаи, связанные с животноводством) // СЭ. 1978. № 2. С. 25–38.
- 70 Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. Исследования о культе и праве. Учреждения Греции и Рима. М., 1895. С. 43.
- 71 Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры // Доклады к IX Международному конгрессу антропологич. и этнографич. наук (Чикаго, 1973). М., 1973.
- 72 Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 231–238.
- 73 Токарев С. А. Исторические корни бытовых взаимоотношений полов // Тезисы VII Международного социологического конгресса. М., 1970.
- 74 Записано Р. С. Харабадот в 1971 г. от 73-летней жительницы с. Ялта.
- 75 Латышев В. В. Очерки греческих древностей. СПб., 1889. С. 97.
- 76 Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892. С. 410; Патрича А. Курэш — это сила и дух нации // Эллы Украины. 1996. Т. 2. С. 4, 8.
- 77 Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанры. Л. С. 54.
- 78 Газета. «Путь Октября». 2.07.1988. № 79/69.
- 79 Понамарева И. С. Духовная культура мариупольских греков как источник изучения этнокультурных связей // Україна — Греція... Мариуполь. 1996. С. 321, 322.

2 ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

Во второй половине XX в. в среде греческой диаспоры протекали те же этнические процессы, что и в предыдущие эпохи: ассимиляция и интеграция.

Ассимиляционные процессы в большей степени характерны для греков, живущих в европейской части России, отчасти и в государствах Средней Азии и Казахстане, в украинских городах. Предки греков европейской части России на протяжении всей истории включались в российское общество. В подавляющем большинстве они в качестве языка семейного общения употребляют русский. Не все осведомлены о своих греческих корнях так же четко, как, например, потомки Мавромихали, многие россияне не помнят о них, так же как не помнят своих предков давно обрусевшие потомки нерусских людей, издавна влившихся в русский этнос. Однако многие тысячи российских и украинских граждан о своих родовых корнях знают и передают эту память детям и внукам.

Естественная ассимиляция — исторически оправданная закономерность. Отдельные личности и отдельные семьи интегрируются в этническую общность, которая преобладает на той территории, где живет малая группа или индивид в данное время: для европейского ареала это по большей части русское и украинское окружение, для греков Закавказья — грузинское. Это обстоятельство указывает на высокие адаптивные возможности греков, живущих в иноэтнической среде: они не замкнуты на свою культуру, готовы воспринять культуру окружающего населения.

Значительная часть греков состоит в межнациональных браках, среди которых преобладают греко-русские и русско-греческие (имеет место смешение с украинцами, азербайджанцами, казахами и др.). Если такая смешанная семья живет в пределах России или Украины, особенно в городе, то, как правило, ее дети предпочитают русский язык как главное средство и внутрисемейного, и общественного общения; а если они и знают язык (диалект) своих предков, то применяют его только для общения с бабушками и дедушками при посещении родины своих родителей (для внутрисемейного общения — очень редко). Другими словами — идет активный процесс языковой ассимиляции.

Закономерности ассимиляционных процессов известны: чем выше образовательный ценз индивида, тем более он заинтересован в повышении своей карьеры, тем острее конкурентная борьба, в которую он вступает для достижения своих целей, тем вероятнее его ассимиляция окружающим этносом. С возрастанием значения русского языка (и освоением необходимых для профессиональной деятельности языков иностранных) слабеет знание, тем более применение родного языка. Это ведет к отрыву от своего этноса. Этническая самоидентификация такого индивида основывается не на реальной наполненности его жизни традициями и бытовыми навыками своего этноса, а на несколько уже отвлеченных понятиях об исторических судьбах своего народа, воспоминаниях об этнических символах. При дисперсном расселении единичных представителей этноса или очень малых групп самовоспроизводство этноса практически невозможно.

Общая закономерность развития и жизнедеятельности этноса особенно значимо проявлялась в советском государстве: греки, как и другие репрессированные народы, испытывали мощный прессинг государственной политики. Напомним, что паспортная система в нашей стране требовала от каждого гражданина четкого указания национальной принадлежности в паспортах и других документах, а от нее зависели многие реальные возможности жизненного обустройства. Вот почему во времена репрессий, осуществлявшихся по национальному признаку, и дальнейшего ущемления в правах многие потомки смешанных браков указывали негреческую национальность ради возможности трудоустройства, поступления в высшее учебное заведение и т. п. Ныне некоторые из этих лиц прилагают усилия, чтобы восстановить в документах греческую национальность. Нельзя сбрасывать со счетов и обыденное сознание: в условиях поголовного русскоязычия и преобладания урбанистических элементов в повседневной культуре, идущей от российского города, люди определяли свою этническую принадлежность на основании не только собственных ощущений, но и мнения семьи, ближайшего окружения и т. п. Поэтому случалось нередко, что дети одних родителей указывали разную национальность: одни греческую, другие русскую или украинскую. Здесь невольно сказывалось этатическое понимание нации на бытовом уровне: в каком государстве живешь, к такому сообществу и принадлежишь.

При всех объективных и субъективных обстоятельствах — исторических, политических, психологических — нельзя говорить о полной ассимиляции малых дисперсных групп греков или единичных семей: в конкретных условиях ей препятствует весьма активное и эмоциональное этническое сознание. Оно оказывается главным стержнем, на котором держится официальная этническая самоидентификация индивида даже при преобладании ассимиляционных процессов.

Интеграционные процессы охватывали греков-понтийцев, расселившихся в Закавказье и на Северном Кавказе, в Крыму, а также их потомков, родившихся и выросших в местах высылки — в Казахстане, государствах Средней Азии, в различных пунктах Российской Федерации. Греки России, как и других государств, возникших после распада СССР, всегда были лояльны по отношению к другим этносам, их реальное поведение опиралось на интернациональные установки¹.

Для греков Приазовья на протяжении всей их истории интеграционные процессы преобладали при формировании культурного облика этой группы. Главная характерная черта этого облика — бикультуризм (или поликультуризм), совмещение компонентов двух или более культурных систем. В Крыму в период позднего средневековья и вплоть до момента выселения их из Крыма главными партнерами культурного развития были татары. Именно крымские татары (особенно южнобережные) выступали референтной группой по отношению к подданным татарского ханства — грекам, армянам, караимам, славянам и др. Их культура, — во многом заимствованная от турок или испытывавшая турецкое влияние, — рассматривалась как престижная, становилась образцом для подражания. Проблема генезиса татароязычных греков (урумов, иногда именуемых также татами) была очерчена выше. Кроме того, немало тюркизмов включилось в бытовую речь румеоязычных греков. Упомянулось уже о бытовых сближениях: в домостроительстве, отопительной системе жилого дома, в убранстве парадных комнат, в утвари, одежде (что сохранялось и позже в ритуальных костюмах), в прикладном искусстве, в частности в вышивке: в ее сюжетах (цветочная композиция), в технике (гладь, применение канители и металлической нити), в цветовой гамме. В отличие от языковой ситуации — билингвизма и полилингвизма — черты татарской культуры как явление интродукции (включения со стороны) довольно быстро ушли. Культурный комплекс обеих языковых групп мариупольских греков един.

Ясно проступают результаты культурной интеграции между греками и другими этническими группами, населявшими причерноморские земли — украинцами, болгарами, немцами, кубанскими казаками: единый принцип домостроительства, предполагавшего вытянутый или квадратный план дома, наличие открытой галереи вдоль стены со входом, невысокой крыши, пластического оформления наружных стен и фронтонов; устройство спального возвышения в жилой комнате — румейск. *курвât*, татарск. *софá*, болгарск. *бдър*, гагаузск. *пат*, укр. *пiл*. Некоторые различия касались внешнего декора: за счет более интенсивного использования греками (с конца XIX в.) черепицы и кирпича красно-оранжевого цвета цветовая гамма греческих жилищ была несколько ярче, чем у украинцев и русских, что не совпадало с эстетическими вкусами украинцев, применявших побелку и рас-

краску наружных стен. Интересно, что побелка наружных стен была в известной степени перенята греками, а особенности немецкого домостроительства утратились при возведении квадратных в плане домов.

Не только повседневная, но и ритуальная одежда греков Приазовья лишилась к середине XX в. значения этнической марки (только костюмы участников фольклорных ансамблей воспроизводят традиционные формы, и то в весьма условных вариантах). Вспомним, что в конце XIX в. главными изготовителями верхней одежды, кожаной, валяной и резиновой обуви, мужских костюмов и картузов, а также некоторых других элементов одежды были русские, украинские, еврейские мастера.

В трудный период обустройства в новых местах после переселения из Крыма мариупольским грекам помогали традиции общины. Но одновременно они становились барьером на пути вхождения в многонациональное российское общество. Старшинская верхушка настаивала на обособленном расселении, препятствовала поселению в Мариуполе не только не-греков, но и соплеменников, прибывавших из других мест. Татарский язык сохранял функцию языка общения между двумя языковыми группами греков (население Мариуполя — центра общественной и экономической жизни — было по преимуществу татароязычным). Реальная жизнь опрокидывала эти первоначальные установки: хозяйственные связи с окружающим иноэтническим населением были необходимы, а потому неизбежны, переход иностранных колонистов в разряд полноправных граждан империи был логическим официально оформленным актом, законодательно закрепившим реально сложившиеся связи. Языком общения постепенно становился русский. Процесс этот особенно усилился во второй половине XIX в., в пору экономического подъема Новороссии, включения Мариуполя в число торгово-промышленных центров.

Жизнь в условиях колхозного строя, организованное государством переселение в 1930-х и 1940-х гг. в Донецкую область иноэтнического населения, общая установка, идущая из центра, на осознание людьми любой национальности своей принадлежности к единому советскому народу² — все это безусловно уничтожало остатки корпоративности. Как и в период активного включения Новороссии в капиталистическое общество с конца XIX в., так и в годы советской власти референтной группой для всего сельского населения Мариупольщины был российский город. Общевропейская городская модель жизни и ныне остается престижной формой культуры.

Самоназвания на крымскорумейском и крымскотатарском языках сохраняются в той мере, в какой сами эти языки функционируют в быту их носителей. Но коль скоро эти языки не выполняют уже интегрирующей функции (она перешла к русскому языку), общим самоназванием служит рус-

ский вариант этнонима — греки, причем не только в общении с не-греками, но и в самой греческой среде.

Закономерен вопрос: почему в условиях постоянного увеличения темпов межэтнической интеграции в мире нарастающего преобладания общеевропейской (или западной, или вестернизированной) культуры проявляется и даже усиливается этническое самоопределение? А в среде греческой диаспоры такое самоопределение очень ярко выражено. Для российских и украинских греков главные факторы, формирующие и поддерживающие этническое самоопределение, делятся на две категории.

Первая из них — это обострившееся во всем мире движение за самоопределение, им охвачены буквально на всех континентах целые этнические районы, а также небольшие группы. Еще в официальной идеологии Советского Союза была отмечена диалектическая взаимосвязь межэтнической интеграции, основанной на сближении культур советских народов (возникновения единых черт в образе жизни) и роста этнического самосознания, направленного на расцвет национальных культур. В наше время во многих странах — как европейских, так и внеевропейских — возникают острые противоречия между стремлениями государств сохранить свою целостность и сепаратистскими движениями. Наиболее правильным выходом из создавшегося положения приходится признать культурную автономию.

Вторая категория факторов — этническая политика правительств России и Украины. Подавление национальных культур, осуществлявшееся начиная с 1937 г., усилившееся в связи с высылкой греков (как и других народов) из мест постоянного проживания, приводило к тому, что люди затаивали в глубине души свои национальные чувства, но отнюдь не расставались с ними, более того — они аккумулировались последующими поколениями.

Восстановление в правах бывших «спецпереселенцев», изменение политики украинских властей в сторону поддержки культурного движения многих не-украинских жителей этого государства создали условия для проявления этнической самоидентификации на новой — уже официально признанной — основе. Таким образом, ситуационное поведение данной этнической группы (как и любого другого этноса) напрямую зависит от общественно-политической обстановки³.

Этностабилизирующие факторы в данной ситуации следующие: расселение более или менее компактное (к родным местам тяготеют те индивиды и семьи, которые по разным причинам покинули их и живут в городах); язык бытового общения и профессиональной культуры; историческая память; семейная традиция (внутригрупповые и внегрупповые браки, отношение к ним в семье и в окружающей социальной среде); оценка своей культуры; традиционные установки окружающего населения; позиция официальных властей, которая влекла за собой то сокрытие этнической

принадлежности, то ее подчеркивание (особенно это связано с проблемами эмиграции); общественное сознание, которое включает национальные символы и культурно-просветительскую деятельность, а также фольклорные формы культуры; мощным этнообъединительным фактором является религия.

Языковая ситуация. Выборочный опрос в селах Мариупольщины, проведенный в 1997 г., показал, что люди, родившиеся в конце 1920-х гг. и обучавшиеся в местных сельских школах на румейском и на татарском языках (на русской графике), сохранили знание языка, но применяют его в зависимости от обстоятельств в домашней обстановке или в рабочем коллективе, если он моноэтничен. Овладели русским или в старших классах школы (после реформ 1937 г.), или же в порядке жизненного опыта. Теперь применяют оба языка в соответствии с конкретными обстоятельствами. Некоторые наши собеседники сообщали, что думают и видят сны в одинаковой степени на обоих языках, иные же — только на румейском или татарском (конечно, этот момент очень индивидуален и трудно поддается осознанию самим респондентом). Люди этого поколения со своими бабушками и дедушками говорили на родных языках, а с родителями, так же как и со сверстниками и соседями — не-греками, — на русском. Чем моложе наши собеседники, тем ближе им оказывался русский язык, так как в их школьные годы он был единственным языком обучения⁴. Использование румейского и татарского зависит от установки каждой отдельной семьи, от поколения предпочтения, от этнического состава каждого рабочего коллектива. Вопрос, в каком коллективе легче и приятнее работать — в смешанном или среди «своих», так же как и отношение к национальности непосредственного начальника, демонстрирует большой разброс мнений в зависимости от конкретного опыта каждого нашего собеседника, но в общей форме выявляет значительную степень межнациональной терпимости.

Русский язык признается всеми как необходимый для поступления в высшие учебные заведения Российской Федерации, для дальнейшего жизненного устройства. К украинскому языку в последние годы XX в. отношение было сложным: с одной стороны, признавалась необходимость владеть государственным языком, с другой — в русскоязычном Донбассе он имел небольшое практическое применение.

Проблема изучения греческого языка (современной димотики) в школах остается предметом споров: некоторые полагают, что детей надо обучать родному, то есть румейскому, другие (а таких, пожалуй, большинство) видят реальную пользу в освоении современного эллинского языка.

Язык профессиональной культуры отражает не просто языковое состояние данной этнической группы, но оценочное отношение к нему носителей

этого языка. Несмотря на то что все мариупольские греки владеют русским языком, литература на родных языках (диалектах) несет огромную эмоциональную нагрузку, утверждая самоценность родного языка как символа этнического самосознания и как инструмента для утверждения этого самосознания.

Литература приазовских греков выросла в значительной степени на основе местного фольклора: до сих пор в устной традиции сохранились песни и баллады, легенды и сказки, поговорки и пословицы. Авторы прошлых времен стали известны потомкам благодаря собирательской и публикаторской деятельности Кассандры Костан (псевдоним А. Гаргалы). В 1920–1930-е гг. читатели сумели познакомиться с творчеством поэтов минувших десятилетий — Леонтия Хонхабея (1858–1918), жизнь которого, наполненная драматическими событиями, сама может служить сюжетом исторического романа, отразившего быт и нравы греческого села того времени, Демьяна Бгадицы (1850–1906), Фроси Зураджи (1886–1963). Напомним, что румейский язык делится на пять групп⁵. Поэтому в годы становления литературы приазовских греков во второй половине XIX в. и в период ее первоначального расцвета в 1920–1930-е гг. авторы употребляли свои родные диалекты. Классик румейской литературы Георгий Костоправ (1903–1938) — поэт, прозаик, публицист, драматург, театральный деятель, погибший в период политических репрессий, выходец из села Сартана — пытался реформировать румейский язык. Он же показал пример профессионального владения несколькими языками, осуществив переводы на румейский произведения Демьяна Бедного, Степана Руденского, Владимира Сосюры.

Следует отметить, что связи украинской и греческой культур установились издавна. Уже в начале XIX в. впервые были опубликованы переводы на украинский язык басен Эзопа. Иван Котляревский в 1817 г. перевел на украинский язык одну из од Сапфо. С тех пор взаимных греко-украинских (как и греко-русских) переводов появилось множество, а одновременно с ними — учебники греческого языка для русского и украинского юношества, литературоведческие исследования и т. п. Сюжеты древнегреческой мифологии и литературы вдохновляли знаменитую украинскую поэтессу Лесю Украинку.

В среде современных авторов продолжается традиция многоязыкового творчества. Приведем только несколько примеров. Стихи Леонтия Нестеровича Кирьякова (правда, не по его воле) появились сначала в русском и в украинском переводах (несколько сборников в 1970–1980-е гг.) и только позже, в конце 1980-х — в 1990-е гг., — на румейском. Этот автор перевел на румейский язык стихотворения Шевченко. Донат Константинович Петрича — поэт, композитор, деятель культуры пишет на румейском, русском и украинском языках. Григорий Меотис-Данченко, уроженец южной при-

морской зоны Донецкой области, сын украинца и гречанки, выпускник Московского Литературного института, пишет стихи на трех языках — украинском, русском и на урзуф-ялтинском говоре румейского языка. На крымскотатарском пишут стихи Виктор Степанович Борота и Валерий Иванович Киор⁶. В. И. Киор — уроженец с. Старый Крым много сделал для литературного оформления крымскотатарского языка, он пишет стихи также и на румейском, и на русском языках (в частности создает авторские переводы с крымскотатарского). В. И. Киор известен как исследователь истории и фольклора татароязычных греков Приазовья — урумов, о происхождении которых он разработал свою теорию⁷.

Казалось бы — для чего нужны переводы на языки местных греков при поголовном владении русским языком? Однако это обстоятельство необходимо как форма полного научного и культурного самоопределения этноса.

Не меньшее значение имеет переводческая деятельность русскоязычных писателей и поэтов, публикующих переводы с румейского и татарского. При их помощи творчество греческих поэтов становится достоянием широких читательских кругов.

Драматургия, театральная исполнительская деятельность, музыкальное профессиональное творчество, живопись и прочие жанры профессиональной деятельности в контексте данного исследования следует рассматривать не просто как характерный для рубежа XX и XIX вв. род занятий определенного социального слоя — творческой интеллигенции, но как необходимую составляющую всего эмоционально-психологического комплекса этнического самоопределения как сообщества, имеющего отличительные черты от окружающего мира.

Семейные традиции. Содержание человеческой личности формируется через взаимодействие генов, заложенных самим фактом рождения индивида в той или иной семье, и среды его обитания, преимущественно — социальной среды. Выше уже указывалось на возрастание процента смешанных браков между всеми этническими группами Мариупольщины, наиболее характерны из них русско-греческие и греко-русские.

Национальная принадлежность невестки в греческой семье имела существенное значение (влияла на выбор брачного партнера) при многопоколенном семейном коллективе, в котором невестка поступала в подчинение свекрови и вынуждена была соблюдать правила ведения хозяйства и семейный этикет. Чем более входил в быт села разговорный русский язык, чем более внедрялась в общественную и хозяйственную жизнь трудовая деятельность женщин и чем прочнее завоевывала позиции нуклеарная семья (это, пожалуй, самое важное!), тем более приемлемым становился в глазах семьи и всего сельского окружения брак с женщиной иной национальности

и даже прибывшей из другого населенного пункта. Круг брачных связей ушел далеко за пределы сельской округи и в известной мере — за пределы Донецкой области. Естественно, что это обстоятельство оказывает влияние на общественное мнение всего сельского коллектива, который включает в свои жизненные установки и этику отношений новые порядки.

Составным элементом каждой этнической культуры является нормативно-поведенческая культура, которая в свою очередь указывает на степень приверженности людей к символам своего этноса. Если в достижении благ материального быта предпочтение отдается интернациональному урбанизированному образу жизни, то в обрядности, особенно семейной, просматриваются ценности и символы этнического ряда⁸.

Едва ли не самым выразительным обрядовым циклом в этом ряду надо признать свадебный. Стараясь выполнить свадебный цикл в соответствии с этническими традициями, подчеркивают таким способом отличия от окружающего иноэтнического населения. При описании современной свадьбы уже было подмечено, что полный сценарий традиционной свадьбы предан забвению, но многие характерные детали сохраняются в памяти сельчан, исполняются с большим энтузиазмом.

Становление современных обрядов в процессе распространения смешанных браков и приспособления к урбанизированным формам быта претерпело много этапов: от глубоко традиционных до смешанных, когда обычаи, развлечения, песни и анекдоты одной этнической группы естественным образом внедряются в другую, от обязательного церковного освящения брака в прошлом до полного его исключения в советское время в некоторых семьях (или же скрытого венчания в другой день), что нарушало движение свадебного поезда. Иногда место церкви в движении поезда замещалось торжественной регистрацией в Доме культуры или в сельсовете. Ныне церковное венчание снова включилось в свадебный цикл, но так как церкви есть далеко не во всех населенных пунктах, движение поезда остается по отношению к традиции нарушенным.

Естественно, что ценностные ориентации различных современных социальных групп и разных поколений не совпадают: безусловно различны понятия о ценности и значимости свадебного, как и любого другого, равно великого «подарка-отдаривания» у пожилой крестьянки, не покидавшей в течение жизни родное село, и у ее внука, получившего образование в городе и приехавшего в село на свадьбу родственника. Предметы, которыми одаривают молодых на свадьбе, ребенка и родителей на крестинах, родственников и друзей усопшего на поминках, новобранца при проводах в армию и т. п., по существу не столько утилитарны, сколько символичны. Однако в последние годы все более входит в моду подношение денежных сумм, что практичнее, но далеко от традиционной символики.

Фольклоризм как общественное явление занял значительное место в общественной жизни в послевоенное время после официального признания правительством несправедливости репрессивных акций по отношению к грекам нашей страны, возвращения «спецпереселенцев», формирования новой национальной политики государства. Народное творчество — музыкальное, песенное, танцевальное — никогда не переставало существовать, служило одним из важнейших условий выживания репрессированного этноса⁹. Все, что жило в народной среде, в том числе и родной язык в его латентном состоянии, возродилось на новой основе — самодетельного народного творчества.

Наиболее распространенной формой творческого объединения являются ансамбли песни и танца. Начало им положили энтузиасты — Мария Георгиевна Гайтан, инициатор возрождения существовавшего еще ранее ансамбля «Сартанские самоцветы» в селе Сартана (в 1996 г. «Сартанские самоцветы» получили статус государственного ансамбля), Николай Александрович Хорош в селе Великая Новоселовка (Большой Янисоль), собиравший песенный и музыкальный фольклор, и др. Были созданы ансамбли «Фос» («Свет»), «Тернихор» («Новое село» в селе Великая Новоселовка, в других говорах «Тирнахор»), «Тейфа», или «Тайфа» («Семья» в селе Каменка Тельмановского района), «Пенешу астру» («Утренняя звезда» в селе Малый Янисоль), «Зорбас» в Киеве и др. Ныне песенно-танцевальные ансамбли, народные оркестры успешно осуществляют свою деятельность почти в каждом населенном пункте¹⁰. Для их участников шьют костюмы в обобщенном, несколько схематизированном варианте. Эта деятельность имеет два важных аспекта. Во-первых, она не только поддерживает, но и стимулирует интерес к этнической культуре в широких слоях населения. Сами ансамбли не замыкаются на собственной местной культуре, побуждая интерес и к древней греческой, и к иноэтничной. Таким образом ансамбли служат своего рода противовесом торжествующей в молодежных кругах приверженности к низкопробным образцам «западной» культуры. Во-вторых, деятельность ансамблей играет большую роль в воспитании интернациональных этических установок: в ансамблях участвуют отнюдь не только греки, но и их иноэтнические односельчане, с не меньшим азартом постигающие красоту греческой культуры.

В культурной и общественной жизни огромную информационную и воспитательную нагрузку несут сельские краеведческие музеи, которые знакомят сельчан со всеми сторонами местной жизни, подчеркивая многонациональность Донецкого края. Музей села Старомлиновка (Старый Керменчик) организовал в 1964 г. учитель географии (позже завуч средней школы) Степан Константинович Темир. Обладая большим количеством документов, вещевых экспонатов, иллюстративного и эпистолярного мате-

риала, музей повествует об истории села и его ближайшей округи, в том числе и о культуре его старожильского населения — греков. В нем протекают тематические уроки школьников, семинары для учителей, консультации для специалистов, его посещают многочисленные экскурсии из других мест. В 1968 г. музею присвоено наименование Народный историко-краеведческий музей села Старомлиновки. Его основатель и многолетний руководитель С. К. Темир пользуется заслуженным уважением во всей Мариупольщине.

Местные музеи, отражающие прошлую и настоящую жизнь сельчан, созданы во многих селах — Стыле, Каракубе, Кременевке, Малом Янисоле, Великой Новоселовке и др.

Обобщением, кульминацией всей деятельности, направленной на сохранение и развитие этнической культуры, надо признать панаиры или, как принято их называть ныне, «праздники села» (*мегали* или *мега юрты*; буквально — «большой праздник»). Они собираются то в одном, то в другом селе, время их примерно приурочено к дате традиционного панаира (но не всегда), программа их обычно состоит из выступлений ансамблей и отдельных самодеятельных артистов — хозяев и гостей, писателей, поэтов, других деятелей культуры. Тут же можно познакомиться с выставками, развернутыми областными и местными музеями, отведать изделия национальной кухни, приобрести сувениры — предметы местного мастерства. Заканчивается празднество, как правило, традиционной борьбой *курэш*.

Сегодняшняя жизнь несколько изменяет репертуар традиционных празднеств: они начинаются с возложения венков к символическим знакам, хранящим память о жертвах Второй мировой войны. Митинги с выступлениями руководителей общественных организаций — тоже явление сегодняшнего дня.

Историческая память — это еще один фактор, поддерживающий этническое самоопределение. Здесь решающую роль играют деятели науки и искусства. Главными очагами научного изучения прошлого и пропаганды настоящего в жизни российских и украинских греков служат расположенные в больших городах государственные музеи, где (в отличие от сельских) работа поставлена на высоком научном уровне. Богатые коллекции собрал Областной краеведческий музей в г. Донецке. Он сосредоточил материалы по истории и этнографии полиэтнического населения Донецкой области. Подлинным центром греческих исследований служит Мариупольский краеведческий музей: в течение многих десятилетий в его фондах накапливались предметы хозяйства и быта, его архивы хранят интересные документы, в частности «Ревизские сказки» за много лет, материалы переписей и многое другое (тщательно изученные научным сотрудником Рэной Ильи-

ничной Саенко, они легли в основу некоторых разделов настоящего издания). Музей имеет филиалы: Музей народного быта, Музей истории греков Приазовья.

Память о прошлом греческого народа и всего многонационального края поддерживают публикации местных краеведов, деятелей науки и искусства — отдельными книгами, статьями в периодической печати, тезисами в сборниках, отражающих деятельность различных местных и международных конференций¹¹.

Особого упоминания заслуживает деятельность «Фонда греческой культуры» в г. Одессе, где свято хранят память об обществе «Филики Этерия»: воссоздано здание, где первые деятели патриотического движения собирали силы для организации народного восстания ради освобождения от власти Османской империи. В этом здании расположен интересный музей и библиотека Фонда¹². Фонд издает периодическое информационное издание «Ирис» («Радуга»).

Национальные общества, основанные ныне практически повсеместно в странах бывшего СССР, отвечают естественной тяге людей к объединению по этническому признаку. Их усилия направлены на развитие родных языков, сохранение культурных особенностей и в конечном счете — к укреплению этнического самосознания как естественного и необходимого рефлексивного чувства каждого человека.

Греческие общества России включены в Ассоциацию Греческих Общественных Объединений России — АГООР (с 1990 г.) с центром в Москве. Ее задача состоит в координации работы региональных греческих объединений, направленной на осуществление общественных, просветительских и гуманитарных целей. Наибольшая концентрация греческих обществ, объединяющих греков-понтийцев, в краях и республиках Северного Кавказа. На Украине греческие общества основаны во многих населенных пунктах — от Львова на западе и до практически всех сел Донецкой области на востоке. Многие из них объединены в федерацию греческих обществ Украины с центром в г. Мариуполе. Греческие общества работают в Белоруссии, Грузии, Азербайджане, Казахстане, в государствах Центральной Азии и в других местах. Становление обществ, их структуры и программы претерпели многократные изменения в связи с меняющимися местными и общеполитическими условиями¹³.

В известной степени активное участие в деятельности обществ (равно как и изучение греческого языка) вызывается практическими соображениями, связанными с установкой части греческого населения наших стран на эмиграцию. Одни уезжают навсегда (в некоторых районах Греции складываются территориальные анклавы «русских греков», возникают общест-

ва, периодическая печать, радиостанции и т. п.), другие ограничиваются челночной трудовой миграцией. Туризм с целью знакомства с Грецией или общения с родственниками также имеет место. В этом плане оформление выездных документов, формирование туристических групп (в том числе и детских) и т. п. составляют необходимую часть работы обществ.

Но для исследования путей сохранения и самоопределения этноса гораздо важнее другой результат деятельности греческих обществ: они служат основным каналом знакомства диаспоры с историей, культурой и языком той страны, которая воспринимается как родина предков. На первый план выступают эмоционально-психологические факторы.

Создание обществ и оживление проблемы этнической самоидентификации — обоюдно связанные общественные явления, которые стимулируют друг друга. Два направления преобладают в этом процессе — развитие культурной специфики на местах и связь с государством Грецией и с греческими диаспорами в европейских странах. В этом втором случае проявляется историческая легенда о родине предков, то есть о месте их выхода в пределы Российской империи. Греки — жители Северного Причерноморья, включая Одессу, Бессарабию, Крым, Таганрог и многие другие города, — действительно потомки выходцев из континентальной Греции и с островов Архипелага, а древние предки понтийцев жили на полуострове Малая Азия, происхождение же предков мариупольских греков до сих пор не прояснено достаточно убедительно. Однако отношение к современной Греции как к стране предков, «исторической родине» укоренилось ныне прочно. Это сказывается в особой приверженности к мифам и образам античной Греции в школьных кружковых занятиях, в программах фольклорных ансамблей и в обыденном словоупотреблении. Современный греческий литературный язык димотика воспринимается как необходимое условие для освоения современной греческой культуры — ее истории, литературы и т. п., при общении с жителями Греции, а также в целях расширения международных контактов, в частности с Центром развития эллинизма и с Секретариатом по делам греков зарубежья, которые находятся в г. Дюссельдорфе (Германия), и с греческими диаспорами в других странах¹⁴. Научным центром изучения греческого языка и литературы стал Мариупольский гуманитарный институт (в составе Донецкого государственного университета¹⁵).

В заключение надо признать, что этнонациональное самоопределение людей тесно связано с реальными потребностями этнического сообщества в каждый данный момент его истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Например, в Москве и Московской области в 1993 г. насчитывалось около 6,5 тыс. греков. Из них 77,8% состояли в смешанных браках. Среди греческих семей 86,5% были полностью русскоязычны (*Тифтикиди Н. Ф.* Греческая диаспора в Москве сегодня // *Ποιντος*. 1993. № 2. С. 3). См. также: *Українська нація і етнічні меншини: перспективи інтеграції в громадянське суспільство*. Київ, 1994. Из числа украинцев — жителей Донецкой области 40,4% назвали родным языком русский (Там же. С. 5). Об интеграционных процессах см.: *Иванова Ю. В.* Роль адаптации в формировании этнической культуры греческой диаспоры на Кавказе // *Греки на Северном Кавказе*. Пятигорск, 1993. С. 23–26.
- 2 Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; *Бромлей Ю. В., Гурвич И. С., Козлов В. И.* Этнические процессы в СССР // *Этнические процессы в современном мире*. М., 1987. С. 97–163.
- 3 *Орлов А. В.* Национальна самовідомість сучасних греків: етнокультурний вимір // *Україна — Греція... Маріуполь*, 1996. С. 217–218.
- 4 В 1926 г. родным языком назвали язык своей национальности 81,4% греков Донецкой области, опрошенных в ходе Всесоюзной переписи населения. В 1989 г. таких оказалось лишь 18,5% (*Наулко В. Н.* Греки в аспекті етнографічного розвитку України ХХ ст. // Там же. С. 215–217. См. также: *Левентис Г. М.* Цена свободы // *Эллины Украины*. 1996. № 5. С. 5.
- 5 *Журавлева Е. Ф.* Фонологическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1982. С. 25, 26, 281.
- 6 *Кузьминков Л. Н.* Дорога жизни и поэзии Григория Меотиса // *Приазовский рабочий*. 2.10.1996; *Он же.* Урумское крыло греческой поэзии // *Приазовский рабочий*. 18.12.1996.
- 7 *Киор В. И.* К вопросу о генезисе народностей, переселившихся из Крыма в Приазовье в XVIII в. // *Донбасс и Приазовье*. Мариуполь, 1993. С. 112–114; *Он же.* Идеальное в фольклоре приазовских греков как фактор художественного преобразования материального // *Україна — Греція... Маріуполь*, 1996. С. 230–231.
- 8 *Иванова Ю. В.* Этнические традиции в современных семейных обрядах некоторых национальностей Юго-Запада СССР // *Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»*. Элиста, 1981. С. 128–129.
- 9 *Тифтикиди Н. Ф.* Понтийская песня // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 6. С. 67–78.
- 10 *Колесников В.* И сиртаки, и хайтарма, и скрипки Амати // *Эллины Украины*. 1996. № 2.
- 11 Всего несколько примеров: *Джуха И. Г.* Одиссея мариупольских греков. Вологда, 1993; *Балджи А. Я.* Эллины Приазовья вчера, сегодня, завтра. Мариуполь, 1995; *Кузьминков Л. Н.* Переселение крымских греков в Север-

- ное Приазовье в 1778–1780 гг. Историко-критический очерк. Мариуполь, 1997; Яруцкий Л. Д. «Никополь» и «Провиданс». Мариуполь, 1997.
- ¹² Фонд Грецької культури. Музей Філікі Етерія. Одеса. Історичні нариси — каталог. Афіни, 1994.
- ¹³ Балджи А. Я. Указ. соч. С. 15, 58–72, 159–162 и др.; Гладчук Е. А. Деятельность Донецкой областной государственной администрации по национальному возрождению греческой культуры и образованию: опыт и перспективы // Украина — Греция... С. 10–12.
- ¹⁴ О деятельности греческих государственных учреждений и общественных организаций по устройству иммигрантов на греческой земле и об их патронажных связях с диаспорами в других странах, в том числе — в России, на Украине, в государствах Кавказа см., например, журнал «Ελληνική διασπορά» (материалы периодически печатаются почти во всех номерах).
- ¹⁵ Шевченко В. П., Балабанов К. В. Роль образования в духовном возрождении греков Украины: опыт и практика // Украина — Греция... С. 12–17.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 СТЕФАН МАВРОМИХАЛИ И ЕГО ПОТОМСТВО В РОССИИ

Стефан Мавромихали (1734–1801) — старшина горной области Мани (Майна) на полуострове Морея (Пелопоннес), командир борцов против османского владычества на греческих землях, известных под именем «спартанских легионеров», — был заметной фигурой в греческой истории второй половины XVIII в. Признанный политический лидер в Греции, он был широко известен и в России своей дипломатической и военной активностью.

Семейство Мавромихали испокон веков управляло областью Мани. Ее жители — маниоты (майноты) не без основания считали себя потомками легендарных спартанцев, а некоторые Мавромихали возводили свой род ни много ни мало к царю Леониду!

Этимология фамилии Мавромихали очевидна: по-гречески «мавро» означает «черный, чернец, сирота, бедняга». Среди русских потомков Мавромихали сохранилась легенда о происхождении рода от некоего рыбака Михалиса, столь смуглого, что получил прозвище «Черный Михаил». Этот Мавромихалис поймал однажды неводом морскую нимфу — nereиду и влюбился в нее. Плодом этой любви стал сын, вручая которого отцу, nereида сказала: «Его потомство может не бояться моря, они никогда не утонут. Всякий, в ком течет хотя бы капля твоей и моей крови, будет спасен и подержан мной».

Баронесса Лидия Георгиевна Левендаль, в замужестве Папаэ, живущая в Румынии, сообщила автору следующие сведения: род Мавромихали происходит от Михайло Кантакузино Шайтаноглю («Чертова сына») — богатейшего владельца соляных копей в Османской империи в XVI в. Его дворец в Стамбуле располагался напротив дворца султана. Он был оклеветан завистниками и повешен на глазах всех своих четырех сыновей, причем один был младенцем в пеленках. Трое взрослых сыновей отправились в Валахию, где будто бы основали династию князей Кантакузинов, а младенец был отвезен в Мани и там стал именоваться Мавромихалисом, то есть «сиротой Михаилом». Все изложенные здесь легенды не противоречат друг другу: рассказ о морской нимфе можно отнести к архаическим временам Древней Греции, в последующей цепи поколений расположить царя Леони-

да (погиб при Фермопилах в V в. до н. э.), а Кантакузинов отнести к эпохам Византии и Османской империи.

Стефан Мавромихали был внуком экзарха (гражданского и военного правителя) Мореи Георгия Мавромихали и его жены Елены Морозини — дочери венецианского дожа Франческо Морозини, состоявшего в родстве с тосканским домом Медичи. Экзархами были также прадед и прапрадед Стефана. Кроме Ксанти, отца Стефана, у Георгия и Елены было еще несколько сыновей — Илья, Иоанн и Петро. Илья был отцом Петро-бея, Иоанна и Константина — будущих активных деятелей антитурецкого движения, завершившегося провозглашением в 1830 г. независимости Греции. Они стали участниками возникшей тотчас же междуусобицы, в результате которой Константин Мавромихали и его племянник Георгий — сын Петро-бея убили в 1831 г. первого президента Греции Иоанна Каподистрию, которого они считали «тираном».

При первом греческом короле Оттоне I, вступившем на престол в 1832 г., Петро-бей стал членом и вице-президентом Сената, а затем председателем Государственной думы. Именем этого Мавромихали названа одна из улиц в центре Афин.

Впоследствии не раз представители рода Мавромихали оказывались в верхних эшелонах власти в Греции: становились министрами, членами или главами правительства.

Стефан Мавромихали после восстания греков 1770 г. эмигрировал в Россию. Во многих историко-генеалогических источниках значится, что его потомство в России пресеклось. Это утверждение не совсем верно: угасло мужское потомство в третьем колене, но сохранилось и приумножилось потомство по женской линии. Оно существует до сих пор.

Несмотря на значительную ассимиляцию, среди его русских потомков хранится память о греческих предках и о Греции как об исторической их прародине. Сейчас, при значительной эмиграции разных категорий граждан бывшего СССР, весьма своевременно вспомнить те времена, когда российская земля сама давала приют иноземцам. Для многих она становилась вторым Отечеством. Не претендуя на полноту своих наблюдений, автор задается целью показать, как проходило оседание греков в России — на примере семьи Стефана Мавромихали, с которой породнились другие греческие семьи — типичные представители греческой эмиграции.

В ходе войны 1768–1774 гг. российское командование намечало вести военные действия против Османской империи с двух фронтов: с севера — силами армии П. А. Румянцева и с юга — силами морской эскадры А. Г. Орлова, поддержанной восставшими греками. Лидером именно этих повстанцев и был Стефан Мавромихали (его называли, как принято это было в то время, на турецкий манер Стефан-бей). Его род внес большой вклад в борь-

бу за освобождение Греции: 49 его представителей пали в борьбе с турками; в дни празднования 150-летия независимости Греции общественность страны с особой теплотой оказывала знаки внимания этому семейству.

Восстание греков готовилось исподволь: Стефан Мавромихали имел сношения с Н. И. Паниным и А. Г. Орловым, его посланцы были приняты Екатериной II в Санкт-Петербурге, российское правительство обещало поддержку восставшим. Повстанцы во главе с Мавромихали способствовали победам российского флота в Архипелаге, за что он был награжден Екатериной II Большой золотой медалью. Однако кампания в целом не удалась, российский флот вернулся, не сумев воспользоваться энтузиазмом греков и их военными успехами. Турки начали репрессии против повстанцев, многие греческие семьи вынуждены были покинуть Родину. Массовый исход начался в 1775 г. Ему предшествовал визит Мавромихали в Россию: он выхлопотал перед императрицей особые права и привилегии для мигрантов и осмотрел выделявшиеся им земли в Крыму и Причерноморье.

Эвакуация греческих семей была драматична: они зачастую лишались не только имущества, но и документов, и им приходилось для доказательства своего происхождения прибегать к свидетельству авторитетных лиц. Например, Николай Анастасиевич Анастасиев, предки которого жили в городе Короне (Пелопоннес) и пользовались преимуществами людей знатного происхождения, вынужден был прибегнуть к свидетельству графа Ф. Г. Орлова и генерал-лейтенанта И. А. Ганнибала (деда А. С. Пушкина).

Не все греческие семьи сумели тотчас же уехать в Россию. Сам Стефан Мавромихали соединился со своей семьей только в 1796 г., что следует из письма российского посла в Стамбуле В. П. Кочубея Таврическому губернатору Жегулину: «...прапорщик Ксанто Мавромихали, присланный ко мне с рекомендательным письмом от Вашего превосходительства для выведения из Морей семьи и родственников Албанских войск подполковника и кавалера Стефана Мавромихали, поручение, на него возложенное, удачно исполнил и родственников упомянутого подполковника, состоящих обоим пола в 11 душах, скрытым образом сюда привез...» Можно себе представить, какие противоречивые чувства бушевали этих переселенцев, отправлявшихся хотя и в единоверную, но такую далекую чужую страну.

Екатерина II, ценя оказанные греками услуги и снисходя к прошению их старейшины Мавромихали, указом от 28 марта 1778 г. на имя графа Орлова Чесменского «повелела для водворения их отвести земли в нынешней Екатеринославской губернии и даровала им многие льготы и выгоды». Грекам было разрешено организовать из своей среды войско под названием Албанского, а также греческие пехотные соединения (см. выше главу «Греческая эмиграция в Россию»). Во главе этих военных контингентов Стефан Мав-

ромихали продолжал службу в России. В 1793 г. он был награжден орденом Святого Георгия IV степени (в то время только два грека были георгиевскими кавалерами — Мавромихали и упоминавшийся выше Ламбро Качиони, их имена высечены золотыми буквами на стене Георгиевского зала Большого кремлевского дворца). Портрет Стефана Мавромихали, датируемый концом 1790-х гг., хранится в Художественном национальном музее Украины в Киеве (портрет был атрибутирован и научно описан потомком Стефана — искусствоведом, сотрудником Эрмитажа А. В. Помарнацким в 1964 г.).

Стефан Мавромихали получил богатые поместья в Крыму: на южном берегу, по рекам Черной, Каче и Альме, городские участки в Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии. Там же получили владения и его соратники. Авторитет Стефана был очень высок, еще в начале XX в. старожилы почтительно показывали дом «байрактара» (так называли его по турецкому обычаю) в любимом им имении Керменчике (ныне село Высокое Бахчисарайского района). Байрактар — владеющий знаменем.

Стефан Мавромихали был похоронен в Балаклаве в Георгиевском монастыре.

Стефан был женат на гречанке Фотинье [Стамати(?)] (личности упомянутых выше 11 членов его семьи пока выявить не удалось). Его единственный сын Павел Стефанович Мавромихали (1770—1822) служил на флоте под командованием Ф. Ф. Ушакова, затем состоял на гражданской службе, был одним из ближайших помощников строителя Одессы герцога А. Э. Ришелье. Сохранилась их дружественная переписка после отъезда Ришелье во Францию. Возглавлявший правительство после реставрации Бурбонов, выйдя в отставку, Ришелье мечтал возвратиться в Россию и поселиться (как гласит семейное предание) в имении Мавромихали в Чургуне. Мечта не осуществилась: оба друга умерли почти одновременно.

Павел Стефанович Мавромихали был женат на гречанке Ксении Мануиловне Дмитриевой (ок. 1785—1851) и имел от нее сына Константина (р. 1803) и шестерых дочерей — Марию (р. 1809), Екатерину (р. 1810), Елизавету (р. 1813), Анну (р. 1814), Александру (р. 1816) и Елену (р. 1817). Сын умер в детском возрасте и с ним оборвалась мужская линия русской ветви рода Мавромихали. Начался процесс духовной и генетической ассимиляции семьи в многонациональной среде российского общества. Ассимиляция не означала забвения своих родовых корней: в семье остается глубокий интерес ко всему, что касается Греции, хотя в настоящее время в жизнь вступают уже X и XI поколения потомков Мавромихали. То же самое можно сказать и о других греческих родах, укоренившихся в России, — Булгари, Стамати, Анастасьевых, Кази, Кортацци, Кумани, Россолимо, Цакни и других.

Дочери Павла Стефановича Мария, Елизавета и Александра вышли замуж соответственно за К. Н. Анастасьева, П. Ф. Револьоти и И. А. Кази — представителей старинных греческих родов, отцы их сражались вместе со Стефан-беем в Греции и России. Елизавета и Елена связали свои судьбы с двоюродными братьями из семьи французских эмигрантов М. И. и И. Ф. Бларамбергами. У сестер Мавромихали было в общей сложности 19 детей, среди которых зарегистрировано 17 браков. Через них в семью вошли одна англичанка и 16 россиян. Поэтому с каждым поколением потомки Стефана Мавромихали, естественно, становились все более и более русскими.

Реконструкция и анализ родословных потомства Марии Павловны Анастасьевой, Александры Павловны Кази и Елены Павловны Бларамберг позволили проследить развитие родственных связей и полную ассимиляцию этих семей в России на протяжении 8 поколений (от Стефана 10 поколений) в течение почти 250 лет. Полная родословная роспись, составленная автором данного очерка, доведенная до наших дней, содержит более 300 индивидов, а с супругами — около 500 имен. Среди них греки, другие люди балканского происхождения, французы, англичане, немцы, датчане и др. Греческая кровь постепенно сходит на нет. В России к 1917 г. существовали семейства Кази, Россолимо и Кортацци. Сейчас шансы на продолжение рода остались только у Россолимо, но они не только по паспортам, но и по образу мыслей, жизни, душевному настрою давно уже русские люди.

Дореволюционными можно считать пять поколений — 93 индивидов, в результате браков которых потомки С. Мавромихали породнились со следующими 54 фамилиями (по алфавиту):

Абакумовы
Анастасьевы
Андреевы
Апрелевы
Баласы
Беловодские
Берхи
Бларамберги
Блуменфельды
гр. Булгари
Воронцы
бар. Врангели
Гавришевы
Газисы
Гербели
Герштанские
Гребенщиковы

Григорьевы
Джаксоны
Долгих
Дрейеры
Жуковы
Кази
Казнаковы
фон Кельхин
Китаевы
Константиновы
Кортацци
Кутузовы
Кушковские
Лавровы
Лебедевы
бар. Левендалы
Лиснеры

Мадатовы
Минко
Павловы
Паризо де ля Валетт
Пац-Помарнацкие
Полуботки
Потемкины
Протопоповы
Ревельотти
Резниченко

Россолимо
Румянцевы
Сапожниковы
Семно-Савойские
Стамати
Страховские
Трофимовские
Хесапчиевы
Шкляревичи
Якубовы

Как видно, среди родственных фамилий имеются представители древнего русского дворянства (Апрелевы, Лавровы, Воронцы, Кутузовы), малороссийских и польско-литовских дворянских родов (Беловодские, Пац-Помарнацкие, Шкляревичи), прибалтийского дворянства и выходцев из других земель (Берхи, Блуменфельды, бароны Врангели и Левендалы, Джаксоны, Дрейеры, Лиснеры, Паризо де ля Валетт). В IV и V коленах продолжались родственные связи с представителями народов Балканского полуострова: Кортацци, Россолимо, Баласы, Газисы, Хесапчиевы, но их влияние на родственный клан было незначительным, так как к этому времени многие из них сами оказались в большой степени обрусевшими. В это время были зарегистрированы 5 семейных союзов между родственниками:

— упоминавшиеся бракосочетания двоюродных братьев М. И. и И. Ф. Бларамбергов на родных сестрах Мавромихали;
— бракосочетания двоюродных братьев В. И. Бларамберга (сына И. Ф. Бларамберга) и С. И. Кази с их двоюродными племянницами — родными сестрами О. Н. и А. Н. Беловодскими;
— бракосочетание Г. В. Анастасьева со своей троюродной сестрой Н. А. Берх.

До революции 1917 г. древо уверенно разрасталось, его численность росла почти в геометрической прогрессии до V колена включительно. V и VI колена встретили революцию 1917 года. Налицо сначала замедление роста, а затем резкое падение численности почти в два раза.

В VI колене оказалось 77 индивидов плюс 37 человек — супруги, почти столько, сколько было за все предыдущие пять колен. В нем наиболее заметны: семья Кази — 7 человек (почти 10 %) — дети Александра Андреевича Кази, за ней следуют семьи Берхов и Пац-Помарнацких — по 5 человек, Блуменфельды, бароны Левендалы, Лиснеры и Протопоповы — по 4, Воронцы, Дрейеры, Кортацци, Резниченко, Россолимо — по 3. Некоторые успели до и вскоре после 1917 г. обзавестись семьями в духе старых традиций и породниться со следующими фамилиями: Андриевские, Грегеры, Де-Вири, Кайдаловы, Кондратовичи, Кузьмицкие, Лясковские, Михно,

Павловы, Поповы, Ромашкану. Остальные, а их большинство, вступили в брак в 1930–1940-е гг., но из всего поколения из-за большевистских репрессий потомство дали менее 1/3 членов рода. Для сравнения укажем, что раньше потомство давали 3 из 4 или 4 из 5 человек. Так появилось зачатое в страхе VII колена потомков Мавромихали. VII и VIII колена почти полностью сформированы, и их состав уже вряд ли серьезно изменится.

Вступают в жизнь IX, X и XI поколения. Можно ожидать, что лишь XI поколение по численности превысит VI, то есть понадобятся еще 25–50, а в общей сложности 125–150 лет, чтобы ликвидировать последствия большевистского террора по отношению к дворянству вообще и рассматриваемых родов в частности. С большой долей уверенности можно сказать, что такой вывод справедлив для подавляющего большинства дворянских фамилий.

Золотым веком дворянства может считаться период с 1762 г., когда Петром III был издан Указ о вольности дворянства, до 1861 г., когда Александр II дворянство своих привилегий было лишено. Все в мире относительно, и сейчас к золотому веку вполне можно отнести и последующее время, вплоть до 1917 г. В своих генеалогических исследованиях автор часто выделяет в «золотой век» именно эти почти 150 лет для выявления так называемого коэффициента успеха семьи или рода, понимая под ним отношение количества индивидов, добившихся в жизни заметных успехов, к общему количеству индивидов-мужчин. За критерий успеха принимается очевидное признание индивида в творческой, общественной и служебной деятельности: упоминание в энциклопедии, след в истории, получение первого генеральского чина. Это типичная экспертная оценка, при которой автор полагает, что в указанные 150 лет, обеспеченный дворянин был свободен в выборе служить или не служить и шел на службу, движимый только чувством долга или призванием, а успех его зависел только от его способностей и таланта.

Автор провел расчеты коэффициентов успеха у ряда исследованных родов. У князей Трубецких он оказался равным 0,37 (при выборке из 83 персон-мужчин), то есть более чем каждый третий Трубецкой добивался заметного успеха в жизни, у рода потомственных дворян Араповых — 0,26 (выборка 62 чел.), Апрельевых — 0,16 (62), Верховских — 0,11 (150), Глинок — 0,1 (101), Энгельгардтов — 0,07 (169), князей Львовых — 0,09 (45), графов Воронцовых-Дашковых — 0,49 (50), Потемкиных — 0,08 (131) и т. д.

Расчеты и анализ показывают, что эти успехи не случайны, хотя их уровень и колеблющийся. Указанный выше критерий — уровень успеха на государственном уровне; можно установить критерии и вывести роды,

успешно работавшие на губернском или уездном уровнях. Причем в последнем нет ничего унижительного: не все были честолюбивы — для многих служба на местах тоже была традиционной и своеобразным долгом. И это было тоже необходимо и даже бесценно: именно эти люди создавали на местах те знаменитые дворянские гнезда — очаги культуры в провинции, чего мы, увы, лишены сейчас. А все вместе это создавало систему отбора, конкуренции и эффективной деятельности всех этажей дворянского сословия и общества в целом.

Оценим аналогичным образом деятельность потомков Стефана Мавромихали в России, но предварительно рассмотрим каждого из наиболее выдающихся представителей рода.

Несомненно, первым выдающимся представителем был сам Стефан. Его сыну, несмотря на все его достоинства, отдадим губернский — региональный уровень успеха. В третьем же колене активными действующими лицами среди потомков оказались только женщины, дочери Павла. Наиболее заметными из них были Мария, Екатерина и Елена.

Мария Павловна была женой генерал-лейтенанта корпуса инженеров путей сообщения Константина Николаевича Анастасьева, сына упоминавшегося ранее Николая Анастасьева. Их брак оказался неудачным. Очень красивая, прекрасно образованная, незаурядный знаток музыки, она была больше склонна к светской жизни. Согласно семейным преданиям, от мужа она родила только старшую дочь Софию; ее старший сын Виктор был будто бы от неизвестного Ф. Ф. Трепова, а рождение младшего сына Александра семейная легенда приписывает от наследника-цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II. Мария Павловна была дружна с А. Н. Серовым, В. В. Стасовым, М. П. Мусоргским (сохранилась их переписка).

С А. Н. Серовым у нее тоже был большой роман, хотя композитор и был на 11 лет моложе ее. Серов подолгу гостил в имении Анастасьевых Бурлюке, которое он называл своим «приютом», где ему очень хорошо работалось.

Похожей на Марию была ее сестра Екатерина Павловна. Она тоже находилась в центре музыкальной жизни Крыма в 1840-х гг., пошла в сестры милосердия во время обороны Севастополя 1854–1855 гг., жила в Греции, где ратовала за республиканскую форму правления. Все ценили ее красоту, ум и вкус. Красивая и возвышенная особа, она сохранилась в семейных легендах как героиня многих романтических историй. Главная из них состояла в том, что она сбежала или была похищена от первого мужа — престарелого адмирала (или генерала), некоего Исупова, и вышла замуж за своего похитителя, бретера и дуэлянта молодого корнета Михаила Ивановича Бларамберга, сына известного археолога И. П. Бларамберга, работавшего в Одессе при гр. М. С. Воронцове.

Жили молодые на Кавказе, где положили начало другой романтической истории, но уже с двоюродным братом М. И. Бларамберга — Иваном Федоровичем Бларамбергом. Последний — маститый, успешно продвигающийся на русской службе офицер, но уже в годах, холостой, он приезжал погостить к родственникам в Тифлис и... влюбился в Екатерину Павловну. Она же ему посоветовала: «У меня есть младшая сестра, она еще не замужем. Поезжайте в наше имение в Крыму Чоргун — ее отдадут за Вас, а она не менее красива, чем я!» И. Ф. Бларамберг послушался, не пожалел и, как мы знаем, остался на всю жизнь в России, равно как и его потомство. Его женой действительно стала младшая из сестер Мавромихали — Елена Павловна.

Некоторые Бларамберги считали, что их полная фамилия звучала «Морре де Бларамберг» и происходила от незаконнорожденного отпрыска французской королевской фамилии, чуть ли не от сына Генриха IV. Попытки нескольких поколений семейных генеалогов прояснить их происхождение пока не увенчались успехом, даже с помощью Ассоциации французского дворянства.

Сам И. Ф. Бларамберг родился во Франкфурте-на Майне, а семью считал происходившей из Нидерландов, из г. Лира, юго-восточнее Антверпена (ныне на территории Бельгии).

И. Ф. Бларамберг прославился в России — стал генерал-лейтенантом, топографом и известным востоковедом, оставившим ряд интересных трудов и воспоминаний. И. Ф. и Е. П. Бларамберги были друзьями В. А. Перовского, В. И. Даля, Т. Г. Шевченко (известен портрет Елены Павловны работы Шевченко).

Четвертая сестра, Александра Павловна, была женой Ильи Андреевича Кази, родила 9 детей, двое из которых стали адмиралами — Сергей Ильич и Александр Ильич Кази, а Михаил Ильич, хотя и не выслужил больших чинов, был известным деятелем эпохи Александра II и Александра III. О М. И. Кази можно прочесть в воспоминаниях С. Ю. Витте и А. Н. Крылова, ему посвящена монография Е. С. Федорова, изданная в С.-Петербурге в 1897 г. Как полагается, ругательно его упомянул Ульянов-Ленин в книге «Что такое дружба народа...». Ему как городскому голове Севастополь обязан сохранением исторических реликвий осады 1854–1855 гг. Имена А. И. и М. И. Кази увековечены на географических картах Северного Ледовитого и Тихого океанов. В Севастополе была улица М. И. Кази.

Настоящим «морским волком» был Сергей Ильич Кази, активный деятель Добровольного флота, плававший до самых преклонных лет. Он был награжден многими орденами, включая Орден Святого Владимира III степени, а за один морской переход Александр III подарил ему именную перстень (ныне хранящийся у его правнука). Случай из его капитанской практики в 1879 г. был замечен Ф. М. Достоевским и М. Н. Катковым и кос-

венно использован первым в 12-й главе «Братьев Карамазовых» (И. Волгин, 1985). Его последний чин — генерал-майор по адмиралтейству. Чуткий ко всему новому, С. И. Кази один из первых в России обзавелся автомобилем, телефоном, а свою крымскую усадьбу Бурлюк превратил в образцовое хозяйство. Поле Альминского сражения (1854 г.), соседствовавшее с Бурлюком, он превратил в памятник истории и культуры.

Наибольших успехов на службе добился сын Марии Павловны Александр Константинович Анастасьев (1837–1900), ставший тайным советником, губернатором, членом Государственного Совета Российской Империи. Это была сильная личность, умевшая проводить в жизнь свои решения, не стеснявшаяся при необходимости применять силу.

Его брат Виктор Константинович Анастасьев — офицер, юрист и меломан — был организатором музыкального центра на юге России. Женат он был на Нине Робертовне Джаксон, по преданию — внучке М. С. Воронцова, от которого они получили усадьбу Магарач под Ялтой.

Кипучая энергия Марии Павловны проявилась и в дочери ее Софии Константиновне Беловодской. Связавшись с народническим движением, она угодила под надзор полиции. Она построила школу в Бурлюке, постоянно давала приют как нуждающимся, так и сомнительным личностям. Ее деятельность была нейтрализована только в конце XIX в. сильной натурой ее зятя — С. И. Кази.

В росписи потомков Мавромихали — баронесса Вильгельмина Карловна Врангель, дальняя родственница генерала П. Н. Врангеля. Она была женой Павла Ивановича Бларамберга (1841–1907), композитора и журналиста, окончившего Александровский лицей. Он был портретирован Репиным и Серовым, позировал Репину при создании образа Ивана Грозного, убивающего своего сына. Баронесса так любила своего мужа, что, когда он умер, она, завершив его дела, ушла вслед за ним, покончив с собой. Сейчас они лежат в одной могиле на горе под Чоргуном близ Севастополя.

Рядом в росписи Елена Ивановна Бларамберг (1846–1922), в замужестве Апрелева, писательница, друг Тургенева, та, которая тоже позировала Репину, но уже для образа царевны Софьи. Брат Павла и Елены — Владимир Иванович Бларамберг (1843–1895) — правовед, действительный статский советник.

В следующем (V) поколении перечень известных фамилий можно начать с Марии Викторовны Анастасьевой, на которой был женат Феликс Михайлович Блуменфельд, — видный музыкальный деятель, друг Стасова, Шаляпина, Римского-Корсакова, Спендиарова (в имени Анастасьевых Магарач под Ялтой планировалось открыть музыкальный музей Крыма).

Эта старшая ветвь потомков Мавромихали и Анастасьевых оказалась самой артистической. Рисовали и пели дочери Блуменфельдов, а их внучка

Маргарита Викторовна Анастасьева стала актрисой МХАТа, засл. артисткой России. Ее муж — Владлен Семенович Давыдов, народный арт. России, и сын Андрей Владленович — тоже артисты МХАТа.

В V колене потомков заметно семейство Берхов. Борис Александрович и Николай Александрович Берхи, внуки Александры Павловны Кази, стали генералами, а Елена Александровна Берх вышла замуж за адмирала Лаврова.

До чина действительного статского советника дослужился Сергей Васильевич Резниченко (1872–1940), деятель переселенческого движения в начале века. Одна его сестра — Ольга Васильевна была замужем за генералом Генерального штаба Д. Н. Воронцом, представителем старинного дворянского рода Смоленской губернии, а другая — Наталия — за педагогом вокального искусства в С.-Петербургской консерватории Н. М. Нолле, из потомственных дворян С.-Петербургской губернии.

Брак Любови Львовны Гавришевой ввел в семью еще один баронский род — Левендалей, происходивший от одного из бастардов датских королей. Ее муж — барон Лаврентий Николаевич Левендаль, полковник, служил в Кишиневе. В это время в городе произошел жестокий еврейский погром, сопровождавшийся многими жертвами. Хотя он вместе с губернатором старался пресечь насилия, он был обвинен публицистикой того времени, а позже — в 1918 г. — был убит большевиками.

Несмотря на большое количество вступавших в родство иноземных фамилий, мировоззрение разраставшейся семьи укреплялось в духе лучших традиций российской дворянской интеллигенции, предусматривавших приоритет православных общечеловеческих ценностей, равенство людей и сословий перед Богом, верность долгу, присяге, кодексу чести.

Всего в первых пяти коленах достиг совершеннолетия 31 мужчина. Крупных успехов на государственном уровне добились 10 человек: С. Мавромихали; А. К. Анастасьев; М. И., А. И. и С. И. Кази; П. И. и В. И. Бларамберги (сыновья Ивана Федоровича); Б. А. и Н. А. Берхи; С. В. Резниченко.

Таким образом, коэффициент успеха семьи получается 0,3 — весьма высокое значение, свидетельствующее, что почти каждый третий мужчина выходил на государственный уровень успеха. На хорошем региональном уровне «работали» П. С. Мавромихали и В. К. Анастасьев. Это обстоятельство совокупно с активной деятельностью женщин позволяет сделать вывод, что потомки Мавромихали входят в ряд наиболее эффективно работавших дворянских родов в период золотого века дворянства в России.

Эпоха революций, гражданская война и послереволюционный период принесли в семьи потомков Мавромихали полный набор бед и страданий, связанных с участием в братоубийственной войне, гибелью людей по обе стороны линии фронта, вынужденной эмиграцией, политическими репрессиями и дискриминацией.

В горниле гражданской войны и последующих репрессий пропали без вести, а некоторые, возможно, просто спрятались на дно, — Павлбвичи, Гребенщиконы, Абакумовы, Лавровы, Китаевы, Семно-Савойские, Мадатовы, Н. К. Минко, Н. А. Кази. Расстреляны в 1930-х троюродные братья Борис Александрович Кази, сражавшийся у белых, и Фаддей Валентинович Пац-Помарнацкий, служивший у красных. Умерли от болезней и лишения многие Протопоповы, Бларамберги, Нолле. Эмигрировали Гербели, А. Л. Россоломо, Андриевские, Лиснеры, Андреевы, А. А. Кази, Страховские, Н. А. Берх, бароны Левендали, Резниченко, Воронцы, Апрелевы, А. Ф. Пац-Помарнацкий. Из оставшихся на Родине провели несколько лет в архипелаге ГУЛАГе В. Ф. Анастасьев, М. С. Михно, А. Л. Сапожников. Арестовывались почти все, даже женщины.

Последняя репрессия — высылка из Крыма в 1944 г. вместе с татарами, греками, болгарями семьи Аллы Ахиллесовны Газис, в замужестве Жайворонки.

Как указывалось, в самом многочисленном VI колене потомков было 76 персон, но в результате революционных катаклизмов дальнейшее потомство дали только 23. Две трети потомков угодили под революционный молот.

Жизнь в эмиграции потомков Мавромихали мало известна автору — представителю потомков Мавромихали, оставшихся в советской России: переписка велась очень осторожно и лаконично. Как правило, письма по прочтении уничтожались. В СССР ее вели старейшины рода, иногда как эстафету передавая друг другу «право» переписки — А. Н. Кази, Т. Д. Михно, К. Д. Попова и А. Л. Сапожников. Основными местами обитания изгнанников стали Франция, Румыния, Англия, Югославия, Польша, Бразилия и Китай.

Во Франции, общаясь друг с другом, жили Андреевы, Воронцы и Резниченко. До недавнего времени велась переписка с М. В. Андреевой, внучкой С. И. Кази, вышедшей замуж за В. С. Радковича — представителя старого смоленского дворянского рода. Всю жизнь супруги лелеяли мечту о возвращении на Родину. Увы, это не удалось. В 1990 г. Т. С. Сапожникова, 18-летняя дочь автора, посетила Францию и была первой ласточкой «советских» потомков Мавромихали, залетевшей к изгнанникам. Ее встреча с М. В. Андреевой была полна радостных слез. В 1992 г. эту радость испытал автор этого очерка.

М. Д. Воронец и К. А. Страховская жили в Англии, но о них почти ничего не известно. Писательница Ардов — Е. И. Апрелева, ур. Бларамберг, уехала за границу, будучи уже в преклонных годах, она умерла в Белграде в 1923 г. Старший ее сын, морской офицер Борис Петрович, осел в Китае, затем жил в США. Младший ее сын Георгий жил и умер в Париже, похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа, равно как и его сын Петр. В Румынии

жили Левендали, Лиснеры и семья Н. А. Берха. К ним ездила Татьяна Дмитриевна Михно — правнучка Марии Павловны Анастасьевой с мужем во время Второй мировой войны, когда их родная Одесса была оккупирована румынами. В то же время в Румынию уехала и там пропала без вести З. А. Пац-Помарнацкая.

Барон Г. Л. Левендаль стал национальным румынским художником. Его дочь, упоминавшаяся выше Л. Г. Левендаль, и зять М. Папаэ заняты сейчас сохранением его наследия и созданием музея его имени. Генерал Н. А. Берх писал в Румынии свои мемуары и историю Первой мировой войны. Его единственная дочь Ирина страдала сонной болезнью, почти всю жизнь провела в больнице и умерла в 1940 г. С приходом в Румынию советских войск Н. А. Берх был арестован и посажен в тюрьму Аджудем. Но умер он, слава Богу, в своей постели в г. Фессен (Германия).

В далекой Аргентине умер, погиб при взрыве в химической лаборатории, Александр Ильич Лиснер. Судьба же его трех сестер совершенно неизвестна.

Неизвестна и судьба нескольких уехавших членов семей Кази и А. Ф. Пац-Помарнацкого. М. В. Радкович утверждала, что, по крайней мере, во Франции из родственников она осталась одна.

В Греции, вероятно, живет А. Л. Россолимо или его потомство.

На территории бывшего Советского Союза, несмотря на все невзгоды, проживает сейчас 66 семей потомков Мавромихали, насчитывающие с супругами более 170 человек. Из VI колена осталось лишь 2 семьи (2 потомка), в VII — 32 семьи (150 человек), в VIII — 25 семей (56 чел.). В советское время несколько видоизменились их брачные связи: резко упала доля союзов с потомственными дворянами, появились потомки личных дворян, мещан, крестьян, к районам обитания которых добавились Сибирь и Дальний Восток. Уровень образования, однако, остался достаточно высоким, равно как и сферы их деятельности остались в основном интеллектуальными. Национальный состав брачующихся стал более однородным, преимущественно русским. Первый брак с иностранцем был зафиксирован только в 1991 г. — дочь автора Н. С. Сапожникова вышла замуж за гражданина Сербии С. Лакичевича.

В советское время зафиксированы первые браки потомков Мавромихали с гражданами СССР еврейской национальности. Упоминаю это потому, что именно в этих семьях впервые начался процесс эмиграции из России: уехала в Израиль семья дочери К. Л. Дрейер. Не исключают, увы, такого исхода и некоторые другие семьи.

Охарактеризуем последние колена потомков Мавромихали.

В VII колене — 42 человека, среди которых наиболее заметны Жайворонки — 5 чел., Помарнацкие — 4 чел., Кортацци, Михно, Россолимо и Са-

пожниковы — по 3 человека. В VIII колене 46 человек, среди которых Россолимо, Михно, Кортацци, Зарайские, Кочкины и Жайворонки — по 3 представителя. В IX колене 41 человек, среди которых Михно — 7 человек. Янги, Зарайские, Кочкины — по 3 человека.

В настоящее время живут и функционируют только две греческие фамилии, прорвавшиеся, как мы говорили, сквозь «русский заслон»: Россолимо и Кортацци, но на дальнейшее продолжение имеют шансы только представители рода Россолимо. Продолжается растворение дворян. Если следовать российским законам (наследование по мужским линиям), дворянство на настоящее время сохраняют отдельные представители следующих фамилий — потомков Мавромихали: Михно, Пац-Помарнацких, Путинцевых, Сапожниковых. Михно дали своих мужских представителей уже в X колене потомков, Помарнацкие и Путинцевы — в VIII. Бог даст, эти фамилии продолжат свое существование и в течение всего XXI в.

В VI и VII коленах к настоящему времени числятся около 120 индивидов, в том числе количество мужчин, идущих в зачет при расчете коэффициента успеха в советское время, — 49. Очевидных успехов, по мнению автора, добились как минимум 6: доктора биологических наук отец и дочь Л. Л. и О. Л. Россолимо, искусствовед и историк А. В. Помарнацкий, инженер и лауреат Ленинской премии СССР И. Н. Минко, заслуженная артистка РСФСР М. В. Анастасьева и заслуженный строитель РСФСР Д. М. Михно. Коэффициент успеха — 0,12 — почти в 2,5 раза меньше, чем в дореволюционное время.

Компромиссы и их последствия, неизбежные при тоталитарных режимах, не миновали и потомков рассматриваемых родов. Люди были отторгнуты от Церкви. Однако инерция традиций в соблюдении высоконравственных принципов, исповедывавшихся многими предыдущими поколениями, помогла сохранить в семье основные христианские заповеди в поведении и в общении с людьми.

Знание русской истории, философии, семейной генеалогии, преданий старины, бережно хранившиеся и распространявшиеся в своем кругу старейшинами в роде — А. Н. Кази, Т. Д. Михно, К. Д. Воронец, А. В. Помарнацким, А. Л. Сапожниковым, — позволили не потерять надлежащие ориентиры в круговороте драматических событий, помогать друг другу и в конечном итоге выжить и сохраниться, избежав советского манкуртизма.

В настоящее время, как мы писали, в жизнь вступают X и XI поколения русских потомков славного грека Стефана Мавромихали, героя греческой и российской истории. Автор надеется, что они будут достойны доброй памяти о нем.

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ ПО ВСЕМ МУЖСКИМ И ЖЕНСКИМ ЛИНИЯМ

I колено

1. Стефан-бей МАВРОМИХАЛИ
Род. 1734 в г. Витало (Греция), ум. 24.02.1801 в Крыму, похоронен в Балаклаве в Георгиевском монастыре.
Правитель горной области Майна полуострова Пелопоннес (Греция). Сын Ксанти Мавромихали и его жены из рода (?) графов Булгари. Командир «спартанских легионов», поднявших антитурецкое восстание в 1770 и присоединившийся к русским войскам и флоту во время архипелагской экспедиции в ходе русско-турецкой войны 1768–1774. Эмигрировал в Россию в 1775, где продолжал службу во главе греческих частей. Подполковник, кавалер ордена Святого Георгия 4 ст. (1793). Владел большими поместьями в Крыму.
Жена — Фотинья, урожд. (?) С т а м а т и, из старшинских детей.

II колено

	Номер отца
2. Павел Степанович МАВРОМИХАЛИ	1
Род. 1771, ум. 1822.
В морской службе с 1794. Мичман (1799), офицер для поручений при Ф. Ф. Ушакове. В отставке с 1802. Пожалован в лейтенанты в 1804. Состоял с 1810 полицмейстером Одессы при герцоге Ришелье, с которым был в большой дружбе. Надворный советник (1814). Признан с семьей в потомственном дворянстве Российской Империи и внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Таврической губернии в 1815 г.
Жена — Ксения Мануиловна, урожд. Д м и т р и е в а, дочь майора.
Род. ок. 1785, ум. в декабре 1851 в Крыму.
<i>Источники:</i> Крымский областной государственный архив. Фонд 49. Оп. I. Дела 686 и 6596;
Общий морской список. Часть VI. СПб, 1892. С. 136.	

III колено

3. Константин Павлович МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 1804, ум. до 1821.	
4. Мария Павловна МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 1809, ум. до 1873.
Отличалась красотой и музыкальностью, отмечена дружбой и любовью многих выдающихся людей своего времени.
Муж — Константин Николаевич А н а с т а с ь е в.
Род. 1792, ум. 27.07.1879, похоронен в Одессе на Старом кладбище.	

Инженер, генерал-лейтенант корпуса инженеров путей сообщения. Сын Николая Анастасиевича Анастасьева, добившегося признания рода Анастасьевых в потомственном дворянстве, внесения его в родословную книгу С.-Петербургской губернии, а герба — в Общий гербовник дворянских родов Российской Империи (ч. VI, 146). К. Н. Анастасьев был также признан в потомственном дворянстве по собственным заслугам и внесен во 2-ю часть родословной книги Таврической губернии (1841). Брак К. Н. и М. П. Анастасьевых оказался не очень удачным. Второй женой К. Н. Анастасьева была некая Александра Алексеевна (?), которая стала крестной матерью всех трех детей М. И. Кази (№ 20).

Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 16. Ед. хр. 1591, 30 л.; Оп. 23. Ед. хр. 263. Л. 19–31;

РГВИА. Фонд 395. Оп. 28. Ед. хр. 197, 3 л.

5. Екатерина Павловна МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 13.07.1810, ум. после 1855 в Афинах.
Подобно старшей сестре отличалась красотой и вкусом, была в центре музыкальной жизни Крыма в 1840-х гг. Во время осады Севастополя 1854–1855 пошла в сестры милосердия, затем уехала в Грецию, где ратовала за республиканскую форму правления.
Мужья: 1) некто И с у п о в;
2) Михаил Иванович Б л а р а м б е р г.
Род. ок. 1810, ум. после 1865. Корнет (1834), лишенный чинов и дворянства за дуэль в 1836 г. и сосланный на Кавказ. Подпоручик в отставке. Надворный советник в отставке с 1864. Жил и служил в Феодосии. Был сыном И. П. Бларамберга, археолога, работавшего в Одессе при М. С. Воронцове.	

Оба брака бездетны.

Источники: «Музыкальное наследство». М., 1966. Т. II. Ч. I. С. 72–240; 1970. Т. III. С. 45;

РГВИА. Фонд 801. Оп. 61/2. Ед. хр. 104. Л. 482–512 (1836); Фонд 395. Оп. 273. Ед. хр. 273, 10 л. (1837); Оп. 37. Ед. хр. 1062, 4 л. (1865); «Записки Одесского общества истории и древностей». 1844. Т. I. С. 570.

6. Елизавета Павловна МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 1813.
Муж — Петр Феодосьевич Р е в е л ь о т т и, род. 1815.
Поручик Греческого балаклавского батальона (1839).	
7. Анна Павловна МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 1814.
Замужем не была.	
8. Александра Павловна МАВРОМИХАЛИ	2
Род. 1816, ум. 1880.	

Муж — Илья Андреевич К а з и.

Род. 1804, ум. 25.09.1886 в усадьбе Эфендикой на р. Каче, похоронен там же (могила сохранилась).

И. А. Кази — капитан-лейтенант в отставке с 1829. Плавал под командой М. П. Лазарева. По семейным рассказам, должен был уйти в отставку, потому что однажды он... заснул на вахте. Однако, скорее всего, отставка была связана с желанием вести спокойную помещичью жизнь. Кази владели землями по реке Каче, и до сих пор система их оросительного земледелия работает и называется у местных жителей «казиева канава». И. А. Кази с семьей был признан в потомственном дворянстве по собственным заслугам и внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Таврической губернии в 1852 (Указ Правительствующего Сената № 6155 от 27.06.1852). Тогда же И. А. Кази с сыновьями принес присягу на подданство России.

Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 23. Ед. хр. 262, 87 л.;

РГА ВМФ. Фонд 406. Оп. 2. Д. 182. Л. 564 (1826);

Общий морской список. Часть VII. СПб., 1893. С. 202.

9. Елена Павловна МАВРОМИХАЛИ 2

Род. 24.08.1816, ум. 03.02.1876, похоронена в Севастополе на Старом кладбище.

Унаследовала от родителей имение Чоргун под Севастополем, сохранившееся у ее детей до 1909. Портретирована Т. Г. Шевченко.

Муж — с 29.09.1840 Иван Федорович Б л а р а м б е р г, двоюродный брат М. И. Бларамберга, упомянутого под № 5.

Род. 08.04.1800 во Франкфурте-на-Майне, ум. 08.12.1878 в Чоргуне. Генерал-лейтенант, топограф, исследователь Средней Азии и Прикаспия. Его именем названа гора на Шпицбергене в Баренцевом море. Оставил трехтомные воспоминания, изданные в Берлине в 1870-х гг. и переизданные в сокращенном виде в Москве в 1978.

Источники: *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М., 1978. С. 5–24, 199–203, 299, 300;

Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М., 1986;

РГВИА. Фонд 400. Оп. 12. Ед. хр. 5390, 25 л.; Оп. 21. Ед. хр. 453, 41 л.

IV колено

10. София Константиновна АНАСТАСЬЕВА 4

Род. 1830, ум. 1906 в усадьбе Бурлюк Таврической губернии, похоронена там же (могила сохранилась).

Участница народнического движения, была близка с семьей Перовских. Долгое время находилась под надзором полиции.

Муж — с 1849 Николай Евстафиевич Б е л о в о д с к и й.

Род. 1819 в Полтавской губ., ум. 1888 в ус. Бурлюк, похоронен там же (могила сохранилась).

Майор в отставке с 1858. Участник войны 1853–1856 в Крыму. Происходил из старого малороссийского дворянского рода. Был также признан в потомственном дворянстве по собственным заслугам и внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Таврической губернии в 1853 (Указ Правительствующего Сената № 550 от 28.01.1854).

С. К. и Н. Е. Беловодские владели наследственными при деревнях Бурлюк и Альма-Тамак виноградным садом и 700 дес. пахотной земли и благоприобретенными 4900 дес. пахотной и сенокосной земли в Крыму. Часть этих владений сохранялась в семье до 1920 года.

Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 17. Ед. хр. 2466, 17 л. (1853);

РГВИА. Фонд 395. Оп. 50. Ед. хр. 1653, 23 л. (1858);

Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. В кн. «Известия Таврической архивной комиссии (год 19). Симферополь, 1905. С. 160, 223, 224, 226.

11. Ольга Константиновна АНАСТАСЬЕВА 4

Род. 1832, ум. до 1841.

12. Виктор Константинович АНАСТАСЬЕВ 4

Род. 23.03.1836 в Елизаветграде, ум. 01.07.1897 в ус. Магарач при Никитском ботаническом саду, похоронен там же (могила сохранилась).

Офицер, юрист, меломан. Действительный статский советник. Унаследовал от матери склонность к искусствам, был близок с Мусоргским, Римским-Корсаковым, Спендиаровым, бывавшими в его доме, где сейчас планируется открыть Музыкальный музей Крыма.

Жена — с 1862 (?) Нина Робертовна, урожд. Д ж а к с о н.

Род. 1838, ум. 1919 от рака груди в Магараче, похоронена рядом с мужем.

Дочь англичанина Роберта (Яковлевича) Джаксона и его жены дочери французского эмигранта-роялиста Этель де Сэрр. По семейным преданиям, Роберт Джаксон был незаконнорожденным сыном графа М. С. Воронцова от некоей Джаксон, служившей у его сестры Екатерины Семеновны, леди Пемброк. Роберт воспитывался в Англии, но с 1833 жил в России, где получил от Воронцова небольшую усадьбу Магарач, перешедшую потом к Нине Робертовне и ее потомству от В. К. Анастасьева.

13. Владимир Константинович АНАСТАСЬЕВ 4

Род. 23.03.1836 в Елизаветграде, ум. ребенком до 1841.

Близнец с Виктором Константиновичем.

14. Александр Константинович АНАСТАСЬЕВ 4

Род. 23.05.1837 в Елизаветграде, ум. 16.08.1900 в Любече Черниговской губернии.

Тайный советник, вице-губернатор в Полоцке и Тамбове, губернатор в Перми и Чернигове. Член Государственного Совета Российской Империи с 1891. В молодости служил в армии и участвовал в обороне Севастополя в 1854–

1855 г. Среди его высших наград — ордена Святых Владимира 2 ст., Анны 1 ст. и Станислава 1 ст. Сторонник сильной исполнительной власти, идеи которой решительно проводил в жизнь, не останавливаясь перед необходимостью и телесных наказаний. Был лично известен последним трем императорам.

Жена — Татьяна Даниловна, урожд. Шкляревич.

Дочь крупного полтавского помещика Данилы Петровича Шкляревича и его жены Ульяны Евстафиевны, урожд. Беловодской (сестры Н. Е. Беловодского, мужа С. К. Анастасьевой — см. № 10).

Род. ок. 1840, ум. до 1900.

Источники: РГВИА. Фонд 395. Оп. 53. Ед. хр. 770, 17 л.;

ГПБ, РО. Фонд 777, № 1284;

«Новое время», № 8790 (1900 г.) — некролог.

15. Надежда Константиновна АНАСТАСЬЕВА 4

Муж — Александр Александрович Гребенщиков.

Род. 09.08.1849 в Минске, ум. ок. 1910.

Военный юрист. Генерал-майор в отставке с 1897. Жили в Тбилиси.

У них дети: Всеволод, Николай, Иннокентий, Ксения и Тамара.

16. Николай Ильич КАЗИ 8

Род. 04.12.1832 в Севастополе, ум. 1907 (?).

Штабс-ротмистр Александрийского гусарского полка (с 1860).

В отставке с 1861. На гражданской службе — чиновник Одесского морского порта.

Жены: 1) Елизавета Николаевна, урожд. Потемкина, дочь прапорщика, помещика Кременчугского уезда;

2) Юлия Степановна, урожд. Трофимовская.

Источники: РГВИА. Фонд 395. Оп. 53. Ед. хр. 1224. Л. 3–11 (1861).

17. Мария Ильинична КАЗИ 8

Род. 24.03.1834 в Севастополе, ум. 1895.

Муж — Александр-Георг Маврикиевич Берх.

Род. 19.10.1830 в г. Николаеве Херсонской губ., ум. 7.03.1909 в С.-Петербурге, похоронен там же на кладбище Новодевичьего монастыря.

Сын командующего Черноморским флотом адмирала М. Б. Берха. Инженер, генерал-лейтенант. Строитель многих инженерных сооружений при обороне Севастополя 1854–1855. Сподвижник Тотлебена. Среди его высших наград: Орден Белого Орла, Святых Владимира 2 ст., Анны 1 ст., Станислава 1 ст.

Источники: РГВИА. Фонд 400. Оп. 12. Ед. хр. 21630. Л. 203–210;

«Новое время», № 11851 (1909) — некролог;

Исторический вестник. Май 1909. Т. СХVI. С. 771, 772.

18. Андрей Ильич КАЗИ 8

Род. 14.07.1836 в Севастополе, ум. 29.08.1908 в Симферополе.

Юнкер, затем прапорщик Тобольского пехотного полка, участник обороны Севастополя 1854–1855 гг. Поручик в отставке. Жил в Симферополе, где, по-видимому, и похоронен.

Жены: 1) фон Кельхин;

2) Евгения Митрофановна, урожд. Полуботок.

Из рода знаменитого малороссийского гетмана Павла Леонтьевича Полуботка, будто бы положившего в английский банк деньги, золото или драгоценности, не востребованные до сих пор и обросшие процентами до фантастических размеров.

Источники: Рерберг П. Ф. Севастопольцы. Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854–1855 гг. Вып. (1)–3, СПб., 1903–1907.

19. Павел Ильич КАЗИ 8

Родился и крещен в октябре 1837 (по свидетельским показаниям).

Ум. ребенком в 1840-х гг.

20. Михаил Ильич КАЗИ 8

Род. 11.10.1839 в Севастополе, ум. 24.06.1896 в Н. Новгороде, похоронен в С.-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Капитан-лейтенант в отставке с 1868. Севастопольский городской голова в 1875–1876 гг., при котором положено начало консервации и сохранению памятников обороны Севастополя 1854–1855 гг. Директор Балтийского судостроительного и механического заводов в 1876–1893, председатель Императорского технического общества с 1895. Сподвижник С. Ю. Витте. Инициатор открытия Мурманского порта и освоения русского Севера и Северного морского пути. Его имя дважды нанесено на карту Северного Ледовитого океана.

Жена — с 1875 София Алексеевна, урожд. Григорьева (по матери Кумани), в первом браке была за умершим подполковником Казаковым. Род. 1835, ум. 1919.

Имели трех детей, рожденных до бракосочетания, но затем узаконенных.

Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 23. Ед. хр. 263, 38 л. (1877–1878);

Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. XI. С. 296;

«Новое время», № 7311, 04.07.1896;

«Всемирная иллюстрация», № 1432. С. 40 (1896).

21. Александр Ильич КАЗИ 8

Род. 12.12.1841 в ус. Эфендикой (Крым), ум. 1918 в Челябинске, где и похоронен (могила не сохранилась).

Контр-адмирал в отставке. Долгое время служил во Владивостоке. Его именем назван мыс в Амурском заливе.

Жена — Мария Александровна, урожд. Румянцевая.

Род. 1852, ум. 1925.

Дочь губернского секретаря, чиновника МВД на Дальнем Востоке (ее племянница Ек. Фед. Энегельм была замужем за кн. Давидом Георгиевичем Багратион-Мухранским).

Источники: РГА ВМФ. Фонд 406. Оп. 3. Д. 1073, сп. 35 (1896);
Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М., 1973. С. 99, 280.

22. Ольга Ильинична КАЗИ 8
 Род. 11.08.1843 в ус. Эфендикой (Крым), ум. в 1923 в Бурлюке, похоронена в одной ограде с С. К. и Н. Е. Беловодскими и С. И. Кази.
 Муж — Василий Васильевич Р е з н и ч е н к о.
 Род. 1838, ум. 1903.
 Штабс-капитан корпуса штурманов в отставке. Плавал на судах РОПИТ. В молодости в чине прапорщика участвовал в обороне Севастополя 1854–1855 и был дважды контужен.
Источники: Рерберг П. Ф. Севастопольцы...
23. Сергей Ильич КАЗИ 8
 Род. 24.09.1844 в Севастополе, ум. 29.05.1917 в ус. Бурлюк, похоронен на Бурлюкском кладбище между могилами своих тестя и тещи, Н. Е. и С. К. Беловодских.
 Генерал-майор по адмиралтейству (1911).
 Воспитывался в морском кадетском корпусе. В службе с 1860. Мичман с 1865, лейтенант с 1869, капитан-лейтенант с 1879. С 1867 плавал на коммерческих судах, в т. ч. — в Добровольном флоте. Неоднократно награждался за труды и мастерство. За один мастерский переход с царской семьей на борту получил именную перстень, украшенный алмазами, из рук Александра III. В должности старшего офицера парохода «Генерал Коцебу» принимал участие в открытии Суэцкого канала в 1869.
 В течение длительного времени был активным членом комитета Добровольного флота. С 1914 учредитель и член правления Западно-русского общества пароходства с одновременной службой в корпусе пограничной стражи.
 Чуткий ко всему новому, С. И. Кази одним из первых в России обзавелся автомобилем, телефоном, а свой Бурлюк превратил в образцовое хозяйство. Поле Альминского сражения (1854 г.), соседствовавшее с Бурлюком, стало памятником истории и культуры.
 Жена — с 26.07.1876 в Одессе Анастасия Николаевна, урожд. Б е л о в о д с к а я, его двоюродная племянница (см. № 31).
 Род. 29.10.1856, ум. 19.02.1942 в Ленинграде во время блокады, похоронена в братской могиле на Серафимовском кладбище.
 Дочь Н. Е. и С. К. Беловодских (см. № 10). В 1917 вступила с дочерьми во владение Бурлюком. В 1920 семью младшей дочери отправила в эмиграцию, а сама осталась в советской России с семьей старшей дочери. До конца дней своих была признанным лидером семьи. Вела со всеми переписку и была для всех центром связи.
Источники: РГА ВМФ. Фонд 417. Оп. 4. Ед. хр. 3210. Л. 1–19;

- «Новое время», № 14791, 01.06.1917 (некролог);
Волгин И. Последний год жизни Достоевского. Исторические записки. Журнал «Дружба народов», 1985. №. 4. С. 90–194 (неожиданно упоминается рейс С. И. Кази с перевозкой ссыльнокаторжных на Сахалин на пароходе «Нижний Новгород»).
24. София Ильинична КАЗИ 8
 Род. 05.02.1846 в Севастополе, ум. 1916 в Петрограде.
 Работала на Балтийском заводе, где директорствовал М. И. Кази, заведывая там столовой для рабочих, яслями и лазаретом. После этого работала на заводе Марти, управляла доходным домом Софии Алексеевны Кази на Съезжинской улице на Петроградской стороне. Отличалась спокойным и ровным характером.
 Муж — Лев Иосифович Г а в р и ш е в.
 Род. 14.02.1837 в Николаеве, ум. в 1904 в Петербурге.
 Из дворян Херсонской губернии, где его отец был вписан в 3-ю часть дворянской родословной книги.
 Лейтенант флота в отставке с 1860. Участник Альминского сражения и обороны Севастополя в 1854–1855. Имел свой дом, скорее домик, на Петроградской стороне в С.-Петербурге, в котором он умер от расстройства из-за неудач наших войск на Дальнем Востоке в войне с Японией. Разработал и утвердил для себя дворянский герб, внесенный в Общий гербовник (ч. XIV, 45).
Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 19. Ед. хр. 140, 30 л.; Ед. хр. 143, 7 л.; Оп. 49. Ед. хр. 317, 15 л.;
 Рерберг П. Ф. Севастопольцы...;
 Общий морской список. Часть XIII. СПб., 1907. С. 537.
25. Павел Иванович БЛАРАМБЕРГ 9
 Род. 14.10.1841 в Оренбурге, ум. 15.03.1907 в Нищене, похоронен в ус. Чоргун под Севастополем.
 Окончил Императорский Александровский лицей (1860). Работал в МВД. Seriously занимался музыкальной и журналистской деятельностью. Автор ряда опер. Портретирован Репиным и Серовым. Был исключительно скромным, горд и независим. Его скромность «была даже недостатком, ибо мешала ему видеть размеры своего таланта, парализовала в нем веру в себя, в свои недюжинные силы. Будь у него побольше этой веры, — кто знает, что подарил бы нам этот выдающийся художник...»
 Жена — с 1865 Вильгельмина (Минна) Карловна, урожд. баронесса В р а н г е л ь, дочь барона Михаила-Карла-Фердинанда Врангеля и его жены Вильгельмины-Генриетты, урожд. Шамо.
 Род. 31.01.1845, ум. 1909 в Чоргуне, похоронена с мужем. По некоторым сведениям, покончила с собой.

- Певца. Выступала на сцене под фамилией Чернова. Бездетны.
Источники: Кн. Б. А. Щетинин. Идеалист-шестидесятник (памяти П. И. Бларамберга) // Исторический вестник. 1907. № 6. С. 938; Серова В. С. Чета Бларамбергов // Музыкальный современник. 1915. № 1. С. 52–74.
26. Владимир Иванович БЛАРАМБЕРГ 9
 Род. 1843 в Оренбурге, ум. 12.10.1895.
 Действительный статский советник (1886). Окончил Императорское училище правоведения (1864). Почетный мировой судья по Симферопольскому уезду с 1871 в течение семи трехлетий. Председатель съезда мировых судей по Симферопольскому уезду с 1880 в течение четырех трехлетий. Председатель аналогичного съезда в Измаильском уезде Бессарабской губернии с 1892.
 По его заслугам его дети признаны в потомственном дворянстве и внесены в 1897 в 3-ю часть дворянской родословной книги Таврической губернии (утверждено Правительствующим Сенатом 13.11.1897).
 Жена — с 1868 Ольга Николаевна, урожд. Беловодская, его двоюродная племянница (см. № 29).
 Род. 03.01.1850, ум. ок. 1914.
 Дочь Н. Е. и С. К. Беловодских (см. № 10).
Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 35. Ед. хр. 1930, 23 л.
27. Ольга Ивановна БЛАРАМБЕРГ 9
 Род. 13.05.1844 в Оренбурге, ум. 28.10.1854 в С.-Петербурге, похоронена на Волковом православном кладбище. Заболела во время переезда семьи И. Ф. Бларамберга из Оренбурга в Петербург и умерла.
Источники: Бларамберг И. Ф. Воспоминания... С. 288, 328, 329.
28. Елена Ивановна БЛАРАМБЕРГ 9
 Род. 24.02.1846 в Оренбурге, ум. 1923 в Белграде.
 Писательница. Училась в Женевском университете. Во Франции сблизилась с П. Виардо и И. С. Тургеневым, которые заметили ее литературный талант и предложили литературный псевдоним «Е. Ардов». Автор многих романов, повестей и очерков. В юности вместе с братьями и будущим мужем принимала участие в народническом движении. Долгое время в течение 17 лет жила с мужем в Средней Азии. В начале XX века жила в Гатчине. После революции эмигрировала за границу.
 Муж — Петр Васильевич Ардов, из древнего дворянского рода Новгородской губернии.
 Род. 01.10.1841, ум. 10.09.1906 (убит в своем имении под Сочи).
 Подпоручик в отставке с 1868, статский советник.
Источники: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... СПб., 1892. Т. III. С. 370–375;

- Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Том I (А–Г). М., 1989. С. 102, 103;
 Шорникова Л. Доктор Ф. С. Покрышкин, писательница Е. И. Ардов-Арлева // Журнал «Звезда Востока». 1987. № 6. С. 148–155.
- V колена**
29. Ольга Николаевна БЕЛОВОДСКАЯ 10
 Род. 03.01.1850, ум. ок. 1914.
 Муж — с 1868 Владимир Иванович Бларамберг (1843–1895), ее двоюродный дядя (см. № 26).
 Их дети — см. № 81–85 в этом же поколении.
30. Надежда Николаевна БЕЛОВОДСКАЯ 10
 Род. 09.10.1852, ум. ребенком до 1859.
31. Анастасия Николаевна БЕЛОВОДСКАЯ 10
 Род. 29.10.1856, ум. 19.02.1942 во время блокады Ленинграда, похоронена в братской могиле на Серафимовском кладбище.
 Муж — с 26.07.1876 в Одессе Сергей Ильич Казин (1844–1917), ее двоюродный дядя (см. № 23).
 Их дети — см. № 62–64 в этом же поколении.
32. Мария Викторовна АНАСТАСЬЕВА 12
 Род. ок. 1864, ум. 30.05.1898 от туберкулеза в усадьбе Магарац, похоронена рядом с отцом (могила не сохранилась).
 На ее могильном камне была надпись: «Мир праху твоему, дорогая мама. Незабвенной жене и матери от мужа и детей».
Источники: Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910 (Записки Московского археологического института. Т. II).
 Муж — с 1883 Феликс Михайлович Блуменфельд.
 Род. 1863, ум. 21.01.1931 в Москве, прах похоронен в колумбарии 1 Московского крематория.
 Известный музыкальный деятель, композитор и дирижер, профессор С.-Петербургской, Киевской и Московской консерваторий. Продолжил в Магараце музыкальные традиции своего тестя. На усадебном доме установлена мемориальная доска с его именем.
Источники: Ростопчина Н. М. Феликс Михайлович Блуменфельд. Л., 1975;
 Помарнацкий А. В. Феликс Блуменфельд (биографический очерк). 1970, рукопись, хранится в семейных архивах Помарнацких и Сапожниковых;
 Анастасьева М. В. Феликс Блуменфельд — мой дед // Газета «Пресс-центр». 1992. № 7. С. 7;
 Ханило А. В доме Блуменфельда // Газета «Советский Крым». 24.07.1988;
 Кудрявцев В. История одного рода // Газета «Советская культура». 15.02.1984.

33. Ольга Викторовна АНАСТАСЬЕВА 12
Род. ок. 1865, ум. 1946, похоронена в Люберцах.
Воспитывалась в Одесском институте благородных девиц.
Муж — Петр Васильевич П р о т о п о п о в.
Род. 1865.
Гвардейский офицер; полицмейстер в Коломне. Жил в Орле.
Эмигрировал в 1920 с сыном Сергеем в Грецию.
34. Валентина Викторовна АНАСТАСЬЕВА 12
Род. ок. 1870, ум. ок. 1900 от туберкулеза, похоронена в Магараче.
Муж — Владимир Николаевич Г е р б е л ь, из потомственных дворян Херсонской губ.
Гвардейский офицер.
35. Ида Викторовна АНАСТАСЬЕВА 12
Род. 1874, ум. 1931 от рака в Косино, близ Люберец под Москвой, похоронена у местной церкви (могила не сохранилась).
Воспитывалась в Одесском институте благородных девиц.
Муж — Леонид Иванович Р о с с о л и м о.
Род. 20.02.1862, ум. 1920.
Юрист, работал в Одессе у В. К. Анастасьева. Происходил из известной греческой семьи. Именем его брата, ученого-медика, названа улица в Москве.
36. Наталия Викторовна АНАСТАСЬЕВА 12
Род. ок. 1876, ум. 1924 в Магараче.
Муж — с 1902 Александр Иванович К о р т а ц и.
Род. 1870, ум. 1940, похоронен в Косино.
Гидротехник, занимавшийся мелиорацией в Крыму. Остались в ус. Магарач, которая с тех пор стала называться дачей Кортацци. С 1933 жил в Косино, где и умер.
37. Инна Викторовна }
38. Владимир Викторович } АНАСТАСЬЕВЫ 12
39. Борис Викторович } Умерли в малых летах.
40. Глеб Викторович АНАСТАСЬЕВ 12
Род. 12.02.1869, ум. 1919 от гриппа.
Морской офицер. В советское время — служащий Наркомснаба.
Жена — Наталия Александровна, урожд. Б е р х, по первому браку Китаева (р. 1863), его троюродная сестра (см. № 50).
Бездетны.
41. Ксения Александровна АНАСТАСЬЕВА 14
Род. 22.06.1863, ум. 31.12.1952 в Одессе, похоронена там же.
Мужья: 1) Дмитрий Петрович К а з н а к о в (ум. 1892), генерал;
2) с начала 1900-х гг. Платон Михайлович Я к у б о в, полковник.

42. Татьяна Александровна АНАСТАСЬЕВА 14
Род. 25.09.1865, ум. 1924.
Муж — Илья Эдуардович Л и с н е р, из потомственных дворян Херсонской губ.
Род. 23.04.1862 в г. Валдае.
Учился в Дерптском университете.
43. Иннокентий Александрович ГРЕБЕНЩИКОВ 15
Род. 05.08.1892. Офицер.
Жена — Елена Петровна Ч е р е п а н о в а.
44. Всеволод Александрович ГРЕБЕНЩИКОВ 15
Род. 05.09.1881. Офицер.
Жена — Мария Ивановна Г л и н с к а я.
У них дети: Игорь, Олег и Наина.
45. Александра Николаевна КАЗИ 16
Род. 1862, ум. 1935 в Одессе.
Замужем не была. Похоронена в Одессе рядом с К. А. Якубовой (№ 41).
46. Юлия Николаевна КАЗИ 16
Род. 1872, ум. 1910.
Муж — Адольф Иосифович П а в л о в и ч.
Податной инспектор Мин-ва финансов в Новороссийске.
47. Борис Александрович БЕРХ 17
Род. 16.07.1858, ум. в 1930-х гг. в Ленинграде.
Военный инженер, генерал-лейтенант (1914).
Жена — София Михайловна, урожд. П а р и з о д е л я В а л е т т, ум. в Ленинграде.
Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 1. Ед. хр. 38139. Л. 104–107 (посл. сп. № 360–370);
Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1902...1916 гг. СПб., изд. ежегодное.
48. Елена Александровна БЕРХ 17
Род. 21.11.1859, ум. в 1930-х гг. в Ленинграде.
Муж — Иван Михайлович Л а в р о в, из потомственных дворян Псковской губ.
Род. 1840, ум. после 1917.
Вице-адмирал (1897).
49. Александр Александрович БЕРХ 17
Род. 06.10.1861, ум. 1936.
50. Наталия Александровна БЕРХ 17
Род. 10.08.1863.

- Мужья: 1) Владимир Николаевич К и т а е в, начальник морской полиции в С.-Петербурге (1909). От этого брака сын и дочь;
2) Глеб Викторович А н а с т а с ь е в (1869–1919), ее троюродный брат (см. № 40).
51. Михаил Александрович БЕРХ 17
Род. 15.03.1865.
Поручик (1898); коллежский асессор (1915), работал в системе МПС.
Источники: Весь С.-Петербург (Петроград), 1898–1917, 1923.
52. Юлия Александровна БЕРХ 17
Род. 24.11.1866.
Муж — С е м к о-С а в о й с к и й.
Имели двух детей.
53. Владимир Александрович БЕРХ 17
Род. 22.06.1868, ум. после 1923.
Окончил Имп. С.-Петербургский университет.
Надворный советник (1915), в советское время — счетовод.
Холост. Был безнадежно влюблен в свою двоюродную сестру Анну Михайловну Кази, в замужестве Пац-Помарнацкую (см. № 63).
54. Ксения Александровна БЕРХ 17
Род. 18.07.1871, ум. в эмиграции в Англии.
Отличалась исключительной красотой.
Мужья: 1) Борис Михайлович (?) С т р а х о в с к и й, морской офицер;
2) ? (англичанин?).
55. Сергей Александрович БЕРХ 17
Род. 12.11.1874.
Участник русско-японской войны, в которой был ранен и взят в плен.
Капитан 2 ранга (1910).
Жена — ?
Источники: Летопись войны с Японией. 1904. № 26. С. 485–486.
56. Николай Александрович БЕРХ 17
Род. 17.07.1876 в Николаеве, ум. 1959 в эмиграции в Германии, похоронен в г. Фессен.
Окончил Пажеский корпус (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Генерал-майор Генерального штаба (1917), генерал-квартирмейстер штаба Армий Румынского фронта.
Жена — с 1909 в Каире Наталия Ивановна, урожд. Б а л а с (Б а л ш), дочь тайного советника Ивана Александровича Баласа из известного молдавского рода.
Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 35. Ед. хр. 1782, 9 л.; РГВИА. Фонд 409, посл. сп. 139–873, 11 л.

57. Александр Андреевич КАЗИ 18
Ум. от тифа 03.06.1923, похоронен в Керчи.
Смотритель маяка.
Жена — Валентина Николаевна Д о л г и х, ум. 1929.
58. Митрофан Андреевич КАЗИ 18
Ум. от тифа 1919 в Тирасполе. Полковник.
59. Ксения Андреевна КАЗИ 18
Муж — А б а к у м о в, ум. 1920.
Капитан Самурского пехотного полка.
60. Евгения Андреевна КАЗИ 18
Девица.
61. Михаил Михайлович КАЗИ 20
Род. 14.05.1867, крещен 03.01.1873 в Одессе.
Восприемники: отставной лейтенант Лев Иосифович Г а в р и ш е в (муж тетки) и жена отставного инженер-генерал-лейтенанта Александра Алексеевна А н а с т а с ь е в а (2-я жена К. Н. Анастасьева?).
Ум. 1889 в С.-Петербурге.
Студент Имп. С.-Петербургского университета. Холост.
62. Ксения Михайловна КАЗИ 20
Род. 14.10.1870, крещена 03.01.1873 в Одессе, ум. 1886 в С.-Петербурге.
Восприемники те же.
63. Анна Михайловна КАЗИ 20
Род. 04.05.1872, крещена 03.01.1873 в Одессе, ум. 06.01.1942 во время блокады Ленинграда. Восприемники те же.
Муж — Валентин Фаддеевич П а ц-П о м а р н а ц к и й.
Род. 31.05.1871, ум. 01.09.1915, убит на фронте, похоронен на 17-м км шоссе Вильнюс-Неменчин, слева от дороги.
Из потомственных дворян Ковенской губернии. Полковник л.-гв. Павловского полка в отставке с 1906. С началом войны 1914 г. вернулся на службу подполковником и был назначен командиром 28-го Сибирского стрелкового полка. Погиб, находясь в атаке, во главе полка.
Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 2. Ед. хр. 47176, 12 л. (посл. сп. 383–948); Журнал «Заря». 1915.
64. Мария Александровна КАЗИ 21
Род. 21.01.1878, ум. 20.04.1963 в Ленинграде, похоронена на Обуховском кладбище.
Муж — Николай Кириллович М и н к о.
Род. 07.02.1880, ум. 1920 (?) в Челябинске.

Сын генерала в отставке из семьи потомственных почетных граждан Бессарабской губернии. Статский советник, чиновник переселенческого управления.

Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 1. Ед. хр. 133159 (посл. сп. 81–744/1); Адрес-календарь... на 1913...1916 г. СПб., изд. ежег.

65. Варвара Александровна КАЗИ 21
Род. 06.31.1879, ум. 1942 в блокадном Ленинграде.
Замужем не была.
66. Сергей Александрович КАЗИ 21
Род. 06.05.1882, ум. 1912.
Вел неподобающий образ жизни и деклассировался.
67. Александра Александровна КАЗИ 21
Род. 21.12.1883, ум. 1942 в блокадном Ленинграде.
Муж с 1906 — Виктор Николаевич Лебедев. Род. 1875.
Тамбовский помещик, поручик л.-гв. Московского полка (1910).
68. Анастасия Александровна КАЗИ 21
Род. 11.12.1885, ум. до 1909.
69. Николай Александрович КАЗИ 21
Род. 16.10.1887, пропал без вести в 1918.
Штабс-капитан 139-го пех. Моршанского полка (1916). Полковой адъютант вновь сформированного 624 пех. Новокорчинского полка (с 12.01.1917).
Жена — Галина Дамиановна Герчтанская, дочь священника г. Владимира-Волынского.
Бездетны (?).
Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 1. Ед. хр. 145930 (посл. сп. 95–401), 6 л.
70. София Александровна КАЗИ 21
Род. 19.02.1892, ум. до 1909.
71. Ольга Александровна КАЗИ 21
Род. 10.10.1893, ум. 1942 в блокадном Ленинграде.
Последние 5–6 лет работала машинисткой-переводчицей.
Муж — Лев Львович Дрейер.
Род. 1892 (1885?), ум. 1942 во время блокады Ленинграда.
Инженер-кораблестроитель.
72. Ольга Васильевна РЕЗНИЧЕНКО 22
Род. 1864, ум. 1943 в Шарантоне близ Парижа (Франция), похоронена там же.
Муж — Дмитрий Николаевич Воронцов, из потомственных дворян Смоленской губ.
Род. 20.10.1852, ум. 1934 в Шарантоне близ Парижа (Франция), похоронен там же.

- Генерал-от-инфантерии в отставке с 27.04.1917. Окончил Академию Генерального штаба (1878), служил на различных штабных и командных должностях. Командовал полком, бригадой и дивизией, был начальником Одесского пехотного юнкерского уч-ща (1891–1896), комендантом Владивостокской крепости (1902–1905), командовал войсками Кутаисской губ. и Сухумского округа (1906–1909). Начальник штаба Туркестанского военного округа (1914–1916). Владел небольшим имением под Новороссийском. Эмигрировал с женой за границу.
Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 1. Ед. хр. 177448 (посл. сп. 155–014), 20 л.; РГИА. Фонд 1343. Оп. 18. Ед. хр. 4285, 565 л.
73. Александра Васильевна РЕЗНИЧЕНКО 22
Род. ок. 1865, ум. 1885 в Софии (убита братом мужа, находившимся в состоянии умопомешательства).
В нее всю жизнь был влюблен ее двоюродный брат Б. А. Берх (см. № 47), но им не разрешили жениться из-за близкого родства.
Муж — Христофор Хесапчиев.
Род. 1858, ум. 1938 в Софии, похоронен на Центральном кладбище.
Болгарский генерал.
Вторым браком был женат на болгарке Анне Бурмовой.
74. Евгения Васильевна РЕЗНИЧЕНКО 22
Род. ок. 1866.
Муж — Николай Петрович Мадатов.
Род. 04.04.1860, из потомственных дворян Ставропольской губ.
75. Наталия Васильевна РЕЗНИЧЕНКО 22
Род. 30.04.1871 в Одессе, ум. 20.02.1942 в блокадном Ленинграде.
Муж — Николай Михайлович Нолле, из потомственных дворян Новгородской губ.
Род. 18.03.1862 в с. Шереховичи Боровичского уезда Новгородской губ., ум. 1906, похоронен в ус. Мершино Новгородской губ.
Штабс-капитан артиллерии. Окончил С.-Петербургскую консерваторию по классу пения. В 1898–1900 преподавал сольное пение в той же консерватории.
Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 26. Ед. хр. 2608, 36 л.; Сто лет Ленинградской консерватории. Л., 1962. С. 259.
76. Сергей Васильевич РЕЗНИЧЕНКО 22
Род. 28.12.1872 в Одессе, ум. 1940 в Сэ близ Парижа (Франция). Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
Подпоручик л.-гв. Павловского полка (1893). В отставке с 1897. Работал в переселенческом управлении Министерства земледелия. Действительный статский советник. Эмигрировал с семьей второй жены. В эмиграции — известный общественный деятель.

Жены: 1) с 20.04.1897 Вера Константиновна, урожд. Кутузова. От этого брака — одна дочь;
2) за границей в эмиграции Агриппина Филипповна Константинова, вдова генерала артиллерии, ум. 1962 во Франции. От этого брака — два сына.

77. Сергей Сергеевич КАЗИ 23
Род. 02.10.1877, ум. 15.10.1901 в С.-Петербурге. Похоронен на Смоленском православном кладбище.
Студент Имп. С.-Петербургского университета. Холост.
Источники: Вел. кн. Николай Михайлович. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 300.

78. Ксения Сергеевна КАЗИ 23
Род. 11.09.1879, ум. 01.03.1942 в блокадном Ленинграде, похоронена в братской могиле на Серафимовском кладбище.
Мужья: 1) с 1899 Сергей Владимирович Кушковский, из потомственных дворян Волынской губ.
Род. 29.07.1871, ум. от туберкулеза 16.02.1915 в Петрограде, похоронен в Александро-Невской лавре.
Поручик л.-гв. Павловского полка (1893), в отставке с 1900. В 1898 дрался на дуэли. Статский советник (1912). В разводе с 1905. От этого брака дочь.
Источники: РГВИА. Фонд 409, посл. список 351–995; Там же. Фонд 2581. Оп. 2. Ед. хр. 1132, 33 л.;
2) с 1905 Лев Николаевич Сапожников, из потомственных дворян Нижегородской губернии.
Род. 25.10.1877 в Нижнем Новгороде, ум. 31.07.1915, убит в бою, похоронен на Смоленском православном кладбище (могила сохранилась).
Полковник л.-гв. Павловского полка (с 31.07.1915, посмертно). От этого брака сын и дочь.

Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 29. Ед. хр. 1062, 21 л.; РГВИА. Фонд 409, посл. сп. 243–993, 28 л.; там же. Фонд 2581. Оп. 2. Ед. хр. 734. Л. 14–15; Ед. хр. 1043. Л. 1–9; «Новое время» № 14155 от 07.08.1915. С. 1; № 14156 от 08.08.1915. С. 1; № 14158 от 10.08.1915. С. 2.

79. Мария Сергеевна КАЗИ 23
Род. 19.03.1889 в Одессе, ум. 28.12.1962 в Париже (Франция), похоронена на коммунальном кл-ще г. Ла Гаренн под Парижем.
Муж — с 24.04.1911 в С.-Петербурге Владимир Святославович Андреев, из потомственных дворян Тверской губ.
Род. 04.08.1885 в Одессе, ум. 28.01.1953 в Париже, похоронен на том же кладбище.

Кавалерийский офицер. Ротмистр 13-го Владимирского уланского полка (1916). Воевал в Белой армии с 1918. В конце 1919 служил заведующим службой связи группы войск генерала Слащева. Награжден 6 боевыми наградами, включая орден Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Эмигрировал с семьей в 1920 сначала в Грецию, затем во Францию, где жил в Шарантоне, затем в Ла Гаренн (городки, входящие в Большой Париж).

Источники: РГВИА. Фонд 409. Оп. 1. Ед. хр. 42836 (посл. сп. 1421), 4 л.; Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990. С. 181, 234;

Документы семейного архива М. В. Радкович (дочери М. С. и В. С. Андреевых), хранящегося у С. А. Сапожникова.

80. Любовь Львовна ГАВРИШЕВА 24
Род. 15.04.1877, ум. 1955.
Окончила Смольный институт благородных девиц.
Была очень красива. Еще ребенком была замечена императрицей Марией Федоровной и по ее заказу портретирована (сообщено ее внучкой — баронессой Л. Г. Левендаль).
Муж — барон Лаврентий Николаевич Левендаль.
Род. 18.07.1874 во Владивостоке, ум. 1918 (убит большевиками).
Служил в артиллерии, затем в корпусе жандармов. Перемена службы была связана с материальными мотивами (в корпусе жандармов платили больше). Дослужился до чина полковника. Служил в Кишиневе во время знаменитого Кишиневского еврейского погрома. Вместе с губернатором фон Раабеном Л. Н. Левендаль предпринимал все меры по недопущению, а затем и прекращению насилия, но это не избавило его от мученической смерти от большевиков и резко отрицательного освещения его роли в погроме, на сюжет которого в Западной Европе вскоре был снят художественный фильм. След мнимого антисемитизма барона Л. Н. Левендаля до сих пор ощущают на себе его внуки.

81. Елена Владимировна БЛАРАМБЕРГ 26
Род. 08.08.1869 в г. Ногайске Бердянского уезда, ум. 18.06.1933 в с. Багай близ Евпатории.
Муж — с 08.06.1908 в Одессе Ахиллес Дмитриевич Газис (1882–?).
Архитектор, работавший в Евпатории. После революции эмигрировал в Грецию, откуда первое время давал о себе известия из Салоник, затем связи прекратились.

82. Николай Владимирович БЛАРАМБЕРГ 26
Род. 15.05.1871 в Севастополе, ум. 1921.
Работал в Одесском порту.
Жена — ?
Бездетны.

83. Владимир Владимирович БЛАРАМБЕРГ 26
Род. 18.01.1874 в Симферополе, ум. 1890.
84. Аполлон Владимирович БЛАРАМБЕРГ 26
Род. 20.08.1875 в Симферополе, ум. ок. 1910.
Окончил Новороссийский университет. Прапорщик запаса полевой артиллерии (1904). Губернский секретарь, чиновник переселенческого управления (1909).
Источники: РГВИА. Фонд 400. Оп. 9. Ед. хр. 31354. Л. 792, 867;
Адрес-календарь... на 1909. СПб., 1909. Ч. 1. С. 600.
Герой многих семейных юмористических рассказов. Выступал за возвращение семье Бларамбергов графского титула и полного имени «Морэ де Бларамберг». В ответ на это его двоюродный дядя С. И. Кази подарил ему визитные карточки «Аполлон граф Мурло де Бларамберг».
85. Виктор Владимирович БЛАРАМБЕРГ 26
Род. 11.11.1877 в Симферополе, ум. 1918 от тифа.
Окончил Ришельевскую гимназию в Одессе (1898). Прапорщик запаса полевой артиллерии (1900). Титулярный советник (с 1913), судебный следователь Александровского уезда Елизаветградской губ.
Жена — Неонила Даниловна, урожд ?
Бездетны.
Источники: РГВИА. Фонд 400. Оп. 9. Ед. хр. 29758. Л. 600–602, 608;
Адрес-календарь... на... (1912–1916 гг.). СПб., 2.1.
86. Борис Петрович АПРЕЛЕВ 28
Род. 18.02.1888, ум. 05.03.1951 в Сан-Франциско (США), похоронен на Сербском кладбище.
Капитан 2 ранга. Писал статьи по истории флота.
Жена — Ксения Эдуардовна, ур. (?) (1892–1950). Похоронена там же.
87. Юрий (Георгий) Петрович АПРЕЛЕВ 28
Род. 1889, ум. 10.01.1964 в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.
Полковник. Участник Белого движения. В эмиграции — в Югославии, Китае и Франции.

VI колено

88. Нина Феликсовна БЛУМЕНФЕЛЬД 32
Род. 1884, ум. 1956 в Москве. Кремирована, прах находится в колумбарии 1 Московского крематория рядом с отцом.
Художница, ученица Н. К. Рериха. Преподавала рисование в средней школе.
89. Ольга Феликсовна БЛУМЕНФЕЛЬД 32
Род. 1886, ум. 1946 в Москве. Кремирована, прах находится в колумбарии 1 Московского крематория рядом с отцом.

- У автора имеется выписка из несохранившихся метрик О. Ф. Блуменфельд, согласно которой она родилась 13.09.1890 в С.-Петербурге, крещена 04.12.1890 с восприемниками: В. К. Анастасьев, дед (№ 12) и О. В. Протопопова, тетка (№ 33).
90. Виктор Феликсович БЛУМЕНФЕЛЬД, 32
после 1919 принял фамилию деда АНАСТАСЬЕВ
Род. 1888, ум. 1939 в Кемерово, в ссылке.
Работал на фабрике Альтмана в Косино под Москвой. Арестован в 1933. Погиб в ссылке, несмотря на заступничество Б. Л. Пастернака, знавшего В. Ф. Анастасьева через Нейгаузов, родственников и друзей Блуменфельдов.
Жена — Анна Робертовна, урожд. Г р е г е р.
Род. 1897 в Минске, ум. 04.11.1986 в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.
Дочь инспектора гимназий.
91. Наталия Феликсовна БЛУМЕНФЕЛЬД 32
Род. 1898, ум. 1965 в Москве.
Преподавательница пения в средней школе. По словам М. В. Анастасьевой (№ 165), Н. Ф. Блуменфельд родилась около 1890 и впоследствии убавила себе несколько лет.
Ее прах находится в колумбарии 1 Московского крематория рядом с прахом отца и сестер.
92. Борис Петрович ПРОТОПОПОВ 33
Морской офицер, служил на Черноморском флоте. Воевал в Белой армии.
Ум. в 1918 от тифа.
Холост.
93. Сергей Петрович ПРОТОПОПОВ 33
Офицер, служил во Владимирском уланском полку. Воевал в Белой армии. Эмигрировал с отцом и жил в Греции и Болгарии. Изредка писал письма матери, единственной из Протопоповых, оставшейся на Родине. Затем след его потерялся.
94. Нина Петровна ПРОТОПОПОВА 33
Ум. в 1920 в Крыму от туберкулеза, похоронена в Магараче.
Муж — Владимир Валерьевич Л я с к о в с к и й, сын Валерия Николаевича Лясковского из потомственных дворян Орловской губернии.
Офицер Владимирского уланского полка. Участник Белого движения. Погиб в 1919 под Царицыным.
95. Ксения Петровна ПРОТОПОПОВА 33
Ум. в 1919 в Крыму от туберкулеза, похоронена в Магараче.

96. Ольга Владимировна ГЕРБЕЛЬ 34
Род. 1895.
Окончила Екатерининский институт благородных девиц в Москве.
Мужья: 1) с 1915 Владимир Константинович Андриевский.
Офицер, воевал в Белой армии, эмигрировал. Жена с дочерью
Еленой последовала за ним в 1921;
2) Антон Александрович Челебодаке.
97. Леонид Леонидович РОССОЛИМО 35
Род. 1894, ум. 26.01.1977 в Москве.
Доктор биологических наук, профессор (ихтиолог).
Жены: 1) Мария Николаевна Кайдалова (1894–1959);
2) Ольга Константиновна Настюкова, из семьи врачей (Ивано-
во-Вознесенск).
От первого брака дочь и сын, от второго — дочь.
98. Александр Леонидович РОССОЛИМО 35
Род. 1896.
Эмигрировал в Грецию, жил в Салониках.
99. Ариадна Леонидовна РОССОЛИМО 35
Род. 1908.
Была арестована и пропала без вести.
Муж — Иван Иванович Спижарный, ум. ок. 1930.
Сын профессора Имп. Московского университета.
100. Андрей Александрович КОРТАЦЦИ 36
Род. 12.11.1903 в Одессе, ум. 26.04.1979 в Самаре, похоронен там же.
Инженер-нефтяник. Учился в Одессе, работал в Самаре.
Жена — Нина Георгиевна Акуленко.
Род. 02.05.1910 в Одессе, ум. 1985 в Самаре.
101. Сергей Александрович КОРТАЦЦИ 36
Род. 1908, ум. 1971 в Харькове.
Инженер-строитель.
Жена — Сарра Иосифовна Певзнер.
В 1992 была жива и жила у сына в Нарве.
102. Алексей Александрович КОРТАЦЦИ 36
Род. 1910, ум. 1914, похоронен в Магараче.
103. Нина Александровна КОРТАЦЦИ 36
Род. 06.05.1914 в Никите близ Ялты.
Последняя на 2003 г. хранительница семейных преданий о семействах
Джаксонов, Анастасьевых и Кортацци.
Выехала из Крыма последней в 1933 и поселилась вместе с отцом в Косино
под Москвой.

104. Татьяна Дмитриевна КАЗНАКОВА 41
Род. 1892, ум. 14.03.1968 в Одессе, похоронена там же вместе с матерью и
А. Н. Казы.
Муж — с 1914 Михаил Сергеевич Михно, из потомственных дворян Чер-
ниговской губ.
Род. 25.12.1888, ум. 22.08.1969 в Уфе, похоронен в Одессе вместе с женой.
Капитан 64-ой артиллерийской бригады. В советское время не раз аресто-
вывался. В 1945–1955 находился в среднеазиатских лагерях.
105. Александр Ильич ЛИСНЕР 42
Химик. Погиб в 1920-х гг. при взрыве в своей лаборатории в Буэнос-Айресе
(Аргентина).
Холост.
106. Александра Ильинична ЛИСНЕР 42
107. Татьяна Ильинична ЛИСНЕР 42
108. Ольга Ильинична ЛИСНЕР 42
109. Ксения Ильинична ЛИСНЕР 42
Род. 1904, ум. 1976 в Бухаресте.
Муж — Петр Ромашкану (ум. 18.12.1971).
110. Сергей Адольфович ПАВЛОВИЧ 46
111. Михаил Адольфович ПАВЛОВИЧ 46
112. Михаил Борисович БЕРХ 47
Ум. 1942 в блокадном Ленинграде.
113. Татьяна Борисовна БЕРХ 47
Ум. 1942 в блокадном Ленинграде.
114. ? Мария Борисовна БЕРХ 47
115. ? Юрий Борисович БЕРХ 47
116. Михаил Иванович ЛАВРОВ 48
Род. 1873, ум. (?) 1915 (погиб при катастрофе самолета «Илья Муромец»
Лейтенант с 1899.
Жена — ? Варвара Андреевна.
117. Георгий Иванович ЛАВРОВ 48
118. ? (Был еще один ребенок) 48
119. Сергей Владимирович КИТАЕВ 50
120. Ксения Владимировна КИТАЕВА 50

121. } СЕМКО-САВОЙСКИЕ 52
122. }
123. Никита Борисович СТРАХОВСКИЙ 54
124. Светлана (Тамара?) Борисовна СТРАХОВСКАЯ 54
125. Ирина Николаевна БЕРХ 56
Род. 19.08.1910, ум. 1940 в Бухаресте.
Всю жизнь провела в больницах (сонная болезнь).
126. Александр Александрович КАЗИ 57
Род. 1895, ум. 1980 в г. Виши (Франция).
Поручик л.-гв. Кексгольмского полка.
Был женат на Клавдии Ареньевне Влахно (1895–1975) и имел от нее сына Бориса. Род. 1928. Живет в г. Гайон (Франция).
127. Анастасия Александровна КАЗИ 57
Род. 1896, ум. 1981 в Севастополе.
Муж — Наумов.
128. Екатерина Александровна КАЗИ 57
Род. 1898, ум. 1983 в Севастополе.
129. Борис Александрович КАЗИ 57
Род. 1899, ум. 1930 (расстрелян).
Вольноопределяющийся л.-гв. Драгунского полка. Воевал в Белой армии.
Участник последней кавалерийской атаки русской конницы генерала Барбюchia под Перекопом в 1920, в которой был ранен. Остался в советской России. Зарабатывал на жизнь ремеслом сапожника, неоднократно арестовывался, освобождался, пока, наконец, не был расстрелян. Во время одного из арестов находился под охраной своего троюродного брата Ф. В. Пац-Помарнацкого (№ 134), служившего в РККА.
Холост.
130. Ксения Александровна КАЗИ 57
Род. 1903, ум. 16.08.1972 в Севастополе.
Замужем не была.
131. Георгий Александрович КАЗИ 57
Род. 05.05.1902, ум. 15.04.1979 в Великом Устюге.
Речник. Капитан теплохода.
Был репрессирован.
Жена — Елена Николаевна Быстрова (1913–1987).
У них дочери: Валентина (род. 1943), в замужестве Ордина, Анастасия (1947), в замужестве Перова, и Евгения (1953).
132. Михаил Александрович КАЗИ 57
Род. 22.04.1907, ум. 01.03.1994 в Мытищах.

- Фельдшер. Капитан медицинской службы.
Был репрессирован.
Жена — Мария Ивановна Иванова (1909–1974).
У них дочь Валентина (род. 1938), в замужестве Сергеева.
133. Михаил Валентинович ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 63
Род. 15.07.1900, ум. 10.03.1979.
Бухгалтер. Участник войны 1941–1945. Капитан авиации.
Жены: 1) Ольга Александровна;
2) Александра Михайловна.
От первого брака дочь.
134. Фаддей Валентинович ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 63
Род. 12.12.1901, ум. 1938 (расстрелян).
Служил в РККА, командовал кавалерийскими подразделениями. В 1920-х гг. преподавал на Крымских кавалерийских курсах, где учился ряд будущих видных советских военачальников: А. А. Гречко, П. К. Кошевой, А. Т. Стученко. Последний упоминает его в своих воспоминаниях, допуская ряд некорректностей и искажений.
Источники: Стученко А. Т. Завидная наша судьба. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1968. С. 20–23, 29–30.
Жена — с 1923 Зинаида Александровна, урожд. Кузмицкая.
Род. 1902. После ареста мужа жила в Одессе. Во время войны и оккупации Одессы румынами вместе с Т. Д. и М. С. Михно ездила в Румынию. Затем пропала без вести.
135. Андрей Валентинович ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 63
Род. 12.05.1903, ум. 04.01.1981 в Ленинграде.
Литературовед и искусствовед, сотрудник Государственного Эрмитажа. Участник войны 1941–1945. Автор многих научных трудов и книг, среди которых несколько изданий «Военной галереи Зимнего дворца» (в соавторстве с В. М. Глинкой), «Портреты Суворова», «А. В. Суворов и его современники» (в соавторстве с В. П. Никифоровым) и др. А. В. Помарнацкий — автор научной атрибуции портрета Стефана Мавромихали, составитель многочисленных семейных и русских хроник прошедшей эпохи с элементами художественного обобщения.
Жены: 1) Елизавета Александровна, урожд. Фаас.
Род. 05.09.1901, ум. 25.12.1991 в С.-Петербурге.
Дочь известного ученого-геолога. Специалист в области библиотечного дела;
2) Мария Владимировна, урожд. Прокудина-Горская, носившая фамилию отчима — Нарышкина.
После войны А. В. Помарнацкий вернулся к Е. А. Фаас.
136. Алексей Валентинович ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 63
Род. 30.11.1904, ум. 1941.

- Бухгалтер.
Холост.
137. Ксения Валентиновна ПАЦ-ПОМАРНАЦКАЯ 63
Род. 1906, ум. 1918.
Носила семейное прозвище «Совушка».
138. Игорь Николаевич МИНКО 64
Род. 30.06.1911, ум. 12.09.1986 в Ленинграде.
Инженер, кандидат технических наук; лауреат Ленинской премии СССР по закрытой тематике.
Жены: 1) Тамара Владимировна, урожд. В е р и х, дочь Владимира Эми-
лиевича Вериха;
2) Серафима Захаровна, урожд. М а р т и н с к а я.
Род. 22.08.1913, ум. 17.12.1994 в Санкт-Петербурге.
Первый брак бездетен, от второго — дочь.
139. Александр Сергеевич КАЗИ 66
140. Михаил Викторович ЛЕБЕДЕВ 67
Ум. 1941 (погиб на фронте).
Жена — ?
141. Наталия Викторовна ЛЕБЕДЕВА 67
Род. 1908, ум. 14.05.1982.
Муж — Василий Иванович П у т и н ц е в.
Род. 1901 в Вятке. Ум. 1942 (утонул на охоте). Похоронен в Уральске.
142. Лев Львович ДРЕЙЕР 71
Род. 1919, пропал без вести в 1943.
143. Кира Львовна ДРЕЙЕР 71
Род. 26.02.1921 в Петрограде, ум. 1996 в Санкт-Петербурге.
Врач, канд. медицинских наук, доцент.
Муж — Аркадий Владимирович И р л и н.
Род. 1922, ум. 1995 в Санкт-Петербурге.
Врач-реаниматолог.
144. Алла Львовна ДРЕЙЕР 71
Род. IX.1924 в Петрограде, ум. 06.04.1968.
Муж — Григорий Федорович Г у т н и к.
Род. 1921, ум. 1989 в Ленинграде.
Советский морской офицер, капитан 1 ранга.
145. Михаил Дмитриевич ВОРОНЕЦ 72
Род. 29.09.1885, ум. 1957 в Лондоне.
Дипломат, работал в посольствах в Афганистане и Японии. Эмигрировал в
Англию, где работал лесничим.

- Жена — с 1915 Элизабет (англичанка).
Брак бездетен.
146. Татьяна Дмитриевна ВОРОНЕЦ 72
Род. 02.02.1887, ум. 28.10.1968 в Лодзи (Польша).
Муж — Вацлав Владиславович К о н д р а т о в и ч.
Ум. 1931 (?) в Лодзи.
Окончил Имп. училище правоведения.
Бездетны.
147. Ольга Дмитриевна ВОРОНЕЦ 72
В зрелые годы сменила имя на Киру.
Род. 14.10.1892 в Одессе, ум. 20.12.1978 в Ленинграде.
Художница, ученица Н. К. Рериха.
Муж — Михаил Николаевич П о п о в.
Род. 1885, ум. 14.01.1930 в Коми (в заключении).
Окончил Пажеский корпус. Морской офицер. Участник гражданской войны
на стороне красных, сподвижник Ф. Раскольникова и Л. Рейснер. После ре-
волюции — начальник штаба авиации Балтийского флота. Репрессирован.
Посмертно реабилитирован.
148. Петр Николаевич МАДАТОВ 74
149. Тамара Николаевна МАДАТОВА 74
150. Борис Николаевич НОЛЛЕ 75
Род. 1892, ум. 1909, похоронен в ус. Мерцино Новгородской губ., рядом с
отцом.
Учился в Анншуле, но готовился к поступлению в гардемарины классы.
Во время подготовки к учебному плаванию сорвался с судна, стоявшего в
Неве, и утонул.
151. Игорь Николаевич НОЛЛЕ 75
Род. 15.11.1893 в Киеве, ум. 1919 в Киеве.
Артиллерийский офицер. Прапорщик (1915). Попал в плен к немцам. Умер
от сердечного приступа.
Холост.
Источники: РГВИА. Фонд 409, посл. сп. 326–146. Л. 290–293.
152. Татьяна Сергеевна РЕЗНИЧЕНКО 76
Род. 17.10.1898, ум. 19.08.1968 в Москве.
Военврач-хирург. Эмигрировать с отцом отказалась.
Мужья: 1) де В и р и, ум. 1920.
Морской офицер;
2) ?;
3) Алексей Михайлович Ц а р и ц ы н, военный юрист, полковник.
Все браки бездетны.

153. Сергей Сергеевич РЕЗНИЧЕНКО 76
Род. 1905, ум. ?.
Участник Второй мировой войны на стороне Франции. Был в немецком плену. Бездетен.
154. Василий Сергеевич РЕЗНИЧЕНКО 76
Как и брат, участник Второй мировой войны на стороне Франции. Был в немецком плену.
Род. 1907, ум. 1946 от рака.
Холост.
155. Ксения Сергеевна КУШКОВСКАЯ 78
Род. 26.04 (09.05).1900 в С.-Петербурге, ум. 18.09.1972 в Москве, кремирована 20.09, прах по ее желанию не востребован и похоронен в братской могиле 1 Московского крематория близ Донского монастыря.
Литературовед, сотрудник Государственного литературного музея.
Муж — с 1923 Всеволод Владимирович П а в л о в (его второй брак).
Род. 20.01.1898 в Путивле, ум. 16.02.1972 в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище, из потомственных дворян Черниговской губернии. Сын Лидии Дмитриевны, урожд. княжны В а д б о л ь с к о й.
Искусствовед-египтолог, профессор МГУ, крупный ученый.
Разошлись в 1930.
156. Алексей Львович САПОЖНИКОВ 78
Род. 22.02 (07.03).1906 в С.-Петербурге, ум. 01.05.1989 в г. Железнодорожном Московской обл., кремирован 04.05, прах похоронен 22.07 в Ленинграде на Смоленском православном кладбище в могиле отца.
Инженер и историк.
Жена — с 1932 (формально с 1949) Тамара Порфирьевна Белозерова.
Род. 07 (20).10.1908 в Томске, ум. 15.12.1992 в Москве. Дочь коллежского асессора Порфирия Васильевича Белозерова и его жены Софии Иосифовны, урожд. Я р о ш е к.
157. Наталия Львовна САПОЖНИКОВА 78
Род. 04(17).11.1912 в С.-Петербурге, ум. 16.08.1983 в Ленинграде, кремирована 20.08, прах похоронен в могиле отца.
Школьный педагог.
Муж — с 01.07.1936 Всеволод Валерианович Б е н д е б е р и.
Род. 20.08 (02.09).1909 в Стерлитамаке (Башкирия), ум. 04.09.1994 в Санкт-Петербурге. Прах похоронен в могиле тестя.
Сын крымского чиновника. Инженер-метростроитель.
158. Мария Владимировна АНДРЕЕВА 79
Род. 02(15).07.1913, ум. 16.06.1997 в Ла Гаренн близ Парижа.
Муж — в Париже Владимир Сергеевич Р а д к о в и ч, из потомственных дворян Смоленской губ., эмигрировавших после революции и гражданской войны.

- Род. 07(20).04.1909 в С.-Петербурге, ум. 27.01.1985 в Ла Гаренн близ Парижа, похоронен вместе с женой на местном коммунальном кладбище. Бездетны.
Источники: РГИА. Фонд 1343. Оп. 36. Ед. хр. 20573, 84 л.
159. Барон Борис Лаврентьевич ЛЕВЕНДАЛЬ 80
Род. 26.07.1903. Театральный художник в Вене.
Бездетен.
160. Барон Лев Лаврентьевич ЛЕВЕНДАЛЬ 80
Род. 22.12.1899, ум. 1939 (покончил жизнь самоубийством).
Бездетен.
161. Барон Георгий Лаврентьевич ЛЕВЕНДАЛЬ 80
Род. 27.04.1897, ум. 18.02.1964 в Бухаресте.
Румынский художник.
Жена — Ариадна Михайловна, урожд. А м б р о з и е в а - З о л о т а р е в а.
Ум. 1954 в Бухаресте.
162. Барон Николай Лаврентьевич ЛЕВЕНДАЛЬ 80
Род. 14.06.1901.
Бездетен.
163. Алла Ахиллесовна ГАЗИС 81
Род. 1909, ум. 1976 в с. Терентьевском Прокопьевского р-на Кемеровской обл.
Муж — Федот Романович Ж а й в о р о н о к из украинской крестьянской семьи.
Род. 1909, ум. 1984 в с. Терентьевском Прокопьевского р-на Кемеровской области. Пока воевал, его семью, оставшуюся в оккупации, едва не расстреляли немцы, спутав ее с еврейской, а по освобождении выслали в Сибирь, спутав с крымскими татарами.
164. Петр Георгиевич АПРЕЛЕВ 87
Род. 01.09.1927, ум. 29.01.1959, похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа в одной могиле с отцом.
Жена — Нина Григорьевна, урожд. К а ш е р и н и н о в а, из древнего дворянского рода Курской губ. (во 2-м браке за П. В. Каменевым).
У них дочь Мария.
- VII колено**
165. Маргарита Викторовна АНАСТАСЬЕВА 90
(не БЛУМЕНФЕЛЬД: взяла фамилию матери)
Род. 10.01.1925 в Москве.
Заслуженная артистка России. Актриса МХАТ им. Горького (ныне им. Чехова).
Муж — Владлен Семенович Д а в ы д о в.

- Род. 16.01.1924.
Народный артист России, актер МХАТ им. Горького (ныне им. Чехова), директор музея театра.
166. Дмитрий Владимирович ЛЯСКОВСКИЙ 94
Род. 19.12.1912 (01.01.1913) в Москве, ум. 05.12.1991 в Челябинске, похоронен там же на Успенском кладбище.
Работал на автомобильных заводах Москвы, Горького, Ульяновска и Миасса. Был знаком и близок с семьей Б. Л. Пастернака, о которой оставил воспоминания.
Жены: 1) Наталия Григорьевна, урожд. ?
Род. 1913;
2) Нина Петровна, урожд. Б а й к о в а.
Род. 1934.
От первого брака одна дочь, от второго — две.
167. Елена Владимировна АНДРИЕВСКАЯ 96
Род. 09.04.1917. Эмигрировала с матерью в 1921.
Муж — Константин Б о л д у р - В о и н е с к у (Румыния).
У них сын Раду Георге.
168. Зоя Леонидовна РОССОЛИМО 97
Род. 1918 в Одессе.
Муж — с декабря 1941 Александр Сергеевич У м а н с к и й.
Работал на автомобильных заводах Москвы и Шадринска.
Разведены в конце 1940-х гг.
169. Леонид Леонидович РОССОЛИМО 97
Род. 21.06.1926 в Москве.
Был трижды женат, от каждого брака был сын.
170. Ольга Леонидовна РОССОЛИМО 97
Род. 1929 в Москве.
Доктор биологических наук (зоолог).
Директор зоологического музея МГУ.
Муж — Евгений Евгеньевич С ы р о е ч к о в с к и й.
Разведены.
171. Иван Иванович СПИЖАРНЫЙ 99
Род. 1927.
172. Вадим Андреевич КОРТАЦЦИ 100
Род. 26.05.1932 в Самаре.
Слесарь. Жил в Томске, с 1975 — в Протвино под Москвой.
Жена — Нина Владимировна Г о р е л к и н а.
Род. 1932, ум. 2000.
Экономист.

173. Наталия Андреевна }
174. Людмила Андреевна } КОРТАЦЦИ 100
175. Александр Андреевич } Умерли в раннем детстве.
176. Виктор Сергеевич КОРТАЦЦИ 101
Род. 1932 в Ленинграде.
Инженер-строитель. Живет в Нарве.
Был трижды женат.
От первого брака с Валерией Буслаевой — дочь, остальные браки бездетны.
177. Наталия Александровна КОРТАЦЦИ 103
Род. 18.11.1939 в Москве.
Бухгалтер. Живет в Москве.
Муж — Анатолий Петрович О с и п о в.
Род. 01.10.1936 в дер. Благие Новодеревенского р-на Рязанской обл.
Инженер-механик. Окончил МВТУ (1960).
178. Дмитрий Михайлович МИХНО 104
Род. 07.02.1915 в Одессе, ум. 16.03.1987 в Краснодаре.
Инженер-энергетик, заслуженный строитель РСФСР.
Жена — Лидия Георгиевна, урожд М о р о з о в а.
Род. 07.01.1914, ум. 24.12.1985 в Краснодаре.
179. Надежда Михайловна МИХНО 104
Род. 02.08.1916 в Одессе.
Мужья: 1) Евгений Васильевич Х о б т а.
Род. 1905. Репрессирован в 1930-х гг.;
2) Алексей Степанович М а ц у к е в и ч.
От первого брака — сын.
180. Анастасия Михайловна МИХНО 104
Род. 13.01(26.01).1918 в Одессе.
Муж — Григорий Миронович Д о ц е н к о.
Род. 28.04.1916 в Нальчике.
Полковник советской армии, ум. 15.11.1993 в Одессе.
181. Петр Петрович РОМАШКАНУ 109
У него сын.
182. Александр Петрович РОМАШКАНУ 109
У него сын.
183. Ксения Михайловна ПАЦ-ПОМАРНАЦКАЯ 133
Род. 25.10.1930.
Инженер. Названа в честь своей тетушки, умершей в раннем детстве.
Муж — Андрей Леонидович З а р а й с к и й.
Род. 08.08.1929.
Инженер.

184. Валентин Фаддеевич ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 134
Род. 01.04.1925 в Одессе, ум. 25.09.1999 в Санкт-Петербурге.
Учитель истории, автор ряда методологических пособий по преподаванию истории в средней школе и краеведению.
Жены: 1) Анна Константиновна, урожд. М а л е в и ч (ее второй брак);
2) Берта Самуиловна, урожд. Ка п и т а й к и н а (ее второй брак).
Браки бездетны.
185. Михаил Андреевич ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 135
Род. 15.02.1932 в Ленинграде.
Геолог.
Жена — Нина Ивановна И г о ш и н а.
Род. 05.05.1935 в Пермской обл.
186. Наталия Андреевна ПАЦ-ПОМАРНАЦКАЯ 135
Род. 1940 (?) в Ленинграде. Носит фамилию НАРЫШКИНА (по матери).
Искусствовед, доктор наук.
187. Наталия Игоревна МИНКО 138
Род. 09.12.1944 в Челябинске.
Инженер.
Муж — Леонид Иванович Щ у р о в.
Род. 05.10.1945 в Ленинграде.
Инженер.
188. Маргарита Михайловна ЛЕБЕДЕВА 140
189. Лев Васильевич ПУТИНЦЕВ 141
Род. 1936, ум. 2002.
Жена — Валентина Ивановна, урожд. М о и с е е в а.
Род. 1937.
190. Татьяна Васильевна ПУТИНЦЕВА 141
Род. 1937.
Муж — Борис Владимирович Р о ж к о в.
Род. 1937.
191. Ольга Васильевна ПУТИНЦЕВА 141
Род. 1939.
Муж — Евгений Израилевич С а в у л ь к и н.
Род. 1937.
192. Ирина Аркадьевна ИРЛИНА 143
Род. 29.03.1954 в Ленинграде.
Врач.
Муж — Яков Борисович Г е л и н.
Род. 1950.
Врач. Эмигрировали с детьми в Израиль.

193. Ольга Григорьевна ГУТНИК 144
Род. 1944.
Учитель русского языка и литературы средней школы.
Муж — Владимир Ш е ш а в а.
Род. 1948.
Учитель физкультуры.
194. Александр Григорьевич ГУТНИК 144
Род. 1946.
Капитан 2 ранга.
Жена — Антонина.
Инженер.
195. Кирилл Михайлович ПОПОВ 147
Род. 1919, ум. 1920.
196. Ирина Всеволодовна ПАВЛОВА 155
Род. 27.06.1924 в Москве, ум. 07.01.1992 в Москве, кремирована 12.01.1992, прах похоронен 20.06.1992 на Введенском кладбище в одной могиле с двоюродной бабушкой О. В. Павловой и племянницей М. В. Павловой (дочерью брата — от другого брака отца).
Литературовед, специалист в области русского фольклора.
Преподаватель Московского педагогического института.
Замужем не была.
197. Сергей (домашнее имя Никита) Алексеевич САПОЖНИКОВ 156
Род. 17.04.1938 в Ленинграде (зарегистрирован в Саратове).
Инженер-механик путей сообщения. Кандидат технических наук (1970), старший научный сотрудник (1973). Работал во ВНИИ вагоностроения (1961–1992); последняя должность — заведующий отраслевым отделом. С 01.04.1992 — заместитель генерального директора организованного им ООО «Интеррефтранс». Один из создателей Союза потомков Российского Дворянства — Российского Дворянского Собрания. Главный герольдмейстер Собрания со дня его основания 10.05.1990. Вице-предводитель с 1992 г. Предводитель Московского Дворянского Собрания с 2002 г.
Жены: 1) с 04.08.1967 в г. Подольске Московской обл. Нина Петровна М о к е е в а, дочь Петра Николаевича Мокеева и его жены Виктории Яновны, урожд. П о з н я к.
Род. 16.01.1937 в Подольске Моск. обл., ум. 01.01.1994 в Москве, похоронена на Востряковском кладбище вместе с родителями.
Гидробиолог. Канд. биологических наук (1967), старший научный сотрудник (1988). Работала в Академии наук СССР, МГУ, Государственном океанографическом институте;
2) с 18.09.1999 (гражд.) и 05.11.1999 (церк.) в Москве Валентина Алексеевна Б л а г о в о, урожд. Я ч м е н ь.

- Род. 13.09.1946 в Хабаровском крае. Дочь Алексея Ивановича Ячменя и его жены Евдокии Васильевны, урожд. Пу т и н ц е в о й. Кандидат филологических наук (1981), доцент (1986).
198. Марина Алексеевна САПОЖНИКОВА 156
Род. 21.08.1944 в с. Красном Костромской обл.
Инженер-механик путей сообщения. Сотрудник ВНИИ вагоностроения с 1961, МПС — с 1994.
Муж — с 1965 в Москве Валентин Георгиевич К о з л о в.
Род. 20.08.1939 в Москве.
Инженер-электрик путей сообщения. Сотрудник МИИТа.
199. Ксения Всеволодовна САПОЖНИКОВА 157
Род. 17.08.1946 в Ленинграде. Сохранила фамилию матери.
Инженер-метролог. Сотрудник ВНИИМ им. Менделеева с 1968.
Муж — с 1968 Николай Вячеславович С т а в р о в и ч.
Род. 27.08.1946 в Риге.
Инженер.
В разводе с 1985.
200. Баронесса Лидия Георгиевна ЛЕВЕНДАЛЬ 161
Род. 28.10.1923.
Артистка в разных амплуа (акробатка, балерина, певица).
Муж — Михаил П а п а я.
Архитектор.
Живут в Бухаресте (Румыния). Бездетны.
201. Баронесса Ирина Георгиевна ЛЕВЕНДАЛЬ 161
Род. 1925, ум. 1996 в Бухаресте.
Муж — Дан С а р а т я н у.
202. Елена Федотовна ЖАЙВОРОНОК 163
Род. 1931 в Крыму, ум. 1992 в с. Терентьевское Кемеровской обл., похоронена там же.
Муж — Александр Васильевич К о ч к и н (1928–1968).
203. Николай Федотович ЖАЙВОРОНОК 163
Род. 1934 в Крыму.
Архитектор и строитель.
Жена — Валентина Ивановна, урожд. Л ы с у х и н а.
Род. 1937.
204. Александр Федотович ЖАЙВОРОНОК 163
Род. 1939 в Крыму, ум. 1986 в Новокузнецке.
Жена — Лариса Николаевна, урожд. Я в о р с к а я (1945–1989).
205. Надежда Федотовна ЖАЙВОРОНОК 163
Род. 1946 в с. Терентьевском.

- Учитель.
Муж — Владимир Иванович Е р м и л о в.
Род. 1940.
Инженер-геолог.
206. Владимир Федотович ЖАЙВОРОНОК 163
Род. 1948 в с. Терентьевском.
Жена — Надежда Петровна, урожд. О п а н а с е н к о.
Род. 1953.
- VIII колено**
207. Андрей Владленович ДАВЫДОВ 165
Род. 02.07.1951 в Москве.
Актер МХАТа им. Чехова.
208. Ирина Дмитриевна ЛЯСКОВСКАЯ 166
Род. 1942 в Миассе Челябинской обл.
Историк. Живет в Москве.
209. Марина Дмитриевна ЛЯСКОВСКАЯ 166
Род. 02.02.1959 в Москве.
Историк. Живет в Москве.
Мужья: 1) Олег Викторович О ч к и н;
2) Вергилиус Альбертович М а р ц и я л и с.
От каждого брака по сыну.
210. Наталья Дмитриевна ЛЯСКОВСКАЯ 166
Род. 17.12.1963 в Москве.
Врач. Живет в Москве.
Муж — Олег Юрьевич Б и д а.
Род. 1963, ум. 1985 (погиб).
211. Лев Александрович УМАНСКИЙ 168
Род. 1942 в Москве.
Жена — Галина Матвеевна Р у б а ш и н а, урожд. ?
(ее второй брак, от первого имела ребенка).
212. Марина Александровна УМАНСКАЯ 168
Род. 1944 в Москве.
Муж — Леонид Г у р е в и ч.
Журналист и редактор.
Живут в Москве.
213. Борис Леонидович РОССОЛИМО 169
Род. 1956 в Москве, ум. 1987 в Москве.
Жена — Ольга Васильевна.

214. Леонид Леонидович РОССОЛИМО 169
Род. 1963 в Москве.
215. Кирилл Леонидович РОССОЛИМО 169
Род. 1970 в Москве.
216. Татьяна Евгеньевна СЫРОЕЧКОВСКАЯ 170
Род. 15.01.1954.
Биолог.
Муж — Леонид Борисович Рыбалов.
Род. 18.12.1952.
Биолог.
217. Людмила Вадимовна КОРТАЦЦИ 172
Род. 1956 в Куйбышеве.
Муж — Александр Федорович Трапезников.
Род. 1953 в Кемеровской обл.
218. Елена Вадимовна КОРТАЦЦИ 172
Род. 1966 в Томске.
Муж — Сергей Николаевич Вепренцев.
Род. 1961 в Серпухове.
У них сын Валентин (род. 1994 в Москве).
219. Ольга Викторовна КОРТАЦЦИ 176
Род. 1958.
Муж — Феликс Сокольский.
220. Татьяна Анатольевна ОСИПОВА 177
Род. 23.05.1959 в Москве.
Окончила Московский энергетический институт (1982).
Муж — Виктор Федорович Лянг.
Род. 04.11.1956 в Москве.
Окончил Московский энергетический институт (1978).
221. Александр Анатольевич ОСИПОВ 177
Род. 1970, ум. сентябрь 1987 (сброшен хулиганами с 14 этажа).
222. Эдуард Дмитриевич МИХНО 178
Род. 16.05.1935 в Донецкой обл.
Инженер.
Жены: 1) Людмила Васильевна Букина;
2) Галина Акимовна Ефимова.
Род. 04.04.1939 в Чистополе.
В каждом браке — двое детей..
223. Татьяна Дмитриевна МИХНО 178
Род. 25.12.1939.

- Муж — Федор Николаевич Яни.
Род. 14.12.1938. Болгарин.
224. Владимир Дмитриевич МИХНО 178
Род. 13.02.1948.
Рентгенолог.
Жена — Лариса Борисовна Чемоданова.
Род. 1951.
225. Юрий Евгеньевич ХОБТА 179
Род. 1936, ум. 1984 в Японии. Похоронен в Одессе.
Моряк дальнего плавания.
Жена — Елена Степановна.
226. Виталий Григорьевич ДОЦЕНКО 180
Род. 1938 в Одессе.
Полковник ракетных войск.
Жена — Наталия Владимировна, урожд. Цветкова.
Род. 1937.
227. Сергей Григорьевич ДОЦЕНКО 180
Род. 1949 в Одессе.
Военный моряк. Капитан 2-го ранга.
Жены: 1) Надежда Алексеевна (в разводе);
2) Людмила Ивановна.
Род. 04.01.1959.
228. Михаил Андреевич ЗАРАЙСКИЙ 183
Род. 21.03.1956.
Жена — Юлия Юрьевна Быстрова.
229. Григорий Андреевич ЗАРАЙСКИЙ 183
Род. 28.10.1963; близнец с № 230.
Жена — Анастасия Владимировна Селезнева.
230. Дмитрий Андреевич ЗАРАЙСКИЙ 183
Род. 28.10.1963; близнец с № 229.
Жена — Ирина Ивановна Глишина.
Род. 28.01.1964.
231. Василий Михайлович ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЙ 185
Род. 1978 в Ленинграде.
232. Игорь Леонидович ЩУРОВ 187
Род. 11.09.1971 в Ленинграде.
233. Александр Львович ПУТИНЦЕВ 189
Род. 1969.

234. Сергей Львович ПУТИНЦЕВ 189
Род. 1974.
Жена — Елена. У них дочь Ксения (1994).
235. Наталия Борисовна РОЖКОВА 190
Род. 1965.
Муж — Александр П о п о в.
236. Владимир Борисович РОЖКОВ 190
Род. 1972.
Жена — Лариса. У них сын Александр (1997) и дочь Анна (2002).
237. Дмитрий Евгеньевич САВУЛЬКИН 191
Род. 1964.
Жена — Елена Павловна Вол к о в а. Род. 1964. У них дети Ольга (1990) и Никита (2000)
238. Алексей Евгеньевич САВУЛЬКИН 191
Род. 1974.
Жена — Александра Юрьевна Г р е б е н щ и к о в а. Род. 1974. У них сын Николай (2002).
239. Марина Яковлевна ГЕЛИНА 192
Род. 1976.
240. Инна Яковлевна ГЕЛИНА 192
241. Майя Владимировна ШЕШАВА 193
242. Алла Александровна ГУТНИК 194
243. Наталия Сергеевна САПОЖНИКОВА 197
Род. 27.07.1968 в Москве.
Экономгеограф. Окончила географический факультет МГУ (1990). Работала в Московском представительстве югославской фирмы «Энергопроект» (1990–1991). С 1991 живет за рубежом.
Муж — с 02.11.1991 (гражд.) и 02.05.1992 (церковное венчание) в Белграде Славиша Л а к и ч е в и ч, гражданин Сербии.
Род. 06.02.1963 в крае Косово.
244. Татьяна Сергеевна САПОЖНИКОВА 197
Род. 16.01.1972 в Москве.
Географ. Окончила географический факультет МГУ (1995).
Муж — с 16.11.1994 (гражд. и церк.) в Москве Дмитрий Валерьевич К о в а л е в.
Род. 16.09.1973 в Москве.
Географ.
245. Оксана Валентиновна КОЗЛОВА 198
Род. 01.01.1968 в Москве.

- Инженер-химик.
Окончила Московский химико-технологический институт им. Менделеева (1991).
Муж — с 1988 в Москве Андрей Петрович С т е ц е н к о.
Род. 11.10.1963 в Орехово-Зуево Моск. обл.
Инженер-химик. Окончил тот же институт.
246. Анастасия Николаевна СТАВРОВИЧ 199
Род. 02.04.1974 в Ленинграде. У нее сын Кирилл (род. 23.02.2002).
247. Ариадна САРАТЯНУ 201
Род. 1964. Медик, занимается проблемами СПИДа в Румынии.
Муж — Дан Л а з а р е с к у.
248. Татьяна Александровна ЖАЙВОРОНОК 202
Род. 02.03.1951. Взяла материнскую фамилию.
Муж — Александр Михайлович К а н д а л и н ц е в.
Род. 1949.
249. Михаил Александрович ЖАЙВОРОНОК 202
Род. 27.08.1958. Взял материнскую фамилию.
Жена — Людмила.
Род. 1952.
250. Василий Александрович КОЧКИН 202
Род. 28.01.1961, ум. 07.02.1999.
Жена — Ирина.
Род. 1962.
251. Андрей Николаевич ЖАЙВОРОНОК 203
Род. 06.08.1958.
Инженер-строитель.
Жена — Татьяна Никифоровна З а п р я г а е в а.
Род. 1958 в г. Рубцовске Алтайского края.
252. Татьяна Николаевна ЖАЙВОРОНОК 203
Род. 16.12.1960.
Педагог, учитель истории средней школы.
Муж — Александр Сергеевич С и в к о в.
Род. 1961.
Педагог, учитель истории.
253. Инна Александровна ЖАЙВОРОНОК 204
Род. 23.08.1966.
Инженер-строитель.
254. Сергей Владимирович ЕРМИЛОВ 205
Род. 06.04.1967.
Жена — Лариса Николаевна.

255. Ольга Владимировна ЕРМИЛОВА 205
Род. 21.12.1973.
256. Елена Владимировна ЖАЙВОРОНОК 206
Род. 1975. У нее дочь Екатерина (род. 06.07.1999).
- IX колено**
257. Наталия ? ЛЯСКОВСКАЯ 208
Род. 1983 в Москве.
258. Дмитрий Олегович ОЧКИН 209
Род. 18.06.1980 в Москве.
259. Марюс Вергилиусович МАРЦИЯЛИС 209
Род. 09.02.1991 в Москве.
260. Артем Олегович ЛЯСКОВСКИЙ 210
Род. 1984 в Москве.
261. Сергей Львович УМАНСКИЙ 211
Род. 1980 в Москве.
262. Дмитрий Леонидович ГУРЕВИЧ 212
Род. 1969 в Москве.
263. Екатерина Борисовна РОССОЛИМО 213
Род. 1980 в Москве.
264. Александр Леонидович РЫБАЛОВ 216
Род. 18.02.1977 в Москве.
265. Григорий Леонидович РЫБАЛОВ 216
Род. 13.04.1982 в Москве.
266. Руслан Александрович ТРАПЕЗНИКОВ 217
Род. 18.12.1981 в г. Барановичи.
267. Кирилл Александрович ТРАПЕЗНИКОВ 217
Род. 10.03.1983 в Протвино.
268. Ася Феликсовна СОКОЛЬСКАЯ 219
Род. 1980.
269. Артем Феликсович СОКОЛЬСКИЙ 219
Род. 1984.
270. Ольга Викторовна ЛЯНГ 220
Род. 29.05.1984 в Москве.
271. Евгения Викторовна ЛЯНГ 220
Род. 31.05.1987 в Москве, близнец № 272.

272. Ирина Викторовна ЛЯНГ 220
Род. 31.05.1987 в Москве, близнец № 271.
273. Сергей Эдуардович МИХНО 222
Род. 03.03.1957 в Краснодаре.
Жена — Виолетта.
274. Елена Эдуардовна МИХНО 222
Род. 29.12.1958 в Свердловске.
Муж — Алексей Николаевич Лысенко.
275. Константин Эдуардович МИХНО 222
Род. 11.10.1961 в Чистополе.
Жена — Ксения Александровна.
276. Дмитрий Эдуардович МИХНО 222
Род. 14.05.1971 в Краснодаре.
Жена — Татьяна Евгеньевна, ур. Петренко.
277. Иван Федорович ЯНИ 223
Род. 10.12.1963.
278. Дмитрий Федорович ЯНИ 223
Род. 11.07.1969.
279. Дмитрий Владимирович МИХНО 224
Род. 1978.
280. Максим Владимирович МИХНО 224
Род. 24.01.1986.
281. Михаил Владимирович МИХНО 224
Род. 21.11.1987.
282. Дмитрий Юрьевич ХОБТА 225
Род. 1965.
283. Борис Юрьевич ХОБТА 225
Род. 1972.
284. Елена Витальевна ДОЦЕНКО 226
Род. 17.04.1962.
Муж — Вениамин Петрович Бобырь.
Род. 1956.
285. Вероника Витальевна ДОЦЕНКО 226
Род. 07.05.1970.
Муж — Андрей Михайлович Шкрабов.
Род. 1970.
286. Вилена (домашнее имя Татьяна) Сергеевна ДОЦЕНКО 227
Род. 26.08.1971.

Воспитательница в детском саду. Муж — Николай Николаевич К о р е н н о й. Род. 1969.	
287. Мария Сергеевна ДОЦЕНКО Род. 04.12.1990 в Одессе.	227
288. Андрей Михайлович ЗАРАЙСКИЙ Род. 03.07.1985.	228
289. Владимир Григорьевич ЗАРАЙСКИЙ Род. 23.03.1988.	229
290. Максим Дмитриевич ЗАРАЙСКИЙ Род. 15.02.1983.	230
291. Ольга Александровна ПОПОВА Род. 1987.	235
292. Лука ЛАКИЧЕВИЧ Род. 01.11.1992 в Римини (Италия)	243
293. Савва ЛАКИЧЕВИЧ Род. 07.02.1995 в Москве	243
294. Нина ЛАКИЧЕВИЧ Род. 19.08.1998 в Софии (Болгария). Названа в честь бабушки Нины Петровны Мокеевой (1937–1994) (№ 197).	243
295. Дарья Дмитриевна Род. 25.05.1995 в Москве	244
296. Данила Дмитриевич Род. 31.10.1997 в Москве.	244
297. Алексей Андреевич СТЕЦЕНКО Род. 08.10.1988 в Москве. Назван в честь прадеда Алексея Львовича Сапожникова (1906–1989) (№ 156).	245
298. Сергей Андреевич СТЕЦЕНКО Род. 16.01.1999 в Москве.	245
299. Евгений Александрович КАНДАЛИНЦЕВ Род. 1971.	248
300. Оксана Александровна КАНДАЛИНЦЕВА Род. 1976.	248
301. Максим Михайлович ЖАЙВОРОНОК Род. 1986.	249

302. Екатерина Васильевна КОЧКИНА Род. 1986.	250
303. Андрей Васильевич КОЧКИН Род. 1990.	250
304. Анна Андреевна ЖАЙВОРОНОК Род. 1983.	251
305. Ксения Андреевна ЖАЙВОРОНОК Род. 1985.	251
306. Дмитрий Александрович СИВКОВ Род. 1982, ум. 16.08.2001 (погиб в результате несчастного случая).	252
307. Ольга Александровна СИВКОВА Род. 1985.	252
X колено	
308. Людмила Сергеевна МИХНО Род. 1980 в Краснодаре	273
309. Ольга Алексеевна ЛЫСЕНКО Род. 1980. Муж — Алексей Петрович З а й к о.	274
310. Алексей Алексеевич ЛЫСЕНКО Род. 1987.	274
311. Галина Константиновна МИХНО Род. 2001 в Краснодаре.	275
312. Виктория Дмитриевна МИХНО Род. 1992 в Краснодаре.	276
313. Виталий Вениаминович БОБЫРЬ Род. 1983.	284
306. Анастасия Андреевна ШКРАБОВА Род. 23.01.1990.	285
XI колено	
315. Татьяна Алексеевна ЗАЙКОВА Род. 27.06.2000.	309
316. Юрий Алексеевич ЗАЙКОВ Род. 20.02.2002.	309

ИМЕННОЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РОДОСЛОВНОЙ РОСПИСИ ПОТОМКОВ СТЕФАНА-БЕЯ МАВРОМИХАЛИ

АБАКУМОВЫ	
Ксения Андреевна, ур. Кази	59
(с) супруг К. А. Кази	59
АКУЛЕНКО	
(с) Нина Георгиевна, в зам. Кортацци	100
АНАСТАСЬЕВЫ	
Александр Константинович	14
Анна Робертовна (Блуменфельд), ур. Грегер	90
Борис Викторович	39
Валентина Викторовна, в зам. Гербель	34
Виктор Константинович	12
Виктор Феликсович (Блуменфельд)	90
Владимир Викторович	38
Глеб Викторович	40, 50
Ида Викторовна, в зам. Россолимо	37
(с) Константин Николаевич	4
Ксения Александровна, в зам. 1) Казнакова, 2) Якубова	41
Маргарита Викторовна (Блуменфельд), в зам. Давыдова	165
Мария Викторовна, в зам. Блуменфельд	32
Мария Павловна, ур. Мавромихали	4
Надежда Константиновна, в зам. Гребенщикова	15
Наталья Александровна, ур. Берх, в 1 бр. Китаева	40, 50
Нина Робертовна, ур. Джаксон	12
Наталья Викторовна, в зам. Кортацци	36
Ольга Викторовна, в зам. Протопопова	33
Ольга Константиновна	11
София Константиновна, в зам. Беловодская	10
Татьяна Александровна, в зам. Лиснер	42
(с) Татьяна Даниловна, ур. Шкляревич	14
АНДРЕЕВЫ	
(с) Владимир Святославович	79
Марина Владимировна, в зам. Радкович	158
Мария Сергеевна, ур. Кази	79
АНДРИЕВСКИЕ	
(с) Владимир Константинович	96
Елена Владимировна	167
Ольга Владимировна, ур. Гербель	96

АПРЕЛЕВЫ	
Борис Петрович	86
Георгий (Юрий) Петрович	87
Елена Ивановна, ур. Бларамберг	28
(с) Ксения Эдуардовна	86
(с) Нина Григорьевна, ур. Кашерининова	164
(с) Петр Васильевич	28
Петр Георгиевич	164
БАЙКОВА	
(с) Нина Петровна, в зам. Лясковская	166
БАЛШ (БАЛАС)	
(с) Наталия Ивановна, в зам. Берх	56
БЕЛОВОДСКИЕ	
Анастасия Николаевна, в зам. Кази	23, 31
Надежда Николаевна	30
(с) Николай Евстафиевич	10
Ольга Николаевна, в зам. Бларамберг	26, 29
София Константиновна, ур. Анастасьева	10
БЕЛОЗЕРОВА	
(с) Тамара Порфирьевна, в зам. Сапожникова	156
БЕНДЕБЕРИ	
(с) Всеволод Валерианович	157
Ксения Всеволодовна, в зам. Ставрович	199
Наталья Львовна, ур. Сапожникова	157
БЕРХИ	
Александр Александрович	49
(с) Александр-Георг Маврикиевич	17
Борис Александрович	47
Владимир Александрович	53
Елена Александровна, в зам. Лаврова	48
Ирина Николаевна	125
Ксения Александровна, в зам. Страховская	54
Мария Борисовна	114
Мария Ильинична, ур. Кази	17
Михаил Александрович	51
Михаил Борисович	112
Наталья Александровна, в зам. 1) Китаева, 2) Анастасьева	40, 50
(с) Наталия Ивановна, ур. Балас	56
Николай Александрович	56
Сергей Александрович	55

(с) София Михайловна, ур. Паризо де ля Валетт	47
Татьяна Борисовна	113
Юлия Александровна, в зам. Семко-Савойская	52
Юрий Борисович	115
БИДА	
Артем Олегович — см. Лясковский	260
Наталья Дмитриевна, ур. Лясковская	210
(с) Олег Юрьевич	210
БЛАГОВО	
(с) Валентина Алексеевна, ур. Ячмень	197
БЛАРАМБЕРГИ	
Аполлон Владимирович	84
Виктор Владимирович	85
(с) Вильгельмина (Мина) Карловна, ур. баронесса Врангель	25
Владимир Владимирович	83
Владимир Иванович	26, 29
Екатерина Павловна, ур. Мавромихали, в 1 браке Исупова	5
Елена Владимировна, в зам. Газис	81
Елена Ивановна, в зам. Апрелева	28
Елена Павловна, ур. Мавромихали	9
(с) Иван Федорович	9
Михаил Иванович	5
(с) Неонила Даниловна	85
Николай Владимирович	82
Ольга Ивановна	27
Ольга Николаевна, ур. Беловодская	26, 29
Павел Иванович	25
БЛУМЕНФЕЛЬДЫ	
(с) Анна Робертовна (Анастасьева), ур. Грегер	90
Виктор Феликсович (Анастасьев)	90
Маргарита Викторовна (Анастасьева), в зам. Давыдова	165
Мария Викторовна, ур. Анастасьева	32
Наталья Феликсовна	91
Нина Феликсовна	89
Ольга Феликсовна	89
(с) Феликс Михайлович	32
БОБЫРЬ	
(с) Вениамин Петрович	284
Елена Витальевна	284
Виталий Вениаминович	311

БОЛДУР-ВОИНЕСКУ	
(с) Елена Владимировна, ур. Андриевская	167
Константин	167
Раду Георге	167
БУКИНА	
(с) Людмила Васильевна, в зам. Михно	222
БУСЛАЕВА	
(с) Валерия, в зам. Кортацци	176
БЫСТРОВА	
(с) Елена Николаевна, в зам. Кази	131
(с) Юлия Юрьевна, в зам. Зарайская	228
ВЕРИХ	
(с) Тамара Владимировна, в зам. Минко	138
де ВИРИ	
(с) Морской офицер, ум. 1920	152
Татьяна Сергеевна, ур. Резниченко	152
Волкова Елена Павловна, в зам. Савулькина	237
ВОРОНЦЫ	
(с) Дмитрий Николаевич	72
Михаил Дмитриевич	145
Ольга Васильевна, ур. Резниченко	72
Ольга (Кира) Дмитриевна, в зам. Попова	147
Татьяна Дмитриевна, в зам. Кондратович	146
(с) Элизабет	145
Бароны ВРАНГЕЛИ	
(с) Вильгельмина Карловна, в зам. Бларамберг	25
ГАВРИШЕВЫ	
(с) Лев Иосифович	24
Любовь Львовна, в зам. баронесса Левендаль	80
София Ильинична, ур. Кази	24
ГАЗИСЫ	
Алла Ахиллесовна, в зам. Жайворонок	163
(с) Ахиллес Дмитриевич	81
Елена Владимировна, ур. Бларамберг	81
ГЕЛИНЫ	
Инна Яковлевна	240
Ирина Аркадьевна, ур. Ирлина	192

Марина Яковлевна	239
(с) Яков Борисович	192
ГЕРБЕЛЬ	
Валентина Викторовна, ур. Анастасьева	34
(с) Владимир Николаевич	34
Ольга Владимировна, в зам. Андриевская	96
ГЕРЧИТАНСКАЯ	
(с) Галина Дамиановна, в зам. Кази	69
ГЛИНСКАЯ	
Мария Ивановна, в зам. Гребенщикова	44
ГЛИШИНА	
Ирина Ивановна, в зам. Зарайская	230
ГОРЕЛКИНА	
(с) Нина Владимировна, в зам. Кортацци	172
ГРЕБЕНЩИКОВЫ	
(с) Александр Александрович	15
Александра Юрьевна, в зам. Савулькина	238
Всеволод Александрович	44
(с) Елена Ивановна, ур. Черепанова	43
Иннокентий Александрович	43
(с) Мария Ивановна, ур. Глинская	44
Надежда Константиновна, ур. Анастасьева	15
ГРЕГЕР	
(с) Анна Робертовна, в зам. Блуменфельд (Анастасьева)	90
ГРИГОРЬЕВА	
(с) София Алексеевна, в зам. 1) Казакова, 2) Кази	20
ГУРЕВИЧИ	
Дмитрий Леонидович	262
(с) Леонид	212
Марина Александровна, ур. Уманская	212
ГУТНИКИ	
Александр Григорьевич	194
Анна Александровна	242
Алла Львовна, ур. Дрейер	144
(с) Антонина	194
(с) Григорий Федорович	144
Ольга Григорьевна, в зам. Шешава	193

ДАВЫДОВЫ	
Андрей Владленович	207
(с) Владлен Семенович	165
Маргарита Викторовна, ур. Блуменфельд (Анастасьева)	165
ДЖАКСОН	
(с) Нина Робертовна, в зам. Анастасьева	12
ДМИТРИЕВЫ	
(с) Ксения Мануиловна	2
ДОЛГИХ	
(с) Валентина Николаевна, в зам. Кази	57
ДОЦЕНКО	
Анастасия Михайловна, ур. Михно	180
Вероника Витальевна, в зам. Шкрабова	285
Вилена Сергеевна, в зам. Коренная	286
Виталий Григорьевич	226
(с) Григорий Миронович	180
Елена Витальевна, в зам. Бобырь	284
(с) Людмила Ивановна	227
Мария Сергеевна	227
(с) Надежда Алексеевна	227
(с) Наталия Владимировна, ур. Цветкова	226
Сергей Григорьевич	227
ДРЕЙЕРЫ	
Алла Львовна, в зам. Гутник	144
Кира Львовна, в зам. Ирлина	143
(с) Лев Львович	71
Лев Львович	142
Ольга Александровна, ур. Кази	71
ЕРМИЛОВЫ	
(с) Владимир Иванович	205
(с) Лариса Николаевна	254
Надежда Федоровна, ур. Жайворонок	205
Ольга Владимировна	255
Сергей Владимирович	254
ЕФИМОВА	
(с) Галина Акимовна, в зам. Михно	222
ЖАЙВОРОНКИ	
Александрович Федотович	204
Алла Ахиллесовна, ур. Газис	163

Андрей Николаевич	251
Анна Андреевна	304
(с) Валентина Ивановна, ур. Лысухина	203
Владимир Федотович	206
Елена Владимировна	255
Елена Федоровна, в зам. Кочкина	202
Нина Александровна	253
Ксения Андреевна	303
(с) Лариса Николаевна, ур. Яворская	204
(с) Людмила (Кочкина)	249
Максим Михайлович (Кочкин)	301
Михаил Александрович (Кочкин)	249
(с) Надежда Петровна, ур. Опанасенко	206
Надежда Федотовна, в зам. Ермилова	205
Николай Федотович	203
Татьяна Александровна (Кочкина), в зам. Кандалинцева	248
(с) Татьяна Никифоровна, ур. Запрягаева	251
Татьяна Николаевна, в зам. Сивкова	252
(с) Федот Романович	163
ЗАЙКО	
(с) Алексей Петрович	309
Ольга Алексеевна, ур. Лысенко	309
Татьяна Алексеевна	315
Юрий Алексеевич	316
ЗАПРЯГАЕВА	
Татьяна Никифоровна, в зам. Жайворонок	251
ЗАРАЙСКИЕ	
(с) Анастасия Владимировна, ур. Селезнева	229
(с) Андрей Леонидович	184
Андрей Михайлович	286
Владимир Григорьевич	289
Григорий Андреевич	229
Дмитрий Андреевич	230
(с) Ирина Ивановна, ур. Глишина	230
Ксения Михайловна, ур. Пац-Помарнацкая	154
Максим Дмитриевич	290
Михаил Андреевич	228
(с) Юлия Юрьевна, ур. Быстрова	228
Иванова Мария Ивановна, в зам. Кази	132
ИГОШИНА	
(с) Нина Ивановна, в зам. Пац-Помарнацкая	185

ИРЛИНЫ	
(с) Аркадий Владимирович	143
Ирина Аркадьевна, в зам. Гелина	192
Кира Львовна, ур. Дрейер	143
ИСУПОВЫ	
Екатерина Павловна, ур. Мавромихали, во 2 браке Бларамберг	5
(с) муж Екатерины Павловны	5
КАЗАКОВА	
(с) София Алексеевна, ур. Григорьева, во 2 браке Кази	20
КАЗИ	
Александр Александрович	126
Александр Андреевич	57
Александр Ильич	21
Александр Сергеевич	139
Александра Александровна, в зам. Лебедева	67
Александра Николаевна	45
Александра Павловна, ур. Мавромихали	8
Анастасия Александровна	68
Анастасия Александровна, в зам. Наумова	127
Анастасия Николаевна, ур. Беловодская	23, 31
Андрей Ильич	18
(с) жена А. И. Кази, ур. фон Кельхин	18
Анна Михайловна, в зам. Пац-Помарнацкая	63
Борис Александрович	126, 129
Валентина Георгиевна, в зам. Ордина	131
Валентина Михайловна, в зам. Сергеева	132
(с) Валентина Николаевна, ур. Долгих	57
Варвара Александровна	65
(с) Галина Дамиановна, ур. Герчитанская	69
Георгий Александрович	131
Евгения Андреевна	60
(с) Евгения Митрофановна, ур. Полуботок	18
Екатерина Александровна	128
(с) Елизавета Николаевна, ур. Потемкина	16
(с) Илья Андреевич	8
Ксения Александровна	130
Ксения Андреевна, в зам. Абакумова	59
Ксения Михайловна	62
Ксения Сергеевна, в зам. 1) Кушковская, 2) Сапожникова	78
Мария Александровна, в зам. Минко	64
(с) Мария Александровна, ур. Румянцева	21
Мария Ильинична, в зам. Берх	17

Мария Сергеевна, в зам. Андреева	79
Митрофан Андреевич	58
Михаил Александрович	132
Михаил Ильич	20
Михаил Михайлович	61
Николай Александрович	69
Николай Ильич	16
Ольга Александровна, в зам. Дрейер	71
Ольга Ильинична, в зам. Резниченко	22
Павел Ильич	19
Сергей Александрович	66
Сергей Ильич	23, 31
Сергей Сергеевич	77
София Александровна	70
(с) София Алексеевна, ур. Григорьева, в 1 браке Казакова	20
София Ильинична, в зам. Гавришева	24
Юлия Николаевна, в зам. Павлович	46
(с) Юлия Степановна, ур. Трофимовская	16
КАЗНАКОВЫ	
(с) Дмитрий Петрович	41
Ксения Александровна, ур. Анастасьева	41
Татьяна Дмитриевна, в зам. Михно	104
КАЙДАЛОВА	
(с) Мария Николаевна, в зам. Россолимо	97
КАНДАЛИНЦЕВЫ	
(с) Александр Михайлович	248
Татьяна Александровна Жайворонок, ур. Кочина	248
Евгений Александрович	299
Оксана Александровна	300
КАПИТАЙКИНА	
(с) Берта Самуиловна, в зам. Пац-Помарнацкая	184
КАШЕРИНИНОВА	
Нина Григорьевна, в 1 браке Апрелева, во 2 — Каменева	164
фон КЕЛЬХИН	
(с) Жена А. И. Кази	18
КИТАЕВЫ	
(с) Владимир Николаевич	50
Ксения Владимировна	120
Наталья Александровна, ур. Берх, во 2 браке Анастасьева	40, 50
Сергей Владимирович	119

КОВАЛЕВЫ	
Данила Дмитриевич	296
Дарья Дмитриевна	295
(с) Дмитрий Валерьевич	244
Татьяна Сергеевна, ур. Сапожникова	244
КОЗЛОВЫ	
(с) Валентин Георгиевич	198
Марина Алексеевна, ур. Сапожникова	198
Оксана Валентиновна, в зам. Стеценко	245
КОНДРАТОВИЧ	
(с) Вацлав Вацлавович	146
Татьяна Дмитриевна, ур. Воронеж	146
КОРЕННЫЕ	
Вилена Сергеевна, ур. Доценко	286
(с) Николай Николаевич	286
КОРТАЦЦИ	
Александр Андреевич	175
(с) Александр Иванович	36
Алексей Александрович	102
Андрей Александрович	100
Вадим Андреевич	172
(с) Валерия, ур. Буслаева	176
Виктор Сергеевич	176
Елена Вадимовна	218
Людмила Андреевна	174
Людмила Вадимовна, в зам. Трапезникова	217
Наталья Александровна, в зам. Осипова	177
Наталья Андреевна	173
Наталья Викторовна, ур. Анастасьева	36
Нина Александровна	103
(с) Нина Владимировна, ур. Горелкина	172
(с) Нина Георгиевна, ур. Акуленко	100
Ольга Викторовна, в зам. Соколовская	219
(с) Сара Иосифовна, ур. Певзнер	101
Сергей Александрович	101
КОЧКИНЫ	
(с) Александр Васильевич	202
Андрей Васильевич	303
Василий Александрович	250
Екатерина Васильевна	302

Елена Федотовна, ур. Жайворонок	202
(с) Ирина	250
Михаил Александрович (Жайворонок)	249
Татьяна Александровна (Жайворонок), в зам. Кандалинцева	248
КУШКОВСКИЕ	
Ксения Сергеевна, ур. Кази, во 2 браке Сапожникова	78
Ксения Сергеевна, в зам. Павлова	155
(с) Сергей Владимирович	78
ЛАВРОВЫ	
(с) Варвара Андреевна	116
Георгий Иванович	117
Елена Александровна, ур. Берх	48
(с) Иван Михайлович	48
Михаил Иванович	116
ЛАКИЧЕВИЧ	
Лука	292
Наталья Сергеевна, ур. Сапожникова	243
Нина	294
Савва	293
(с) Славиша	243
ЛЕБЕДЕВЫ	
Александра Александровна, ур. Кази	67
(с) Виктор Николаевич	67
Мargarита Михайловна	188
Михаил Викторович	140
Наталья Викторовна, в зам. Путинцева	141
бароны ЛЕВЕНДАЛИ	
Ариадна Михайловна, ур. Амброзиева-Золотарева	161
Борис Лаврентьевич	159
Георгий Лаврентьевич	161
Ирина Георгиевна	201
(с) Лаврентий Николаевич	80
Лев Лаврентьевич	160
Лидия Георгиевна, в зам. Папая	200
Любовь Львовна, ур. Гавришева	80
Наталья, дочь Ирины Георгиевны	247
Николай Лаврентьевич	162
ЛИСНЕРЫ	
Александр Ильич	105
Александра Ильинична	106

(с) Илья Эдуардович	42
Ксения Ильинична, в зам. Ромашкану	109
Ольга Ильинична	108
Татьяна Александровна, ур. Анастасьева	42
Татьяна Ильинична	107
ЛЫСЕНКО	
Алексей Алексеевич	310
Елена Эдуардовна, ур. Михно	274
Ольга Алексеевна, в зам. Зайко	309
ЛЫСУХИНА	
(с) Валентина Ивановна, в зам. Жайворонок	203
ЛЯНГ	
(с) Виктор Федорович	220
Евгения Викторовна	271
Ирина Викторовна	272
Ольга Викторовна	270
Татьяна Анатольевна, ур. Осипова	220
ЛЯСКОВСКИЕ	
Артем Олегович (Бида)	260
(с) Владимир Валерьевич	94
Дмитрий Владимирович	166
Ирина Дмитриевна	208
Марина Дмитриевна, в зам. 1) Очкина, 2) Марцялене	209
Наталья ?	257
(с) Наталья Григорьевна	166
Наталья Дмитриевна, в зам. Бида	210
(с) Нина Петровна, ур. Байкова	166
Нина Петровна, ур. Протопопова	94
МАВРОМИХАЛИ	
Александра Павловна, в зам. Кази	8
Анна Павловна	7
Екатерина Павловна, в зам. 1) Исупова, 2) Бларамберг	5
Елена Павловна, в зам. Бларамберг	9
Елизавета Павловна, в зам. Ревелоотти	6
Константин Павлович	3
Ксанти	1
(с) Ксения Мануиловна, ур. Дмитриева	2
Мария Павловна, в зам. Анастасьева	4
Павел Стефанович	2
Стефан	1

МАДАТОВЫ	
Евгения Васильевна, ур. Резниченко	74
(с) Николай Петрович	74
Петр Николаевич	148
Тамара Николаевна	149
МАЛЕВИЧ	
(с) Анна Константиновна, в зам. Пац-Помарнацкая	184
МАРТИНСКАЯ	
(с) Серафима Захаровна, в зам. Минко	138
МАРЦИЯЛИС	
(с) Вергилиус Альбертович	209
Марина Дмитриевна, ур. Лясковская	209
Марюс Вергилиусович	259
МАЦУКЕВИЧ	
(с) Алексей Степанович	179
Надежда Михайловна, ур. Михно, в 1 браке Хобта	179
МИНКО	
Игорь Николаевич	138
Мария Александровна, ур. Кази	64
Наталья Игоревна, в зам. Шурова	187
(с) Николай Кириллович	64
(с) Тамара Владимировна, ур. Верих	138
(с) Серафима Захаровна, ур. Мартинская	138
МИХНО	
Анастасия Михайловна, в зам. Доценко	180
Виктория Дмитриевна	312
Владимир Дмитриевич	224
(с) Галина Акимовна, ур. Ефимова	222
Галина Константиновна	311
Дмитрий Владимирович	279
Дмитрий Михайлович	178
Дмитрий Эдуардович	276
Елена Эдуардовна, в зам. Лысенко	274
Константин Эдуардович	275
(с) Лариса Борисовна, ур. Чемоданова	224
(с) Лидия Георгиевна, ур. Морозова	178
Людмила Васильевна, ур. Букина	222
Людмила Сергеевна	308
Максим Владимирович	280

Михаил Владимирович	281
(с) Михаил Сергеевич	104
Надежда Михайловна, в зам. 1) Хобта, 2) Мацукевич	179
Сергей Эдуардович	273
Татьяна Дмитриевна, в зам. Казнакова	104
Татьяна Дмитриевна, в зам. Яни	223
Эдуард Дмитриевич	222
МОКЕЕВА	
(с) Нина Петровна, в зам. Сапожникова	197
МОРОЗОВА	
(с) Лидия Георгиевна, ур. Михно	178
НАРЫШКИНЫ	
(с) Мария Владимировна, ур. Прокудина-Горская, носившая фамилию отчима, в зам. Пац-Помарнацкая	135
Наталья Андреевна, ур. Пац-Помарнацкая	186
НАСТРЮКОВА	
(с) Ольга Константиновна, в зам. Россолимо	97
НАУМОВЫ	
Анастасия Александровна, ур. Кази	127
Муж А. А. Кази	127
НОЛЛЕ	
Борис Николаевич	150
Игорь Николаевич	151
Наталья Васильевна, ур. Резниченко	75
(с) Николай Михайлович	75
ОПАНАСЕНКО	
(с) Надежда Петровна, в зам. Жайворонок	206
ОСИПОВЫ	
Александр Анатольевич	221
(с) Анатолий Петрович	177
Наталья Александровна, ур. Кортащи	177
Татьяна Анатольевна, в зам. Лянг	220
ОЧКИНЫ	
Дмитрий Олегович	258
Марина Дмитриевна, ур. Лясковская, во 2 браке Марцялене	209
(с) Олег Викторович	209
ПАВЛОВЫ	
(с) Всеволод Владимирович	155

Ирина Всеволодовна	196
Ксения Сергеевна, ур. Кушковская	155
ПАВЛОВИЧИ	
(с) Адольф Иосифович	46
Михаил Адольфович	111
Сергей Адольфович	110
Юлия Николаевна, ур. Кази	46
ПАПАЯ	
Лидия Георгиевна, урожд. бар. Левендаль	200
(с) Михаил	200
ПАРИЗО де ля ВАЛЕТТ	
(с) София Михайловна, в зам. Берх	47
ПАЦ-ПОМАРНАЦКИЕ	
(с) Александра Михайловна	133
Алексей Валентинович	136
Андрей Валентинович	135
(с) Анна Константиновна, ур. Малевич	184
Анна Михайловна, ур. Кази	63
Берта Самуиловна, ур. Капитайкина	184
(с) Валентин Фаддеевич	63
Валентин Фаддеевич	184
Василий Михайлович	231
(с) Елизавета Александровна, ур. Фаас	135
Зинаида Александровна, ур. Кузмицкая	134
Ксения Валентиновна	137
Ксения Михайловна, в зам. Зарайская	183
(с) Мария Владимировна (Нарышкина), ур. Прокудина-Горская	135
Михаил Андреевич	185
Михаил Валентинович	133
Наталья Андреевна (Нарышкина)	186
(с) Нина, ур. Игошина	185
(с) Ольга Александровна	133
Фаддей Валентинович	134
ПЕВЗНЕР	
(с) Сара Иосифовна	101
ПОЛУБОТОК	
(с) Евгения Митрофановна, в зам. Кази	18
ПОПОВЫ	
Кирилл Михайлович	195
(с) Михаил Николаевич	147

Ольга (Кира) Дмитриевна, ур. Воронеж	147
Наталья Борисовна, ур. Рожкова	235
Ольга Александровна	291
ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ	
Мария Владимировна (Нарышкина), в зам. Пац-Помарнацкая	135
ПРОТОПОПОВЫ	
Борис Петрович	92
Ксения Петровна	95
Нина Петровна, в зам. Лясковская	94
Ольга Викторовна, ур. Анастасьева	33
(с) Петр Васильевич	33
Сергей Петрович	93
ПУТИНЦЕВЫ	
Александр Львович	233
(с) Валентина Ивановна, ур. Моисеева	189
(с) Василий Иванович	141
Лев Васильевич	189
Наталья Викторовна, ур. Лебедева	141
Ольга Васильевна, в зам. Савулькина	191
Татьяна Васильевна, в зам. Рожкова	190
Сергей Львович	234
РАДКОВИЧИ	
(с) Владимир Сергеевич	158
Мария Владимировна, ур. Андреева	158
РЕВЕЛИОТТИ	
Елизавета Павловна, ур. Мавромихали	6
(с) Петр Феодосьевич	6
РЕЗНИЧЕНКО	
(с) Агриппина Филипповна, ур. ? в 1 браке Константинова	76
Александра Васильевна, в зам. Хесапчиева	73
(с) Василий Васильевич	22
Василий Сергеевич	154
(с) Вера Константиновна, ур. Кутузова	76
Евгения Васильевна, в зам. Мадатова	74
Наталья Васильевна, в зам. Нолле	75
Ольга Васильевна, в зам. Воронеж	72
Ольга Ильинична, ур. Кази	22
Сергей Васильевич	76
Сергей Сергеевич	153
Татьяна Сергеевна, в зам. 1) де Вири, 2) ? 3) Царицына	152

РОЖКОВЫ	
Борис Владимирович	190
Владимир Борисович	236
Наталья Борисовна	235
Татьяна Васильевна, ур. Путинцева	190
РОМАШКАНУ	
Александр Петрович	182
Ксения Ильинична, ур. Лиснер	109
(с) Петр	109
Петр Петрович	181
РОССОЛИМО	
Александр Леонидович	98
Ариадна Леонидовна, в зам. Спизарная	99
Борис Леонидович	213
Екатерина Борисовна	263
Зоя Леонидовна, в зам. Уманская	168
Ида Викторовна, ур. Анастасьева	35
Кирилл Леонидович	215
(с) Леонид Иванович	35
Леонид Леонидович	97
Леонид Леонидович	169
Леонид Леонидович	214
(с) Мария Николаевна, ур. Кайдалова	97
(с) Ольга Константиновна, ур. Настрюкова	97
Ольга Леонидовна, в зам. Сыроечковская	170
(с) Ольга Васильевна	213
РУМЯНЦЕВА	
(с) Мария Александровна, в зам. Кази	21
РЫБАЛОВЫ	
Александр Леонидович	264
Григорий Леонидович	265
(с) Леонид Борисович	216
Татьяна Борисовна, ур. Сыроечковская	216
САВУЛЬКИНЫ	
Алексей Евгеньевич	238
Дмитрий Евгеньевич	237
(с) Евгений Израилевич	191
Ольга Васильевна, ур. Путинцева	191
САПОЖНИКОВЫ	
Алексей Львович	156

Валентина Алексеевна Благово, ур. Ячмень	197
Ксения Всеволодовна (Бендебери), в зам. Ставрович	199
Ксения Сергеевна, ур. Кази, в 1 браке Кушковская	78
(с) Лев Николаевич	78
Марина Алексеевна, в зам. Козлова	198
Наталья Львовна, в зам. Бендебери	157
Наталья Сергеевна, в зам. Лакичевич	243
(с) Нина Петровна, ур. Мокеева	197
Сергей Алексеевич	197
(с) Тамара Порфирьевна, ур. Белозерова	156
Татьяна Сергеевна, в зам. Ковалева	244
СЕЛЕЗНЕВА	
Анастасия Владимировна, в зам Зарайская	229
СЕМКО-САВОЙСКИЕ	
Муж Ю. А. Берх	52
Юлия Александровна, ур. Берх	52
Их дети	121, 122
СЕРГЕЕВЫ	
Валентина Михайловна, ур. Кази	132
СИВКОВЫ	
(с) Александр Сергеевич	252
Татьяна Николаевна, ур. Жайворонок	252
Дмитрий Александрович	306
Ольга Александровна	307
СОКОЛОВСКИЕ	
Ольга Викторовна, ур. Кортацци	219
(с) Феликс	219
Ася Феликсовна	268
Артем Феликсович	269
СПИРАЖНЫЕ	
Ариадна Леонидовна, ур. Россолимо	99
(с) Иван Иванович	99
Иван Иванович	171
СТАВРОВИЧИ	
Анастасия Николаевна	246
Ксения Всеволодовна, ур. Бендебери, но в жизни Сапожникова	199
(с) Николай Вячеславович	199
СТАМАТИ	
(с) Фотинья	1

СТЕЦЕНКО	
Алексей Андреевич	297
(с) Андрей Петрович	245
Оксана Валентиновна, ур. Козлова	245
Сергей Андреевич	298
СТРАХОВСКИЕ	
(с) Борис Михайлович	54
Ксения Александровна, ур. Берх	54
Никита Борисович	123
Светлана (Тамара) Борисовна	124
СЫРОЕЧКОВСКИЕ	
(с) Евгений Евгеньевич	170
Ольга Леонидовна, ур. Россолимо	170
Татьяна Евгеньевна, в зам. Рыбалова	216
ТРАПЕЗНИКОВЫ	
(с) Александр Федорович	217
Людмила Вадимовна, ур. Кортащи	217
Руслан Александрович	266
Кирилл Александрович	267
ТРОФИМОВСКАЯ	
Юлия Степановна, в зам. Кази	16
УМАНСКИЕ	
(с) Александр Сергеевич	168
Зоя Леонидовна, ур. Россолимо	168
Лев Александрович	211
(с) Галина Матвеевна	211
Марина Александровна, в зам. Гуревич	212
Сергей Львович	261
ФААС	
(с) Елизавета Александровна, в зам. Пац-Помарнацкая	136
ХЕСАПЧИЕВЫ	
Александра Васильевна, ур. Резниченко	73
(с) Христофор	73
ХОБТА	
Борис Юрьевич	283
Дмитрий Юрьевич	282
(с) Евгений Васильевич	179
(с) Елена Степановна	225

Надежда Михайловна, ур. Михно, во 2 браке Мацукевич	179
Юрий Евгеньевич	225
ЦАРИЦЫНЫ	
(с) Алексей Михайлович	152
Татьяна Сергеевна, ур. Резниченко, в 1 браке де Вири	152
ЦВЕТКОВА	
(с) Наталия Владимировна, в зам. Доценко	227
ЧЕМОДАНОВА	
(с) Лариса Борисовна, в зам. Михно	224
ШЕШАВА	
(с) Владимир	193
Ольга Григорьевна, ур. Гутник	193
Майя Владимировна	241
ШКЛЯРЕВИЧ	
(с) Татьяна Даниловна, в зам. Анастасьева	14
ШКРАБОВЫ	
Анастасия Андреевна	312
(с) Андрей Михайлович	285
Вероника Витальевна, ур. Доценко	285
ЩУРОВЫ	
Игорь Леонидович	232
Леонид Иванович	187
Наталья Игоревна, ур. Минко	187
ЯВОРСКАЯ	
(с) Лариса Николаевна, в зам. Жайворонок	204
ЯКУБОВЫ	
Ксения Александровна, ур. Анастасьева, в 1 браке Казнакова	41
Муж К. А. Казнаковой	
(с) Платон Михайлович	41
ЯНИ	
Дмитрий Федорович	278
Иван Федорович	277
Татьяна Дмитриевна, ур. Михно	223
(с) Федор Николаевич	223

2 РУМЕЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА

Представленные в таблице термины могут послужить материалом для дальнейших исследований. В настоящее время можно сделать лишь несколько предварительных выводов.

В данной системе родственники разделяются на старших и младших: к первой категории принадлежат старший брат, старшая сестра, жена старшего брата, муж старшей сестры; ко второй — младший брат, младшая сестра, жена младшего брата, муж младшей сестры.

Родственники же по отцу и матери не разделяются (брат отца и брат матери и т. п. называются одинаково).

Свекор/свекровь и тесть/теща попадают в одну группу и называются одинаково. Интересен термин, который по-русски звучит как *сватья*, то есть теща по отношению к свекрови и наоборот; в румейском говоре — *симбатъбира* (в разных вариантах), что соответствует греческому η *συμπληθρα* и может быть понята как «сосвекровь», то есть лицо той же категории.

В одну категорию попадают внук/внучка и племянник/племянница (что встречается и в других балканских языках, например в болгарском, албанском, македонском), в то время как в греческом они различаются: σ *εγγονας/η εγγονη*, σ *ανεψιος/η ανεψια*.

В словоупотреблении мариупольских греков прослеживается отход от литературной греческой лексики и употребление слов более сниженного смыслового ранга. Например η *μητερα* не употребляется, вместо нее говорят *мава*. Греческое слово *сын* (σ *υιος*) назван только двумя информаторами, большинство же предпочитает говорить *мальчик*, *парень* (*το παιδι*), в местном словоупотреблении *пидъи*. Только однажды вспомнили, что к незнакомому молодому человеку следует обратиться *молодец* (*το απαλληκαρι*), обычно говорят *парень*, *мальчик*. Не знают названия бабушки (η *γιαγια*), говорят *манака*, *баба*. Таких примеров можно привести немало.

Греческие термины подвержены фонетическим изменениям: племянник (греч. σ *ανεψιος*, *ανεψιος*) звучит *анепшо*, *анипшо* и т. п. Такие же изменения наблюдаются в потнийском диалекте кавказских греков. Равным образом в обоих диалектах в единственном числе мужского рода утеряно конечное «с».

Так как румейский язык долгое время не имел письменности, происходили бесконечные фонетические изменения: достаточно взглянуть, как меняются звуки *e* и *и*, приставки (*порпану*, *пропану* и т. п.).

Надо отметить тюркские вкрапления (некоторые из них аналогичны особенностям понтийской лексики на Кавказе), таковы все термины, связанные с указанием старшинства, производные от *ага*. Явно тюркского происхождения слово *баджа*, означающее старшую женщину, хозяйку, примеров таких можно найти много. Характерно, что термины, связанные с крещением ребенка, в лексике татароязычных греков сохранились румейские (иначе и быть не могло).

Остальные многочисленные расхождения в произношении терминов зависят от особенностей местных говоров (например, произношение звуков *и*, *ы* и т. п.) и конечно же индивидуального произношения информаторов. В заключение следует напомнить написание отдельных звуков, принятое в современной румейской графике: греческий звук θ передается через ТЪ, звук δ — через сочетание ДЪ, звук γ — через Г.

Румейские термины родства

	Сарта-на (Приморское)	Стыла (Стила)	Бугасу (Максимовка)	Большая Каракуба (Раздольное)	Новая Каракуба (Красная Поляна)	Малый Янисоль (Куйбышево)	Большой Янисоль (Великоновоселовка)	Константинополь	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Отец	тáта	тáта	тáта	тáта	тáта	тáта	тáта	тáта	тáта
Мать	мáна	мáна	мáна	мáна	мáна	мáна	мáна	мáна	мáна
Сын	ѳ	пидъй	пидъй	йом	пидъй	пидъй	йо	пидъим	пидъй
Дочь	кор	куриц	куриц	кури-цым	куриц	куриц	кор кор-рим	куриц	куриц
Брат старший	гáка	мизб-тер ар-дрифо	гáка	гáка	гáка	гáка	агáка	гáко	гáко
Жена старшего брата	баджа	нъифим	ингá	чáча	гака	йнга	йнка	—	—

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сестра мужа младшая	—	—	—	—	кача	—	бикача	—
Брат жены старший	ханягá	агача-ка	гáча	дядя	—	ханяга	ханяга	
Брат жены младший	—	—	—	—	агача-ка	гакá	агача-ка	
Сестра жены старшая	пкачá	бикачá	ингá	тетя	чачá	пкачá	качá	
Сестра жены младшая	—	—	—	—	качá	—	бикачá	сим-фирá
Муж дочери	гамбрó	гамбрó	гамбрó	гамбрó	гамбрó	гамбрó	гамбрó	гамбрó
Жена сына	нѣф	нѣф	нѣф	нѣфи	нифи	ныф	ныф	ныф
Свекор	петъ-ерó	пить-ирóс	пить-ерó	пить-ырóm	пить-ирó	пить-ирó	пить-ирó	пить-ерó
Свекровь	петъ-ирá	пить-ирá	пить-ерá	пить-ирá	пить-ирá	пить-ырá	пить-ырá	пить-ырá
Тесть	петъ-ерó	пить-ирóс	пить-ерó	пить-рóm	пить-ирó	пить-ирó	пить-ирó	пить-ирó
Теща	петъ-ерá	пить-ирá	пить-ерá	пить-рám	пить-ирá	пить-ирá	пить-ирá	пить-ырá
Сват	худá	худá	худá	худá	худá	худá	худá	худá
Сватья	зибть-ирá	сим-ферá	симáть-ирá	сим-бать-ырá	симби-тъырá худать	сбитъ-ерá	худáх	худáть
Жених	гамбрó	гамбрóс	—	гамбрó	гамбрóс	гамбрó	гамбрó	гамбрóс
Невеста	ныф	нѣф	—	нѣф	ниф	нѣф	ныф	нѣф
Кум (посажённый отец)	паран-фус	хашли	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кума (посажённая мать)	пара-нѣфса	синдѣк-лиса	нўна	нўна	нўна	нўна	нўна	нўна
Новобрачный (по отношению к посаженному)	фуцкó	хашли	—	гамбрó	футыс-кас футыс-кóс	гамбро-футыс-кó	футыс-кó	футыс-кó
Новобрачная (по отношению к посаженному)	фуцки	синдѣк-лиса	—	нѣф	фу-тыски	нѣф-фу-тыски	фу-тыски	фу-тыски
Кум (крестный отец)	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта	калóта
Кума (крестная мать)	нўна	калина	нўна	нўна	нўна	нўна	нўна	нўна
Крестник	фуцкó	футы-стикó	футы-стикó	фу-тыскó	фу-тыскóс	гамбрó	футы-скó	—
Крестница	фуцки	футы-стикá	футы-стикá	фу-тыски	фу-тыски	фу-тыскá-ныф	фу-тыски	—
Обращение к чужому старшему мужчине	гакá	окá	гáка	гáка	гáка	гáка	хардáш дай агака	гакá
К чужому младшему	по имени	(кало) пидьри	пидьй	пидьй	—	палы-кару	пидьй	пидьй
К чужой старшей женщине	чачá	бичá	ингá-чачá	чачá	чача, инка	—	тъя инка качá	чачá
К чужой младшей	по имени	(кало) куриц	курици	куриц	—	курыц	кура-сея	адь-рыфы

3 РУМЕЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ПЕСНЬ О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Известно, какое трагическое впечатление произвело на весь христианский мир падение Константинополя под натиском турок-османов в 1453 г. Греческий фольклор отразил это событие. Он обогатился поэтическими, глубоко прочувствованными плачами о взятии Константинополя, о взятии святой Софии. Многие из этих плачей живут и по сей день в греческих селах Донецкой области.

К глубокой скорби примешивалось недоумение: как мог Господь допустить разграбление христианских святынь? Балканские греки были свидетелями героической борьбы и гибели последнего византийского императора Константина XI Драгаса. Его тело не было найдено в куче зарубленных защитников Константинополя на городской стене. По балканской легенде, турецкая стрела обратила Константина в мраморную статую, а сверхъестественная сила заключила его в недра одной из греческих гор, где мраморный император уже много веков ожидает, когда народ окажется достойным продолжить традиции Византийского государства. Тогда император Константин XII найдет своего мраморного предшественника и получит от него благословение на счастливое правление. Несомненно, эта легенда была известна российской императрице Екатерине II. Недаром одного из внуков она нарекла Константином и готовила занять греческий трон, но политическая обстановка того времени не позволила осуществиться ее надеждам. А тем временем крымские греки по воле той же Екатерины II переселились из Крыма в донецкие степи и долгое время являлись восточным форпостом греческого мира.

Эта красивая легенда о мраморном императоре до недавнего времени бытовала на Балканах. Но на окраинах Византийской империи народная молва считала императора виновным в гибели государства. Не были исключением и донецкие ромеи.

Летом 1963 г. эллинисты из Киевского университета добрались до села Большая Каракуба (Раздольное) и услышали от Трифона Дмитриевича Джарты (р. 1881) песню о гибели Византии. Сам он назвал эту песню застольной. Это не удивительно: в другом селе песню о взятии турками храма св. Софии называли свадебной.

В 1969 г. старший научный сотрудник Львовской научной библиотеки Римма Семеновна Харабадот записала в с. Новая Каракуба (Красная Поляна) от Андрея Николаевича Султанбей (р. 1881) песню о взятии турками Константинополя. Начало у обеих песен одинаковое, поэтому их можно анализировать вместе.

Могущественный правитель ромеев отличался большим нечестием. Он не останавливал коня возле храма и боевым копьём сам доставал из дарохранительницы хлеб святого Причастия. Земледельческие народы всегда считали греховным пренебрежение к хлебу. Греческое *псомопатис* — «хлебопреступник» — обозначает злодея более закоренелого, чем *оркопатис* — «клятвопреступник». Особенно непримирим греческий народ к осквернителям освященного хлеба. Понятно негодование ромеев, когда император «тендсын мит сунску-т лутрыя», «проткнул копьём святое Причастие (в дарохранительнице)». Ни в одном из вариантов песни о падении Константинополя не упоминается имя нечестивого императора. Народ не мог простить ему разрушение государства и предал забвению его имя.

Язык песни — современный местный говор. Он пестрит тюркизмами, среди которых вдруг появляются древнегреческие корни.

Размер песен — трехударный дольник. Исполняется песня в виде цепочки: если обозначить строку буквой А, В, С, ..., то песню можно представить в виде АВ:ВС:СД:ДЕ... Возможно, такой размер является результатом деления пополам первоначального; если гекзаметр или «стихос полидийос» разделить пополам и не учитывать долготу гласных, то получится трехударный дольник.

Вариант из Новой Каракубы отличается телеграфной краткостью изложения, но все ключевые образы песни сохранены. В текст оказывается включенной строка из известного в Греции Военного гимна Ригаса. Вспомним пушкинские строки: «Страна героев и богов / Расторгла рабские вериги / При пеньи пламенных стихов / Тиртея, Байрона и Риги». Это включение вполне понятно. В десятилетие 1927–1937 гг. в румейских селах работали школы на греческом языке. Гимн Ригаса был обязательным элементом школьного обучения, поэтому цитата из гимна появилась в исторической песне.

В последней строке исполнитель песни Султанбей часто произвольно заменяет Константинополь Севастополем. Это тоже объяснимо: Новая Каракуба находится всего в семи километрах от селения Константинополь, основанного переселенцами из крымского села Фуна. Соседи не ощущали ничего героического или трагического в новообразованном Константинополе, в то время как Севастополь после Второй мировой войны был овеян боевой славой.

Киевские эллинисты начали ознакомление с греческим фольклором в донецких селах в 1952 г. Прежде всего их внимание привлек плач о взятии

Дъименус ксангкуменус,
 А эмбур с'калица-м тун авли
 (с'малица-м)
 Литос ти каваладъус»
 Пу тун пиган, пиган дун
 Лито ти каваладъу.
 А эмбру с'калица-т тун авли
 (с'малица-т)
 Дъименус ксангкуменус.
 Ондан ксев калица-ту (малица-ту)
 Маля ксипарлимена:
 «Ох! Ипас, ипас, Кустанды,
 Пула на ми кафкаси!
 Ох сопа, сопа, калица-му,
 (малица-му)
 Пула на ми липаси!
 На сису та мблатыча-му,
 На копсу та джиджирича!»

связанного, поверженного?
 Вы ко двору моей хорошей
 (матушки) приведите
 Развязанного и верхом!»
 Куда бы его ни тащили,
 Он был на коне,
 А перед двором его хорошей
 (матушки) —
 Связанный и в оковах.
 Выбежала его хорошая (матушка)
 С распущенными волосами:
 «Ох, говорила тебе я, Константин,
 Не хвастайся очень!»
 «Ох, молчи, молчи, моя хорошая
 (матушка),
 Не очень сокрушайся!
 Тряхну своими плечиками
 И разорву цепочки!»

РУМЕЙСКИЕ СКАЗКИ¹

Парамить

Эна бмурфу курасэя зышкын мин мана-тыс ти мин тын тата-т тыс. Эна ныхта ты ксэйн оксу. Ксэйн эна айтку буран, пирын тын ти дъайн тын макра с'эна магазы. Ты дъайн эмбин апэсу-дранá — пэфт аты путъамэнуэс эна палыкарус, харшú-т па эна харты графт: ауту харты тына битрыз дъавáz ту, тутус палыкарус на фэр пшы. Ты пшырсын дъаваксын-дъаваксын, дъэн битраисын ту, пэман канá трыя фýла, эвгын оксу. Анда эмбин апэсу пал, т'алу курасэя катъытын дъавáz ту харты ти битрайсын ту. Палыкарус йфирын пшы ти пирын тын тына.

Сказка (перевод)

Жила одна красивая девушка со своей матерью и отцом. Однажды ночью она вышла во двор. Нагрянула такая буря, схватила ее и понесла в одну землянку. Она зашла туда, смотрит — лежит там мертвый молодец, а возле него — книга, на которой написано: если кто-либо кончит читать эту книгу, этот молодец оживет. Она начала читать, читала, читала, не кончила еще,

¹ Румейские сказки записала Р. С. Харабадот в селе Раздольное (Большая Каракуба или Аргин) в 1963–1964 гг.

осталось три листа, вышла во двор. Когда она вошла в дом, — другая девушка сидит, читает книгу и закончила ее. Молодец ожил и женился на ней.
Рассказала Дурбой Екатерина Савельевна, 70 лет

Трыя курыча

Итан трыя курыча. Та Дъыя итан митрэя, т'эна — кардъакó. Мана-тун лэ тус:

— Ас кагум рока, тынус клóна на кóфкитын, тóна на сáгнум. Кóпин ту мана-тун мýя, кóпин с'áлу мýя ти эна фурэя тýлу. Та дъыя курыча эсаксан тын мана-тун. Эвалан апáну, эпсысан крэяс, эфаган ту, фýкан ти дъáган. А ту кардъакó сóрыпсын пýрын та студыча, тъымьясын, эвалын та пис эна куты. Атын мандыя пу дъáган. Аты лэ:

— Мýя ас пагу, ас драну, ты эн ата?

Анда йныксын тóту куты, аты итан бла-па филурýтка шэята.

Эна тирыты мэра пал атын т'итан. Аты лэ пал:

— Ас фурэну ти ас пагу!

Фóрсын, дъайн. Ул-па экаган тын стрáта. Ты ялсын блутыс па филурýя. Анда йýрсын ап'аты, пэрасын пис т'эна брус, хахалусын ти крэмсын ту башмак-тыс пис эна пигаты. Анда иртын спýтун, т'адърэфья-тыс ипан:

— Мис идъам айтку инэка, ты бл-па ялсын, сы сахтарэца!

Ты па катъытын, тарáz сахтарэя.

Патышáх йóс дъайн са лагóйдъа. Сóнун та тазы-т су пигаты, атó ялыз, та йирызун аксапыса. Тос лалсын кóзму, эвгалан пис ту нырó тóту башмак. Анда эвгалан ту, тос атс лэ:

— С кáйнуэс бдъар то ярашэв, ты па на эн инэка-м!

Дъáган ул-па, дъáган са та та адърэфья-па. С'атынуэс т'эна т'итун калó, су т'áлу-па т'итун. Тын лэгун:

— Мис эхум эна сахтарáва-па!

Атын фóрсан ту башмак с'атына — тамам су бдъар-тыс.

Тын лэгун тын:

— Айда дáма-мас!

Анда иртан спýтун, ты йныксын ту куты мин та филурýя, тын шáшып-сан. Ты пирын та шэята ти дъáган. Дъáган, экаган дугкун ти зун. Пэрасын óра ти вахт, экайн ты эна микрó. Эхун эна пидыш. Катъытын ты манахóтис. Мýя бэн апэсу эна адърыфý-ыс. Аты т'ýксырын ту эн адърыфý-ыс. Ты лэ:

— Дъэн пэритымин марья су микрó?

Ты-па лэ: Мандыя, ас эркытын áндра-м, истэра лэгун сын! Иртын áндра-тыс, лэ тун тóна. Тос лэ:

— Зар тóра эш чарá канýна на пэрыс су микрó?

Ты лэ: Го хýйипса тын!

Ти піран тын. Зун. Эна вахт дьаган су ялб на лұшкундын. Атбс пратá лон ту ягá пїсу ялб. Ау́т скунцын тын ма́на пїсу ялб, фбрсын такáтыс та фурсыйис, экайн цагдъйтка визы́я, дъуй ту балá. Ту балá клэ. Т'áлу фурэ́я анда дьаган су ялб, ап'атї инэ́ка-т трагудьá:

— Пьяс ту кит, го їмун адьб!

Тос сорьпсын кб́зму, пь́якан ту тóту кит, эщыксан ту ти ксэ́йн ап атї инэ́ка-т. Пїрын ту балá-тыс, файїз ту. Атбс лэ тын т'áлу адьрыфї:

— Атб́ра тьї на кáгу сын? На Дьэ́ну сын паса сарáнда алгы́ та рáйдьá?

Атб́ лэ: дьэс мин писа сарáнда алгы́ та рáйдьá ти кáму качáй!

Айтку джаду́ їтун.

Три девушки (перевод)

Жили-были три девушки. Две были падчерицы, одна — родная. Мать им говорит:

— Давайте прясть! Ту, чья нитка порвется три раза, зарежем.

Порвалась нитка у матери раз, другой раз и еще раз. Две девицы зарезали свою мать. Поставили варить мясо, съели и ушли. А родная дочь собрала кости, окропила их, сложила в горшок. А те ушли куда-то. Она и говорит:

— Пойду посмотрю, что там?

Когда она открыла тот горшок, там было полно золотых вещей. В одно воскресенье опять их не было дома. Она опять говорит:

— Оденусь и пойду.

Оделась и пошла. Все уступали ей дорогу: она вся блестела благодаря золоту. Когда она возвращалась, проходила через лес, перешагнула ручей и уронила в него башмачок. Когда она вернулась домой, сестры ее сказали:

— Мы видели такую женщину, она вся сверкала, а ты Золушка!

А она сидит, мешает золу.

* * *

Царевич отправился на охоту. Прибежали его быстрые к ручью, а он блестит, они возвращаются обратно. Он позвал людей, вытащили из воды тот башмачок. Когда вытащили его, он говорит:

— Та, на чью ногу он подойдет, будет моей женой!

Пошли все, пришли и к тем сестрам. И ни для одной он не подошел, ни для другой. Они и говорят:

— У нас есть еще Золушка!

Надели на нее — как раз на ее ногу. Они и говорят ей:

— Идем с нами!

Когда они вошли в дом, она открыла горшок с золотом, они оторопели. Она взяла вещи, и все ушли. Пошли, устроили свадьбу и живут. Прошло время. Родила она ребенка. У них мальчик. Однажды сидит она одна. Входит одна из ее сестер (а она не знала, что это ее сестра) и говорит:

— Не возьмете ли меня нянькой к вашему ребенку?

А та отвечает:

— Не знаю, придет муж, потом скажу тебе.

Пришел муж, она рассказала ему. А он говорит:

— Разве можно теперь брать кого-нибудь к ребенку?

Она говорит:

— Я ее пожалела.

И взяли ее. Живут. Однажды пошли они к морю купаться. Муж бродит вдоль берега моря. Нянька толкнула мать в море, надела ее одежду, сделала себе груди из тряпок и дает ребенку; ребенок плачет. В другой раз, когда они пошли на море, оттуда его жена поет:

— Поймай кита, я здесь!

Собрался народ, поймали того кита, разодрали его, и оттуда вышла его жена. Взяла она своего ребенка, кормит. А он и говорит ее сестре:

— Что мне с тобой сделать теперь? Привязать тебя к сорока конским хвостам?

Она отвечает:

— Привяжи меня к сорока конским хвостам, я покачаюсь!

Вот такая ведьма была!

Рассказала Сумская Екатерина Антоновна

Тырвичыс

Тырвїчыс їшын дьбдъыка кундáрья арнїтъя. Ныйн пэдá э́на алыпú: сїмуру па пэр э́на, áвры па пэр э́на. Лúгу-лúгу битрáйсын та. Тырвїчыс фувáтын ас тын алыпú, на спан хулы́-т ти лэ: Тос тъя на трой мэ́на!

Пїрын джунáйсын, на пай су тутя́н. Пэр э́на фунт бикмэ́з, малїз ту магу́л-ит ти пэфт. Кумулбган пáну-т мия́ныс. — Шарт! — дóкин ту шаплáмэ́я-т пáсу магу́л. Скбцын сарáнда мия́ныс. Атб́ра джунáйсын пай. Пїрын ту хилы́ч-ит, джунáйсын пай. Дьáйн, дьáйн, пулá дьáйн, лúгу дьáйн, — дра-на́, — э́на зэмля́нка. Эсусын сымá, стáйн. Дранá, — лорья́ су зэмля́нка тимундын сарáнда адждьэр. Дранá, ту зэмля́нка иныхтб, пэ́су каны́с па т'ен. Хустын дьáйн апэ́су, э́валын ту хилы́ч-ит пáсу трапэ́з ти э́грапсын апáну: Мин ту мия́ пуру́ скутбну сарáнда нумáтус! Ти тимийн ти пэмин. Гнэфсан адждьэр, э́ркундын ти дранún: Абрэ́, — лэгун, — гáля-гáля, тос дъуй мас э́на шаплáмэ́я ти скутбн мас!

Гáля-гáля пáса дьáхтылы́ча-тун пáгун. А тья́нима ту э́хун! Экаган блтун па лахарды́ на лэгун тун «гáка». Тумбурно́ сыкбган адждьэр: Гáка пáну, гáка кáту, — блтун па. Тырвїчыс эш мэ́га саягы́ ас та ть́нус. Ту лэ тус, б́ла па кáгун ту. Пáгун су сыра́ са ксы́ла, су нырб, ас т'э́на пшыру́н ос ту сарáнда. Вáлун тут тóна па пáсу сыра́. Пай сарáндас, истэ́ра тос на пай-сарáнда э́нас са ксы́ла. Пїрын э́на макры́ сыджїм, пїрын анаджáх, дьáйн су брус, кофт

ти кофт ксыла. Филагун аджидэр, алу эйирнын мэра, — гака-тун т'эн. Пилыгун тун эна-тун: Сыр писун гака, мия ты шэ тья на эн, сам тыпус уграйсын?

Тылага идтын тун аджидэр, кам тун харá: Йир! Тос па дьайн, дьайн сымá-т: Ты дьэн пилыс мин сымá-с?

— Дьэн пилыгу сын! Ас тун тата-мас ти ас тын мана-мас пэмимас эна брус, кофту пэру ту ти пагу хасу землянка-мас; эху, эху ти тегу! Йох, гака-тун па на пай су сыра! Тос ипин пула, аджидэрус ти лалы. Пырын ту анаджах, эна гора экупсын та ксыла, экайн та дьымат, эдыксын та:

— Кац сы па пáну, пáгум!

— Йох, го кóма на кофту!

Пула зурлайсын тун, т'йттылын на катъандун. Ну истэра нын хайлыс, кацын апáну, эркундын. Абун-тубун, спудьаз ти эркытын аджидэрус.

— Гáля, будáха цакундын! — амá плóгут тья на хтыпá кáту. Иртан адьó, катэйн тос ап'атипáну, — эна хулыгму пас аджидэру:

— Тата-м ти мана-м фикамин эна брус, тóра кофту ту ти фэру, ты; гака-тун па на пай су сыра?

Пэрасын тóту, пьякан сыра, пáгун су нырó. Сон сыра на пай су нырó гака. Пэр ту тулúb вудьы дьэрма ти джуныз. Оспу эсусын су пигать, булдурáйсын, стáйн анáса-т. Эвалын ту вудьы ту дьэрма акáту, кацын, пырын анáса, нуныз, тóра ты на кам. Пьян фускóн ту дьэрма. Пула урнэфтын, амá фускусын ту. Пэр ту пáну-т, эркытын. Анда сымусын алу хасу землянка, катгытын, лыгá кáту, пилы ту анáса вгэн пис ту дьэрма. Аджидэр дранун ти лэгун: Истэра, ивры тун áттрапу, ас пай су нырó! Тос дьыпсасын ти сыпáйсын эпинын ту! Энас, эпар ту тулúb ти джунáй сыр су нырó!

Пал пáгун су сыра су нырó. Сон ту гака-тун ту сыра пал. Амá тос ап'адьó анда джунáйсын, пырын дама-т бэл. Кацын, нунсын, нунсын ти лэ: Йох ац дьулыя т'ен!

Скафт ту лóрья ту пигать. Адьó филáгун, филáгун, дьыпса-сан, на тегундын, нырó т'ен. Лэгун тун трáнда инэяс:

— Сыр мия су нырó, гака т'ен, кагам, сыр апису-т! Фанын на эркытын аджидэрус, Тывичыс вгал ту капас-ит, кам тун харá, на мй эркытын: Го плóгум битрызу ирыджá! Тос паракалы тун: Ас пáгу!

— На мй эркисын, лэгу сын!

Пула паракáлсын тун, истэра пэлсын тун сымá-т. Анда иртын аджидэрус сымá-т, Тывичыс эна дауш эвгалын: Копэк аглар, копэк! Ас тун тата-мас ти ас тын мана-мас пира эна пигать, пэру вáлу ту пису наят! Эху, эху ти пáну, да! Аджидэрус ти лалы ти лэ тун: Гака, го áма гумóну ту тулúb ти пáгум!

— Э тыпус т'ен, ац н'эн ац!

Гóмусын ту тулúb нырó: Кац сы па апáну, гака!

Кацын Тывичыс пáсу тулúb. Аджидэрус спудьаз ти эркытын — абун-тубун!

— Гáля, чангкльхкытын! — лэ тос, тья на хтыпá кáту. Иртан адьó, рáнцын катэйн пас ту тулúb гака-тун, — эна дауш пáну тун: Ас тун тата-мас ти ас тын мана-мас пэмин эна пигать. Вгáлу фэру ту пису наят ти вгáлу пэру нырó! Йох, гака-тун па на пай су нырó!

Аджидэр уграйсан дама-т. Ныхта тос анда тиматын, аут кáгун лахарды, ты на тун кáгун: Тос на скутóн мас!

Тос фукрышкатын, амá тын ти ксэрун. Кáгун лахарды, на вразун сарáнда фтыя чугун нырó, на тюнóнун пáну-т ти на тун хашэвун. Врэдъынын. Тут вразун ту чугун. Тос эматтын ту, пьян вал писа рúха-т эна кумат ксылу ти щупáz мин ту рúху-т. Плóгут мулúтын пис эна дулáp. Пэрасын алу мисó ныхта па, гáля-гáля инызун ту пóрта тут, фукрышкундын, — чым-чырт, — тынчку. Фэрун ту нырó, тюнóнун ту пáну-т. Эписан, аратла-нэфтан. Тумбурнó сыкóган, инызун ту пóрта гáля-гáля, дранун, мия тос эш пшы, сом т'еш. Амá тос, анда тьонусан ту нырó истэра ас ту áфны тэка дьэн бугулэфтын. Вгал тóту ксылу су наят, пэфт писа рúха-т, хабар па т'еш. Инысан ту пóрта, дранун; тос хулыксын пáну тун: Ты дранатын? Пэтаксан ти эфиксан. Тос сыкóйн, ныфтын, эфáйн, ксэйн óксу, пьякын та мэса-т ти дранá пáсу землянка: Копэк оглу! Ту землянка тылугу зыстó йтун! Идьруса, шулóга чax. Цулуп кóпа, На ми ту тейтын áцкас кака мия тялу!

Ипин та аута ти дьайн апэсу.

— Ого! — лэгун аджидэр, — сарáнда фтыя чугун нырó тьонусам пáну-т, ти тос тэка идьрусын!

Сурэфтан туврадъы, пал кáгун лахарды, ты на тун кáгун. Эна аджидэрус лэ: Амá мис эхум сарáнда пúтя чакуч, ас тун крúгум óлмас па пу мия ти скутóнум тун!

Анда лэгун та аута крыфá, Тывичыс грыкá та. Тывичыс туврадъы пирми ти пэфт, фэр ту ксылу пэсу, вал ту писа рúха-т, щупáz ту мин ту рúху-т, плóгут мулúтын пису дулáp. Пэрасын мисó ныхта, чым-чырт, — тыпус т'ен. Тын пэрун ту чакуч, пу сыра хушкундын, крúгун óлтун па, крúгун пу эна чакучэя. Дóкан óлтун па. Пэрасын лугу вахт, тынчлайсын. Тос вгал ту ксылу су наят пис та рúха-т, пэфт писа рúха, рáтка тимундын.

Ксымэрыпсын. Тывичыс кóма тиматын. Аджидэр гнэфсан пирна, лэгун: Аджáпкас скóцам тун, йохсáм эш пшы Инызун ту пóрта гáля-гáля, дранун, тос иныз та мáтя-т ти лэ тус: Ты лэйтын?

— Го-го! — лэгун, — тóтус кóма..

Тылага ту эматъан, ту эш пшы, ягалáйсан. Сыкóйн тóтус, эфáйн, ксэйн óксу, пьякын та мэса-т ти лэ та аджидэрус:

— Пидъыя, гумóйн ту землянка пóпса псыла апэсу, на лахту, на ту эрну! Анангkáста та алу!

Аты́н па лэ́гун: Сара́нда фты́я чаку́ч па йтун псы́лу ти на лахта́ на ту е́рны! Мия́ ас пулымы́зум, ас дра́нум!

Пшы́рсан пулымы́зун. Сон ту сыра́ с'ато́на. Сара́ндас на пьян то́на на пулымы́з. Ко́ма Тырви́чыс сымá-т т'э́сусын, харавлы́з исапа́ну па, са марэ́йис па. Аджыдэ́рус лэ́ тун: Га́ака, ты́ харавлы́зыс?

— Э ты́ на харавлы́зу, ту харда́ш-ым, пу́ марэ́я на сы́рну сы́н Са́хка на сы́рну сын, — эн яло́. Чула́хка на сы́рну сын, — эн брус. Исапа́ну па на сы́рну сын, скуту́сын! Хатэ́ с э́на марэ́я, го дэ́эн пулымы́зу да́мас!

— На тэ́элыс, пэ́ру сын ти па́гу су ви́ляят-ыс? — лэ́ аджыдэ́рус.

— Э ну, на пайс мин, па́гу! — лэ́. Дэ́айн апэ́су, пи́рын ту сундути́ц, со́рыпсын та шэ́ята-т, э́валын та пэ́су, кы́лдэ́усын та. Аджыдэ́рус лэ́: Ка́ц апáну-м, го пса па́гу сын!

Ка́цын апáну-т, э́валын ту сундути́ц-ыт. Пула́ дэ́аган, лу́гу дэ́аган, э́сусан. Анда́ э́сусан хасу йиры́-тун, Тырви́чыс э́дэ́раксын ти пэ́мин па́су сундути́ц ас ту аджыдэ́ру г'ана́са. Катэ́йн дэ́айн тун апэ́су ти пса-пса йи́рсын аджыдэ́рус, фэ́, на пай. Ама́ кэ́эйн пис ту навлы́, кру́й хас алы́пу: Пу́ йсун, аджыдэ́ру?

— Пи́ра тун ти дэ́ага тун Тырви́ч спит! — лэ́.

— Тун Тырви́ч?

— Я, тун Тырви́ч!

— Гм, ас та то́на па фу́вундын? Пья́с ту ра́дэ́-им ти а́йда, на дра́на́ мин тос, спан хулы́-т!

— Э, а́йда на эн, а́йда!

Пья́кын ту ра́дэ́-ит, э́ркундын. Э́клусан сун Тырви́ч ту навлы́. Аджыдэ́рус пьян ту алы́пу ту ратэ́ ти э́ркундын. Тырви́чыс ты́лага йды́н тус, нуны́з: Ты на лэ́гу? Ты на лэ́гу? Ты на лэ́гу? Ты́н и́ныксан ту б́ксу ту по́рта. Тос ины́з ту пэ́су ту по́рта. Тырви́чыс лэ́ тун алы́пу: Ко́пэ́к оглу́, ко́пэ́к! Ко́ма и́фиры́з мин э́на? Я э́шыс на дэ́уйс мин тра́нда инэ́яс ты́ла ко́ма!

— А, — аджыдэ́рус лэ́ тун алы́пу, — сы́ и́фиры́с на дэ́уйс мин хрэ́юс сун Тырви́ч?

Ты́лага ту кру́й ту алы́пу х́асу гунэ́я т'аджыдэ́рус, ту алы́пу э́дэ́раксын х́асу гунэ́я. Аджыдэ́рус пэ́таксын ти э́фиксын. Го па й́мун а́ти ти фи́ка ти й́рта.

Тырвич (перевод)

У Тырвича было 12 насестов для кур. Повадилась лиса: сегодня берет одну, завтра — другую. Понемногу всех прикончила. Тырвич боится лисицы, злится и говорит:

— Она и меня съест!

Взял и отправился в лавку, берет один фунт патоки, мажет свою щеку ею и ложится. Собрались на нем мухи. «Шарт!» — дал себе пощечину. Убил

40 мух. Теперь опять отправился. Взял свою саблю и отправился. Шел, шел, много ли шел, мало ли шел, смотрит — землянка. Приблизился, стал. Смотрит, — вокруг землянки спят 40 драконов. Смотрит, землянка открыта, внутри никого нет. Вошел туда, положил свою саблю на стол и сверху написал: «Одним махом могу убить 40 человек!» и заснул. Проснулись драконы, приходят и смотрят:

— Э, — говорят, — тихо-тихо, а то он даст нам одну пощечину и убьет нас!

Тихо-тихо на цыпочках уходят. Вот учудили! Все решили назвать его старшим братом.

Утром встали драконы: «Брат туда, брат сюда!» — все. Тырвича они все уважают. Всё, что скажет он им, всё делают. Идут по очереди за дровами, за водой. От первого начинают до сорокового. И его ставят на очередь. Вот идет сороковой, а он [Тырвич] должен идти сорок первым за дровами. Взял он длинную веревку, взял топор, пошел в лес, рубит и рубит дрова. Ждут драконы, уже смеркалось, а брата их все нет. Посылают одного из них:

— Иди за братом, в чем дело, может что случилось?

Как увидел тот дракона, машет ему:

— Вернись!

А этот идет, идет и подходит:

— Что ты не подпускаешь меня близко?

— Не пушу! От моего отца и матери остался нам лес. Вырубить бы его и потащить к землянке нашей, было бы чем топить! Так нет же, еще и брат их старший должен соблюдать очередь!

Он много говорил, а дракон молчит. Взял топор, быстро нарубил дров, собрал их и связал.

— Садись и ты сверху, пойдем!

— Нет, я еще порублю!

Долго упрашивал его дракон, не хотел он садиться. Ну, потом согласился, сел на него, идут. Абун-тубун, — спешит, идет дракон. «Тише, ветки ломаются!», а сам чуть не падает сверху.

Пришли домой, слез он оттуда. Как крикнет на дракона:

— Мать и отец оставили мне лес! Взяли бы да вырубili его! Так нет же, еще и старший брат их должен идти в очередь!

Идут они по очереди за водой. Подходит и очередь старшего брата. Берет он бурдюк из воловьей шкуры и отправляется. Пока он дошел до источника, устал, запыхался. Положил бурдюк, сел передохнуть и думает, что ему теперь делать? Берет надувает бурдюк. Сильно напрягся, но надул его. Берет его и идет. Когда он подошел уже к землянке, садится, надавливает и выпускает воздух из бурдюка. Драконы смотрят и говорят:

— Ну вот, нашли человека, послали сходить за водой! Он захотел пить и все выдул! А ну кто-нибудь, бери бурдюк и отправляйся за водой!

Опять идут они по очереди за водой. Опять подходит очередь старшего брата. Но тот, когда отправился отсюда, взял с собой лопату. Сел, думал, думал и говорит:

— Нет, так дела не будет!

Вскапывает вокруг источника все. А дома его ждут-ждут, захотели пить, умирают от жажды, воды нет. Говорят тридцать девятому:

— Иди-ка за водой! Брата нет, умираем, иди за ним!

Показался дракон. Тыврвич снимает шапку, машет ему, чтоб тот не приближался:

— Я и сам справлюсь как-нибудь!

Тот его просит:

— Давай подойду!

— Не подходи, говорю тебе!

Долго упрашивал его, потом подпустил его близко. Когда подошел к нему дракон, Тыврвич как закричит на него:

— Сукины сыны! От отца и матери получил я источник! Взять бы и провести его в наяд [сени]: пей и пей воду.

Дракон молчит, а потом и говорит:

— Брат, я наполню бурдюк и пойдем!

— Ну ладно, пусть будет так.

Наполнил тот бурдюк водой:

— Садись и ты сверху!

Сел Тыврвич на бурдюк. Дракон спешит и идет — абун-тубун!

— Тише-тише! Разольется! — говорит он, а сам чуть не падает оттуда.

Пришли домой. Спрыгнул с бурдюка старший брат, как крикнет на них:

— От отца и матери остался нам источник! Перенести бы его в сени и бери оттуда воду! Так нет, еще и старший брат должен ходить за водой!

Драконы замучились с ним. Ночью, когда он заснул, они советуются, что с ним делать:

— Он убьет нас!

А тот слушает, но они не знают этого. Решают вскипятить сорокалитровый чугун воды, облить его и ошпарить. Смеркалось. Они вскипятели чугун. А он ведь узнал, берет и кладет в свою постель кусок дерева, накрывает его своим тулупом, а сам спрятался за печку. Прошла уже полночь. Потихоньку открывают дверь эти [драконы], прислушиваются — тишина. Приносят воду, выливают на него. А сами легли отдыхать. Утром встали, открывают дверь потихоньку, смотрят, жив ли он или нет. Когда они вылили воду, он от пара чуть не задохнулся. Вытаскивает то дерево в сени, ложится в постель, как ни в чем ни бывало. Открыли они дверь, смотрят, а он закричал на них:

— Что смотрите?

Бросились и удрали те. Встал он, умылся, поел, вышел во двор, заложил руки в боки и смотрит на землянку.

— Сукины сыны! Землянка сегодня ночью такая была жаркая, вспотел я, весь мокрый! Промок насквозь! Не топите так сильно больше!

Сказал это и вошел в дом.

— Ого! — говорят драконы, — сорокалитровый чугун воды вылили на него, а он только вспотел!

Собрались вечером, опять советуются, что с ним делать. Один дракон говорит:

— У нас есть сорокапудовый молот, стукнем его все по разу и убьем его!

Они говорят это тайно, а Тыврвич слышит. Тыврвич вечером, прежде чем лечь, приносит чурбан в дом, кладет его в постель, накрывает его своим тулупом, а сам прячется за печку. Прошла полночь, тихо-тихо, ничего. Берут те молот, по очереди крадутся, бьют все по разу молотом. Все ударили. Прошло немного времени, все утихомирилось. Он вытаскивает чурбан в сени, ложится в постель и спокойно засыпает. И они спокойно спят. Рассвело. Тыврвич все еще спит. Драконы проснулись рано и говорят:

— Наконец-то убили мы его, или он еще жив?

Открывают они дверь потихонечку и смотрят. А он открывает глаза и спрашивает:

— Что скажете?

— Го-го! — говорят, — он еще жив!

Как узнали, что он еще жив, отошли. Встал он, поел, вышел на улицу, подбоченился и говорит драконам:

— Ребята, наполнилась ночью землянка блохами, лягну, сломаю ее! Надоели они мне!

А они говорят:

— И сорокапудовый молот был блохой для него! Лягнет и ломает! А ну поборемся, посмотрим!

Начали они бороться. Подходит его очередь. Сороковой собирается с ним бороться. Тыврвич еще не подошел к нему, смотрит по сторонам. Дракон спрашивает его:

— Что ты озираешься?

— Ну что, осматриваюсь, брат, куда тебя забросить. Направо брошу — там море, налево брошу — там лес, а вверх брошу — убьешься. Отойди в сторону, я не буду с тобой бороться!

— Хочешь, отвезу тебя на родину? — говорит дракон.

— Ну, — говорит, — отвезешь, вези!

Пошел он, взял свой сундучок, собрал вещи туда, замкнул. Дракон говорит:

— Садись на меня, я тебя быстро довезу!

Сел тот на него, поставил сундучок. Долго ли ехали, мало ли ехали, доехали. Когда подъехали они к воротам, Тырвич прилип к сундучку от дыхания дракона. Сошел он, вошли в дом. Дракон быстро вернулся, хотел удирать. Но вышел во двор, а навстречу ему лиса:

— Где ты был, дракон?

— Привез Тырвича домой! — говорит.

— Тырвича?

— Да, Тырвича!

— Гм, его ли бояться! Бери мой хвост и пошли. Увидит он меня и лопнет от злости.

— Э, пошли так пошли.

Схватил он ее за хвост, идут. Повернули во двор Тырвича. Дракон держит лису за хвост и идут они. Тырвич как увидел их, думает: «Что сказать? Что сказать? Что сказать?» Они открыли наружную дверь, а он открывает внутреннюю дверь. Тырвич говорит лисе:

— Сука! Только одного мне привела, а должна мне еще 39.

— А, — говорит дракон лисе, — ты привела меня отдать долг Тырвичу!

Как стукнет лису об стенку дракон, лиса так и прилипла к стене. А дракон удрал.

И я там был и ушел.

Рассказал Джарты Петр Ильич, 58 лет

Хызганчыс ти ту аджэл

Ис йтун айтку хызганчыс, каньина-па тыпус-па т'эдъуйн. Мйя дъайн айтку поному — Тэндому. Тос атърапус рутав ту:

— Тис исун сы?

То —па лэ: Го ймун Тэндymas!

— Тэндому на исун, сыр! Го ас ты сэна дъэ фувумин!

Анда дъайн то, атбона тун атърапу докин пану-т Тэндymas! Тос экайн футья ти пйрын ту на тей ту Тэндыма. Тэндymas сыковин кэйн апү пэсу ти дъайн. Истэра пай Псыхус. Атърапус рутá тун:

— Тис исун сы?

То —па лэ: Го ймун Псыхус!

— Сыр, го сэна дъэ фувумин!

То анда дъайн, паса тона катывэн эна Трумара. Тос катэйн пйсу бой, далэв ти далэв. Псыхус лэ:

— Тос на фуртиз мин!

Кэйн ти дъайн ту Псыхус. Истэра пай эна атърапус тялу.

— Тис исун сы?

— Го ймун Аджэл! Айда, дъугу сын эна прóвату! Айда, ас дъьихну сын, тыхадар эшыс на зыс кома!

Тос дъайн дама-т. Анда йныксын ту шкаф-ит, — ати стькундын псумия, кумата кушайдыа ти пшыдыа.

— Ау́ту ты́ эн?

— Ау́та эн пшэ́ис!

— Я тукóм пú эн?

— Ау́ту эн тукóс ту псуми́, тэ́ка пшырымэ́ну!

— О, пóса ко́ма э́ху на зу!

Пйрын ту прóвату ти дъайн.

Скупой и смерть (перевод)

Один человек был такой скупой, никому ничего не давал. Однажды шла такая болезнь — Колики. Тот человек спрашивает ее:

— Ты кто?

А она говорит:

— Я — Колики!

— Если ты Колики, иди! Я не боюсь тебя!

Когда она ушла, на того человека напали колики. Он разжег огонь и сжег колики. Колики вышли из него и ушли. Потом идет Малярия. Человек спрашивает ее:

— Ты кто?

А она отвечает:

— Я — Малярия!

— Иди, я тебя не боюсь!

Когда Малярия ушла, на него напала лихорадка. Он влез в реку, ныряет и ныряет. Малярия говорит:

— Он меня утопит!

Вышла и ушла Малярия. Потом идет еще один человек.

— Кто ты?

— Я — Смерть! Пошли, дам тебе барана! Пошли, покажу тебе, сколько тебе еще жить!

Он пошел с ней. Когда открыла она свой шкаф, — там стоят хлебы, куски горбушек и крошки.

— Это что такое?

— Это души!

— А моя где?

— Вот твой хлеб, только начатый!

— О, сколько мне еще жить!

Забрал барана и ушел.

Рассказала Дурбой Екатерина Савельевна, 70 лет

Аршы-Гарып

Бир замán да вáрыды, бир замán да йóхыды, éна манáка йшын éна пидьы́ ти éна куры́ц. Ту пидьы́ц-тыс йлыган ту Аршы́-Гары́п. Итун канá ифтá-ухтó хурну́. Ту куры́ц-тыс йтун канá пéнды хурну́. Илыган ту Нáста. Тын зышкан ац гары́пка, ас та гары́пус па гары́пка. Барыштрайсын ту Аршы́-Гары́п на джаéв кузмуку́ хáжа. Хáжа па на джаéв дьэ́н пуры́, укна́, хан та хáжа. Тимундун ти пэмикшын. Стуротиры́ сурэфкандан су хуры́-тун ярмалы́х. Ту спитун па йтун макрá ас ту ярмалы́х. Манáка дьáйн са чаты́рья. Дьáйн хус-тын пис éна чалáш, пу псынышкан чырчы́рья, паракáлсын тун сурбаджы́:

— Джáнум, паракáлу сын, éпар тун Аршы́-Гары́пка, ас кам, канá пята́к дьэ́йтын тун!

Тос па лэ тын: Я пú эн Аршы́-Гары́пкас?

Манáка лэ: Атун!

Лáлсан тун Аршы́-Гары́пка пэсу, дранá пáну-т сурбаджы́с, — фурымэ́-нус тóтус мин ту гуны́ца, мин ту цымбиту́цку ту капасы́ц, мин та чарухá, калá бмурфа дылигмэ́на та кусылэ́дья-т. Сурбаджы́с йды́н тун, бидéныс тун.

— Пэру тун, калó пидьы́ц эн!

Пы́рын тун; кам дьулы́я пýсу тóту чалáш, пу псы́нун чырчы́рья. Экамин тумбу́рно ос ту врадьы́ дьулы́я; йфирын нырó, пú пýлыган тун, дьáйнын. Туврадьы́ дьáйн спит. Сурбаджы́с дьóкин тун капы́к. Иртын спит, лэ тын мана́-т: А, мана́, йфира сын éна капы́к!

Мана́-т хáрин ти фанда́стын. Та псавры́т тумбу́рно сыку́тын, пал пай су дьулы́я су сурбаджы́-т. Ос ту врадьы́ кувалы́ пал нырó, кам дьулы́я. Туврадьы́ н'эркытын спитун, сурбаджы́с вгал дьэ́й тун тры́я капы́тя. Эркытын спитун.

— Мана́, ма, йфира сын тры́я капы́тя т'яла!

Тумбу́рно сыку́тын, пал пай су дьулы́я. Сурэфтан пис а́ту трахты́р áлях пулá тиманы́джы́тъ, чалэ́вун ти хунушэ́вун — тумбу́рно ос ту врадьы́. Туврадьы́ тун Аршы́-Гары́п дьэ́н тун пилы́гун тун на пай. Ос т'аргóс клóбстын тóтус, булдурайсын, ксэ́йн на дьáйнын спитун. Сон хас éна убадьы́ца, ны́стаксын, ка́цын тимийн ти пэмин. Мýя тя́лу т'ен хулы́з тун Ай Йóрыс:

— Аршы́-Гары́п, Аршы́-Гары́п, сы́ку!

Сыкóйн Аршы́-Гары́пис, дранá, — сымá-т сты́китын Ай Йóрыс, лэ тун: Аршы́-Гары́п, го йфира сын тиманэ́, ма́ чáлыпсы!

Ту тиманэ́ йтун éна тупу́з тая́х, пáну травымэ́на стру́ныс. Пы́рын ту ти пшы́рсын чáлыпсын. Ай Йóрыс лэ тун:

— Айда́, чалэ́вис тун кóзму!

Ййрсын, йфирын тун пýсу хунушмá. Пшы́рсын чáлыпсын, улну́-тун па пáцын. Атын лóгу-лóгу фýикан та капáша ти та тиманэ́йды́а —тун па ти э́фиган. Чáлыпсын бспу тимийн ти пэмин плóгут па Аршы́-Гары́пис. Та псавры́т

ты мэра ту ярмалы́х дагылэфкандун, та чаты́рья дагытрайсан та. А́ту сурбаджы́с, ты́на йшын ту трахты́р па, на кучэ́в на пай су шы́ер áлу. Лэ тун Аршы́-Гары́п: Айда́ дама́-м!

— Пú на пáгу, — лэ, — гáка, го ты́пус-па т'эху, капы́тя т'эху! Тос па лэ тун: Пул ту спит-ыс ти та э́шыс та капы́тя, кам éна максы́ц ти джунáй éла апы́су-м!

— Фóнды ац лэс, барó, ац на кáгу, — лэ тóтус па.

Трахты́ршыкыс кóчыпсын дьáйн. Тымáхтын Аршы́-Гары́пис па, джунáй-сын апы́су-т. Пúлсын ту спит-ыт, агóрасын éна максы́ц, э́валин тын мана́-т ти адьыры́ф-т, та шэ́ята па пáну. Тос йтун áлу канá дьэ́катэсы́ра-дьякaпéнды хурну́, амá эн муку́цкус кóма; та фурсы́йис дьэ́н миталáз, ту капáс-ит па ти ту гуны́ца-т кóма тó фуры́н ту. Эзыксын та вóйды́а-т, пья́кын сту кузбáш, э́валын ту ставрó ти джунáйсын. Дьáган éна мэра, дьáган éна мэру тя́лу, ксэ́йн айтку мэ́ра бура́н, — катэ́васын тус пис éна чуллóк. Нэ́ эмбу́ру, нэ́ пýсу, пандупа хаячы́х. Стайн, тувáрыпсын та вóйды́а-т, э́писан акáту. Мана́-т ти адьыры́ф-т тимйган ти пэмáн, тос на тимáтын дьэ́н пуры́. Аршы́-Гары́пис на тимáтын дьэ́н пуры́, дранá — макрá фэ́нытын éна фузы́ц. Лэ тын мана́-т ти тын адьыры́ф-т: Ова́, фэ́нытын éна фузы́ц, го на пáгу атí на драну́!

Мана́-т па лэ: Вай балá-м, пú на пайс? Сы атí на пайс, ти йыры́зыс áлу!

Мана́-т клэ, ти пилы́ тун. Атóс лэ: Ты тэ́ ны́шкунин па, на пáгу!

Пэр ту тиманэ́-т, вал ту ставрó, джуны́з ти лэ: Ты́ кам мин хысмéт, -атó!

Дьáйн тос пулá, дьáйн лóгу, дьáйн сон с'атó ту фузы́ц. Анда́ сон сымá, дранá — éна микрó спиты́ц, апэ́су фос тей́тын. Анда́ дранá пэсу, ай хунушэ́-вун. Тóтус травсын ту смычóк-ит мýя пас тиманэ́-т. Анда́ гры́ксын ту тиманэ́ ту дау́ш Ай Йóрыс, вгэн óксу, аргóнсын тун Аршы́-Гары́п ту тиманэ́ ту дау́ш.

— Аршы́-Гары́п, сы́ йсун?

— Го ймун, — лэ, — Ай Йóры, гó ймун!

— Ты́ ирэ́вис адьó?

— Ты́ на ирэ́ву, Ай Йóры? — лэ тóтус, — мис, — го, мана́-м ти адьыры́-фй-м, мин ту макс кучэ́вум су айтку ти айтку ту шы́ер ти катэ́вам пис éна айтку чуллóк, на вгэ́нум дьэ́н пурóм, — лэ Аршы́-Гары́пис какá хасы́вэ-ты́тъка. Ай Йóрис лэ тун:

— Аршы́-Гары́п, на мý хасы́вэты́зыс, айда́ пэсу, ты́нус ос ту мбу́рно ка-ны́с па ти ты́ев тус!

Аршы́-Гары́пис дьáй апэ́су, хунушы́псын мин т'áйус ос ту мбу́рно. Ис-тэ́ра йртын су макс-ит, сын мана́-т ти сын адьыры́ф-т, э́зыксын та вóйды́а-т, кóлсын дьáйн су шы́ер, пу на дьáйнын. Э́сусын су шы́еры́ т'áкра; чах с'áкра агóра-сын éна спиты́ц хас тарамá, пу йтун пигáтъ. Ка́цын éна мэра, ка́цын дьы́я мэры́с, бэ́зыпсын Аршы́-Гары́пис. Пэр ту тиманэ́, пшы́ра чалэ́в ас т'áкра ос т'áлу áкра- éна тисá филуры́ сурэ́в. Ап атí клотэ́ эркытын спит- éна тисá тя́лу. Сы́муру па áцка, áвры па áцка, ты́нал анда́ пай, пирна́ хáсу пат-

шах ту юрт. Патшах кор тылага грыксын, тос тылага чалэв, лэ тын марья-тун: Авры на пирна индирмус, лалыс тун спит!

Та псаврыт тумбурно пал эркытын Аршы-Гарыпис. Ксэйн патшах кор марья эмбру-т, лэ тун: Аршы-Гарып, Аршы-Гарып, айда, патшах кор лалсы сын!

Аршы-Гарыпис лэ: Ты, щылы на кам мин сун порта-тыс? Пэрасын дьайн исакату. Иртын марья, лэ тын патшахына:

— Тос ипин: ты, щылы на камун тун хасун порта?

— Авры на пира, стыксы тун ты тя н'эн па!

Та псаврыт пал пай Аршы-Гарыпис. Марья пал вгэн эмбру-т.

— Аршы-Гарып, Аршы-Гарып, айда, патшах кор лалсын сын кома псэс, ты пимэн хадыр-тыс истэра!

Стыгны тун Аршы-Гарып, пэр тун ти пай пис ту бахча-тун. Эвалын тун скамны, кацын тос.

— Ама го лалу тын! — лэ ты.

Аршы-Гарыпис анда ти чалывин, тимийн. Патшах кор бспу форсын ти малыхтын, тос тимийн ти пэмин, ама старапудыц. Патшах кор хыйипсын тун ти фикин тун на тиматын, ац галтицка тимундун. Гнефсын Аршы-Гарыпис — каныс па т'ен, пэр ту тиманэ-т, фин ти пай. Та псаврыт тын мэра пал пай. Сон хасу патшах ту юрт. Патшах кор лэ тын марья-тыс:

— Сыр фэр тун, го филэгу!

Ты дьайн, мин ту зор стыгны тун: Аршы-Гарып, Аршы-Гарып, айда, ты филэйсын сэна!

Пирын тун ти дьайн су бахча. Ты эдрамин дьайн ати, ифырын тын патшах кор. Иртын сымат: Кали мэрас, Аршы-Гарып!

— Калус йртыс! Ты лалсыс мин? Ты, щылы на кайс мин сун порта-с? — (Ти ййла)

— Йох, Аршы-Гарып, го щылы ты на кагу сын, го ирэву на пэру сын!

— Тылага на пэрыс мин? — лэ тос, — го эху мана ти адьрыфи, мис зум ац гарыпка ти на нышкунин патшах гамброс? Йох, дэем пурү!

Аты лэ тун: Го на пэру сын, Аршы-Гарып! Ты тьян кагу сын па, на пэру сын!

Фонды ацкас лэс, го пилыгу тын мана-м, шындышэн мин тун тата-с, го лэгу сын, ты на камис.

Туврадэы йртын Аршы-Гарыпис спитун, лэ тын мана-т:

— На пайс пукрушарса сун патшах, мана!

Мана-т па лэ тун: Эндэ, сы балам, цансыс, го на фурэну па т'эху!

— Тыпус т'ен, фор та эшыс, ти сыр!

Фурэн мана-т, пай су патшах. Вгэнун эмбру-тыс патшахыс, патшахына, пэрун тын, пагун апэсу, катгызун тын пану марья, кагун лахарды, тээлун на тус арундязун. Истэра лугу йртын Аршы-Гарыпис па. Лалун тус апэсу. Аршы-Гарыпис лэ ац:

— Го арундяхкунин, ама дугкун на кагу ифта хронус истэра, на хазанэву пула филурья ти истэра на нышкунин патшах гамброс, ацкас го дэем пурү.

Аршы-Гарыпис дьркин айтку висият. Индир ифта хронус на ми эрки-тын, ас пандрэв аты.

Иртын спитун Аршы-Гарыпис. Анда тья на джунэйзын, крэмасын ту тиманэ-т писум порта апэсу ти ипин: Каныс н'эркытын на ирэв на чалэв пасу ком ту тиманэ ти на ми вал туком ту оныма, ас ксыронун та шэра-т! Индирмус на лэ: Я ту Аршы-Гарып ту хадыр тимону эш чара на чалэву пану Ас чалэв! Джунэйсын дьайн Аршы-Гарыпис с'алу ту вилият. Дьайн аты, пьякын эна спит. Тумбурно пшыра чалэв. Ос ту врадэы трыя тисайдэа филурья фэр. Писа дэыя хронус пис эна хурь гомусын эна амбар филурь. Пира с'алу ту хурью, аты пира эна хронус, аты па гумон эна амбар филурь. Ацкас кочыпсын трыя топус. Гомусын трыя амбарья филурья. Катгытын пис ато-ту хурью. Анда арундяхтын ти джунэйсын, тын мин тин патшах кор миталаксан та дьахтылыдэа. Тос пирын тукотыс, аты пирын тукот. Ты валыш-кин тукот ту дьахтылыгыт, тос-тукотыс. Алу пэрасан ифта хроня. Патшах кор митра та мэрыс ти та саця па. Нэ хабар, нэ тубэр. Патшах кор дээн даянэв, фуртон дэыя брычкис филурья, пилы тэсыра нумат, на тун хадрызун, нанденас алу адэо тымэхкытын на пэр алуc патшах тын кор. Пэлсын тус дэаган пис алу ту вилият, пратун хадрызун тун Аршы-Гарып. Алу працан пула хурьята, рутун, — нэ идьян тун, нэ райгьян тун. Катывэнун пис эна тюнурью хурью. Алу та филурья-тун па пса на битэвун. Пратун пису хурью, рутун. Эсусан хас эна спит. Эна купа баладэыча бэзун вэча. Аутус, тына ишын ту дьахтылыгыт-тыс, тына дьайн хадрайзын тун Аршы-Гарып, дьайн тос па аты, сырны ту дьахтылыгыт паса вэча. Ту дьахтылыгыт па ишын тукот т'оныма пану. Лон ту мэга ту пидыц хунэ пэр ту дьахтылыгыт:

— Адэо, гака-м ту дьахтылыгыт! — лэ.

— Я гака-с пү эн? — рута аутус.

— Гака-м эн спит-мас!

— Айда ас пагум спит-кас, мия!

Дэаган спитун, врышкун тун Аршы-Гарып, дэыхнун ту дьахтылыгыт. Понсын кардэыя-т, алу эн аргос, хасын патшах тын кор; лэ та стратуладэус: Ова, т'амбарья гумата, фуртусы-тын филурья ти джунэйсытын, побы соны-гын, тотыс!

Плогут джунэйсын су ялудэы ту шыл. Какэ аджынэфтын, ту пэмин аргос.

— Го ацкас па имун хамэнус, на пагу на фуртихкунин, на ми ту кэрун, пү имун го!

Эдрамин мия, тэарыс каныс пьян тун апэсу. С'алу мия эдрамин тэлу ас та макра, пал пьянун тун апупэсу. Мия тэлу анда эдрамин, апупэсу хунэ пьян тун Ай Йбрыс:

— Ста, Аршы-Гарып, ты кайс?

— Ты на кагу — лэ, — Ай Йбры, имун арундягмэнус, пэмин алу эна мэра, го ти катасону на пагу, т'еш чара туком ту дзулыя кан лугас па!

— Эш чара! — лэ Ай Йбрыс.

Янашыпсын Ай Йбрыс мин ту алу: Кац апэсу, сал та матя-с! Питун ти пагун.

— На пагум, — лэ, — тора на катъысын сы хасу пигать. Ас ту писино-т ту алгы ту бдъар эпар хома. Мана-с ифта хронос клэ, алу тюрлайсын ас ту клапсыму. Сы малый та матя-тыс мин ту тогу хома, ти на драна пал!

Сонун хас пигать. Катэван су мпату, шырьяхтын пирын хома пис чопа-т, катъытын хас пигать. Пула вахт ти перасын, дрэш адърыфи-т су пигать на пер нырб. Иртын хас пигать.

— Калб курыц, т'еш чара на пэфту спит-сас?

Ты па муструмэн, тья на клэ:

— Йох, го на ми руту тын мана-м, дъэн перун сын апэсу!

Пирын нырб, дъайн апэсу, лэ тын мана-тыс:

— Мана, эна стратулэс ирэв на пэфт спит-мас.

— Э балам, сы та кайс та адэтя, дъэн тун перум!

Ты иртын, ипин тун; тос лэ:

— Мия сыр пэ тын мана-с, я ту Аршы-Гарып ту хадыр дъэн пилы мин?

Эдрамин иртын адърыфи-т.

— Мана, тос ипин, я ту Аршы-Гарып ту хадыр т'еш чара на пэфт? Мана-тыс па лэ тын: Вай бала-м, Аршы-Гарып ту хадыр на ипин, ас эркытын!

Иртын апэсу Аршы-Гарыпис, калымэрсын, кацын.

— Ты камис я, манака? — рута тын мана-т, ама ти лэ, тыс эн тос, — та матя-с пунун, ты?

— Я, бала-м, пунун та матя-м. Го па иха эна калб палыкару, ян ты сэна, ти ифта хронос т'ен!

— Мия ма, дъос та матя-с ауту лач!

Дъокин тин мана-т хома, малыйсын та матя-тыс, та матя-тыс саатна ныган сапасах, ти мана-т ипин: Вай бала-м, пу исун бса тора Ас пу эркысын, бала-м, пу пайс Го па ян ты сэна иха эна палыкару, сьмуру эн алу ифта хронос анда дъайн ти эн хабар ти нэ тубэр.

— Го, манака, имун макра, пула вилиятя праца, ирта тора адъб, эху дзулыя. О, сыс тиманэ па эшытын, ты?

— Я, эхум, бала-м, эхум, ты.

— Т'еш чара я ту Аршы-Гарып ту хадыр тимону на перу на чалэву пану?

Мана-т лэ: Вай балам, фонды андипсыс тун Аршы-Гарып, эш чара!

Аршы-Гарыпис пирын ту тиманэ су шэр-ит, травсын ту смычок-ит, копан та струныс. Мана-тыс лэ тын кбр-тыс:

— Настыца, драм сын ингкэ-с, тын эхун айку рама, ас кам пасу Аршы-Гарып ту тиманэ струныс, пэ тын, я ту гака-с ту хадыр, ас дъуй сын!

Наста эдрамин дъайн су ингкэ-тыс. Ингкэ-тыс тымэхкандун, на ишын шынэйис. Лэ тын ингкэ-тыс: Ингкэ, спит-мас эн эна стратулэс, пирын на чалывин пасу гака-м ту тиманэ, копан та струныс-т. Ирта, на дъуйс мин рама, на кагум струныс су гака-м ту тиманэ.

— Я тос стратулэс пу эн? — рута тын Настыца ингкэ-тыс.

— Спит-мас эн, ингкэ, спит-мас!

— Эпар тун ти эла туврадъы са шынэйис, Настыца!

— Калб, н'эркытын, фэру тун!

— Паракал тун, Настыца, ас эркытын я ту Аршы-Гарып ту хадыр, ти я туком ту хадыр тимону! Го филакса тун ифта хронос ти тора на пандрэву, эху шынэйис!

— Калб, ингкэ, эркумас!

Иртын Настыца спитун, ифирын та рамата. Стратулэс экайн пасу тиманэ струныс, травсын ту смычок-ит, пшырсын чалыпсын. Мана-т лэ: Вай бала-м, калб палыкару, пу эматъыс ацкас чалэвиэ Го па иха ян ты сэна палыкару, ти тос па ацкас чалывин! Врадъынын, тымэхтын Настыца, лэ тун стратула:

— Айда ас пагум, калб палыкару, са шынэйис!

Ама тос анда чалыпсын пасу тиманэ истэра, крэмасын ту сун топу-т. Настыца лэ тун: Айда ас пагум са шынэйис!

Тос лэ: Э ты на кагу ати, калб курасэя, го ати дзулыя т'эху!

Пула зурлайсан тун мана ти кор.

— Мандыва, на пагу, тылага на пагу?

— Э тылага на пайс? Эпар ту Аршы-Гарып ту тиманэ ти сыр! Тос па лэ тын: Ац на лэс, манака, я ту Аршы-Гарып ту хадыр тимону пагу.

Тос анда андипсын ту Аршы-Гарып ту бныма, ту гула-тыс юмбйн, эклапсыс: Вай бала-м сы тыхадар андипсыс йо-м, тьярыс ту пидъы-м эн сымá-м!

Ксэван Настыца ти стратулэс, дъаган су патшах ту юрт, са шынэйис. Патшах кор на пандрэв авры, сьмуру эш шынэйис. Панду па та сухаха гумата козмус, лэгун, патшах кор на пандрэв авры. Дъаган, эмбан апэсу, калымэрсан, кацан. Пула тиманэджыт катъандан сыра-сыра. А тун Аршы-Гарып катъсан тун лон с'акра. Пшырсан чалэвун, мисафир па хурэвун. Патшах кор дъодъыка шаршафья пису фурэн ныф. Чалэвун, чалэвун тиманэджыт. Аршы-Гарыпис трава ту смычок-ит ас т'аксаписа-т. Мия-мия клоть ту, айд на чалэв, пал клоть ту смычок-ит ас т'аксаписа-т. Мия, с'алу мия. Третий раз анда эklusин ту смычок-ит, травсын ту, ипин эна Аршы-Гарып ту трагобъ, ту йксырын патшах кор па. Травсын ту мияцка ти стайн, пал эklusын ту смычок-ит. Грыксын ту патшах кор, эдрамин иртын.

— Тыс травсын ту смычок-ит айтку ти айтку авá?

Каныс па ти лалы. Ййрсын дъайн патшах кор, пал фурэн. Пула вахт ти перасын, Аршы-Гарыпис пал клоть ту смычок-ит ти чалэв ауту авá. Дрэш эркытын пал патшах кор.

— Джанум, тыс йтун то?

Каныс па дъэ лалы. Йирыз пай, фурэн аты. Пира лугу вахт, клоть ту смычок-ит ти лэ ту ава ос ту акра. Дрэш эркитын патшах кор.: Тыс эн ауту?

Эна тиманыджыс дьыхны пасу Аршы-Гарып.: Аутус чалывин тоту ава! Эдрамин дъайн сымá-т патшах кор. Ас ту чырай-ит ти аргуныз, ту эн Аршы-Гарыпис. Та фурсия-т, та фбрнын, ту гуныца-т, ту капасыц-ит ту цымбитуцку, бла па йтан, эмбру тылага йтан. Айку мукуцкус, тылугус йтун. Патшах кор анда аргонсын тун, ангкалсын тун, филсын тун: Вай Аршы-Гарып, сы йсун! — йпин тун.

— Я, — лэ, — го ймун! Го ймун, амá пэма аргос! — лэ Аршы-Гарыпис. А патшах кор лэ: Йо, дъэн пэмис аргос, халыс тамам су вахт йртыс!

Грыка та тюнурью гамброс, ту тья на пэрышкын патшах тын кор, эрки-тын сымá-тун, лэ тын патшах тын кор: Я тора ты нунызыс, то тыхадар арджа экага, тымахта на кайшка дугкун ти тора на пэрыс тун Аршы-Гарып?

Аршы-Гарыпис лэ тун гамбрó: Фонды йсун кака тымагмэнус, эпар тын адьрыфи-м, тын Настыца! Кагум энатопу дугкуня, филурья эхум пула, сбнун су дугкун на кагум, блу ту вилият па на пин. Ухто макша фуртумэна филурья эркундын.

Грыка та аута лахардэйис патшахыс ти патшахына, эркундын сымá-тун: Ты эн адьó, мис тыпус па дъэн ксэрум?

Лэ тун патшах ти тын патшахына: Сы йсун тата-м, сы йсун мана-м. Го анда арундяхта, йпа тун Аршы-Гарып на филáгу тун ифта хрбнус, тос т'й-тун, го на пэрышка тун аутуна, ну тора фонды йртын Аршы-Гарыпис, го на пэру тун тона!

Тата-тыс ти мана-тыс лэгун тын: Ты на лэгун сын, бала-м, дзулыя тукос! Я тос тора ты на кам — рута патшахыс.

Аршы-Гарыпис лэ: Го лэгу тун, эпар тын адьрыфи-м, та арджа-с бла па траву. Та эркундын ухто макша филурья, кагум дья дугкуня, та сбнун мас!

Пилыгун лалун тин мана-т, лалун тын Настыца аты, рутун тын:

— Настыца, пэрыс тун аутун палыкару?

— Э мандыя, мия мана-м па ты лэ Мулусын тун просупус-тыс ти эфиксын. Ти пэрасын пула вахт, дъаган йфиран тын. Анда дъаган йфиран, ты ас ту хара-тыс клэйшкын. Патшахыс ти Аршы-Гарыпис рутун тын Настыца: Пэрыс тун аутун палыкару, сом дъэн тун пэрыс?

— На лэтын мин, эпар тун, пэру тун!

Ныйн Настыца хаййлса, арондясан тус тоту врадья; пшырсан та дья дугкуня энатопу. Тымахтан, тумбурно пшырсан та дугкуня. Эна дьумадья хунушывин блу ту шыер па. Итан мисафирья ас та бла та вилията па. Анда битыпсын ту дугкун истэра, Аршы-Гарыпис пырын ту тиманэ-т, ксэйн пасу трапэз, эвгалын тун аплогу-т ту траготь ти чалыпсын ту. Анда чалыпсын ту Аршы-Гарыпис ту трагодь-ит, аглатрайсын блу тя дуня па.

Го па ймун аты, пула хунушыпса. Аршы-Гарыпис ти патшахыс лэгун:

— Ты тэлис сы ас ты мас?

Дьóка мин эна алгу тирьтку, ту радь-ит кашытку; каца пáну, пáгу спит. Хумшава-мас пэтаксын та сахтарья-тун мин та цылыдыа пису страта. Дьóка пэса сахтарья ти пэса цылыдыа. Пьякын т'алгы ту рать. Лыйн т'алгу, — дьóка кáту. Ирта су спит-им.

Го па ймун ати, ти фика ти йрта.

Арши-Гарип (перевод)

Было ль, не было, у одной старушки были сын и дочь. Сына звали Арши-Гарип. Ему было лет 7–8. А дочери было лет 5. Звали ее Настя. Они жили так бедно, из беднейших самые бедные были. Нанялся Арши-Гарип пасти чужих гусей. И гусей не может пасти, ленится, теряет гусей, засыпает.

Осенью собиралась в их селе ярмарка. А их дом был далеко от ярмарки. Старуха пошла к палаткам. Пошла, вошла в одну палатку, где жарили чебуреки, попросила хозяйина:

— Пожалуйста, прошу тебя, возьми Арши-Гарипа, пусть работает, кой-какой пятак дадите ему!

А он говорит ей:

— А где Арши-Гарип?

Старуха говорит:

— Вот он!

Позвали Арши-Гарипа. Смотрит на него хозяин, а тот одет в тулупчик, в остроконечной шапочке, в онучах, красиво обвязанных ремешками. Хозяин увидел его. Понравился тот ему:

— Возьму его, хороший мальчик!

Взял его. Работает он в той палатке, где жарят чебуреки. Проработал он с утра до вечера, принес воды, куда посылали, туда и шел. Вечером пошел он домой. Хозяин дал ему копейку. Пришел он домой и говорит матери:

— Вот, мама, принес тебе копейку!

А мать обрадовалась очень.

На следующее утро встает он, опять идет на работу к хозяину своему. Аж до вечера носит воду опять, работает. Когда вечером идти домой, хозяин вытаскивает и дает ему три копейки. Приходит он домой:

— Мама, на, принес тебе три копейки еще!

Утром встает, опять идет на работу он.

Собралось в этом трактире много скрипачей, играют и пируют с утра до вечера. Вечером Арши-Гарипа не отпускают домой. Допоздна крутился он, устал, вышел идти домой. Доходит он к одному холмику, захотел спать, сел и заснул. Вдруг кличет его святой Георгий:

— Арши-Гарип, Арши-Гарип, вставай!

Встал Арши-Гарип, — смотрит — рядом с ним стоит святой Георгий и говорит ему:

— Арши-Гарип, я принес тебе скрипку, на, играй!

Скрипка была сделана из одной деревяшки, а сверху натянуты струны. Взял он ее и сразу начал играть. Святой Георгий говорит:

— Пошли, поиграем людям!

Вернулись, привел его [Георгий] на пир. Начал он играть и всех победил. А те понемногу оставили свои шапки и скрипки и удрали. Арши-Гарип играл, пока не заснул сам. На следующий день ярмарка закрылась. Палатки разобрали. А хозяин, у которого был трактир, тоже перебирается в другой город. Говорит он Арши-Гарипу:

— Пошли со мной!

— Куда я пойду? — говорит, — брат, у меня ничего нет, денег нет!

А тот и говорит ему:

— Продай дом и на эти деньги купи воз и отправляйся за мной!

— Коли так говоришь, верно, так и сделаю! — говорит Арши-Гарип.

Трактирщик уехал. Собрался и Арши-Шарип и поехал за ним. Продал дом, купил воз и отправился. Запряг возок, положил туда вещи, сверху посадил свою мать и сестру. Ему было уже лет 14–15, но он еще маленький, одежду не сменил, и шапку, и тулуп тот же носит.

Запряг волов, перекрестился и отправился.

Едут они день, едут два. Поднялась такая большая буря, принесла их в одно ущелье — и впереди, и позади, и кругом — скалы. Остановился он, распряг волов, легли они спать. Мать и сестра заснули, а он не может спать. Арши-Гарип не может спать, смотрит: вдали виднеется огонек. Говорит он матери и сестре:

— Вон светится огонек, пойду туда, посмотрю.

А мать говорит ему:

— Ой, дитя, куда ты пойдешь? Пойдешь туда, уже не вернешься!

Мать плачет, не пускает его. А он говорит:

— Что бы ни было, пойду!

Берет скрипку, крестится и говорит:

— Чему быть, того не миновать!

Шел он долго ли, мало ли шел, дошел он к тому огоньку. Когда подошел, смотрит — маленький домик, внутри огонь светится. Смотрит туда, а там святые пируют. Он провел смычком раз по скрипке. Когда услышал звук скрипки святой Георгий, выходит, узнал звук скрипки Арши-Гарипа.

— Арши-Гарип, это ты?

— Я, — говорит, — святой Георгий, это я!

— Что тебе здесь надо?

— Вот что мне надо, святой Георгий, — говорит он, — мы с матерью и сестрой на возу переезжаем, в такой-то и такой-то город и попали в такое ущелье, что не можем выйти, — говорит Арши-Гарип очень озабоченно.

Святой Георгий говорит ему:

— Арши-Гарип, не кручинься, войди сюда, а их никто не тронет до утра!

Арши-Гарип вошел туда, попиrowал со святыми до утра. Потом пришел к своему возу, к матери и сестре, запряг волов, погнал их в город, куда направлялся. Доехал до городской окраины. На самом краю купил домик возле балки, где был источник. Сидит один день, сидит два, соскучился Арши-Гарип. Берет он скрипку, начинает играть, [ходит] от одного конца города до другого. Собирает целый кошелек золота. Оттуда возвращается домой — еще один кошелек [собрал]. Сегодня так и завтра так. Послезавтра он проходит мимо царского двора. Когда царевна услышала, как он играет, говорит служанке:

— Если он завтра будет проходить, позовешь его сюда!

На следующее утро опять идет Арши-Гарип. Вышла служанка царевны ему навстречу и говорит:

— Арши-Гарип, Арши-Гарип, идем, тебя царевна зовет!

Арши-Гарип говорит:

— Что, она хочет сделать меня сторожевым псом?

И прошел мимо. Пришла служанка, говорит царевне:

— Он сказал: «Что, она хочет сделать меня сторожевым псом?»

— Завтра будет проходить, останови его обязательно!

На следующий день опять идет Арши-Гарип. Служанка опять выходит ему навстречу:

— Арши-Гарип, Арши-Гарип, пошли, царевна позвала тебя еще вчера, а то она обидится!

Останавливает Арши-Гарипа, берет и ведет его в сад. Дала ему скамейку, посадила.

— Сейчас я ее позову.

Арши-Гарип без дела заснул. Царевна пока одевалась и красилась, он заснул на скамейке, как воробушек. Царевна пожалела его и оставила его спать — так он сладко спал. Проснулся Арши-Гарип, — никого нет, берет скрипку и уходит.

На следующий день опять он идет. Доходит до царского двора. Царевна говорит служанке:

— Иди приведи его, я жду!

Та пошла, еле остановила его:

— Арши-Гарип, Арши-Гарип, идем, она ждет тебя!

Взяла и повела его в сад. Побежала, привела царевну. Подошла она к нему:

— Здравствуй, Арши-Гарип!

— Здравствуй! Что ты меня звала? Хочешь сделать из меня сторожевого пса? — и смеется.

— Нет, Арши-Гарип, — я не сделаю этого, я хочу выйти за тебя!

— Как же ты выйдешь за меня? — говорит он, — у меня мать и сестра, мы живем так бедно, а я стану зятем царя? Нет, не могу!

Она говорит ему:

— Я выйду за тебя, Арши-Гарип! Что бы то ни было, выйду!

— Коли так говоришь, я пошлю мать поговорить с твоим отцом. Я скажу, что тебе делать!

Вечером пришел Арши-Гарип домой, говорит матери:

— Пойдешь свахой к царю, мать!

А мать говорит ему:

— Что ты, дитя, сдурел? У меня и надеть нечего!

— Ничего, надень что есть и иди!

Оделась мать, идет к царю. Выходят ей навстречу царь и царица. Вводят ее во дворец, сажают ее на почетное место, советуются, хотят их засватать. Немного позже пришел и Арши-Гарип. Приглашают их. Арши-Гарип говорит так:

— Я посватаюсь, но свадьбу сыграем через 7 лет. Заработаю много денег и тогда стану царским зятем, а иначе я не могу!

Арши-Гарип дал такое обещание: если через 7 лет он не вернется, пусть она выходит замуж. Вернулся домой Арши-Гарип. Когда он должен был отправиться, повесил свою скрипку за дверь и сказал:

— Если кто придет и захочет играть на моей скрипке и не назовет моего имени, пусть отсохнут его руки! А если скажет: «Ради Арши-Гарипа, можно мне сыграть?» — пусть играет!

Отправился Арши-Гарип в другую страну. Пошел туда, нанял один дом. Утром начинает играть, до вечера три кошелька золотых приносит. За два года в одном селе наполнил один амбар золота. Переходит в другое село. Там проходит год, и там наполняет один амбар золотом. Так переехал в три места. Наполнил три амбара золотом. Живет в том селе.

Когда он посватался к царевне и уехал, они обменялись кольцами. Он взял ее кольцо, она — его. Она носила его кольцо, он — ее. Уже прошло 7 лет. Царевна считает дни и часы. Ни слуху, ни духу. Не утерпела царевна, нагружает две брички золотом, посылает четырех человек искать его, здесь собирается жениться на ней другой [человек]. Послала их в другую страну. Ходят, ищут Арши-Гарипа. Уже обошли много сел, спрашивают — видеть не видели, слыхом не слыхали. Попадают они в новое село. Уже и золото у них скоро кончается. Ходят они по селу. Подошли к одному дому. Там куча ребят — играют в бабки. Тот [посланец], у которого было кольцо, кото-

рый искал Арши-Гарипа, подошел туда, бросает кольцо на бабки. А на кольцо было имя Арши-Гарипа. Самый старший мальчик схватил кольцо:

— Это кольцо моего брата! — говорит.

— А где твой брат? — спрашивает его тот [человек].

— Брат мой дома!

— А ну-ка пошли к вам домой!

Пошли они домой, находят Арши-Гарипа, показывают ему кольцо. Заболело у него сердце. Уже поздно ему возвращаться к царевне, говорит гонцам ее:

— Вот амбары полны, нагружайте золото и отправляйтесь, когда доберетесь туда, тогда и будет!

А сам отправился к морской косе. Очень огорчился, что опоздал:

— Я и так пропащий, пойду утоплюсь, пусть не знают, где я!

Разбежался раз — как будто кто-то держит его сзади. Другой раз разбежался еще дальше, опять его держат сзади. Третий раз когда разбежался, сзади хватает его святой Георгий:

— Стой, Арши-Гарип, что ты делаешь?

— Что мне делать, — говорит, — святой Георгий? Я обручен, остался у меня один день, я не успею дойти, никак мне не удастся это дело!

— Можно! — говорит святой Георгий.

Подъехал святой Георгий на коне:

— Садись сзади, закрой глаза!

И полетели они.

— Поедем, — говорит, — а теперь посиди у родника. Возьми с заднего копыта коня земли. Мать твоя семь лет плачет, уже ослепла от слез. Ты помажь ей глаза этой землей, и она опять прозреет!

Подъехали к источнику. Сошли на землю. Он набрал горсть земли в карман, сидит у родника. Не прошло много времени, бежит сестра его к источнику набрать воды. Подошла к источнику.

— Милая девушка, нельзя ли мне переночевать у вас?

А она потупилась, вот-вот заплачет:

— Нет, если я не спрошу мать, не возьмем тебя в дом!

Набрала воды, пошла домой, говорит матери:

— Мама, один путник хочет переночевать у нас!

— Э, дитя, что ты делаешь? Не возьмем его!

Она пришла, сказала ему это. А он и говорит:

— А ну, иди, скажи матери, ради Арши-Гарипа не пустит меня?

Прибежала сестра его:

— Мама, он сказал: а ради Арши-Гарипа нельзя ему переночевать?

А мать говорит ей:

— Ой дитя, если он сказал, ради Арши-Гарипа, пусть придет!

Пришел Арши-Гарип, поздоровался, сел.

— Что делаешь, старуха? — спрашивает мать свою, но не говорит, кто он, — глаза у тебя болят, что ли?

— Да, детка, болят глаза. И у меня был добрый молодец, как ты, да вот ушел уже семь лет, как нет его.

— А ну-ка помажь глаза этим лекарством!

Дал матери землю, помазала она свои глаза и сразу прозрела. Мать и говорит:

— Ой, детка, где ты был до сих пор? Откуда идешь, дитя, и куда? И у меня такой, как ты, был сын. Сегодня уже семь лет, как он ушел, и ни слуху, ни духу.

— Я, старуха, был далеко, много стран обошел, пришел теперь сюда, есть у меня дело. О, у вас и скрипка есть!

— Да есть, детка, есть!

— Можно ли ради Арши-Гарипа мне сыграть на ней?

Мать говорит:

— Ой, детка, коли ты вспомнил Арши-Гарипа, можно!

Арши-Гарип взял скрипку в руки, провел смычком, порвались струны. Мать говорит дочери:

— Настенька, беги к тете, у них есть такие нитки, пусть сделает для скрипки Арши-Гарипа струны. Скажи ей, ради брата твоего пусть даст тебе!

Настя побежала к тетке. Тетка собиралась на предсвадебный вечер. Говорит она тетке:

— Тетя, у нас дома один прохожий взялся играть на скрипке брата, порвались струны. Я пришла, чтобы ты дала мне ниток, сделаем струны для скрипки брата.

— А где этот прохожий? — спрашивает Настеньку тетка.

— У нас дома, тетя, дома!

— Возьми его и приходите на вечер, Настенька!

— Хорошо, если придет, приведу его!

— Попроси его, Настенька, пусть придет ради Арши-Гарипа и ради меня! Я ждала его семь лет, а теперь выхожу замуж, у меня предсвадебный вечер.

— Хорошо, тетя, придем!

Пришла Настенька домой, принесла ниток. Путник сделал для скрипки струны. Провел смычком, начал играть. Мать говорит:

— Ой детка, добрый молодец, где ты научился так играть? И у меня был сын, такой как ты, он тоже так играл!

Наступил вечер. Собралась Настенька, говорит путнику:

— Пойдем, добрый молодец, на вечеринку!

А когда он поиграл на скрипке, повесил ее на место. Настенька говорит ему:

— Пойдем на вечеринку!

Он и говорит:

— Ну, что я там буду делать, милая девушка? Мне там нечего делать! Долго уговаривали его мать и дочь.

— Не знаю, как мне идти!

— Ну, как тебе идти? Возьми скрипку Арши-Гарипа и иди!

А он говорит:

— Коли так говоришь, старуха, ради Арши-Гарипа пойду.

Как он вспомнил имя Арши-Гарипа, ком встал у нее в горле, всплакнула:

— Ой детка, сколько раз ты вспомнил моего сына, как будто сын мой рядом!

Вышли Настенька и путник. Пошли во дворец царя на вечер. Завтра царевна выйдет замуж, сегодня — вечеринка. Везде улицы полны народа, говорят, завтра царевна выйдет замуж. Пошли, вошли во дворец, поздоровались, сели. Много скрипачей сидело там рядами. Арши-Гарипа посадили на самом краю. Начали играть, а гости танцуют. Царевна за двенадцатью занавесами наряжается невестой. Играют, играют, играют скрипачи. Арши-Гарип провел смычком наоборот. Иногда поворачивает его, опять наоборот. Раз, другой, третий раз когда перевернул смычок, провел и спел песню Арши-Гарипа, которую знала и царевна. Провел раз и стал, опять повернул смычок. Услыхала царевна, прибежала:

— Кто это играет смычком такую мелодию?

Все молчат. Вернулась царевна, опять одевается. Через некоторое время Арши-Гарип опять поворачивает смычок и играет эту мелодию. Опять прибегает царевна:

— Боже, кто бы это был?

Все молчат. Опять она возвращается одеваться. Проходит некоторое время. Поворачивает смычок и играет мелодию до конца Арши-Гарип. Прибегает царевна:

— Кто это?

Один скрипач показывает на Арши-Гарипа:

— Он играл эту мелодию!

Подбежала к нему царевна. По лицу не узнает, что это Арши-Гарип. Одежда, которую он носил, тулуп, шапочка остроконечная, все, как было раньше на нем. Какой был маленький, такой и есть. Царевна как узнала его, обняла и поцеловала:

— Ой, Арши-Гарип, это ты! — говорит.

— Да, — говорит, — это я, это я, но я опоздал, — говорит Арши-Гарип.

А царевна говорит:

— Нет, не опоздал, как раз вовремя пришел!

Слышит это новый жених, который хотел жениться на царевне, подходит к ним и говорит царевне:

— Что ты думаешь? Я сделал столько расходов, готовился к свадьбе, а ты теперь выходишь за Арши-Гарипа?

Арши-Гарип говорит жениху:

— Если ты так уж сильно приготовился, возьми мою сестру Настеньку в жены! Сыграем вместе две свадьбы. Золота у нас много, хватит на свадьбу! Вся страна пусть пьет! Восемь возов золота едут.

Слышат эти слова царь и царица, подходят к ним:

— Что здесь происходит, а мы ничего не знаем?

Она и говорит царю и царице:

— Ты мой отец, ты — моя мать! Когда меня посватали, я сказала Арши-Гарипу, что буду ждать его семь лет. Его не было, я хотела выйти за другого, а теперь пришел Арши-Гарип, и я выхожу за него!

Мать и отец говорят ей:

— Что нам сказать тебе, детка, твое дело!

— А тот что будет делать? — спрашивает царь.

Арши-Гарип говорит:

— Я ему говорю, возьми мою сестру, все твои расходы я беру на себя. Едут восемь возов золота, сыграем две свадьбы, хватит нам!

Посылают зовут его мать, зовут туда и Настеньку, спрашивают ее:

— Настенька, выйдешь за этого молодца?

— Не знаю, как мать скажет?

Спрятала лицо и убежала. Через некоторое время привели ее. Когда привели ее, она плакала от радости. Царь и Арши-Гарип спрашивают Настеньку:

— Выйдешь за этого молодца или нет?

— Если скажете: выходи, выйду!

Согласилась Настенька. Обручились они в тот же вечер. Начались две свадьбы сразу. Приготовились. Утром начались свадьбы. Целую неделю пировал весь город. Были гости из всех стран. Когда кончилась свадьба, Арши-Гарип взял свою скрипку, стал на стол, сочинил свою песню и сыграл. Как спел свою песню Арши-Гарип, заплакал весь свет.

И я там был, и много пил. Арши-Гарип и царь спрашивают меня:

— Чего ты хочешь от нас?

Дали мне коня из сыра, хвост конопляный. Сел я на него, еду домой. Соседка наша бросила золу с углями на дорогу. Попал я в золу и в угли. Загорелся конский хвост, растаял конь. Я свалился, пришел домой.

И я там был и ушел.

Рассказал Джарты Петр Ильич, 58 лет

Парамить

Бир замán да вáрыды, бир замán да йбхыды, эна пáпус ти эна манáка íхан эна пидьы́. Пэрасын эна вахт, пáпус пэтьанын. Тын Зы́шкан гары́пка. Мугáлнын ту пидьы́, ныйн дьыкапéнды хурну́, мана-т лэ тун: Ту пидьы́-м, барó áлу мугáльныс. Мис т'эхум ты́пус-па, ма́ кáто гкуму́ша, сыр су ярмáлых, эпар эна фтял прáма!

Дьóкын тун кáто гкуму́ша. Тос джунáйсын дьáйн су ярмáлых. Эвгын су тугáй, — эна купáть балáйдьа на скутóнун ту шылы́. Тутус дьáйн хáса тáта балáйдьа ти лэ тус: О, пидьы́ча, го дьúгу сас кáто гкуму́ша, на мý ту скутóнытын ту шылы́!

Дьóкын тус кáто гкуму́ша, пýрын ту шылы́, йртын спítун; мана-т хайýл т'экамин ту.

Пэрасын эна вахт, пал манáка лэ тун: Йох, ту пидьы́-м, ма́ кáто гкуму́ша тýлу ти фэр канá фтял прáма!

Пýрын тос кáто гкуму́ша, джунáйсын. Эсусын су тугáй. Эна купáть балáйдьа на скутóнун эна кáта. Тос дьáйн хáса тáта балáйдьа, лэ тус: Калá пидьы́ча, на мý скунóнытын ту кáта, го агурáзу ту!

— Я пóса на дьúйс мас?

— Кáто гкуму́ша!

Дьóкын тус кáто гкуму́ша, пýрын ту кáта ти йртын. Мана-т хайýл т'экайн.: Э балá-м, барó, на грыкáс мин! Барó, сурбаджылы́х на íхам, тóтыс кáта па йты́лам, амá на эхум, барó, канá фтял прáма!

Пэрасын эна вахт тýлу. Ауту пóну зурмóсын ту манáка, пал дьóкын тун кáто гкуму́ша: Сыр эпар ты́путы!

Пýрын тос кáто гкуму́ша, дьáйн ксэйн пýсу джап, пýса хаячýха. Атí эна купáть балáйдьа на скутóнун эна фить. Тос дьáйн сыматус ти лэ тус: Калá пидьы́ча, мý ту скутóнытын, го на агурáзут ту!

— Я ты́ на дьúйс мас?

— Кáто гкуму́ша!

Дьóкын тус капítя, пýрын ту фить, ягалáйсын апú сымá. Атóту фить пэтаксын та хабу́йдьа-т, ныйн эна кураcýя ти лэ тун: Тóра мéна на скóтуна мин. Ты́ тьэлыс сы ас ты мéна́ Барó, сы хутхарáйсыс мин. Айда ас пáгум спít-мас! — лэ ту курýц.

Ты фóрсын та хабу́йдьа-тыс, пал; дьáган пис эна трыпí. Ту фить э́мбру, атóс — апýсу.

— Анда пáгум тóра, ас тун тáта-м ти ас тын мана-м ксэрыс ты́ на тьэлыс? Атí эхум эна трапэзы́ц ти эна филурýтку дьахтылы́ть. Тáта-м вал ту су микрó ту дьахтылу-т. Атá йрыпсы та. На мý та дьúйсын та, го пáгу пýсу-с!

Эмбан апýсу, йныксын та пóртыс. Пáсу дыван пэфтыкшын эна пашы́ фить. Учыпсын (цургалы́хтын), крымíйн пáсум бáту, — гай! — на тун пьян тун палы́кару.

— Ста, ста! — лэ ту фить, — на мй тун тыёвис! Тос хутхарайсы мин, на скутонышка мин!

Мана-тыс па лэ: То эн калó! Ама́ тата-с н'эркытын, тылага лугас на тун хутхарайзум? Тос эн алях а́тхус! Тос ас мулутын, го па на стыкумин хасу порта, тата-с ама н'эркытын!

Ты стайн пас порта. Тос иртын хасу порта ти лэ тын инэка-т:

— Ты эн? Хóра а́трапус эшытын пйсу спит?

Эмбин апэсу тутус. Аты пьякын хасу шэр-ит, ипин та, тылага лугас тос хутхарайсын ту курыц-тун. На мй итун, на тын скóтунан. Тос па ти ты пэтаксан та хабуйдыа-тун, ныган кóзмус.

Пэрасан дьяя-трыя мэрыс, тутус ныйн вахт на пай. Тóра атó рутá тун: Ты тья́лыс ас ты мас са тó, ту хутхарайсыс ту курыц-мас?

— Э мандья, — лэ тос, — го тья́лу тóту дьяхтылы́ть, ту вáлыс пáсу дьях-тылу-с, ти ту муку́цку ту трапéз!

— О, — лэ тос, — то эн а́лях пула́, а́лях пула́!

— Э пула́ н'эн, го ты́пуспа ти тья́лу, на па́гу!

Джунайсын, апйсу-т на пай ту курыц па. Манáка дья́крусын.

— Го па на па́гу! — ипин манáка.

Тос пула́ нунсын, ныйн хаййлыс.

— Атóра, — ипин, — ас лэгу ту дилэк¹-тун! Ау́ту трапызы́ц тья́лис на тройс, пэ: Ачы́л софран, ачы́л дуня́, пурлу́-турлу́ зияфэ́т! Ау́ту дьяхтылы́ть па, — лэ тос, — мисоныхта а́нда миталáзыс ту пáсу дьяхтылу-с, эркундын дья́дыка мастóр, атын ту тья́лыс, óлупа ка́гун ту ос тум бурно́, на тья́лыс шы́р па ка́гун сын!

Пи́рын та ти джунайсын ту пидья́, шэрытын, ты хазаныпсын. Иртын спитун, мана-т рутá тун: Пу́ йсун тóса мэрыс ти тóса дья́мандьыс т'йсун?

— Дья́га су хазаныму. Хазаныпса ау́ту дьяхтылы́ть ти ау́ту трапызы́ц! Пэрасын вахт, ту пидья́ ныйн са хрòня, на арундя́хкытын; лэ тын мана-т: Сыр, мана, сын патша́х тын кор!

— Э вай, бала́-м, — лэ ты, — пу́ на па́гум мис? А́ти ас т'áла та патшахлы́х и́тгылан патша́х ту кор на пэрышкан, ти мис ты́лага на па́гум? Пула́-пула́ бургалайсын ты.

— Сыр! — лэ тос, — тукóтыс порта па эн пáндапа иныхтó, на тья́лыс цы́нгканус па пай!

Дья́йн ау́т сун патыша́х. Стайн пáсу йиры́, дья́н тын пилы́гун пэсу. Ты лэ: Го и́рта сун патыша́х, н'ан ти пилы́ты мин, лалсы́тын тун тона, го э́ху на лэгу тун э́на лахарды́ ти на йиры́зу на па́гу!

Э пула́ фи́лаксын пáсу порта, аргóс, гурга́, ксэйн патыша́хыс, дья́кын тын манáка калымэ́рыя: Ты́ лэс, калó манáка — рутá тын.

¹ Дилэк (dilek) (турецк.) — желание, просьба.

— Э ты́ на лэгу, — лэ ты, — ац ти ац, го э́ху э́на пидья́, пэ́лсы мин сын сэ́на, на арундя́зу пидья́-м тукóс ту кор. Го и́рта пукруша́рса, го па э́ху пидья́, сы па э́шыс куры́ц.

Патыша́хыс пула́ ти нунсын, и́пин тын манáка: Ас тукóм ту дворец су кóсас ту спит на кáйтын калó стра́та ти мэса на пратá айтку машына а́ти ти адья́!

Манáка а́нда гры́ксын тата лахардэ́йис, крэмасын ту фтял-тыс ти йи́рсын иртын акса́писа. Иртын, ту пидья́ рутá тын: Ты́ лэйс, ма́на Ты́ и́пан сын а́ти?

— Э бала́-м, тос и́пи мин, на кáйтын ас тукóт ту дворец су кóмас ту спит айтку стра́та, ти а́ти на пратá а́ти-адья́ айтку машына. Айтка патышахлы́х ги порсан на ка́гун, ти мис ты́лага на ка́гум?

— Э барó, канá лугас на ка́гум!

Пэрасын вахт, ныйн мисоныхта. Тос пьян вгал ту дьяхтылы́ть, миталáз са тры́я дьяхтыла-т, — и́ртан дья́дыка мастóр ти лэ́гун?

— Ты́ на ка́гум сын, сурбаджы́?

— Э ты́ на кáйты мин, — лэ тос, — ас ту патыша́х ту дворец су ком ту спит на кáйтын айтку машы́на, на пай ти на э́ркытын а́ти-адья́!

А́тын ос тум бурно́ экаган та óлапа. Тумбурно́ сыкóйн патыша́хыс, ксэ́йн óксу, дра́нсын хасун йлу ти хасу тóту стра́та. На дра́нанын дья́н порнын: а́цкас ялызын, ти тóту машыны́ца па пратанын а́ти-адья́.

— Э, — лэ патыша́хыс ти дья́йн сын патышахы́на, лэ тын: Ты́ на ка́гум? Тóра на дья́гум ту куры́ц-мас с'атóна! Барó, айтку стра́та э́камин ти машыны́ца! На дра́нса дья́м порса! Хасун йлу дра́нса ти са то дья́м порса на дра́на-на, ац ялызын!

Инэ́ка-т лэ: Мандья, тóса патышахлы́х йрыпсан тын, ти тóра на дья́гум тын тóна!

Тос па лэ: Зар пурóм на халáнум тукóмас ту лахарды́ Тос, барó, та и́пам, э́камин та óлапа!

Арундя́хтан, экаган дугкун. Канá дья́я-трыя дья́мады́с дугкуныхкан-дан. Та харджэ́мата óла патыша́хыс тра́всын та. Пи́рын тын ныф ти и́ртын а́лу. Эзысан ка́пусу замáн, ныф рутá тун палы́кару:

— Ты́лага лугас э́камис туту стра́та Мэ́на, барó, йы́рван на пэрышкан пула́ патышахлы́х, ти го тóра зу пис ау́ту землянка!

Карды́я-тыс вары́.

— Я тата, барó, айтку лахарды́ и́пин, — тос лэ, — айтку на кáйтын, пэры-тын тын!

Пэрасан хрòня дья́я. Ау́т рутá тун а́ндра-тыс пал: Мия́ ты́лага лугас э́кайс ту ау́ту стра́та Дья́н кофт ну-м канá лугас па!

Ау́тус па бургалайсын, бургалайсын, и́пин тын инэ́ка-т: Ау́ту дьяхтылы́ть на ту миталáзыс тры́я фу́рэис су дьяхтылу-с, эркундын дья́дыка мастóр, на тья́лыс, шы́р па ка́гун сын!

Аут пірын ту дьахтылыть, миталаксын са дьахтыла-тыс. Дьодьыка саа-
та ныйн, йртан дьодьыка мастор: Ты лэйс, сурбаджавá — рутун.

— Ау ту страта на ту валытын хасу филан ту патышахлых, су кот ту дво-
рец!

Тын кучарайсан ту ос тум бурно. Ныф па фикин ти дьайн ати. Тумбурно
сыкоган, — пэмин ту землянка офтиру. Тыпутыпа т'ен. Тэка пидьы ти ма-
нака пэман. Пэрасын вахт, нунызун ту, ты на кагун. Ту шылы ти ту ката
лэгун: Сурбаджы, ты кардыя-с вары эн, сафи нуныгмэнус?

Тос па ипин: Тылага ми нунызу Го йха айтку дьахтылыть ти инэка-м
пірын ту ти дьайн су патышахлых!

Тын па лэгун: Сы мас хутхарайсыс мас, барб, мис па канá калб на кагум
сын!

Джунайсан дьаган ту шылы ти ту ката. Эсусан ати, су патышах ту дво-
рец, с'алу ту патышахлых. Дьайн ати хас порта ту ката.

— Мр, мр, мр! — гарычна ту порта. Пула т'йривин на сыкундын кура-
сэя — на пэр ту ката апэсу. Ато стома-т ти стайн, гарычна ти гарычна. Ты
сыкбйн, пірын ту апэсу. Ту шылы па филай бксу. Пэрасын вахт, тын тимй-
ган. Пшырсын ту ката харахлыз. Идъын ту дьахтылыть пісу шкаф, йнык-
сын пірын ту; дранá су ялы, — ту форточка эн иныхто, ксэйн бксу; ту шылы
рутá ту: Ты, пірыс ту?

— Піра ту! — лэ.

— Атора, — лэ ту шылы, — дрáна, на вгэнун эмбру-мас та шылыя, ан ти
пурú на хурызу сын, бэныс пасу катэя!

Пагун лон ту бой. Ту шылы тьэл на пэр ту дьахтылыть, ту ката па ти дьуй
ту. Ирышыпсан, ирышыпсан, ту шылы травсын пірын ту дьахтылыть, то
крымийн пісу бой.

— А ты экагам! — лэ ту ката, — тора ты на лэ мас сурбаджы-мас Катэйн
пісу бой, гарчына ту шылы, вгэн су яга, — тыпус па т'ен. Гарчына ту ката,
пьястын ту дьахтылыть су ката ту ныш.

— Сы эш ту тора, — лэ ту шылы ту ката.

Дьаган су сурбаджы-тун. Тос рутá тус: Ну, ты эн?

— Эхум ту дьахтылыть! — лэгун.

Миталаксын тос ту дьахтылыть са трыя-т дьахтыла, катэван дьодьыка
мастор.

— Атора, — лэ тос, — ты на кайтын, ксэрытын? Филан ту дворец ти тóту
страта кучарайсытын адьб, су ком ту магазы сымá, ти тóту страта паса дьыя
марэис ас эн милэис, паса милэис па эн фуртумэна мйла, ти тóту машиныца
па ас пратá ати-адьб!

Кучарайсан ту страта, экаган та бла па ац. Пилы тын мана-т сун паты-
шах. Пула арыпсын, ксэйн бксу патышахыс. Ту пидьы дьэн дайныпсын,

дьайн плóгут па, лэ тун патышах: Ац ти ац, ту курыц мэна алдайс мин,
пірын филан патышах тун йо. Атора ксэва, дрáна су страта ти айда дамам
су спит-мас, тын кома ати тимундын! Анда ксэйн патышахыс, — ту страта
йшын паса дьыя марэис милэис, фуртумэна мйла. Тос сырланэфтын.

— Атора айда дрáна спит-мас!

Кацан пасу машиныца, йртан. Круй сум порта, тын дьэн инызун. Ту пи-
ды лэ: Го т'ипансын, тын кома на бургалызун!?

Пула бургалайсан, йныксан ту. Анда ксэван бксу, дранун, ту тóпу йтун
алу. Тóту пидьы лэ: Тылага лугас го катэва адьб? Манáка ту пидьы лэ: дьу-
пья йшыс на пэрышкыс инэка-м? Сы исун тора су ком ту шэр, го ты тьэлу,
каму сын!

Атос лэ: Ты плóгутыс йртын. Го тына дьэн тын піра!

Тыпус па т'экаман. Тора пал на кагун дугкун.

— Лал та сбя, на тьэлыс ас т'ала патышахлых! Мйя тына-мас врышку-
мас маанá? — лэ манáка ту йос.

Патышахыс па лалы та сбя-т улнус па. Манáка ти ту пидьы дьаган су
патышах ту дворец, экаган гостэвать пула. Атора ту пидьы лэ: На пагум алу
спит-мас, сы тьэлыс, улнус па сoryпсы адьб!

Дьаган су манáка ту спит, эвалан трапэжа. Тбса трапэжа эвалан, кацан
кбзмус па. Та трапэжа офтира, нунызун, ты кам тос. Атос эвалын ту трапы-
зыц мэса ти ипин: Ачыл софран, ачыл дуня, турлу зияфэт! — Ти докын ту
цэр-ит пас трапэз.

Гумоган та трапэжа шампански ти зияфэтя, ты тьэлыс, астолапа.

— Атора, — лэ тос, — кацытын ти пиньтын! На тьэлыс мйныс па пинь-
тын! Ати, барб, пулы кбзмус йтан. Пэрасын мэра, дьыя, трыя, — ту трапэз
гумату та зияфэтя, дьэн битэвун. Алу ныйн бра ти вахт. Т'энан т'алун тун
лэгун: Тора ас та пóты на катъумас, барб, на пагум алу!

Ту пидьы лэ тус: Атора ты маанá йха гó Ту курыц т'итылы мин! Ипа
мин, кам страта, экама, та милэис па эвала. Го ймун гарыпис, амá та ипин,
бóлапа экама та! Тынутас ту трапэз йтун калб, пийтын та тора?

— Калб, калб! — лэгун тын, — эна маанá па т'еш ту пидьы, ти ту тра-
пэз-тун йтун ас тун патышах па калб!

Сыкбнун на кагун тун благодарить. Экаман прощаться.

Го па ймун ати, мэна па сылайса мин, дьбка мин эна алгу, та бдьара-т
йтан тирытка, ту радь-ит — кацытку. Каца пану, н'эркумин. Манáка Тьы-
дьбра Стамбулава пэтаксын сахтарья мин та шылыдба. Ту алгу-м пачын апэ-
су, лыган та бдьара-т, пьякын ту радь-ит, пэмин ати сымá. Го па катэва йрта
спит-мас.

Ту парамитъ ипин ту Джарты Трифон Дмитриевичыс, 71 хурну

Сказка (перевод)

Было ль, не было, у одного старика и старушки был сын. Прошло некоторое время, старик умер. Жили они бедно. Вырос сын, исполнилось ему лет 15–16. Мать и говорит ему:

— Сын мой, ты уже большой. У нас ничего нет. На тебе 100 рублей, иди на ярмарку, купи какую-нибудь скотину!

Дала она ему 100 рублей. Отправился он на ярмарку. Вышел на выгон — там куча ребят убивают собаку. Он подошел к тем ребятам и говорит им:

— О, ребята, я дам вам 100 рублей, не убивайте собаку!

Отдал он им 100 рублей, взял собаку, пришел домой. Мать недовольна:

— Э, дитя, надо же было купить какую-нибудь скотину! Нам и собака нужна, но сначала — скот!

Прошло некоторое время, опять старуха говорит ему:

— Нет, сын мой, на 100 рублей еще и приведи какую-нибудь скотину!

Взял он 100 рублей и отправился. Дошел к выгону, — куча ребят убивают кошку. Подошел он к тем ребятам и говорит им:

— Милые ребятки, не убивайте кошку, я куплю ее!

— А сколько дашь нам?

— 100 рублей!

Отдал он им 100 рублей, взял кошку и пришел. Мать недовольна:

— Э, дитя, надо же слушать меня! Если бы у нас было хозяйство, тогда и кошка нужна была бы нам, но нам же нужен какой-нибудь скот!

Прошло некоторое время. Это горе забыла мать, опять дала ему 100 рублей:

— Иди купи что-нибудь!

Взял он 100 рублей и пошел, взобрался на гору, на скалы. А там куча ребят убивают змею. Подошел он к ним и говорит:

— Милые ребятки, не убивайте ее, я куплю ее!

— А что ты нам дашь?

— 100 рублей!

Дал им деньги, взял змею и отошел оттуда. А та змея сбросила чешую и превратилась в девушку и говорит она:

— Меня хотели убить. Что ты хочешь от меня, ведь ты меня спас! Пойдем к нам домой! — говорит девушка.

Надела она свою чешую опять. Пошли они к одной дыре. Змея впереди, а он — сзади.

— Когда пойдем теперь, знаешь, чего тебе желать от моего отца и матери? Там у нас есть один столик и золотое кольцо. Оно у отца на мизинце. Вот то и проси! А если не даст он тебе их, я уйду с тобой!

Вошли они, открыли двери. На диване лежала толстая змея. Извилась она, скрутилась и упала на землю, — вот схватит молодца.

— Стой, стой, — говорит змея, — не тронь его! Он спас меня, а то б меня убили!

А мать и говорит:

— Это хорошо, но отец придет, как мы его спасем? Он очень злой! Пусть он спрячется, а я буду стоять у дверей, сейчас он придет.

Стала она у двери, тот подошел к двери и говорит жене:

— Что это, чужой человек в доме?

Вошел в дом. Она его схватила за руку, рассказала, каким образом он спас их дочь. Если бы не он, ее бы убили. И он, и она сбросили чешую и превратились в людей.

Прошло 2–3 дня, пришло время ему уходить. Отец спрашивает его:

— Что ты хочешь от нас за то, что ты спас нашу дочь?

— Не знаю, — говорит, — я хочу тот перстень, что у тебя на мизинце, и маленький столик!

— О, — говорит тот, — это слишком много, слишком много!

— Ну, если много, я ничего не хочу, пойду я!

Отправился он, а за ним пошла и девушка. А старуха прослезилась.

— И я пойду! — говорит старуха.

Тот думал долго, согласился:

— Теперь, — говорит он, — скажу их секрет. Этот столик, когда ты захочешь есть, скажи: «Ачыл софран, ачыл дуня, пурлу-турлу зияфэт!»¹ А этот перстень, — говорит, — в полночь, если покрутишь его на пальце, придут 12 мастеров. Они все, что захочешь, сделают до утра. Захочешь — и город тебе построят!

Взял их и отправился парень, радуется, что заработал. Пришел домой, мать спрашивает его:

— Где ты был, столько дней и недель тебя не было?

— Ходил на заработки, заработал этот перстень и этот столик!

Прошло время. Настала пора ему жениться и говорит он матери:

— Иди, мать, к царской дочери!

— Ой, дитя, куда нам идти? Там из других царств хотели жениться на царевне! Как же нам идти?

Долго она отнекивалась.

— Иди, — говорит он, — ее дверь всегда открыта, захочет и цыган войдет!

Пошла она к царю, стала в воротах, не пускают ее. Она и говорит:

— Я пришла к царю, если не пустите меня, позовите его, я хочу сказать ему одно слово и уйду.

Ну, долго она ждала у дверей. Рано ли, поздно ли вышел царь, поздоровался со старухой:

¹ Ачыл (açıl) (турецк.) — раздвижной (о столе); софран (sofra) (турецк.) — стол; дуня (dünya) (турецк.) — мир, свет; зияфэт (ziyafet) (турецк.) — банкет;

— Что скажешь, добрая старушка? — говорит он.

— Ну, что сказать, — говорит она, — так мол и так, у меня один сын, послал он меня к тебе сосватать ему твою дочь. Я пришла свахой, у меня сын, у тебя дочь!

Царь, долго не думая, сказал старухе:

— Сделайте хорошую дорогу от моего дворца к вашему дому, а посреди пусть ходит такая машина туда и сюда!

Старуха как услышала эти слова, повесила голову и вернулась обратно домой. Пришла, а сын спрашивает:

— Что скажешь, мать, что тебе там сказали?

— Э, дитя, он сказал мне сделать нам от его дворца к нашему дому такую дорогу, а там чтоб ходила туда-сюда такая машина! Такое и цари не могли сделать, а как же мы сделаем?

— Ну, как-нибудь сделаем!

Прошло время, настала полночь. Берет он, вытаскивает кольцо, меняет на трех пальцах, — пришли 12 мастеров и спрашивают:

— Что нам делать, хозяин?

— Э, что вам делать? — говорит он, — от царского дворца к моему дому сделайте дорогу, а по ней чтоб ходила машина туда-сюда!

Они до утра и сделали все это. Утром встал царь, вышел во двор, посмотрел на солнце, а на ту дорогу не мог смотреть, так она блестела, а та машинка ходила туда-сюда.

— Э, — говорит царь, пошел к царице и говорит: — Что нам делать? Придется теперь отдать нам дочь за того! Ведь он сделал такую дорогу и машинку, что я не мог смотреть. На солнце мог смотреть, а на то не смог, так они блестели!

А жена ему и говорит:

— Не знаю, столько царей сватались к ней, а теперь отдать ее за него?

А он говорит:

— Разве можно не сдержать нам слова? Он же сделал все, что мы сказали!

Обручились они, сыграли свадьбу. Свадьбу играли недели две-три. Все расходы взял на себя царь. Взял он невесту и пришел домой. Пожили они некоторое время. Невеста спрашивает молодца:

— Каким образом ты сделал эту дорогу? Меня же хотели взять многие цари, а я теперь живу в этой землянке!

Тяжело у нее на сердце.

— Твой же отец сказал, — говорит он, — если нечто такое сделаете, возьмешь ее!

Прошло года два. Она спрашивает мужа:

— Но каким образом сделал ты эту дорогу, никак я не соображу?

Он же помялся, помялся и сказал жене:

— Этот перстень, если повернуть три раза на пальце, придут 12 мастеров, захочешь, они и город тебе построят!

Она взяла тот перстень, повернула его на пальцах. Настало 12 часов, пришли 12 мастеров:

— Что скажешь, хозяйка? — спрашивают.

— Эту дорогу поставьте у такого-то царского дворца!

Они перенесли до утра дорогу. А жена его бросила и ушла туда. Утром они остались, — осталась землянка пустой. Ничего нет. Только парень и мать его остались. Пошло время, думают они, что им делать. Собака и кошка говорят:

— Хозяин, что так тяжко у тебя на сердце, все ты задумчив?

А он и говорит:

— Как мне не думать? У меня был такой перстень, а жена взяла его и ушла к царю!

А они говорят:

— Ты нас спас, надо же и нам сделать тебе что-нибудь хорошее!

Отправились собака и кошка. Дошли они туда, к царскому дворцу, в другое царство. Подошла туда к дверям кошка: мр-мр-мр! — царапает дверь. Долго пришлось ей это делать. Девушка долго не хотела встать впустить ее в дом. А она не перестает, царапается и скребется. Встала та, впустила ее. А собака ждет во дворе. Прошло время, они заснули. Начала кошка шарить. Увидела кольцо в шкафу, открыла и взяла. Смотрит, в окне форточка открыта. Выбралась на улицу, собака спрашивает ее:

— Ну что, взяла?

— Взяла! — говорит.

— Теперь, — говорит, — смотри, если нас встретят собаки и я не смогу тебя защитить, взберешься на вербу!

Идут они вдоль реки. Собака хочет взять перстень, а кошка не дает. Спорили, спорили, собака схватила перстень, и он упал в реку.

— Вот что мы наделали! — говорит кошка. — Что нам теперь скажет хозяин?

Спустилась в речку собака, скребется, выходит на берег — ничего нет. Скребется и кошка, прицепился перстень на коготь кошки.

— Пусть у тебя будет теперь! — говорит собака кошке.

Пошли они к своему хозяину. Он их спрашивает:

— Ну, как дела?

— У нас кольцо! — говорят они.

Поменял он кольцо на трех пальцах, пришли 12 мастеров.

— Теперь, — говорит он, — знаете, что вам делать? Такой-то дворец и ту дорогу переведите сюда, к моей землянке поближе, а на той дороге по обе стороны ее пусть будут яблони, а на яблонях чтоб было полно яблок, и та машина пусть ходит туда-сюда!

Перенесли они дорогу, сделали все так. Посылает он мать свою к царю. Долго тот мешкал, наконец вышел во двор царя. Парень не утерпел, пошел сам и говорит царю:

— Так мол и так, девушка меня обманула, вышла за такого-то царя. Теперь выйди посмотри на дорогу и пойдем со мной к ним домой, они еще там спят!

Когда вышел царь, по обеим сторонам дороги были яблони, полные яблок. Он удивился.

— Теперь идем домой, посмотришь!

Сели они на машинку, приехали. Стучит он в дверь, те не открывают. Парень говорит:

— Я не говорил тебе? Они еще мешкают!

Долго мешкали, наконец открыли они. Когда они вышли во двор, смотрят, место переменялось. Тот парень и говорит:

— Как я сюда попал?

А сын старухи говорит:

— Зачем ты взял мою жену? Теперь ты в моих руках, я сделаю с тобой, что захочу!

А тот говорит:

— Она сама пришла! Я ее не брал!

Ничего не поделаешь. Теперь опять надо устраивать свадьбу.

— Позови родственников, если хочешь, из других царств! Найдут ли они какую-либо причину? — говорит сын старухи.

И царь сзывает всех своих родственников. Старуха и сын отправились в царский дворец, долго гостевали там. Теперь сын и говорит:

— Теперь пойдем к нам домой! Если хочешь, всех собери к нам!

Пошли они в дом старухи, поставили столы. Столько столов наставили, а вокруг люди сели, а столы пустые. Они думают: что же он будет делать? Он поставил столик посередине и говорит:

— Ачыл софран, ачыл дуня, турлу зияфэт! — и ударил рукой по столу.

Наполнились столы шампанским и кушаньями, и всем, чем хочешь.

— Теперь, — говорит он, — садитесь и пейте, хотите, месяцами пейте!

Там ведь много народу было. Прошел день, два, три недели, — стол полон, кушанья не кончаются. Уже настало время, говорят они друг другу:

— До каких пор будем сидеть? Надо же уходить уже.

Парень говорит им:

— Ну какая у меня была причина, по которой девушка меня не захотела? Сказали мне, сделай дорогу, сделал и яблони посадил. Я беден, но все, что сказали мне, я сделал! Чей стол был лучше, скажите теперь?

— Хорошо, хорошо! — говорят они. — Нет никакой причины у парня, и стол их был лучше царского!

Встали они, поблагодарили его. Попрошались.

И я там был, и меня угостили. Дали мне коня, ноги его были из сыра, а хвост конопляный. Сел я на него, чтобы ехать. Старуха Феодора Стамбулава рассыпала золу с углями. Мой конь наступил туда, растаяли его ноги, загорелся хвост и остался он там. А я сошел с него и пришел домой.

Рассказал Джарты Трифон Дмитриевич, 71 года

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ¹

1. Ану́мыстус ти нуны́с, ан ду глбсат шартлайс.
Глупый не думает, языком болтает.
2. Ан ду мурфья́дъа ми мугалэ́фкыс, ан ду дьулы́я мугалэ́фт.
Красотой не гордись, гордись работой!
3. Ту т'ахма́х ярашэ́в сун ахма́ху.
Глупая насмешка подходит дураку.
4. На ми́ вáлыс калó спэрма, ту заны́с ны́шкыт а́ма е́рму.
Не вложишь хорошие семена, пашня окажется пустынной. (= Что посеешь, то и пожнешь.)
5. Тос ту дуня́ тирдэ́н, тыс кала́ матэ́н.
Тот белый свет познает, кто хорошо учится.
6. Анда́ тро́йс, нами́ спудэ́зыс, т'лахарды́-с ми миталэ́зыс.
Когда ешь, не спеши, а данному слову не изменяй!
7. Пас карфи́ пула́ ти кáтгы́сын, ан ду псэ́ма макра́ ти пайс.
На гвозде долго не усидишь, с ложью далеко не уйдешь.
8. Ту а́лгу па́са тэ́сыра, ти то па бурмита́.
Конь о четырех ногах — и то спотыкается.
9. Дэ́вулус ти папа́с пис э́на расу́л прату́н.
Дьявол и поп в одной рясе ходят.

¹ Пословицы и поговорки записаны С. Н. Коссе в селе Новая Каракуба (Красная Поляна), опубликованы: Фольклорный сборник. Мариуполь, 1974. № 2. С. 59.

4 АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ

Формирование двух различающихся по языку между собой групп крымских греков давно стало предметом размышлений и споров как специалистов, так и путешественников. Вероятнее всего, что часть греков, живших в городах и пригородных зонах Крыма, приняла татарский язык в силу его бытовой распространенности и общественной значимости. В первые десятилетия жизни в Приазовье, как не раз уже сообщалось выше, он выполнял функцию языка общения. Однако есть мнение, что татароязычные греки — это потомки собственно татар, принявших христианство, то есть «греческую веру», как принято было говорить. Сами татароязычные греки считают себя именно греками, заявляют, что их предки говорили по-гречески. Свой язык они никогда не называют татарским, но говорят про него: «наш греческий язык».

Как бы то ни было, совместное обитание на Крымском полуострове, на сравнительно небольшом пространстве, а также в семи городах не могло не повлечь формирования сходных черт в хозяйственной деятельности и быту, взаимного проникновения лексики.

Приблизить разрешение проблемы должны помочь антропологические исследования греков Приазовья. Греки Приазовья ранее изучались в рамках масштабного антропологического исследования греков СССР, проведенного в 1950-х гг. А. Н. Пуляносом под руководством Г. Ф. Дебеца¹. Были обследованы две группы: татароязычные греки с. Мангуш и грекоязычные из Ялты. А. Пулянос показал, что те и другие более близки друг к другу, чем к любой из остальных греческих групп.

Положив в основу проведенного анализа географический метод, Пулянос выделил в составе современных греков локальные антропологические типы. Зная историческую судьбу мариупольских греков и учитывая миграционную природу популяций Приазовья, он приблизился к решению во-

¹ Пулянос А. Н. К антропологии греков СССР // Вопросы антропологии. 1960. Вып. 4.

проса о происхождении этой очень своеобразной смешанной группы. А. Пулянос относит мариупольских греков в основном к эгейскому варианту восточносредиземноморского типа южноевропейского ствола большой европеоидной расы, характеризуя эгейский вариант такими признаками, как среднее развитие волосяного покрова на груди, сильное развитие бороды, более или менее прямой профиль спинки носа, профиль верхней губы с ортохейлией и опистохейлией.

В ряде случаев А. Пулянос применил метод определения индивидуальных расовых типов, предусматривающий выделение определенных комбинационных вариантов внутри смешанной популяции. Расоводиагностическое значение приобретает такая комбинация признаков, которая вне данной группы обладает определенной этногеографической реальностью. С помощью метода А. Пулянос выделяет у мариупольских греков «нордический» вариант (сочетание светлой пигментации с вогнутым носом) и «переднеазиатский» вариант (большая частота опущенных кончика и основания носа). Примесь переднеазиатского варианта наблюдается у обеих групп, особенно у греков Ялты. В какой-то мере присутствует и особо выделенный А. Пуляносом «фракийский» вариант, который характеризуется мезоцефалией, средним развитием бороды, слабым ростом волос на груди и, в целом, меньшими абсолютными размерами. Он сближает этот вариант с понтийским типом, выделенным В. В. Бунаком¹. Исходя из положения о том, что существует определенная комбинация признаков, на основании которой можно проследить генеалогическую преемственность и установить степень родства, А. Пулянос делает вывод об общем происхождении румеоязычных и татароязычных групп мариупольских греков.

В 1988–1989 гг. по комплексной программе в Донецкой обл. были изучены обе группы греческого населения: грекоязычная (румеи) и татароязычная. Ниже излагаются основные результаты исследования.

ОБОБЩЕННЫЕ ФОТОПОРТРЕТЫ ДВУХ ГРЕЧЕСКИХ ГРУПП ПРИАЗОВЬЯ

Материал представляет собой фотонегативы, полученные в ходе антропологической съемки жителей румеоязычных и татароязычных сел. Были сфотографированы только те греки, предки которых по обеим линиям происходили из одной группы. Имея в своем распоряжении небольшое количество качественных негативов и не располагая данными антропометрического обследования этих лиц, мы могли использовать единственно возмож-

¹ Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестн. Гос. Музея Грузии. 1946. Т. 8, А.

ный метод анализа — конструирование обобщенного фотопортрета. Применяв методику, разработанную в НИИ антропологии МГУ¹, мы создали обобщенные фотопортреты мужчин греков, говорящих на румейском языке (17 чел.), греков-татарофонов (12 чел.) и объединенный фотопортрет этих двух групп греков (29 чел.). Результаты представлены на рис. 1–3.

Обобщенные фотопортреты чрезвычайно близки в расовом отношении. Различия практически сводятся к ширине лица: татароязычные греки более широколицы по сравнению с румеями. Это легко можно было бы объяснить погрешностями выборок, связанными с малым числом наблюдений. Однако существует мнение, что именно фотопортреты малых серий (не более 10–12 индивидуумов) обладают свойством «этнической узнаваемости», т. е. они визуально соответствуют представлению исследователя о той или иной группе с характерными элементами внешности². В этом отношении полученные нами фотообобщения имеют, по-видимому, не только иллюстративное значение, они несут несколько большую информацию. Интегральное изображение группы в значительной степени отражает зрительный образ или представление, сложившееся у исследователя от лиц людей, составляющих выборку. Частично это подтверждается тем, что при показе фотопортретов участникам экспедиции изображения были идентифицированы, что позволяет надеяться на реальность существования визуально опознаваемых двух типов греков и в конечном счете подтверждает работоспособность метода в типологическом анализе.

ОДОНТОЛОГИЯ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ

В процессе работы Приазовского отряда в Донецкой обл. в 1988 г. С. П. Сегада собрал материалы по одонтологии греков (табл. 1).

В общей сложности исследовано 119 румеев и 62 тюркоязычных грека.

В программу исследования вошел обычный, уже ставший традиционным, комплекс признаков, включающий как «классические» одонтологические, так и некоторые одонтоглифические показатели (варианты впадения второй борозды метаконида на первом нижнем моляре и форма первой борозды параконуса на первом верхнем моляре). Определения признаков

¹ Павловский О. М., Перевозчиков И. В. Опыт создания обобщенного антропологического фотопортрета некоторых групп населения Средней Азии // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 56.

² Абдушелишвили М. Г., Павловский О. М. Интегрирование схемографического и фотографического методов обобщения изображений лица и использование полученного портрета в качестве источника антропологической информации // СЭ. 1979. № 1.

Рис. 3. Обобщенный фотопортрет мариупольских греков суммарно (29 мужчин)

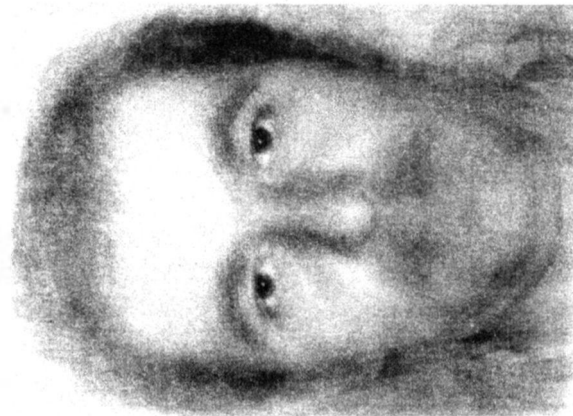

Рис. 2. Обобщенный фотопортрет татароязычных греков (12 мужчин)

Рис. 1. Обобщенный фотопортрет греков-румеев (17 мужчин)

приводились в соответствии с методикой, принятой в советской антропологии¹.

Таблица 1
Сведения об изученных греках Донецкой обл.

Группа, локализация	Численность, пол
<i>Греки-румее</i>	
С. Красная Поляна, В. Новоселковский р-н	33 мужчины, 47 женщин
С. Кремневка, Володарский р-н	18 мужчин, 21 женщина
Всего	51 мужчина, 68 женщин
<i>Татароязычные греки</i>	
С. Староигнатьевка, Тельмановский р-н	15 мужчин, 8 женщин
С. Староласпа, Тельмановский р-н	3 мужчин, 5 женщин
С. Улакпы, В. Новоселковский р-н	13 мужчин, 4 женщины
п. г. т. Старомлыновка, В. Новоселковский р-н	6 мужчин, 8 женщин
Всего	37 мужчин, 25 женщин

Основные признаки зубной системы приведены в табл. 2.

Таблица 2
Одонтологическая характеристика греков Приазовья

Признаки	Греки-румее		Татароязычные греки	
	п	%	п	%
Диастема I ¹ -I ¹	113	14,2	58	19,0
Краудинг I ²	115	7,0	58	10,3
Редукция NuM ² (Σ3+,3)	56	58,9	33	48,5
Бугорок Карабелли (Σ2-5)	113	64,6	52	61,5
Σ4 M ₁	95	9,5	53	7,6
Σ6 M ₁	95	2,2	53	9,4
Σ5 M ₁	95	88,4	53	83,0

¹ *Зубов А. А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М., 1968; *Он же.* Этническая одонтология. М., 1974.

Окончание табл. 2

Признаки	Греки-румее		Татароязычные греки	
	п	%	п	%
Σ+, x 5 M ₁	95	37,4	53	17,0
Σ4 M ₂	64	84,2	32	96,9
Дистальный гребень	97	0,0	52	1,8
Коленчатая складка	96	3,1	52	6,1
2 _{мед} /II/	90	26,7	52	30,8
Лопатообразность I ¹	119	5,0	59	1,7
Редукция I ² (1)	115	10,4	55	0,0

В результате можно констатировать, что румеем свойственны среднее-высокое значение диастемы, низкий процент краудинга, повышенные частоты редуцированных форм гипоконуса и бугорка Карабелли, умеренная частота лопатообразных форм верхнего медиального резца и коленчатой складки метаконида, отсутствие дистального гребня тригонида, средние (на границе со средневысокими) значения четырехбугорковых форм верхнего и второго нижних моляров, невысокий процент варианта 2 /II/ метаконида. В целом, эта группа обладает чертами своеобразного варианта возможного грацильного одонтологического типа, распространенного среди населения Кавказа, Балкан, Индии, Средней Азии и некоторых других регионов.

Татароязычные греки по многим важнейшим признакам отчетливо приближаются к румеем. Это относится к частоте четырехбугорковых форм первого нижнего моляра, варианту II второй борозды метаконида, бугорку Карабелли. Вместе с тем у татароязычных греков повышена концентрация признаков «восточного» происхождения, а именно: дистального гребня тригонида, коленчатой складки метаконида и, в особенности, шестибугорковых первых нижних моляров. Вопрос о причинах повышения частот данных признаков в европеоидных популяциях в настоящее время остается открытым.

Судя по величине среднего таксонометрического расстояния (0,49), различия между обеими группами умеренны.

Таким образом, в одонтологическом отношении обе группы греков сходны, однако у румеев «западный» комплекс признаков развит сильнее по сравнению с татароязычными греками.

ДЕРМАТОГЛИФИКА ГРЕКОВ УКРАИНЫ И АБХАЗИИ

Экспедицией Института этнографии АН СССР в 1988 г. были собраны отпечатки ладоней и пальцев у греческих школьников Приазовья. Материал, к сожалению, невелик по объему. Тем не менее, привлекая также новые данные о греках Абхазии, мы имеем возможность не только обогатить знания о кожном рельефе кисти греков, но и провести сравнительный анализ накопленной информации о греческих группах, уточнив при этом их систематическое положение среди вариантов европеоидной большой расы.

Были изучены три дисперсные выборки греков.

Греки-румеи Украины (50 мужчин и 69 женщин) исследованы в 1988 г. в Велико-Новоселковском и Володарском районах Донецкой обл. Татароязычные греки Украины (51 мужчина и 33 женщины) исследованы там же. Понтийские греки Абхазии (55 мужчин и 50 женщин), Сухумский район, сборы Г. Л. Хить в 1983 г.

Использованы также опубликованные данные о греках-урумах Цалкинского района Грузии¹ и сборной группе греков — эллинов Греции². Отпечатки читались по методике Г. Камминса и Ч. Мидло³, осевые ладонные трирадиусы определялись по схеме А. Шармы⁴. Материал анализировался двумя методами — межгрупповой шкалы⁵ и главных компонент.

Расовый анализ проводился на основе группы ключевых признаков, куда входят: дельтовый индекс (DI_{10}), индекс главных ладонных линий Камминса (I_C), осевой проксимальный трирадиус ладони (t), истинная узорность гипотенара (H_u) и суммарный процент добавочных межпальцевых трирадиусов (DMT). Детальная цифровая характеристика содержится в табл. 3–8. Исходя из нее греческие выборки определяются как принадлежащие к европеоидам. Однако между европеоидами разных регионов существуют специфические различия, имеющие четкую направленность. Вкратце их можно описать как соответствующие вектору «Север — Юг». От Европы через Кавказ до Передней Азии включительно происходят плавные изменения в частотах признаков у населения, отмечаемые как на популяционном, так и — наиболее четко — на региональном уровнях: увеличиваются индекс Камминса, узорность гипотенара, содержание добавочных межпальцевых трирадиусов и дельтовый индекс при параллельном уменьшении частоты проксимального трирадиуса ладони (рис. 4).

¹ Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.

² Хить Г. Л. Дерматоглифика греков // Новое в этнографии. М., 1989. Вып. 1.

³ Cummins H., Midlo Ch. Finger prints, palms and soles. N. Y.; Dover, 1961.

⁴ Sharma A. Comparative methodology in dermatoglyphics. Delhi, 1964.

⁵ Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР...

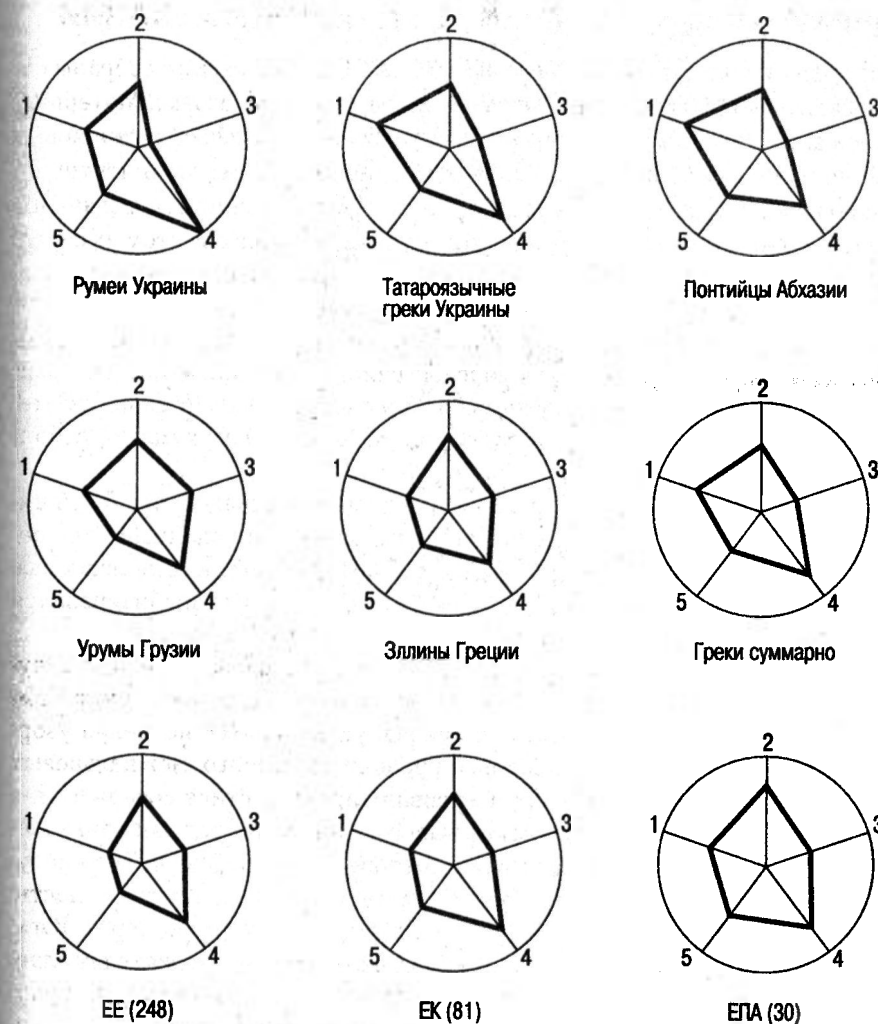

Рис. 4. Круговые полигоны признаков дерматоглифики (мужские греческие группы)

Центр соответствует минимальному, конец радиуса — максимальному лимиту евразийской амплитуды популяционных средних. Признаки: 1 — DL_{10} , 2 — I_C , 3 — t , 4 — H_u , 5 — DMT . Обобщенные группы европеоидов: ЕЕ — Европы, ЕК — Кавказа, ЕПА — Передней Азии. В скобках — число выборок.

Таблица 3

Пальцевые узоры (%) и дельтовый индекс у греков

Группа, локализация	п, пол	A+T	R	U	R+U	W	DI ₁₀
Греки-румели, Украина	50 ♂	5,6	4,8	47,2	52,0	42,4	13,68
	69 ♀	5,4	2,7	53,5	56,2	38,4	13,30
Татароязычные греки, Украина	51 ♂	1,2	3,1	47,1	50,2	48,6	14,74
	33 ♀	3,9	3,6	56,4	60,0	36,1	13,22
Понтийские греки, Абхазия	55 ♂	3,1	2,9	42,9	45,8	51,1	14,80
	50 ♀	3,2	2,6	49,6	52,2	44,6	14,14

Таблица 4

Окончание главных ладонных линий у греков (%)

Линия А

Группа	Пол	1	2	3	4	5'	5''	6	7
Греки-румели	♂	11,0	—	48,0	3,0	29,0	9,0	—	—
	♀	12,3	0,7	47,2	5,1	29,7	3,6	—	1,4
Татароязычные греки	♂	10,8	—	57,9	4,9	22,5	3,9	—	—
	♀	6,1	3,0	47,0	7,6	33,3	3,0	—	—
Понтийские греки	♂	10,9	1,8	47,4	10,0	24,5	5,4	—	—
	♀	10,0	2,0	37,0	6,0	42,0	3,0	—	—

Линия В

Группа	Пол	3	4	5'	5''	6	7	8	9
Греки-румели	♂	2,0	—	10,0	39,0	—	46,0	—	3,0
	♀	0,7	—	8,0	37,0	0,7	53,6	—	—
Татароязычные греки	♂	2,0	—	13,7	28,4	—	55,9	—	—
	♀	1,5	—	6,1	28,8	—	62,1	—	1,5
Понтийские греки	♂	0,9	—	11,8	35,5	—	50,9	0,9	—
	♀	—	—	8,0	46,0	—	45,0	—	1,0

Окончание табл. 4

Линия С

Группа	Пол	5'	5''	6	7	8	9	10	11	X	0
Греки-румели	♂	1,0	6,0	—	28,0	—	30,0	2,0	1,0	30,0	2,0
	♀	—	13,8	—	16,7	—	39,8	—	—	27,5	2,2
Татароязычные греки	♂	2,0	10,8	—	17,6	—	38,2	—	—	24,5	6,9
	♀	—	13,6	—	9,1	1,5	28,8	1,5	—	28,8	16,7
Понтийские греки	♂	—	11,8	—	30,9	0,9	43,6	0,9	—	9,1	2,7
	♀	—	17,0	—	22,0	—	43,0	—	1,0	12,0	5,0

Линия Д

Группа	Пол	7	8	9	10	11	13
Греки-румели	♂	12,0	—	37,0	11,0	40,0	—
	♀	13,8	1,4	29,7	10,9	42,8	1,4
Татароязычные греки	♂	12,7	—	31,4	2,0	53,9	—
	♀	13,6	1,5	21,2	16,7	47,0	—
Понтийские греки	♂	11,8	—	33,6	3,6	51,0	—
	♀	14,0	2,0	37,0	7,0	40,6	—

Таблица 5

Типы главных ладонных линий (% и средний балл) и индекс Камминса у греков

Группа	Пол	Линия А				Линия Д				I _c
		1	3	5	M _A	7	9	11	M _D	
Греки-румели	♂	11,0	51,0	38,0	3,54	12,0	58,0	40,0	9,56	8,33
	♀	13,0	52,3	34,7	3,43	15,2	40,6	44,2	9,58	8,22
Татароязычные греки	♂	10,8	62,3	26,4	3,31	12,7	33,4	53,9	9,82	8,24
	♀	9,1	54,6	36,3	3,54	15,1	37,9	47,0	9,64	8,50
Понтийские греки	♂	12,7	57,4	29,9	3,34	11,8	37,2	51,0	9,78	8,34
	♀	12,0	33,0	45,0	3,66	16,0	44,0	40,0	9,48	8,34

Таблица 6

Осевые ладонные трирадиусы у греков (%)

Группа	Пол	t	t'	t''	0	СТ
Греки-румели	♂	50,0	18,0	3,0	1,0	28,0
	♀	44,3	19,6	10,1	2,9	23,1
Татароязычные греки	♂	59,8	22,5	1,0	3,9	12,8
	♀	56,1	30,3	4,5	—	9,1
Понтийские греки	♂	57,2	18,2	6,4	1,8	16,4
	♀	61,0	6,0	7,0	—	26,0

Примечание. СТ — сложные радиусы суммарно (tt' + tt'' + ...)

Таблица 7

Истинные ладонные узоры и добавочные межпальцевые трирадиусы у греков (%)

Группа	Пол	Ладонные узоры					Добавочные м/п трирадиусы			
		Hу	Th/I	II	III	IV	II	III	IV	Σ
Греки-румели	♂	46,0	8,0	5,0	22,0	45,0	7,0	3,0	16,0	26,0
	♀	44,2	9,4	2,2	26,8	34,8	2,2	—	7,2	9,4
Татароязычные греки	♂	37,3	7,8	3,9	32,4	36,3	4,9	—	16,7	21,6
	♀	28,8	3,0	1,5	19,7	31,8	1,5	—	6,1	7,6
Понтийские греки	♂	34,5	16,4	7,3	38,2	45,4	7,3	0,9	18,2	26,4
	♀	53,0	17,0	1,0	39,0	50,0	1,0	3,0	18,0	22,0

Таблица 8

Дерматоглифическая характеристика греческих групп, исследованных в бывшем СССР (материалы Г. Л. Хить)

Группа	п, пол	DI ₁₀	I _c	t	Hу	ДМТ	ЮЕК
Греки-румели, Украина	50 ♂	13,68	8,33	50,0	46,0	26,0	71,0
	69 ♀	13,30	8,22	44,3	44,2	9,4	58,6
Татароязычные греки, Украина	51 ♂	14,72	8,24	59,8	37,3	21,6	64,2
	33 ♀	13,22	8,50	56,1	28,8	7,6	48,7

Окончание табл. 8

Группа	п, пол	DI ₁₀	I _c	t	Hу	ДМТ	ЮЕК
Понтийские греки, Абхазия	55 ♂	14,80	8,34	57,2	34,5	26,4	66,8
	50 ♀	14,14	8,34	61,0	53,0	22,0	65,9
Греки-урумы, Грузия	100 ♂	13,79	8,56	71,0	34,0	16,5	54,1
	77 ♀	13,33	8,66	52,6	42,8	18,8	62,8
Греки-эллины, Греция	92 ♂	13,02	8,70	66,3	32,1	19,6	54,2
	67 ♀	12,83	8,63	56,0	35,8	21,0	60,0
Греки суммарно	348 ♂	13,87	8,48	62,9	35,8	21,0	60,0
	296 ♀	13,33	8,48	53,2	41,5	17,5	60,1

Примечание. Величины ЮЕК сопоставимы лишь в пределах пола.

Таблица 9

Матрица обобщенных дерматоглифических расстояний (ОДР) между группами

№	Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Греки-румели Украины	—	14,1	18,8	20,1	11,1	17,3	17,6	15,8
2	Татароязычные греки Украины	15,1	—	23,0	13,4	14,1	11,0	12,7	14,4
3	Понтийские греки Абхазии	13,4	5,5	—	17,6	13,7	19,3	14,5	14,7
4	Греки-эллины Греции	21,4	15,8	17,1	—	9,7	9,6	4,6	4,8
5	Греки-урумы Грузии	20,6	14,1	15,4	8,1	—	12,6	8,6	4,9
6	Европеоиды Восточной Европы	22,9	17,2	18,6	3,6	8,9	—	6,8	12,9
7	Европеоиды Кавказа	15,0	11,7	10,8	6,4	10,5	8,9	—	6,1
8	Европеоиды Передней Азии	15,5	12,1	10,4	9,7	9,8	12,2	5,3	—

Примечание. Расстояния сравнимы в пределах каждого пола. Слева от диагонали — данные о мужчинах, справа — о женщинах.

Обращаясь к грекам, отметим, что у них наблюдаются как типично южные, почти переднеазиатские черты (сильная узорность гипотенара, в основном малая частота проксимального трирадиуса ладони, повышенный дельтовый индекс), так и черты, более свойственные северным европеоидам (умеренная частота добавочных межпальцевых трирадиусов).

Насколько гомогенны греческие группы? Отдельные признаки и их комбинации варьируют довольно существенно. По сочетанию признаков преобладают варианты, близкие к кавказским и переднеазиатским, причем последние представлены даже в гиперболизированном виде (румееи Украины, понтийцы Абхазии).

Показатель тотальной дивергенции по сумме ключевых признаков (обобщенное дерматоглифическое расстояние, или ОДР), как правило, превышает средний уровень, что свидетельствует о значительных различиях между выборками (табл. 9). В частности, велика разница между обеими группами греков Украины, составляя 15,1 для мужчин и 14,1 для женщин. Первая цифра оценивается как большая, вторая — как почти большая на локально-групповом уровне. Соответствующие величины для европеоидной расы в целом составляют 12,7 и 12,9¹. С другой стороны, значительным сходством, охватывающим оба пола, объединяются эллины Греции и урумы Грузии (8,1 и 9,6), а также мужские группы татароязычных греков Украины и понтийцев Абхазии (ОДР = 5,5).

Среднее ОДР для всех греческих групп составляет 14,7 и 15,6 (мужчины и женщины соответственно), что заметно превышает средний уровень внутриэтнической дифференциации в Восточной Европе (11,9 и 9,7) и на Кавказе (13,7 и 10,9). Таким образом, греки Греции, Украины и Закавказья не являются гомогенным этносом. Случайна ли в основе эта дифференциация или она может быть связана с различным соотношением расовых компонентов? Выясняется, что греки резко разнородны по доле северного и южного европеоидного компонентов. Величины южноевропеоидного комплекса, или ЮЕК, варьируют в греческих группах от типично европейских до суперпереднеазиатских: 54–67 у мужчин и 49–66 у женщин (рис. 5). Для ориентировки приведем величины ЮЕК в обобщенных группах европеоидов разных регионов, вычисленные по данным сводки Г. Л. Хить и Н. А. Долиновой², указав в скобках число выборок. Как видно из рис. 5 и табл. 8, среди греческих мужчин южноевропеоидный комплекс резко ослаблен у урумов Грузии и эллинов Греции, максимально сближающихся в этом отношении с европейцами. Остальные греческие группы в наибольшей степени тяготеют к европеоидам Передней Азии, а румеи Украины да-

¹ Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР... С. 38.

² Хить Г. Л., Долинова Н. А. Расовая дифференциация человечества. Дерматоглифические данные. М., 1990.

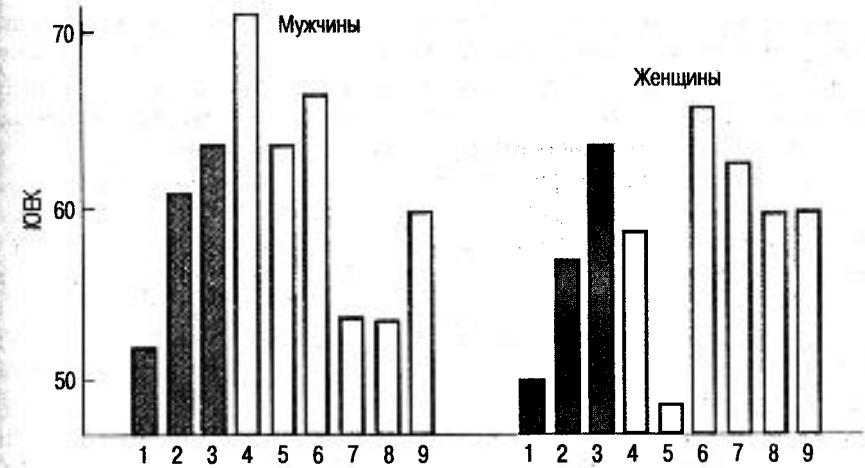

Рис. 5. Величина южноевропеоидного комплекса (ЮЕК) в группах

Обобщенные группы европеоидов (обозначены заливкой): 1 — Восточной Европы, 2 — Кавказа, 3 — Передней Азии. Греки: 4 — румеи Украины, 5 — татароязычные греки Украины, 6 — понтийцы Абхазии, 7 — урумы Грузии, 8 — эллины Греции, 9 — греки суммарно.

же сильно превосходят переднеазиатов (ЮЕК = 71,0). Интересно, что на Украине у выборки татароязычных мужчин (ЮЕК = 64,2) южные черты заметно ослаблены по сравнению с румеями, хотя выражены не в меньшей степени, чем в Передней Азии в целом:

	Мужчины	Женщины
Европа	51,8 (248)	50,2 (158)
Кавказ	60,6 (81)	57,0 (53)
Передняя Азия	63,9 (30)	63,1 (18)

Женские греческие группы образуют примерно такую же общую картину, будучи по доле южноевропеоидного компонента в наибольшей степени сходны с аборигенками Передней Азии либо Кавказа. Лишь татароязычные гречанки Украины (самая малочисленная группа) сближаются с европейцами и даже уступают им по степени выраженности южноевропеоидного компонента.

Показательно, что в целом суммарная группа греков максимально сходна с переднеазиатскими и кавказскими европеоидами, более тяготея к первым. Об этом свидетельствуют как уже ранее рассмотренные комбинации

признаков и величина южноевропеоидного комплекса, так и тотальный показатель различий, или ОДР (табл. 10, см. рис. 4–5).

Следовательно, если рассматривать греков в целом, то их южные, а точнее переднеазиатские, корни прослеживаются вполне явственно. Аналогичный вывод был сделан ранее на меньшем по объему материале¹.

Таблица 10
Величина ОДР между суммарной группой греков и обобщенными группами европеоидов разных регионов

Греки суммарно	Европа	Кавказ	Передняя Азия
Мужчины	10,1	6,5	5,5
Женщины	14,3	12,2	10,4

Рассмотрим результаты компонентного анализа греческих групп (табл. 11). Значимы лишь первые две главные компоненты (ГК), которые отражают в сумме 67–70% межгрупповой изменчивости у обоих полов.

Таблица 11
Факторная структура (коэффициенты корреляции признаков с ГК)

Признаки	Мужчины			Женщины		
	I	II	III	I	II	III
DI ₁₀	0,748	-0,034	0,401	0,837	-0,198	0,115
I _c	-0,223	0,922	0,211	0,589	0,330	-0,719
t	-0,826	0,094	0,463	-0,031	0,805	0,535
Hу	0,710	-0,151	0,462	0,697	-0,484	0,423
ДМТ	0,731	0,569	-0,272	0,694	0,480	0,070
Собственное число	2,33	1,21	0,708	2,10	1,26	0,90
% изменчивости	46,6	24,1	14,2	42,1	25,2	18,1

Первая ГК исчерпывает 45–47% изменчивости. Она положительно скоррелирована с признаками, свойственными южным европеоидам (увеличение дельтового индекса, узорности гипотенара и частоты ДМТ у обоих

¹ Хить Г. Л. Дерматоглифика греков...

голов, уменьшение частоты проксимального трирадиуса ладони у мужчин, увеличение I_c у женщин). Иначе говоря, увеличение положительных значений ИГК отражает усиление южноевропеоидного комплекса в составе групп, а увеличение отрицательных значений отражает нарастание противоположного (среднеевропеоидного) комплекса. Вторая ГК, отражающая 24–25% изменчивости, охватывает единичные признаки, причем оба пола различаются по нагрузкам. У мужчин вторая ГК, как и первая, положительно скоррелирована с южными чертами (I_c и ДМТ). У женщин основная нагрузка приходится на единственный признак — проксимальный трирадиус ладони. Графический итог компонентного анализа греческих и сравнительных групп изображен на рис. 6, где для лучшего восприятия оси сориентированы так, чтобы южный компонент проявлялся от нулевой точки справа по горизонтали и книзу по вертикали. Обращает на себя внимание разная дифференциация мужских и женских групп. Среди мужчин по первой ГК четко выделяются румеи Украины, понтийцы Абхазии, а также татароязычные греки Украины. Эти три группы опережают по выраженности южных черт не только кавказцев в целом, но и переднеазиатское население, а румеи Украины — даже персов. Одновременно южные черты резко ослаблены у эллинов Греции и урумов Грузии, что сближает эти группы греков с населением Европы, а на этническом уровне — с русскими и украинцами, которые находятся в области североевропейских величин.

По второй ГК, отражающей всего 24% изменчивости, картина иная. Обе группы греков Украины, понтийские греки Абхазии и урумы Грузии располагаются в «северной» зоне значений компоненты, существенно опережая в доле североевропеоидного расового компонента не только Восточную Европу в целом, но и русских, и украинцев. Отметим, что в греческих группах Украины, особенно у татароязычных греков, эта черта выражена заметно сильнее, чем у украинцев. В то же время эллины Греции располагаются в «южной» области величин компоненты, сближаясь с турками и адыгейцами.

Что касается женских групп греков, то они, как и мужские, обнаруживают большой разброс в пространстве обеих главных компонент (что свидетельствует об их разнообразии), однако располагаются по-другому. По первой ГК эллины Греции, урумки Грузии и особенно понтийские гречанки Абхазии группируются в области южноевропеоидных значений. В обеих группах гречанок Украины южные черты ослаблены, особенно заметно — у татароязычных, так что последние в результате оказываются сходными с русскими женщинами. Вторая ГК, напротив, резко выделяет румеек Украины, которые имеют максимальную долю южноевропеоидного компонента. Татароязычные гречанки Украины и понтийские гречанки Абхазии характеризуются почти сбалансированным соотношением южных и северных

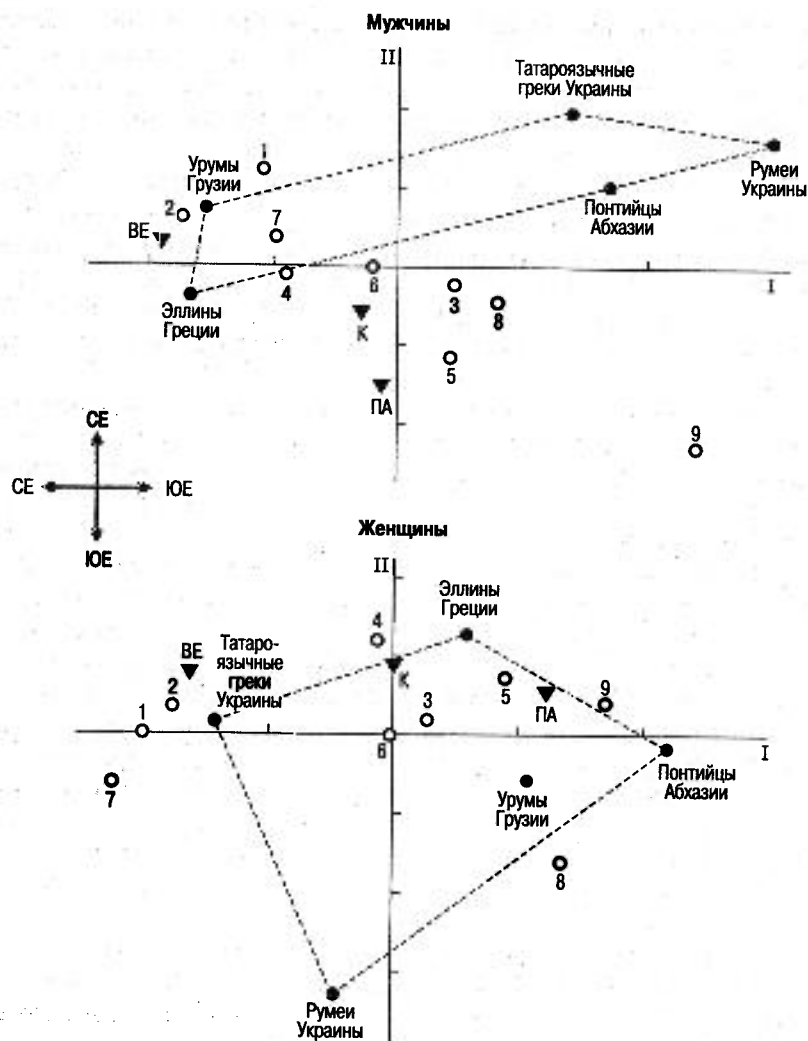

Рис. 6. Положение групп в системе двух первых главных компонент

Стрелки на схеме указывают на усиление северных (СЕ) и южных (ЮЕ) европеоидных черт в кожном рельефе. Суммарные группы европеоидов (обозначены треугольниками): ВЕ — Восточная Европа, К — Кавказ, ПА — Передняя Азия. Штрихом обведено поле, занимаемое греческими группами (обозначены заливкой). Сравнительные группы: 1 — украинцы, 2 — русские, 3 — адыгейцы, 4 — кабардинцы, 5 — карачаевцы, 6 — грузины, 7 — абхазы, 8 — турки-месхетинцы, 9 — персы.

черт, обладая близкими к нулю значениями ГК, в то время как у эллинок Греции южные черты максимально размыты. Впрочем, этим результатам не стоит придавать большого значения, поскольку вторая ГК отражает преимущественно дифференциацию по одному признаку, а именно по аппроксимальному трирадиусу ладони.

Таким образом, оба метода многомерного анализа (межгрупповой шкалы и главных компонент) привели к совпадающим результатам. Прежде всего обнаружена разнородность греков различных регионов, характерная для обоих полов. Эта разнородность в первую очередь определяется содержанием исходного для греков южноевропеоидного расового компонента. При этом, как правило, в пределах группы мужчины и женщины заметно различаются по доле данного компонента.

Понтийские греки Абхазии, как и женщины, квалифицируются как носители хорошо выраженного южноевропеоидного дермато-глифического комплекса. В остальных группах такого соответствия не наблюдается. Обе мужские выборки греков Украины, в особенности румеи, имеют хорошо развитый южноевропеоидный комплекс, в то время как у женщин отчетливо проявляется влияние североевропеоидного компонента, достигающего максимума в татароязычной выборке. Это можно объяснить нерегистрируемой примесью восточноевропейского происхождения, накапливавшейся при вирилокальных браках из поколения в поколение за счет оседания в греческой популяции не-гречанок, причем в татароязычной выборке доля этой примеси оказалась выше, чем у румеев, где эндогамия выдерживалась, по-видимому, более строго. Достаточно неожиданным образом мужские выборки эллинов Греции и урумов Грузии (потомков переселенцев из Турции в XIX в.) обнаружили комплекс черт, более свойственный населению Европы, чем кавказско-переднеазиатского региона¹, в то время как женщины этих групп сохранили типичные юноевропеоидные особенности.

Однако суммарная группа греков (как мужчин, так и женщин) характеризуется максимальной близостью к обобщенным группам населения Передней Азии и Кавказа, что может служить аргументом в пользу гипотезы азиатской прародины греков.

¹ В предыдущей работе автора данного раздела был сделан вывод о принадлежности балканских греков и урумов Грузии к кругу юноевропеоидных вариантов. В выборку балканских греков тогда были включены солидные данные зарубежных ученых, чья методика определений, как выяснилось позже, существенно отличается от принятой автором. Обобщение методически разнородных материалов и соответствующий набор сравнительных групп привели к указанному выводу, который теперь следует распространить только на женские выборки (Хитъ Г. Л. Дерматоглифика греков...).

АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ

Микроэволюционные процессы, происходящие в современных популяциях человека, весьма многообразны и сложны для исследования. Один из возможных подходов к решению данной проблемы — анализ этих процессов в небольших по численности компактных этнических группах. Их популяционно-генетическая структура, сформировавшаяся в течение длительного исторического периода адаптации к конкретным условиям среды, претерпевает в последние десятилетия очень резкие изменения, во многом обусловленные ростом процессов миграции и смешения, снятием этнических и других условностей и ограничений к заключению межэтнических браков, а также повсеместно происходящим процессом существенного изменения экологических условий. В полной мере это относится к популяциям Украины, в генетической структуре которых отразились также последствия демографических изменений, вызванных Отечественной войной. Основная цель настоящей работы генетико-демографическое исследование популяций греков на территории Украины и сопоставление полученных данных с аналогичными параметрами других южных популяций. Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 03-06-80401).

Материал и методика

В основу исследования легли материалы посемейного опроса населения и данные похозяйственных книг сельских Советов, расположенных в пос. Красная Поляна Новоселковского р-на, пос. Староласпа Тельмановского р-на Донецкой области, а также пос. Девнинское и Георгиевка Приазовского р-на Запорожской области Украины. В пос. Красная Поляна компактно проживают греки, говорящие на румейском языке, в пос. Староласпа — татароязычные греки, а в поселках Девнинское и Георгиевка — албанцы.

Сбор генетико-демографической информации был осуществлен во время экспедиционного выезда в 1989 г. Собранные данные вносились в демографические анкеты, составленные по специальной схеме¹. Индивидуальная карта анамнеза семьи включает в себя паспортную часть, сведения о детях (пол и возраст живых детей, пол, возраст, причина и дата смерти умерших детей); акушерский анамнез (возраст матери при вступлении в брак, рождение первого и последнего ребенка, общее число и исходы каждой беременности, возраст при наступлении menarche и climacterium, информация генетического характера). Составлялись также родословные семей с максимально более глубоким охватом поколений.

¹ Пасеков В. П., Ревазов А. А. К популяционной генетике населения Европейского Севера СССР. Сообщение I. Данные по структуре шести деревень Архангельской области // Генетика. 1975. Т. 2. № 7.

Компоненты отбора, связанные с дифференциальной плодовитостью и дифференциальной смертностью, оценены в популяции греков при помощи индексов Кроу¹.

Результаты и обсуждение

Были исследованы основные параметры структуры двух популяций греков и двух популяций албанцев. Тотальная численность изучаемых групп значительно различалась и составила в пос. Красная Поляна — 4519 человек, Староласпе — 955, Девнинском — 677 и Георгиевке — 539. Число семей составило соответственно — 1622, 349, 236 и 167. Следует отметить преобладание во всех четырех популяциях числа женщин, однако в когорте лиц репродуктивного возраста (определенное нами в интервале от 18 до 45 лет для женщин и 18–50 лет для мужчин) преобладают мужчины.

Половозрастная структура популяций графически изображена на рис. 7. Обращает на себя внимание резко выраженная деформация возрастных пирамид, в значительной степени обусловленная снижением дорепродуктивной возрастной группы, объем которой составляет в пос. Красная Поляна — 19,9%, Староласпе — 21,7%, Девнинском — 21,6% и Георгиевке — 23%. Объем пострепродуктивной когорты практически одинаков во всех четырех группах и составляет в среднем 38,5% от общей численности. Характер распределения индивидов в исследуемых населенных пунктах по возрасту и полу позволяет сделать вывод о том, что данные популяции поддерживают свою численность не за счет процессов естественного прироста, а в основном в результате миграционных и ассимиляционных факторов. В наибольшей степени это выражено в пос. Староласпа и Девнинское, где наблюдаются тенденции снижения рождаемости и в среднем на одну брачную пару приходится менее двух детей (в пос. Красная Поляна данная величина составляет 2,1489; в Георгиевке — 2,3608). Примечательно, что дисперсия в семьях незначительна и во всех группах она существенно ниже самого значения среднего числа детей. Столь малое отклонение от средней является подтверждением ее устойчивости. Таким образом, налицо ситуация, когда в изучаемых сельских популяциях действует система планирования размеров семьи и осуществляется искусственный контроль над рождаемостью. Данный тип репродукции характерен для современных больших городских популяций и городских агломераций².

¹ Crow J. F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biol., 1958. V. 30. № 1.

² Luna Francisco, Moral Pedro. Mechanisms of natural selection in Human rural populations, survey of a Mediterranean region (La Alpujarra, SE Spain) // Annals of Human Biology, 1990. V. 17. № 2. P. 153–158; Спицына Н. Х. Проблемы исторической генетики. М., 1993.

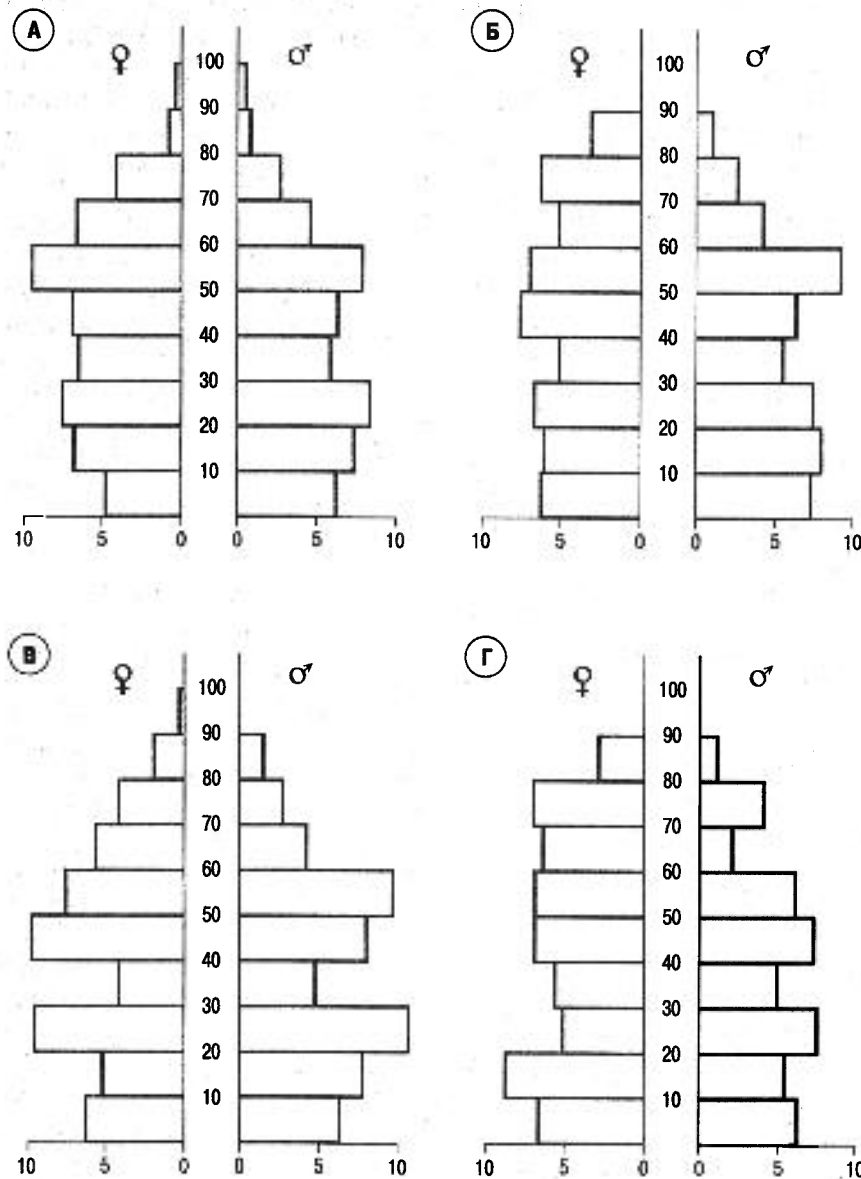

Рис. 7. Распределение популяций по полу и возрасту

Греки: А — Красная Поляна, Б — Староласпа. Албанцы: В — Девнинское, Г — Георгиевка. По вертикали — возраст, по горизонтали — %.

Репродуктивный объем в группах греков и албанцев примерно одинаков и составляет от 39 до 41,1%. Эффективно-репродуктивный объем был рассчитан нами с учетом неравенства численности лиц разного пола в популяциях, поскольку вклад индивидуальных различий по репродуктивной способности оказался нивелирован сильным влиянием социальных факторов и составил в пос. Красная Поляна — 1887, Староласпе — 380, Девнинском — 270 и Георгиевке — 207.

Традиционно брачные отношения у греков выражались в билинейной экзогамии, и единичные случаи кровнородственных браков были исключением из общего правила. Структура браков в исследуемых населенных пунктах характеризуется ростом числа смешанных браков. Так у греков доля браков, заключенных между лицами своей национальности, достигает в Красной Поляне 37,5% и 41,1% в Староласпе; у албанцев соответственно 29,1% (Девнинское) и 46,4% (Георгиевка). В ряду смешанных браков наибольшее число их заключено с украинцами (от 18% в пос. Девнинское до 28,6% в Красной Поляне), затем в порядке уменьшения следуют русские, белорусы, немцы и другие. Иноэтнические семьи составляют от 11,8% (Староласпа) до 36,7% (Девнинское).

Параметры репродуктивной способности женщин, завершивших период воспроизводства, приведены в табл. 12. Одинокие женщины в анализ не были включены. Учитывая значительный объем пострепродуктивной возрастной группы в исследуемых популяциях, составляющий до 39,3% от totalной численности, оказалось возможным вычленив в ней две выборки: раннюю возрастную когорту (I) составили женщины, завершившие репродукцию к 1960 г., и позднюю (II) — женщины, закончившие репродукцию в 1980-е гг. По такому важному показателю, как среднее число беременностей, приходящееся на каждую женщину, завершившую репродукцию, в Красной Поляне различий между ранней (I) и поздней (II) выборками не обнаружено. В то же время в селах Староласпа, Девнинское и Георгиевка отмечен рост этой величины у лиц группы II. Во всех четырех популяциях среднее число родов выше в группе I. Напротив, среднее число аборт в несколько раз больше у лиц когорты II. Также для всех популяций характерно резкое снижение детской смертности в поздней когорте и соответственно в суммарной характеристике, особенно велики различия в Староласпе и Георгиевке. Сокращение числа рождений, отмечаемое выше, в поздней группе II привело к снижению в ней среднего числа детей, доживших до репродуктивного возраста, а также отразилось в уменьшении суммарного значения.

Представляет несомненный интерес происшедший в популяции резкий переход от естественного характера репродукции к мерам по планированию размеров семьи и регулированию рождаемости. Так, если раньше у

албанок только 0,03–0,05% от общего числа беременностей завершалось абортom, а у гречанок эта величина составляла 16–31%, то уже в группе II она составила соответственно 45–46% и 57–66%. И в итоге по суммарным характеристикам от 28 до 36% у албанок и от 45 до 56% беременностей у гречанок не завершается родами.

Таблица 12

Показатели репродуктивной способности женщин в популяциях Приазовья

Показатель	Популяции			
	Красная Поляна	Старо-ласпа	Девнин-ское	Георгиев-ка
Число обследованных женщин с законченным периодом репродукции				
I	41	23	18	21
II	104	42	36	27
III	145	65	54	48
Среднее число беременностей, приходящееся на одну женщину				
I	6,39	6,13	3,94	4,76
II	6,10	7,97	6,25	5,63
III	6,19	7,32	5,48	5,25
Среднее число живорождений				
I	3,68	3,74	3,17	4,57
II	2,25	2,45	2,44	2,55
III	2,65	2,91	2,68	3,44
Среднее число абортов				
I	1,05	1,91	0,22	0,14
II	3,51	5,31	2,89	2,55
III	2,81	4,11	2,00	1,50
Среднее число выкидышей и мертворождений				
I	0,44	0,43	0,55	0,05
II	0,41	0,19	0,67	0,37
III	0,42	0,28	0,63	0,22

Окончание табл. 12

Показатель	Популяции			
	Красная Поляна	Старо-ласпа	Девнин-ское	Георгиев-ка
Среднее число детей, не доживших до репродуктивного возраста				
I	0,54	0,91	0,89	1,76
II	0,15	0,09	0,17	0,18
III	0,26	0,38	0,41	0,87
Среднее число потомков, доживших до репродуктивного возраста				
I	3,00	2,61	2,22	2,91
II	2,12	2,36	2,19	2,41
III	2,37	2,41	2,20	2,62

Примечание. I — ранняя возрастная когорта (женщины, завершившие репродукцию к 1960 г.); II — поздняя когорта (женщины, завершившие репродукцию в 1980-е гг.); III — суммарные показатели репродуктивной способности.

В табл. 13 представлены индексы потенциального отбора по методу Кроу и составляющие его компоненты в исследуемых популяциях. Беременности, закончившиеся абортom, в анализ не были включены. Данные табл. 13 показывают, что у женщин пос. Красная Поляна различия по компонентам дифференциальной смертности (I_m), дифференциальной плодовитости (I_f) и индексу потенциального отбора (I_t) незначительны. Напротив, в популяциях Староласпа, Девнинское и Георгиевка ранняя когорта (I) имеет более чем двукратное превышение индексов потенциального отбора и составляющих его компонентов в сравнении с поздней (II).

Применение подсчетов индексов Кроу и составляющих его компонентов связано со значительными сложностями, соответствующие цифры, полученные нами для групп Приазовья, отличаются от реального положения вещей, поскольку небологические факторы (социальные меры регулирования численности) стирают генетические различия в плодовитости, смертности и искажают истинную силу давления отбора¹. Поэтому особый интерес представляет подсчет индексов потенциального отбора с учетом

¹ Crow J. F. Op. cit.; Большакова Л. П. Механизмы репродуктивной компенсации в популяциях с разным характером репродукции // Генетика. 1989. Т. 25. № 9.

В табл. 14 приведены индексы потенциального отбора и его составляющие с учетом эмбриональных потерь и дорепродуктивной смертности в исследуемых популяциях Приазовья и сопоставлены с аналогичными собственными и литературными данными по контрастным этническим группам Памира и Сибири. Доля эмбрионов, доживших до момента рождения (P_b), в греческих и албанских группах существенно ниже в сравнении с русшанцами, киргизами Памира и эвенами Якутии; причем в ранней возрастной группе (I) значение в два раза выше, чем в поздней (II) и по суммарным значениям колеблется от 0,40 в Староласпе до 0,65 в Георгиевке. Это объясняется тем, что в группе II число беременностей, завершившихся искусственным прерыванием, намного выше, чем в группе I. В популяциях Памира, отличающихся естественным характером репродукции с соблюдением традиций нерегулируемой рождаемости, доля P_b колеблется от 0,89 до 0,91 и близка по значению к таковым у эвенов. Напротив, доля потомков, доживших до репродуктивного возраста, значительно выше в группах Приазовья. В них также больше величина смертности от момента рождения до репродуктивного возраста (Im_e), особенно в когорте I (за исключением женщин из Красной Поляны). Максимум данной характеристики отмечен у киргизов Мургаба ($Im_e = 1,43$). Однако доля вклада в структуру I_t компоненты пренатальной смертности намного выше, чем постнатальной и дорепродуктивной смертности вместе взятых. Иную картину имеют лишь ранняя возрастная когорта в Георгиевке, а также популяции Памира. Величины индекса потенциального отбора I_t в несколько раз выше в возрастной группе II популяций Приазовья, что, в свою очередь, увеличивает среднее значение индекса по популяции в целом, достигая от 2,01 в Георгиевке до 5,20 в Староласпе. Следует отметить, что и данный метод оценки потенциального отбора с учетом эмбриональных потерь в популяциях, контролирующей репродукцию, не лишен некоторых недостатков, сильно завышающих реальные значения, однако применение его в данном случае оправдано в связи с отсутствием иных, более совершенных, способов изучения сложнейшего биологического процесса репродукции.

Воспроизводство себе подобных имеет свои характерные особенности проявления в каждой конкретной популяции человека, обусловленные совокупностью социальных, экономических, этнических, биологических факторов, географических условий проживания и экологии окружающей среды. Таким образом, формирование генофонда нового поколения происходит под жестким прессингом эволюционного отбора. И в этой связи антропогенетическое исследование компактных этнических групп греков Приазовья представляется весьма интересным для познания глубинных механизмов реорганизации популяционно-генетической структуры малых

сельских популяций, которая обусловлена значительным увеличением вклада социальных факторов, переходом к практике планирования размеров семьи, ростом миграционной активности и связанными с ней процессами экзогамии и аутбридинга.

Подводя итог антропологическому изучению греков Приазовья, отметим прежде всего пионерский характер исследований. Хотя по ряду причин программа была неполной, все же удалось собрать демографический и генетический материал, расовосоматологический фотоматериал, одонтологические и дерматоглифические коллекции. Остановимся на основных результатах.

Популяционно-генетическая структура и отражающие ее демографические показатели очень сходны у румеоязычных и татароязычных греков. В обеих популяциях генетическая структура коренным образом изменилась после (и в результате) Второй мировой войны: естественный механизм воспроизводства заменился планированием размеров семьи посредством контроля над рождаемостью. По всем параметрам репродуктивной структуры исследованные сельские популяции стали походить на городские и поддерживают свой объем зачастую только за счет мигрантов. О быстром изменении структуры греческих популяций свидетельствует факт, что в греческих селах греки брачуются между собой лишь в 37–44% случаев. В то же время доля браков греков с украинцами и русскими превышает эту цифру или почти равна ей.

Сравнение обобщенных фотопортретов двух греческих мужских выборов показало их чрезвычайное сходство. Интересны, однако, специфические различия между ними: румеоязычные греки чуть более узколицы, узконосы и толстогубы по сравнению с татароязычными. Таким образом, у них сильнее выражены южноевропеоидные черты.

По строению зубных коронок обе греческие выборки принадлежат к южному грацильному типу, широко распространенному на Балканах, на Кавказе, в Средней Азии и в Индии. Обе группы греков взаимно сходны, вместе с тем в румеоязычной группе европеоидные черты выражены сильнее, чем в тюркоязычной, где отмечена восточная примесь.

По строению кожи ладоней и пальцев обе группы греков также квалифицируются как южноевропеоидные, однако разница в удельном весе южного компонента здесь выражена отчетливее, чем по данным соматологии и одонтологии. Южноевропеоидный комплекс гораздо сильнее развит у румеев Украины по сравнению с татароязычными греками. Иными словами, в последней группе отчетливо проявляется влияние восточноевропейского европеоидного населения.

Как видим, в румеоязычной группе греков Украины исходный южноропеоидный расовый компонент, судя по данным трех видов антропологических источников, сохранился в большей чистоте. Следовательно, несмотря на различие в методических подходах исследователей и объеме сравниваемого материала, по разным системам признаков удалось обнаружить направленные различия между обеими группами греков, безусловно связанные с историей формирования этих групп, в частности со степенью влияния окружающего населения. Дальнейшие исследования греческих популяций могли бы существенно обогатить наши знания по антропологической истории одного из древнейших этносов Евразии.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
ВИ	— Вопросы истории
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГКО	— Государственный комитет обороны
ГПБ РО	— Государственная публичная библиотека. Рукописный отдел
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ	— Журнал Министерства государственных имуществ
ЛЕТУАК	— Летопись Екатеринославской ученой археографической комиссии
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого Российской академии наук
МВД	— Министерство внутренних дел
МКМ	— Мариупольский краеведческий музей
ОЛЕ	— Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ООИД	— Одесское общество истории и древностей
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГА ДА	— Российский государственный архив древних актов
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГО	— Российское географическое общество
РЭМ	— Российский этнографический музей
СЭ	— Советская этнография

SUMMARY

Greeks — the descendants of one of the most ancient peoples of Europe — has dispersed through Russian empire spaces in new times. They came to Russian lands by different ways, and different circumstances made them to do it.

Nevertheless, in old times remote ancestors, ancient Greeks, had already began working with the soils, that later became Russian lands. In the period of Great Greek colonization (mostly in the VI–V centuries BC) numerous colonies appeared in the North of the Black Sea coast. They were based by migrants of Asia Minor and the Aegean Sea islands. Some of them, as Chersones and Feodosia, also existed in times of Byzantine empire. Ethnonim «romeus» (masc., sing.), our compatriots call themselves, dates their beginning back to Byzantine empire. It means «an habitant of East Roman empire», i. e. of Byzantine. It could be that Greeks, leaving on the North coast of Azov Sea, are successors of ancient Greek population. Their ancestors were taken out with other Christian population of Crimea in 1779 and were settled near the Sea of Asov where they formed a new compact group.

Greek migration in Transcaucasia mainly began in the II–I century BC and had continued up to the XIII century, when seljuks invasion forced the Christian population to move within the limits of Trebizond empire.

Russian and Greek cultures closely interwoven with each other. The trade route from Scandinavia to Byzantine went through Russia. Byzantine and it's capital Constantinople (among Slaves they called it Tsargrad) were great centers of attraction.

Mostly mass Greek immigration was a consequence of Russo-Turkish wars at the end of the XVIII and the beginning of the XIX centuries. In these wars Greeks took part actively on Russian side. As a result a lot of Greek settlements appeared in Crimea, thus Greek population was restored, all the way along Black Sea and Asov coast from Ismail and other places in Bessarabia in the West and to Taganrog and Rostov-on-Don in the East. Quite a number of Greeks settled in the capital of the Russian empire, Saint-Petersburg and other towns. Many Greeks joined military and civil services, becoming nobles after a while. Others, who didn't take in the military services, remained farmers, fishermen and sailors. Among Greeks of European part of Russia language and cultural assimilation processes prevailed because of dispersed settling and active

interethnic confusion. Most part of the Greek population gradually mixed with Russian and partly with Ukrainian ethnoses. Inhabitants of regions near the Black Sea and near the Sea of Azov are an exclusion.

Special parts of this book are dedicated to them, and other parts characterize Greeks, living in Transcaucasia and in North Caucasus. Their self-identification is much more expressed, because the culture of surrounding peoples strongly differs from their own. The main stream of Greek migrants to Caucasus and Transcaucasia takes the beginning in second part of the XV century, when Greek miners from Erzurum pashalik of Osman empire were invited in Armenia for mining works. In 1828, by agreement of Turkmanchay peace treaty between Russia and Persia, Erivan and Nahichevan (East Armenia) khanates passed on to Russia. Christians from Persia, including Greeks, began moving to these territories. By the beginning of the XIX century resettling waves from Turkey intensified.

Because of the Adrianopole peace treaty of 1829 the Black Sea coast of Caucasus, from the river Kuban on the North to the Adjaria frontier on the South, was passed on to Russia. At the same time Kars, Ardahan, Bayezet, Erzurum were returned to the Osman empire. And Christians of these regions set out, filling up settlements, that were already founded. In 1860s Greeks from Trabzon (this place was called ancient Trebizond by Turkey) started moving. According to the terms of agreement of San Stefano of 1878 Kars, Ardahan, Bayezet, as well, as Batumi, were passed on to Russia again. Many Greeks from Trabzon moved there. They made up 11% of the population in the Kars region. At the same time main settlements near Batumi appeared on mountain slopes, that face the sea.

First decades of the XX century are full of tragic events — not only resettlement, but flight of considerable people contingent, persecuted by military operations, political victimization and administrative confusion. In 1915 Turkish authorities organized persecution of Christians, that rested in people's memory as armenian genocide. Refugees — mostly Armenians and Aisores, Greeks and others also — poured within the limits of Russia, mainly in Erivan and Tiflis provinces. In the years of World War II Greeks resettled from Trabzon in Transcaucasia, including Adjaria, North Caucasus, as well as Crimea. In 1921 Kars entered Turkey once more, and population of this long-suffering region resettled in North Caucasus this time.

The last Greek resettling wave from Turkey to Russia began after the decision of a Lausanne conference 1922–1923 about the exchange of Greek and Turk population between Greece and Turkey.

Having stable self-consciousness, Greeks of Russia and contiguous states are forming a few ethnic communities:

1. Greek descendants settled in Russia towns and along Black and Azov sea coasts. Nowadays they live in Moscow, Saint-Petersburg and other towns of Russia, as well as in Ukraine and other countries of NIS. They call themselves «ellinos». Their language is modern Greek. Highly mixed with Russians both in culture and mixed marriages in very high percentages.

2. The descendants of the older population of Crimea, that had been led out of peninsula in 1779 settled along the Azov sea coast. Nowadays they live in Donetsk region of Ukraine, in towns: Donetsk, Mariupol and others. They call themselves «rumeus». They talk dialects of Mariupol group of modern Greek¹ and Crimean-tatar language.

3. The descendants of Greeks were miners. They were invited in the second part of XVIII century in territories of modern Armenia and partly resettled in Central Georgia. They live in Armenia and Georgia, including Czalka. They talk in central-caucasus dialect of modern Greek language.

4. A number of descendants have come from Minor Asia, mainly from Trebizond and regions within Central Georgia. They call themselves «romeus», but now they use a regional name «pontios» or «pontijetz» (their language is «pontiaca» or «pontijskij»), that arrived from the Pontic coast. They use a Black sea dialect.

5. A group of descendants resettled from regions within Georgia and mixed with other Christian inhabitants of Turkey. They live on Czalka upland in Central Georgia. They call themselves «urum». Their language is an Anatolian dialect of Turkish.

6. Migrant descendants of Turkey resettled in the XIX–XX centuries, mainly from the Trabzon and Kars regions. They live in North Caucasus — in the Rostov region, Krasnodar and Stavropol krai, Adigeia, Karachai-Cherkesia, Osetia and other places. They call themselves «romeus». Their black-sea dialect is very similar to the habitants of Georgian coast.

7. Descendants of Greeks, they were forced to resettle from Crimea, Abkhazia and partly from Adjara, Czalka, Transcaucasia and North Caucasus in Kazakhstan, Kirgizia and Uzbekistan. Now they inhabit villages and towns of these countries. Their dialect is of the modern Greek language.

8. Descendants of Greek political emigrants were fighters of the Greek national war of liberation, that emigrated in 1949 in the USSR. They live in Tashkent and other cities of Uzbekistan. They talk literary modern Greek language. They call themselves «ellinos». They number a few thousand but genetically are not connected with Russian diaspora Greeks. They are native speakers of the modern Greek literary language and represent modern Greek culture. They

¹ There is no definite language classification (or dialects), accepted by specialists, that is used by Greeks of Russian diaspora. In this case the author uses the classification, by suggestion of professor O. S. Shirokov.

were politically emigrated, approximately 60 thousand people, mostly descendants of mixed marriages. The USSR population census of 1989 does not mark out this group among the total number of Greeks. Psychologically, they now join the diaspora Greeks, taking part in their social movements and laying in their problems to heart.

Total number of Greeks in Russia, according to 1989 census was 91,7 thousand people. In the Stavropol krai they numbered 28,5 thousand people, in the Krasnodar krai they were more than 1,5 thousand people. Furthermore small groups lived in the places of former compulsory settlement of Komi, Mari republic, Mordovia, Udmurtia, Tuva, Khakass, Yakutia, Yamalo-Nenets region, and Chukotka. In all these regions in the countryside they numbered about 30 thousand, in the cities — twice as many (in Moscow there were about 3 thousand people). Because of these settlements and populations the process of ethnic disintegration becomes natural. All Greeks of Russia speak Russian language and most of them recognize it as a native language (during the census of 1989 47 thousand people declared this their native language, while 40 thousand recognized Greek as their native language).

Accordingly the census of 1989 98,4 thousand people lived in Ukraine. In 1990s more than half of them married Russians and Ukrainians. All of them can speak Russian, but only part of them can speak Ukrainian.

100,3 thousand Greeks lived in Georgia, 46,7 thousand — in Kazakhstan, 10,5 thousand — in Uzbekistan, however, in all these book numbers are estimated.

There are two reasons why these numbers are estimated. Firstly, in years of repression and infringement many people of Greek extraction had been concealing their origin. Secondly, especially in the beginning of 1990s there was an intensive outflow of Greeks from Transcaucasian countries in Russia in North Caucasus and different regions of the country, especially in towns. Finally they emigrated in Greece, where special regions appeared, settled by Russian-speaking and pontiaca-speaking Greeks. Russian-Pontiac culture integrated with Greek culture. Integration of the first generation migrants found great difficulty with the culture of the aboriginals.

For saving a wise balance between international purpose of large integrated communities and special interests of different ethnoses, it's very important not to forget their origins and traditions inherited from older generations. Without traditions people are not related with their ethnos.

The aim of the authors of this book is to keep historical memory and ethnic traditions of our compatriots — Greeks. Here the information is collected about history and culture of the Russian and Ukrainian Greeks.

The book opens by a chapter, dedicated to the early period of Greeks residence in Moscow state.

In ancient Moscovia there were people known by their collective name «grechany»: they could have been the Greeks along with others who were credited as the Orthodox religion (it was said in the old times — Greek religion).

Greeks lived mostly in Kitai Gorod and other places except region beyond Moscow-river. There were a lot of merchants among «grechany», that were coming with goods and settled here. Also who came with them were church men, monks of the Aphon community and military men, interpreters and translators, who served in Prikases.

The next four chapters tell about the settlement of Greeks in the New time through the territories of Russia and Ukraine and about their all-round activity and status in Russian society.

The largest emigration wave in the history of Russian-Greek relations, that lasted many centuries, was caused by the Russo-Turkish war of 1768–1774, ended by peace treaty, that allowed Archipelago population a right of resettlement in Russia. By the end of XIX century two distinct groups of Greeks were formed, that inhabited the Russian empire: Greeks living in the center, mostly citizens, were assimilated by Russian culture to some extent, and inhabitants of south zones, Caucasus and Transcaucasia, preserved their culture habits and languages preferences.

Descendants of Greek immigrants joined the ranks of all levels of Russian population. Some of them lived in capitals of the empire and were known as men and public figures. Earl John Capodistria of 1776–1831 should be awarded the first person among famous Greeks. He was one of the founders of the first Greek state (Ionian Republic) and the first president of independent Greece (1827–1831). No less known was Alexander Ipsilanti (1792–1828) — the general-major of the Russian army, he took part in the Patriotic war of 1812. He was the head of Philiki Eteria, he organized the first military action against the Osman government in the region of Danube. His brother Dimitrios (1793–1832) was also an officer of the Russian army and took active part in the Greek National liberation war.

Many Greeks, named on the pages of this book, have retraced their steps in Russian history. These noblemen, merchants, artisans, peasants, petty bourgeoisie, left their ancestral roots and took on Russian second names or names that sounded like Russian.

A considerable part of the book is dedicated to Greeks settled near the coast of the Sea of Azov. In 1764 the decree, called «Plan of distribution of fiscal territories in Novorossiiskaia province for the settlement» was published. (Novorossiiskaia and Ekaterinoslavskaia provinces were formed in 1764.) According to this plan big lots were given as private property to «people of all ranks» provided they organized cattle farms, mills and industries.

Thus farming and industries were formed in the southern outlying districts of Russia in XVIII–XIX centuries. Their social structures were very complicated and many people were ethnically mixed.

Economic structure of Crimean khanate was weakened by the government. It organized expulsion from Crimea of all Christians — the Greeks, the Armenians, the Volokhs, that formed merchant and artisans stratas of population. The Greeks were resettled near the Sea of Azov between rivers Kalmius, Volchja, and Mokryja Jaly. They were given a status of «foreign colonists» with all the ensuring rights and privileges. Settling of other colonist close to this region of Greek resettlements were the Germans, the Jews, the Bulgarians and the Russians and the Ukrainians. Gradually all the region the Sea of Azov became the multiethnic, with complex language and cultural relationships. The life of the Greeks near the Sea of Azov before the October revolution divides into two periods. The first period began from the moment of settling in 1779 till the reforms of the 1860s, the second period is the time after the reforms. Special parts of the book are dedicated to each period. In the next chapters it is described the mode way of life of Greek villages during the revolution and the period of economic collectivization and the Second World War. The reader will learn about family life and countryside family holidays.

υπηρετούσαν στον Ρωσικό Στρατό και το Δημόσιο και με τα χρόνια κατατάσσονταν στην τάξη των ρώσων ευγενών. Άλλοι παρέμεναν γεωργοί, αμπελοουργοί, ψαράδες και γαντικοί. Όσον αφορά τους Έλληνες της Ευρωπαϊκής Ρωσίας, εξαιτίας του σποραδικού οικισμού και της επιμείζιας μεταξύ των εθνών, τόσο στη γλώσσα, όσο και τον πολιτισμό κυριάρχησαν τάσεις αφομοίωσης. Ένα μεγάλο μέρος του ελληνικού πληθυσμού, σιγά-σιγά αναμίχθηκε με το ρωσικό και εν μέρει το ουκρανικό έθνος. Εξαιρεση αποτελούν οι κάτοικοι της Μαύρης και της Αζοφικής Θάλασσας, στους οποίους σ' αυτό το βιβλίο αφιερώνονται ειδικά τμήματα.

Διαφορετική είναι η κατάσταση για τους Έλληνες του Καυκάσου. Η ταυτότητά τους εκφράζεται εντονότερα, επειδή ο πολιτισμός των λαών που τους περιβάλλουν διαφέρει σημαντικά από τον δικό τους. Το κυριότερο ρεύμα των Ελλήνων μεταναστών στον Καυκάσο άρχισε το β' μισό του 19' αιώνα, όταν προσκλήθηκαν στην Αρμενία Έλληνες εργάτες από το Πασαλίκιο του Ερζερούμ της Οθωμανικής Αυτοκρατορίας για μεταλλευτικά έργα. Το 1828, με την Ειρήνη του Τουκμαντσά μεταξύ Ρωσίας και Περσίας στη Ρωσία πέρασαν δύο Χανάτα: του Ερεβάν και του Ναχιτσεβάν (Ανατολική Αρμενία. Στα εδάφη αυτά άρχισαν να μεταναστεύουν χριστιανοί από την Περσία, μεταξύ των οποίων και Έλληνες. Στις αρχές του 19' αιώνα αυξήθηκε το μεταναστευτικό κύμα από την Τουρκία. Με την Ειρήνη της Αδριανούπολης του 1829 η Ρωσία απέκτησε τις ακτές της Μαύρης Θάλασσας στην περιοχή του Καυκάσου από τον ποταμό Κουμπάν στον Βορά έως τα σύνορα της Αζαρίας στο Νότο. Ταυτόχρονα στην Οθωμανική Αυτοκρατορία επιστρέφονταν το Καρς, το Αρνταγκάν, το Μπαγιαζέτ, το Ερζερούμ. Και πάλι οι χριστιανοί από τα μέρη αυτά μεταναστεύουν και ποκνώνουν τους ήδη υπάρχοντες οικισμούς. Την δεκαετία του 1860 ξεκίνησαν οι Έλληνες από το "Τραμπζόν", έτσι ονομάζεται στην Τουρκία η αρχαία Τραπεζούντα.

Σύμφωνα με τους όρους της Ειρήνης του Αγίου Στεφάνου του 1878 η Ρωσία πάλι απέκτησε το Καρς, το Αρνταγκάν, το Μπαγιαζέτ και το Μπατούμι. Πολλοί Έλληνες από την Τραπεζούντα πήγαν εκεί και στην περιοχή του Καρς αποτελούσαν το 11% του πληθυσμού. Τότε επίσης δημιουργήθηκαν οι βασιικοί οικισμοί κοντά στο Μπατούμι, στις πλαγιές των βουνών κοντά στην θάλασσα.

Οι πρώτες δεκαετίες του 20 αιώνα είναι πλήρως τραγικών γεγονότων. Όχι μόνο μετανάστευσης, αλλά φυγής σημαντικών ομάδων ανθρώπων κωνηγημένων από πολέμους, πολιτικούς διωγμούς κ. α. Το 1915 οι τουρκικές αρχές πραγματοποίησαν διωγμό των χριστιανών, ο οποίος χαραχθηκε στην μνήμη του λαού με την ονομασία "Σφαγή των αρμενίων". Οι πρόσφυγες, αρμένιοι, αλλά και Έλληνες και άλλοι λαοί κατέφυγαν στη Ρωσία, κυρίως στις περιοχές του Ερεβάν και της Τιφλίδας. Τα χρόνια του Α' Παγκοσμίου Πολέμου οι Έλληνες από την Τραπεζούντα μετανάστευσαν στον Καυκάσο, την Αζερία και την Κριμαία. Το 1921 το Καρς και πάλι περιήλθε στην τουρκική επικράτεια και ο πληθυσμός αυτής της πολύπαθης περιοχής πάλι άρχισε να μετακινείται, αυτή την φορά προς τον Βόρειο Καυκάσο.

ΠΕΡΙΛΗΨΗ

Οι Έλληνες, απόγονοι ενός από τους αρχαιότερους λαούς της Ευρώπης, κατοίκησαν διάφορα μέρη της απέραντης Ρωσικής Αυτοκρατορίας κατά την Νεότερη Ιστορική Περίοδο. Από διάφορους δρόμους οι Έλληνες έφθασαν στα ρωσικά εδάφη προερχόμενοι από διαφορετικές περιστάσεις.

Οι μακρινοί τους πρόγονοι όμως, οι αρχαίοι Έλληνες, ακόμα και την Αρχαία Εποχή εξερεύνησαν τις εκτάσεις, που αργότερα έγιναν ρωσικές. Κατά την περίοδο του Μεγάλου Αποικισμού, ιδιαίτερα στον 16ο και τον 17ο αιώνα π. Χ. στην Βόρεια Μεσόγειο παρουσιάζονται πολυάριθμες αποικίες που ιδρύθηκαν από μετανάστες από την Μικρά Ασία και τα νησιά του Αιγαίου. Μερικές από αυτές, π. Χ. η Χερσόννησος και η Θεοδοσία διατηρήθηκαν και κατά την Περίοδο της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας. Το εθνώνυμο "ρωμιάς", το οποίο χαρακτηρίζει τους σημερινούς μας συμπατριώτες, προέρχεται από την εποχή του Βυζαντίου και σημαίνει κάτοικος της Ανατολικής Ρωμαϊκής Αυτοκρατορίας, δηλαδή του Βυζαντίου. Πιθανώς, οι διάδοχοι των αρχαίων ελληνικών πληθυσμών, είναι οι Έλληνες που κατοικούν σήμερα στις βόρειες ακτές της Αζοφικής. Οι πρόγονοί τους μεταφέρθηκαν το 1779 μαζί με τους υπόλοιπους χριστιανικούς πληθυσμούς από την Κριμαία και εγκαταστάθηκαν στην Αζοφική, όπου αποτελούν μια συμπαγή ομάδα.

Στον Καυκάσο η μετανάστευση των Ελλήνων άρχισε, κυρίως, στον 2ο και 1ο π. Χ. αιώνα και συνεχίστηκε μέχρι τον 13ο μ. Χ. αιώνα, όταν η εισβολή των σελτζούκων τουρκοκων ανάγκασε τον χριστιανικό πληθυσμό να μετακινηθεί στα όρια της Αυτοκρατορίας της Τραπεζούντας.

Οι πολιτισμοί της Ελλάδας και της Ρωσίας έχουν πάρα πολύ στενές σχέσεις. Μέσω της Ρωσίας περνούσε ο περίφημος "Δρόμος από τους βουράγγους στους Έλληνες". Το Βυζάντιο και η πρωτεύουσά του η Κωνσταντινούπολη (την οποία αλλοίως αποκαλούσαν Βασιλεύουσα) ήταν πάντα σημαντικός πόλος έλξης.

Η πιο μαζική μεταναστευτική κίνηση υπήρξε αποτέλεσμα των Ρωσοτουρκικών πολέμων (τέλη 17' — αρχές 19' αιώνα) στους οποίους οι Έλληνες συμμετείχαν ενεργά με τους ρώσους. Τότε δημιουργήθηκαν πολλοί ελληνικοί οικισμοί στην Κριμαία (με αυτό τον τρόπο αποκαταστάθηκε ο ελληνικός πληθυσμός). Σε όλη την έκταση των ακτών της Μαύρης και της Αζοφικής Θάλασσας, από το Ισμαήλ και άλλα μέρη της Βεσσαραβίας στη Δύση και μέχρι το Ταγκανρόγκ και το Ροστόφ το επί του Ντον στην Ανατολή. Αρκετοί Έλληνες εγκαταστάθηκαν στην πρωτεύουσα της Αυτοκρατορίας, την Αγία Πετρούπολη και άλλες πόλεις. Πολλοί Έλληνες

Το τελευταίο μεταναστευτικό ρεύμα των ελλήνων από την Τουρκία στην Ρωσία ξέσπασε μετά την απόφαση της Συνδιάσκεψης της Λωζάνης (1922-1923) για την ανταλλαγή των πληθυσμών μεταξύ Ελλάδος και Τουρκίας.

Με σταθερή την εθνική τους συνείδηση, οι έλληνες της Ρωσίας και των γύρω χωρών, χωρίζονται σε μερικές εθνικές υποομάδες:

(α) Οι απόγονοι των ελλήνων που εγκαταστάθηκαν τον 15^ο — 19^ο αιώνα στις πόλεις της Ρωσίας και τις ακτές της Μαύρης και της Αζοφικής Θάλασσας. Τώρα μένουν στη Μόσχα, την Πετρούπολη και άλλες πόλεις της Ρωσίας, της Ουκρανίας και των υπόλοιπων χωρών της ΚΑΚ. Αυτονομιάζονται έλληνες και μιλούν νέα ελληνικά στην μορφή της δημοτικής. Είναι έντονα αναμειγμένοι πολιτιστικά με τους ρώσους εξ αιτίας μικτών γάμων.

(β) Οι απόγονοι των παλαιών κατοίκων της Κριμαίας τους οποίους μετακίνησαν από την χερσόνησο το 1779 στην βόρεια ακτή της Αζοφικής Θάλασσας. Σήμερα κατοικούν στην περιοχή της πόλης Ντονέτσκ της Ουκρανίας, στις πόλεις Ντονέτσκ, Μαριούπολη κ.α. Αυτονομιάζονται ρωμαιοί και μιλούν τα νεοελληνικά ιδιώματα της Μαριούπολης,¹ όπως επίσης και τα ταταρικά της Κριμαίας.

(γ) Οι απόγονοι των ελλήνων μεταλευτικών εργατών που προσκλήθηκαν τον β' μισό του 19^{ου} αιώνα στα εδάφη της σημερινής Αρμενίας και που την δεκαετία του 1820 εν μέρει μεταφέρθηκαν στην Κεντρική Γεωργία. Κατοικούν στην Αρμενία και την Γεωργία, όπως επίσης και στην περιοχή της Τσαλκάς. Μιλούν το νεοελληνικό ιδίωμα του Κεντρικού Καυκάσου.

(δ) Οι απόγονοι των μεταναστών από τη Μικρά Ασία, κυρίως από την Τραπεζούντα και της τουρκικής ενδοχώρας. Κατοικούν στην Αντζαρία, την Αμτχάζια και μερικές περιοχές της Κεντρικής Γεωργίας. Αυτονομιάζονται ρωμαιοί, αλλά τώρα χρησιμοποιούν και την ονομασία πόντιος, η οποία δείχνει ότι κατοικούν τις ακτές του Ευξείνου Πόντου. Μιλούν την ποντιακή διάλεκτο.

(ε) Οι απόγονοι των μεταναστών από την ενδοχώρα της Τουρκίας που αναμίχθηκαν έντονα με τους άλλους ορθόδοξους κατοίκους της Τουρκίας. Κατοικούν στην ορεινή περιοχή της Τσαλκάς στην Κεντρική Γεωργία. Αυτονομιάζονται ουρούμ. Μιλούν την ανατολική διάλεκτο της τουρκικής γλώσσας.

(στ) Οι απόγονοι των μεταναστών του 17^{ου} — 19^{ου} αιώνα από την Τουρκία, κυρίως από την Τραπεζούντα και την περιοχή του Καρς. Κατοικούν στον Βόρειο Καύκασο και ειδικότερα στην περιοχή του Ροστόφ, του Κρασνοντάρ και της Σταυρούπολης, στην Αντεγκέα, την Καρατσάι, την Βόρεια Οσετία κ. λ. π. Αυτονομιάζονται ρωμαιοί. Μιλούν ποντιακά με ελάχιστα διαφορές από την γλώσσα των κατοίκων της γεωργιανής ακτής του Ευξείνου Πόντου.

¹ Δεν υπάρχει ακριβής και αποδεκτή από τους ειδικούς ταξινόμηση των γλωσσών αυτών (των διαλέκτων ή των ιδιωμάτων) που χρησιμοποιούν στην καθημερινή τους ζωή οι έλληνες της ρωσικής διασποράς. Εν προκειμένω ο συγγραφέας χρησιμοποιεί την ταξινόμηση που πρότεινε ο Καθηγητής Ο. Σ. Σιρόκοφ.

(ζ) Οι απόγονοι των ελλήνων που το 1930-1940 υπέστησαν βίαιο διωγμό από την Κριμαία, την Αμτχάζια, εν μέρει από την Ατζαρία, την Τσάλκα, τον Καύκασο και μεταφέρθηκαν στο Καζαχστάν, την Κιργιζία και το Ουζμπεκιστάν. Κατοικούν στις πόλεις και τα χωριά αυτών των κρατών. Μιλούν ποντιακά. Αυτονομιάζονται πόντιοι.

(η) Οι απόγονοι των ελλήνων πολιτικών προσφύγων, μαχητών του λαϊκού-απελευθερωτικού στρατού της Ελλάδας, που το 1949 κατέφυγαν στην ΕΣΣΔ. Κατοικούν στην Τασκένδη και άλλες πόλεις. Μιλούν στην κοινή νεοελληνική γλώσσα. Αυτονομιάζονται έλληνες. Πρόκειται για ομάδα (μερικές χιλιάδες ατόμων) που γεννητικά δεν συνδέονται με τους έλληνες της ρωσικής διασποράς. Είναι φορείς της κοινής νέας ελληνικής γλώσσας και του σύγχρονου ελληνικού πολιτισμού. Είναι οι τελευταίοι από τους εναπομειναντες μιας σχετικά πολυάριθμης πολιτικής μετανάστευσης (περίπου 60.000 άτομα). Στην πλειοψηφία τους γόνοι μικτών γάμων. Η απογραφή πληθυσμού της ΕΣΣΔ (1989) δεν ξεχωρίζει αυτή την ομάδα από τους υπόλοιπους έλληνες. Ψυχολογικά ανήκουν στους έλληνες της διασποράς. Συμμετέχουν στα κοινωνικά τους κινήματα και συμπάσχουν με τα προβλήματα τους.

Σύμφωνα με την απογραφή του πληθυσμού του 1989 ο συνολικός αριθμός των ελλήνων ήταν 91.700, στην περιοχή της Σταυρούπολης 28.500, στην περιοχή του Κρασνοντάρ πάνω από 14.800, στην Αντεγκέα πάνω από 1.500. Εκτός τούτου, μικρές ομάδες ζούσαν στα μέρη όπου είχαν εκτοπιστεί: στο Κόμι, την Δημοκρατία Μαρίαςκαγια, την Μορντόβια, την Ουντιούρνια, την Τουβά, την Χακασία, την Γιακουτία, την περιοχή του Χαντιμανσίσκ, την περιοχή του Γιαμάλο-Νινέτσκ και στην Αυτόνομη Ομοσπονδία της Τσουκότκα. Συνολικά στις αγροτικές περιοχές ζούσαν περί τους 30.000 έλληνες, ενώ στις πόλεις ο αριθμός τους ήταν διπλάσιος (στη Μόσχα 3.000). Με μια τέτοια κατανομή κατοίκων και τόσο μεγάλο ποσοστό αστικού πληθυσμού, είναι φυσιολογική η άση της εθνικής διάλυσης. Όλοι οι έλληνες της Ρωσίας μιλούν την ρωσική γλώσσα που για τους περισσότερους είναι μητρική (στην απογραφή πληθυσμού του 1989 δήλωσαν την ρωσική ως μητρική 47.000, ενώ τα ελληνικά 40.000).

Στην Ουκρανία σύμφωνα με την απογραφή πληθυσμού του 1989 κατοικούσαν 98.400 έλληνες. Την δεκαετία του 1990 το μεγαλύτερο μέρος τους είχε τελέσει μικτούς γάμους με ρώσους και ουκρανούς. Χωρίς εξαιρέσεις, όλοι τους μιλούν ρωσικά και εν μέρει ουκρανικά.

Στην Γεωργία το 1989 κατοικούσαν 100.300 έλληνες, στο Καζαχστάν 46.700, στο Ουζμπεκιστάν 10.500.

Όλοι οι αριθμοί αυτοί έχουν μόνο γενικό χαρακτήρα. Πρώτον, τα χρόνια των διωγμών και παντός είδους περιορισμών πολλοί άνθρωποι ελληνικής καταγωγής, ιδιαίτερα οι γόνοι των μικτών γάμων έκρυβαν την καταγωγή τους. Δεύτερον, στα τέλη της δεκαετίας του 1980 και κυρίως στις αρχές της δεκαετίας του 1990 οι έλληνες μετακινούνταν εντατικά από τον Καύκασο στη Ρωσία, συγκεντρωμένα στον Βόρειο Καύκασο και σε διάφορες περιοχές της χώρας, κυρίως σε πόλεις. Τέλος, με-

σολάβησε και ο επαναπατρισμός στην Ελλάδα, όπου δημιουργούντο ολόκληροι συννοικισμιοί ρωσπονητών. Ο ρωσπονητικός πολιτισμός συναντιέται με τον καθαυτό ελληνικό. Η διαδικασία αυτή δεν συντελείται πάντα με ευθύ και ομαλό ρυθμό. Η αφομοίωση των επαναπατρισθέντων της πρώτης γενιάς με τον τόπιο πληθυσμό είναι πολύ δύσκολη. Είναι ιδιαίτερα σημαντικό να μην εξαφανισθεί η ανθρώπινη μνήμη της καταγωγής και της μακραίωνης παράδοσης, γιατί χωρίς παράδοση, δεν μπορεί να αιθανθεί κανείς ότι ανήκει στο έθνος του.

Η ομάδα των συγγραφέων του βιβλίου αυτού είχε σκοπό να βοηθήσει κατά το δυνατόν τους Έλληνες συμπατριώτες μας στην διατήρηση της ιστορικής τους μνήμης και της εθνικής τους παράδοσης. Έχουμε συγκεντρώσει ιστορικές και πολιτιστικές πληροφορίες για τους Έλληνες της Ρωσίας και της Ουκρανίας.

Το βιβλίο αυτό αρχίζει με ένα κεφάλαιο, αφιερωμένο στην πρώιμη περίοδο της παρουσίας των Ελλήνων στο κράτος της Μοσχολίας.

Στη Μοσχολία ήταν γνωστοί κάτοικοι με την γενικό ονομασία "Γκρετανί" που θα μπορούσαν να είναι και Έλληνες στην εθνικότητα ή εκπρόσωποι άλλων ορθόδοξων λαών (η ορθόδοξη πίστη λεγόταν τότε στην Ρωσία "ελληνική"). Οι Έλληνες της Μόσχας κατοικούσαν κυρίως στον συνοικισμό Κιτάϊ Γκόροντ και άλλοι, εκτός από την περιοχή της αριστερής όχθης του ποταμού Μόσχολβα (Ζαμοσφορέτσειε). Μεταξύ τους υπήρχαν πολλοί έμποροι που έρχονταν με τα εμπορεύματά τους και έμεναν για πάντα, στρατιωτικοί, μεταφραστές και διερμηνείς που υπηρετούσαν στα τότε υπουργεία (Πρικάζ), στελέχη της Εκκλησίας, η αδελφότητα των μοναχών από το Άγιον Όρος.

Τα επόμενα τέσσερα κεφάλαια περιγράφουν την εγκατάσταση των Ελλήνων στη Ρωσία και την Ουκρανία κατά την νεότερη ιστορική περίοδο, τις πολύπλευρες δραστηριότητές τους και τη θέση τους στην ρωσική κοινωνία.

Το μεγαλύτερο μεταναστευτικό ρεύμα σε όλη τη μακρόχρονη ιστορία των ελληνορωσικών σχέσεων υπήρξε αποτέλεσμα του Ρωσοτουρκικού Πολέμου του 1768-1774 που τελείωσε με την Ειρήνη του Κιουτσούκ-Καϊναρτζή με την οποία οι κάτοικοι του Αιγαίου απέκτησαν την δυνατότητα να μετακινούνται προς την Ρωσία.

Στα τέλη του 18' αιώνα διαμορφώθηκαν φανερά δύο ξεχωριστές ομάδες Ελλήνων που κατοικούσαν στην Ρωσική Αυτοκρατορία: οι Έλληνες της Κεντρικής Ρωσίας, κυρίως αστικοί πληθυσμοί, αφομοιωμένοι ως ένα βαθμό από τον ρωσικό πολιτισμό και οι Έλληνες των νοτίων περιοχών, του Καυκάσου που διατηρούν σε μεγάλο βαθμό και τις πληθυστικές τους ρίζες και τις γλωσσικές τους επιλογές.

Οι απόγονοι των Ελλήνων μεταναστών πέρασαν σε όλα τα στρώματα της ρωσικής κοινωνίας. Μερικοί έμεναν στις πρωτεύουσες της Αυτοκρατορίας και ήταν γνωστοί ως κρατικοί και κοινωνικοί παράγοντες.

Μεταξύ των διασημών Ελλήνων που έζησαν στην Ρωσία η πρώτη θέση ανήκει στον κόμη Ιωάννη Καποδίστρια (1776-1831). Ο Καποδίστριας ήταν ένας από τους ιδρυτές του πρώτου ελληνικού κράτους, της Ιονικής Ομοσπονδίας και πρώτος Κυβερνήτης της Ανεξάρτητης Ελλάδος (1827-1831).

Εξίσου γνωστός είναι και ο Αλέξανδρος Υψηλάντης (1792-1828) υποστράτηγος του Ρωσικού στρατού, πολέμησε στον Ναπολεόντιο Πόλεμο του 1812. Ήταν από τους επικεφαλής της Φιλικής Εταιρείας και πραγματοποίησε την πρώτη εκστρατεία των Ελλήνων επαναστατών εναντίον της Οθωμανικής Κυβέρνησης στην περιοχή του Δουνάβεως. Ο Αδελφός του Δημήτριος (1793-1832), επίσης αξιωματικός του Ρωσικού Στρατού, συμμετείχε ενεργώς στον εθνικοαπελευθερωτικό πόλεμο των Ελλήνων.

Στην ρωσική ιστορία άφησαν τα ίχνη τους πολλοί Έλληνες που αναφέρονται στο βιβλίο αυτό. Οι Έλληνες αυτοί δημιούργησαν αριστοκρατικές, εμπορικές, βιοτεχνικές και μικροαστικές οικογένειες με επώνυμα πολλές φορές ρωσοποιημένα ή εντελώς ρωσικά.

Ένα σημαντικό παράρτημα του βιβλίου αυτού είναι αφιερωμένο στους Έλληνες που κατοικούν στις ακτές της Αζοφικής Θάλασσας.

Το 1764 δημοσιεύθηκε το "Σχέδιο διανομής δημοσίων γαιών στην περιοχή του Νοβοροσίσκ προς επικοισμό" (η του Νοβοροσία και η επαρχία του Αικατερινόβλ, σαν διοικητικές μονάδες, διαμορφώθηκαν το 1764). Σύμφωνα με το σχέδιο αυτό μεγάλες εκτάσεις διανεμόνταν ως ιδιοκτησία "σε άτομα διαφόρων τάξεων", υπό τον όρο ότι θα κατοικηθούν ή θα οργανωθούν κτηνοτροφικά "εργοστάσια", μύλοι και βιομηχανικές μονάδες. Έτσι, στις νότιες περιφέρειες της Ρωσίας τον 18' αιώνα διαμορφώθηκε ένας ιδιαίτερα ιδιόρρυθμος πληθυσμός με περίπλοκη κοινωνική σύνθεση και εθνική ανομοιομορφία.

Με στόχο την οικονομική εξασθένιση του Χανάτου της Κριμαίας η Ρωσική Κυβέρνηση εκτοπίζει από την Κριμαία όλους τους χριστιανούς: Έλληνες, αρμενίους και βλάχους που αποτελούσαν το εμποροβιοτεχνικό στρώμα της κοινωνίας. Οι Έλληνες εγκαταστάθηκαν κοντά στις ακτές της Αζοφικής Θάλασσας μεταξύ των ποταμών Κάλμιους, Βόλτσια και Μόκριε Γιάλι. Τους δόθηκε η επίσημη ονομασία "ξένος άποικος", με όσα δικαιώματα και προνόμια προκύπτουν από αυτό. Στην περιοχή που κατοικούσαν οι Έλληνες ή κοντά της εμφανίστηκαν οικισμοί και άλλων αοίκων: γερμανών εβραίων, βουλγάρων, ακόμα και ρώσων και ουκρανών. Σιγά-σιγά όλη η Αζοφική μεταμορφώθηκε σε μία περιοχή με περίπλοκο σύμπλεγμα οικονομικών, γλωσσικών και πολιτιστικών σχέσεων.

Η ζωή των Ελλήνων της Αζοφικής μέχρι την Επανάσταση του 1917 χωρίζεται σε δύο περιόδους. Η πρώτη από την στιγμή της εμφάνισής τους στην Ρωσία το 1779 μέχρι τις μεταρρυθμίσεις της δεκαετίας του 1860. Η δεύτερη είναι η περίοδος μετά τις μεταρρυθμίσεις. Σε κάθε μία από αυτές τις περιόδους, στο βιβλίο αυτό αφιερώνονται ξεχωριστά κεφάλαια.

Τα επόμενα κεφάλαια περιγράφουν τον τρόπο ζωής ενός ελληνικού χωριού μετά τον Α' Παγκόσμιο Πόλεμο, την περίοδο της Κολλεκτιβοποίησης της αγροτικής οικονομίας, τα χρόνια του Β' Παγκοσμίου πολέμου και τη Μεταπολεμική Περίοδο. Ο αναγνώστης πληροφορείται για την ζωή, τις οικογενειακές και αγροτικές γιορτές των Ελλήνων. Από τις περιγραφές αυτές γίνεται φανερό το πόσο εύκαμπτο και

ανοιχτό σε κάθε είδους νεωτερισμούς σύστημα είναι ένας εθνικός πολιτισμός. Ο πολιτισμός της κάθε εθνικής κοινότητας σε κάθε συγκεκριμένη ιστορική στιγμή εξαρτάται όχι τόσο από την αντικειμενική δυνατότητα για την διατήρηση της παράδοσής της, όσο από το πως εκτιμά τον δικό της πολιτισμό.

Το τρίτο και το τέταρτο μέρος του βιβλίου επαναφέρουν τον αναγνώστη σε γενικά προβλήματα της ελληνικής διασποράς τις δεκαετίες του 1920 και του 1930. Οι αλλαγές στην κοινωνική, οικονομική και πολιτιστική ζωή των ελλήνων αντικατόπτριζαν τον χαρακτήρα των εξελίξεων που συνέβαιναν σε όλη την χώρα. Οι εφημερίδες που κυκλοφορούσαν στο Ροστόφ το επί του Ντόν και το Κρασοντόρ, μετεφίλησαν σε προπαγανδιστές της σοβιετικής ιδεολογίας. Από το τέλος της δεκαετίας του 1920 εξελίσσεται με ταχείς ρυθμούς η ελληνική λογοτεχνία (στα τοπικά ιδιώματα της νέας ελληνικής). Ταυτόχρονα αναπτύσσεται και η μεταφραστική δραστηριότητα των ελλήνων συγγραφέων. Σπουδαίο ρόλο άρχισαν να διαδραματίζουν οι λέσχες, τόποι επικοινωνίας, που υποκινούσαν την πολύπλευρη ανάπτυξη των λαϊκών ερασιτεχνικών δραστηριοτήτων. Η θεατρική τέχνη αναπτύσσεται τόσο στις λέσχες, όσο και στην επαγγελματική σκηνή.

Η πολιτιστική ανάπτυξη των ελλήνων της Σοβιετικής Ένωσης, όπως και των άλλων λαών αυτής της χώρας, διεκόπη στα τέλη της δεκαετίας του 1930. Η αναγέννηση άρχισε στα τέλη της δεκαετίας του 1980. Εμφανίστηκε μια σειρά συλλόγων στις πόλεις και τα χωριά με συμπαγή ελληνικό πληθυσμό, που ανέλαβαν οργανωτική και πολιτιστική-παιδαγωγική αποστολή.

Την σημερινή κατάσταση της εθνικής συνείδησης των ελλήνων της Ρωσίας και της Ουκρανίας μπορούμε να την ονομάσουμε επιστροφή στις ρίζες. Σε αυτό συμβάλλει η ενεργή επιστημονική δραστηριότητα πολλών ειδικών για την έρευνα της ιστορίας της ελληνικής διασποράς, όπως επίσης και η εθνογραφική δραστηριότητα (το αρχαιότερο ίδρυμα σ' αυτό τον τομέα είναι το Εθνογραφικό Μουσείο της Μαρτιούπολης) και τέλος ο περιοδικός τύπος: "Οι έλληνες της Ουκρανίας", "Εύξεινος Πόντος" (εφημερίδα του Συλλόγου Κοινωνικών Οργανώσεων των ελλήνων του Κοιμπάν), "Πατρίδα" (εφημερίδα των Συλλόγων των ελλήνων της Λιθουανίας) κ. α.

ИΠΛЮСТΡΑЦИИ

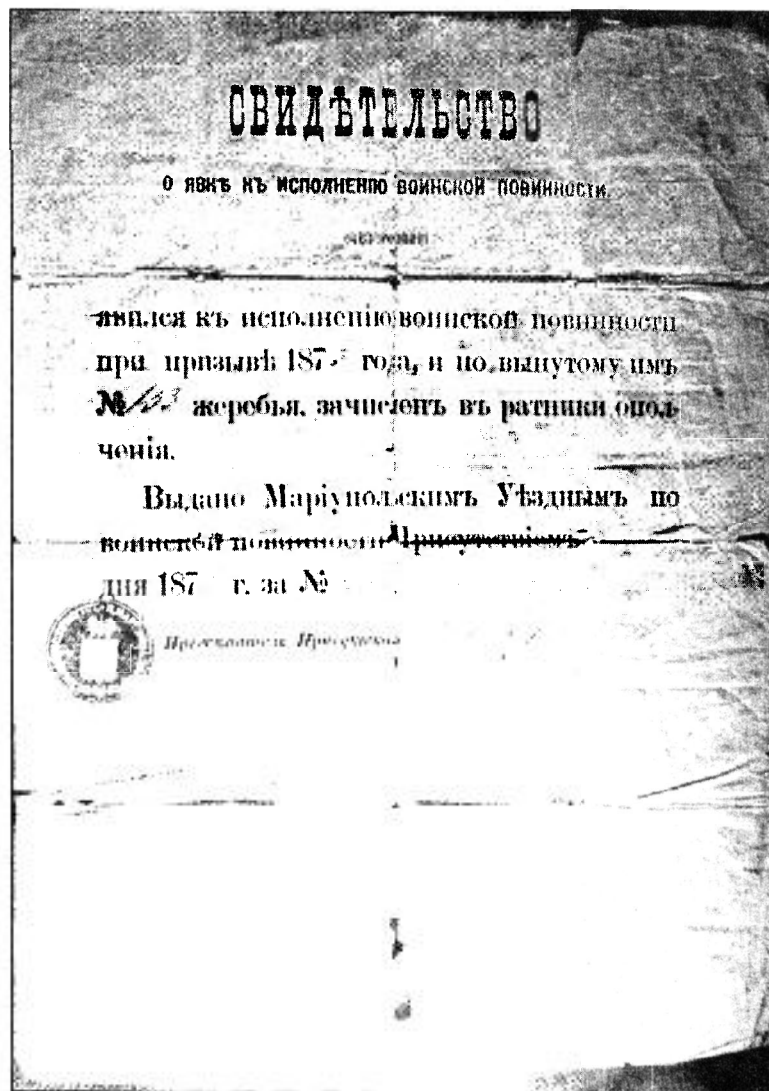
Иоанн Каподистрия

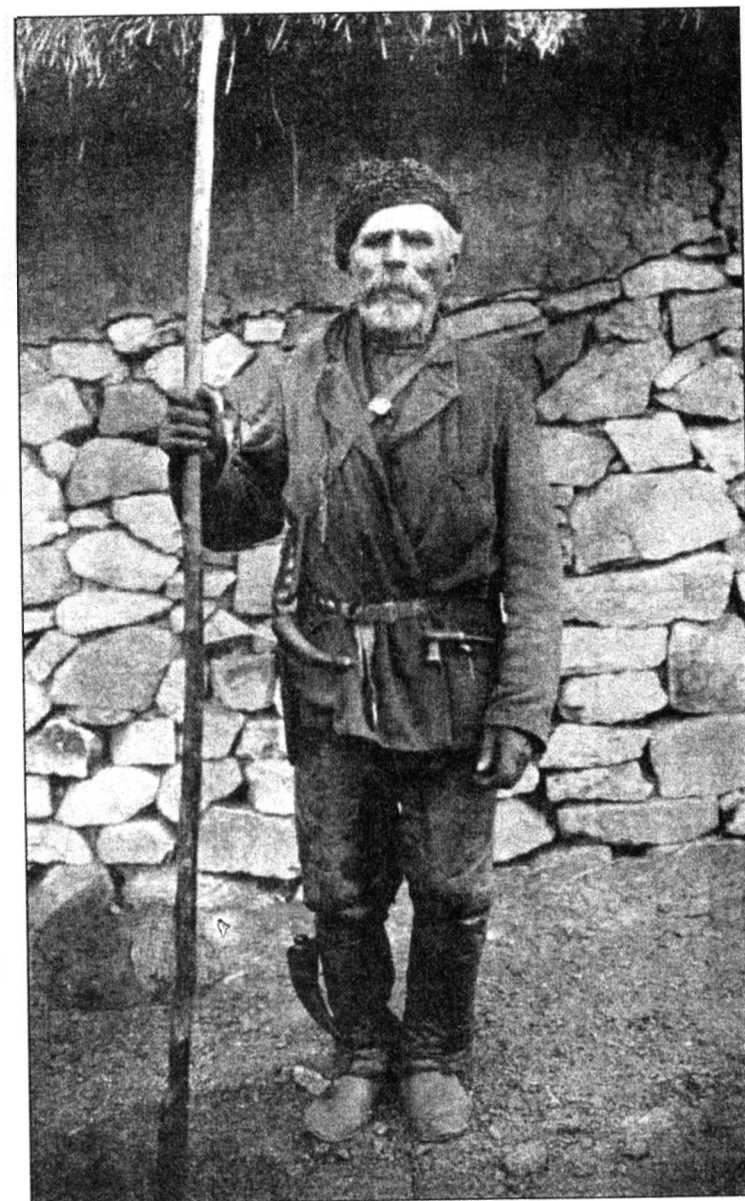
Александр Ипсиланти

Стефан Мавромихали

Повестка одному из первых рекрутов-греков в 1875 г. Село Богатырь. Фоторепродукция А. В. Смагина, 1971 г.

Грек-пастух. Из фотоколлекции Российского этнографического музея (РЭМ)

Греческая семья. XIX в. Из фотоколлекции РЭМ

Повседневный костюм пожилых крестьян. 1-я пол. XX в.
Из фотоколлекции РЭМ

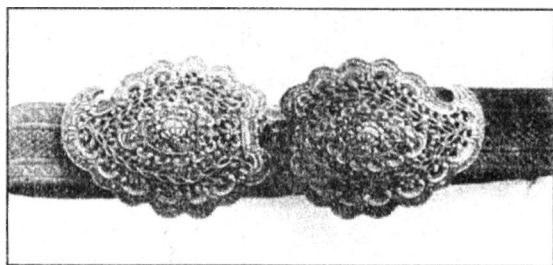
Женский ритуальный костюм XIX в.

Женский ритуальный костюм XIX в. (вид сзади)

Женщина в традиционном головном уборе «перифтар», серебряные нагрудные украшения, пояс с серебряной пряжкой. Из фотоколлекции РЭМ

Серебряные пряжки для женского пояса. Из фотоколлекции РЭМ

Женщина в традиционном головном уборе «перифтар». Вид сзади. Из фотоколлекции РЭМ

Мужской ритуальный костюм XIX в.

Традиционная греческая женская рубаша туникообразного покроя. Из фотоколлекции РЭМ

CONTENT

Preface	5
Formation of Greek diaspora in Russia	16
1. Grechany in Moscow	16
2. Resettlement of Greeks in Russia at the end of XVIII and the beginning of the XIX centuries	36
3. Greek scientists and merchants — national benefactors — in Russia (XVIII–XIX)	50
4. Greeks in Russian society	66
5. Social and cultural rank of Greeks in the first quarter of the XX century	87
Mariupol Greeks	107
1. Earlier Greek population of Crimea and its resettlement near the Sea of Azov	108
Life in Crimea	108
Arrangement in new place	120
2. Life as Foreign colonist rights	145
Way of life of Greek peasants	145
Domestic life in the village	163
Clothes of countrymen	174
Domestic handicraft	184
Village and cities	191
3. Citizens of Russia after the reforms (middle of the XIX and the beginning of the XX centuries)	209
Greek region after the reforms	209
The face of the village	231
National clothes ancient and modern times	238
Applied art	251
Greek diaspora in the first part and in the middle of the XX century	236
1. Mariupol Greeks: social and economic life	264
2. Government national policy. Culture and enlightenment in Greek diaspora	287
3. Political situation in the middle of the XX century	306

Ethnic culture of Russian and Ukrainian Greeks in the second part of the XX century	317
1. Working days and holidays in the villages near Azov Sea	318
Village way of life	318
Family	325
Family rites	332
Calendar holidays	364
2. Ethnic cultural processes in Greek diaspora environment	390
Supplement	405
1. Stephan Mavromihaly and his posterity in Russia	406
2. Romeikos famely terminology	482
3. Romeikos folklore	488
4. Anthropological investigation of Greeks, living near the Sea of Azov	530
Abbreviations	559
Summary	560
Περίληψη	566
Illustrations	573

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ

Εισαγωγή	5
Η διαμόρφωση της ελληνικής διασποράς στη Ρωσία	15
1. Ἕλληνες (Γρεχτσάνοι) στη Μόσχα	16
2. Η μετανάστευση των Ελλήνων στη Ρωσία στα τέλη του 18ου, σπς αρχές 19 αι.	36
3. Ἕλληνες επιστήμονες και ἔμποροι, οι προστάτες του εθνικού διαφωτισμού, στη Ρωσία (18ος - 19ος αι.)	50
4. Οι Ἕλληνες στην κοινωνία της Ρωσίας	66
5. Η κοινωνική και πολιτιστική θέση των Ελλήνων το πρώτο τέταρτο του 20ου αι.	87
Οι Ἕλληνες της Μαριούπολης	107
1. Ο εκ παλαιότερων χρόνων εγκατεστημένος στην Κριμαία ελληνικός πληθυσμός και η μετακίνησή του στην Αζοφική	108
Ο βίος στην Κριμαία και η μετανάστευση	120
Η εγκατάσταση στην Αζοφική	145
2. Ο βίος βάσει των δικαιωμάτων των ξένων αποίκων (τέλη 18ου και το πρώτο μισό του 19ου αι.)	145
Ο τρόπος ζωής των Ελλήνων γεωργών	145
Η οικογενειακός και καθημερινός βίος στο χωριό	163
Η ενδυμασία του αγροτικού πληθυσμού	174
Οικιστικά επιτηδεύματα	184
Χωριό και πόλη	191
3. Πολίτες της μεταρρυθμιστικής Ρωσίας (μέσα 19ου με αρχές του 20ου αι.)	209
Η ελληνική περιφέρεια την περίοδο μετά την κατάργηση της δουλοπαροικίας	209
Η εξωτερική μορφή του χωριού	231
Η εθνική ενδυμασία: παράδοση και καινοτομία	238
Εφαρμοσμένη τέχνη	251
Η ελληνική διασπορά το πρώτο μισό του 20ου αι.	263
1. Οι Ἕλληνες της Μαριούπολης: κοινωνικός και οικονομικός βίος	264
2. Η εθνική πολιτική της κυβέρνησης. Ο πολιτισμός και η παιδεία στην ελληνική διασπορά	287
3. Η πολιτική κατάσταση στα μέσα του 20ου αι.	306

Ο εθνικός πολιτισμός των Ελλήνων της Ρωσίας και της Ουκρανίας το δεύτερο μισό του 20ου αι.	317
1. Ο καθημερινός βίος και οι γιορτές στα χωριά της Αζοφικής	318
Ο βίος στο χωριό	318
Η οικογένεια	325
Οικογενειακές τελετές	332
Ημερολογιακές εορτές	364
2. Εθνοπολιτιστικές τάσεις ελληνική διασπορά	390
Παράρτημα	405
1. Ο Στέφανος Μυρομιχάλης και οι απόγονοι του στη Ρωσία	406
2. Ρωμαϊκή οικογενειακή ορολογία	482
3. Ρωμαϊκή λαυρασκία (φράζαση)	488
4. Ανθρωπολογικές έρευνες για τους Ἕλληνες της Αζοφικής	530
Βραχυγραφίες	559
Summary	560
Περίληψη	566
Πίνακας εικόνων	573

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Формирование греческой диаспоры в России XV—XIX веков	15
1. «Гречане» в Московии	16
2. Переселение греков в Россию в конце XVIII — начале XIX века	36
3. Греческие ученые и греческие купцы — покровители национального просвещения — в России (XVIII—XIX веков)	50
4. Греки в российском обществе	66
5. Общественное и культурное положение греков в первой четверти XX века	87
Мариупольские греки	107
1. Старожильческое греческое население Крыма. Переселение его в Приазовье	108
Жизнь в Крыму и переселение	108
Обустройство в Приазовье	120
2. Жизнь на правах иностранных колонистов	145
Хозяйственный уклад греческих крестьян	145
Домашняя жизнь на селе	163
Одежда сельских жителей	174
Домашние промыслы	184
Село и город	191
3. Граждане пореформенной России	209
Греческий округ в пореформенное время	209
Внешний облик села	231
Народный костюм: старина и новшества	238
Прикладное искусство	251
Греческая диаспора в первой половине и середине XX века	263
1. Мариупольские греки: общественная и хозяйственная жизнь	264
2. Национальная политика правительства. Культура и просвещение в среде греческой диаспоры	287
3. Политическая ситуация в середине XX века	306
Этническая культура российских и украинских греков во второй половине XX века	317
1. Будни и праздники в приазовских селах	318
Сельский быт	318

Семья	325
Семейные обряды	332
Календарные обычаи и обряды	364
2. Этнокультурные процессы в среде греческой диаспоры	390
Приложения	405
1. Стефан Мавромихали и его потомство в России	406
2. Румейская терминология родства	482
3. Румейский фольклор	488
4. Антропологические исследования греков Приазовья	530
Принятые сокращения	559
Summary	560
Περιλήψη	566
Иллюстрации	573

ГРЕКИ РОССИИ И УКРАИНЫ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *С. И. Ващенко*

Корректор *Т. В. Христич*

Оригинал-макет *И. А. Смаришева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя».

193019, СПб., пр. Обуховской Обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53

E-mail: aletheia@rol.ru

www.orthodoxia.org/aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 22.09.2003. Формат 60×88¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 38,1. Тираж 2000 экз.

Заказ № 3286

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia